

Галина Львовна Романова Странствия Властимира

Властимир – 2

Fenzin

«Галина Романова. Странствия Властимира»: Центрполиграф; М.; 2001
ISBN 5-227-01056-0

Аннотация

Свирепые псоглавцы захватили и разграбили Резань, а князю Властимиру выкололи глаза. Друзья Властимира отправляются в длительное и опасное путешествие, чтобы вернуть князю зрение. Для этого нужно совсем немного: живая вода, которую хранит Кощей Бессмертный, и священная Чаша Грааля, которую веками безуспешно разыскивают европейские рыцари. Головокружительные приключения гарантированы...

Галина РОМАНОВА СТРАНСТВИЯ ВЛАСТИМИРА

ПРОЛОГ

Тишину леса нарушил далекий волчий вой. Волки, словно стягивая кольцо, перекликались в чаще. Эхо испуганно металось меж деревьев, подхватывая хриплые голоса. Слыша звучащую в них бессильную ярость и ненависть, припадали к земле птицы, а звери спешили убраться прочь.

Собравшись в одном месте, через какое-то время волчий перебой опять растянулся веером, будто звери окружали оленя, выгнулся подковой и пошел по лесу, далеко выставляя рукава загона. Середина стаи отстала, но оттуда в стороны неслись завывания, что руководили всей охотой. Рукава, повинувшись им, вытянулись, потом пошли встречь друг другу. Новый вой прозвучал в притихшем лесу, и различные его отголоски стали сходиться — кольцо замкнулось, теперь надо было стянуть петлю и настичь того, кто попался.

Но вместо торжества победы в волчьих голосах вдруг зазвучала ярость поражения — ловушка оказалась пуста. Вздохнувшие было спокойно звери и птицы опять в страхе

припали к земле и поспешили в гнезда и норы — волки после неудачи могли продолжить охоту уже на них.

Перебой стаи сменился новым призывом — волки опять растягивались цепью, упорно продолжая облаву на известную только им дичь.

Хищники наступали бесшумно, неотвратно, как смерть, — только вой направляющего их вожака слышался в лесу; этого было достаточно для того, чтобы не только звери лесные, но и русалки-мавки¹, лешие и прочая лесная живность попрятались кто куда и не спешили высовываться.

Легкий треск хрустящих под чьей-то ногою сухих прошлогодних листьев и мелких веточек нарушал тишину приготовившегося к нашествию леса. Притаившиеся в норах звери не видели, кого гонят волки.

По лесу, не разбирая дороги, бежала молодая женщина, прижимая к себе годовалого младенца. Платок ее остался на колючих кустах, косы растрепались, подол дорогого, шитого золотом платья был заляпан грязью и чуть порван с одного края. Задышавшись, она еле шла, но, услышав новый звериный вопль, опять прибавила шаг. Ребенок молчал испуганно, хотя кривил ротик, порываясь заплакать.

Беглянка с разбегу скатилась в овраг, ободрав ноги, с трудом, помогая себе одной рукой, влезла на склон и там прислонилась к березе, тяжело дыша и с трудом сдерживая рыдания. Слезы все-таки побежали по ее щекам, и, почувствовав их, ребенок захныкал. Мать принялась торопливо утешать его, шепча что-то сухим ртом, и он понемногу успокоился.

Новый вой, в котором слышалась злая радость, заставил ее с ужасом оглянуться. Протянув руку назад, она быстро заговорила, частя и путаясь, заговор-отворот. Но вой звучал не переставая. Она резко выпрямилась и опять двинулась куда глаза глядят.

Вой раздавался все ближе и ближе, но у женщины не осталось времени и сил для того, чтобы уйти от погони. Только страх за ребенка, что все теснее прижимался к ней, гнал ее вперед — будь она одна, она бы давно остановилась, отдавшись судьбе.

Неожиданно прямо перед нею трава раздалась, пропуская двух волков. Совершенно одинаковые, если не считать косого, почти заросшего шрама на лапе одного из них, крупные, седатые, с горбоносими мордами и пристальным взглядом желтых глаз, они угрюмо посмотрели на отпрянувшую в страхе женщину и, выждав немного, приблизились.

Прижав ребенка к груди, беглянка не смела пошевелиться. Потом она углядела шрам на лапе одного из зверей. Это ее так поразило, что она села на траву.

Звери подошли вплотную. Один из них перекувыркнулся через голову — и на земле перед женщиной очутился, поджав ноги, юноша не старше восемнадцати лет, одетый в звериные шкуры, с лохматыми белыми волосами, отросшими ниже плеч.

— Веденя, — тихо позвал он, — ты не узнала нас?

Та прерывисто вздохнула:

— Спервоначалу нет... Потом только, по Яровому шраму. Второй волк, не глядя на нее, повилял хвостом.

— А мы сразу тебя признали.—Явор по-собачьи склонил, голову набок. — Сын?

— Сын, — кивнула Веденя.

— Красивый. На князя похож...

Вспомнив о муже, Веденя закусила губу и отвернулась, скрывая слезы. Издалека донесся вой волков, и она вздрогнула, порываясь вскочить.

— Неужто это за тобой? — с беспокойством спросил Явор, прислушиваясь.

Веденя кивнула, сдерживая рыдания.

— Звери лесные?.. Но как же это могло случиться? — недоумевал юноша. — Как же князь мог допустить, чтобы ты оказалась здесь, так далеко от города и от него?..

— Города, — тихо молвила Веденя, низя глаза, — города больше нет...

---

¹ Мавка — в восточнославянской мифологии водяной дух, русалка. (Примеч. автора.)

Она тихо заплакала, прижимаясь лицом к сыну.

— А князь?

Вместо ответа Веденея зарыдала в голос.

Вой послышался так близко, что Явор, бросившись к ней, зажал ей рот рукой. На спине Ярока шерсть встала дыбом, он поджал хвост и тихо зарычал.

— Ты потом нам расскажешь, — быстро молвил Явор, — теперь уходить надобно. Садись на Ярока — он отвезет тебя. А я их уведу!

Ярок молча подставил спину. Княгиня села на оборотня, и он вихрем помчался прочь. Явор остался на месте, прислушиваясь к завываниям стаи.

Перевои опять растянулись в подкову, охватывая лес с боков. Края загона оторвались от середины, но потом двинулись навстречу друг другу, замыкая кольцо. Где-то в чаще они встретились, и лес огласил торжествующий победный клич.

Часть I

ГЛАВА 1

Лес в начале лета еще полон птичьими голосами. С утра до позднего вечера звучат пересвисты под кустами и в траве. Им вторят кузнечики-кузнецы, пчелы и по вечерам, в ясную погоду, лягушки.

День только что перевалил за вторую половину. Уже довольно жарко, но в тени деревьев сохраняется прохлада, хотя нет и самого слабого ветерка. Птичий хор звенит, то замолкая, то нарастая вновь, как волны на реке. Порой в него врезается частая дробь дятла или крик вороны. Лес живет — звучит.

Сквозь неумолчный птичий переклик с трудом можно различить тихий приглушенный топот копыт, раздающийся все ближе и ближе, — одинокий всадник не спешит — его лошадь идет мерным шагом, то и дело приостанавливаясь, словно отдыхая в тенистом лесу, где человек успел оставить только тропинки, которые так легко принять за звериные. Лесные жители даже не умолкают при его приближении — только русалки, что греются в лучах лесного редкого солнышка на мелководье, неспешно уходят в глубину.

Всадник выезжает по тропе ближе к бережку маленького озера, затаившегося под кронами развесистых ветел. Он так необычен, что русалки, оставив страх, высовывают головы из воды и потихоньку разглядывают его.

Под всадником низкорослый песочно-желтый плотный и сильный степной конек с долгой косматой гривой. Конек бредет ровным шагом, приостанавливается на миг, срывает траву и жует на ходу.

Сам всадник покачивается в седле, чуть наклонившись вперед. Он под стать своему коню — такой же невысокий, коренастый, с чуть желтоватой кожей и смазанными жиром заплетенными в косу черными волосами. Его одежда сшита из хорошо выделанной кожи, но поверх распахнутой куртки накинута полосатая халата из дорогой иноземной ткани. Расшитая перевязь удерживает саблю в дорогах ножнах. За голенищем точно так же расшитого сапога с загнутым носом торчит рукоять ножа. Круглый щит и сильно изогнутый короткий лук в колчане висят сбоку седла, над притороченными в двух мешках вещами всадника. По лицу, одежде, оружию видно сразу, что это — хазарин или кто-то из восточных степей. Он здесь совершенно один, что странно — обычно степняки не ходят в одиночку. Но этот не заблудился — видимо, одиночество его несколько не тревожит.

Впрочем, степняк не один. Позади него на крупе коня сидит мальчик — отрок не старше двенадцати лет. Это самый обычный парнишка, каких можно встретить в любой деревне или на городской улице: светловолосый и сероглазый, в линялой рубаше и лаптях. Только если приглядеться, можно рассмотреть, что отрок подпоясан пеньковой веревкой, другой конец которой накрепко прикручен к седлу степняка. Мальчик вертит головой во все стороны, оглядываясь, но не делает попытки сбежать.

Степняк, похоже, дремлет в седле, но его конь идет ровно. Он будет идти так, пока не упрется в преграду или же пока хозяин не проснется и не остановит его.

Степняк задремал крепко — голова его совсем упала на грудь, он вцепился в луку седла скрюченными пальцами. Из полуоткрытого рта послышался свистящий храп.

Неожиданно вдалеке что-то зашевелилось. Конь вскинул голову, но человек не проснулся. Из чащи послышался вой — так волк-отец, возвращаясь домой, в логово, дает знать волчице, что идет с добычей. Конь всхрапнул, но продолжал идти.

Волк спел свое, и все стихло.

Внезапно в ноздри лошади ударил резкий запах зверя. Конь остановился — волки были не где-то там, в чаще, — волки были рядом, впереди и сбоку. Он замер, вскинув голову и будя хозяина храпом.

От резкого толчка степняк проснулся и тоже сразу учуял запах зверя. Натягивая повод, он хватанул из ножен саблю, но в это время кусты раздались — и она так и осталась в ножнах.

Перед степняком стоял человек.

Впрочем, так можно было подумать лишь в первый миг. Незнакомец был закутан в сшитую из мехов и плохо выделанных шкур одежду, оставлявшую открытыми его сильные ноги и руки. Плетеный пояс туго перетягивал ее в талии. На поясе висел кривой нож, за плечом виднелся длинный почти прямой лук. На этом сходство с человеком кончалось — голова у незнакомца больше походила на волчью или собачью — выпуклый лоб, вытянутые челюсти, раскосые желтовато-алые глаза, острые, торчащие на макушке уши. Человек и лошадь с равным испугом уставились на лесного жителя, а тот вдруг оскалился, показывая клыки, и резко рывкнул что-то.

Степняк дернул повод коня, пытаясь развернуть его назад, но было поздно. Лес вокруг ожил — отовсюду повыскакивали полуволки и накинулись на всадника.

Сразу пять или шесть рук вцепились в него, кто-то выдернул из ножен саблю. Рванувшись, всадник стряхнул с себя врагов и достал нож. Первый же зверь завыл от ярости и боли, когда лезвие вошло в его грудь до рукояти. Сжав коленями бока коня, всадник размахивал ножом направо и налево. Конь крутился на месте, ловя волков зубами. Ему удалось схватить одного за поросший шерстью загривок, и он встряхнул его, как привык трясти волков в родных степях. Раненый завизжал, как щенок, и вырвался, оставив в зубах коня клочок шерсти.

Всадник и конь были единым бойцом. Будь у человека сабля, он бы без труда пробился сквозь заслон и ускакал, доверившись коню и чаще леса. Но с ножом разогнать толпу было труднее.

Вожак, что вышел на тропу первым, немного понаблюдав за битвой и скинул с плеча лук. Вложив стрелу, он прицелился, помедлил, выжидая, и выстрелил.

Всадник покачнувшись в седле, схватившись за плечо, из которого торчало еще подрагивающее оперение. Стрела ушла в плечо почти до половины, и ее кончик проткнул кожу спины.

Зверям оказалось достаточно мгновенной слабости противника. Они набросились на него, стащили с коня, разрывая одежду и скручивая плетеными поясами.

Когда пленник был надежно связан, вожак подошел к нему вплотную. Тот вгляделся в морду зверя на человеческом теле и только сейчас вспомнил, как зовется этот народ. Вся степь и дальние земли за пустынями, куда ему в юности случалось ходить в набеги, знали этих существ под именем псоглавцев. Человекозвери жили обычно в степях или полупустынях, избегая любых зарослей. Что же привело их так далеко на север, в резанские леса, на берега Оки?

Вожак склонился над пленником.

— Видишь, что ты наделал? — прорычал он зло. — Теперь ты за это заплатишься.

Он указал на раненого молодого зверя, вся грудь которого была залита кровью. Тот еле дышал, вытянувшись на земле, что тоже пропитывалась его кровью.

— Если он умрет, ты тоже будешь убит. И съеден!

— Не он один, Гао! — вдруг подал голос один из псоглавцев. Вожак вскинул голову.

Трое зверей успели поймать коня незнакомца и теперь держали его за узду, обороняясь от зубов степного жеребца сухими палками, которые совали в нос порывающегося куснуть их коня. Один из псоглавцев, обхватив поперек туловища, держал перед собой мальчишку.

— Что это? — поморщился Гао.

— Так, детеныш... Сидел на лошади. Когда мы спихнули этого, — волк пнул ногой степняка, — он поймал повод и хотел ускакать, да мы не дали... Тоже кусается...

Гао осмотрел нового пленника и заметил веревку.

— А это что? — Он дернул за кончик и повернулся к степняку — Твое мясо?

Отрок вздрогнул. Тогда вожак перерезал веревку и велел державшему мальчика охотнику:

— Тащи домой — там разберемся.

Псоглавцы действовали споро — четверо повели упирающегося коня, трое потащили степняка, остальные — кто поднял раненого молодого волка, кто поспешил вперед, предупредить своих.

Притихший лес опять зазвенел птичьими голосами, будто ничего не случилось. Псоглавцы двигались столь бесшумно, что казались тенями — только взвизгивал и фыркал конь.

В самой густой чаще леса, где, казалось, даже леший чувствует себя неудобно, кроны дубов скрывали бурелом. Через него шла одна маленькая узкая тропинка, со всех сторон окруженная сушняком и валежником, в котором кто угодно мог поломать ноги. Даже проложившие ее псоглавцы, случалось, спотыкались и запинаясь на корнях и обломках сучьев.

Тропа вела куда-то вниз — глаз пленникам не завязывали, и они могли видеть склон оврага, в который спускались.

Толстые деревья окружали его, на дне росла теперь уже вытоптанная трава. Тишину нарушало бормотание ручейка. В траве под ногами зверей зачмокала вода.

Псоглавцы прошли по дну оврага почти половину версты, когда лес неожиданно расступился и отряд вышел на просторную поляну. Вокруг нее теснились дремучие заросли, но на ней росло лишь несколько тонких, невесть как уцелевших березок и осин, и чуть в стороне, на опушке, стеной стояли дубы.

В центре поляны на траве были раскинута шатры из насаженных на палки шкур. Полог каждого шатра был откинут, и перед ним горел костер. Всюду валялись звериные черепа и обглоданные кости.

Степняка, как мешок, бросили на траву, его коня привязали к двум деревьям потолще. Рядом посадили мальчика.

Хазарин, лежа на боку, рассматривал своих врагов. Кроме отряда, что привел его, здесь было еще два десятка псоглавцев, но шатры могли вместить и до сотни бойцов. В лагере были две или три волчицы — их можно было отличить по голосам и манерам — не таким грубым, как у волков. Они варили в глиняных котлах какую-то еду и даже не повернули головы навстречу волкам.

Раненого псоглавца положили на землю. Он так ослаб, что уже не подавал признаков жизни. Увидев его, оставшиеся на стоянке загалдели сурово. В их голосах хазарин различал одно часто повторяющееся слово — “смерть”. Он вспомнил, что это племя съедает всех своих пленников и даже, если охота была неудачна, убивает самых слабых из стаи. Если этот молодой волк умрет, съедят и его, смешав его мясо с мясом человека.

Вожак вышел вперед и указал на пленника.

— Вот этот человек, так похожий на тех, кто убивал нас без жалости в степи, ныне явился сюда за нами. Очевидно, его послали люди разведать, где прячется наше племя, чтобы потом его можно было окружить и уничтожить. Но рок на нашей стороне — мы поймали соглядатая. Когда мы остановили его, он напал на нас и ранил одного из наших. Как

мы должны поступить с ним?

— Съесть! — хором рявкнули волки. — Съесть соглядатая и убийцу!

Гао махнул рукой, подзывая волчиц. Две из них, оставив товарок следить за огнем, подошли, вытирая грязные ножи о свою одежду.

— Погодите! — воскликнул хазарин. — Вы не можете этого сделать! Я не соглядайте! Я не следил за вами — я просто ехал мимо и... Я невиновен!

Гао склонился к нему и оскалился:

— Ты не следил за нами? Тогда что же ты, житель степи, делаешь здесь?

Хазарин гордо выпятил грудь:

— Я стал широко известен у себя на родине, когда неожиданно до меня дошли слухи о здешнем владыке, повелителе этих земель, конязе Властимире из города Резани. Он совершил столько подвигов, что мне говорили: “Сухман-ака, этот человек сделал больше, чем ты и трое таких, как ты. Ты должен признать его первенство...” Меня огорчили и заинтересовали эти слова, и я решил съездить в его город, посмотреть на коняжа, что поднимался в небо, опускался под землю, перелетал море, как птица, и сражался с шайтанами² и дэвами³, побивая их одним ударом. Я собрался и отправился в путь. Мне указали, где находится Резань. Я был в двух днях пути от нее...

— А теперь ты дальше от нее, чем от своего города, — довольно оскалился Гао. — Ты опоздал, любопытный чужеземец, — твоей Резани больше нет!

От удивления хазарин резко сел. Псоглавцы довольно закивали головами.

— Как — нет? — вскричал он. — Или город сей, ровно дворцы джиннов, исчез в одну ночь, унесенный в другие страны? Или дэв разрушил его?.. Но что же тогда коназ?..

Гао огляделся и наподдал что-то округлое ногой.

— Князя Резанского мы съели, — довольно похвалился волк, — Не осталось даже его зубов.

Хазарин отпрянул, когда странный предмет подкатился к самым его ногам. Это был человеческий череп, полностью очищенный от мяса и крови.

— Видишь, — облизнулся Гао, — не богатырь и не полубог твой коназ из Резани, а самый обычный человек, каких много тут побывало. И он ничем не отличался от других: ни вкусом, ни видом. Люди все одинаковы, в чем ты уже не сможешь убедиться... Кстати, раз вспомнил... — Гао склонился к самому лицу хазарина, — этот хилый мальчишка случайно не из Резани?

— Нет. Это раб мой — я купил его на торгу в Сарае перед тем, как переправиться через Итиль⁴. Он мне дорого обошелся, а оказался строптив не в меру...

— Ну, это не важно — от дурного нрава вкус мяса не меняется. А откормим — вообще сладким будет!

— Гао, — позвал один из псоглавцев. — Он умер! Вожак выпрямился и закричал:

— Раз так — убить пленника!

Несколько псоглавцев бросились на хазарина. Связанный, он не мог дать им отпор. Голову за волосы оттянули назад, и одна из волчиц перерезала ему глотку.

Когда убитый перестал дергаться, его отпустили. Старая волчица принялась за разделку, а другая, помоложе, так же молча и спокойно стала свежевать умершего волка.

Псоглавцы занялись подготовкой к обеду — кто-то пошел за дровами, кто-то помогал разделывать мясо: кроме человека, сегодня были убиты два оленя. Гао некоторое время следил за своим племенем, потом приказал:

---

² Шайтан — в мусульманской мифологии одно из имен дьявола, а также одна из категорий джиннов.

³ Дэвы — в иранской мифологии злые духи.

⁴ Итиль — название Волги у хазар.

— Коня забьем позже. А мальчишку — откармливать. К осени зажиреет!

Мальчик испуганно прижался к дереву, когда один из волков приблизился к нему. Псоглавец легко вскинул его на плечо и потащил к дубам, что росли чуть поодаль. От крайнего шатра до первого дерева было шагов десять.

Под развесистыми кронами царил полумрак. Такой густой, что даже травы здесь было мало. Землю устилали опавшие листья и мелкие сучки, хрустящие под ногами.

Пленника сбросили на землю. Псоглавец прижал его коленом к земле, чтобы он не сбежал, и обмотал его талию сыромятным ремнем, что когда-то играл роль пояса. Другой конец ремня прикрутил к выступающему корню дуба.

— Сиди здесь, — сказал псоглавец. — Позже поесть принесем. Ты должен много есть! — И убежал к шатрам, поскольку вся стая уже рассаживалась у костров.

Ветер доносил запах жареного мяса и дыма. Не дожидаясь, пока обед будет готов, волки жарили кусочки мяса на пламени, и сок, стекая на угли, шипел, распространяя удушливый приторный запах горелой крови. Волчицы разливали варево.

Одну миску, долбленную из черепа какого-то зверя, волчица наполнила до краев. Гао, которому она предназначалась, отмахнулся от угощения и жестом приказал волчице отнести варево под дубы.

Та капризно оскалилась.

— Не буду его кормить больше, — сказала она и отвернулась. Гао поймал ее за шкуру.

— Будешь! — рявкнул он. — Не его, так мальчишку! Забыла, что ли, что я его откармливаю?

Волчица смирилась и приняла миску.

Когда мальчик увидел, что один из зверей идет к нему с дымящейся миской варева, от которой исходил явственный мясной дух, он побелел и шарахнулся прочь так далеко, как позволял ремень на поясе. Ему показалось, что это — похлебка из мяса хазарина.

Волчица оскалилась, показывая все клыки до десен, и, присев подле, поставила миску на землю.

— Ешь, — сказала она. — Это тебе. Ты должен много есть. Она улыбалась, но мальчик смотрел на ее клыки и отползал все дальше, пока ремень не натянулся.

Волчица придвинулась ближе и протянула миску

— Ешь, — повторила она. Это тебе. Не бойся.

— Я не буду есть, — прошептал мальчик.

— Это не твой хозяин, — успокоила его волчица. — Не бойся — сегодня наши поймали оленя. Это оленина. Ешь.

— Все равно не буду, — повторил он.

— Как знаешь. — Волчица поставила миску в расщелину между двумя корнями, — Когда остынет и станет невкусной, ты захочешь есть... Все рано или поздно хотят есть — даже такие упрямые.

— А я все равно не буду! — Мальчик опрокинул миску, пролив варево.

— Ну и глупо. — Волчица поднялась, ничуть не огорченная. — Значит, сегодня тебе больше ничего не достанется. А если и завтра ты запоешь то же самое, тобой займется сам Гао. А после этого кто угодно будет и есть и пить.

Забрав миску, она ушла. Мальчик погрозил ей вслед кулаком.

Он был настроен решительно. Он не покорится этим чудовищам, не похожим ни на людей, ни на зверей. Но ближе к вечеру, когда среди шатров опять загорелись костры и по поляне пополз запах жареного, мальчик почувствовал голод. Хазарин кормил его мало и плохо, считая, что голод усмиряет лучше плети. Сегодня утром он вообще забыл покормить своего раба, а теперь и вовсе позаботиться о нем некому.

В животе что-то урчало, требуя пищи. Мальчик смотрел на костры, на ходящих меж ними волков — они и вправду разделявали тушу оленя, подвесив ее за заднюю ногу. Они бродили совсем близко, и он, натянув ремень, подполз ближе и попробовал обратить на себя их внимание.

— Эй! — позвал он чуть слышно. — Эй, вы! Я есть хочу... Проходящая мимо волчица покосилась на него и оскалилась.

— Можно мне кусочек? — позвал он ее. — Самый маленький...

Волчица рассмеялась и ушла. Мальчик видел, как она что-то тихо сказала вожаку. Вожак посмотрел на мальчика и кивнул.

Тот обрадовался, что ему сейчас дадут поесть, но волчица и не думала приближаться.

Было ясно, что поесть он сможет только завтра. Чтобы не будить в себе мыслей о еде, мальчик забился под самые корни дуба так, чтобы не видеть костров. Но отблески пламени все равно были заметны, а запах жареного мяса долетал и сюда. Обхватив колени руками, чтобы сдавить живот, мальчик терпел и дожидался утра.

Над его головой мягко шелестела листва дубов. Хотя ветра и не было, в кронах все время раздавался шепот и шорох, словно могучие деревья шептались между собой о чем-то своем. Невольно заслушавшись их мерных спокойных голосов, мальчик различил вдруг явственный вздох. Ему показалось, что дуб, под которым он сидел, из листвы углядел его печаль и жалеет его. В благодарность мальчик прижался спиной к стволу и тихо промолвил:

— За добро исполать⁵ тебе, князь лесной! Все ты видишь, все тебе ведомо. Помоги мне — защити, укрой от этих тварей невиданных. Ты же все можешь — и то, что витязям и богатырям-богам не под силу. Помоги! Перуновым⁶ светлым именем заклинаю тебя!

Он вскинул голову и увидел, что дуб и в самом деле необычный: поперек толстого ствола, несколько раз опоясывая его, шла железная цепь. Местами она уже натерла кору, содрала чешую, словно дубу было тесно в таком поясе, и он, как богатырь, поводит могучими плечами, пытаясь освободиться. Мальчик приник к стволу, стоя на коленях и пытаясь дотянуться до цепи.

— Помоги мне, Перунов Дуб, — позвал он. В листве опять пронесся тихий шелест.

— Прости, но я вряд ли чем смогу тебе помочь, — послышался голос.

От удивления мальчик отскочил от дерева — дуб заговорил с ним!

— Кто ты? — воскликнул он. — Человек зачарованный или бог?

— Тише говори, — вновь прозвучал тот же голос, но на сей раз в нем ясно слышались тревога и горечь. — Они могут услышать, и тогда несдобровать тебе... Ведь ты так молод... Ты правда молод?

Мальчик прислушался — в речах этих было что-то странное.

— Кто ты? — повторил он, — И где?

— Насколько я понимаю, под дубом, но я не вижу тебя и не смогу увидеть. Так что тебе придется поискать меня самому.

Мальчик завертел головой. Голос звучал совсем близко — только протяни руку.

Кто-то переступил с ноги на ногу позади него, в чаше. Мальчик обернулся — и застыл.

Совсем рядом с его дубом стоял второй — между ними было не более сажени. Тот, второй, дуб тоже был опутан цепью. К дубам с двух сторон был прикован незнакомый человек.

Он стоял чуть расставив ноги. Грудь его и заведенные назад руки опутывала цепь такой длины, что при случае он мог позволить себе и лечь. Звенья врезались в плечи, стягивая их так туго, что человек не мог слишком глубоко вздохнуть. Одежда его, когда-то добротная и дорогая, из иноземного сукна с шитьем, порвалась, а цепь на плечах и руках натирала кожу. Темное строгое лицо осунулось от постоянной тревоги и тяжких дум. В его взгляде не было ничего завораживающего — если не может быть ничего завораживающего в двух пустых глазницах, из которых на щеки сочится подсыхающая кровь.

---

⁵ Исполать — на многая лета (др.-рус.),

⁶ Перун — в славянской мифологии бог грозы, грома, покровитель военной дружины и ее предводителя-князя.

Мальчик с открытым ртом созерцал слепца. Тот повернул голову в его сторону. Взгляд пустых глазниц был ужасен, и отрок мгновенно отполз так далеко, как позволял ремень.

Пленник болезненно нахмурился.

— Я испугал тебя? — печально спросил он. — А жаль, ведь я не могу причинить тебе вреда...

Из-за цепей, что надежно удерживали его на месте, человек и правда не мог бы его ударить, даже если бы и захотел, а потому мальчик осмелел и придвинулся чуть ближе.

— И вовсе я тебя не боюсь, — стараясь, чтобы его голос звучал уверенно, сказал он. — Я просто так, от неожиданности... думал, что это сам Перун...

— Перун далек — до него не дозовешься в трудный час, — возразил пленник. — Скажи-ка лучше, кто ты и как тебя зовут... Ты, верно, еще отрок?

— Мне одиннадцать лет по весне сровнялось, — ответил мальчик. — Имя мне Лютик... вырасту — Лютовидом буду.

— Лютик, — повторил пленник, лаская имя голосом. — Откуда ты?

— Того не ведаю — хозяин меня в Сарае купил весною, когда в Резанские земли отправлялся. До того как захватили нас с маткой, жили в деревне, очень далеко отсюда, а где — не знаю...

Вспомнив мать и родные места, Лютик загрустил, но пленник спрашивал:

— В Резанские земли? Не в Резань ли?

— В нее самую. Хозяин мой все хотел встретиться с князем Резанским, Властимиром, — себя показать да на него посмотреть... Хозяин-то мой откуда-то издалека. Он город называл, да я забыл. Туда молва о князе Резанском дошла и говорили, что он столько подвигов совершил, что хозяин мой не во все поверил и захотел сам с ним поговорить.

Пленник неожиданно улыбнулся, и его лицо, казавшееся уже немолодым, вдруг словно расцвело.

— Молва, говоришь, дошла? — переспросил он, — Дивно говоришь... А где теперь твой хозяин?

Лютик сжался в комок.

— Нету его, — молвил он тихо. — Звери эти съели его... И сейчас еще едят. Они и князя Резанского съели, — Он шмыгнул носом, вытирая ладонью лицо. — Хозяин хотя и бил меня и вообще, но он так много про того князя мне в дороге поведал, что я подумал: приедем в Резань, улучу час малый и в ноги князю кинусь, упрошу меня у хозяина выкупить... А теперь...

Он готов был заплакать, но вспомнил, что рядом с ним стоит человек, которому еще больнее, чем ему. Это заставило Лютика взять себя в руки и успокоиться.

Пленник, похоже, расстроился. Он поник головой и тяжело вздохнул. Вздох его был так тяжел, что мальчик утратил последний страх и подполз совсем близко, робко коснувшись заведенной назад руки.

Почувствовав прикосновение отрока, пленник повернул в его сторону лицо.

— Прости меня еще раз, — скорбно молвил он. — Ты меня о помощи просить надеялся, а я дважды надежды твои в прах обратил.

— Так ты что же, — ахнул мальчик, — и есть...

— Тот самый князь, к которому твой хозяин издалека путь держал, — сурово кивнул мужчина.

— Не может быть! — воскликнул Лютик.

— Сказал же я тебе — не кричи! Иначе они услышат наши речи, а я столько времени с человеком не разговаривал! Хочешь сам погибнуть и меня погубить? Молчи!

Лютик вспомнил, где они находятся, и в знак того, что понимает все, прижался к ногам князя. Вывернув шею, тот склонил в его сторону голову.

— Слушай меня, Лютик, — вдруг быстро шепнул он, и в его голосе уже не было печали и горечи. — Можешь ли ты помочь мне на свободу вырваться, за город мой

порушенный, за людей убитых отомстить, сокрушить нечисть волосатую, зверей лютых?

Мальчик оглянулся на стаю. Уже темнело, костры горели ярким пламенем, между ними бродили или сидели волки. Слышались тихие голоса. Кто-то тихо подвывал себе под нос. Несколько сторожей стояли, опершись на копья и глядя в небо. На пленников под дубом никто внимания не обращал: слепец и мальчик не представляли опасности.

— Не могу я отсюда вырваться, — торопливо заговорил князь, — слишком уж цепи крепки да толсты. Я не раз пробовал освободиться, да куда мне без глаз-то?..

— А за что их тебе вырвали? Князь покачал головой:

— Не о том речь, Лютик. Коли вырвусь, за все они расплатятся сполна и вдосталь. Уж я заставлю их обо всем пожалеть — и что на землю мою пришли, и что вообще на свет родились...

— Понял я, о чем ты просишь меня, но разве я могу их разорвать? Тут богатырская сила надобна. — Лютик потрогал цепь — толщиной она была почти в половину его руки. Трудно было помыслить, чтобы ее мог порвать человек.

— Цепи эти не твоя забота. Но сможешь ли ты достать мне трын-травы?

— А зачем тебе трава сия?

— Трын-трава дает силу и ярость. От сока ее любой человек силачом, каких свет не видывал, становится. Достать бы мне ее, хоть и малый стебелек, да сок ее на губах ощутить — и тогда не удержат меня ни цепи, ни дубы эти, даже слепота моя... не помеха будет... Можешь достать ее для меня?

— Не знаю того, — сознался Лютик. — В лесу я мало бывал, а здешних мест и вовсе не ведаю — болота или чаща... Заблужусь, а тебе ждать напрасно да надеяться... Но я попробую, — живее добавил он, видя, как при его словах опечалился князь. — Матка мне всегда говорила: "Помогать надо тем, кто тебя слабее, — потом и тебе тот, кто сильнее тебя, поможет..." Только никогда я эту траву не видел и где растет она, тоже не ведаю.

— Жена моя тебе все бы сказала, — задумчиво ответил князь. — Она в травах толк знала — все по имени различала, и они к ней, как дети, тянулись, без остатка силу чародейскую или лекарскую ей отдавали... Да только сгинула она, а где — того не ведаю. Может, уж нет ее в живых, а мне о том никто истины не скажет, нарочно молчат. — Он прервал сам себя и заговорил твердо, как ни в чем не бывало: — Слышал я, что растет трын-трава в тех местах, где живность лесная водится. О ней русалки, лешие да родичи их ведают. У них про нее и спрашивай. Дойдешь ли?

Лютик глянул на волков, что расположились вокруг костров на отдых. Отсюда до леса много ближе, чем им кажется, — нырнуть под кусты, и поминай как звали! Пока хватятся, его и след простыл. Только вдруг они и впрямь как звери дикие — по следам ходить могут, нюхом человека чуют?

Властимир медлил, молчал, не торопил отрока. Мальчик сидел у его ноги — князь чувствовал его бок.

— Что решил ты? — не выдержал слишком долгого молчания пленник — лучше уж сразу от мечты о свободе и мести праведной отказаться, чем терзаться напрасной надеждой.

Отрок ответил не сразу: он возился с чем-то невидимым, а потом все же молвил:

— Пойду я, княже. Попробую...

— Не могу я тебе присоветовать, в какую сторону идти, — потужил князь. — Сам того не видел — не ведаю...

Лютик уже не слушал его — он корпел над тугим узлом, что стягивал ремень вокруг пояса. Ремень был скользкий от крови, он уходил из пальцев червем, затянувшись насмерть. Просить ножа было не у кого, следовало надеяться на себя. В ход пошли даже зубы. К тому времени, как солнце совсем спряталось за деревья и спустилась ночь, отрок был свободен.

Лютик встал у ствола и тихо коснулся руки князя.

— Пошел я, — шепнул он и бросился прочь, пропав в траве раньше, чем Властимир успел молвить напутствие.

ГЛАВА 2

Рано уходит с поляны солнце, словно неохота ему задерживаться здесь. Где-то еще вечер, а тут уже ночь. И наутро оно не спешит показывать свой лик, обиженное или напуганное — не поймешь, чего более. Столетние дубы огораживают поляну со всех сторон. Хоть и велика она, а все равно не сразу благодатные лучи дороги к ней находят.

Волкам же что день, что ночь темная. Псоглавцы чуют восход, как степные звери издалека чуют воду. Стан зашевелился до света — отряд охотников тихо разобрал оружие и ушел в леса за добычей. Позднее встали волчицы — набрать дров для костра, натаскать воды да приготовиться к возвращению охотников.

Не своей волей пришли сюда псоглавцы. Каждый год выбирают они вожака. Чаще им становится один и тот же, но, коли подходит к нему старость, любой может занять его место. В тот год Гао решил стать первым в племени — в честном бою одолеть вожака ему не удалось, так он подстерег его ночью и, напав сзади, перерезал глотку. Утром об этом стало всем известно, и быть бы Гао убитым и съеденным, да подвернулась удача — смог он сбежать от мести. Во время блуждания по степи встретил он странных существ, что сияли как солнце. Незнакомцы предложили Гао поход на север и пообещали, что, вернувшись с победой и богатой добычей, сможет он стать вожаком, никто тогда слова против не скажет. Собрал Гао таких же, как он, бродяг-одиночек три сотни с малым и пошел, куда указывали.

Только под стенами крепости он случаем узнал, что город тот называется Резань и что у сияющих существ с Резанским князем старые счеты. Светящиеся существа дали Гао силу и повернули удачу в его сторону: ночью открыли ворота да ход старый указали. Слишком поздно ворвавшихся встретили копыта, мечи и стрелы. Силы были неравны — за три дня до того появились на юге степняки, что каждый год на Резань ходят, ровно солнце по небу, — хоть время по ним отмеряй! Ушел им навстречу князь Властимир с войском, не было его поблизости, только жена его с сыном малым да брат младший.

Аги — так называли по-своему Агентов псоглавцы — и Гао, узнав, что князя в Резани нет, города грабить не велели. Приказали только захватить княгиню с ребенком.

На дымы пожара и шум боя к городу с двух сторон вышли небольшой отряд хазар, что откололся от основного войска, и возвращавшийся с битвы Властимир. Удалось ему отбросить степняков за реку, ушли они в сторону, отправились к западу. Степняки вышли к Резани всего на полдня раньше князя и только начали грабеж и бой. Налетел Властимир, смел со стен горящих да улиц загаженных незадачливых налетчиков и только потом от уцелевших горожан вызнал, что увезли его жену дикие люди, на собак видом схожие, невесть куда.

Оставив половину войска в городе на случай, если Степь вернется, Властимир бросился в погоню.

В чаще на берегу Прони ждала его засада. Псоглавцы устроились хитро, пока резанцы не оказались в кольце, даже Властимир ничего не заподозрил.

Сеча была страшная — волки не потеряли на осаде Резани и трех десятков, а с князем было меньше сотни воинов. Звери ударили в спину, но не учли, что бьются не с горожанами, которые от случая к случаю за оружие берутся, а с настоящим войском, князю своему до смертного часа преданным. Прорвались резанцы сквозь кольцо, разметали стоящих на пути врагов. Те рассеялись по лесу, а с ними исчезла и княгиня...

Три дня гонялся Властимир за зверями по горячим следам, на четвертый, ночь не спав, почти всех заводных коней поморив и людей измотав, настиг волков.

Люди, ни часа не передохнув после похода, накнулись на стан. Было их один против четверых, да десяток самых верных сразу отрядил Властимир — прорвавшись, найти жену и сына и уходить с ними подальше, куда глаза глядят, хоть к Чернигову, хоть к Мурому...

Как в воду глядел Резанский князь — окружили отряд волки, и полег он почти весь. Спаслись только те резанцы, что с княгиней ускакали, и те, что в самый последний миг из кольца выскочили и ушли в никуда, насмерть загоняя коней.

Властимира и еще нескольких воинов взяли живьем, арканами скинули с седел. Всех, кроме самого Властимира, волки забили и съели. Ему жизнь оставили, но, для того чтобы не сбежал резанец, вырвали ему глаза.

Псоглавцы еще дважды ходили под Резань, но город держался настороженно. Отряд волков постоянно сторожил дороги—не объявится ли княгиня. Все было тихо. Веденея либо пропала где в лесах и болотах, либо подалась в другие земли — в резанской стороне ее точно не было.

Стан волков оживал. Вернулись охотники, принесли свежее мясо. Волчицы сустились, готовя еду. Отряд воинов собирался в дорогу Гао выбрался из шатра, окинул взглядом стан. Пора бы ему самому наведаться к Резани — с конца весны они там не были.

Молодая волчица, почерпнув из закипающего котла варево, отправилась под дубы покормить мальчика.

Из-под деревьев донесся ее тревожный крик. Побросав дела, волки кинулись к ней, но она уже сама бежала к Гао.

— Сбежал! Человеческий детеныш сбежал! — крикнула она.

— Как? Куда? — рявкнул вожак,

— Перегрыз ремень и удра! в леса, — объяснила волчица. — Он вчера очень голодный был...

Волчица побаивалась вожака, который мог примерно наказать провинившегося.

— Князь цел? — спросил Гао.

— Думаешь, что это он его освободил? — скривилась волчица. — Где ему — не дотянется, да и слепой...

— Будто у мальчишки своих глаз и рук нет, — огрызнулся вожак. — Ушел он, может, и недалеко, да вот только зачем... Просто так никто не сбегает...

Он решительно направился к дубам. Как ни легки были шаги псоглавца, Властимир услышал его заранее и вскинул голову.

Гао окинул пленника пристальным взглядом: сколько дней уже они держат его при себе, а он все не смирился, так же горд и высокомерен, как и раньше. И сейчас стоит так уверенно, словно это он, Гао, его пленник.

— Нам известно, что ночью сбежал мальчишка, что был при тебе, — сказал вожак.

Губы слепого князя чуть дрогнули:

— А он сбежал?

— Сбежал, но ты не радуйся — мы его все равно найдем и убьем. Но если хочешь облегчить его участь и сохранить ему жизнь, признавайся, куда ты его послал.

Властимир молчал, глядя пустыми глазами сквозь псоглавца. Тот почувствовал себя неуютно под мертвым взглядом и отодвинулся. Князь не пошевелился.

— Куда ты его послал? — повторил вожак. — В городе ему делать нечего — мы разрушили его до основания.

Властимир сжал зубы — волки сказали ему, что Резань погибла, не уцелело ни одного жителя.

— Или, может, ты послал его к княгине? — Гао, довольный своей догадкой, придвинулся вплотную. Князь почувствовал на лице тяжелое дыхание и запах собаки.

— Не твое дело, пес, — процедил он.

— А, ясно, он к твоей княгине подался! — обрадовался вожак, скаля зубы. — Что ж ты нам говорил, будто не ведаешь, где она прячется? Знать, отлично ты о том ведал, только с нами поделиться не желал! Но теперь отпирайся не отпирайся, а делиться секретом придется... Говори, где она!

— Того не ведаю, но ежели б и знал, вам бы не сказал, — отрезал князь.

— Знаешь, только молчишь. Но признаться придется... Властимир приготовился к худшему — сейчас волк скажет:

“Мы пошлем вдогон за твоим мальчишкой охотников, и они притащат его назад или

пойдут за ним до конца и так все выведают...” Если они узнают, за чем посылал он отрока, не видать ему трын-травы, последняя надежда на спасение пропала навек.

Но вместо этого псоглавец сказал:

— Я тебя заставлю говорить. Тебя не сломила слепота, но есть кое-что, что развяжет тебе язык... Эй, все ко мне! Я объявляю отличное развлечение!

Мир вокруг Властимира наполнился топотом, повизгиванием, тяжелым утробным дыханием. Князь понял, что его наверняка убьют, и приготовился умереть молча.

Неожиданно под дубы ворвался резкий ветер, словно сам Стрибог⁷ опустился на поляну на своей колеснице. Псоглавцы разом застыли, а потом, забыв про пленника, бросились прочь.

Властимир прислушался — издалека, быстро приближаясь, рос странно знакомый гул. Похоже было, что он уже как-то раз слышал этот звук. Не может быть, они же все погибли! Неужели где-то осталось гнездо Змей?

Псоглавцы, выскочив на поляну, в благоговейном ужасе опустили в траву, рассматривая медленно плывущую над землей огромную яркую звезду, что с тихим рокошущим гулом двигалась на них. Звезда росла в размерах и наконец стала величиной с курган в родных псоглавцам степях. Снизу полыхало жаром, да таким, что многие отползли прочь, с ужасом наблюдая, как загораются деревья и трава под ними.

Сияющий огненный шар чуть изменил форму и стал похож на куст — широкий наверху и узкий внизу, коснулся узким концом земли и замер.

Ослепленные его светом, волки не поднимали голов, а потому не заметили, как подле огненного куста возникло трое светящихся существ. Те прошли чуть вперед и позвали Гао.

Вожак вскинул морду. Он узнал Агов, которые по весне предложили ему службу, и понял, что теперь они пришли требовать платы. Псоглавец подполз и, как собака, поднял голову, ожидая приказа.

— Я здесь, о Светлый, — промолвил он. Светлыми велели называть себя неизвестные существа.

— Видим, — отозвалось одно из них, — Мы видим, что ты выполнил наш приказ только наполовину...

— Степные люди довершат то, что я не сделал, — повинился Гао. — За мной согласилось пойти так мало воинов... Если бы они знали, какая нас здесь ждет добыча, за мной отправились бы все! В моем племени тьма воинов! Но здесь нас всего три сотни, и половина стережет город...

— Ничего, ты еще сможешь взять добычу — если пойдешь назад в степи и расскажешь своим соплеменникам, как богат этот край, за которым есть другие земли, — молвил один из пришельцев. — За тобой пойдут все!

Гао чуть не завертелся волчком от радости.

— О да, о да! — взвыл он. — Я пойду, я позову их! Когда у меня будет тьма воинов, я смогу сровнять любой город с землей и взять его богатства!

— Ты получишь то, что хотел, и даже больше, — согласно кивнуло одно из существ, — но только если отдашь нам тех людей, которых мы просили достать. Где они?

Гао замялся, обернулся назад. Сказать, что он не справился со второй половиной задания? Они узнают об этом, но, если он промолчит, все может обойтись.

— Я... выполнил ваш приказ, о Светлые, — наконец промямлил он. — Все сделано, только есть одна незадача... с нею мы справимся, дайте срок, пусть самый маленький... Мы все сделаем!

Одно из существ наклонилось к нему, и вожак испуганно замолк.

— Что случилось? — произнес Аг.

---

⁷ Стрибог — одно из божеств древнерусского пантеона В “Слове о полку Игореве” ветры названы Стрибожьими внуками. Скорее всего, Стрибог считался атмосферным божеством

— Княгиня... Ее нет! — выпалил Гао.

— Почему?

— Он помог ей бежать. Мы захватили Властимира, но Веденея исчезла. Мы три дня вели на нее охоту, убили всех, кто ее защищал... Княгиня убежала в болота, где следы ее затерялись. Тут водятся какие-то болотные духи — они могли помочь ей. Мы ищем, но князь отказывается сказать, куда велел ей идти...

— Он молчит? Хорошо, подведите его к нам!

Гао торопливо вскочил и махнул волосатой рукой, отдавая приказ.

Несколько самых сильных волков бросились к дубам. Они открутили от стволов цепи и потащили Властимира к вожаку и светящимся существам.

Существа внимательно рассматривали приближающегося князя. Он шел медленным уверенным шагом. У него еще хватало сил сопротивляться. Пришельцы внимательно рассматривали каждую черточку его лица, потемневшего и постаревшего за дни плена. Им были чужды жалость и доброта — в их словаре не было таких слов, — но они понимали, что здесь ему пришлось многое пережить.

Волки резким рывком поставили князя перед пришельцами, натянули на всякий случай цепи. Взгляды слепого князя и чужаков встретились. Глаза светящихся существ горели бело-золотым огнем. Вырванные глазницы Властимира смотрели темно-розовым.

Аги склонились друг к другу, переговариваясь. Князь невольно напрягся — он чувствовал слабое тепло. Нечто подобное было с ним несколько лет назад в пещерах Змея. Он ждал первых слов и почти не удивился, услышав:

— Так вот он каков, знаменитый победитель Змея! На вид в нем ничего грозного... Ну что ж, приветствуем тебя, человек!

Князь промолчал.

— Не очень-то ты вежлив. — Агент покачал головой. — То, что я сказал, не так уж опасно...

— Мне не о чем разговаривать с тобой, Змей! — резко бросил

Властимир.

— Змей? Ты именуешь меня Змеем? Но во мне нет ничего змеиного. Ты ошибся, человек!

— У тебя змеиная душа. Я не вижу тебя — твои рабы ослепили меня, — но я чувствую смрад, исходящий от твоего тела: это смрад змеи.

Один из Агов плавно приблизился к человеку. Князь невольно отпрянул и отвернулся. Но пришелец не прикоснулся к нему. Он оглянулся на своих спутников и подал им какой-то знак. Те его поняли и отошлись. Но для волков и самого князя их разговор остался незамеченным.

— А ты достаточно силен, — обратился Аг к Властимиру. — Сколько дней ты у них?

— Я не знаю.

— Двенадцатый день, — поспешно вставил Гао. — Десять дней, как мы вырезали ему глаза. До этого он два дня был здоров. Глаза его склевали вороны. Мы пытали его...

— И он все выдержал? Этот народ просто находка для нас! — восхитился Аг и снова обратился к князю: — Слушай меня, человек. Здесь ты не жилец — никто на всей планете не сможет вернуть тебе утраченные глаза: ваш мир еще не дорос до такого. Ты проживешь всю жизнь беспомощным калекой. Конечно, люди не отвернутся от тебя — ты ведь был князем, и найдется кто-то, кто согласится ухаживать за тобой. Но ты даже на ваш век еще очень молод, ты хочешь жить нормальной жизнью, как все. Тебе будет больно и стыдно жить за чужой счет. Когда-то ты был воином, а для воина лучшая смерть — в битве, а не в постели. Медленное угасание, существование без цели. — Аг говорил, и с каждым словом плечи Властимира никли. Он признавал правду, звучащую в голосе пришельца. — Подумай, чем станет теперь твоя жизнь — ты уже ничего не сделаешь, ничего не успеешь. Ты теперь беспомощнее младенца... У того хотя бы есть мать и будущее, а что есть у тебя? Никого и ничего! Возможно, ты сможешь как-то встретиться со своей женой и ребенком. Она может

даже обрадоваться тебе... такому... Но подумай, во что потом превратится ее жизнь! Она же гораздо моложе тебя, ей захочется жить, любить, а она будет вынуждена сидеть около тебя, потому что без нее ты и шагу по дому не сделаешь, и не поешь сам! А если рядом окажется кто-то молодой и здоровый и она полюбит его? Что ей делать? Овдовев, она вышла бы за него замуж и была бы счастлива, а что ей делать подле тебя?

— Врешь, Змей, — не выдержал Властимир. — Ты не знаешь Веденеи! Она...

— Она женщина, только и всего. И она живой человек со своими чувствами. Никто не знает, как обернется жизнь... Может, она сама, устав быть для тебя глазами и руками, вложит кинжал в руку убийцы, чтобы освободиться от беспомощного уроды, калеки...

Властимир опустил голову. Впервые в жизни ему было страшно. Веденея любит его, но сможет ли она любить его таким? И увидит ли он ее? А ведь чужие люди, с которыми ему придется доживать свой век, не будут долго его терпеть.

Он не видел, как ликует Аг.

— Да, это смерть для тебя: долгая жизнь калеки на милости у чужих людей, — снова заговорил тот. — Но у тебя есть выход... На вашей планете никогда не смогут вернуть тебе утраченные глаза, но у нас дома эта операция очень легка — мы можем восстанавливать не только глаза, но и руки, ноги; можем воскрешать мертвецов, даже когда им отрубят голову! Мы могли бы взять тебя с собой и вернуть тебе глаза. У тебя будет превосходное зрение, лучше, чем у многих людей вашего мира, гораздо лучше! Ты сможешь...

Аг говорил много и долго о том, что может его народ. Властимир успел немного успокоиться и опять вскинул голову.

— Я вновь стану видеть? — перебил он пришельца. — Мне вернут мои глаза?.. Но что ты хочешь взамен?

— Ты отправишься вместе с нами и увидишь все миры, что известны нам! Конечно, придется отказаться от этой маленькой планетки на окраине Галактики, но разве одна жемчужина не дешевле целой россыпи жемчуга? Ты станешь тем, кем захочешь. Такие, как ты, нам необходимы. Ты станешь самым великим воином всех времен и народов... Если захочешь, ты прославишься на своей планете! Мы дадим тебе новое имя, громкое, красивое, достойное тебя! Оно прогремит по всей Земле, и потомки будут повторять его со страхом и почтением. Только согласись пойти с нами — и ты станешь...

— Предателем! — твердо сказал Властимир.

Аг отпрянул — столько ненависти было в голосе князя.

— Я не желаю служить вам! Один раз вы уже пытались сделать меня рабом — ваши слуги хотели, чтобы другой Властимир, в точности похожий на меня, сошел на Землю и завоевал ее вроде как для себя, а на самом деле для вас, чтобы вам было удобнее управлять людьми. Тогда я отказался и теперь откажусь. Пусть я и потом буду слепцом, ненавидимым всеми, но я не предаю своего народа и своей земли. Пусть погибла моя Резань — город будет отстроен еще не раз. Дух его жив, и вам его не уничтожить. Иди прочь! По мне, лучше смерть, чем рабство!

— Я выслушал тебя, человек, — услышал он голос пришельца. — Твой нрав мне по вкусу. Если бы ты согласился, мы бы сомневались, стоит ли доверять тебе. Но ты нам подходишь как нельзя лучше. Мы берем тебя с собой.

Властимир задохнулся, впервые за много дней чувствуя не просто страх — леденящий душу ужас. Он был слеп, связан, кругом были враги. Спротивление его сломят в первый же миг, силой отвезут к незнакомцам, и он никогда не сможет вернуться домой. Его могут просто убить, а в мир пустить еще одного двойника. Сжавшись, он ждал.

— Да, — послышался тот же мертвый голос, — ты нам подходишь. Ты боишься, но не показываешь этого внешне — внешне ты готов драться. Мы возьмем тебя с собой... Но не ранее, чем наши слуги — твои сторожа! — отыщут твою жену, чтобы тебе не было так одиноко!

Радость Властимира была так велика, что он чуть не закричал. Веденею до сих пор не сыскали — значит, она где-то далеко. Может быть, она и погибла, но князю не хотелось так

думать, как не хотелось думать, что волки могут поймать первую же попавшуюся женщину или девушку и выдать ее за Веденею.

— Даже если удастся ваша уловка, я все равно отрекись от вас! Подмоги от меня не ждите — вам придется убить меня! — молвил он.

На него пахнуло огнем — пришелец был разгневан. — Ты еще много раз попросишь у нас прощения за каждое слово, — прошипел он, — Не думай, что то, что удалось тебе однажды, так легко повторить! Удача никогда не приходит дважды. Все делают расчет и мудрость. Мы еще вернемся — за вами обоими. Готовьтесь!

Пришелец отступил. Властимира волки-охранники потащили назад, под дубы. Он не сопротивлялся, уйдя в свои думы.

Отползая от дубов, Лютик неожиданно для себя скатился в овраг. Он едва не вскрикнул, но прикусил язык и пополз прочь, прижимаясь к ковру опалой листвы. Выбравшись на поверхность недалеко от дубов, вскочил и опрометью побежал по лесу, пригибаясь и петляя как испуганный заяц. Каждую минуту он мог услышать за спиной крик: “Держи его!” — и шум погони.

На пути встал валежник, и пришлось сбавить бег. Лютик пролезал под поваленными деревьями, перепрыгивал через завалы сухих сучьев, осторожно обходил вывороченные с корнем пни. Здесь словно ожили сказки о волотах⁸, что в ярости могли вырывать дубы с корнем.

Ободрав руки и оставив где-то на суках рукав рубахи, Лютик наконец выбрался из валежника и побрел куда глаза глядят. Хотелось выбраться из леса на широкую дорогу, повстречать людей и отдохнуть возле них, но он помнил наказ князя: трын-траву знают лишь лесные и водяные жители, а они прячутся в чаще. Хотя по ночам могут выбираться к самому жилью человека,

То и дело останавливаясь и устало присаживаясь на корень или камень, Лютик бродил по лесу до рассвета. Его окружал полный мрак: пока не наткнешься на дерево, не заметишь его. Потом впереди просветлело, среди выступивших из тьмы стволов показалось окрашенное розовым небо — Заря-Заряница раскинула над миром свою сверкающую фату. Забыв про усталость, Лютик бросился на свет.

Чашоба скоро раздалась в стороны, и он оказался на крутом берегу маленького озера. От веток склонившихся к нему кустов и камыша воды почти не было видно. Сверху озерцо надежно защищали лесные великаны, сплетая ветви в единый шатер.

Распутывая травы и сучья, Лютик спустился к самой воде, замочив ноги. Но только он наклонился к озеру, как мир озарился ярким светом и что-то загудело вдалеке. Мальчик вскинул голову — ему показалось, что это само светозарное Солнце выехало на небо на золотых конях в сверкающей колеснице. Он вскинулся и понял, что до солнца еще далеко.

Нестерпимо яркий свет разливался не на востоке, позади Лютика, а на юге, чуть левее. Мальчик вспомнил, что оттуда он вышел, и понял, что что-то случилось на той поляне, где он оставил князя.

Свет и гул становились все сильнее. Лютик подумал, что волки, видать, уговорились о чем-то не то с богами, не то с какими-то еще силами и теперь пустились за ним в погоню. От охотников, идущих по следу, еще можно уйти, но от света с небес не уйдешь, не спрячешься. На стороне волков сами боги — они и силу им дают великую, и делам их не мешают.

Свет и гул стали так ярки, что слепило глаза. Не зная, куда спрятаться от всезнающих богов, Лютик заметался по берегу. Берега озера густо заросли Перуновой лозой. Ее тонкие нежные ветки, что до поры ласковы и мягки, а при случае хлещут до крови, касались его лица, словно утешали его. Лютик, не ведая, что еще может ему помочь, забился под самые

---

⁸ Волот — гигант, великан. Существует народное предание, говорящее о том, что целый народ болотов ушел под землю.

корни небольшого куста и, обхватив руками ствол, зашептал молитву-просьбу:

— Ты лоза, Перуново деревце, помоги-укрой под листвою своею! Не охотник я, не убийца я — просто я бегу от врагов своих. Ты не отдай меня, ты не выдай им — защити меня ты листвою своею!

Над ним мягко зашелестела листва, словно дерево умоляло его помолчать. Лютик покорно замолк, зажмурившись и прижавшись к шероховатой коре.

Он услышал нарастающий стон качающихся под ветром дубов. Словно огромный змей, пролетело над лесным озером нечто, так им и не увиденное. Пролетело, всколыхнув кусты и спокойные воды, — и растаяло. Только вдалеке, на севере, что-то еще ревело и постанывало в чаще.

Когда все стихло и зазвучали голоса просыпающихся лесных птиц, Лютик открыл глаза. Он прижимался щекой к стволу дерева, над ним смыкалась крона, а против его взора в частой листве открывалось окошко, чтобы он мог выглянуть и обозреть мир.

Добрый взор Зари уже упал на воды озера: вода в нем заиграла золотым и розовым, словно на глубине был сокрыт таинственный клад. Деревья распрямляли ветви, гордо вскидывали головки цветы и травы, неся жемчужно-росный убор на лепестках. Стена крапивы увешалась изумрудами. Осыпая с веток украшения, беззаботно скакали птицы, и журчание воды вторило их голосам. Забыв про все на свете: про волков, про князя, что ждет его помощи, про сверкающего и ревущего зверя, что только что пронесся над ним, Лютик, открыв рот, смотрел во все глаза.

Он выполз наполовину из-под дерева, где сидел, но никто не обратил на него внимания. Поляна не замечала маленького человека.

Вдруг стена крапивы чуть дрогнула. Не успел Лютик броситься под защиту куста, как из нее тихо выступила волчица с отвислыми сосцами. За нею осторожно высунулся волчонок: большеголовый, лохматый, глупый. Волчица сделала шаг и посмотрела на мальчика.

Лютик застыл, волчица не дрогнула. В ее желтоватых глазах он не прочел ненависти или страха — только усталость одинокой матери. Отведя тяжелый взгляд от испуганного человека, она спустилась к озеру, напилась и так же спокойно ушла прочь. Волчонок, даже не успев разыграться на поляне, побежал за нею.

“Видать, и ее с места псоглавцы стронули, — подумал Лютик, — Даже зверям лесным от них житья нету, что ж о людях-то говорить!.. Над князем они вон как изгибаются! И управы на них нет... Что же боги-то, не видят ничего?!”

Лютик уже собрался было с духом и встал, но тут новый шорох в чаще остановил его, и он опрометью бросился назад, под серо-зеленую прозрачную сень листвы. Там, закрывшись податливыми ветвями, он затаился, выглядывая нового гостя поляны.

Гость оказался совсем не страшным, даже наоборот — появившись он раньше волчицы, Лютик давно бы уже выскочил ему навстречу с криком.

С другой стороны озера, поднявшись из густой травы, к воде шла девочка его лет: невысокая, худенькая, с длинной светло-русой косой, наполовину расплетенной и разлохмаченной. Она была в длинной, до пят, белой тонкой рубашке, сквозь которую были заметны ее ноги — в Сарае Лютик видел такие полупрозрачные ткани на базаре, но не помнил, как они зовутся. Девочка по дороге сгибала стебли трав и выпивала с них росу. Она пробиралась так тихо и осторожно, что, кабы не эти стебли, Лютик подумал бы, что она ему мерещится. На —всякий случай он ущипнул себя, но это не помогло — девочка не пропала. Она спокойно дошла до озера, села на кривой корень и свесила в воду ноги. Лягушка выскочила из воды и прыгнула ей на голую коленку — девочка не завизжала, как все прочие девчонки, а ласково погладила ее по блестящей спинке.

Что она делает здесь совсем одна — то и дело в небе, тесня самого Солнце-Хорса⁹,

---

⁹ Хоре (Хорос) — древнерусское солнечное божество из пантеона князя Владимира.

летает не зверь, не птица, а чудище невиданное? Неужели она его не боится?

Лютик сам всего боялся, но тут отбросил страх и, вскочив, крикнул девочке:

— Что сидишь? Беги, спасайся!

ГЛАВА 3

Лягушка, испугавшись его крика, скакнула обратно в воду. Девочка вскинула голову. Увидев Лютика, она вскочила, завизжала и помчалась в чащу. Недобрым словом помянув девчонок, что орут из-за каждого пустяка, Лютик сорвался с места и побежал за нею вдогонку.

Девочка мчалась по лесу легко, словно на ногах у нее были крылья. Ни листок не дрогнет, ни травинка не согнется, ни веточка сухая не хрустнет. Лютик же топтал как кабан: так казалось ему самому. Он бежал за девочкой не разбирая дороги, торопясь изо всех сил, но все равно догнать ее не мог — она была далеко впереди, только мелькали ноги из-под рубахи да била по спине коса.

— Стой! Да стой же ты, дуреха! — крикнул ей Лютик, но она ровно и не слышала ничего.

Светлый силуэт мелькал далеко впереди, маня как огонек заблудшего в ночи путника. Лютик бежал, забыв, зачем гонится за нею: то ли посмотреть на нее поближе, то ли предупредить, чтобы ходила осторожнее и не попала к волкам.

Он поддал ходу и почти догнал ее, но девочка вдруг пропала, будто вовсе не бывала. Не успев остановиться, Лютик не заметил обрыва и кубарём скатился в овраг, густо заросший крапивой.

Словно тьма иголок вонзилась в него. Вскрикнув от боли, он шарахнулся — и рукой попал по чему-то мягкому и прохладному.

— Ой!

Что-то, оказавшееся живым, бросилось прочь, но Лютик успел схватить за что попало и дернул на себя.

Неизвестное существо пискнуло, как перепуганная мышь. Не разобрав во тьме, Лютик бросился на него. Существо отбивалось так яростно, что мальчик против воли держал его крепче, пока чьи-то зубы не вонзились ему в руку.

— Чего ты кусаешься! — крикнул он. — Больно же!

— Отпусти, — пропыхтело существо, придавленное его коленом. — Какой-то скаженный!

Лютик немного отодвинулся, отполз на четвереньках — и нос к носу столкнулся с девочкой, выбравшейся из листвы. Они столкнулись лбами и отпрянули с одинаковым визгом.

— Не приближайся, — тонко вскрикнула девочка и отползла.

— Ты кто? — выдохнул Лютик, делая полшага к ней.

— Тебе-то что? — Девочка отпрыгнула назад, как коза. — Не приближайся!

— Кто ты?

— А сам-то кто?

— Я — Лютик...

В глазах девочки мелькнуло неверие:

— Лютик... Скажешь тоже — на чертополох ты более похож, тоже в колючках...

— И ты не больно-то хороша, — в тон ей отозвался мальчик. — Коса растрепана, руки в грязи...

— Не надо было за мной бежать, — обиделась девочка.

— Я предупредить хотел, чтобы одна по лесу не бегала.

— А тебе-то что? Лес он что, твой, что ли? Ты, что ли, леший или лешего внук?

— Не леший я, но мне бы его поискать надобно, — объяснил Лютик и придвинулся еще.

— Я же сказала — не приближайся! — Девочка отпрянула, настороженно блестя глазами.

Лютик сел.

— И чего ты боишься меня? Я не зверь, не нечисть лесная — просто человек, Лютиком меня звать... А тебя как? — решил он пойти на мировую.

Услышав, кто он, девочка остановилась, раздумав отползать дальше по крапиве, и выпрямилась.

— Человек, говоришь? А меня Мавкой зови.

— Откуда ты, Мавка? Из какой деревни, какого города? Девочка рассмеялась:

— Город Неведомое, деревня Незнаемая... А живу я в поселке Частолесном, в доме Поддубном, на Росистой улице. Хочешь — заходи, гостем будешь!

— Что-то я ничего не понимаю, Мавка, откуда ты — толком скажи. Коли чужая да заблудилась, как я, — давай вместе на дорогу выбираться, — предложил Лютик. — Но сначала мне надобно до самого лешего доаукаться!

Девочка встала и стала собирать косу, заплетая ее на затылке.

— Откуда я — то лес густой знает да ельничек частый. Кто я — про то каждая букашка да пташка ведает, — напевно заговорила она. — Дом мой здесь — в лесу этом, в каждом озере или ручейке мне готова спаленка. Русалка я!

Лютик открыл рот и окинул ее с ног до головы пристальным взглядом. Девочка ничуть не смутилась его взора и стояла, спокойно заплетая косу.

— Ты — русалка? — выдохнул Лютик. — Но они же девы водяные, холодные, из воды глядят на путников и следят, кого к себе утащить в озеро. А ты девчонка совсем...

— А вырасту — тоже водяной девой стану, — пообещала она. — Подожди немного, может, и тебя я тогда утащу в свой дом. Будем вместе при луне на зеленых качелях качаться да песни петь. Пойдешь ко мне жить?

Она лукаво улыбнулась, сверкая зелеными глазами, но Лютик покачал головой:

— Не могу я, Мавка, правду говорю! Мне бы сперва лешего повидать да дело справиться.

— Вот заладил: лешего ему подавай. — Девочка притопнула ногой. — Да на кой тебе сдался леший-то? Что он тебе задолжал?

— Мне — ничего, но ведаешь ли ты, Мавка, о волках, что как люди говорят и ходят? Живут они недалеко отсюда, на поляне посреди валежника, а на охоту в твой лес хаживают?

Он еще не договорил, а живое личико девочки уже опечалилось.

— О волках в лесу все мы ведаем, — заговорила она тихо. — Не дают нам житья нелюди: гонят зверя из леса навсегда, ну а что за лес, коли пусто в нем? Раз задумал ты с ними справиться, то подумай еще, без гордости — сможешь ли ты с ними справиться? Ты для них — будто ветка хрупкая!

— Да не я с ними биться буду! — воскликнул Лютик. — Держат они в плену человека: не отец он мне, а все равно обещался я ему и слово свое сдержу... Просил он меня достать ему трын-травы, чтобы силу ощутить, что зверями этими отнята. Тогда разорвет он цепи пудовые и изгонит их из леса прочь... Человек этот — сам Властимир, князь из города Резани!

Мавка отпрянула, зажимая себе рот рукой.

— Из Резани? — прошептала она испуганно. — А не врешь ли ты мне, человек? Не обманываешь? Князь из Резани у волков сейчас?

— У волков, чтоб не видеть мне света дневного! — поклялся Лютик. — Моего хозяина волки поймали, убили да съели, а я остался — мал да тощ им показался. Решили они меня откормить, чтоб я жирнее стал, оттащили в сторонку. Там я с князем тем и встретился. Упросил он меня трын-траву достать, вот я ночью и сбежал. Только где ее искать — я не ведаю!

Мавка стояла над мальчиком, посасывая палец. Наконец она наклонилась и тряхнула его за плечо:

— Вставай и пошли. Не время думать да гадать — время дело исполнять.

Лютик встал. Девочка взяла его за руку и потащила вверх из оврага. Ладонь русалки была влажная и прохладная, словно льдинка под руками таяла. Лютик некоторое время позволял ей вести себя сквозь чащу по одной ей ведомой тропе, а потом не выдержал и окликнул ее:

— Куда ты ведешь меня, Мавка?

— Сам будто того не ведаешь! Трын-траву искать!

— А ты знаешь, где растет она?

— Я не знаю, но мать моя ведает. Мы, русалки, всю траву, что ночами цветет, наперечет знаем. Где хочешь ее сыщем, даже если знаешь ты, что нет ее в том лесу. Русалка любую траву найдет — надо только суметь попросить правильно.

Они неожиданно быстро вышли снова к тому самому озерку, где Лютик увидел девочку. Затем она остановилась и направилась к воде.

— погоди, — взмолился он. — Дай мне отдохнуть — я устал, да и есть хочу!

Мавка, уже стоя по колено в воде, хитро обернулась к нему.

— А я то проведала, — улыбнулась она. — Маленький ты человек, тебе силы много надобно, а идти нам не близко — успеешь оголодать!

Она нырнула, оставив Лютика одного.

Скоро девочка вновь показалась из воды: в руках ее, в обеих горстях, были орехи с колючей скорлупой. Она высыпала их на колени Лютику:

— Ешь. Это не те орехи, что люди ловят. В этих силы больше.

С этими словами русалка села подле него на траву и не вставала до тех пор, пока от орехов не остались одни скорлупки. Отряхнув их, Лютик встал, и девочка повела его в чащу.

Путь их оказался не близок. Девочка весело скакала вокруг, что-то напевала, бросалась за каждой бабочкой или птицей, наклонялась к каждому цветку и постоянно о чем-то щебетала, не слишком вспоминая про мальчика.

Лютик был рад-радешенек когда они наконец вышли к речке, что текла меж заросших берегов. В реках живут русалки, а эта река была такая большая, что в ней могла бы жить и не одна.

Мавка весело скакала по берегу, приветствуя каждый куст, и не спешила вспоминать о деле.

— Но, Мавка, — взмолился Лютик, — а как же трын-трава?

— Успеется. — Девочка подбежала, протягивая ему желтый цветок с зеленой серединкой. — Видишь, это твой цветок, лютик, лютый цвет. Он к твоим волосам идет. — И она воткнула цветок в вихры мальчику.

Осердась, тот едва не вырвал русалочий подарок, но вспомнил, что сердить ее пока не следует. Мавка все поняла по его лицу и отступила, опечалась.

— Видно, ты душой за дело свое болеешь, человек-цветок, — грустно молвила она. — Делать нечего, придется помочь тебе. Смотри!

Она шагнула к самой воде и засвистела с двух пальцев.

От ее свиста пригнулись к земле травы, зашелестели испуганно и грозно кусты, посыпалась листва с дуба над головой. Волны реки взволновались, ударились в берег с плеском и пеной. Камыши рванулись к небу, разошлись, словно вспаханные невидимой сохой, и к детям вышла водяная дева.

Вода текла по ее телу, убегая обратно в реку. Распущенные волосы опускались ниже колен. Тонкое полотно, похожее на лунный свет, окутывало ее ноги. Лицо, прекрасное, как цвет месяца, было лениво и сонно, но, увидев мальчика и девочку, она оживилась и чуть построжала.

— Что здесь делает человек? — спросила она у Мавки.

— Это не человек, — хитро улыбнулась та и взяла его за руку — Это человек-цветочек, Лютиком его кличут.

Русалка подобрела, и мальчик даже подивился, видя ее улыбку.

— Лютик? — переспросила она. — Хорошо... Что ж, Лютик, дело пытаешь аль от дела

лытаешь?

— Ему трын-трава срочно надобна, — торопливо объяснила девочка. — Помоги ему, матушка, отыщи полянку заветную!

Русалка не обратила внимания на слова дочери, и Лютику пришлось объяснять все еще раз, самому.

Услышав про князя Резанского, русалка испуганно вскинула точеные брови.

— Трудно ему будет с волками этими справиться, — наконец молвила она. — Трын-трава недолго действует. Вдруг не успеет он с псоглавцами совладать? Своевольна трава и упряма — растет сегодня тут, завтра там, цветет, когда пожелает, хоть и в морозы самые лютые. А всякая трава, только когда цветок ее распускается, силу имеет... Да и помогать может по-разному: кому она дает силу полную, а кому и половинную. Но идем, что-нибудь да придумаем!

Она поманила за собой детей и пошла прочь от реки.

Они остановились на краю небольшой круглой поляны, густо поросшей самой разной травой так, что трудно было отделить одну былинку от другой. У Лютика разбежались глаза — никогда он трын-травы в глаза не видывал, но ежели бы и знал: как отыщешь ее в этом сборище?

Какой-то лесной дух взлетел из самой гущи трав и закружил над головой русалки. Она внимательно следила за его полетом.

— Есть здесь трын-трава, — объявила она, — не ушла еще... Я ее тут по весне заметила, когда любилась мы на первой траве. Могла она на иное место перейти — ей законы травяные не писаны, у нее закон свой, единственный. Никому она не подвластная! Видел, откуда дух сей взлетел?

— Нет, — покачал головой Лютик. — Он так быстро поднялся... И не думал я, что за ним следить надобно! Дух тут же куда-то исчез.

— Ну, делать нечего, — кивнула русалка. — Есть у трын-травы еще примета одна — не гнется она от ветра, стоит упрямо. Иная трава до земли поклонится, а она стоит — не шелохнется. И порой ветер налетит, ветви до земли гнет, кусты ломает — трын-трава и сломается, а все одно — не согнется. Засвищу я сейчас вполсилы, а ты примечай: как увидишь где травку ровную да тонкую, что стоит, как стальная игла, — тут-то трын-трава тебе и откроется.

Лютик готовно кивнул, и русалка свистнула.

Мальчику показалось, что волот-великан его наземь швырнул. Упал он в травы, что легли к самой земле от пересвиста неслыханного. Напрасно он шарил по земле, под листья заглядывал — вся трава, ровно мертвая, легла.

Остановилась русалка дух перевести, силы набраться — и опять вся трава встала, будто свиста и не было. Огляделся Лютик — а он только половину поляны обшарил.

Вдругорядь засвистела русалка, в полную силу. Трава, словно от осеннего дождя, полегла — вся лежит, не отличишь ни бы-линочки. Где тут искать?

Бросился Лютик, пока не прервался свист, под кусты, что сейчас тоже ветви до землигнули, и увидел у самых корней вроде как пучок травы погуще. Трепещут под ветром ураганом травинки тонкие, едва не вовсе вырываются, а лечь не ложатся — словно держат их что-то изнутри, от земли толкает, упасть не дает. Кинулся к ним Лютик, стал травинки распутывать. Да на землю укладывать. И уже нащупал в глубине вроде как что-то острое — да стих опять свист, и трава поднялась, вся спутанная.

— Еще! Еще! — крикнул Лютик русалке. — Еще хоть миг один!

— Нашел? — откликнулась та.

— Нашел!

И в третий раз засвистела русалка, но уже тихо, в четверть силы. Только часть травы легла, но Лютик нашел заветный пучок и разгреб его.

Навстречу ему встали гордо и прямо, будто щетина на спине кабана, тонкие серебристые травинки. Коснувшись одной, Лютик порезался о край ее острый.

Торопясь, пока не пропал свист, стал он рвать траву заветную. Мавка, углядев, что он нашел искомое, бросилась на подмогу, осторожно, у самой земли, по одной отрывая травинки. Сорвав десяток, протянула Лютику тонкий пучок:

— На, возьми и не бери более. Разгневаться может трын-трава, даст князю силу смертную — и погубит он сам себя, врагам на радость, друзьям на горе. Видишь — уже и так уходит она!

Лютик глянул — трын-трава по одной былиночке утягивалась обратно в землю. Не успели они оглянуться, как ни единой не осталось, кроме тех, что они сорвали.

Замолчала русалка, стих пересвист, и встала трава на поляне, будто ничего и не было. Только разбуженное шумом эхо уносилось прочь, и в чаще еще раздавался его переклик.

Лютик подошел к русалке, протягивая ей траву найденную. Та осмотрела издали тонкие, серебристые, прямые, как иголки, стебельки.

— Она самая, — промолвила. — Другой такой во всем лесу не выискать, сколь травы ни собирай. Редка сия трава стала — потому как и людям все часто трын-травой кажется, но тебе досталась травка сильная. Теперь бы успеть донести ее — ждет князь-то?

— Ой, ждет, — вздохнул мальчик. — Я его надежда последняя, да только волки ждать не будут. Боюсь, убьют его за то, что я пропал...

Русалки не успели успокоить его — из чащи, куда умчалось эхо, донесся пересвист сильнее русалочьего. Закачались ветки деревьев, заметались птицы, белки зацокали, и послышался приближающийся стук да топот.

Лютик шархнулся прочь, но Мавка поймала его за руку и удержала возле себя.

— Нельзя бегать, — шепнула девочка. — А то леший словит! Стук да топот приблизился и стал таким громким, словно два волота на них шли. Лютик задрал нос, выискивая в вершинах качающихся дубов головы великанов, когда у его ног раздался приветливый голосок:

— Что забыл-потерял, добрый молодец? Али ты Жар-Птицу увидел там?

Лютик даже подпрыгнул от неожиданности и едва не наступил на маленького низенького старичка в лисьей душегрейке мехом наружу, в лапотках и драной шапчонке на одно ухо. Лохматая бороденка закрывала почти все лицо, оставляя только лукавые, с прищуром глаза да нос вздернутый. В самой бороде пряталась улыбка. русалки смотрели на него сверху вниз тоже радостно. Мавка присела в траву и дотронулась до лапки старичка.

— Добрый день, старичок лесовичок, — молвила она. — Помоги ему — на путь-дороженьку наставь — заблудился он в лесу нашем.

Леший захохотал так, что опять пробудилось эхо.

— Заплутал он? — сказал, отсмеявшись. — Не верится тому! Чтоб человек в нашем лесу днем дороги к дому не нашел — тому вовек не поверю я. Скажите-ка лучше, девицы-водяницы, для чего вы ясным днем так далеко от дома своего, да еще с человечком этим, гуляете да траву мою пересвистом пугаете?

Пришлось сознаваться. Лютик честно показал сорванную трын-траву и рассказал, что это — для Резанского князя, который сейчас у волков-полулюдей в плену его помощи дожидается. Только про то, что трава сия для того, чтобы цепи разорвать, ему надобна и поведал мальчик — про Князеву слепоту язык не повернулся. Но леший, как только Лютик про Резань заикнулся, так и подпрыгнул:

— Резанский, говоришь? Не Властимиром ли его звать-величать?

— Именно так.

— Ой, парень, — расплылся в улыбке леший. — Я ж знаю его. Про Властимира Резанского долго еще все лешие вспоминать будут, даже когда имя его из людской памяти исчезнет. Он лесам столько добра сделал, как ни один иной из его родни: чащобы родные оберегал от лихости и чудищ чужеземных, что нам житья не давали... Леса, значит, сберегал, а самого себя не уберег... Что ж, помочь ему надобно! Иди со мной!

И маленький леший решительно направился прочь.

— Куда? — окликнул его Лютик.

— Как — куда? — Леший поглядел на него недовольно. — Думаешь, не хозяин лесу я, всего, что в нем делается, не ведаю? Знаю я, где полянка-то волчья, короткую дорогу к ней покажу. Чуть солнышко закатится к заре вечерней в гости, ты на месте будешь. А не то идти тебе аж до утренней зари.

— Иди, — кивнула русалка, толкая Лютика в спину. — Сам леший помощь тебе предложил. Грех великий от самочинной подмоги откаться.

Мавка вдруг обняла его за шею прохладными руками. — Прощай, — шепнула на ухо. — Я тебя помнить буду.

— Я еще приду на твое озеро, — пообещал Лютик. — Ты жди. Вот только князю помогу — и приду!

Девочка просияла и отскочила в сторону как коза, прячась за материн подол.

Леший уже ждал в отдалении, притоптывая от нетерпения. Когда Лютик наконец оторвался от русалок, он проворчал что-то суровое и пошел впереди, отводя рукой травы и кусты.

Постепенно он прибавлял ходу, так что Лютик вскоре уже бежал за ним. Леший неся впереди, словно тень или ветер, и становился все выше и выше. Вымахав до двух саженей росту, он остановился, легко поймал мальчика огромными лапами, посадил себе на плечо и побежал дальше.

Сперва было страшно, но потом Лютик привык и оглядывался с любопытством. Он слышал сказки о чудесных конях, что в три прыжка могут перенести хозяина за тридевять земель, а сейчас ему казалось, что и он оседлал такого скакуна. Леший мчался по лесу легко и бесшумно — ни дерево не дрогнет, ни куст не ворохнется, ни птица не крикнет, ни зверь не шелохнется. Он приостановился только единый разок: перед тем как перешагнуть вставшую на его пути лесную речку.

Несколько раз путь их пересекали поляны, и всякий раз с плеча лешего Лютик успевал заметить, что солнце опускается все ниже и ниже к земле. Он почему-то боялся наступления ночи, хотя знал, что звери-люди по ночам тоже спят.

Отроку начало казаться, что они приبلудились или леший бежит медленно: путь все не кончался.

Но вот леший перемахнул через овраг, и под его ногой захрустел валежник, через который мальчик пробирался прошлой ночью. Леший зашагал медленнее, перешагивая через упавшие деревья и вывороченные корни, отводя в сторону сухие сучья. Солнце уже почти закатилось, и под деревьями стало совсем темно.

Вдруг леший остановился посреди валежника и ссадил Лютика с плеча.

— Все, — прогудел он, толкая мальчика вперед. — Тут тропка неприметная, никому, кроме меня, неведомая, тайная, похоронная. По ней ступай все прямо и прямо, пока в березу покляпую¹⁰ не упрешься. Оттуда сверни правее, а там до поляны твоей недалече. Только зря не шуми, а не то сгинешь без следа...

Леший говорил за спиной мальчика. Голос его все тончал и тончал, пока наконец не стал похож на мышинный писк. Обернувшись, увидел Лютик в траве крошечного старичка, точь-в-точь такого, какого вначале видел. Старичок помахал ему тонкой, не сильнее мушиной; папкой и скрылся под листом копытня. Лютик остался один.

Заветная трын-трава была у него в кулаке. Он сильнее зажал ее, чтобы не выронить случайно, и пошел, куда указывали.

Над поляной кончался еще один день. Волки споро свежевали лошадь убитого вчера степняка: дневная охота была неудачной. Гао сидел у костра. Нелегкую задачу задали светлые Аги — достать до завтра женщину, похожую на княгиню, или же ее самоё. До города путь неблизкий — сколь ни спеши скороход, только к утру доберешься. А назад с

---

¹⁰ Покляпый — понурый, наклонный, крюковатый.

добычей, что волчьей степной рыси недолго выдержит, и того больше — почти целый день. Да еще поймать ее надобно, да еще в пути сберечь: люди местные, не в пример прочим, волю больше жизни любят и горды этим. Вон князь — иной на его месте давно бы или от тоски зачах, или стал сговорчивым, а ему все едино. А как узнал, что завтра в полдень увезут его светлые Аги с собой, еще спокойнее стал — словно тайное что про них ему ведомо.

Гао посмотрел в сторону дубов, где два сторожа охраняли пленного. Острое зрение псоглавца позволяло вожаку видеть сторожей. Те держались ближе к котлам, чего в дозоре делать не позволялось. Но они не люди, они свои, им можно позволить такое: все равно того не будет, чтоб слепой сбежал. Куда ему бежать без глаз-то?

...Властимир молча ждал. Он уже начинал привыкать к темноте. Раны несколько дней как зарубцевались и не болели, и он все реже и реже чувствовал их. Печалило князя иное — он не смог узнать, как скоро придут за ним, сколько ему осталось жить на Земле, сколько ждать и надеяться. Князь не переставал думать о мальчике. Если не сгинул Лютик, значит, блуждает где-то в чаще. Он сбежал ночью, когда нечисть лесная свободно бродит. Может, уговорил помочь ему и сейчас ищет траву ту или назад бредет. Но он так мал — успеет ли?

Чувствуя запах жареного мяса, волки-сторожа переминались с лапы на лапу. Все, кроме них, собрались у костров, деля ужин.

Властимир этого не видел, и потому тихий шорох за спиной остался для него незаметным. Когда шорох повторился чуть ближе и громче, князь подумал, что это либомышь, либо не в меру ретивый сторож. Шорох приблизился. Кто-то стоял за его спиной так близко, что мог бы коснуться заведенных назад рук. И это был не псоглавец.

— Княже? Слышишь ли меня?

Услышав знакомый голос, Властимир еле совладал с собой. Но он поднаторел в войнах и засадах и смог не выдать радости, только выдохнул тихо, чуть повернув голову назад:

— Слышу...

— Я это, княже, — Маленькая рука легла в ладонь.

— Лютик?

— Он самый. Пришел я.

— Мальчик мой родной, — молвил Властимир, — успел-таки, не забыл... Достал?

— Вот она! — Пальцев коснулись травинки. — Сколько мог сорвать, все тебе принес. Держи!

— Не могу я — руки связаны. Погоди чуток, как сторожа уйдут, сам мне ее дашь!

Один из псоглавцев учуял шепот за спиной и обернулся.

— Ты с кем там говоришь? — рявкнул он.

Лютик прижался сзади к ногам Властимира, надеясь, что его из-за малого роста в темноте не приметят, а князь громко сказал:

— Не твое дело, зверь!

— Говори, кто тут бродит! — наступал сторож.

— Кто бы тут ни бродил, тебе до него не добраться — руки коротки!

— Это мальчишка твой вернулся, да? — Сторож вытянул шею, разглядывая темень позади князя. — Он?

— Сам пойд и проверь.

Лютик чуть не закричал от страха, представив, как волк подходит ближе. Ведь князь и шевельнуться не может. Не защитит он его, и сам погибнет, и трава зря пропадет. А князь ровно нарочно дразнит зверя!

Но Властимир рассчитал верно. Сторожу показалась подозрительной уверенность пленника, и он поспешил прочь, зовя Гао.

Забыв про второго сторожа, Властимир обернулся к Лютику:

— Всего миг у нас есть. Давай скорее траву!

Мальчик встал на носки, протягивая стебельки к самому лицу князя, чтобы тот мог взять их с его ладони. Не сразу Властимир нашел его руку и ощутил на губах незнакомый, чуть дурноватый пьянящий вкус. Такого ему ни разу пробовать не случалось.

Второй сторож бросился следом за первым, но его остановил голос пленника. Он присмотрелся и заметил мальчишку: тот как раз что-то давал князю. Псоглавец достал нож и крадучись, обходом пошел в их сторону.

Попробовав трын-травы, Властимир напряг руки, пробуя крепость цепей. Они затрещали жалобно. Сторож понял, что дело плохо, и бросился вперед.

— Еще, Лютик, — попросил Властимир. — Еще осталось?

— Да, немного...

Мальчик опять протянул руку. Князь успел коснуться ртом травинки, но в этот миг Лютик вскрикнул и дернулся. Ладонь неловко мазнула по лицу Властимира. Смутно донесся глухой стук падения.

Второпях слизнув застрявшую в отросшей бороде былинку, Властимир позвал:

— Лютик, где ты? Иди сюда... Что с тобой случилось-то?

Мальчик молчал.

Вдруг совсем близко послышался шорох, и в ноздри князю ударил резкий запах зверя. Вытащив из спины мальчика нож и вытерев его, второй сторож подошел вплотную и оскалился довольно:

— Нет больше твоего щенка. Понял?

Подбежали остальные. Еще издалека Гао увидел почти все: как размахнулся ножом сторож, метнув его. Как упал мальчик, тут же отброшенный в кусты, как потом убийца подошел к пленнику, вытирая нож о свою же шкуру. Вожак спросил:

— Что тут было?

— Мальчишка вернулся, — объяснил сторож, — и что-то ему притащил. Да только радости ему это не доставило — ничего он дать не успел. Убил я его.

— Что? — воскликнул Властимир. — Повтори, что ты сказал, зверь! Ты убил его?

— Не веришь, — довольно оскалился сторож. — Ну, да где тебе — слепой, ничегошеньки теперь не увидишь, как ни старайся... Но, если мой вождь на это согласен, я могу дать тебе своими глазами убедиться, что это не ложь.

Он заговорщицки подмигнул Гао, и тот кивнул, радостно скалясь. Этот человек столько водил их вокруг пальца, что теперь не грех и поизгаляться над ним немного.

Повинуясь, сторож бросился в кусты и выволок поближе к скованному князю тело.

— Смотри, если увидишь, — сказал он.

ГЛАВА 4

Волки, что толпились вокруг в ожидании развлечения, рассмеялись, и смех их на сей раз показался Властимиру горше всего на свете. Смотреть на то, чего глаз не видит, и не знать, есть ли на что смотреть!

Он вспомнил тихий крик Лютика, вспомнил, как дернулся мальчик, как потом его рвануло назад. Ярость ударила в голову. Пьянящая ярость, когда уже все равно, что будет с тобой, и нет нужды беречь буйну голову.

— Ну, если вы убили его... — молвил он.

— Сам проверь, коли словам не веришь, — раздалось в ответ.

— Берегитесь тогда!

Захотали в ответ псоглавцы. От их смеха помутилось что-то в голове Властимира, и он рванулся из цепей.

Цепи лопнули со звоном, будто порвалась струна на гуслях, и упали. Смех еще булькал в глотках пораженных зверей, а князь уже шагнул вперед и наткнулся на чье-то тело у ног.

Онемевшие руки плохо слушались, но звериная, неведомая прежде сила вливалась в них, распирала грудь, толчками с кровью бежала по жилам, мутила разум. Он припал на колени и коснулся нежданного препятствия руками.

Пальцы дотронулись до маленькой руки, такой знакомой. Совсем недавно она трогала его руку, поднималась к его лицу. Перебирая плохо гнущимися пальцами, князь добрался до

лица мальчика. Оно было еще теплым, но сердце уже не билось.

— За что? — выдохнул Властимир, не веря тому, что сказали ему руки. — Его-то за что? Ребенок ведь!

— А пусть не помогает, — неуверенно откликнулся кто-то.

— Ребенка-то за что?

Псоглавцы затоптали вокруг, переговариваясь и осторожничая. Властимир понял, что свободен, и впервые за столько дней может делать то, что хочет, что как ни мало досталось ему трын-травы, но свое дело она сделала. Осторожно отодвинув тело мальчика, он поднялся на ноги.

Волки дрогнули. С места их сорвал приказ Гао:

— Взять его! Живым!

Сразу с двух сторон накинулись псоглавцы на князя, хватая лапами и пытаясь завести его руки назад. Но сила уже ударила в голову человека, приглушая разум и осмотрительность, и Властимир рванулся, как медведь, стряхивая с себя врагов.

Они посыпались наземь, как спелые желуди с дуба. Поймав двух самых неповоротливых, князь столкнул их лбами, услышал стук и хруст, а потом лицо его и руки обрызгало чем-то влажным.

Отбросив один труп, Властимир перехватил второй поудобнее и бросился догонять волков. Трын-трава обострила его слух и удвоила против обыкновения силу. Волки уворачивались от него, но несколько неудачников все же попались. Не тратя времени, князь душил зверей, ломал им хребты и отбрасывал в сторону.

По знаку Гао двое самых сильных псоглавцев бросились на безоружного пленника с ножами. Почувствовав, как лезвие пропороло кожу, Властимир поймал нож, вывернул лапу зверю и всадил нож ему под лопатку.

Второй волк зашел со спины, но Властимир почуял его тяжелое дыхание и развернулся, встречая нож грудью.

— Брать живым! — слышался крик Гао.

— Подойди, возьми! — позвал его князь.

Что-то свистнуло в воздухе, и на плечи ему упало два аркана. Но он напряг плечи — и арканы лопнули легко, как травинки.

— Что вы стоите? — кричал Гао. — Разом все навалимся — и дело с концом.

Волки притихли, по чуть слышному шороху их лап князь догадался, что его окружают.

— Только не убивать! — надрывался Гао.

Властимир не видел своих врагов, но они были вокруг и ошибиться было невозможно. Нож его мелькал как молния, разя врагов без промаха. Левой рукой он без ошибки хватал за горло, правой наносил удар. Несколько псоглавцев висели у него на плечах, но не могли заставить его склониться. Князь раскидывал волков как сухие листья и всякий раз успевал поймать одного зверя, чтобы всадить в него нож. Если удар ножом не получался, в дело шли кулаки. Несколько зверей уже корчились на земле, держась за свороченную набок челюсть или выбитую руку. Подле них валялись тяжело раненные и убитые.

Кто-то из волков упал прямо в огонь и завыл от боли. Запахло паленой шерстью. Властимир обернулся на крик и бросился к костру.

Не видя жара пламени и не чувствуя боли, он двумя руками схватил горящие уголья и бросил их в толпу. Воздух разорвали вопли тех, кто не успел увернуться. Подобрав из костра сук, Властимир бросился на врагов.

Они были всюду: справа, слева, сзади, спереди — успевая только поворачиваться, наносить и отражать удары. Несколько раз князь чувствовал, как чей-то нож распарывает его кожу, вонзается в плечо или руку, но боли не было. Как-то аркан захлестнул ему шею, но он только мотнул головой и порвал веревку.

Властимир утратил чувство времени. Он сражался, словно его руками водил кто-то иной, сильный, могущественный и несомненно зрячий. Князь не сразу смог остановиться, когда враги вокруг него внезапно исчезли.

Выбросив последний раз руку с ножом и никого не встретив, Властимир замер, чуть пригнулся и расставил руки. Сук он давно отбросил в сторону, кажется, оставил его в чьей-то глотке.

Усилием смирив дыхание и приходя в себя после угара боя, Властимир настороженно слушал тишину. Нет, он ошибался — враги не перебиты. Их, наверное, меньше, чем вначале, но они все тут, окружили его и чего-то ждут. Может, уже спускается летающий дом пришельцев и этого не видит только он?

Псоглавцы внимательно рассматривали слепца, который, перепачкавшись в своей и чужой крови, в окружении врагов, все же был готов сражаться. За спиной Гао трое волков подняли луки, но не спешили пускать их в ход, надеясь все же взять Властимира живым.

Вокруг валялись убитые и раненые. Гао подсчитал потери. Одиннадцать убитых, больше двух десятков ранено, и из них треть не доживет и до утра. Несколько псоглавцев было искалечено: вывернуты руки, сбиты набок челюсти. У одного выколот глаз.

Гао вдруг сделал шаг вперед. Властимир, настороженно ожидавший любого шороха или движения, развернулся и махнул рукой. Гао еле успел увернуться: нож глубоко засел в руке, которой он прикрыл сердце.

Его охранники бросились к нему — одни поддержать раненого вожака, другие — добить обезоружившего себя врага. Но Гао вскинул здоровую руку:

— Все назад!

Волки замерли. Властимир, не догадываясь, кого он ранил, все еще ждал нападения.

— Назад! — повторил Гао. Нож осторожно извлекли из раны. — Не трогать!

Рану обложили целебными травами, молодая волчица слизала кровь и обвязала порез полосой кожи. Придерживая раненую руку здоровой, Гао отошел к волкам.

— Ты убил многих, князь из Резани, — сказал он. — Двадцать моих воинов теперь никогда не смогут охотиться со стаей...

— Только двадцать? — перебил его Властимир. — Жаль, что не двести!

— Я мог бы отдать приказ убить тебя, человек, — продолжал Гао. — Твой последний бросок не был промахом — ты ранил меня, вожака стаи. Я признаю твою силу...

— Скажи уж, что я стал стоять дороже в твоих глазах и ты хочешь содрать за меня двойную цену с пришельцев, — презрительно бросил Властимир, — Ты разве не помнишь, что они обещали вернуться за мной и тебе надо сохранить меня живым во что бы то ни стало?

— Я понимаю твой намек, — кивнул вожак. — Ты думаешь, что я не должен тебя убивать из страха перед светлыми Агами, и поэтому ты смог безнаказанно уничтожить столько моих охотников?.. Но ты плохо знаешь наши обычаи: если вожаку причинен вред, убийца должен быть обязательно наказан, или он сам становится вожаком.

— Этого ты от меня не дождешься!

— Разумеется, ведь я еще жив!.. Но мои охотники могли тебя убить, их не остановил бы никакой страх перед светлыми Агами. Тебя не дал убить я!

Властимир промолчал, не зная, что задумал вожак волков и можно ли ему верить.

— Я оценил тебя, человеческий воин, — продолжал Гао. — Ты воин, и мы воины...

— Долго же ты над этим думал, — съязвил Властимир.

— Да, долго, но я это понял. Я хочу отпустить тебя, князь... Ты свободен!

Властимир не поверил своим ушам.

— Почему? — только и смог вымолвить он.

— Ты воин и остался воином, несмотря на увечье и страх близкой смерти. Кем ты станешь, если светлые Аги исполнят свое обещание и дадут тебе новые глаза в обмен на верную службу? Покорителем мира, его проклятием, ибо тебя будет вести не их приказ, а твоя ненависть ко всему на свете. Ты будешь ненавидеть врагов — за то, что они защищаются от неизбежного; друзей — за то, что не чураются тебя и не проклинают; слуг и рабов — за их малодушие и трусость; союзников — за то, что принимают твои планы; хозяев — за то, что они заставляют тебя делать. Ты будешь ненавидеть весь мир и уничтожишь его

в своей ненависти, потому что даже с новыми глазами ты будешь одинок. Я хочу предложить тебе другое одиночество — одиночество наедине с собой. Ты сейчас уйдешь: тебя проводят с поляны и оставят в лесу на милость судьбы. Что там с тобой случится — не наша забота!

— А что же твои светлые Аги? — молвил Властимир. — Что ты скажешь им? Что решил спасти мне жизнь?

— Я бы спас ее, если бы приказал тебя убить, ибо тебя ожидает нечто похуже смерти. Не твоя забота, что я скажу им, подумай лучше о том, как ты будешь выживать в лесу... Отведите его!

Двое волков приблизились сзади, взяли князя за локти. Угар боя отступил, жар в крови угас, силы иссякли. Трын-трава сделала свое дело, срок ее действия вышел. Властимир чувствовал себя разбитым. Он покорно позволил псоглавцам вести себя куда им будет угодно и ждал только одного: когда кто-то из них не выдержит и вонзит нож ему в спину. Он не верил, что его не убьют.

Но его завели в чащу и оставили одного. Князь слышал только шорох и потрескивание — волки убегали в разные стороны, чтобы он не пошел по их следам.

Властимир так и не узнал, что, когда его провожатые вернулись, Гао отдал приказ немедленно сниматься с места и уходить в сторону Резани.

Долго простоял Властимир неподвижно, слушая, как над головой перекликаются осмелевшие птицы, и чувствуя, как ноют свежие раны. Потом решился и двинулся вперед — наугад, куда выведет судьба...

В чаще леса, ногами раздвигая кусты и высокие стебли кипрея, тихо пробирались два волка, два матерых зверя с клоками зимней светлой шерсти на плечах и хребте — несмотря на дни летнего солнцеворота, что сейчас неспешно текли над землей. В преддверии Купальной ночи русалки, не боясь света дня, бродили по берегам рек и озер, а самые отважные забирались чуть ли не за версту от родного берега.

Звери шли осторожно, то и дело останавливаясь и принохиваясь. Оба были крупными сильными волками, один нес на передней лапе шрам, говоривший о давней схватке с каким-то огромным зверем. Раскосые глаза смотрели на мир сердито и настороженно; они пробирались по лесу так медленно, словно попали в чужие края. Время от времени то один, то другой волк обнюхивал землю, проверяя, на месте ли след, по которому они шли.

Ясный безоблачный день позволял видеть далеко, и волки без труда разглядели впереди фигуру человека, что не спеша шел по лесу. Он двигался, вытянув вперед руки, как слепой, то и дело останавливаясь, то ли собираясь с силами, то ли выбирая путь. Увидев его, волки припали к земле и поползли вслед за ним.

Узнав хищников и разгадав их намерения, тревожно заголосили птицы, слетая к самому лицу человека. Тот, хоть не все понял, но, догадавшись об опасности, обернулся. Увидев его лицо, волки разом замерли и припали к земле, полностью пропадая в траве.

У путника не было лица. Отросшие спутанные волосы падали на лоб, закрывая его до бровей. На месте глаз чернело два провала, от которых по впалым щекам к бороде протянулись дорожки засохшей крови. Узнать его было почти невозможно.

Волки, очевидно, поняли, что ошиблись. Шерсть на их загривках встала дыбом, губы вздернулись, открывая клыки, и они поползли к человеку, выбирая миг, чтобы напасть в открытую.

Властимир привычным слухом охотника и воина давно почувствовал, что неподалеку кто-то есть. Крик птиц предупредил его об опасности. Слепота обострила все чувства, и он без труда различил чьи-то крадущиеся шаги. Он знал, что преследователей было двое: не то охотник с собакой, не то два лесовика-изверга, что порой бродят по лесу так легко, что их не отличишь от зверя.

Надеясь, что эти люди могут ему помочь, он стоял спокойно и ждал их приближения, недоумевая, что заставляет их так медлить.

— Не бойтесь меня, — наконец решился сказать он и испуганно замолк: отвык от своего голоса. — Не разбойник я, путник мирный. Мне... помощь нужна...

Просить было непривычно и ново, и Властимир опустил голову, ожидая ответной речи. Но вместо нее в ноздри ударил острый запах, ненавистный с недавних пор: ненавистный запах волка!

К нему приближались волки! Возможно, обычные звери, каких много в лесу, а вдруг нет? Не зря их шаги показались ему так похожими на человечьи! Князь вспомнил: точно так же подходили к нему и его мучители — люди с головами волков.

Он по давней привычке оглянулся, ища подходящей опоры, и в который раз проклял свою слепоту. Проведя наугад рукою и не найдя поблизости дерева достаточной толщины, которое могло бы защитить его спину, он все же приготовился к последней битве.

Удивляло другое: волки явно не спешили на него нападать. Сколько ни прислушивался князь, не мог различить ни шажка, ни шороха. Звери или застыли на месте, превратившись в камни, или решили плыть к нему по воздуху.

— Ну что же вы, — позвал он, — подходите! Вы долго, видать, за мною следили-следовали, ровно дичь меня вываживали. Теперь пора и дело исполнять. Ведаете вы, что я сейчас вам не противник, так подойдите и убейте меня!

О запретном, о смерти просил он у своих врагов, измучившись в одиноких странствиях и душой и телом. Если бы прыгнул какой из убийц ему на горло, может, и воспряла бы в нем жажда жизни, но звери медлили, а Властимир уже искренне желал умереть.

А волки все лежали в траве, словно какая-то неведомая сила удерживала их на месте. Когда слышали они голос князя, шерсть на их толстых шеях и плотных —загривках разом встала дыбом, а уши прижались к затылкам. Потом они не по-звериному переглянулись и сели на хвосты, как собаки.

Когда князь попросил их о смерти, они встали и, пригнув головы к земле, приседая на лапы, пошли на него с двух сторон, забирая один вправо, другой влево. Властимир ждал.

Вдруг звери, уже подойдя наполовину, остановились и медленно поднялись на задние лапы. Шерсть на их телах стала укорачиваться, морды затупились, уши пропали, хвосты исчезли, на передних лапах появились длинные человечьи пальцы. Они встряхнулись. Перед князем стояли два юноши-подростка, не старше восемнадцати годов. На плечи каждого была накинута шкура зверя мехом наружу, старые, линялые, стиранные и снова вымазанные в грязи штаны обтягивали ноги. Откинув со лба длинные белые волосы одинаковым жестом, близнецы подошли к человеку.

Властимир прислушивался. Он мог на слух отличить шаги людей от звериных, но сейчас, когда превращение свершилось без малейшего звука, он не понял ничего. Выходило, что он раньше не заметил людей, думая лишь о волках, а те-то людей приметили и исчезли. Но как? Не улетели же они по воздуху и не растаяли, как туман?

Люди подошли с двух сторон так близко, что оставалось только протянуть руку.

— Не бойся нас, — промолвил один из них, — и прости. — Не признали мы тебя сразу, — добавил другой. — Много времени прошло... Только голос твой таким же остался.

— Ведь ты — князь Властимир из Резани? — снова заговорил первый.

— Да, верно, — откликнулся тот. — Звали меня так когда-то. Но что из того теперь: города моего больше нет, люди повырезаны, а сам я...

Он поднес было руки к лицу, но вспомнил, что у него нет лица, и остановился, замер.

Близнецы с двух сторон взяли его под локти, и он опомнился.

— Кто вы? — спросил в пустоту. — Голоса ваши и мне вроде как знакомыми кажутся!

— Ты навряд ли нас запомнил, княже, — молвил один из них, — лишь единый раз мы и виделись. Мы супругу твою, Веденею-ворожею, хорошо знавали, и когда ты в последний поход уходил, на дороге тебя провожали. Мое имя Явор.

— А я — Ярок, — добавил второй.

— Теперь я вспомнил вас, — молвил Властимир. — Вы тогда еще сказывали, что оборотни?

— Да, — обрадовались близнецы. — И сначала мы к тебе волками подходили, а потом человечесьё обличье приняли, когда признали тебя.

— Рад я встретить вас, друга верные, — сознался Властимир. — Если б знали вы, если б поняли, как устал я да как измучился... Только как же вы сыскали меня?

Более спокойный Явор промолчал, а Ярок ответил:

Нашептала густа-дубравушка облакам да ветрам Стрибоговым. Прошумели травы росистые ручейкам да прозрачной реченьке. Рассказали птицы крылатые тем, кому наречья их ведомы. Лес следил за тобою без усталости — все лесные да водные жители.

— Складно говоришь ты, — похвалил Властимир, — только ты мне еще одно скажи: сами вы за мной отправились или послал вас кто?

Он боялся прямо спросить: жива ли Веденея, его жена, его водимая?¹¹ Близнецы ее друзьями и старинными знакомыми были, может, что про нее и ведают. Но юноши покачали головами. Спohватившись, они вспомнили, что Властимир не может видеть их жеста, и Явор сказал:

— Нет, княже, то сами мы...

Но князь уже все понял по их молчанию и понурился.

— Что ж, — шепнул он еле слышно, — за это они мне еще один должок выплатят — да еще подороже города... Сколько же вы искали меня? Я дней теперь не различаю, по голосам птиц смутно угадываю...

— Сколько дней тут плутал ты, не ведаем, а с реки, где мы след обнаружили, уж два дня как идем без роздыху, — сказал

Ярок и добавил для ясности: — Старый след был, три дня как брошенный.

— Пять дней, — молвил поражение Властимир. — Пять дней, как не отмыщены они... Все от меня уходит!

— Не горюй так, — откликнулся молодой голос, чей, он так и не понял, — не один ты: мы теперь с тобой и никогда тебя не покинем! Понадейся на нас — мы потому тебя и искали!

Властимир протянул им руки, и юноши взяли их в свои сильные грубоватые ладони. Ярок вдруг поднес руку Властимира к лицу и потерся о нее щекою.

Эта неожиданная ласка показалась князю до того сладкой, что впервые за долгое время из ран на месте глаз его потекли слезы, смывая присохшую кровь.

ГЛАВА 5

Куда потом вели его близнецы, Властимир не спрашивал, а они не говорили, словно и сами не ведали, как сподручнее путь держать. На второй день прошли они так близко от Ласкова, что князь слышал голос возвращающегося стада и пение девушек в роще над озером, но юноши и словом не обмолвились, что поселок заветный близко. Они достали для Властимира молока и хлеба, но, как они его достали, промолчали. Властимир мог об этом догадаться по злобному лаю, что раздавался в поселке: сторожевые псы учуяли оборотней-воров и рвались по следу, но накануне Купалы лесная живность завсегда наглее, и жители поселка спустили эту шутку лешему и его приятелям.

Миновало еще немного времени, осталась позади Купальная ночь, в которую умчались было близнецы играть и миловаться с русалками, едва не бросив князя одного. Властимира уже окружили водяные девы и лесовички-анчутки, готовые закружить, заиграть, заставив забыть про все на свете, но вернулись в волчьем облике Явор с Яроком и распугали шумную компанию.

Шли они в основном днями: с утра до полудня, потом самую жару пережидали в чаще

---

¹¹ Водимая — от “водиться”, “сводиться” (вместе).

и продолжали путь, только когда летняя духота спадала, и останавливались заночевать у маленького костерка только после заката. Огонь близнецы знавали и любили, но в тепле летней ночи разводили его только ради князя, хотя тот и не мог его видеть.

Леса вокруг шли все гуще, дремучее. Здесь веками не ступал человек, только полудикая весь да чудь, что сама еще на зверей похожа, и не богам — мира создателям, и не людям-помощникам молится, а деревьям и камням да злему духу без имени. Как-то набрали они на такое место и поспешили уйти, пока не поздно: даже привычным близнецам показался жутковат дуб, на коре которого было вырезано злое лицо, вымазанное кровью. На кольях вокруг торчали человечесь череп, на сучьях с содранной корой болтались шкуры зверей и людская сморщенная кожа, а под корнями дерева еще дымился костерок — видать, недавно ушли отсюда дикие люди, а может, и вовсе не уходили, а только затаились, чужаков почуяв.

Два дня после этого спешили, следы путали, но боги помогли — отвели глаза незнакомцам.

Как ни сопротивлялся Властимир, но близнецы в переходах по очереди подставляли ему свои волчьи спины и несли его на себе, не желая терять ни мига. Мчались они, словно ветры или кони волшебные: тонкие речки да озера малые хвостами замая, леса частые мимо глаз пропуская, луга и поля как нож хлеб прорезая. Случайные путники долго потом всем рассказывали были и небылицы о князе зверей, колдуне с черным лицом, что косится по полям и лугам на белом волке и убивает взором своим горящим неосторожных.

Словно ветер, пронеслись два волка и всадник да и сгинули. Куда — никто не ведает.

Под лапами зверей зашуршали камыши и тростник. Явор вырвался вперед, ломая их строй, а за ним пробирался Ярок, несший Властимира. Звери вломились в прибрежные заросли, шлепая лапами и поднимая брызги, перебрались на другой берег неширокой мелкой речушки с темной теплой водой.

— Слезай, князь, — молвил Ярок, останавливаясь, — прибыли!

Властимир ступил на жесткую траву, его подхватил Явор. Руки князя коснулась волчья шерсть, потом она растаяла, как снег в кулаке, и вместо нее в ладони осталась человечесь рука. Вторую руку князя принял, как уже было у них заведено, Ярок.

Властимир сделал несколько шагов прочь от берега реки. Над ними зашелестели ветви берез: щеки князя коснулся листок, и он признал родное дерево по запаху.

Сквозь шепот леса и пение птах он различил новые звуки, от которых успел отвыкнуть слух: мыкнул теленок, заклохтала курица. Ноздри уловили запах дыма из печной трубы — то ли варили что, то ли баню протапливали.

— Где мы? — Голос Властимира чуть дрогнул — он хотел и боялся услышать знакомые голоса: грудной голос Веденеи, басистый залиvistый рев сына. Он закрыл глаза, внезапно испугавшись, что жена может увидеть его слепым — забыл на миг, что ни она, ни он не смогут уже увидеть друг друга никогда.

Юноши сжали его руки, ободряя.

— Я проберусь, гляну, что там, — молвил Явор. — Пойду погляжу, а потом расскажу. Голосов много, может, там тот, кто нужен нам.

— Будь осторожен, — напутствовал его Ярок.

Юноша выпустил руку Властимира и, раньше чем тот смог его окликнуть, исчез.

Князь не слышал шелеста распрямляющейся травы. Явор пропал, будто был тенью бесплотной. С Властимиром остался Ярок, что держал его за руку. Сейчас только эта рука связывала его с миром, и, волнуясь, князь до боли сдавил пальцы юноши.

Тишину нарушил громкий лай двух или трех псов, Ярок чуть слышно вздохнул и прошептал что-то невнятное. Лай захлебнулся, прервавшись визгом и грозным окриком, — и все стихло.

Властимир терялся в догадках, а Ярок наблюдал, как Явор, пригибаясь, подбежал к высокому частому тыну, что ошетинился острьями колий на вершине холма, огораживая дом и надворные пристройки. Холм с высокими скатами возвышался над огибавшей его речкой.

Со всех сторон его окружали другие холмы, покрытые лесом. Властимир с Яроком стояли под пологом деревьев на опушке у самого подножия холма, с той стороны, где мелкий редкий кустарник позволял на несколько шагов ближе подобраться незамеченными. Острый глаз Ярока видел и телка на приколе, и корову неподалеку. Та внимательно смотрела в их сторону, чуя волков.

Одинокая заимка, к которой даже не шло приметной тропки до ворот, рубленных узко, под одного всадника, ровно и не заметила крадущегося к ней Явора. Юноша подбежал, одним махом вскочил на тын и замер на нем, пригибаясь, как рысь. Приметившие его собаки залились лаем, а он побежал по тыну совсем по-кошачьи, цепляясь за колья руками и босыми ногами. В доме на лай собак стукнула калитка, чей-то голос смирил псов, и Явор легко соскочил во двор.

Напрягая слух, Ярок пытался разобрать разговор, но из-за тына не мог понять, с кем говорит Явор.

— Не ошиблись мы, — шепнул он князю через минуту. — Вовремя пришли!

— Кто там? — отозвался Властимир, как выдохнул. — Друзья.

Юноша тихо потянул за собой князя на свет. За тыном и правда были друзья: иначе Явор успел бы подать сигнал брату об опасности.

Голоса зазвучали громче, быстрее. Распахнулась настежь воротина, и из них выскочили двое. Явор — первым, указывая путь, потом его обогнал житель дома, увидев князя и Ярока внизу под холмом. С криком он бросился бегом навстречу им.

Властимир слышал, как заскрипела створка ворот, как послышался голос Явора: “Вот он!” Затем до его слуха донесся знакомый вскрик, человек подбежал к нему и резко остановился.

Ярок отступил, выпуская руку князя, и тот остался один на один с незнакомцем. Незнакомец молчал, и Властимир не знал, кто перед ним. Он протянул руку и промолвил:

— Прости...

— О боги, да за что же! — воскликнул человек знакомым красивым голосом новгородского гусяра-изгоя.

Он бросился к князю, схватил его за руки, притянул к себе, и Властимир оказался в объятиях друга, ткнулся ему лицом в плечо и почувствовал, как сильные уверенные руки поддерживают его.

— Буян? — выдохнул князь, не разжимая рук.

— Я, Властимир, я, — отозвалось ему в шею горячим дыханием, и гусяр огладил его по плечу — Я с тобой и больше тебя не брошу. Все прошло, мы вместе!

Буян хотел было отстраниться, заглянуть в лицо другу, но князь догадался о намерениях гусяра и крепче сжал его плечи, отворачиваясь.

— Не надо смотреть на меня, друг, — промолвил он глухо. — Я теперь...

— Молчи, не говори ничего, — успокоил его Буян. — Мне уже все поведали, а что упустили, того мне и знать не надобно. Идем домой, все кончилось.

Обхватив его за плечи и поддерживая, он потащил князя вверх по склону, заботливо, как мог только он, голосом направляя его путь.

Ворота так и остались распахнутыми настежь, и два крупных сторожевых пса с широкими мордами и злобным взглядом, смилившихся с пришельцами, стояли, опустив головы, и только глухо зарычали, когда мимо них, крадучись, прошли близнецы. Впустив оборотней, псы оставили ворота в покое и последовали за братьями, считая их крайне опасными гостями.

Из избы выскочил коренастый юноша, ровесник близнецов, с льняными кудрями и огромными синими глазами. Увидев Буяна и ведомого им князя, он ахнул и бросился на помощь, подхватывая гостя с другой стороны и заводя его в дом.

Некоторое время спустя, отпаренный в свежезатопленной бане и переодетый во все чистое, Властимир сидел на лавке у стола, слушая шум голосов вокруг.

Это был не дом Буяна, как он подумал вначале, услышав, каким тоном распоряжается здесь гусляр. Они оказались на заимке Чистомысла, о котором Властимир когда-то слышал от Веденеи и которого мельком видел в подземельях несколько лет назад. Самого волхва¹² дома не случилось — с весны, как только сошла большая вода и можно было уже проехать верхом, он исчез, не сказав куда. Постоянно здесь проживали трое — жена Чистомысла, Потвора, его сын Мечислав и пятилетняя дочка Забава. Буян жил далеко вместе с Прогневой, но и он оставил ее ради какого-то дела, о котором важно было знать волхву, и никому более. Он прискакал сюда три дня назад и намеревался дожидаться Чистомысла во что бы то ни стало.

Жизнь текла мимо Властимира. Хозяйка, что парила его в бане, хлопотала у печи, собирая ужин. Буян сидел рядом и что-то тихо рассказывал, порой по привычке переходя на стихи. Мечислав то и дело выходил из дома; он вообще не сидел на месте — устраивал гостей: уже вечерело и надо было думать об ужине и отдыхе. Из подростка, каким помнил его Буян, он превратился в статного юношу семнадцати лет. Немногословный и не по возрасту суровый, Мечислав почти не вступал в разговоры.

Близнецы сидели на полу около двери, отмахиваясь от настойчивых приглашений пройти в горницу. Вытягивая шеи, они следили за всеми, но с места не трогались. В избе им было непривычно, но уйти на двор они не могли из-за собак, что неустанно бродили вокруг дома, поджидая их.

По горнице катался комок — Забава, обрадованная суматохой и неожиданными гостями, мешалась у всех под ногами и лезла на руки, как маленькая. Матери и брату было некогда — следовало позаботиться о Властимире; двух юношей у порога девочка чуть побаивалась, как и они ее, но гости были совсем иное дело.

Властимир почувствовал, как она наткнулась на него и потянула за руку, привлекая внимание.

— Дядя, — позвала девочка, — а дядя...

Чуть улыбнувшись, Властимир протянул к ней руки, и она сама забралась к нему на колени, устраиваясь поудобнее. Князь подхватил Забаву, придерживая, чтобы не соскользнула. Девочка внимательно рассматривала его лицо.

— Дядя, а ты кто? — спросила она наконец.

— Я князь. Из города Резани, — запнувшись, ответил Властимир.

— А ты самый сильный, да?

Буян, сидевший рядом, зафыркал, зажимая рот ладонью. — Почему ты так думаешь? — удивился Властимир.

— А мне отец говорил, что князь всегда самый сильный, — серьезно заявила девочка. — Ты всех сильнее, и тебя выбрали князем, да?

— Да, — не задумываясь, согласился князь.

— И ты сильнее моего отца?

— Не знаю, мы силой не мерялись, — ответил Властимир под фыркание Буяна.

— Ты, наверное, сильнее, — рассудила Забава, — потому что мой отец не князь, а ты князь... А твоя Резань — она большая?

Если бы мог, Властимир закрыл бы глаза, улетаая мыслью в родной город. Его стены, терема, улицы и дома всегда, с самого первого дня плена, так и стояли перед его мысленным взором. В памяти город был краше, чем он знал.

— Очень большая, — тихо ответил он.

— Больше Новгорода?

— Нет.

— Почему?

Буян уже стонал от смеха.

---

¹² Волхв — языческий жрец, звездочет, чародей и предсказатель.

— Не ведаю... Новгород старше, — нашелся Властимир.

— А почему?

В это время Мечислав, присевший на минутку, решительно подошел и протянул сестре руки:

— Ну-ка, слезай немедленно! Заговорила ты его совсем — чисто сорока трескучая. Угомону на тебя нет. Дай ему отдохнуть — устал он!

Но девочка крепко вцепилась в князя и протянула капризно:

— Не хочу!

На помощь ей пришел Властимир.

— Уж прости, коли что не так скажу, — молвил он, отстраняя Мечислава, — но позволь ей остаться — ребенок ведь... Невинный совсем.

Мечислав поймал предостерегающий взгляд Буяна и отошел — гуслар, лучше знавший князя, уловил в его голосе тоску, от которой и ему стало горько.

Забава поудобнее устроилась на коленях Властимира.

— А где твоя Резань? — спросила она.

— Далеко-далеко — за лесами, реками да озерами глубокими. Идти до нее не день, не два, а много дней, и стоит она на берегу реки, в воды ее чистые смотрится...

— И ты прямо оттуда пришел?

— Да, — Князь опустил голову.

Забава потянулась к его лицу и осторожно дотронулась до щеки, опасаясь касаться белой повязки на глазах.

— Открой, — попросила она, — я хочу на тебя посмотреть. Властимир отвел ее ручку:

— Не могу.

— Почему? Не получается? Дай, я развяжу...

Она с готовностью полезла ему к затылку, нащупывая узел, но князь отмахнулся почти с испугом:

— Не надо!

— У тебя глаза болят? — Девочка склонила голову набок. — Ты скажи маме — она всякие болезни лечит. Мама траву приложит, заговор скажет — и глаза болеть перестанут. У меня вот палец болел, так она...

— Ничего этого не надо, — прервал ее Властимир, — не поможет это все — нет у меня глаз!

— Почему? — не заметив его досады, поинтересовалась Забава.

Судорога бессильной ярости исказила лицо Властимира. Заметивший опасность Буян бросился к нему и снял девочку с колен друга, взглядом подзывая Мечислава и вручая ему сестренку.

— Убери-ка ее, — молвил он, — не ведает она, что говорит. Слово ее, по незнанию молвленное, страшнее ножа отравленного... И сам с нею отсыдь — дай мне с другом словом перемолвиться: никак, ведь пять лет не видал я его...

— Меньше того, — хмуро поправил его князь. — По осени пять лет сровнялось бы... Теперь я тебя дольше не увижу — всю жизнь.

Он понурился, низя голову к груди. Буян подсел вплотную, взял руку Властимира, сжал ее и стал как ни в чем не бывало расспрашивать его о тех годах, что миновали.

Вначале князь угрюмо молчал от боли в разбереженных ранах, но постепенно знакомый голос словоохотливого гуслара отвлек его от сегодняшних бед, и к тому времени, как хозяйка собрала на стол и позвала всех к ужину, он почти забыл о происшедшем и охотно рассказывал сам и слушал Буяна.

Из пяти годков на Резанщине только одно лето было мирным — в иные года по весне приходили не только купцы с товарами, но и степняки: хазары, половцы, черные клобуки, даже мадьяры наведывались. Впрочем, с одним из хазарских князьков удалось заключить союз мира — Ратмир, младший брат Властимира, взял за себя его дочь. Случилось это два года назад, а по прошлой весне у самого Властимира наконец-то родился долгожданный сын,

по прадеду названный Всегневом. Слушая эту подробность, Явор и Ярок пододвинулись совсем близко и вытянули шеи.

О беде, пришедшей на Резанскую землю этой весной, Властимир почти не поведал — упомянул только о степняках, с которыми пришлось сражаться в шести десятках верст к юго-востоку от города. Пока он принимал бой, на оставшийся без защиты град напали волки... Большого он не сказал, да слушатели и не настаивали, понимая, что вспоминать об этом тяжелее всего. Властимир сказал только, что волками он называет псоглавцев, к племени которых принадлежал и встреченный когда-то князем и гусяром Рат, но в память о давнем знакомце князь отказывался называть его и своих мучителей общим именем.

Голос Властимира дрожал от гнева, и Буян поспешил увести друга от неприятного разговора.

О себе болтун гусяр говорил туманно. Из его путаных речей, полных недомолвок, Властимир уяснил только, что его друг связал судьбу и судьбу своей жены с племенем Чистомысла и богами, которым служит волхв, и даже переселился куда-то в земли дэвсов — сейчас Прогнева оставалась там.

— Помнишь женщину, ту, что нам выход из пещер Змеиных подсказывала? — говорил он, — Из племени дэвсов она?.. Так сейчас она с нами вместе живет — мужа-то ее убили Змеи, так мы ей до поры помогали, детей поднимали. А сейчас она второй раз замуж выходит...

Своих детей у Буяна и Прогневы не было, но гусяр с ними не торопился — он готовился к непонятному для Властимира обряду Посвящения, который должен был свершиться над ним в будущем году. Пройдя этот обряд, он мог стать волхвом.

На ужин к столу собрались все — даже Явор с Яроком покинули свой угол у двери. Кончив трапезничать, хозяева и гости так и остались у стола — надо было решать, что делать.

— Одного я тебя не оставляю, так и знай, — решительно заявил Буян. — Ты без меня пропадешь, а я теперь полезнее, тебе могу оказаться, чем когда-то... Хотел я Чистомысла дожидаться, да, видно, придется старику погодить немного — служба службой, а дружба дружбой! Так и порешим — куда ты, туда и я.

— И я с вами! — неожиданно воскликнул Мечислав, приподнимаясь. — Возьмите меня с собой!

— А зачем?

— Как зачем? — так и вспыхнули щеки юноши. — Мир посмотреть да себя показать... Отец меня многому учил, я его науку крепко запомнил — еще и пригодиться могу. Возьмите, добром прошу. Мать, хоть ты скажи!

Потвора выпрямилась, отходя от каменной печи, и строго взглянула на сына.

— Воин... — про себя молвила она и прибавила громче: — Негоже, когда женщина за мужчину просит, да только сын он мне, да сын еще юный совсем, себя нигде показать не успел... Коли порешите его взять с собой, преград чинить не стану.

Мечислав гордо взглянул на гостей.

— Но ты даже не знаешь, куда мы едем, — урезонил его Буян.

— А мне того знать и не надобно — стрела летит, куда лук укажет!

— Мне тоже многого не надо, — нарушил молчание Властимир, склонив голову на грудь. — Только волкам отомстить за город да за семью мою погубленную. Я совсем один на земле остался — кабы не ты, Буян, никого близкого во всем свете у меня бы не было. Не изгнания врага — смерти и мести ищет душа моя за Веденею, за сына малого...

— А что Веденей? — насторожился Буян. — С нею случилось что?

— Что случилось, того точно не вызнать, — горько и сурово отмолвил Властимир. — Говорили мне, что жена моя в болотах с сыном моим вместе погибла. Мои слуги ей от погони уйти помогли, да только с нею невесть где и сгинули, а у меня волки все выпытывали, куда я велел ей отправиться... Они мне и солгать могли, чтобы я покоя не знал, тревогою сердце бередил. Надеялся я, что жива она, да теперь понял, что погибла.

Не зная, чем утешить друга, Буян пожал ему руку. Он не представлял, что бы случилось с ним, если бы исчезла Прогнева.

— А Веденя-то жива! — вдруг подал голос Ярок. Словно от удара, вскинулся князь.

— Жива? — воскликнул он, оборачиваясь на голос и порываясь ошупью найти сказавшего.

Под руку нырнула лохматая голова, похожая на голову дворового пса — такая же жесткая и кудлатая.

— Жива она, жива! И сын ее тоже! Мы их и впрямь у самых болот встренули, а оттоль она с нами уж отправилась.

— Где она? — Властимир за вихры подтянул говорившего к себе, почти дыша ему в лицо. — Говори, пес!

— У матери нашей, в лесной заимке, — молвил, морщась, Ярок. — Да ты не сумлевайся, княже, — леса там густые, тропки нехоженные, путаные, не то что человек — не всякий зверь пройдет. Мы никак семь дней вокруг бродили сторожей — караулили, на случай, если погоня на наш след выйдет... Да ничего не случилось страшного, вот мы и решили впотай от нее сами проверить, что с тобой и городом приключилось, — сама-то она и словом с нами не обмолвилась. Думали, прокрадемся, все разведем и ей весточку отнесем, да только все по-иному вывернулось...

— Но если знали, что жива она, и, где сейчас, ведали, почему мне не сказывали? — потрянул Властимир юношу за волосы. — Ведь понять могли, почуять, что меня мучило... Спросить, наконец! И почему к ней не отвели?

Сидящий на безопасном расстоянии Явор пришел на помощь брату:

— Ты на нас, князь, зла не держи — не по злобе мы то сотворили, а по неведению... Коли считаешь, что вина на нас, только изволь слово молвить: тут же, хоть ночь-полночь — мы в путь двинемся. Обернуться не успеешь — привезем ее тебе и с сыночком...

Морщась от силы, с какой Владимир все еще держал его вихры, Ярок готовно закивал, и понявший это князь отпустил юношу. Тот отполз, приглаживая встопорщенные волосы.

— Ну, так нам в путь собираться? — спросил он. — Мы пошли... И слова вымолвить не успеешь, как будешь опять с водимою своею...

— Нет! — вдруг яро выкрикнул Буян, вскакивая.

Все разом обернулись в его сторону. На лице Мечислава было недоумение:

— Али тебе очи застило, свет-Буян? Как же можно так?.. Двум людям мешать снова встретиться?!

— Нет! — повторил Буян, пристукнув по столу кулаком. — Никуда вы оба не пойдете ни сегодня, ни завтра, а только если я позволю. Не о том сейчас думу думать надобно.

— Но как же можно супругов разлучать? Ты о своей жене подумай! Как бы тебе пришлось невесту сколько с нею в разлуке жить. А князь...

— Будет жить! — рявкнул Буян, еще раз хватив кулаком по столу так, что подпрыгнула деревянная посуда. — Сиди! — Он резко рванул книзу локоть поднимающегося Властимира. — Сиди и слушай, что скажу я. И вы все слушайте и запоминайте мои слова... Князь будет один, как и я, как и ты, Мечиславо, коли с нами взаправду ехать решишься. Ничего, что разлука, что в мире неспокойно и любой жене лучше быть подле мужа-защитника, что Веденя князя своего за мертвого почитает, а он ее к сердцу прижать не может. На землю пришла беда — и не до любовных утех ныне. А что сердце в тревоге болит — так злее будет. Беспощаднее станет мстить врагам земли своей, Властимиру сейчас сила и твердость нужнее нужного, а женская жалость только руку слабит и сердце мягче делает. Нет, верно говорю: коли князь хочет край света от врага спасти, должен он не о Веденее думать, а только о войне. Я сказал!

И Буян сел, спокойный и самоуверенный, как всегда.

Все ждали слова Властимира. Близнецы и Мечислав заглядывали в глаза резанца, готовые выслушать его суждение. Князь раздумывал: лоб над белой повязкой прорезала морщина, рука сжалась в кулак.

— Вы решаете все, будто я уже не князь города Резани, — тихо промолвил он, — будто уже Буян стал его главой, а я лишь пустынный смиренный, что живет в чаще лесной, медом да акридами питаюсь,.. Но сказал гусяр верно. Ничто не изгонит Веденею из сердца моего, а оно всегда со мною. И мне легче будет биться с врагом, если не буду знать, как она к ранам моим отнесется. А после победы — что ж, за град отомщу, врага побью, людей освобожу, а там — как боги решат... Слышал я — и без глаз люди живут счастливо... Одно плохо — не ведает она, что я жив, а до победы я ей на глаза не покажусь.

— А мы ей скажем, — готовно вызвались близнецы, — Вот наутро и выйдем. В ту заимку только мы да те, кто живет там, дорожку ведают. Подкрадемся неслышно, вызовем ее да и скажем, что жив князь!

— Про это, — Властимир осторожно притронулся к повязке, — не говорите! И будьте осторожны — за мной старые враги охотились. Псоглавцев на Резань друзья поверженного Змея науськали — за те пещеры мне мстили.

После его слов в доме установилась зловещая тишина. Буян тихо коснулся руки Властимира.

— Неужто снова Змей объявился? — выдохнул он.

— Змей не Змей, а те твари, коих они издалика вызвали... Ну, помнишь, когда собирались с богами нашими расправиться?

— Ой, верно ли сие?!

— Верно, Буян, верно. Я их видел тогда, в пещерах, своими глазами и сражался с ними. Они светлые, ровно лучи солнечные, только жар от них идет смертельный — никто сего жара выдержать не может. За спиной у них вроде крыльев больших, а видом на русалок походят, только за светом тела не разглядеть, да и нет его у них, может быть, один свет и крылья. Я ровно чуял — запомнил их... А потом, уже когда меня волки в плену держали, явились они на меня поглядеть, выслушать, как те службу справили. Хотели меня с собой увезти, да только решили не спешить — погодить, когда Веденея сыщется или уверятся они, что погибла она. Дали срок одни сутки, да мне той ночи хватило, чтобы уйти. Думаю, давно эти Светлые о побеге моем проводили и ищут меня повсюду, а потому следует всем нам быть осторожнее.

Близнецы переглянулись испуганно — они вспомнили, как и их самих хотел когда-то Хейд увезти с собой. Они так и не поняли, зачем это было надо, но страх остался в их душах.

Буян сидел смурной, задумчиво ковырял ножом стол. Наконец поднял голову.

— Раз такое дело, — молвил он, — нельзя нам вот так сразу в Резань возвращаться. Следует к встрече с пришельцами издалика подготовиться. Знаю я места, где нам советом помочь могут и силой подсобят, ежели что. Вот туда мы впервой и направимся... Готовься, друг, копи силушку и твердость духа — путь предстоит не близкий!

— Да как же можно так — в дальний путь ему отправляться? — не выдержала Потвора. — Куда его в дорогу сейчас! Съездил бы один, Буян, а то и Мечислава с собой бы прихватил — ему пора силу да удаль свою испытать. А князь вас тут пождет.

— Нет, женщина, — решительно оттолкнул Властимир. — Негоже мне, ровно и впрямь я калека какой, в доме отсиживаться, за юбку женскую прятаться! Еду сам!

Он протянул наугад руку. Буян поймал ее и пожал.

— В чем-то права наша хозяйка, — сказал он, — Трудновато тебе в дороге будет. Да только не ведает она, что в наших силах облегчить тебе путь. Идем-ка, что открою!

Он вывел Властимира из-за стола и мигнул рванувшемуся вслед за ним Мечиславу. Угадав его знак, юноша обогнал их и первым вышел во двор.

Спустился вечер. Небо на западе за их спинами полыхало червлёным и золотым. На востоке уже высыпали частые звездочки, провожая вечернюю Зарю до дому. Здоровые сторожевые псы, все еще сидевшие у порога, обнюхали людей, заворчали, но не тронули и отошли к тыну.

Пока Властимир, выпустив руку Буяна, дышал прохладой, Мечислав тихонько обошел избу и скрылся в распахнутых дверях конюшни. Вскоре — оттуда послышалось ржание.

Услышав его, князь насторожился:

— Лошади?

— Они самые, княже, — улыбнулся Буян, — Тебе конь добрый надобен, чтоб сам дорогу находил, в пути глазами твоими был. Есть на конюшне Чистомысловой такой жеребец — как чуял я, с собой его привел, показать волхву хотел, да только не ему первому смотреть на него пришлось. Ты с ним встретишься, княже!

Из-за угла показался Мечислав, ведя в поводу старого бело-седого коня. Долгая грива спускалась почти до колен, недавно промытый и расчесанный хвост чуть ли не волочился по земле. Увидев людей, конь вытянул шею и зафыркал, вырываясь из рук юноши.

Буян за локоть придерживал Властимира. Подведя друга к коню, он вложил повод в руку князя и отступил.

Белый жеребец ткнулся носом в ладонь человека. Властимир ощупью погладил горбоносую морду, поднялся выше к глазам и ушам, провел пальцами по гриве, распутывая узелки домового. Все в коне неизвестном было давно знакомо, словно уже где-то когда-то виделись они. И льнул тот к человеку, как к вновь обретенному хозяину...

— Буян, — выдохнул Властимир дрогнувшим голосом, — скажи мне только истину... ни слова не перевирая, чтоб меня утешить... Лучше уж так, чем... Молви одно только — правда, что шерсть у него белая?.. Я как будто Облака родного узнаю — и волос его, и кожа, и тянется он ко мне... Скажи мне — шерсть у него белая?

Голос умоляюще дрогнул, снизаясь до шепота, и Буян молвил торжественно:

— Белая, князь! Белая, как облако!

Услыхав имя свое, жеребец тихо заржал, и Властимир припал к его морде, целуя и лаская старого друга, обнимая его голову так, словно впереди была разлука долгая.

Но впереди была не разлука — ждал их долгий путь в незнакомые земли и страны дальние.

ГЛАВА 6

Пролетели, как ветер, семь дней, и как-то наутро выехали из воротины Чистомысловой тайной заимки трое всадников.

Впереди скакал Буян — лишь гусли на боку при седле остались прежними. Иное все было новое, незнакомое. Не признал бы бунтаря-гуслияра никто из новгородцев: и конь под ним иной, и справа новая, и доспех-кольчуга не новгородскими мастерами сготовленная — сплетена она в пещерах тайных, над котлами с травами чародейными высушена, водой особой вымочена. Оружие не абы в какой кузне ковалось, не одно заклятье-заговор над ним молвилось, чтобы уберегло оно хозяина от дурного глаза, и от стрелы каленой, и от чары враждебной. И сам Буян повзрослел, в плечах раздался. Лишь глаза синие да улыбка во весь рот неизменными остались. Даже старый оберег, что бережно под рубахой скрыт, — и тот словно другой, новый.

След в след за ним два других всадника. Под правым конь седой, грива до колен, хвост до земли, сбруя же простая — ни золотом, ни камнями не украшена, хотя и пристали такому коню уздечка из чистого золота да се-делко, изумрудами и самоцветами изукрашенное. Но отказался от ненужного блеска князь Властимир — не на почестей пир, не на праздник торопятся: ждут их дороги дальние да труды немалые. Нечего по чужим краям драгоценной сбруей щеголять.

Вся одежда на князе будто ночь черна — ни ниточки, ни шерстинки иного цвета не видать. Сапоги, плащ, кольчуга — словно на весь мир кричат о горе, что несет в сердце слепой князь. Лишь повязка на глазах — чтобы встречный-прохожий не так боялся да с расспросами не лез — чисто белая. Щит сбоку без червленой каймы, как привык князь, как ему было по обычаю под стать — весь, как ночь или смерть, темен. Черны и ножны меча у

бедра, и нагалище¹³ топора боевого, и на копье бунчук¹⁴ черного волоса — будто дым злой по ветру стелется. По плечам кудри русые рассыпались — клялся Властимир, что до победы не острижет он волос.

Скачет князь из города Резани, левой рукой конем правит, правая просто так висит — ни к чему ему двумя руками за повод держаться, когда под ним старый верный товарищ его, Облак. Белый конь сам дорогу найдет, сам преграду одолеет, сам брод сыщет, сам проследит, как бы глаже пройти, седока не утомить.

Подле князя едет Мечислав. Подивился бы Чистомысл, сына узрев, а то, может, и не признал бы. Когда уезжал он по весне — все сына своего отроком считал, несмышленищем, что только в домашнем хозяйстве сведущ, а в деле ратном самый последний. Коли и так, то по виду никто бы не сказал о юноше худого — скачет статный всадник, в седле будто рожден, с конца копья вскормлен. Сколько таких юношей позже гордость и славу земли славянской составили — а и у половины той природной стати не было. Только по лицу видать, как молод витязь — и усов еще у него не пробивалось, и взор нежен и скромн, как у девушки. И не скажешь, что перед тобой парень семнадцати полных годов. Вся одежда у него, как и у Буяна, не в явных землях сработана — на доспехе травы выкованы незнакомые да птицы диковинные, плащ подбит мехом зверя неведомого, в рукоять меча кость странная вделана — будто палец окаменелый от великана волота, в старые времена убитого. Все это, отца не спросясь, взял Мечислав из его запасов, на свой страх и риск.

Еще раньше, несколько дней назад, распрощались друзья с оборотнями Явором и Яроком, что тайными тропами в леса заокские густые отправились передать Веденее весть, что жив князь и помнит ее. Исходило тревогой сердце Властимира: а ну как уследили за ними и увезут жену и сына его светлые прищельцы? Зачем тогда биться, за град мстить, людей от- бивать? Небось уже оправились степняки от первого удара, про разорение Резани и исчезновение князя прослышали и идут на город с новою силою. Вернется он, а на знакомом месте только угли и пепел да вороны ходят разжиревшие. Тогда что?.. И клонилась голова Властимира, и повод выпадал из руки.

Замечавший то Мечислав не раз и не два пытался утешить князя, но не находил слов молчаливый юноша. А Буяну все было нипочем — словно ведал он такое, что ему не давало унывать.

Все дороги торные да прямоезжие испокон веков по берегам рек пролагаются. Напрямик через леса только колдуны, да разбойники, да порой еще витязи храбрые ходить отваживаются. Много всего таит в себе лес нехоженный, с человеком не знакомый. Коли и набредешь там на знакомый след, знай: не человек это — леший, водяной али еще какая нежить лесная пробегала неосторожно. В таких местах она смела — порой нарочно на глаза заблудшему путнику лезет, только чтоб позабавиться, без злобы. Худо то, что привыкли люди всякую нежить врагом считать и распугали ее без разбора — и злую и добрую. С той поры нет дружбы промеж человеком и лесным жителем — крепко нежить науку запомнила.

Но в тех лесах, под сень которых ступили три всадника, будя конским топотом и звоном оружия тишину лесную, еще совсем не видали человека ни доброго, ни злого. Услышав звуки неслышанные и увидев сквозь листву существ невиданных, помчались жители лесные кто куда. Одни поближе, чтоб рассмотреть незнакомцев да заговорить с ними при случае, а иные прочь — соседям весточку передать да у мудрых совета спросить. В единый миг лес ожил, зашептал, зашевелился, и Буян, не останавливая коня, оглянулся на спутников и молвил с улыбкой:

— Живой лес, наш... Ободришь, Властимир, скоро на месте будем!

Князь вскинул голову. Он так и не заметил, как они в лесу оказались.

---

¹³ Нагалище — чехол.

¹⁴ Бунчук — конский или бычий хвост на украшенном древке.

— Говорят, во времена далекие, когда даже самих богов на свете не было, а Сварогов¹⁵ прадед был еще отроком, да и великий Ящер, земли устроитель, был в своем роде един, на земле рос вечный лес. Поднимался он в высоты заоблачные, простирался от студеных земель до самых жарких. Бродили по нему звери огромные, рядом с которыми наши кони — что щенки слепые. Ломали они деревья, тяжестью своею сминали и так ходили, да только за их спинами опять те же деревья еще выше поднимались, ровно зачарованные.

— И откуда ты, Буян, столько знаешь? — не выдержал Мечислав. — Про лес тот, чаю, и отец мой ничего не ведает... Кто тебе про него рассказы вал-то?

— Никогда ты людей тех не видывал, Мечиславо, и долго не увидишь. И я не сам с ними разговаривал — случай с теми, кто их в глаза видел, свел. То высший народ, сами Арии древние... Они про все ведают. И про лес тот.

— А что с тем лесом случилось? Ушел он куда или сгорел? Куда он пропал, коли ничто ему повредить не могло?

— Сам он себя сгубил. Вырос лес тот столь высок, что не выдержали стволы, обломились ветки — и упали деревья наземь, друг друга придавили насмерть. Кто ни был под ветвями — все погибли, только сильные самые, гибкие да ловкие по случаю выжили. Ушли они из тех мест, потому как на месте леса много лет смрад стоял — не продыхнуть было. Века как один миг промелькнули, превратились в пыль и пепел старые стволы, стали землей, на нее ветры новые семена из других земель просыпали, и иные леса на месте вечного леса выросли, с новыми зверями...

— Сказки все это,—хмуро молвил Властимир. — Не вечный тогда твой лес, коль изгиб весь без остатка. По-иному его назвать надобно...

— По-иному, — готовно согласился Буян. — Да только прошлое от этого не изменишь — как ни называйся, кем ты был, тем же и останешься. Даже коли все погибли — ты, князь, земли заступник и надежда. У простого человека может семья на первом месте стоять, но у князей не семья, не мать родная, не жена-водимая, не дети малые — вся страна родной быть должна.

— Ты земли моей не знаешь,—возразил Властимир.—Ре-зань на порубежье выросла, резанцы с малых лет воинами становятся, иначе подле Степи не выжить. Только воины там ценятся. А что с меня возьмешь? Без глаз я не князь! Предки мои воеводами были — их вольный народ за науку воинскую добровольно над собой поставил. Были б худы да неумелы — иной род бы верх взял или совсем не поднялась бы Резань, вырезали бы степняки народ под корень, а уцелевшие в дальние б земли подались. Калеки воинам в тягость...

Буян сдержал коня, который все норовил перейти с рыси на скак, поравнялся с Властимиром, нашел его руку.

— Много ты сказал, князь-друг, — молвил он, — не сказал только самого главного. Но не бойся, не сокрушайся — я твою думку тайную понял. Не зря меня Чистомысл вещим называл, птица Гамаюн¹⁶ с руки ела, из губ вино пила. Ты о глазах своих утраченных печалишься, угадал ведь?..

— Угадал, — кивнул Властимир.—Уж сколько дней, как не видел я света дневного. Правду молвить — порой страшно делается: что впереди у меня, кроме тьмы? И дума заходит: а нужно ли жить убогому?.. Лишь долг мой перед родиной держит меня, а что после победы? Без света солнечного и семья не мила мне, и мир сам не надобен!

— Говорила мне Гамаюн, птица вещая, что мы все — а Арии древние в особину! — сиречь дети солнца ясного да неба чистого, потому и не мил нам мрак — в душе ли он или в судьбе. Не тревожься более — я думку твою в сердце заронил. Коли есть на земле где такая

---

¹⁵ Сварог — в славянской мифологии бог огня, небесный кузнец, отец солнца — Дажьбога.

¹⁶ Гамаюн — в переводе с древнеиранского — птица, приносящая вести и знания. В славянских ведических мифах воплощает вселенскую мудрость и космическую энергию Белеса.

сила, чтоб тебе свет вернула, — сыщем ее, и снова ты увидишь мир, или пусть мне не видеть самому солнца ясного во веки веков!

— Да будет так! — раздалось над ними вдруг.

Всадники разом осадили коней. Над ними поперек узкой тропы, что с трудом продиралась в чаще леса, теряясь за поворотом во тьме, протянулся длинный корявый сук без единого листка. На этом суку сидел, нахохлившись, ворон и сосредоточенно клевал кору, отдирая ее и бросая вниз. Узрев, что наблюдают за ним, он перестал крошить сук, на котором сидел, и отвернулся.

— Эй, ворон, птица вещая, птица мудрая! — позвал его Буян, низко в седле кланяясь. — Коли послали тебя боги светлые, силы славные нашего рода-племени, ответь мне человеческим голосом: не ты ли только что слово вымолвил?

Ворон молчал и перья чистил, но все невольно вздрогнули, когда ответ пришел.

— То не он — птица глупая, неразумная. То я с вами говорю! — прозвучал низкий рокошующий голос, и сук чуть дрогнул. — Сгоните птицу злую!

Буян немедленно выхватил лук и вложил в него стрелу. Но стрелять ему так и не пришлось — ворон обернулся, увидел нацеленный в него стальной наконечник и крикнул человеческим голосом:

— Не надо! Сам уйду, старый болтун, сам! И улетел в чащу — ровно его и не было.

Сук над головами путников закачался благодарственно.

— Исполать вам, добры молодцы, хоть впервые сюда явились вы! Я на свете живу триста тридцать лет — триста тридцать лет да три годика. Повидал всего — и не вспомнится, а чего не видал, то мной слышано от ветров да птиц-пересмешников.

У самой тропы стоял толстый дуб. И потолще дубы видали друзья, но этот был статен, ровно витязь, что на миг с коня соскочил.

Буян склонился к уху Властимира, объяснил, что промолвило дерево, и прибавил тихим шепотом:

— Самое время вывести, как глаза тебе возвернуть. Лес-то, видно, диковинный, раз в нем деревья ссорятся с птицами на людском наречии. Здесь, видать, все тайны ведомы...

Князь не успел и слова вымолвить, как опять заговорил дуб:

— Расскажите мне, кто вы и откуда. Не вижу я вас, хотя голоса мне ваши тихие ведомы!

Подивились словам таким путники, а Властимир вперед чуть выехал:

— Уж ты гой еси, ты могучий дуб! Верно ль понял я, что ты тоже слеп? Что такое с тобой случилось? Или враг у тебя в этом мире есть?

— Враг не враг, странный гость, так назвать нельзя. Ворон тот все летать тут повадился — отрывает кору, лист в куски крошит. На него лес управы сыскать не может. Он любимец нашей хранилицы, что сторожит нас от горя и лихости, — потому и ведет себя безнаказанно. Только и есть у него, что все ведает. Но в моей судьбе невиновен он — нам, деревьям, глаза не положены. Лишь немногие их удостоились, но таких лес наш сроду не выдывал!

Выслушав могучий дуб, опечалился Властимир.

— За ответ твой тебе благодарствую, — молвил он тихо. — Печаль ты мою не развеял... Но коли ты многое ведаешь, не

подскажешь ли; как человеку глаза вернуть, что по злобе чужой им утрачены?

Чуть помолчал дуб, пошелестел листвою.

— Верно ль понял я, путник, что ты слеп? — молвил он наконец.

— Да.

— Что ж, — призадумался старый дуб. — Нам, дубам-деревам, сила древняя издавна дадена — от отцов наших да прадедов, что росли в начале миров. Не искать нам сил да мудрости у чужих — самим раздавать ее. Много тайн я из жизни ведаю, рассказать — ста лет мало станет... Но чтобы глаза вернуть утраченные — не бывало такого, сказка то!

Пораженный в сердце самое ответом мудрого дерева, Властимир совсем опечалился, но дуб еще немного подумал и молвил:

— Погоди-ка, путник. Сам я помочь не могу, но есть здесь тот, кто все в мире ведает. То хранительница леса нашего, берегиня¹⁷ старая да древняя. Поселилась она здесь еще до моего рождения, а откуда пришла — и сама, верно, запомновала. От ворона да тех, кто близко ее видал, слышал я, что ей все тайны мира ведомы. Коли вы ей видом, да разумом, да душой своей покажетесь, распознает она в вас достойных помощи, все, что можно и нельзя, сделает. Только запомните крепко: покажитесь ей так, чтобы не успела она вам вред причинить!

Юный Мечислав, что впервые столкнулся с опасностью, спросил:

— А она может?

Буян весело воскликнул:

— А ты никак испугался, Мечиславо? Что, оторопь взяла? Крепко обидевшийся на такие слова, Мечислав вспыхнул, как сухой трут.

— Хорошо тебе говорить, Буян! — гневно молвил он. Ты во многих землях побывал, с людьми-нелюдьми разными виделся. Тебе сам Гамаюн истину открывал. Да и князь — воин опытный, не сробеет — ему не в диковинку. Я же из дому первый раз выехал. Себя вспомни — может, в мои-то года ты и послабее был?

Буян уже готовился достойно ответить, но в это время Властимир вскинул руки, призывая к молчанию.

— Тише вы, растресались, ровно сороки болтливые! — прикрикнул он на спорщиков, — Не о том сейчас надо речь вести, кто смелее да находчивее, пока срок для того не представился. Что там нас ждет — никто не ведает, потому вам молчать приказываю. Если станем мы по пустякам спорить да ссориться, никогда ничего не получится, отвернется от нас удача. Лучше спросим мы у дуба-дерева, как дорогу сыскать к берегине той!

Спорщики разом замолкли, пристыженные.

— Хорошо ты нас остудил, Властимир, — признался Буян. — Не сломили тебя невзгоды-горести. Твердо сердце, и ясен ум твой по-прежнему. Заставил и меня мальчишкой себя пред тобой почувствовать. Оно и верно — каких-то десять лет у нас с Мечиславом разница, а я уж себя стариком перед нимставляю. Не держи на меня ты зла, Мечислав, будь ласковым!

— Да верно ты все сказал, — согласился юноша. — Я и правда испугался.

Старый дуб над их головами пошелестел листвою, прислушиваясь к ихговору, и наконец сам слово вымолвил:

— Слушал я вас да раздумывал. О разных людях мне слышать доводилось, но о таких — никогда. Может, слышал, да не верил я, может, правда, речей о том не было. Коли и верно, что вы говорили тут, то путь вам чистый, ровной скатертью. Пошепчу я тропинке этой — она уж расстарается, к хозяйке леса этого сама выведет.

Зашептались листья узорные, закачались ветви корявые, корни жесткие в земле ожили — дуб с землей и лесом разговаривал. Отвечал ему лес тихим голосом, а земля отвечала молчанием. Рассказав про все, что успел узнать, обратился дуб к трем всадникам:

— Я поведал про вас тропе. Обещалась она отвести вас до места, только чур уж с нее не сворачивать. А сойдете — поклонитесь ей, чтоб опять ей бежать, как от века легла. А теперь прощайте!

Корявый сук чуть шевельнулся, ровно махал на дорогу, и трое всадников поехали, куда тропа вела.

Лес вокруг стоял густой да неезженный. Кругом дерева в три обхвата до ветвей мохом поросли, листва на локоть землю усыпала. Частый кустарник ровно стена поднимается, колючими ветками за лошадиные гривы цепляется. В просветах листвы неба не видать, только слышно, как ручей звенит в овраге.

---

¹⁷ Берегини — женские божества, исполняющие зачастую охранительную функцию. Обычно связаны с культом Перуна.

Жутковато было ехать по такому лесу зачарованному — не мертвому, но и не живому. Под любым деревом глаза горящие мерещились, из любого дупла смотрели лешие, из любой норы — звери лютые. Лишь тропинка все текла вперед — ну да что ей, тропе, в лесу станется!

Зазвенел ручей ближе некуда — будто под самыми копытами лошадиными. Глянули Буян с Мечиславом — то не ручей, то водяницы меж деревьев тенями скользят, хоровод выстраивают, к всадникам подбираются — смеются, кричат, к себе зазывают. Не успел Мечислав рассмотреть дев призрачных, как выехал вперед Буян, руку к сердцу прижал, земной поклон в седле отдал:

— Уж вы, девицы, девы красные, вы сойдите с тропы, не пугайте ее. Не по хитрости, не от жадности, не из любопытства глупого — мы в леса ваши за нуждой пробрались. Как хозяйку леса проведем — тут же двинемся в путь-дороженьку. Если ж скучно вам все одним плясать, выбирайтесь-ка на поляночки да поближе к жилью человеческому. Только чур — не манить к себе ни старого, ни малого, ни добра молодца, не губить-разлучать красных девушек. А мы вам не дружки, не товарищи!

Выслушали русалки-водяницы слова гусяря, столпились, зашептались о своем, захихикали. Вышла вперед одна — видом чуть постарше прочих, в волосах цветы лазоревые.

— Знаю я тебя, человек! — она молвила. — Не в первый раз ты в леса заповедные наведываешься. Не признала лишь твоих спутников, но коли ты за них головой ручаешься, то путь вам добрый, а только позволь проводить до поворота!

На такие слова кивнул Буян, а русалки окружили лошадей, лаская их и расчесывая гривы. Две взяли Буянова коня под уздцы, повели вперед; четыре других — ухватили коней его спутников.

— Голос старого дуба мы слышали, — заговорила старшая, — вот и решили выглянуть, посмотреть, что за путники старику нашему приглянулись. А потому ведаем, что едете вы к самой лесной берегине, Яге. Строгая она и оттого малость несправедливая — карать ей чаще приходилось, чем миловать. О вас уж она ведает, а потому смотрите в оба — даже мы можем быть ею подосланы.

— А раз так, — возразил Буян, — то почему мы верить вам должны?

— А ты красивый, — рассмеялась водяница. — И друг твой тоже!

Она указала назад, и Буян, оглянувшись, увидел, что водяницы совсем Мечислава в оборот взяли: одна впереди поперек седла сидит, другая за спиной пристроилась, третья вокруг бегают, местечко себе ищет, а две еще перед мордой коня его ссорятся, кому жеребца вести. Сам же Мечислав и не рад уж вроде, что столь мягок оказался, а поделаться ничего не может. Русалки его то целуют, то слова шепчут ласковые, а он не ведает, куда глаза девать.

— Молод друг твой да совсем неопытен, не привык разговаривать с девушками, — молвила тихо старшая водяница. — Но не бойся за него — дуб вас велел целыми пропустить. Был бы он один, худо б ему пришлось, а так — что!..

Старшая водяница свистнула в два пальца так, что закачались ветки над головами всадников.

— Поворот река наша делает! — объявила она зычным голосом, — Как ни хороши добры молодцы, а пора прощаться с ними. Им прямая дороженька, а нам в правую сторону. Обнимите их, сестры, на прощание, чтоб долго не забывали встречу эту, — и в путь!

Три водяницы повисли разом на Мечиславе, причитая и прося задержаться хоть на миг, но вдругорядь прозвучал свист, и они спрыгнули наземь, помахали руками на прощание, убежали толпой, и из чащи леса зазвучали их голоса.

Мечислав, красный со стыда, что Буян это видел, не спеша с гусярем поравнялся. Тот понимающе сжал протянутую руку.

— Не кори себя, — молвил тихо, — кабы не князь, я бы тоже задержался на минуточку — водяница, коли долго человека не видит, злая становится. А нам в лесах наших зло не надобно!

Облак сам поднес Властимира ближе к друзьям. Князь нарочно молчал о том, что не

мог видеть и чувствовать — как по сговору, русалки от него держались подальше, — и спросил только:

— Тропа еще не кончилась?

— Нет, Властимир, все торопится. Обманула водяница — до поворота далеко еще, это она нарочно сказала, чтоб сестер отвести.

Самый поворот всадники встретили скоро — и версты не проехали. Сворачивала тропа к краю оврага и вдоль его берега спешила в такую чащу, что только слепой Властимир невольного страха не почувствовал. Кони же едва на колени не падали, упираясь.

Первым по тропе в лесную глушь шагнул Облак, неся на спине ничего не ведающего о пути князя. Жеребцы Буяна и Мечислава решились идти только вслед за ним, стараясь ступать точно след в след.

Здесь была такая темень, что черные одежды и доспех Властимира пропадали во мраке — только белый Облак маячил впереди. Под копытами звонко хрустела листва и ветви опавшие, эхо бормотало что-то сонное, да шелестели кроны настороженно.

Едва развиднелось, как впереди увидели всадники завал — три могучих дуба, выставив сучья и корни, лежали поперек тропы, перегородив ее в каждую сторону на три сажени, а в самую высоту — на сажень с малым.

— Не простое это место, — шепнул Буян Мечиславу, — водяница мне говорила, что хозяйка лесов нарочно может нас испытывать. А объехать нельзя — иначе тропа пропадет, и тогда мы точно отсюда никогда не выберемся. Сможет ли твой конь завал сей перескочить?

— Мой-то перескочит, — ответил юноша уверенно, — его еще жеребенком отец мой особыми зельями отпаивал, в воде заговоренной на заре купал. Да и под тобой конек, вижу я, не простой. А вот как нам с князем быть? Под ним жеребец, какие среди людских коней встречаются — не поят их медами, не моют с заговорами...

Вспомнив о ехавшем впереди друге, Буян запоздало испугался, что слепой князь может наткнуться на преграду, но под Властимиром был Облак. Подойдя к завалу вплотную, старый конь встал, ожидая отставших молодых коней, чтобы идти за ними.

Не ведая, что заставило остановиться коня, Властимир пришпорил его и, когда тот захрапел, осаживаясь, вытянул плетью по боку:

— Али ты остарел, али от моей руки отвык, старый друг, что без приказа моего останавливаешься?

Повинуясь твердой руке всадника и силе, с которой тот рванул повод, Облак сделал шаг и ткнулся носом в бревно.

В тот же миг что-то гулко грохнуло вдалеке, словно гром прогремел. Кони и всадники разом вскинули головы, осматриваясь, а из груды сучьев взлетел ворон с доброго орла величиной и с хриплым граем улетел в чащу.

— Что это было? — спросил Властимир.

— Козни Яги-воительницы, — ответил Буян. — Преграды она на пути нам чинит, вперед идти мешает.

— Знать, Облак мой не зря остановился? Благодарствую, товарищ верный. — Князь потрепал коня по крутой шее. — Не вижу я, что впереди, а ты глазами моими стал, погубить меня не хотел. Но раз миновала беда — тогда вперед.

— Куда! — ахнул Буян. — Там же...

Но пришлось ему замолчать — дрогнули стволы, в кучу сваленные, стали сами собой подниматься и выпрямляться. Только ветром от распрямившихся ветвей на путников махнуло — и опять пуста тропа, будто ничего и не было.

Ощутивший, как заволновался нахлестнутый веткой Облак, Властимир выждал, пока все успокоится, и первым проехал опасное место. Буян и Мечислав присоединились к нему уже на той стороне.

— Ждет нас Яга-воительница, — молвил Буян. — Что еще нам судьба готовит чародейного?

Не успели его спутники слова в ответ вымолвить, как завернула тропа, камни огромные

огибая, и вывела всадников к ручью, что, в ивняке теряясь, поляну пересекал. На тот берег перекинут был мост — на перилах выкованы звери незнакомые да оружие чужое. Короток был мост да узок, но разом встали кони, чуя неведомое.

Тропа подходила к самому мосту и после него продолжалась. Выглянув из-за столпившегося по берегам густого лозняка, Буян углядел, что на поляне видна избушка на горوشке. К ней тропа и протянулась.

— Вот конец пути нашему, — молвил он. — Не обманул старый дуб, точно к месту вывел, да только перед нами преграда последняя — как ее одолеть, сознаюсь, не ведаю. Вроде крепок мосток, да не из простых он досок.

— А может, нет тут никакого моста, как того завала не было? — спросил Мечислав.

— Чем напрасно гадать, взял бы да проверил, — присоветовал ему Властимир. — Или мне учить тебя надобно?

Возмущенный тем, что его уже третий раз за день чуть ли не несмысленным величают, юноша, не говоря ни слова, спешился и, оставив коня на тропе, подошел к мосту. Едва он ступил на него одной ногой, как почувствовал сквозь подошву сапога жар — чем дольше стоял, тем сильнее пекло. Когда же он отнял ногу, на мосту остался след обугленный.

Взял он тогда камень да и кинул его через мост. Вроде узок и тонок был мосток, да только не долетел до другого берега камешек — упал посередине и вспыхнул тут же, как сухой лист на углях.

Вскинул тогда Мечислав лук, вложил стрелу, пустил — но опять не долетела стрела до другого берега, словно факел, вспыхнула и пеплом на мост упала, будто ее и не было.

— Нельзя через мост перейти, — для Властимира сказал Буян, — Что над ним ни пролетит — все сгорает, будто в огне.

— А велик ли мост? — молвил Властимир.

— На глазок две-три сажени, а ручей под ним на половину того.

— Берега у ручья обрывисты?

— Да, камнями русло обложено. — Мечислав осторожно спустился к воде, цепляясь за кусты.

— А поблизости, выше по течению, нет спуска к воде подходящего?

Юноша побежал к тому месту, осматриваясь.

— Нет, — сказал он, — но русло здесь вроде чуть поуже... Точно узнавать?

— Нет! В воду зря не лезь — что еще она таит, нам неведомо, — строго ответил Властимир и опять повернулся к Буяну: — Оглянись вокруг, друже, — нет ли камней больших поблизости? Вроде слышал я, по камням копыта коней постукивали...

Пока князь не упомянул про камни, Буян не понимал его замысла, но тут просиял:

— Есть камень, княже, есть! Валун со всадника ростом — в десяти шагах позади нас. Хочешь ты новый мост соорудить и по нему перейти?

— Может, мост, может, что еще, — уклонился князь от разговора. — Надобно валуном этим реку запрудить. Осмотри его, Буян, — можно ли его с места сдвинуть?

Гусляр радостно кивнул:

— Сдвинем, ежели надо, Властимир! А ну, Мечислав, давай за мной да коня своего прихвати!

Два всадника вернулись немного назад по тропе, где на гребне террасы, ограничивающей русло ручья, зажатый двумя деревьями, торчал из земли валун высотой со всадника.

С седла своего коня Буян вскочил на валун и притопнул ногой, проверяя на прочность.

— Вроде как шатается, — молвил он. — Но сила тут немалая надобна. Придется нам, Властимир, и твоего коня в дело пристроить.

Валун сидел в земле неглубоко — можно было подкопать его мечами и столкнуть с горюшки. Пока Буян вымерял расстояние, Мечислав уже начал рыхлить землю вокруг валуна.

Властимир осторожно спешил, и Буян подвел его к камню, чтобы князь сам проверил его на прочность. Властимир оперся о шероховатый бок руками, и валун вздрогнул, как живой, от прикосновения.

— Слушай, друже, а твой Разрыв-дар все еще при тебе? — вдруг спросил Буян.

— Я и сам об этом думаю, — ответил Властимир. — Да проверить не было случая.

— Так проверяй! Отодвинь этот камешек!

— Смеешься?

— Нет. На сей раз нет... Мечислав, ну-ка отойди подальше!

Юноша поскорее отскочил и отвел посторонь коней. Буян подвел Властимира к валуну с той стороны, где удобнее толкнуть валун в ручей.

Опершись о камень ладонями, князь и вправду почувствовал, что валун поддается. Что Разрыв-трава открывает перед ним все двери, он знал давно, но об этом даре не подозревал. Знать, не только замки и запоры рвет его рука, но и все прочие связи раскрывает!

Он почувствовал, как вздрогнул, чуть приподнимаясь, камень, как закачался он, с натугой отрываясь от земли. Затрещали стволы деревьев, полетела с них кора и щепы, с ветлы с криком сорвался ворон и закружил над людьми.

— Что вы сделать задумали, неразумные? — закричал он человеческим голосом.

Не ведая, что происходит, Властимир остановился, а Буян, признав давешнюю птицу, крикнул, махая рукой:

— Не твоя забота, соглядатай пернатый! Лети себе дальше, подсматривай да подслушивай. А хочешь нам помешать — попробуй, коли под силу тебе сие!

Мечислав нарочито медленно вскинул лук с готовой стрелой. Ворон от этого шарахнулся так, что наткнулся на валун и чуть не упал на руки Властимиру.

— Не сворачивайте вы камня-валуна, — запричитал он хрипло да жалобно. — Не запруживайте ручья, не ломайте моста, заклинаю вас!

— Не ломать? — переспросил Буян. — А как же нам тогда на ту сторону перебраться?

— Я проведу вас, только не ломайте здесь ничего!

— Ну что? — Буян обернулся на друзей. — Поверим птице?

Слепой Властимир только пожал плечами, а Мечислав спокойно заменил стрелу и сказал:

— Пусть делает, но знает — у меня в колчане одна стрела заговоренная — бьет без промаха, и ее я на него успею потратить, ежели обманет!

— Нет, не обману! — заверещал ворон испуганно. — Идите к мосту!

Путники разобрали лошадей и вернулись на берег.

ГЛАВА 7

Подведя всадников к мосту, ворон взмыл в поднебесье так стремительно, что Мечислав ругнулся, досадуя, — хоть и была стрела без промаха, но уж больно быстро он уворачивался.

Поднявшись чуть ниже облака, ворон каркнул с высоты и камнем упал на мост, на самую середину. Лишь коснулся он досок, вспыхнули его перья ярче солнца самого, а весь мост запылал жаром, да таким, что и Властимир его почувствовал.

В молчании смотрели всадники на костер, в который превратился мост с вороном вместе, и ждали, когда рассыплется он в пепел. Но пламя гудело и ревело, а мост не сторал и не менялся в огне.

Наконец утомился огонь, стал стихать, потом исчез совсем. Не поверили глазам своим путники — мост из огня вышел целехонек, словно и не горело ничего, а на перилах, поджав ноги, сидела старуха в лохмотьях.

Она проворно прыгнула на доски и поманила людей:

— Что встали? Проезжайте, касатики, — не сгорите! Старуха могла и соврать, но мост не подвел. Когда все трое оказались на мосту, она проворно сбежала с него и устремилась к избушке, которую Буян углядел еще раньше. Всадники прищипорили коней, но поспеть за

старухой не могли.

— Стой-ка, бабушка, — окликнул ее Буян. — Объясни нам, где хозяйка этого леса, Яга-воительница?

Старуха как раз в этот миг поставила ногу на ступеньку крыльца и обернулась на гусяря.

— А зачем она тебе, красивый, надобна? — медовым голосом спросила она. — Дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Дело у нас к ней есть, дело тайное и нужное. Старый дуб нас к ней послал, тропу уговорил в избушку ее приводить...

Тут он осекся, поскольку старуха молча указала ему под ноги. Конь Буяна стоял на тропе, которая кончалась под ногами старухи, у самого крыльца.

Гусярь слез — почти свалился с седла.

— Выходит, ты и есть — Яга-воительница? — ахнул он.

— Что, не похожа? — подбоченилась старуха.

Буян, не скрывая любопытства, окинул ее взором пристальным. Росточком старуха была даже ниже Мечислава и дотягивалась гусярю едва до груди. Может, когда-то была она стройна и статна, теперь же похудела и согнулась вдвое. Кожа на сморщенном, как яблоко печеное, лице была почти черна. Выдавались вперед горбатый нос и нахмуренные брови. Из-под них огнем полыхали глаза, на угли похожие. Тонкий рот все время двигался, качая подбородок. Седые волосы были собраны в жидкую косу, что выбивалась сбоку из-под платка с заплатой. Старушечье тело прикрывала вроде как рогожа, раньше имевшая цвет. Поверх ее была накинута меховая душегрея, за пояс которой заткнуты рог, окованный серебром, и птичьи перья. Старуха упиралась худыми руками в бока и глядела весьма гордо и даже весело.

Избушка, на пороге которой она стояла, была ей под стать — маленькая, ветхая, до половины вросшая в землю, покрытая мохом и дерном, об одном подслеповатом окошке и двери на единой петле. К углу была прислонена метла из ободранных прутьев на суковатой палке.

— Не похожа? — повторила старуха,

— Нет, — сознался Буян, — Не в обиду тебе будь сказано, походишь ты скорее на ворону ошипанную.

— Да ведь она ворона и есть, — вспомнил Мечислав. — Помнишь, Буян, ворон нас перевести на эту сторону обещался? Где он теперь?

— А ведь верно! — обрадовался Буян. — За услугу благодарствуем тебе, ворон-птица, а теперь будь добра, подскажи, где найти нам Ягу-воительницу?

— Говорят тебе, нашел уже! — Старуха начала сердиться. — Недосуг мне с вами лясы точить попусту. Ежели до ночи успели добраться, милости прошу, проходите, гостями будете!

И она распахнула щербатую дверь.

Буян придирчиво осмотрел избушку. На вид она была так мала, что нельзя было понять, как сама старуха в ней помещается. Но вид у лесной жительницы был столь решительный, что гусярь не стал спорить.

Изнутри лесная заимка была гораздо больше, нежели снаружи. Бревенчатые стены поднимались почти на сажень. Снизу до половины были они чисто выскоблены, и только там, где собирался дым, виднелась копоть. У дальнего угла стояла печь, из валунов сложенная, — в ней пылал огонь. Подле печи нашлись сундуки и лари с припасами.

В стены, куда ни глянь, были вбиты крюки и гвозди, на которых висела различная утварь, а меж нею — пучки трав, шкурки зверей в связках, многочисленное оружие и доспехи.

Снаружи слышалось ржание коней. Буян и Мечислав выглянули разом. Сквозь натянутый пузырь они увидели, как к их коням подбегает зверь, похожий на толстого кота. Сгнав лошадей вместе, он погнал их куда-то прочь.

— Стой! — завопил Буян, бросаясь из избы.

— Не гонись, — остановил его новый голос, — То слуга мой! Гусляр обернулся — и удивился в который раз за день.

У печи на месте старухи стояла женщина помоложе ее. Лишь горбатый нос, горящие угольями глаза да седая коса оставались прежними. Одежда на ней была из кож звериных — платье до пола, душегрея вышитая. Незнакомка улыбнулась весело и молодо и поманила Буяна рукой:

— Али не признал меня? А я тебя сразу заприметила — хотела проверить только, каким ты стал с годами — хуже или лучше.

— И что же заметила?

— Вовсе не изменился ты, Буян-новгородец, гусляр-оберег, вещим Бояном прозванный. Только прозвание “вещий” тебе рано дадено — кабы прозвали им тебя вовремя, давно бы ты признал меня!

Властимир нашарил руку Буяна.

— Откуда ты с нею знаком, друг? — шепнул он. — Кто такая она?

— Сам того не ведаю, — отмолвил гусляр. — Развей сомнения мои, госпожа, расскажи, где мы могли с тобой видеться? Я многих людей за свою жизнь встречал, многих помню... Ты, — вдруг остановился он, — не Зёвана ли охотница, что лань белую в лесах пасла?

Голос его дрогнул, и Властимир встал рядом, все еще держа гусляра за руку. Обоим сразу вспомнилась избушка лесная, да в ней старушка чудная, что сперва их накормила-напоила да спать уложила, а ночью погубить хотела. Тогда умение да хитрость Буяна спасли их. Что теперь им грозит?

Но незнакомка рассмеялась еще веселее:

— Вижу я, что все же переменялся ты, коли считаешь, что можно за просто так дважды в одну ловушку попасться! Ничего подобного промеж нас от веку не было. А признала я не тебя самого, а поступок твой. А дело твое малое, да немалое — достанется тебе за него награда великая и моя благодарность.

Она вдруг поклонилась Буяну — не в пояс, а по-княжески. Гусляр еле смог ответить тем же.

— Откуда мне честь такая? — еле смог он вымолвить.

— От сердца твоего доброго да памятливого. Помнишь и чтить ты супруга моего, Ящера-прародителя, земли устроителя.

Буян так и сел на лавку.

— Значит, ты и есть...

— Яга-воительница, леса и всех, кто живет в нем, от беды храню, чужого да жадного не допускаю, врага изгоняю. Когда-то забыли люди о Ящере, что был самому Перуну верным помощником, и всю родню его изгнали вон. Кто с того времени умер-изгиб в чужих краях, кто куда подался, я одна осталась от него поблизости. Забыли люди память правдивую о нем. Так я думала, пока ты не принес ему почтение и жертву от сердца своего да по разуму. Он тебе тогда за память и почтение отплатил, а теперь мой черед. Будьте гостями!

Живо и красиво, так что опомниться гости не успели, Яга накрыла на стол.

После ужина, затеплив огонек, присела на лавку.

— А теперь говори, Буян, что привело вас в мод леса, какая беда да тревога? Что в моих силах — все сделаю, а коли не смогу чего — совет дам.

— С другом моим беда приключилась. — И поведал Буян Яге повесть о волках-псоглавцах, что пришли войной на город Ре-зань, пожгли и позорили¹⁸ его, а самого князя полонили, глаза ему вырвали и обещались отдать его в рабство к пришельцам из земель неизвестных, из стран чужих, чуждых.

О пришельцах Яга, оказалось, знала не меньше Буянова и остановила его объяснения

---

¹⁸ Разорили (др.-рус.).

взмахом руки.

— Что ж, — промолвила она. — Я слово твое выслушала. Дело здесь серьезное и особо его делать надобно. Ворога изгнать — то не самое главное. Главное — не допустить, чтоб опять он в Резань пожаловал. Я о граде том много слышала: один из самых старых он на земле — трижды уже разрушался и строился всякий раз на новом месте, а имя сохранялось почти в неизменности. При самом Ящере первый раз он заложен был... И про Светлых я тоже ведаю — много раз они к нам являлись — где появятся, там беда.

— Помоги нам, Яга-воительница! — воскликнул Буян. — Не за себя, не за родню жены своей прошу — за друга моего. Горько ему таким жить. Присоветуй, что нам сделать, как беду эту превозмочь?

Яга встала, подошла к Властимиру, взяла в ладони его голову и осторожно сняла повязку.

— Что с глазами твоими сталося? — спросила она.

— Их у меня вырвали... и сказали, что вороны склевали, — еле слышно ответил князь, — Я сквозь боль грай вороний слышал, ветер от крыльев, когда над головой кружили, чувствовал, потому считаю, что не солгали мне.

— Подскажи, Яга-воительница. — Буян схватил ее за руку — Есть ли где на земле средство такое, чтоб вернуть ему глаза взамен утраченных?

— А коли скажу, что на ином краю земли оно, средство это, схоронено, так и пойдешь? — улыбнулась Яга.

— Так и пойду, — твердо ответил гусляр. — За тем и пришел... А коли мои глаза тебе надобны, то я и на то согласен, — прибавил он не дрогнув, — и без глаз петь можно. Голос меня прокормит.

Взор Буяна и горящие очи Яги встретились. Показалось гусляру, что раскаленные прутья вонзаются ему в глаза, выжигают слезы. Но не дрогнув, выдержал тяжелый взор, и на миг глаза не отведя.

Сердцем угадав поединок, нашел Властимир его руку и пожал.

— Не трудись, друг, — промолвил он. — Такой жертвы мне не надобно. Я за чужой счет счастливым быть не смогу — ты знаешь меня!

Яга наконец отвела горячий взор от залитых слезами глаз гусляра и отпустила его, склонясь над ранами Влас-тимира.

— Первый раз я такое встретила, — созналась она. — Дело и впрямь небывалое. Помочь ему надобно, но помочь ему трудно, ох как трудно... — Сжала крепче голову князя, ближе к лицу поднесла и сказала в раны поджившие: — Но помочь можно!

Властимир вскочил, вырвавшись.

— Что? Что ты сказала, старуха? — воскликнул он срывающимся голосом.

Буян бросился к нему, подхватил, но князь отбросил его, как ребенка, и вслепую пошел на Ягу, протянув руки.

— Что ты сказала, повтори? Не рви сердца моего!

Буян и Мечислав с двух сторон повисли на его локтях, сию же минуту если не усадить, то хотя бы остановить. Вдвоем им едва удалось с ним справиться, да и то потому, что как раз в ту минуту подошла сама Яга к князю, провела рукой по его лицу и молвила ласково:

— Не порвется сердечко от радости, раз беда его не ослабила. И отвага в тебе, да и сил полно, а друзья — верней еще не было. Долог путь туда и сто крат тяжел, но решишься коли — поведаю!

— Я иду! Иду!

Яга кивнула друзьям, и те отпустили Властимира. Чуть покачнувшись, князь рухнул на лавку, закрывая лицо руками. Плечи его поникли, словно не радостную, а горькую весть ему поведали. Чуть совладав с собой, он поднял голову.

Вокруг была тишина, и ему показалось, что все ушли и оставили его одного. Впервые с тех пор, как заговорили с ним Явор с Яроком, окружало его молчание. Он различал потрескивание огня в печи и голоса просыпающихся лесных жителей, но больше ничего.

— Буян? — тихо позвал он.

Отзовись мир молчанием — и страх бы поселился в его душе навсегда. Но тишина ожила, отозвалась вздохом облегчения, верный друг присел рядом, обнимая за плечи.

— Все хорошо, Властимир.

Князь, не смущаясь, припал к плечу друга. — Я буду видеть, Буян? — шепнул он.

— Я все сделаю для этого, княже, светлым Перуном и Хоросом клянусь. А не помогут они — принесу клятвы Чернобогу¹⁹, — торжественно молвил гусяр. — А пока успокойся — ты плачешь...

Властимир отер мокрую щеку.

— Знаю, — отмолвил он. — Это в первый раз с тех пор, как ослеп.

Яга-воительница поманила Буяна:

— Погоди-ка раньше срока радоваться. Путь впереди долог и труден, не раз еще, может, проклянете тот день, когда на него решились. Не всякий дойдет туда, не всякий дело исполнит — только самый сильный, самый мудрый и самый смелый.

— А ты испытай нас, коли веры у тебя в силы наши нет, — воинственно возразил Буян. — Тогда и посмотрим, кто может все одолеть!

— Нет мне в этом нужды, — покачала головой Яга. — Я уже силу и ум ваши видела. Только там не только это понадобится. Слушайте!.. Путь ваш лежит в страны дальние, в земли заморские, где люди говорят и живут не по-нашему. Путь ваш лежит отсюда на юг, по землям славянским — мимо городов, лесов, рек, мимо самого Киева-града по Днепру до самого моря, а через море и далее — по землям неизвестным. Может, там такие твари водятся, каких у нас и в самых страшных сказках ни сказать, ни пером описать. Но за теми землями неизвестными лежит сам отец Океан-море. В море том остров Буян²⁰. На острове том стоит терем самого Кашея — он-то знает, где схоронена живая вода — единственное, что здесь помочь может. Коли не доберетесь до Кашея и на разговор его не вызовете — не видать князю света дневного, потому как во времена незапамятные Кашея боги хранителем живой и мертвой воды поставили: с той поры он и не старится и богов той водой оделяет по мере надобности.

— Так, может, сразу у самих богов ту воду и спросить? — молвил Мечислав. — Отец мой среди них не последний, не откажут ему светлые!

— Хватил! — Яга покачала головой. — У богов ее может и не стать в нужный миг, а у Кашея она завсегда есть. Надобно только его уломать, чтобы согласился он живой источник открыть для-ради вас. А это дело самое трудное — потруднее дороги станет.

— Клялся я Перуном, что живой водой той не раз исцелен был. Клялся Хоросом, что любой воде силу целебную дать может. Поклянусь Дажьбогом²¹, что когда-то первым источник сей воды из скалы иссек, — сказал Буян. — А не помогут они — верность принесу самому Чернобогу, чтобы он светлых богов приструнил да с Кашеем уговорился породственному. А назад мне пути нет — клялся я, что друг и названный брат мой опять солнце увидит, и слово свое сдержу. Или мне самому солнца не видать и домой не ворочаться! На том меч целую!

Замолчали все, клятву такую услышав. Даже Властимир от друга отступился. А Буян спокойно обнажил меч и коснулся его губами, подтверждая свои слова.

Яга смотрела на него сочувственно.

---

¹⁹ Чернобог — в балтийско-славянской мифологии злой бог, приносящий несчастья.

²⁰ Буян — остров, упоминающийся в русских сказках и заговорах. Находится далеко за морем или в потустороннем мире. На о Буяне живут мифологические персонажи, находятся волшебные предметы.

²¹ Дажьбог (Дажьбог) — восточнославянское божество, входившее в состав пантеона князя Владимира. Бог солнца, родоначальник и покровитель древнерусского этноса.

— Дело ты на себя взвалил немалое, — наконец она промолвила. — Самим богам светлым вызов бросать — такого давно в мире не было. Но коли правда то, что помню я о тебе, то ждет тебя удача немалая. Боги клятву твою услышали, примут, нет ли, про то неведомо... А покамест вы двое ложитесь-ка спать: утро вечера мудренее! А ты, Буян, со мной останешься — расскажу я тебе о тех землях все, что самой известно...

Мечислава и Властимира уложили спать, а Яга с Буяном у лучины под окном еще долго совет держали.

На рассвете, только солнце ясное заглянуло на полянку лесную и росу расцветило яркими красками, выехали из избушки три воина. Провожала их Яга-воительница, в доспехах кованый снаряженная, до развилки лесной, где три тропинки по сторонам расходятся: одна в чащу лесную ведет, другая — в болота зыбучие, а третья, самая тонкая да неприметная, сперва по камням да корягам скачет, а потом на людскую тропу выходит. Здесь, на развилке, у камня придорожного, остановила она лошадей своих гостей недавних и на прощанье сказала им такие слова:

— Тропка эта, коль с ней по-людски да по правде поступать, без дела не топтать, вас к друзьям моим выведет. Надо только заметить, не пропустить приметку малую. Отсюда она вас в частый ельничек, а из ельничка да в осинничек, из осинничка да в дубравушку, а оттуда — в лес да сосновый бор. Там глядите в оба, сторожитесь — как увидите при овраге камень бел-горюч лежит, из-под камня того ручеек бежит, как к нему направляйтесь. Коли удастся вам камень с того места своротить, выйдут к вам жители подземные, что от века там от людей хоронятся — даже боги не все их видели. Расскажите, что я сама приметку дала, и просите у них помощи себе. Что они сами дадут не выпрашивая, то и берите. Эта помощь от чистого сердца пойдет, она в деле вашем самая ценная... И впредь принимайте только ту помощь да подсказку, какую вам без слова вашего предложат, — земля там иная, обычай другой, смертью он грозит всем незнающим. Что за зло на пути вам встретится, где добро да друзей отыщете — того никто не скажет, потому слова мои крепко запомните. А теперь прощайте. Добрый путь и дорога скатертью!

Поклонились Яге-воительнице три витязя и своей дорогой отправились.

На ветру звенят сосны стройные, головами колышат кудрявыми. Солнце стволы золотит медные, сок стекает каплями янтарными. Под копытом хрустят иглы ломкие, в кронах белки цокают шаловливые, в чащобе лесной растут папоротники. Буян, выехав вперед, достал гусли, настроил их и запел что-то тихое, чтоб лесную глушь не тревожить попусту.

Тропа вилась меж стволов сосновых, ровно нитка на станке ткацком меж иных нитей, — то на холм, где возрос одинокий дуб, поднимается, то к оврагу крутому спустится. Буян и Мечислав вертели головами, выглядывая бел-горюч камень, и наконец увидели.

Впереди поднималась терраса реки пересохшей, на ней теснились сосны толстые. Среди них несколько дубов и берез оказалось, а внизу, у подножия террасы, где травы было меньше, лежал на горшке в полсажени высотой камень в три охвата с малым. Врос он в землю больше чем наполовину, мхи и травы ползучие оплели его почти до маковки, на свободном местечке ящерица греется. Из-под камня того ручеек течет маленький — тонкой струйкою, словно ниточкой. И бежит ручей в озерко круглое.

Остановили коней всадники у камня, спешились.

Не тратя времени, поспешили Буян с Мечиславом к камню заветному, стали ножами очищать его от травы и листвы, землю приставшую прочь отбрасывать.

— Да его и лошадьми не своротишь, — усомнился Мечислав. — Разве только опять умом да хитростью?

— Что за камень такой? — позвал их Властимир, которого они пока в стороне оставили. — Подведите меня к нему.

Буян взял его под руку, подвел к самому камню, чтобы князь мог его ощупать. Валун возвышался на горшке почти на полтора локтя в высоту, и князь мог, особо не кланяясь, ощупать его основание.

— Погодите, друзья, — позвал он вдруг. — Он вроде как неплотно прилегает! — Князь присел у камня, раздвигая корни обрезанной травы. — Я щель чувствую.

Под корнями и правда была небольшая щель.

— Эх, кабы были с нами девушка или отрок, что не вошел еще в силу полную! — потужил Властимир. — А то там что-то есть, да я дотянуться не могу!

— Есть отрок, есть! — воскликнул Буян. — А ну-ка, княже, уступи место Мечиславу Чистомысловичу!

Властимир посторонился, и юноша присел рядом у камня. Князь сам нашел его руку и указал, где искать. Мечислав пощупал внутри и вскинул голову.

— Под камнем пусто! Не то ход подземный, не то яма глубокая, — сказал он. — Я почувствовал, там земля сразу вниз идет.

— Если правда то, что на прощанье нам Я га-воительница поведала, то подземные жители света дневного боятся и чужого взора любопытного тож. Если откроем щель, то они, не торгуясь, дадут нам и помощь, и совет добрый, — рассудил Буян.

Не тратя слов, приступили к делу. Пока Властимир с Мечиславом ножами расщиряли щель, Буян принес копье покрепче. Подсунув его в щель, князь налег на него...

Под его тяжестью камень крякнул, как живой, с хрустом оторвался от земли, открыв ход достаточный, чтобы мог протиснуться человек. Пока у Властимира не иссякли силы, Буян с Мечиславом подтащили камни поменьше и подложили в щель, мешая валуну встать на место.

Все столпились у камня. В глубину тянулся крутой ход, достаточно глубокий, тесный и узкий, чтобы призадуматься. Наконец Мечислав решился.

— Вот что, други, — молвил он, — я моложе вас и полегче буду. Попробую спуститься вниз. Осмотрюсь, как там, а потом вы меня вытянете.

Обвязавшись веревкой, юноша стал спускаться в провал. На случай, ежели кто-то задумает потянуть за веревку сильнее или соскользнет Мечислав неожиданно, другой конец Буян привязал к седлу его коня.

Ход оказался не так крут, как виделось вначале, — только на полсажени он спускался вниз прямо, потом появился склон, а в нем крутые ступеньки — уже старые, осыпающиеся. Под сапогами Мечислава они рушились, и земля летела куда-то вниз.

Заметив, что веревка перестала уползать внутрь, Буян перевесился через край и крикнул:

— Мечислав, ну что там? Уснул, что ли?

— Тут и без сна не как в яви!²² — глухо донеслось снизу-Только мрак и ступени вниз уходят. Много ли веревки осталось?

— Сажени на три-четыре, не более.

— А ход, мыслю я, на все десять еще вниз тянется... Ой! Веревка дернулась, и Властимир, державший на ней руку,

заметил это.

— Что случилось там, Мечислав? Али зверь какой?

— Тут и без зверя как со зверем! — отозвался юноша. — Вытаскивайте меня скорее!

Оставшиеся потащили его наверх, и вдруг кто-то еще повис внизу, добавив тяжести. Из хода было слышно, как неизвестный борется с Мечиславом — доносились тяжелое дыхание и вроде как звериное рычание. Зазвенел по камням выпавший из руки юноши меч.

Поднатужившись, князь с гусяром выдернули на поверхность сразу двоих.

В Мечислава мертвой хваткой вцепился белой масти зверь, похожий на закованного в доспех волка. Обхватив по-человечьи лапами бока юноши, он тянулся к его горлу, а Мечислав всеми силами старался защититься от его зубов. На боку зверя виднелась глубокая

---

²² Явь — в “Велесовой книге” название земного, срединного мира в отличие от мира подземного (нави) и мира небесных богов (прави).

царапина от меча, но грудь и загривок его защищал кованый панцирь с шипами на горле. Оказавшись на солнце, враги не расплели смертельных объятий и покатались по земле, стараясь подмять один другого.

Клубок подкатился к самым ногам Властимира. Тот по рычанию распознал, что на Мечислава напал зверь, похожий на ненавистного для него волка, и, не разбирая, ударил ногой.

Кончик кованого сапога врезался как раз между противниками и разметал их в стороны. Зверь на миг отвлекся от горла врага и вскинул морду, чтобы узнать, кто его так ударил.

Он увидел слепого человека... Слепец беспомощнее, чем любой другой воин, один удар — и... Зверь приподнялся, отворачивая голову от Мечислава...

И свет солнца ударил ему в глаза.

Это было так неожиданно, что зверь отпрянул, закрывая морду лапами. Глаза невыносимо болели. Ему хотелось только одного — добраться до темноты, где он привык жить, снять жгучую боль. Он бросился к валуну, но на его пути стоял Буян, успевший вооружиться.

Почти не видя ничего из-за заливавших глаза слез, зверь с разбегу ударился мордой в выставленный гусяром щит. От новой боли он завыл, но только размахнулся, чтобы сбить с ног нового противника, как какая-то сила подняла его в воздух.

Буян, изготовившийся для второго удара, опустил щит. Зверя надежно держал Властимир, а позади него поднимался с земли Мечислав. Руки его до локтя были искусаны, рукава рубахи и ворот разодраны, но в остальном он был цел и невредим.

Зверь крутился на земле, не смея напасть. Властимир стоял спиной к солнцу, и подземный сторож был вынужден смотреть на свет. Это было больно, и он выл и вертелся, надеясь вырваться, но из рук князя спастись было не так-то просто.

Мечислав опустил руки в ручей, сдерживая бег крови из ран. Тем временем Буян размотал веревку и принялся связывать пленника.

— Надо бы нам быть поосторожнее, — предупредил юноша. — Он там не один!

От неожиданности Властимир едва не выпустил лапы пленника, а Буян сердито развернулся к нему.

— Что ты говоришь? Как — не один?

— Да просто все,—объяснил Мечислав.—Я свет внизу увидел — он ко мне приближался. Хотел крикнуть, вас предупредить, а тут этот зверь на меня набросился. Когда он на меня кинулся, свет еще двигался. И потом — глянь, какой панцирь на нем. Видать, человек его ковал и надел на него специально.

— Мечислав прав, — вдруг сказал Властимир. — А потому надо нам приготовиться гостей встречать!

Друзья вернулись к князю. Выпустив лапы волка, он ощупью добрался до валуна и стал у самого хода, касаясь его рукой. На лице его застыло внимание. Поманив друзей, он шепнул:

— Слушайте! Вы ничего не различаете?

Буян и Мечислав подкрались к ходу и осторожно заглянули внутрь. Из глубины доносился шум чьих-то шагов. Кто-то лез, пыхтя и бормоча себе под нос, совсем близко от поверхности качающийся огонек освещал низкую плотную фигурку.

ГЛАВА 8

Опомнившийся Буян бросился было за оружием, которое лежало совсем рядом, но опоздал. Гость махнул рукой, что-то вылетело из хода и зазвенело на камнях. Гусляр вытаращил глаза — на камнях лежал оброненный меч Мечислава.

Юноша кинулся к оружию, и все пропустили миг, когда на поверхность вылез хозяин.

Властимир почувствовал, что кто-то лезет мимо него. Он решил было, что это кто-то из

друзей, и протянул руку помочь, но никого не обнаружил.

Зато связанный зверь с первого взгляда узнал невысокого человечка. Он завертелся на камнях, завизжал обрадованно, отчаянно виляя хвостом.

Буян и Мечислав уставились на гостя. Он был низкого роста, прямо карлик, с каким гусяр сталкивался однажды, под корнями старого дуба, но выглядел совершенно как человек. Гость был чуть горбат, но из-за его самоуверенности и толщины это не бросалось в глаза. Борода была подстрижена коротко и опалена с одного бока. От его нарочито грубой и небрежной одежды пахло чем-то столь знакомым, что, когда запах учуяли, не сразу поверили.

От подземного гостя сильно пахло лошадьё.

Он невозмутимо поставил светильник с поблекшим на свету пламенем и вразвалочку направился к связанному зверю, на ходу вынимая длинный кривой нож. Увидев это, волк прямо зашелся в радостном визге.

— Зачем животину мучаете, свободы лишаете? — строго заговорил гость, разрезая веревки. — А коли б вас так — вы б что сказали?

Освобожденный волк запрыгал около него, как собака, потом, лизнув на прощанье руку, молнией скакнул в ход, чудом не сбив светильник.

— Домашний, что ли, зверь этот? — молвил Буян.

— Домашний, — кивнул гость. — Сторож он здешний.

— Приучил бы сторожа своего не бросаться на кого не надо, — строго заявил гусяр. — Глянь-ка, что он с другом нашим сделал! Мечислав, покажи руки!

Юноша, смущаясь, отвернул кое-как приправленный рукав. Увидев глубокие царапины, гость не смутился.

— Не надо было дразнить зверя. Он умный, а вам то не ведомо! А то явились — не запылились, ход зачем-то разворотили... Вот ставьте теперь все на прежнее место, да живо — а не то зверь мой остальных приведет. А с десятком, чую я, потруднее вам будет справиться!

— погоди, — остановил несговорчивого гостя Властимир. Князь, найдя его по голосу, тронул за плечо. — Али не заметил ты, что слеп я?

— Заметил, сразу заметил, — кивнул гость, — только уже сказал я, что не мой зверь глаза твои отхватил. Ищи другого, кто солнца свет знает, а нас не трожь!

Он захотел было уйти, но Властимир держал его крепко.

— погоди, не о том речь у меня. Обидчиков я своих знаю и обиды им не прошу. С тем я и в путь отправился, чтоб сыскать на них управу. В дороге нам Яга-воительница встретилась. Признала она одного из нас и за это, провожая утром в дорогу, дала наказ: как окажемся мы в сосновом бору, чтоб искали бел-горюч камень, у оврага лежащий. Сказала она, что, коли сдвинем мы камень сей, подземных жителей, ее родичей, повидаем, и велела просить у вас помощи, какую сами нам восхощете!

Выслушав речь, гость подобрел и заулыбался:

— Молвил ты складно да ладно. Что ж сразу не сказали, что Ягу знаете? Наезжает она сюда частенько — поболтать, новостями поделиться, а когда и оружие подновить. Раньше-то года без того не проходило, а как завелись варяги на земле, так все реже и реже является. Может, боится их, может, чует что... Раз она вас послала, будьте вы гостями нашими!

Он взял руку князя и повел его первого в подземелье.

Буян и Мечислав задержались всего ничего — только привязали коней, задали им зерна и прихватили оружие. Властимир же ничего с собой не взял,

Путь по подземному ходу с хозяином здешних мест оказался легче. По крайней мере, так показалось Мечиславу. Миновали они всего несколько сажень, и маленький человечек свернул в ход, которого юноша не приметил в первое лазание.

Здесь было темно, хоть глаз коли, и сыро, но светильник в руке подземника горел ярко, позволяя увидеть ровные своды, гладкий пол и сосульки на потолке. Видно было, что их часто обрезали, чтоб они не вырастали слишком длинными.

Подземник шел впереди, указывая дорогу. Рядом с ним держался Властимир. Буян и Мечислав крались сзади, то и дело оглядываясь и поджидая не то стаи обещанных белых волков, не то еще кого.

Вдруг Буян замер, вглядываясь в стену.

— Эй, все сюда! — позвал он. — Скорее! Я что нашел!

— Чего еще там? — пробурчал подземник, нехотя возвращаясь.

Поджидая, когда свет придвинется ближе, Буян в нетерпении приплясывал у стены. Когда все собрались около него, гусяр с победной улыбкой ткнул в высеченное на камнях изображение воина в доспехах. Подле витязя присело какое-то животное, похожее на Ящера или Змея, но поменьше — ростом с лошадь. На морде зверя замечалась вроде как упряжь. Под рисунком шел двойной ряд букв и каких-то полустертых символов. Среди них можно было ясно различить ворона, крест и спираль.

— Видели? — воскликнул гусяр. — Вы это видели?

— Ну видели, ну и что? — скривился подземник.

— А то, что точно такие же знаки я последнее время нахожу всюду, где есть дэвсы. Пять лет уж, как с ними повстречался. Мне про знаки сии Чистомысл много рассказывал. — Буян дрожал от нетерпения, как молодой горячий конь, — Здесь бывали дэвсы, сознавайся, подземник?

— Эва, удивил. — Тот скривился презрительно. — Да их тут немерено. Если бы ты, человек, на каждую картинку не останавливался, давно б уж их вживую увидел. А если бы поопытнее был, то и так бы понял, что с одним из них разговариваешь!

Буян вытаращил глаза, а Властимир отступил от необычного старичка, словно тот в зверя лютого обратился. Гусяр рассматривал их провожатого так долго, что даже терпеливый Мечислав тряхнул его за плечо:

— Пошли, что ли? И так задержались сверх меры.

— Дело говоришь, парень, — одобрительно кивнул подземник. — Застоялись мы в пустом ходе. Дальше идти надобно.

Пристыженный Буян занял свое место и до конца пути промолчал, угрюмо и внимательно косясь по сторонам.

Путь их завершился вскоре — за вторым поворотом им открылся широкий освещенный коридор, стены которого были выложены цветным камнем. Посреди пещеры высился каменный стол — видимо, для общих трапез. Но никого поблизости не было, хотя время обеда наверху давно уже настало. Не останавливаясь, подземник провел гостей в одну из дверей.

— Говоришь, князь, в путь вы отправились? — вдруг заговорил провожатый, негромко обращаясь к Властимиру.

— В путь, — коротко отмолвил князь.

— А далеко ли путь держите?

— Далеко, — еще короче бросил князь.

— А все-таки?..

Властимир сжал зубы. Вот сейчас он примется причитать, что не дело он затеял — в путь-дорогу дальнюю слепым отправляться. Послал бы друзей своих или слуг верных, а то и кинул клич по городам и весям, чтоб нашелся добрый молодец, что не побоялся бы в страны незнакомые отправиться и достать ему средство чародейное. Да и вообще, не дело князьям самим такое затевать — на то слуги да холопы имеются. Но подземник молчал выжидающе, и Властимир процедил сквозь зубы:

— За моря.

— А море какое — не Понт ли Греческий?

— Он самый.

— Тогда добираться вам до него — срок немалый...

— Сам то ведаю, да только то не твоя печаль! — перебил Властимир.

— Да что ты взъелся-то на меня так, князюшко? — Подземник выглядел озадаченно, —

Али молвил я слово противное? Али в чем еще не потрафил?

— Просто ведаю я, что на языке твоём вертится — мол, не дело такое вершить убогому, а князю и вообще зазорно самому в путь пускаться — на то слуги да холопы имеются. Да только сейчас у меня есть лишь два друга, которым могу довериться, — позади меня идут, а больше в целом свете никого — все прочие враги лютые.

— Такого у меня и в мыслях не было, — заверил его подземник. — В прежние времена кому что надобно, тот сам все и вершил, на чужое слово не надеялся. Сам Перун, когда нужда пришла, для себя ковал палицу да меч звездный. Иди, куда душа и вера твоя ведут тебя. Я хотел сказать, что далековато до моря-то, а ты спешешь небось...

— Твоя правда, спешу я. По рекам да по волокам путь отсюда до моря Греческого никак не месяц, а земель, может, и столько же, коли не более. Ныне же макушка лета на исходе, изок-месяц²³ закатился. Пока туда доберемся, пока корабль найдем...

— Да, на исходе лета редко какой кормщик в путь по Греческому морю пустится. Слышал я — там бури гуляют лютые, как скорлупки суда переворачивают. Плыть по нему хорошо весною, да зимою, да в самом начале лета, когда Морской хозяин спокоен бывает.

— Что ж мне — ждать придется на берегу моря до зимы первого корабля?

— Зачем ждать? Поспеее вы в нужный срок — хоть на самый последний корабль, а попадете!

Услыхав последние слова подземника, их догнал Буян, пошел подле.

— А ты часом не завираешься, друг любезный? — молвил он. — Как мы такое сможем? Или средство у тебя есть особое?

— Средство и в самом деле есть, — хитро мигнул подземник. — И идем мы к нему.

Но тут уже Буян сам все понял и обрадованно хлопнул себя по лбу ладонью, потому как в это время усилился знакомый запах лошадей.

Путники прошли еще немного, завернули за угол и оказались в подземной конюшне.

Узкий высокий коридор был скудно освещен двумя факелами — один в начале, другой в конце хода. С двух сторон в коридор открывались вырубленные в скале ниши, края которых оплетал узор из трав и птиц. В каждой нише, прикованный к стенам толстыми цепями, стоял жеребец, да такой, что Буян, взглянув на первого же, всплеснул руками:

— Огонек! Княже, вот куда твой Огонек запропал! Властимир невольно рванулся на голос гусяра, протягивая руки. Но подземник строго осадил его:

— Твоя правда, человеке, но не вся. Жеребчик этот как две капли на отца своего похож, которого Огоньком зовут. Одна шерстинка у него золотая, другая серебряная, из глаз огонь, из ушей дым, из ноздрей искры сыплются, как взмахнет шестью крыльями — так за тридевять земель улетит. Море враз перескакивает, с горы на гору перешагивает, а во лбу у него камень-самоцвет — от него в любую ночь без огня светло.

— Все верно, подземник, — кивнул Буян. — Точно этот конь!

— Этот, да не тот. Гляди!

Сунув в руки гусяру светильник, подземник шагнул к жеребцу и откинул со лба длинную челку.

Буян даже вскрикнул с досады: камня-самоцвета во лбу не было.

Подземник опустил челку, скрывая лоб.

— Привели сюда пять годов тому уж жеребца Огонька. Время прошло — и мы его отдали, а здесь остались дети его. — Он обвел руками коридор. — Все волос к волосу, голос к голосу, у иных и камень тот заветный во лбу целехонек. Тридцать три их туточки, и троих любых мы вам с великой охотой пожалуем. Проходите, гости дорогие, выбирайте коней заговоренных.

Он повел гостей по коридору. И верно — в каждой нише позвякивал цепями и хрустел белоярой пшеницей златогривый конь. Повиснув на локте Властимира, Буян шепотом

---

²³ Изок — кузнечик; славянское название месяца июня.

пересказывал ему все речи подземника, от себя добавляя лишь о статях осматриваемых жеребцов, и иногда советовал:

— Этот был бы в самый раз для тебя — молод да смирен...

— А ум? — переспрашивал Властимир.

— Что — ум? У лошади самое первое — сердце! Она сердцем чувствует, сердцем мыслит.

Показав всех коней, подземник добавил:

— А еще коники те по поднебесью аки птицы летают. Совсем они дики, необъезжены. А потому, кто первый их оседлает, тому служить они будут до смерти.

У Буяна и Мечислава от слов таких глаза загорелись, руки сами к упряжи потянулись, но лицо князя Резанского осталось спокойно.

— Хорош подарок твой, хозяин подземный, — молвил он с поклоном, — только не обессудь, что придется мне от него отказаться...

Буян дернул его за локоть:

— Да ты что, князь-друг, разума лишился? Не помнишь, что ли, что нам Ягвоительница наказывала? Грех великий от самочинной помощи отrekаться!

— Слово Яги я помню крепко, — возразил Властимир, — да только и вы все слово мое запомните и в сердце впустите: служил мне мой друг Облак десять годов с малым, сама судьба мне его в тяжелый час вернула, чтобы не потерял я веру в добро. И разумом его Велес не обделил, а потому не могу я с ним расстаться — не меняют в начале пути многотрудного друга старого, проверенного на новичка незнакомого.

Выслушав его, ответил подземник поклоном:

— Твоя правда, Резанский князь. И наш народ давно б изгиб, ежели б от старых друзей да от верности отрекались мы по первому слову. Хоть и прост твой конь против дареных, да можно ему помочь, силу утроить. Согласитесь погостить здесь три дня — жить будете в почете, как гостям таким и положено. Я же тем временем жеребца твоего подготовлю к походу дальнему — искупаю его в трехтравной росе, откормлю трехросной травой. Через три дня не узнаешь своего коня, Властимир!

Он трепетно прижал руку к сердцу, и князь, хоть и не видел его лица, согласился.

Миновали три дня в подземных пещерных конюшнях. Наступило третье утро, и подземные конюхи сдержали слово. Облак переменялся, словно помолодел: шерсть стала светлее, гуще, грива падала до земли и завивалась кольцами, глаза сверкали звездами, пробудился и норов. Под стать ему были даренные Буяну и Мечиславу жеребцы — они рвались с цепей, рыли землю копытами, гневно ревели, не желая признавать упряжи. Еле-еле удалось их обуздать, да и то поначалу они плохо слушались новых хозяев.

Подземник проводил гостей на поверхность. У камня-валуна они под землю спустились, да не там выбрались.

Вывели их подземные жители среди каменной россыпи на берег незнакомой реки. Бежала она по валунам как лошадка норовистая. Вокруг стоял стеной частый ельник, по которому ни пройти пешему, ни проехать конному.

Поклонился подземник гостям и молвил:

— Река эта здесь начало берет. Много ниже впадает она в другую реку, а та уж — в самый Днепр. До Днепра надо вам за дорогой следить, потому как заблудиться недолго, а как на берег выйдете, так ступайте на юг. Днепр вьется по земле — за всеми его поворотами и водяной не уследит: сегодня у него один путь, а завтра другой. Потому летите прямо, никуда не сворачивая. Тогда Киев по правую руку от вас останется, а прибудете вы точно к берегу моря Греческого. Там же путь ваш до любого города, что побольше да поторватее. Ищите греков или восточных людей, ежели вам на тот берег моря надобно. Они по эту пору домой направляются... И запомните еще один совет! Таких коней, как те, что вас несут, на Востоке отродясь не было. Там про них только сказки складывают. Коли не хотите от своих коней беды, в городах разъезжайте на них, ровно на простых, удаль свою и умение не выказывайте. Слишком много там завистников.

— Обещаем, что крепко твой наказ запомним, — молвил Властимир.

— А раз так, прощайте!

Отвесил им подземник последний поклон и исчез за камнями. А всадники, едва его проводили, пришпорили коней. Взвились они, как птицы, выше леса стоячего, ниже облака ходячего. Мелькнули под копытами ели колючие с чашеобразными непролазными — и опустились кони по другую сторону ельника. Где они копытами ударили, осталась яма в три локтя шириной. По весне залила ее вода — родилось озеро. А кони взвились опять в поднебесье, да так в нем и растаяли.

Через три дня с половиною прискакали трое всадников в приморский город Корсонь.

ГЛАВА 9

Городец Корсонь был заложен греками несколько веков назад на месте другого старого городища. Кто был его строителем, про то греки не ведали. Приплыв на этот берег, они увидели подходящее место для морской крепости. Только когда стали ломать камень и рыть колодцы, заметили под землей остатки стен и погребов. О первых двух-трех веках Корсоня — по-гречески Херсонеса — ничего путного сказать никто не мог, даже греческие историки. Точно известно было только одно: основали крепость сию пираты, что думали здесь, в глуши, спокойно хоронить добро от жителей Колхиды, которых они грабили не разбирая.

Но повезло им только наполовину — не прошло и нескольких лет, как греков-пиратов стали беспокоить кочевники, приходящие с востока, из степей. Город привлекал скифов, слухи о его богатствах расходились как круги от брошенного в воду камня. Греки оказались меж двух огней: на море их подстерегали пираты, на суше — орды кочевников.

Прошло несколько веков, прежде чем борьба с враждебно настроенным миром увенчалась успехом. Сломленные пришедшими вслед за ними кочевыми народами скифы частью осели поблизости от Корсоня, частью подались севернее, в страны снегов. Греки постепенно теряли связи с родиной. Теперь в Корсоне жили потомки эллинов и когда-то выселенных сюда, на край света, ромеев, смешавшиеся со скифами. Византия, обратив свои взоры на северный берег Понта Евксинского, узрела там не только Корсонь, но и другие города, основанные десяток веков назад. Теперь в Корсоне постоянно околачивались купцы из Византии и других стран и наместники императоров.

Солнце уже перешло полнеба, когда три всадника мягко опустили коней в нескольких верстах от города. Пристань находилась в устье небольшой речки. Вдоль ее берегов теснились избы земледельцев. До города было подать рукой, и всадники, чье появление из поднебесья осталось незамеченным для поселян, отлично его видели.

День был не базарный, да и тот клонился к вечеру, но все равно народа на улицах было много. На всадников оборачивались, спрашивали, кто они и откуда. Знавший греческую речь Буян объяснялся, называл город своего детства. Горожане, узнав, что новгородцы приехали втроем, удивленно качали головами — никто не верил, что они пробрались невредимыми через степи и не повстречали кочевников.

Пока Буян, свесившись с седла, балагурил с горожанами, его спутники молчали. Властимир, которому в прошлом приходилось принимать в Резани иноземных купцов и путешественников, немного знал языки. Он говорил на трех вос-

точных наречиях. Греческое давалось ему с трудом — на приемах позади него всегда стоял верный человек, помогавший в переводах и подсказывающий нужные слова. Сейчас он немного понимал, о чем ведет речь Буян, но сам не мог вымолвить ни слова.

Мечислав же был напуган и оглушен всем, что ему пришлось увидеть в Корсоне. Выросший на удаленной лесной заимке, он кроме родителей. Лисохвоста и двух своих попутчиков в жизни встречался всего с десятком людей. Толпа в сотню горожан, что окружила приезжих, казалась ему кошмаром. Потерявшись в гомоне, юноша испугался. Он ошалело оглядывался по сторонам и, когда один горожанин что-то спросил у него, шарахнулся от него так, что тот сам отскочил подальше и залопотал что-то, показывая на Мечислава пальцем. То, что он сказал, очевидно, было обидное, потому что слушатели

захохотали, в свою очередь тыча пальцами в Мечислава. Юноша понял, что смеются над ним. Злые слезы брызнули у него из глаз. Забыв про недавний страх, он выхватил меч и устремился на обидчика.

Буян краем глаза успел заметить рывок, Властимир разобрал слова горожанина, и, когда юноша бросился на обидчика, его спутники не растерялись. С криком: “Стой!” — гусляр кинулся наперерез коню Мечислава, а Властимир махнул в сторону юноши рукой, поймал что-то и дернул.

Это оказался край плаща отрока. От неожиданного рывка тот завалился назад. Одна нога выскочила из стремени. Потерявший управление конь рванулся на людей, но Буян успел поймать жеребца за узду.

Красный от возмущения Мечислав все еще сжимал рукоять меча и воинственно оглядывался по сторонам, бормоча что-то невразумительное сквозь зубы. Буян не стал его расспрашивать, он повел своих друзей в сторону славянского конца.

Уже на соседней улице на славян никто не обращал внимания. Мечислав немного успокоился, в нем проснулось любопытство. Предоставив Буяну находить дорогу, он пристроился ближе к Властимиру, тихим шепотом рассказывая ему, мимо чего они проезжают.

Город славянам не понравился. Узкие улочки с вытоптанной до твердости камня немощенной землей, по которым в низины бегут грязные ручейки. Тонкая белесая пыль в воздухе. Справа и слева — бесконечные заборы. За ними — глинобитные домики или двухэтажные хоромы богатеев. Двери почти всех домов жары ради распахнуты — в проемах колышутся занавеси. И нигде ни травинки — только у самых больших домов заметны сады или огородики да надо всем поднимается старое городище Корсоня — гора, где меж покинутых остатков домов пышно цветет дикая зелень.

В славянском конце самым приметным оказалась толстая старая береза, что росла на центральной площади, откуда разбегались по сторонам узкие кривые улочки. То ли кто из поселенцев чудом сохранил дорогой прутик, то ли ветер принес с севера на радость местным семечко, как знать, только стояла одинокая береза, почти до земли опуская тонкие ветви.

Здесь все было почти то же, что и в прочих славянских городах: дома сплошь рубленые, зелень во дворах, дымок знакомо пахнет, звенят голоса. Услышав родную речь, даже Мечислав немного оправился и, когда какая-то девушка потянулась огладить его жеребца, воскликнул:

— Осторожнее! Кусается!

Девушка отступила, а Мечислав оторопел, услышав собственный голос. До сего раза не видел он так близко девушек ни разу и теперь загляделся ей в лицо так поражение-пристально, что та, зардевшись, убежала.

Буян опять взял все на себя, но, памятуя о недавнем приключении с отроком, не спускал с него глаз. Потом он приметил, что Властимир застыл в седле, закрыв лицо рукой.

Славянская речь словно наяву вернула Властимира в Резань. И для юного Мечислава, и для много пережившего Властимира город оказался слишком тяжким испытанием. Чтобы не терзать друзей понапрасну, Буян договорился о постое и поспешил увести их с улицы.

Дом он выбрал с умыслом — в самом конце улицы, на спуске, где уже начинались огороды. Жила в нем молодая семья: муж с женой, годовалым сыном и старухой матерью. И тихо, и в меру людно — достаточно, чтобы Властимир и Мечислав к городу попривыкли.

Щедро оделив хозяина серебром, отправился гусляр по городу — выяснить, можно ли найти подходящий корабль.

Дело оказалось труднее, чем он ожидал. Буян зачастил на пристань, словно нанялся на работу, Мечислав и Властимир все время проводили в доме.

Постепенно скука одолела их обоих. Попривыкнув к обилию людей, Мечислав захотел хоть раз своими глазами посмотреть на город поближе. Властимир решил выйти из дома, заботясь о юноше — он помнил, что случилось в самый первый день их приезда в Корсонь, и

боялся, как бы не знавший по-гречески и десятка слов Мечислав не попал в беду,

Был базарный день, и центральные улицы запрудил народ. Торговцы, и местные и приезжие, наперебой расхваливали свой товар, покупатели и ротозеи сновали тут и там. Среди них ужами вертелись нищие, бродяги и местные воры. Попавших в толпу славян мигом ощупали так осторожно, что те и не заметили сего. Ничего не зная о базаре, Мечислав вышел в город с пустыми руками, и вора́м было нечем поживиться.

Опасаясь за себя и за князя, Мечислав попытался вывести его назад, в славянский конец, но, плохо зная город, свернул не туда.

Пройдя узкими улочками меж одинаковых глухих заборов, они оказались на задах города, на склоне той самой горы, что когда-то была цитаделью Корсона.

После шума и болтовни городского базара их оглушила тишина. Развалины поднимались среди пышной зелени, мощенные камнем тропинки заросли травой, повитель оплела камни и колонны, на которых под лучами солнца грелись ящерицы. Ветер шелестел листво́й, ему вторили птицы. Далеко внизу кричали чайки.

Властимир остановился, втянул полной грудью воздух.

— Где мы? — молвил он негромко.

— На горе за городом, — так же тихо ответил Мечислав. — Помнишь, княже, Буян о горе говорил? Мы на нее поднялись.

— Воздух здесь... Расскажи мне о ней!

Удивленный неожиданной просьбой, Мечислав не стал спорить, а заговорил тихо:

— Всюду кусты и травы, каких у нас не увидишь. Деревя с плодами зелеными... Как зовутся, не ведаю... Дома старые, брошенные... Станные дома — только колонны впереди и крыша вроде как у нас, двускатная. И все каменное — дерева нет... Осторожно, тут ступени...

Они осторожно шли меж полуразрушенных домов и храмов. Мечислав подробно рассказывал обо всем, что видел; он и не подозревал, что за ними наблюдают чьи-то глаза.

Глаза эти принадлежали почти черному от застарелого загара человеку, тощее жилистое тело которого прикрывали лохмотья. Сквозь них был виден ошейник с несколькими знаками, указывающими на того, кому принадлежал раб. Прижимаясь к камням, человек крался вслед за незнакомцами, теряясь в догадках, почему это его хозяин ни с того ни с сего приказал ему не спускать глаз с чужаков, которых случайно заметил утром на базаре. Они ничего не сделали хозяину, и только здесь, слушая непонятную для него речь, раб понял: хозяин с первого взгляда узнал в них новичков, не знакомых с городом. Если их захватить, хозяин бесплатно заполучит двух гребцов.

Властимир присел на обломок камня у входа в какой-то забытый храм. Рассказывали ему путешественники из дальних земель, что когда-то и здесь были свои боги, на славянских похожие: и по именам, и по призванию, и по делам своим в особину. Да только потом объявилась вера новая — будто нет всех богов, а есть лишь один, что весь мир сотворил и теперь правит им по законам своим, и если хочешь жить, прими его в сердце свое, а прошлое отринь. Весь мир принял его, а старые боги оказались в забросе — каких уничтожили, каких забвением сгубили. Здесь когда-то было капище²⁴, а теперь только развалины да хижины бродяг, которым податься более некуда. Пошли бы на север, в Резань, на землю бы сели — руки хорошие в любом деле надобны. Да только лежит меж Резанью да Корсоном степь дикая, Поле, — ее так запросто не пройдешь, попутчики нужны да сила ратная, а где ее простому человеку сыскать? Вот и сидят здесь, на пустыре, горе мыкают... А может, бог их единый запрещает им в чужие края уходить... Помнил Властимир, заходил как-то с караваном торговым странный человек — всех сестрами да братьями величал и про нового бога рассказывал — креститься призывал. Мальчишки по глупости да детской дурашливости дразнили его — шуткой крестились на все лады, а он за то им грозил — кары небесные

---

²⁴ Капище — языческое святилище.

насылал...

Мечислав все еще говорил, но уже как-то вяло, по привычке, а заметив, что Властимир не слушает, примолк. Князь тут же сдвинул его локоть:

— Говори...

— Да что ж? Все я сказал! Дома да хоромы брошенные, а более и нет ничего.

— И никого? Юноша огляделся.

— Никого. Одни мы. Кроме нас и птиц, тут нет никого.

— А я слышу... Вроде шорох какой-то... Вон в той стороне!

И слова не поняв из чужой для него речи славян, притаившийся под камнями раб затаил дыхание — прямо на него указывал слепой! А ведь он ровно мертвый лежал! Чуждые люди в земле этой живут — без языка молвить могут, без глаз видеть. Как бы он еще и мысли прочесть не мог! В стране язычников все — магия!

Вытянув шею, Мечислав вглядывался в ту сторону. Там были только высокие перепутанные заросли, среди которых высывались белые бока камней, отломанных, должно, от развалин дома неподалеку. Совсем близко зачинался крутой обрыв-яр к самому морю — за зарослями почти ничего и не видать, кроме иссиня-синего края земли, над которым носятся птицы. Только ветра шум да их голоса...

— Нет там ничего, — почти сердито молвил он. — Все ты, княже, зря меня выпытываешь. У меня глаза покамест на месте...

Молвил — и осекся в страхе: а ну как обидел резанца! Но Властимир его слов ровно не слышал. Не соврало сердце — чуял он чужака, как собака дичину

— Пойди проверь, Мечислав, — приказал тихо, — Успокой душу мою.

Юноша хмыкнул, но поправил меч и направился в заросли...

Едва он сделал три первых шага, как раб испуганно отпрянул, решив, что уж лучше сорваться с кручи, чем попасться на глаза незнакомцу... Вдруг угадал тот слепец его мысли и наказал молодому словить его да принести в жертву богам своим?

Раб пополз, пятясь, прочь.

Закачались стебли, зашелестела, разгибаясь, трава. Присмотрелся Мечислав и поразился чутью князя: “Вот ведь — слепой, а учуял то, что мне, зрячему, не под силу! Уж не вещий ли он взаправду?*

Юноша еще не видел раба, а тот уже смекнул, что сможет справиться со славянином — надо только напасть сзади, и пополз к той самой стене, у которой хоронился.

Он должен был скрыться за нею и наскочить на отрока из-за угла. Славянин молод и неопытен — идет напролом, как самый страшный лесной зверь — медведь. Такого сразу по голове — и пропала сила.

Властимир услышал удаляющиеся шаги юноши, и опять в сердце вошла тревога — не в ту сторону шел Мечислав. Князь, чуть поколебавшись, встал.

— Мечислав? — позвал он, — Ты где?

— Здесь, — отозвался юноша, — Тут и правда кое-кто прячется...

— Иди сюда. Не там ты ищешь!

— А? Чего?

Уже почти дойдя до края стены, юноша обернулся. Опасаясь, что славянин сейчас повернется и уйдет, раб поднял уже заготовленный камень, шагнул вперед...

И тут же отступил назад, закрывая лицо рукой.

В тот миг, как он уже размахнулся, чтоб ударить Мечислава по голове, вся вершина холма озарилась золотистым светом. Вскрикнул князь, зовя юношу, ахнул, едва не роняя меч, Мечислав, а раб, пораженный, рухнул на колени, от неожиданности и страха не зная, молиться или бежать прочь.

На пороге старого брошенного храма замерла сияющая фигура.

Раб различил два огромных крыла и сияние вокруг головы, опущенный долу меч и подол чуть колышущегося одеяния — точь-в-точь как у ангелов в соборе.

Ангел повел по сторонам сияющим ликом, и показалось рабу, что вестник не просто

заглянул ему в душу, но сразу оценил его мысли и осудил их — то, что собирался сотворить раб, было негодно Господу. Раб понял это так ясно, будто сказали это ему вслух.

Боясь прогневить Бога, он стал истово молиться, торопливо припоминая все грехи, о которых еще не успел рассказать священнику. Но молитва замерла у него на устах: ангел, постояв еще немного, не спеша двинулся к славянам.

Те его, похоже, видели, и это было еще более странно: Бог является лишь тем, кто отмечен особой благодатью, известен чистотой душевной, силен в вере, тверд и правилен в исполнении обрядов и стоек в молитве. Из язычников же является он лишь тем, кого хочет призвать к особой миссии: посетил же Святой Дух гонителя христиан святого апостола Павла, бывшего фарисеем, и повелел ему идти и проповедовать слово истинного учения безбожникам-язычникам. Что, если те двое как апостол Павел?..

Властимир сразу почувствовал чужое присутствие.

— Мечислав! — крикнул он не таясь. — Они здесь!

Рука его безошибочно ткнула в темный провал храма. Юноша только успел сделать шаг, как возникла сверкающая фигура. Мечислав четко видел два поднятых, как у орла, крыла и сияющий меч.

— Они нашли меня, — выдохнул князь.

В голосе Властимира слышалась тревога. Мечислав уже знал историю мытарств Резанского князя. Слышал он и о сверкающих существах, что науськали на Резань волков-псоглавцев, а теперь смог увидеть одного из них. Не стал раздумывать Мечислав — выскочил вперед и загородил Властимира собой, подняв меч.

Увидев такое, раб позабыл обо всем на свете. Этот славянин собрался бороться с ангелом! Разве возможно такое? Да за это вмиг испепелит его небесный воин — и меча не останется!

Случайный свидетель готовился узреть посрамление и гибель славянина, в своей гордыне бросившего вызов самому Богу. Но ничего не произошло. Увидев перед собой юношу, который был на целых две головы ниже его, ангел не поднял против него меча. Он словно впервые увидел его и обратил на него взгляд.

Мечислав почувствовал, что его пронизала до костей незнакомая дрожь. Мало видел в мире сын Чистомысла, впервые покинул он дом, где родился, но сразу понял, что довелось ему испытать то, что и отцу его не встречалось. Застыл он как вкопанный, не в силах оторвать взор от ярче солнца сверкающих очей пришельца, и смело шагнул навстречу ему, не зная, что еще сделать от восхищения.

Властимир скорее сердцем, чем ушами, услышал, что уходит от него Мечислав. Забыв про то, что не видит ничего, бросился вперед. Нога запнулась, он споткнулся, протянул вперед руки, чувствуя, что падает. Пальцы наткнулись на что-то, ухватились... Мечислав дернулся назад, когда жесткие пальцы Властимира рванули его за плечо.

— Назад, — выдохнул резанец изумленному юноше. — Назад, коли жить хочешь. Пойдешь к нему — только тебя и видели!

— Но я же... — попробовал оправдаться Мечислав. — Я только глянуть...

— Глянул бы ты — и навсегда покинул бы наш мир, — увещевал его князь. — Они и со мной пытались то же самое проделать, да только не дался я. От них да их помощников все беды.

— Да полно ли! Ты, видать, не разглядел его в свое время! Он же как солнце сияет! Как же от солнца зло пойдет?

— Не все еще ты в этой жизни ведаешь, — покачал головой Властимир. — Уходить нам отсюда надобно, пока не поздно...

Пришелец, очевидно, понял их разговор: уже развернувшись вслед за князем, Мечислав вдруг услышал единственное слово:

— Оставайтесь...

Но Властимир шел вперед так решительно, словно обрел глаза. Опасаясь, как бы он не напоролся на что-нибудь, Мечислав взял его под руку и повел прочь с горы.

Забывший себя от удивления раб выполз из кустов, чтобы получше рассмотреть невиданное зрелище — бой смертного с ангелом. Он видел, как, не бросив вызова и не приняв боя, расходились стороны, как стоял, глядя вслед уходящим, ангел, как вдруг поднял он руку, словно собираясь благословить уходящих, но замер, заметив еще одного человека.

Взгляды раба и пришельца встретились. На сияющем лице мелькнул гнев, и этого хватило, чтобы раб сорвался с места и с криком помчался прочь.

Буян опять с утра торчал на пристани. Торговых судов было много, некоторые шли как раз туда, куда было надобно; но кто не торопился в путь, намереваясь прождать тут до конца лета, кто заламывал неслыханную цену, у кого не было места, кто собирался еще поплавать в этих водах.

Одного Буяна взять еще соглашались, но троих — нет. Впрочем, еще оставалась надежда на проходящие суда и изменчивый людской нрав.

Капитан торгового судна, занимавшегося перепродажей неизвестно чего, долго придирчиво оглядывал гусяра, словно оценивал его, и только потом согласился вести разговор. Он не отказывался доставить пассажиров до Византии и далее — если только гости согласятся переждать в Византии немного, пока он закупит на вырученные здесь деньги товар, чтобы было с чем плыть далее. Если же они торопятся, он порекомендует им знакомое судно. Условия Буяну подходили, но взгляд капитана был слишком уж пристальный. Вот-вот попросит открыть рот и проверит зубы — здоровы ли. Да и цену просит немалую — словно доподлинно знает, сколько золота в кошелье гусяра.

Из-за цены и отказался славянин от услуг капитана, хотя понимал, что дешевле не будет — цена твердая, а захочешь — и не такую выплатишь. Не скакать же по горам на конях!

Капитан огорчился и пошел проводить гостя.

Лодка ткнулась носом в песок, и гусяр выскочил на берег. Он только собирался обернуться и попрощаться с капитаном, как вдруг раздался истошный крик:

— Чудо! Чудо Господь даровал! Чудо!

На песчаную косу выскочил раб, размахивая руками и вопя. Не обращая внимания ни на кого, он рухнул в ноги капитану и закричал:

— Чудо! Чудо! Я чудо видел! Там, на горе! Чудо!

— Что ты мелешь, пес? — рявкнул капитан, ударив его ногой. — Какое еще чудо?

— Самое настоящее, истинный крест! — Раб перекрестился. — Я следил за теми славянами, как ты приказал, хозяин, и вдруг небо осветилось, и явился ангел Господен с мечом сияющим. Он преградил мне дорогу, а они... они...

— Что — они? Договаривай!

— Ушли. — Раб пожал плечами.

Хоть и говорил раб на каком-то странном наречии, Буян его понял. Он пропустил мимо ушей, что раб следил по приказу своего хозяина за славянами, его взволновало другое: явление ангела. Надо было срочно сыскать Властимира и Мечислава — не знают ли они чего.

Он сорвался с места и помчался прочь.

Капитан не зря столько лет бороздил моря. Он научился распознавать мысли людей по их лицам. В торговле нужно уметь по малейшему жесту клиента догадаться, когда и насколько следует увеличить или сбавить цену. Он сразу понял, что торговавшийся с ним человек связан со славянами, и поспешил его догнать:

— Эй! Господин! Погодите! Буян нетерпеливо обернулся:

— Чего еще?

— Нам есть о чем поговорить. — Капитан подбежал и схватил гусяра под локоть. — Если господин придет сюда завтра со своими попугайчиками, мы наверняка договоримся. Я пересмотрю свои условия!

ГЛАВА 10

Все случилось так, как и рассчитывал капитан. Буян ворвался в дом как ветер.

— Что у вас случилось? — с порога выкрикнул он. Мечислав вскинулся:

— А откуда ты знаешь?

— Весь город бежит как скаженный и орет не своим голосом: “Чудо! Чудо!” Я думал, у ворот уж толпа целая стоит, вашего явления дожидается...

— А это-то еще зачем? — испугался юноша.

— Как — зачем? В Корсоне вера другая, у них чудеса только раз в сто лет, и то по большим праздникам случаются. Вот они на них и охотятся, чисто дети малые. Прознает кто, где вы живете, — отбоя не будет от любопытных — со свету сживут поглядами... Так что выкладывайте, что у вас случилось, да чур без утайки!

Запуганный его речами, Мечислав молча сидел повесив голову и теребил концы пояса, не зная, куда себя деть.

Речь повел Властимир. Протянув руку, чтобы Буян ее нашел, он заговорил:

— Они нашли меня, Буян-друг. Как им удалось — не ведаю, но не тайна уже от светлых, где я.

— Они что, сюда приходили?

Гусляр обвел глазами всех. Около стола стояли сам хозяин дома и его молодая жена. Вот они натерпелись, коли такое в их родном доме приключилось... Но князь покачал головой:

— Не здесь... Выходили мы...

— Зачем? — не сдержавшись, воскликнул Буян, пристукнув кулаком. — Тебе только по городу бродить, слепому-то... А Мечислав? Ума, что ли, нет совсем — в незнакомом месте, как у себя дома...

Щеки юноши вспыхнули как огонь, он совсем понурился. Властимир не дрогнул, только твердо сжались зубы и разжалась рука, которую держал гусляр. Он не сказал ни слова, но Буян догадался обо всем и молвил смиреннее:

— Прости, княже, слово резкое, но сам рассуди — не дело сотворилось. Вышли вы из дома улицу оглядеть — и тут же чуть в беду не попали...

— Я знаю, только не всю жизнь нам здесь просидеть, ровно мы проклятые какие, — тихо ответил Властимир, — Я могу понять: я слеп, мне так сами боги повелели, Мечиславу-то за что подле меня сидение? Ведь молод, горяч, ему бы мир смотреть, а не тут сидеть. Ты вроде тоже город сей не знаешь, но ходишь, а мы для тебя ровно место пусто...

— Не так то. — Буян придвинулся ближе, притянул Власти-мира за плечи. — Ты мне друг и брат названный. За тебя я в огонь и воду пойду... Переволновался я, вот и все. Прости. Теперь нам надо отсюда уходить, и поскорее, а не то они и в сей дом пожалуют, раз уж след учуяли...

— Куда уходить?

— Пока еще не ведаю. — Буян помолчал, не желая сознаваться в предложении, что сделал ему капитан торгового судна. Слишком быстро он стал сговорчив.

Но делать было нечего — никто не знал, что случится завтра.

Приняв решение, Буян удивил хозяев снова. — Сразу после ужина отправился он, не страшась половцев и прочих степняков, за город и вернулся с пучком знакомых трав — полыни-печали да крапивы. Крапиву он развесил над воротами, над входом в конюшню, над дверью, а полынь-печаль запалил и обошел с нею вокруг дома, что-то бормоча. Потом обвел дом чертой — прорезал ее в земле ножом и перед сном воткнул нож в изголовье княжеской постели. Хозяева испуганно косились на постояльцев, гадая: какого бога те прогневили, что так сторожатся?

Ночь прошла спокойно — ни единый звук или шорох не побеспокоил славян, а наутро гусляр вместе с князем и Мечиславом отправились на пристань.

Издалека завидев их, капитан довольно потер руки: сметка не подвела его, это те самые

славяне, коих он и так старался заполучить. Чтобы не выдать себя, он сошел на берег с таким видом, будто ему до смерти надоели все просители мира. Улыбка сидела на его жестком, темном от загара просоленном лице как приклеенная, и Буян, признав типичную уловку торговцев, в прочем обманулся.

Капитан не отказывался изменить свои условия — он сбавлял цену за провоз почти вдвое. На вопрос гусяря, чем вызвано его решение, замылся.

— Да простят мне достойные господа,—заговорил он, заметно виляя и уходя от прямых взглядов, — но я слышал, что вчера вы стали свидетелями некоего чуда... Вы удостоились благодати Божией, и я подумал, что грех брать большую плату с таких людей.

Он молитвенно сложил руки и перекрестился.

— Уж коли пошло на то, мы люди и правда непростые, — молвил Буян. — Но в этом никакого нашего промысла мы не видим... Впрочем, коли верно то, что здесь сказано, и согласишься ты за означенную цену довести нас до Мисра вместе с лошадьми...

— А у вас еще и лошади? — испугался капитан.

— Три жеребца.

— Нет, господа, лошадей вам придется продать. У меня нет на них места, — замахал руками капитан.

Буян не дал ему договорить и решительно поворотил прочь.

— Мы не продадим лошадей, — решительно ответил он, — Я найду другого капитана, несговорчивее!

Он увлек за собой славян, которые беспрекословно подчинялись ему, словно он был у них за старшего. Капитан кинулся вдогонку, ловя гусяря за руку.

— Я хотел сказать, что, если вашим лошадям надобно ежедневно бегать, у меня на это нет места, — заторопился он. — Но если ваши кони всю дорогу простоят в трюме, я согласен... Даже цена ненамного повысится...

Он был готов на что угодно, лишь бы славяне оказались у него на корабле. Что за беда в лошадях! Он потом продаст их и выручит еще больше денег, чем рассчитывал. Если их кони под стать хозяевам, эта поездка принесет ему немалый барыш.

Путешественникам очень нужно было поскорее покинуть Корсонь, и капитан с Буяном ударили по рукам.

На следующее утро судно отчалило от берега. Оно везло необычный груз — кроме пшеницы, самого большого богатства северных земель, и мехов в каюте капитана хранился солнечный камень-янтарь с берегов Варяжского моря. В трюме переступали ногами три красавца коня — белый как снег, свинцо во-серый и золотисто-рыжий, а наравне с командой и самим капитаном ехали до Византии и далее до африканского города Мисра трое славян.

Вторая половина лета была спокойной на море. Ровный ветер подгонял судно, раздувая его паруса. Если же он слабел, за дело брались гребцы. Как сказал любознательному гусярю капитан, гребцами становились убийцы, разбойники, беглые рабы и все, кого суд приговаривал к каторге. К веслу приковывались на год, на несколько лет или на всю жизнь. Те, кто был осужден на время, по окончании срока получали плату. Порой она была велика, и гребцами нанимались бродяги и беглые земледельцы.

Все это было ново для славян. У них на весельных лодках плавали только свободные люди. Как можно было доверить весло рабу, который может затаить обиду и подвести в нужный миг?

Впрочем, ветер слабел ненамного, так что гребцы только помогали кормчему маневрировать. Корабль ходко бежал вперед, с каждым днем все ближе подходя к Византии.

В первые дни осени корабль вошел в узкую бухту Золотого Рога.

Кормчий осторожно ввел судно в проход между двумя другими кораблями. Команда высыпала на палубу, славяне вышли вслед за матросами.

На новом месте они невольно держались кучкой. Даже Буян, взявшийся командовать, и

то присмирел.

По сравнению с Византием даже Новгород казался маленьким, тихим, неприметным городишком на берегу крошечного озера с мутной водой. Одна бухта столицы, где стеной высились мачты незнакомых кораблей, казалась больше всего Новгорода. По каменным молам и деревянным настилам важно прогуливались люди чужих земель. Звучали языки, каких славяне не слышали. Только привычный к новгородскому торгу Буян выхватывал ухом смутно знакомые наречия, но узнавал одно слово из пяти и того менее. Благо еще, что говорили здесь о товарах да морских путях.

Над морским градом высился град земной. Византии — греки называли его по-своему, но то название оказалось слишком длинным для славян — стоял на холме. С моря город казался беспорядочным нагромождением стен, заборов и крыш. От причала его отделяла высокая стена с коваными воротами — даже в Новгороде не видали такого.

Пока по судну вместе с капитаном бродили какие-то люди из местных, осматривая товары, славяне отправились побродить по причалу с намерением хоть одним глазком взглянуть на чужой город. Буян был как рыба из реки, чудом попавшая в море — тоже ведь вода, хоть и другая! Он поволок своих спутников по причалу так решительно, что капитан, глядя им вслед, всерьез забеспокоился и не заметил, как согласился на пошлину, означенную сборщиком налогов. Сообразив потом, какого дал маху, он поклялся взыскать лишний расход со славян, когда придет срок, и исполнить задуманное при первом же удобном случае.

Прошло много дней.

Задержавшись в столице всего на несколько суток, чтобы запasti пресную воду и сбыть часть пшеницы, капитан повел судно дальше на юг.

Здесь не чувствовалась осень — жара стояла, как не во всякое лето в начале изока-месяца. Ветра почти не было, да и где ему разогнаться тут — плыли не по морю, а словно по узкой протоке: так часто и близко друг к другу торчали из воды острова. Корабль то и дело сворачивал, менял курс, чтобы не сесть на мель. Все время шли на веслах, поднимая парус только ночью, когда измученные дневной работой гребцы засыпали.

Славяне в пути скучали. Сперва еще поражали и радовали проплывающие мимо видения чужих берегов, невиданных стран, где все было ново — от необычно высокого и синего неба до островов, выглядывающих из воды, и людей, что жили на них. Завидев корабль, рыбаки подплывали к нему на своих утлых лодочках и назойливо предлагали свежую рыбу. Раз или два матросы уступали их просьбам, но чаще проходили мимо — рыбы в здешних морях было много.

Но потом все приелось — острова стали казаться однообразными, море слепило глаза, а бросающаяся в глаза бедность рыбаков отпугивала. Буян от скуки принялся обучать Мечислава местному языку, который немного успел узнать в Новгороде, толчась среди купцов с юга.

Корабль плыл навстречу жаре. Проходили дни, но прохладнее не становилось, хотя северный ветер дул чаще и сильнее.

Матросы не обращали на это внимания, но славяне невольно подмечали все. Дома в это время в разгаре пора листопада, с деревьев сыплются разноцветные листья, солнце дарует последнее тепло, только что миновало бабье лето и по полям и лугам скачет овсень²⁵. Здесь же лето словно поселилось навек, хотя матросы и поговаривали, что есть края, где еще жарче,—до них сперва надо много идти пешком по пескам, а потом, если дойдешь, — снова плыть по морю-Океану.

Привычный к походным трудностям Властимир плохо выносил жару и качку. Ночная прохлада нравилась ему гораздо больше, и он завел привычку надолго оставаться на палубе

---

²⁵ Овсень — в славянской мифологии ритуальный персонаж, связанный с солнечным циклом.

корабля после того, как все ложились спать.

В тишине и прохладе успокаивались возбужденные мысли. Все отдыхало, только шелестел косым парусом ветер да мерно вздыхало и бормотало о своем море, словно и его утомил день. Властимир подолгу сидел у борта судна, подняв незрячее лицо к небу, и отдавался своим думам.

Буян поведал ему что звезды здесь крупнее, чем дома, но все они чужие. Только Матка-звезда и ее неразлучные Стожары по-прежнему показывают в сторону севера, словно знают тайные думы славян, волею судьбы занесенных в чужие края. Много людей славянского языка, попав в плен к кочевникам, рано или поздно оказывались под этими звездами, но Матка не оставляла их, своим светом напоминая о покинутой родине.

Властимир обратил лицо к северу, подставляя его свету звезд. Не только прохлада манила его сюда — уверенный, что все спят, он понемногу приучал себя жить в темноте. Ему уже удавалось осторожно пересечь все судно и добраться до трюма. Друзья догадывались о его попытках, но хранили молчание.

В ту ночь князь, как обычно, присел у борта, слушая ночь. Кругом была тишина, только скрипели снасти, билась волна в борт судна да бормотали во сне матросы — некоторые из них предпочитали ночевать на палубе. Властимир не спал всю ночь. Он чувствовал, что скоро наступит рассвет, и силился угадать его начало.

Прислушиваясь, князь не сразу понял, что означает шорох за спиной, а когда понял, было уже поздно.

Сзади кто-то был. Двое крались по палубе, стараясь не наступить на спящих матросов. Властимир уже научился различать людей по шагам и без труда узнал, что один из них был капитаном этого корабля. Кто был его собеседником, распознать он не сумел. Гораздо важнее было для него то, что они говорили.

— Не следует медлить, капитан, — уговаривал неизвестный. — Пока ночь и все спят, мы все обделаем.

— Нет, поднимать суматоху ночью я не хочу — еще кого из моих людей вышвырнут за борт! Дождемся утра — тогда вся команда сможет помочь.

— А не взбунтуются матросы?

— Это мои люди!.. Из них половина знают, для чего я беру на борт пассажиров, и даже имеют долю в деле — им достается их одежда и кое-какие вещички. Остальные либо каторжники, либо новички — они не будут спорить. И потом их там только двое.

Властимир затаил дыхание, не смея пошевелиться, чтобы не выдать себя.

— Где слепой? Куда он делся? Ты хочешь, чтобы мы искали его по всему судну?

Погоди, к утру он сам объявится, и тогда мы возьмем всех сразу.

Властимир понял, что речь идет о них, но не дрогнул и ничем не выдал себя. Заговорщики остановились так близко, что он мог почувствовать их дыхание. Князь терялся в догадках: почему его до сих пор не обнаружили? Резанец не догадывался, что капитан и неизвестный стояли спиной к борту, а значит, и к нему, чтобы вовремя увидеть, если кто появится на палубе. На затаившегося славянина они не обратили внимания.

— А ты уверен, что мы справимся? — продолжал незнакомый.

— Двадцать человек не смогут скрутить троих, из которых один слеп, а другой мальчишка? За слепца мне много не дадут, если только кому-то не нужен сторож, а вот за мальчишку я сдеру ту цену, какую хочу, и мне ее выплатят! А сейчас, чем болтать, лучше предупреди людей, чтобы были сегодня готовы.

Незнакомый удалился. Было слышно, как скрипнула крышка люка, когда он спускался в трюм к матросам. Капитан остался на палубе. Он долго стоял около притаившегося Властимира, а потом пошел в обход судна.

Князь ждал, насторожившись, как загнанный зверь. Он не видел и не мог с уверенностью сказать, свободен ли путь до трюма. Ему было просто необходимо пробраться туда и предупредить друзей о том, что он узнал.

Хлопнула дверь в каюту капитана, и Властимир понял, что можно рискнуть.

Ему не часто приходилось пускаться по судну в путь без провожатых, но он понимал, что должен дойти, никого не разбудив, и успеть шепнуть Буяну пару слов. Ему помогло то, что это была его не первая ночь под звездами. Он уже хорошо знал, где находится люк в трюме, и добрался до него быстро.

В трюме пассажирам отвели что-то вроде комнаты, отгородив старой парусиной дальний угол. Матросы спали тут же на тюках соломы и постелях из собственной одежды. В трюме постоянно стоял запах рыбы, воды, пота и мокрых канатов.

Он осторожно двинулся в сторону друзей. Лошади, что стояли в дальнем углу, услышали его и затоптали ногами, а Облак фыркнул приветственно. Но князь даже не махнул рукой старому другу.

Сразу же он наступил кому-то на руку. Матрос спросонья выругался и вскочил, намереваясь затеять ссору, но Властимир поймал его руку и объяснил, что выходил по делам и теперь возвращается назад. Ворча и проклиная всех, кто не спит сам и не дает спать другим, матрос проводил его и вернулся досыпать.

Не теряя времени, Властимир растолкал Буяна. Гусяр хлопал спросонья глазами — он не сразу понял, что говорил ему князь. Сообразив, в чем дело, он схватил резанца за плечи и встряхнул:

— Ты это слышал?

— Своими ушами. Не понимаю, почему они меня не заметили?

— Это уже не важно, — отмахнулся гусяр. Важнее иное: что нам делать теперь?.. Вот не думал не гадал, что придется попробовать неволи!

Утро, как всегда, начиналось с суматохи. Кок готовил завтрак для всей команды. Матросы чистили палубу, ставили паруса, вымеряли глубину и скорость течения, силу ветра и волны. Капитан поглядывал с мостика, боцман покрикивал на матросов внизу. То и дело раздавались крики и удары бича, которыми он подгонял замечтавшихся. На первый взгляд все было спокойно, и Буян, выйдя на палубу, хотел сказать Властимиру, что тот ошибся — никогда не бывало, чтобы такие дела обделывались на вольном воздухе.

Все же, на всякий случай, гусяр взял меч, и капитан, заметив это, нахмурился. Он окликнул гусяра.

Буян подошел. В его синих глазах отражалось яркое небо без единого облачка. Славянин улыбался.

— Что-то ты больно весел сегодня, — промолвил капитан.

— Хороший день, — отозвался Буян, разглядывая исподтишка капитана. — Как у нас дома.

— А как там у вас сейчас?

— У нас уж осень: дожди, тепло ушло, с полей все убрали, озими пашут, а где уж и отсеялись...

Буян не сводил глаз с лица капитана и, успев заметить, как тот поймал чей-то взгляд за его спиной, насторожился. Будто невзначай он повел взором по сторонам и заметил, что на палубе оказалось слишком много народа. Матросы стягивались к капитанскому мостику, несколько человек не спеша двигались в сторону Мечислава. На слепого князя внимания почти не обращали, считая его слабым соперником.

Молчание и настороженность толпы встревожили Буяна. Он понял, что Властимир сказал правду и придется драться. Прервав себя на полуслове, он резко обернулся.

И тут же на него набросились сзади те двое матросов, что подкрались незамеченными во время разговора. В тот же миг несколько человек накинулись на Мечислава, еще трое бросились к Властимиру.

Буяну сразу заломили руки назад, но он вывернулся ужом и ускользнул. Один из гребцов повис-таки на нем, как пиявка, но гусяр стряхнул его и, перепрыгнув через упавшего, скатился с мостика. Едва ноги его коснулись палубы, в руке сверкнул меч, и матросы попятились.

Прижавшись спиной к лестнице, Буян ждал их нападения. Матросов было много —

почти полтора десятка, но только у половины из них были длинные, чуть искривленные ножи. У одного моряка гусяр увидел в руках свернутую веревку, но вряд ли чужеземец мог метнуть аркан, как степняк.

Где-то там, скрытый спинами матросов, вдруг яро вскрикнул Властимир, и Буян неожиданно увидел, как в воздухе мелькнули чьи-то дрыгающие ноги. Все шарахнулись в стороны, когда князь швырнул матроса в самую гущу врагов и бросился следом, ловя недостаточно проворных, как когда-то на волчьей поляне.

— Держись! — крикнул Буян и, подняв меч, прыгнул на обидчиков.

Несколько ножей были ничем перед буланным мечом. С первых же взмахов меч окрасился кровью, и несколько матросов упали на палубу, открыв гусяру проход.

Спасаясь кто куда, моряки бросились врассыпную, и Буян едва не столкнулся с Властимиром.

Капитан на мостике зло кусал губы. Надо было вязать их ночью, теперь он потеряет половину команды из-за трех славян!

Чуть в стороне, у борта, защищался Мечислав. Юноша был неопытным бойцом, но его длинный меч давал ему преимущество перед ножами матросов.

Буян слышал, как звенели клинки.

— Держись, Мечислав! — крикнул он и кинулся на подмогу. Знакомые с его мечом, матросы бросились врассыпную. Властимир следовал за ним по пятам.

Буян и Мечислав уже увидели друг друга. Юноша радостно кивнул гусяру и двинулся ему навстречу, но тут глаза его расширились, и он испуганно вскрикнул:

— Властимир, осторожней!

Князь услышал его крик, и в ту же минуту нога его запнулась обо что-то живое. Он успел остановиться и выпрямиться, но бросившийся ему под ноги матрос вцепился в сапоги мертвой хваткой. Князь наугад махнул мечом, услышал предсмертный хрип, но не успел насладиться победой — несколько человек с ловкостью рысей прыгнули ему на плечи. Кто-то ударил в живот. Князь устоял на ногах, но замер, переводя дух.

...Буян очнулся лишь тогда, когда набросились на него самого. Гусяр закричал что-то злое и взмахнул мечом, не щадя никого. Попадись ему сейчас под руку сам Мечислав — он бы сначала ударил, а потом посмотрел. Раненые и умирающие падали вокруг него, и никто не решался напасть хотя бы сзади.

Неожиданно он услышал громкий крик:

— Эй, смотри сюда, варвар!

Матросы отхлынули в стороны, пятясь. Буян опустил забрызганный кровью меч, но не смог пошевелиться. Надежнее всех цепей мира его приковало к месту невиданное зрелище.

Когда на князя накнулись матросы, вырывая меч и заламывая руки, Мечислав бросился мимо Буяна на выручку князю. Он растолкал матросов и не заметил, как один из них ударил его рукоятью ножа по затылку. Юноша приостановился на несколько секунд, но этого хватило, чтобы и его взяли в плен. Теперь Властимир и Мечислав, связанные, стояли перед Буяном. Один из матросов не спеша взял за волосы голову юноши и оттянул ее назад, открыв горло. Лезвие ножа коснулось кожи.

— Если ты не сдашься и будешь продолжать сопротивление, они оба будут убиты! — прохрипел капитан.

Юноша зажмурился, когда нож надавил на горло.

— Что вы хотите от нас? — спросил Буян.

— От вас — ничего. Я продам вас и лошадей в Мисре, — засмеялся капитан.

— Но мы свободные люди. Как можно превращать свободных людей в рабов?.. И потом... мы договаривались о том, что нас доставят в Миср...

— Вы туда и попадете, но не все ли равно — как?

— Для нас — нет. Отпусти их, или я... Капитан махнул рукой.

— Или ты увидишь их смерть, — сказал он.

Матрос, державший Мечислава за волосы, сделал надрез. Юноша вздрогнул и закрыл

глаза. Тонкая струйка крови стекла по его шее на воротник.

— Погодите, — вдруг сказал Буян. — Я согласен. Отпустите его. Нож тут же убрался от горла Мечислава. Юноша вытаращил глаза.

— Ты с ума сошел, — прохрипел он. — Они же обманули нас... Зачем ты! Я готов умереть — не думай обо мне! Но Буян уже бросил меч на палубу.

— Я знаю, — спокойно ответил он, пока матросы связывали его, — Но потом они бы убили и Властимира. Я не могу допустить вашей смерти. Пойми, я знаю, что делаю!

Юноша понурился.

Пленников погнали в трюм, подталкивая отобранными у них же мечами. Перед тем как исчезнуть в темноте, Буян нашел глазами капитана.

— Последнее желание, — взмолился он. — Погодите всего миг! Капитан вяло махнул рукой:

— Пусть говорит!

Буян растолкал матросов и бросился перед капитаном на колени.

— Вы должны знать, кого продаете! — воскликнул он. — Я певец, гуслар. В своем городе я считался лучшим. Однажды меня чуть не увезли варяги, польстившись на мой голос. Если хотите, я спою сейчас, чтобы вы знали... Пусть это будет моя последняя песня, мое прощание с миром... Позволь мне спеть! — Он просительно поник головой.

Капитан кивнул:

— Пой! Но если нам не понравится, ты отведаешь плетей за вранье!

Буяна поставили на ноги. Стараясь не встречаться взглядом с кипящим от возмущения Мечиславом и окаменевшим Властимиром — повязка слетела с глаз князя, и раны опять смотрели на мир розовым осуждающим цветом, — гуслар окинул взором горизонт. Небо было чистое, без единого облачка. Солнце вставало на востоке, легкий ветерок ласково колыхал паруса и ерошил волосы. Пошевелив плечами, Буян набрал полную грудь воздуха и запел. Слова явились сами:

О мир благородный, богами хранимый и благословенный от мира начала! Тебе я хвалы приношу, призывая прислушаться к голосу песни призывной. О Хоре наш, о трижды пресветлое солнце, ты даришь нам свет благодати Дажьбожьей. Весь мир под твоею могучей рукою. Все видишь ты, ясный, с своей колесницы. Взгляни же на море в земли середине — как мог допустить, чтоб такое свершилось? Свой лик отверни равнодушно-прекрасный, за облако скройся, на землю не глядя...

Заслушавшись необычно сладкого голоса, матросы не смотрели по сторонам. Никто не заметил, как невеста откуда взялось на чистом небе облачко и внезапно загородило солнце.

А Буян, тоже не замечая ничего, пел как соловей:

О ветер могучий, Стрибоже крылатый! Властитель ветров, навеватель прохлады. Повей же крылами на море уснувшем со всей своей силой, могучей и буйной. Ударься о волны, вспень моря равнину, вспаши ее плугом высокого гнева — разбей тишину, подними в поднебесье корабль сей на спинах валов белопенных. Повей же, Стрибоже, тебя призываю и гнев твой зову на врагов твоих внуков, чтоб их...

Буян не закончил строку — огромная волна поднялась и ударила о борт корабля...

Матросы попадали, как подпиленные деревья, покатались по палубе. Только гуслар, упершийся в высоко вздернутый нос судна, и сам капитан устояли на ногах.

Море бушевало. На небе одно за другим возникали новые облака. Волны сталкивались, словно ожившие горы, подхватывали корабль и бросали его как щепку.

Капитан с трудом сделал несколько шагов по дрожащей палубе. Буян попытался отодвинуться, но тот поймал его за волосы и поднес к лицу нож:

— Ты колдун! Останови бурю, или тебе несдобровать!

— Если я погибну, ее не остановит уже никто, коли на то не будет воли богов! — крикнул Буян и вновь поднял голову к небу — Не слушай его, о Стрибог всемогущий, — от страха он, а не от силы злословит!

И, словно понимая его слова, волна ударила в днище корабля так, что все, что было на палубе, подпрыгнуло. Гусяря и вцепившегося в него капитана бросило к трюму. Капитан все еще держал Буяна за волосы. Не обращая внимания на боль, славянин плечом придавил капитана к палубе.

— Ты немедленно прикажешь отпустить нас, или вы все погибнете вместе с нами!

Буря усиливалась. Волны перехлестывали через борта, катая людей, словно камешки прибой. Капитан выпустил волосы гусяря и поднял голову, отыскивая матросов.

— Эй! — крикнул он. — Кто там!.. Отпустите этих людей! Делайте, что вам говорят!

— И меня. — Буян протянул ему связанные руки, и капитан разрезал веревку.

И тут же пожалел об этом. Едва освободившись, Буян обрывками веревки стал связывать самого капитана.

— Что ты делаешь, клятвопреступник! — закричал тот. — Хватайте его! Смерть обманщику!

Буян несильно пристукнул его кулаком по голове.

— Я только хочу убедиться, что на нас больше не нападут, — объяснил он. — Ты будешь нашим заложником, пока мы не пристанем к берегу! — Встав, он указал на капитана матросам: — Отныне вы будете выполнять наши приказы!

Видевшие, как гусяря из ничего сделал бурю, матросы согласились.

ГЛАВА 11

Буря бушевала несколько дней. Только стихал ураган и люди на корабле начинали благодарить судьбу за избавление, как налетел новый шквал, и судно опять мотало из стороны в сторону. Очень редко Буяну удавалось укротить ее — на смену колдовской буре пришла настоящая. И сейчас именно она тащила корабль на восток.

Когда буря прекратилась, выяснилось, что судно занесло так далеко, что ни о каком Мисре не могло быть и речи. Мачта была сорвана, паруса разлетелись в клочья, в днище открылось сразу несколько течей. Их кое-как удалось заткнуть. И теперь все горячо молились, чтобы корабль дошел до ближайшего берега.

На шестые сутки впереди показалась земля.

Судно ткнулось в песок низкого пустынного берега, на котором было видно крошечное поселение кочевников. Капитан поведал, что ближайший город находится не так уж далеко отсюда, и показал, в какой стороне, чтобы беспокойные гости поскорее убрались.

Ближайшим городом оказался сам Дамаск, и Буян не умолкал почти всю дорогу, расхваливая дамасские клинки, дамасский булат и дамасские ткани. По его словам выходило, что половина всего лучшего, что есть на Востоке, делается в Дамаске, все остальное — в Багдаде и Индии, а о прочих странах и говорить нечего. Мечислав верил каждому его слову, а Властимир помалкивал, отлично зная, что гусяря ради красного словца не пожалеет и отца.

Дамаск стоял на пересечении караванных путей из Индии, Багдада и Египта. От него тянулась дорога на север, в Византию и Европу.

Они въехали в город рано утром и с первых же шагов поняли, что попали сюда в базарный день.

Над домами плыл тяжелый огненный дух благовоний и приправ, о каких на Руси почти ничего не знавали. Кричали ослы и торговцы, шумел народ, всю старались уличные гадатели и музыканты.

Оглядывая город, славяне не спеша ехали по улице. Стража пропустила их беспрепятственно, только удивленно вытаращила глаза: таких путников в Дамаске отродясь не видывали, здесь всякий чужеземец был в диковинку. Прибывали сюда только паломники, мало отличающиеся от местных нищих, купцы да порой заморские рыцари-одиночки. Даже

норманны и варяги с викингами, что часто наведывались в города Востока, не казались по сравнению со славянами чужими.

Дамаск показался путникам чем-то похожим на Корсонь и Византии: тот же светлый камень, слагающий стены домов, те же глинобитные плоские крыши и распахнутые от жары двери, те же заборы, тянущиеся бесконечно вдоль улицы, та же вездесущая пыль.

Но на этом сходство кончалось. В центре города к небу высились дома с округлыми крышами и полумесяцем на них. Дома эти, больше похожие на замки викингов, были сложены из камней голубого, розового и желтого цветов с множеством синих и зеленых узоров, в которых можно было различить цветы, непонятные знаки и символы, словно в каждом таком доме жил колдун. Эти дома теснились вокруг площади, на которой шумел торг. От прочих домов их отделяла высокая кованая решетка.

Славяне выехали на торг по одной из самых широких улиц, перед этим проехав почти через весь город. Буян не держал языка за зубами, и ему удалось добиться некоего расположения горожан и вызнать, где чужеземцам можно заночевать. Гусляр тотчас втерся в доверие к содержателю корчмы, заручившись его обещанием придержать для них несколько комнат.

На торгу можно было узнать все что угодно, а потому славяне отправились сразу туда. Заблудиться было невозможно: над торговой площадью стоял неумолчный шум.

Белые, желтоватые и светло-серые дома со всех сторон окружали бурлящий народом базар. Словно островки среди моря, высились ярко раскрашенные палатки и лавки торговцев. Те, кто не мог позволить себе завести лавку на площади, раскладывали товар на улицах, так что торговые ряды начинались саженой за сто от ярмарочного места. Люди сновали, словно бурные ручейки. Лоток разносчика походил на попавшую в водоворот щепку. Всадники напоминали переплывающих реку в половодье зверей. Богатые горожане появлялись в городе на носилках, влекомых либо верблюдами, либо рабами. Впереди — всадник, раздвигающий толпу, за ним телохранители, потом — сам хозяин, а за ним опять охранники. Толпа смыкалась за их спинами, как волны за кораблем.

Здесь было столько всего нового, незнакомого, что не только Мечислав — даже Буян и то шарахался испуганно, если ему случалось видеть чудного зверя с длинной рыжей шерстью, отвислыми губами и двумя или одним горбом на спине, похожего на изуродованную злым волшебником лошадь или человека, кожа которого была черна, как головешки в костре.

От удивления славяне даже забыли, зачем пришли на торг. Мечислав по незнанию языка и обычаев держался подле Властимира, а Буян то и дело отвлекался на какую-нибудь диковинку. То ему захотелось поближе посмотреть на невиданных зверей; то его завлекли узоры на клинках сверкающих на солнце сабель; то потянуло попробовать диковинные плоды или напитки, что продавались с лотков. Потом он заслушался бродячего певца и сам стал подпевать ему; с открытым ртом внимал какому-то звездочету; подыгрывал мальчишке, который решил стянуть у торговца хлеб. Гусляр развлекался, как ребенок, и Мечиславу приходилось его одергивать.

Все же Буяну удалось вызнать, где раскинули свои палатки купцы из Мисра, и они двинулись туда. Зачем им нужен был именно Миср, гусляр молчал и только потом поведал, что оттуда отходят суда, проходящие мимо нужного острова.

Все, что случилось далее, было результатом любопытства неугомонного славянина.

Вместо того чтобы поспешить к купцам из Мисра, Буян поехал по базару, ведя за собой спутников.

Палатки купцов раскинулись на другом конце площади, у подножия высоких голубых, с розовыми и зелеными узорами зданий, окруженных кованой решеткой. Буян рассудил, что раз на торгу много народа, мисрийцы не скоро свернут свои товары и торопиться смысла не имеет.

Неожиданно высокие ворота распахнулись, и из них вихрем вылетели десятка два всадников. Все они сидели на невысоких тонконогих конях. Пестрые одежды развевались на

скаку, над головами колыхались перья, за спинами бились плащи. Толпа хлынула в стороны.

— Бирючи²⁶, — шепотом высказался Буян, — Что-то случилось. Послушаем?

Вслед за всадниками показалась повозка. Это была настоящая степная арба. Ее охранял отряд пеших и конных воинов, закованных в тонкие кольчуги. На арбе стояли двое. Увидев их, Буян и Мечислав подались вперед, забыв про Властимира и мешаясь с толпою. Князь по стуку копыт догадался о намерениях друзей и тронул Облака вслед за ними, чтобы не потеряться.

На арбе, расставив ноги, полуобнаженный кат²⁷ играл блестящими на солнце мускулами. Его налысо бритая голова походила на масляный шар, круглое лицо ничего не выражало. В одной руке он держал конец веревки, в другой — поднятую саблю, похожую на меч с кривым лезвием.

Подле него, чуть впереди, виднелась его жертва.

Это был совсем молодой еще парень, ровесник Буяна. Расправляя затекшие под веревками руки, он покачивался на арбе, ловя равновесие, и гордо смотрел поверх голов.

Увидев его лицо, Буян не сдержал вскрика. Это был человек с севера. Серые со стальным отливом глаза смотрели с гордым презрительным прищуром. Светлая кожа не могла скрыться под загаром. Грязные белые волосы с темными кончиками падали на плечи. Он всем отличался от южан — и ростом, и статью, и чертами узкого, когда-то холеного лица с горбатым носом и тонкими губами. Видно было, что некоторое время он провел в подземелье.

— Буян, Мечислав, что там? — не выдержал Властимир. Гусляр нетерпеливо обернулся. Его трясло от возмущения.

— Это человек нашей земли, княже, — молвил он.

— Славянин?

— Того точно не ведаю, но он чужеземец, как и мы. Возможно, варяг — среди них много таких белых да сероглазых... А может, подальше, с запада...

В это время бирючи начали читать указ, и гусляр замолк, прислушиваясь.

— Именем и повелением султана Дамаска Рашида-ибн-Махмуда сего дня и года чужеземец именем Гарун, отказавшийся назвать свой род и своего повелителя, за преступление против чести и достоинства султана нашего Рашида-ибн-Махмуда приговаривается к смертной казни.

Он еще что-то говорил о том, какая именно ждет преступника казнь, но ни Буян, ни толпа его уже не слушали. Люди возбужденно переговаривались, кто-то спешил в сторону цирка.

Чужеземец оставался спокоен, словно не понимал ни одного слова. Пока глашатай читал указ, он смотрел на бурлящую у его ног толпу с презрением и горечью. Но когда объявили, что приговор будет приведен в исполнение немедленно, дрогнул и повел глазами по сторонам, словно ища знакомые лица и не находя их среди иноземцев.

И вдруг взгляд его упал на трех всадников, что замерли чуть в отдалении. Своим видом они выделялись среди толпы, как волки среди своры собак. Впереди — синеглазый парень его лет на золотисто-рыжем коне. Глаза их встретились на миг, и синеглазый кивнул, но тут арба дернулась и тронулась в сторону цирка.

Буян с бессильной яростью хватил кулаком себе по колену.

— Не могу! — воскликнул он. — Мы должны его спасти!

— Кого? — немедленно откликнулся Властимир.

— Того парня, которого сейчас повезли на казнь. Я не могу иначе — он видел нас...

— Всего-то?

---

²⁶ Бирючи — глашатаи, объявляющие по улицам и площадям постановления правителя.

²⁷ Кат — палач, заплочных дел мастер.

— Ты не понимаешь! Он видел нас, свою надежду...

— Ты что, — ужаснулся Властимир, — уже успел пообещать ему жизнь?

— Нет еще, но...

— Так что же тебя заставляет рисковать? Не забудь, что нас всего трое, даже двое, потому что в драке я не в счет. А его охраняет целый отряд. — Властимир покачал головой. — Мы еще не знаем, что он совершил. Я тоже правитель и могу понять султана — если всех татей и убийц будут освобождать, то зачем тогда наводить порядок? Пусть себе грабят, убивают, над девушками изгиляются? Князя их лови, а такие доброхоты, как ты, их освобождать будут!

Но переубедить Буяна ему было не под силу.

— Тогда и оставайся тут, а я один поскачу! — запальчиво воскликнул он. — Ты понять не можешь: сейчас и мы тут, как он, — одни среди чужих. Законы и обычаи везде разные. Может, чужеземец только на их разумение закон преступил, его не зная, а по совести нет на нем вины... Пострадал за то, что глаза светлые да лицо нездешнее... Здесь же все по-иному!.. Ты как хочешь, княже, а я за ним поскачу — визнаю, что и как. А вы двое до мисрийцев доберитесь.

Он махнул рукой в сторону нескольких ярко-желтых палаток, до которых было рукой подать, и поскакал вслед за арбой.

Властимир услышал подле себя печальный вздох Мечислава и поймал юношу за рукав.

— Что вздыхаешь, отроче?

— Да так, князь, ничего...

— Отвечай, коли я спросил!.. Это из-за Буяна нашего?

— Из-за него, — сознался Мечислав. — Не гневись, князь, только я, как мыслю, скажу: прав гусяр. Человек тот, может, и дурное совершил, а может, просто ликом не показался. Я лицо его увидел — в нем гордости много. Может, заспорил о чем с повелителем местным, а тот обиделся и отомстил. Мне отец рассказывал, что есть такие земли в здешних краях, где человек иного цвета кожи сразу рабом делается. Может, и незнакомца того хотели в раба обратить, да только не дался он?

— Гордый, говоришь? Видать, прав ты, юноша... Что там Буян делать надумал?

— Вот того не ведаю. Он умен, да только один он в поле не воин.

— Тогда вот что, — Властимир подтянул отрока к себе ближе, словно могли их речи подслушать, — скачи за ним.

— Что? — Мечислав не поверил своим ушам.

— Скачи за ним, говорю! Посмотришь, что и как... Ежели что, в бою спину гусяру прикроешь. Прав он: одному в чужой земле плохо.

Цирком называли арену, огороженную стеной из камней, на которых были устроены скамьи. Арена находилась внизу, так что зрителям приходилось смотреть, перевесившись через край. С нескольких сторон к ней можно было подъехать и пронести носилки. Проездов было всего два — третий предназначался только для султана и его приближенных, так что ошибиться было невозможно, а потому Буян и Мечислав легко сыскали друг друга.

На скамьях было много народа, на славян оборачивались с любопытством, опасливо уступая дорогу, а потому они заняли места у самой стены.

Отсюда им была видна посыпанная мелким белым песком арена, белые же гладкие стены, ограничивающие ее. Чуть левее под цветным навесом были устроены ложи, где готовились занять свои места приближенные повелителя. Двери огромного дома-дворца были распахнуты, полуголые рабы суетились, заканчивая приготовления.

Пока пробирались сквозь толпу да выбирали себе место, церемония уже началась. Взревели трубы, глашатаи закричали хвалу султану и Аллаху. Весь народ разом пал ниц, и в ложе появился повелитель Дамаска со своими приближенными. Оглядев толпу, он махнул рукой, и глашатаи милостиво разрешили всем встать.

Затаив дыхание, Буян слушал бирючей-глашатаев. Они, прерывая чтение хвалами

султану и Аллаху, великому и милосердному, читали указ, оглашенный на площади перед торгом. Сегодня здесь должны были казнить не только чужеземца Гаруна, но и нескольких пойманных во время побега рабов. Чужеземец покушался на честь любимой жены султана, а потому должен был умереть первым. Султан повелел затравить его тиграми. — Что такое тигр? — быстро спросил Мечислав у Буяна.

— Зверь такой огромный, на нашу рысь чем-то похож, только много больше и полосатый, — тихо отмолвил гусяр. — Вот погоди, сейчас сам увидишь.

Настроение у него испортилось — сероглазый чужеземец совершил насилие над чужой женой. Это было не по нраву храброму славянину.

Толпа радостно взревела — из маленькой дверки вытолкнули осужденного. Он был без рубахи, на широкой спине виднелись шрамы от бича. Руки его были свободны. Он пробежал несколько шагов и остановился.

Буян наклонился вперед, разглядывая его. Чужеземец был еще очень молод и, видно, горяч. Случившееся могло быть ошибкой, тем более что смотрел он без страха.

Султан что-то тихо сказал своему советнику, и тот жестом позвал осужденного ближе к ложе.

— Наш повелитель, — объявил он, — дарует тебе последнее желание — ты показал себя храбрым воином, а мы умеем ценить храбрость. Даже сейчас ты не трусишь, хотя смерть глядит на тебя. Желай — если твое желание не слишком велико, султан его выполнит. Именем Аллаха, великого, милосердного!

Осужденный покачал головой: — Мне ничего не нужно!

— Подумай хорошенько! Султану не отказывают! Ты можешь даже попросить жизнь, если согласишься принять ислам.

— Вы все собрались для того, чтобы посмотреть на мою смерть, — невесело улыбнулся осужденный. — Что ж это будет, если султан не сдержит своего слова перед народом? Мне не нужна его милость, а прочего он дать мне не в силах. Прекрати пустые речи, посмотри, как умеют умирать христиане!

Он гордо отвернулся от ложи султана и перекрестился. Буяну понравились его речи — человек, который, так говорит, не способен на дурное, ибо ценит честь превыше всего. Но султана отказ осужденного разозлил. Он махнул рукой.

Опять взревели трубы, но их перекрыло доносившееся откуда-то из-под земли злобное глухое рычание. Заскрипели кованые решетки.

На свет выскочил тигр. Увидев его, Мечислав отшатнулся — он никогда не видел таких зверей и не представлял, как безоружный человек сможет выстоять в такой схватке. Смерть его казалась неизбежной. Осужденный обернулся на рычание и тоже застыл на месте...

Тигр сделал несколько шагов. В зверинце его нарочно жгли сквозь решетку каленым железом, пробуждая ярость. Взбешенный зверь выскочил на арену с единственной целью — найти того, кто причинил ему боль. Его не кормили уже несколько дней, угощая вместо мяса раскаленным железом и бичом, и зверь сразу заметил на залитом солнцем песке арены одинокого человека.

Тигр ненавидел людей — всех подряд. Он с радостью бы перегрыз глотку и тому высокому черному рабу, что кормил его, и любому из тех, которые, забравшись на недостижимую высоту, кричат и дразнят его. Но перед ним доступная добыча. Он начнет с этого человека, а потом доберется до остальных.

Припав к земле, тигр тихо зарычал и двинулся к осужденному.

Он медленно, словно играючи, шел на человека. Тот, не сводя глаз со зверя, отступал шаг за шагом. Видя, что его противник слаб, тигр двигался все увереннее, заставляя человека спешить. Их взгляды переплелись, и они не замечали ничего вокруг.

Вдруг осужденный уперся спиной в стену, ограничивающую арену. От неожиданности он вздрогнул, прикоснулся к ней руками, и ему стало страшно.

Бежать было некуда, и тигр это понял. Он остановился, прижимая уши, и довольно зарычал. Осужденный поднял глаза, оторвав взгляд от желтых немигающих зрачков тигра, и

окинул взором трибуны. Все вокруг сочувствовали зверю. Одни, затаив дыхание, ждали, другие спорили, третьи подбадривали убийцу криками, четвертые просто любовались каждым шагом зверя.

И вдруг осужденный увидел на трибуне знакомое лицо. Глаза Буяна и незнакомца встретились. Человек светло улыбнулся и кивнул, словно хотел попрощаться. Гусляр вскочил с места.

— Мы не можем его так бросить, — прошептал он Мечиславу — Бросить человека на растерзание зверю?

— Но что мы можем сделать? — успел шепнуть юноша в ответ.

Буян не ответил. В тот миг, когда осужденный посмотрел на гусяра, исчезло то единственное, что до сих пор сдерживало зверя, — тяжелый прямой взгляд человека, взгляд, который не может вынести ни одно животное в мире. Тигр припал к земле, примерился и с рычанием бросился на свою жертву.

Осужденный услышал рев, краем глаза углядел огненный силуэт, метнувшийся к нему, и рванулся прочь. Толпа радостно вскрикнула, когда тигр махнул лапой, сбивая увернувшегося человека с ног. Осужденный упал, зарывшись лицом в песок, а тигр вырос над ним. Человек успел повернуться, отворачивая лицо от тяжелого смрадного дыхания, поймал уши зверя, отвел его оскаленную морду в сторону.

В следующий миг на стене над ареной раздался призывный клич, и на песок спрыгнул еще один человек.

Толпа закричала, подалась вперед, не то для того, чтобы помешать храбрецу, не то для того, чтобы рассмотреть его. Султан удивленно поднял брови, а неизвестный ловко размахнулся и метнул в тигра нож.

Каленое лезвие ушло в лапу зверя до рукояти. Тигр взревел от неожиданности и развернулся в сторону нового врага. Буян выхватил меч и бросился на тигра. Зверь прыгнул ему навстречу.

Гусляр встретил его поднятым мечом. Он размахнулся для удара, но когтистая лапа взвилась в воздухе на миг раньше и встретила меч. От неожиданности Буян выпустил оружие. Стремясь поймать падающий меч, славянин рванулся вслед за ним, и когти тигра вцепились ему в плечо.

Толпа взревела. В тот же миг от трибун раздался новый клич, на песок спрыгнул второй незнакомец и сразу же побежал к тигру.

Подбежав, он вскинул меч и рубанул зверя по лопатке. Зверь успел заметить нового врага — он развернулся, и удар, который мог бы принести ему смерть, получился скольльзящим. Меч полоснул по плечу тигра, разъярив того еще больше. Он прыгнул на юношу, ловя его лапами, но тот отскочил и ударил хищника по спине.

Раненый тигр рухнул на песок, царапая его когтями. Толпа яростно закричала. Вдруг осужденный пришел в себя, пошевелился и поднял голову.

Тигр наконец собрал силы и двинулся на Мечислава. Рана на спине мешала ему двигаться — задние лапы почти не слушались. Но ярость побеждала боль. Рванувшись вперед, он махнул лапой, надеясь зацепить юношу когтями, но Мечислав, пораженный, не знал, что делать дальше. До сего мига ему не приходилось убивать. Тигр с усилием подтянул задние лапы и рванулся на него.

Буян, преодолевая боль в раненом плече, поднял голову и крикнул:

— Беги или ударь его! — Поднимаясь, он нашаривал меч. Выбитый зверем, меч валялся слишком далеко. Буян встал, пошатываясь, поднял его и, стараясь не обращать внимания на растущую боль в плече, шагнул к тигру, но тут, чья-то чужая рука вынырнула из-под спины и взяла меч.

Буян обернулся и встретился взглядом с осужденным. Опять полыхнули серо-стальные глаза. Отстранив гусяра, неизвестный с его мечом устремился вперед.

Прижав к груди раненую руку, Буян с удивлением смотрел, как северянин, настигнув зверя одним прыжком, с каким-то странным кличем на своем языке тяжело, как топор,

всадил меч тигру в щею.

Отрубленная голова зверя рухнула на песок к ногам замершего Мечислава, обдав юношу потоком горячей крови. Тело тигра дернулось и упало, забившись в судорогах.

Все, кто видел это, ахнули, а султан прикрыл глаза рукой, не веря случившемуся. Не сразу он отнял руку от лица и послал своих воинов на арену.

А трое воинов над трупом зверя не замечали ничего вокруг. Сероглазый незнакомец весело улыбнулся и через спину поверженного зверя подал Мечиславу руку.

— Спасибо тебе, друг! — сказал он, — Век этого не забуду. Жизнь вы мне спасли.

Мечислав несмело принял широкую жесткую ладонь, зарделся, как девушка.

— Не меня благодари, витязь, а вон его, — засмутился он. — Кабы не он, я ни за что бы не решился...

Он кивнул назад, и незнакомец обернулся на подошедшего Буяна. Гусляр чуть пошатывался, бережно удерживая на весу расцарапанную разъяренным зверем руку. Рубашка на нем была порвана, на загорелой коже алели кровоточащие полосы. Он тяжело и быстро дышал.

Спасенный, едва увидев кровь, выпустил руку Мечислава и подхватил Буяна. Гусляр принял его помощь.

— Хороший у тебя удар, друг, — похвалил он. — Ловко ты его...

— За доброе слово спасибо тебе, незнакомец, — ответил сероглазый. — Без вас я бы пропал...

— Мне кажется, что мы и так сейчас пропадем! — воскликнул Мечислав. — Посмотрите, что это?

Сероглазый быстро обернулся и увидел, что к ним от ложи султана бегут вооруженные воины. Он сурово сжал зубы и промолвил:

— То за головой моей. Прости, друг, но твой меч пока останется у меня!

Буян только кивнул — рана болела все сильнее, и он не смог бы сражаться.

Не сговариваясь, незнакомец и Мечислав встали спина к спине, подняв мечи. Буян застыл подле, зажимая рану рукой. Кровь стекала между пальцами и падала на песок арены.

Подбежали воины числом несколько десятков и окружили их плотным кольцом. Встал позади них и советник султана — тот, что разговаривал с осужденным вначале, — и сказал им:

— Именем султана Дамаска, повелителя правоверных, достойного из достойных Рашида-ибн-Махмуда аль-Абдаля, приказываю вам, неверные мятежники, сдаться. Если вы будете упорствовать, вы будете преданы позорной казни именем Аллаха, всемогущего, великого!

Сероглазый обернулся на неожиданных товарищей по несчастью:

— Лучше умереть в битве, чем на плахе! Попробуйте подойти и взять нас!

И слова его, сказанные громко и гордо, дошли до ушей султана. Султан крикнул второго советника и что-то тихо приказал ему. Тот поспешил на арену со всеми своими людьми. Тем временем первый советник, поняв, что мятежники стоят твердо, отдал приказ схватить их.

И все тридцать воинов сразу бросились на троих незнакомцев.

ГЛАВА 12

Когда пришел в себя Буян, первое, что он услышал, был звук падающих на камни капель. Потом кто-то рядом вздохнул, пошевелился, и послышался звон цепей. Пахло тленом и сыростью, издалека доносились какие-то незнакомые звуки, словно они были тут не одни. Сам Буян лежал на тонкой подстилке из слежавшейся соломы, сквозь которую проникал холод камней.

— Мечислав? — осторожно позвал он.

Рядом тут же что-то зашевелилось. Кто-то припал к нему, обнимая за плечи, и

знакомый голос воскликнул радостно:

— Ты жив! Жив!

— Говорил же я, что такие так просто не умирают, — молвил кто-то еще.

Голос этот гусяр тоже вроде где-то слышал, но не помнил где.

Он открыл глаза и сперва ничего не увидел — так темно было вокруг. Что-то задвигалось перед ним, и Буян узнал лицо Мечислава. Юноша подхватил его за плечо и помог приподняться.

Огляделся гусяр и с удивлением понял, что они находятся в каком-то каменном подземелье. Глыбы неотесанного камня слагали стены, смыкались над ними в сводчатый потолок, образовывали пол, по которому куда-то тек мутный ручеек. Окошек не было, но одной из стен не было тоже — ее заменяла решетка от пола до потолка. За нею можно было разглядеть тускло освещенный коридор. В стенах его были видны такие же ниши, где наверняка, кто-то был.

Буян пошевелился, разминая затекшие руки, и услышал, как зазвенели цепи. Он был закован. Рядом был прикован Мечислав. Цепи крепились в камне и были достаточной длины, чтобы узник мог встать и сделать один-два шага.'

Пока пораженный Буян рассматривал стены, рядом зашевелился кто-то еще. Оказалось, что это тот самый сероглазый незнакомец.

— Где мы? — спросил у него Буян.

— В тюрьме султана Дамаска, — ответил тот. — Вы помешали ему казнить меня, убили лучшего тигра его зверинца. Теперь, по здешним обычаям, вы и я равно виноваты, и потому нас посадили вместе, как сообщников.

— Да вот еще! — возмутился гусяр. — Не считаю я себя твоим товарищем — я чужих жен не смущал!

— Да и я не трогал никого! — ответил незнакомец. — Господом нашим клянусь!

Он истово перекрестился, как тогда на арене, и Буян спросил у него:

— Тогда объясни нам, что случилось?

— Имя мне — Гаральд Мак-Хаген, — ответил ему чужеземец. — Я рыцарь из Англии.

— А где это — Англия? — перебил Мечислав.

— Далеко на западе, за морем, — быстро молвил Буян, — я расскажу как-нибудь, да и ты тоже, друг, скажешь позже... Скажи нам, Гаральд, если ты из Англии, как тут оказался? Не за подвигами ли?

— Увы, нет. — Узкое лицо рыцаря потухло, — Не подвиги и не приключения привели меня в этот край. Отправился я по свету искать свое счастье исчезнувшее... Четыре года уж, как пришел в моей земле к власти доблестный король Альфред. Было сие богоугодное дело в Уэссексе, а я был одним из его верных рыцарей. И была у меня невеста, леди Джиневра. Просватал мне ее сам Альфред Великий в награду за мою службу верную. Должны мы были обвенчаться этой осенью, да только весной исчезла она без следа. Никто ничего не видел и сказать не мог, а леди Джиневра пропала. Искал я ее по всей Англии. Думал, давний соперник мой, сэр Артур Бредли, похитил ее, но ошибался. Разузнал лишь, что в устье реки, при которой стоял замок отца Джиневры, видели корабль норманнов. Решил я, что увезли мою невесту они, чтобы продать в земли неверных. Моя Джиневра была прекрасней утренней зари, словно королева эльфов. Я имя сменил, сюда добрался — год целый по земле ездил, дорогу искал. Наконец приехал. Разузнал, что самых красивых девушек с севера всегда султану в сераль отправляют, и решил ночью проверить, там ли моя невеста... Нашел дворец султана...

Голос рыцаря становился все глуше. Буян опустил отяжелевшие веки, уронил голову на грудь и задремал. Что-то теплое коснулось его плеча и раненой руки. Голова закружилась.

Речь рыцаря прервалась, и услышал Буян его далекий тревожный голос:

— Что с тобой? Эй, друг, очнись!

Но хотя слышал гусяр голоса Гаральда и Мечислава, не мог и слова вымолвить. От резкого движения открылась рана на плече, и кровь опять потекла, заливая и без того

окровавленную рубаху.

Не знал Мечислав, что делать надо, встряхнул он Буяна за плечи и позвал:

— Скажи, что делать, Буян? Что тебе нужно? Собрал гусяр силы и промолвил тихо:

— Перестань рану бередить. — И когда отстранился юноша, молвил твердо: — Заговор читай. На руду. За мной повторяй...

И зашептал он еле слышно, а Мечислав, закрыв ему рукой раны, повторял громче:

На море, на Океане
на острове на Буяне,
лежит бел-горюч камень-алатырь.
На том камне-алатыре
сидит красна девица,
швея-мастерица,
держит иглу булатную, руду желтую,
Зашивает раны кровавые.
Заговариваю я Буяну-гусяру от пореза.
Булат, прочь отстань,
а ты, кровь, течь перестань .

Когда договорил отрок, отнял руку от плеча гусяра, то увидел и он и Гаральд, что раны зарубцевались и кровь остановилась.

И подивился всему, что увидел и услышал, Гаральд, и тихо спросил у Мечислава:

— Откройся мне — откуда вы такие взялись, что слова вашего даже кровь в ране слушается? Вы мне жизнь спасли, а я и имен ваших не знаю!

Буян молчал, закрыв глаза, — он дремал, исцеленный. Вместо него ответил Мечислав:

— Приехали мы из земель славянских, что лежат меж морем Студеным и Греческим, к востоку от Норманнского моря. Приехали мы не за наградой, не за славой — надобно нам для друга нашего живой воды достать. Следы ее здесь, на Востоке, в землях сих, кончаются.

— Понимаю я вас, — кивнул Гаральд. — И у вас дело здесь немалое, а я вам помешал. Дьявол нас здесь свел — вы и мне не помогли, и сами в беду попали. Не отпустит вас теперь султан так просто, пока достойной кары для вас не придумает!

Несколько дней миновало, уж Буян от раны оправляться стал, а о них словно забыли. Дважды в день тюремщик кормил их вместе с прочими узниками, которых у султана оказалось ни много ни мало — две сотни с небольшим. Иногда одного из них выводили куда-то, и он больше не возвращался.

Мечислав и Буян сдружились с Гаральдом. Молодой рыцарь искренне радовался товарищам по несчастью. Он часами рассказывал им о родной Англии, о своем короле Альфреде, которому служил не за страх, а за совесть, о битвах, в которых ему доводилось участвовать, о своей невесте.

Время шло, раны Буяна подживали, но он не становился веселее. Наоборот, с каждым днем славянин был все печальнее, словно пришла пора ему умирать. Гусяр теперь ни с кем не разговаривал и почти не пел, только порой вечерами тянул что-то тоскливое, от чего сердце сжималось в тревоге. Высоко над ними, так, что не достать, в самом потолке, было маленькое окошко — всего в один выломанный камень. Оно сверкало, словно звездочка, если на воле было солнце, и меркло, если спускался вечер. И гусяр часами не отводил с него глаз.

Мечислав не отходил от него ни на шаг, не зная, чем помочь другу.

— О чем думаешь, Буян? — однажды не выдержал и спросил он.

— О князе, — вздохнул гусяр, — Крепко виноваты мы перед ним — отправились спасение для него добывать, а ни помочь не смогли, ни самих себя уберечь от лихости... Теперь мы и о судьбе своей не ведаем, и о нем не знаем ничего.

Услышал такие речи Гаральд, придвинулся ближе и спросил:

— Что случилось с господином вашим? Беда ль дома какая стряслась? Я вам открыл правду чистую, так не скрывайте и вы от меня ничего!

— Ты нам друг в несчастье, рыцарь, — ответил ему гусляр, — но вряд ли понять сможешь. Я с князем моим, Властимиром из города славного Резани, давно знаком. Как-то пришлось нам кровь мешать, брататься. Налетели на его град из степи дикой вороги — град пожгли, жену с сыном малым едва в полон, не забрали, а самому князю очи выкололи, чтоб не смог он для них опасен быть. Помогли нам боги и друзья — свели вместе, и поклялся я, что из-под земли, а добуду для него живую воду, исцелить раны его страшные. Пустились мы в путь втроем, прибыли мы в город сей, да и попались. Теперь мы здесь, в плену, и судьба наша нам не ведома, а князь мой один в чужом городе.

— Слепой? — ахнул Гаральд.

— Слепой, — печально кивнул Буян. — Страшнее своей судьбы для меня незнание, что с ним. Прознать бы — и умирать тогда не страшно!

Испугался Гаральд решимости, с какой сказал гусляр — будто и правда смог бы за весть добрую жизнь отдать. Попытался он отговорить Буяна от мыслей таких, но тот молчал, не слушая.

...Когда затих вдали топот Мечиславова коня, Властимир недолго медлил, выжидая, пока разойдется толпа. Народ весь, словно тянули его на арканах, спешил в сторону арены, поглазеть на казнь. Если бы захотел, Властимир бы вслед за ними добрался туда, но где там искать Буяна в такой толпе? Там и зрячему трудно! Был он уверен, что, отвечая за юного Мечислава, не станет безрассудный гусляр лезть не в свое дело и зря головой рисковать. А коли случится риск, так Властимир давно знал, что Буян-волхв сможет за себя постоять.

Дождавшись, пока вокруг все немного успокоится, он направил Облака в сторону палаток мисрийских купцов. По воле судьбы его жеребец и так стоял мордой в ту сторону.

Не знал князь только расстояния до палаток, а потому порядком подивился, когда очень уж быстро кто-то схватил за повод Облака, останавливая его.

— Скажи-ка мне, добрый человек, — спросил Властимир в пустоту, — как мне добраться до мисрийцев? Узнал я, что где-то тут стоят их палатки. Так подскажи мне, не ошибся ли я?

Человек приблизился. Властимир почувствовал, как руки осторожно касаются полы его плаща, сапога, услышал позвякивание стремени.

— Скажи сперва ты, о чужеземец, — донесся немолодой уже голос, как-то странно, как и сам князь, выговаривающий слова, — откуда ты сам прибыл? Не издалека ли?

— Издалека, да только не смотри, что я слепой. Прибыл я с двумя друзьями, да только сейчас отъехали они по делу срочному, а мне наказали близ палаток мисрийских дожидаться. Не удерживай меня понапрасну — может, уже вернулись они!

Человек потянул повод Облака на себя:

— Доверься мне, человеке. Я отведу тебя, куда нужно, только скажи мне, откуда ты приехал. Одежда мне твоя вроде как знакома, да и слова ты выговариваешь странно...

Он повел упирающегося Облака куда-то чуть в сторону, словно они обходили угол дома или повозку. Конь сделал всего два шага и встал, отказываясь подчиняться. Он-то видел дорогу, и Властимир доверился чутью старого жеребца.

— Куда ты ведешь моего коня? — окликнул он проводника.

— Ты не веришь мне? — догадался человек. — А я ведь тебя признал. И лицо твое...

— Ты знавал меня, что ли? — испугался Властимир. — Но я не припомню тебя!

— Так и я не знаю твоего имени, а только скажи мне — из какого ты города? Киева аль Владимира? Али, может, Росток?

Услыхав такие речи, Властимир наклонился, ища руку незнакомца.

— Да ты что ж, — вскричал он, — славянин родом? Откуда? Его руку поймали, и человек коснулся ее губами.

— Есть под Киевом город мал, Любечем прозывается. От-тудова я родом. Мальчонкой совсем был — налетели степняки, кого порубали, кого с собой увезли, а потом купцам иноземным продали. Уж более тридцати лет я в чужой стороне. Два раза перепродавали меня. Последний раз попал я к тем самым мисрийцам, которых ты ищешь, друг!

— Имя мне Властимир из города Резани,—быстро молвил князь. — Поди, и не ведаешь о таком-то? Севернее Киева он, на реке Оке стоит...

— И слыхом не слыхивал, хотя иные из наших, может, даже и жили в нем. Есть тут один — словно ты, слова выговаривает. Может, земляк твой или сродственник. Едем со мной, друг!

Любечанин повел Облака куда-то в обход.

— Куда ты ведешь меня, человеке? — окликнул его князь. — Ежели ты мисрийцам служишь, правь к ним прямо, не увиливай!

— А я и правлю, — отозвался тот. — Только не знаешь ты, Властимир, какие это люди! Они нашего брата и за человека не считают — все мы для них маги, а это по-ихнему первые злодеи. Был один парень среди нас — Крошкой его кликали, — так он семь разов сбегал. Последний раз сманил с собой товарища. Того-то словили да лютой смертью казнили, а Крошка утек. Может, где и сложил буйну голову, а может, до наших добрался. Новгородцы — они ж хитрые...

— Знавал я одного новгородца, — поддакнул князь. — Но я не простой человек и не раб. И окромя того, нас с товарищами к мисрийским купцам знающие люди направили. Не должно мне от них прятаться — может, есть у них средство, как мне помочь. Таясь, ничего не добьешься!

— Слушай меня, Властимир,—быстро зашептал любечанин, — я не первый год с ними. Не любят они нашего брата! Ты, заметил я, некогда в беду попал — вон на глазах повязка, — так они тебя запросто обмануть могут. Чужака да калеку обидеть у них каждый обязан. А конь у тебя добер — пригласят в шатер взойти, коня продадут, а тебя зарежут впотай. И друзья твои тебя не сыщут, помани мое слово!

Поверил словам земляка князь, опечалился.

— Что ж тогда мне делать? Раб-любечанин пожал ему руку.

— Доверься нам, друг. Друзья твои у мисрийцев тебя разыскивать станут, значит, увидим мы их, привет от тебя передадим. А пока мы тебя спрячем. Тут местечко есть одно — я для себя приберег, бежать надумал, да, видно, придется погодить пока. Там тебя ни одна собака не разыщет. И коника твоего пристроим!

Говорил он так уверенно, что князь перестал сомневаться в его словах и доверился новому другу.

Любечанин, которого здесь так и кликали для простоты по имени его родного города, не обманул князя. За палатками мисрийских купцов высились развалины какого-то дома. Там купцы обычно складывали товары, какие могли попортиться на дожде или жаре. Начался прохладный срок, дожди шли чаще и могли подмочить товар. Когда не стояли там купцы, в развалинах селились бродяги и нищие, изгоняемые каждый раз стражей перед большим базаром. В развалинах тех и зрячему было трудновато пройти, а уж слепому и вовсе невозможно.

Кликнув на подмогу еще двоих людей — один и взаправду оказался из села неподалеку от Резани и самого Властимира признал по голосу, — Любечанин отвел князя подальше, где его никто не мог бы увидеть за камнями. Там ему обустроили что-то вроде обиталища временного. Облака же отвели на конюшню и поставили вместе с прочими лошадьми купцов — туда, где стояли тяжелые лошади для колесницы. Тяжелых лошадей в этих краях не жаловали, и купцы к ним почти не заходили — нечего купцу носиться, словно ветер шальной, на каком-то скакуне или разъезжать в изукрашенной повозке, когда все это можно выгодно продать. Купцу по чину и приличию — груженный верблюд или смиренный мул, чтобы все издалека узнавали.

Рабов-славян у мисрийцев оказалось почти сотня. Многие из невольников и речь

родную забыли. Таким даже доверяли служить в охране товаров и самих купцов в дороге, а в городах они помогали приказчикам в торговле или обслуживали караван. Но и те и другие хоть по разу, а забежали посмотреть на человека с родины. Те, что помоложе, впопыхах умоляли князя выкупить их, обещаясь до конца дней своих быть у него рабами, только бы на родной земле! Горько было Властимиру слушать униженные речи сородичей, но еще горше было ему оттого, что не мог он помочь никому из них.

Дни его тянулись медленно и скучно — было много работы, и рабы почти не забегали его проведать. Только когда хозяева молились, ненадолго заходил Любечанин или парень из Резани перекинуться парой слов. Лишь вечерами, когда затихал торг и город успокаивался, а на улицы выходили сторожа, воры и влюбленные, выводили они князя на воздух — повидаться с Облаком. Конь в те минуты лънул к хозяину, словно знал что-то о судьбе своей, и Властимиру день ото дня становилось тоскливее.

Славяне знали с первого дня, что его томит. Между делом все они давно уже выглядывали в толпе двоих всадников — улыбчивого синеглазого витязя и безусого юношу. Но ни Буян, ни Мечислав не появлялись на торгу, и никто от их имени не подъезжал к мисрийским купцам. Это тревожило Властимира, и вскоре понял он, что с друзьями случилась беда.

Миновало совсем немного времени, наполненного тревогой. Рана Буяна успела поджить совсем, и он даже восстановил утраченные силы, когда однажды по коридорам тюрьмы загрохотали тяжелые шаги и послышался звон оружия и доспехов. Все узники сразу притихли — это могло означать, что стража пришла, дабы кого-то отвести на казнь.

В самом деле — отряд воинов явился в тюрьму в сопровождении самого смотрителя. Впереди шел визирь султана. Начальник тюрьмы с почтительным поклоном подвел его к решетке, за которой сидели чужеземцы.

Очнувшиеся от звона оружия, Гаральд и Мечислав вскочили при его приближении, и только Буян остался сидеть, глядя в потолок.

— Эй, вы! — окликнул вошедший узников. — Чужеземцы! Мой повелитель, правитель Дамаска султан Рашид-ибн-Махмуд аль-Абдаль, наместник правителя Багдада высокочтимого шейха Абу-Бекра-аль-Джафара, внука аль-Мамуна, был недавно на арене, где удостоил вас чести лицезреть ваш бой с лучшим тигром его зверинца. За то, что вы убили его любимца, он мог бы казнить вас в тот же день, но его милосердие безгранично. Мой повелитель желает видеть вас! Собирайтесь — вы предстанете пред его светлые очи!

Выслушав речь визиря, все, кто мог слышать ее, восхищенно заговорили, но Гаральд, презрительно скрестив руки на груди, бросил в ответ:

— Мне, христианскому рыцарю, не о чем говорить с твоим шейхом! Я уже все сказал!

Он отвернулся, и Мечислав поддержал его — он не знал, что еще ему делать.

На лице визиря отразился гнев. Он уже повернулся к сопровождающим его воинам, готовый отдать приказ схватить дерзких чужеземцев, но тут поднялся до того безразличный ко всему Буян.

— Твой повелитель хочет видеть нас? — спросил он. — Так передай, что я иду!

Все, кто рядом находился, ахнули, а Мечислав схватил гусяра за руку:

— Одумайся, друг, что ты делаешь? Он же враг наш! Но Буян вырвал руку и повторил:

— Я иду к повелителю!

Мечислав отшатнулся, а Гаральд обнял его за плечи и шепнул примирительно:

— Молчи, молчи. Он сам выбрал себе дорогу...

— Но он же предал меня! И князя! И тебя! Всех, — прошептал юноша.

Буян не подал виду, что слышал голоса за спиной. Визирь сделал знак, и, отомкнув решетку, к гусяру шагнули охранники. Тут же окружила его визирева стража и повела прочь. Буян пошел с гордо поднятой головой, и, хотя он знал, что за ним жадно следят глаза его товарищей по несчастью, он ни разу не обернулся.

Гусяр никогда раньше не бывал во дворцах, не слышал ни о чем подобном и теперь

смотрел во все глаза и слушал во все уши.

Его сразу вымыли в бане, причесали и нарядили перед встречей с султаном, а потом провели по дворцу, одна комната которого была богаче другой. Словно нарочно желая смутить и поразить иноверца, его долго водили по мраморным залам меж украшенных золотом колонн и иноземных ковров, покрывавших стены. Откуда-то издалека доносилась нежная музыка, лились волны сладких запахов и слышались голоса.

Провели Буяна через весь дворец и вывели его в сад, где росли невиданные деревья, цвели чудные цветы, от которых исходил такой аромат, что больно было дышать. Меж кустов бежали дорожки из цветного песка. Все они вели к бассейну, обложенному золотом и мрамором. В нем били фонтаны и плавали рыбы, подобные слиткам золота. Вокруг стояли скамьи черного дерева и столики, ломящиеся от дорогих яств. Над садом летали птицы. Далеко улететь они не могли — в вышине была натянута сетка, которая мешала им покинуть сад.

На скамьях, на расшитых подушках, сидел сам султан, его любимые жены и приближенные. Их слуги и невольники теснились позади, любопытствуя — не каждый видел человека другой земли, да еще такого, который убил лучшего тигра из зверинца султана.

ГЛАВА 13

Приблизившись, Буян низко поклонился султану, а потом выпрямился и повторил свой поклон на все четыре стороны — визирям и женам султана в особину.

Заметил султан, что внимание чужестранца почему-то нравится его женам, и поспешил заговорить с ним: — Что, неверный, дома такого ты не встречал?

Буян снова почтительно склонился.

— Не только дома, — ответил он, — и в иных странах подобного я не встречал! Диво здесь все — диво дивное, словно обитель богов вечнокрасная!

— Богов? — подивился султан. — Уж не маг ли ты, язычник?

— Зови так, коли хочешь, — согласился Буян. — А по-нашему я гусяр да волхв!

Сразу все вокруг зашептались удивленно, стали подталкивать друг друга локтями, переглядываясь. А любимая жена султана, что сидела ближе всех к нему, наклонилась к уху своего повелителя и тихо заговорила с ним, упрасывая. При этом она все косилась черным, влажным, как у лани, оком в сторону Буяна.

Вначале морщился и отворачивался султан, но потом окликнул гусяря:

— Если ты и правда волхв да маг, то покажи нам свое искусство, порадуй нас! Коли по нраву мне придется умение твое, я, пожалуй, награжу тебя.

Буян улыбнулся — уж не ослышался ли он? Это была настоящая удача, ради которой он и решился покинуть тюрьму. Следовало рискнуть. Он в третий раз отвесил султану поклон.

— Самому мне ничего не нужно, о повелитель, но если ты и правда захочешь доброе дело сделать...

Султан ахнул.

— Ты что же это, неверный, — прошипел он, — ничего еще не сделал, а уж о милости просишь? Да как это понимать?

— Уж прости, коль прогневал чем, — спокойно ответил Буян, — а просьба — то мое право. Дома нас, гусяров да волхвов, и князья слушают, и то зазорным не считается. Случалось, гусяры и войны умирляли словом молвленным. И меня в свое время слушали люди, силой и властью наделенные... Потому выслушай меня — голову снять всегда можно, а прошу я не за себя!

Султан сердито повел глазами по сторонам, но увидел, что на него умоляюще смотрит его жена, и поневоле смягчился.

— Несколько дней тому назад, — торопливо заговорил Буян, пользуясь случаем, — по твоему приказу чуть было не предали напрасной смерти человека безвинного, рыцаря из

Англии. Я его выручать кинулся...

— И тигра моего убил, — оборвал султан. — Ты маг, а здесь слеп оказался — преступнику помогать кинулся! В чем вина его, ты не знаешь!

— Тогда не знал, а теперь точно ведаю, — возразил Буян. — Говорил я с ним — нет его вины ни в чем!

— Без вины я не казню! — гордо отвернулся султан; и все вокруг согласно закивали, подтверждая его слова.

Но Буян не собирался сдаваться:

— Слышал я, как ты с ним на арене говорил. Такими речами ни у кого правды не вытянешь. Мне он поведал, что истинно его привело к тебе... А приехал рыцарь Таральд из Англии за своей невестой, Джиневрой, что норманны похитили и привезли в Дамаск. Прознал он, что самых красивых пленниц тебе отправляют, вот и решил разыскать ее в саду твоём. Да только не успел он узнать ее — налетели твои люди, связали да в тюрьму за разбой отправили. Вот что хотел просить я у тебя, султан: коли есть у тебя наложница из Англии именем Джиневра, которую за Гаральда сам король Альфред сватал, отдай ты ее ему да позволь домой вернуться — целый год с малым он ее ищет!

Только договорил Буян, как отовсюду послышались вздохи и аханья — то наложницы султана завздохали, вспоминая каждая свою судьбу. И даже любимая жена украдкой стерла слезу со щеки.

Взглянул на нее султан и понял, что загрустила жена о прошлом, затосковала по какой-то мечте своей. Это разозлило его, и сказал он Буяну:

— Не по нраву нам речи твои дерзкие, но повесть ты сказал необычную. Далеко та страна, но если правда приехал за своей невестой тот рыцарь, то любит он ее и верен ей. Есть у меня рабыни из северных земель — коль искусство твоё нам понравится, так и быть — подарю я ему одну из них. А теперь показывай, что можешь ты, маг! И горе тебе и твоему рыцарю, коль еще раз меня ослушаешься!

Огляделся Буян, на птиц посмотрел, на золотых рыб в бассейне, на визирей и советников, на слуг и рабов, на невольниц, что жадных глаз с него не спускали, на жену султана и на воинов, что мечи обнажили. А потом опять поднял он глаза к птицам и увидел, что одна из них взмыла вверх, к солнцу, но с разгону ударилась о сетку и снизилась, тихо крича. А снаружи ей отозвалась вторая птица, что кружила над сеткой, поджидая первую. И запел Буян, окликая ее:

О сестра моя, лебедь белая,
не встречаться нам в небе ласковом —
клетка скована вся из золота,
красна золота, бела серебра.
Изукрашена, изузорена
жемчугами да изумрудами,
только мне их блеск да не по сердцу —
тошно в клетке мне да нерадостно.
Уж как я б взлетел в небо звонкое,
уж как я б запел песню гордую,
а в чужом краю не летается,
не звучит в тюрьме песня вольная...

Услыхала его голос птица и устремилась к нему сверху. Пока сказывал гусяр, кружила она около, а как кончил да поднял руку, села на ладонь ему и запела.

Все заслушались ее песни — была в ней тоска о небе и стае, о далях дальних и землях иных, о том, чего в саду султана не было. И когда она смолкла, то увидели все, что остальные птицы спустились с неба и сели наземь перед гусяром, к берегу бассейна собрались все рыбы и замерли неподвижно, а из кустов вышли ручные лани с детенышами.

И сами люди невольно поддались чарам песни — одни утирали слезы, другие оглядывались, третьи схватились за голову. И сам султан взялся за сердце, дивясь силе неверного.

Но тут иная мысль пришла ему в голову, и он отбросил волнение.

— Эй, маг! — позвал он, и все птицы и звери тут же бросились врассыпную от его голоса. — Правду скажу, поразил ты меня своим искусством! Так и быть — исполню я обещание свое, отпущу того рыцаря и позволю ему выбрать себе наложницу из числа северянок...

— Ой, верно ли, султан? — обрадовался Буян.

— Отпущу, а может, не его одного, — важно кивнул тот, — но только прежде откройся мне, маг. Хочу знать я, может твой голос людьми повелевать так же, как тварями бессловесными?.. Не отпирайся — видел сам я, как слуги мои песню твою слушали!

— А раз видел, то и мне спорить негоже, — развел руками Буян, — то правда истинная!

От радости не усидел султан на месте — вскочив, подбежал к гусле и схватил его за руку.

— Проси у меня, чего хочешь, — заговорил он, — все исполню, только еще раз покажи свое искусство!

Буян чуть не расхохотался, глядя на взволнованное лицо султана,

— Покажу, не сомневайся, — кивнул он. — Хоть сейчас и запою для тебя — мне то в радость, что другим по нраву! Выбирай, о чем спеть?

— Да ты не понял меня. — Султан оттащил его в сторонку от любопытных ушей. — Сведу я тебя в Багдад, пред грозные очи самого шейха Абу-Бекра-аль-Джафара. Представлю как своего раба — это чтоб тебя в его покои провели, — шепнул султан примиряюще, — там ты покажешь свое искусство и песней своей, — здесь султан заговорил так тихо, что Буян лишь по губам догадывался о значении слов, — заставишь его отречься от престола и короновать меня!.. Давно мечтаю я стать шейхом Багдада, а уж тогда я тебя так награжу, что век помнить будешь!

— Нет!

Султан нервно обернулся — не понял ли кто ответа гусле. Буян гордо вскинул подбородок, не глядя повелительно правоверных в лицо.

— Ты меня не понял? — начал снова султан. — Язык мой не так хорошо разумеешь?

— Да все понял я! — Буян вырвался из его рук. — До последнего слова — все!.. Мой дар людям нести радость должен. Негоже мне во зло им пользоваться — на мятеж подбивать, подручным палача слыть...

— Да не палачом, а...

— Все одно! — отрезал Буян. — Не певец тот, кто на войну и убийство других подбивает! И не слуга тот, кто господина своего предает!

Он выкрикнул это так громко, что испугался султан, как бы не догадались слуги, советники и жены его, о чем разговор у них шел.

— Взять его! — крикнул султан, взмахнув рукой. — И казнить немедленно!

Уже набросились на гусле воины, уже заломили ему руки назад, уже послали за палачом, но вдруг любимая жена султана вскочила со своего места и пала на землю.

— О нет, повелитель! — закричала она, сдерживая слезы. — Ради нашей любви, ради сына нашего, ради меня — оставь жизнь этому неверному! Он не знает наших законов, потому и прогневил тебя! Ты же обещал ему награду за голос — так подари ему жизнь!

Она осталась лежать у ног султана, причитая и плача, и все поняли, что гусле похитил сердце жены султана.

Лучше всех понял это сам султан. Это взбесило его. Он мог бы сам срубить наглецу голову, но женщина напомнила о его обещании, которое слышали все. Вспомнил султан о том, что имеет дело с магом, — испугался, что тот перед смертью проклянет его, и только потому смягчился, повелел бросить Буяна в тюрьму и держать там, пока он не смирится.

Услышав такое, гусле обрадовался было, что сейчас отведут его обратно к друзьям,

где сможет он поведать Гаральду о судьбе его невесты, но надеждам его не суждено было сбыться.

Из сада отвели его на зады дворца, где среди голых глинобитных заборов поднимались стены конюшен. В центре пустого двора, обнесенного стенами, за которыми не было видно ничего, кроме неба, был глубокий колодец, выложенный отшлифованным камнем, глубиной в пять саженей с малым. В него не заглядывало солнце. У дна колодца камня не было — только сырая земля, от которой вечно тянуло холодом. Буяна опустили в колодец и закрыли крышкой с такой частой решеткой, что гусяр почти не мог видеть сквозь нее света. У решетки стоял сторож — охрана не отходила от колодца ни на миг.

Потянулись дни. Буян ничего не знал о своих друзьях и не ведал, как дать им знак. С ним никто не заговаривал — раз в день открывалась крышка, и сверху в корзине спускали пищу и воду. Тогда же спрашивал у него слуга султана, не передумал ли он. Но всегда в ответ слышалось одно: «Нет!»

Сколько миновало дней — Буян не считал, сбившись. Лишь однажды в неурочное время услышал он сверху тихий голос, робко окликающий его. Было это так непривычно и странно, что гусяр тотчас поднял голову и увидел, что кто-то примостился на решетке.

— Ты живой ли, маг-певец? — позвали его.

— Живой. А что тебе нужно от меня? — отозвался Буян. По голосу он уже догадался, что говорила с ним женщина, и обрадовался — видать, нашел свою невесту Гаральд, здесь она и его помнит по-прежнему.

— Тебе привет от госпожи нашей, Будур-аль-Алтын, любимой жены повелителя, — ответила девушка. — Помнит она голос твой дивный, никаких иных певцов слышать не хочет. Рассорилась из-за тебя с нашим султаном...

— Передай ей, что не дело она творит, — оборвал Буян. — Мы жен чужих не умыкаем — у нас то не в обычае. А за то, что помнит она меня, спасибо. Передай, что и я не забыл, как она на мою защиту поднялась...

Отговорив, подумал он, что сейчас уйдет невольница, но она медлила.

— Чего тебе еще? — окликнул ее гусяр. — Говори скорее да уходи, а не то застанут тебя здесь и убьют!

— погоди, певец, менестрель чужеземный, не гони меня, честно ответь, — заторопилась девушка. — Откуда ты знаешь про сэра Гаральда Мак-Хагена, рыцаря из Англии, друга самого короля Альфреда?

— Да от него самого! — Буян даже вскочил от радости. — А ты и есть невеста его, Джиневра?

— Нет, — повинилась девушка. — Но про миледи я хорошо знаю. Я служанка ее, Марион. Здесь меня Мирима зовут по-ихнему... Нас с миледи вместе похитили. — ее за красоту, а меня — чтобы не успела слуг позвать. Везли нас сюда, чтобы продать. Уже и на помост вывели, и человек султана цену назначил, и сторговались они за нас обоих с норманном, как раздался стук и гром. Небо все потемнело. Выскочили на торг тридцать всадников в черном на вороных конях. Кони, как птицы, через лавки купцов перемахивают. А впереди — всадник, видом подобный дьяволу. Подлетел он, закричал: «Даю втрое больше, и она моя!» Никто и словом не успел обмолвиться, как на помост упал слиток золота величиной с голову, а всадник подхватил миледи, крикнул, и все умчались, а куда — никто не ведает...

Крепко задумался над ее словами Буян — что-то знакомое почудилось ему. А когда замолчала Марион, спросил:

— И ничего больше о твоей госпоже ты не знаешь?

— Нет. Меня купили для любимой жены султана. Я подле нее была и тебя слышала, а потом время выбрала и ей открылась. Госпожа дала мне золота и велела подарить его стражнику, чтоб он позволил с тобой побеседовать... Он уже назад идет!

Девушка метнулась прочь, как раненая лань, но Буян остановил ее:

— погоди еще, Марион! Скажи-ка, нет у тебя знака какого от твоей госпожи, я бы

передал его при случае Гаральду вместе с рассказом твоим. Сдается мне, знаю я, кто мог быть ее похитителем, да не поверит он бездоказательно.

Девушка вся дрожала, голос ее трепетал от страха, но она промолвила, доставая что-то из-под одежды:

— Только это... Мы поменялись крестами в самый первый день, как нас похитили. Здесь меня заставили принять ислам, креста носить не велят. Коль не боишься, прими его да передай как последний привет миледи ее жениху!

Девушка просунула руку сквозь решетку и бросила что-то вниз.

Буян кинулся ловить дар, пока тот не пропал в темноте ямы. В ладонь легло что-то крошечное, и показалось ему, что взял он еще один оберег, только форма его была другая — крестиком на тонкой цепочке. В темноте трудно было рассмотреть, что это, а потому Буян просто спрятал его под рубахой.

Но как только поднял он голову, чтобы сказать Марион, что сохранит дар и постарается передать рыцарю, кто-то бросился и схватил девушку. Закричала она, умоляя пощадить, но ее уволокли прочь...

Миновал целый месяц, и надоело султану упорство пленника. Однажды решил он сам прийти к нему.

Подходя, услышал он доносящуюся из колодца тихую песню. Гуслир пел, сидя на земле, пел для себя одного. Султан окликнул его, но тот не пошевелился и петь не перестал — ни одна жилочка в нем не дрогнула. Только дотянув песню до конца, Буян поднял голову.

— Что, повелитель, по пению моему соскучился? — молвил он глухо. — Али просто так, мимо проходил да и зашел? Спускайся — мы гостям всегда рады!

— Да ты предезрок! — зафыркал султан, оглядываясь, не слышал ли кто слов гуслира. — Ты в полной моей власти. А за такие слова я казнить тебя должен!

Он заикался, тряс кулаками, но Буяну было все равно.

— Казни,— дернул гуслир плечом. — Если бы ты знал, как ты мне надоел!..

Буян говорил то, что чувствовал. Князь наверняка погиб один, без глаз и помощи, в чужой стороне. Друзья по несчастью его за мертвого почитают. Даже то, что знал он о невесте Гаральдовой, больше не грело душу.

— Хорошо же, — раздался над ним голос султана. — Ты сам же выбрал судьбу, неверный! Завтра настанет твой последний час!.. Но умрешь ты не один — приведут сюда тех двоих, что с тобой вместе были. На глазах твоих прикажу я казнить их, а тебя поставлю перед выбором: или умрут они, или ты согласишься волю мою исполнить, делом купив их жизни. А коли обманешь — пожалеешь, что на свет рожден. Пока же думай!

Не дав Буяну и рта открыть, султан ушел.

Гуслир вскочил, не находя себе места. Он понимал, что нет у него другого выхода — или смерть лютая, или служба позорная да совесть запятнанная. Будет принужден он служить султану до самой смерти — коли даст клятву. Он почувствовал страх — за Мечислава, что первый раз из дому выехал и жизни не узнал, за Гаральда, что бесславно погибнет, за князя, перед которым у него долг невыплаченный остался...

Буян не поверил своим ушам, когда новые звуки нарушили тишину колодца. Напоминали они тихие стоны, и сперва подумал гуслир, что тихо плачет кто-то наверху. Но когда поднял голову — все стало и яснее и диковиннее.

На решетке сидела белая птица и деловито осматривалась. Потом она запрокинула головку — и полилось, отражаясь эхом от стен колодца, голубиное воркование — точь-в-точь так весной голуби зовут своих друзей.

— Голубь мой, голубь! Ко мне, ко мне, голубь! — позвал он отчаянно.

Горло перехватило — впервые певец не находил слов. Птица на решетке забеспокоилась, переступая с ноги на ногу. Она раскинула крылья, и сердце Буяна зашлось — сейчас спугнет вестника стража, и все пропало. Но голубь вдруг опустил голову в дыру решетки, примерился — и белым камешком пал вниз.

Он падал в темноту, трепеща крыльями, но Буян успел. Изловчившись, поймал голубя в

ладони и, прижимая дрожащую птицу к сердцу, зашептал:

— Коль послали тебя боги светлые, знаешь сам, о ком я печалюсь. Коль явился ты сам, неприказанно, отнеси обо мне весть друзьям моим. Сделай так, чтоб они тебя поняли, — мне подать им знак нечем!

Голубь вертел головой и сидел на удивление смирно.

— Поспешай — у меня всего день до утра, — шепнул ему Буян и пустил птицу.

Та стрелой ушла ввысь, навстречу пятну света. Продираясь в щель, голубь обронил несколько перьев. Они упали на дно, и Буян бережно спрятал их на груди.

Мисрийские купцы могли заметить, что рабы стали услужливее и втрое торопливее, словно все разом куда-то спешили. Купцы могли заподозрить, что те что-то скрывают, но торговые дела не оставляли времени.

Рабы прятали чужеземца, своего земляка, князя из незнакомого им до сего момента города Резани. Лишь немногие знали точно, где и как его можно найти, только эти несколько человек посещали его. Прочие же каждый свободный миг тратили на то, чтобы следить за чужеземцами — не появятся ли какие из них слишком близко от палаток мисрийцев или хана, не будет ли кто потихоньку расспрашивать караванщиков. Обо всех замеченных тотчас говорили Любечанину, а тот спешил к Властимиру и передавал, что слышал. За неполные два месяца князь узнал почти о сотне иноземцев, — то были купцы и их приказчики из Византии или земли Румана, варяги и викинги, норманны и жители Запада — городов с незнакомыми названиями и неизвестным языком. Однажды ему сказали, что слышали славянскую речь, но земляками оказались искатели приключений, забравшиеся сюда вместе с варягами. Никого, кто бы напоминал Буяна или Мечислава, у палаток мисрийских купцов не появлялось.

Время шло, и с каждым днем Властимир понимал все яснее, что с друзьями случилась настоящая беда — иначе гусляр давно бы сыскал способ отправить восточку. А то, возможно, сложил-таки неугомонный буйну голову, а Мечислав по неопытности пропал. Властимир ближе к концу второго месяца ожидания уверился в этом, и даже встречи с Облаком его больше не радовали, хотя Любечанин исправно по ночам выводил Властимира на погляд с другом.

Оставалась еще одна надежда — что где-то еще стоит караван из Мисра и Буян с Мечиславом искали его там, но Любечанин быстро развеял мечты, сказав, что другого каравана нет — он может прийти только по весне.

Однажды Любечанин зашел к Властимиру в неурочное время. Князь научился угадывать, скоро ли к нему придут, и порядком удивился, услышав ставшие знакомыми шаги. Раб протиснулся сквозь обвалившиеся камни и оказался в маленькой комнатке в шесть шагов шириной.

— Что, ты видел их? — с порога спросил Властимир.

— С иной я вестью, — вздохнул Любечанин. — Только что слышал я, как хозяин посылал людей к караванщикам. Вскорости уезжает наш караван обратно в Миср, так что придется тебе либо расстаться с нами, либо отправляться в чужую сторону...

Властимир сжал кулаки, задумался.

— Сколько до отъезда у меня еще времени? — спросил он.

— Того не ведаю, но не больше пяти-шести дней. Точно известно будет за двое суток.

— Что ж, — тихо молвил Властимир, — ты следи, а как точно время вызнаешь — так сразу ко мне. А я тем временем что-нибудь придумаю.

Он по давней княжеской привычке взмахом руки отпустил Любечанина и, не дожидаясь, пока стихнут его шаги, ощупью присел на камень и обхватил руками голову.

Любечанин не ушел — он стоял чуть в стороне. Именно он первым услышал хлопанье крыльев над головой. Вскинулся раб и увидел, что в пролом крыши влетел белый голубь и мечется теперь, ища выхода.

— Что это? — выдохнул он. — Птица белая кружит, и прямо над тобой!

Хлопанье крыльев снизилось. Казалось, птица вот-вот сядет резанцу на голову. Князь поднял руки, защищая по привычке лицо, и почувствовал, как за его пальцы цепляются коготки пытающейся сесть птахи.

— Прямо к тебе льнет, — восхищенно выдохнул Любечанин. Птица упорно пыталась опуститься на его руку, и Властимир подставил ладонь.

Сев, голубь успокоился — распушил хвост, расправил крылья и тотчас заворковал, встряхивая грудью. Властимир ахнул, узнавая песню.

— Это ведь голубь? Голубь? — спросил он, осторожно протягивая к птахе руку.

— Он самый, — ответил Любечанин.

— Вестник крылатый. — Князь ощупью погладил птицу по спинке. — От кого ты мне весточку принес? Уж не от Буяна ли?

Голубь заворковал и опять завертелся на месте, словно узнал знакомое имя.

— Буян в беде, — сказал Властимир. — Сам прийти не может — так птицу за мной послал. Видать, долгонько искал меня голубок — легкий он и тощий. Жаль, что не поспел я ранее... Что ж, парень, ухожу я этой ночью.

— Куда? — ахнул Любечанин.

— Друзей выручать. Голубь меня куда надо выведет, а ты сам только что мне сказал, что вскорости придется мне выбирать — или с вами в Миср отправляться, или тут на свой страх и риск оставаться. Я и выбрал — иду, куда судьба зовет. А тебе последняя просьба — вечером проводи меня к Облаку да смотри, чтоб все на месте было!

ГЛАВА 14

Миновал всего час после того, как отзвучали с минаретов призывы на вечернюю молитву. Дамаск успокоился, жители его затихли по своим домам, а на улицы вышли воры, грабители, спешащие на свидание влюбленные и ночные сторожа. На окраинах уже раздавались их высокие напевные голоса: “Спите, жители Дамаска. В городе все спокойно!” — и перестук деревянных колотушек.

В эту пору и пришел к Властимиру Любечанин.

Князь его уже ждал — одетый, вооруженный. На руке его, как ловчий сокол, сидел белый голубь — только расшитого клубочка не доставало. Властимир издали различил шаги раба. — Ты? — молвил он. — Веди — время дорого!

Облак уже был оседлан и нетерпеливо перебирал копытами. Он застоялся и спешил в дорогу. Любечанин вывел коня из ворот конюшни, и все трое: князь с голубем, раб и ведомый в поводу конь — потихоньку пошли прочь.

Голубь сидел на руке князя спокойно, словно неживой. Но когда за углом Властимир вскочил в седло и потянул повод одной рукой, забеспокоился, заворковал, словно хотел голубиным языком рассказать то, что под силу лишь человеческому.

— Князь, голубь-то все влево носом вертит, — сказал Любечанин, берясь за повод. — Не туда ли дорога?

— Куда он укажет, в ту сторону мне и править, — отмолвил Властимир. — А только что ты тут делаешь? Возвращайся к своим — я и сам управлюсь.

— Э нет, князь. — Любечанин потянул Облака влево по улице. — Я от тебя не отстану! Бежать я с тобой надумал — не век же ты по землям этим диким бродить будешь. Когда-то и домой возвратишься, а я — за тобой. Глядишь, и увижу места-то знакомые. А нет — и при тебе, в твоей Резани, останусь. Не прогонишь?

— Но как же ты с нами? Мы воины, а ты...

— А и воинам должен кто-то кашу варить, — спокойно и уверенно возразил Любечанин. — Думаешь, из наших с тобой никто бы не пошел, кабы ты кликнул? Да почти все побежали б, кроме тех, кого совсем детьми малыми захватили. Пока человек язык свой родной помнит, его все домой, на родину тянуть будет.

И отправились они в путь втроем — князь, раб беглый и голубь белый. Все время, пока

ехали по ночным пустынным улицам, сидел голубь на руке у князя спокойно, перышки перебирал, а потом вдруг встрепнулся, подтянулся и забеспокоился. Прежде чем успел Властимир окликнуть Любечанина поглядеть, что с птицей творится, та уже спорхнула с руки резанца и закружила в воздухе над его головой с криками призывными.

— Никак, зовет, чтоб за ним мы последовали? — угадал князь. Голубь вертелся перед лицом, чуть не задевая крыльями, но в руки не давался. Потом только опустился на левое плечо Властимира и забегал по нему воркуя.

— Влево надо править, — решил князь. — Есть здесь улица?

— Как не быть? Совсем мы с нею рядышком! — откликнулся Любечанин. — Вот ведь диво дивное! Птаха малая, а понимает, ровно кто из богов ее надоумил!

— Не бог то, а друг мой закадычный, Буян-гусяр, — ответил Властимир.

Облак свернул в узкую улицу, что тянулась меж двух заборов и казалась бесконечной. Только старый месяц да две звездочки освещали ее. По обеим сторонам поднимались мрачные заборы, за ними так и мерещились грабители. Но незрячий Властимир лишь по эху Облаковых копыт догадывался о том, где они едут.

Когда улица кончилась, голубь забеспокоился вновь — забегал, заворковал, а потом перебрался на другое плечо и вертелся там, пока всадник не свернул направо.

Они выехали на какие-то задворки, где были только заборы с калитками и закрытыми воротами. За заборами поднимались высокие здания, почти закрывающие свет месяца. Голубь неожиданно спорхнул с плеча Властимира, покружил над его головой, а потом отлетел чуть подальше и присел на стену над воротами.

Не раздумывая, Властимир направил Облака в ту сторону, куда улетела птица, — умный конь сам тянул туда. Но Любечанин подскочил и повис на морде жеребца.

— Осторожнее, князь! — воскликнул он. — Не знаешь ты еще, куда тебя птаха привела! То тюрьма султана, а с другой стороны — его дворец с садами!

— Тюрьма? Знать, верно мы прибыли! Жив, значит, Буян, коли голубь в тюрьму меня привел. Ждет он моей помощи.

— Да можно ли тебе одному туда? Где это видано, чтоб в одиночку на этакое дело решаться? — Раб поворотил коня в сторону. — Дождись утра — тогда думать будем!

Он упорно старался поворотить Облака назад. Рассердился Властимир на Любечанина. Натянул повод, вздыбил коня, вытянул раба плетью.

— Прочь, трус! — крикнул. — Видно, рабство твой дух ослабило, коль позабыл, что Буян друг мне и брат названный. Говорят у нас на родине: “Сам погибай, а товарища выручай!”

Облак вырвался из рук пытавшегося удержать его раба и одним прыжком донес князя до ворот. Тут же слетел со стены белый голубь, сел на плечо Властимиру, заворковал, а князь, не таясь, подъехал ближе и ударил в кованые створки кулаком.

Раздался такой грохот, что проснулась стража, дремавшая на стене, выскочила во двор, спрашивая: “Не конец ли это света?” И узники в тюрьме услышали грохот невиданной силы, забеспокоились. Показалось им, что тюрьма рушится.

И второй раз ударил Властимир кулаком в ворота, на сей раз не с правой, а с левой руки, где когда-то Разрыв-дар у него был. Повыскакивала стража из тюрьмы во двор, хватаясь за оружие, и застыла, не в силах слова сказать. Ворота у них на глазах дрогнули, выгнулись, будто джинн²⁸ ударил в них с той стороны. Потом по камню побежали мелкие трещины, зашатались скобы чугунные, штукатурка со стен посыпалась, а когда ударило что-то в ворота в третий раз, рухнули они с грохотом и скрежетом, подняв тучу пыли.

С криками отбежала стража в стороны, а когда пыль рассеялась, увидели все, как въехал в пролом всадник на белом коне. И был он весь черный, как разгневанный джинн, и

---

²⁸ Джинн — в мусульманской мифологии духи, часто злые. Джинны созданы Аллахом из бездымного огня и представляют собой воздушные или огненные тела, обладающие разумом.

конь под ним был подобен грозовой туче — грива по ветру стелется, хвостом замечает улицу, шерсть искрами вспыхивает, глаза горят будто молнии. Выехал всадник на широкий двор, натянул поводья, вздыбливая коня, вскинул руку — и спорхнул ему на ладонь белый голубь. Заворковал голубь, забеспокоился и ко входу в тюрьму устремился, увлекая за собой всадника.

Взглянули в лицо всаднику стражники — и замерли, словно зачарованные. Всадник был слеп. Закрывала его глаза повязка, с одного бока кровью измаранная. Не испугались они этого, скорее обрадовались. Опомнились всадники, закричали и бросились на одинокого противника, а было их без малого полсотни.

Закипела во дворе странная схватка — Любечанин из-за угла смотрел и дивился. Вертелся на месте белый конь, защищая своего всадника — зубами хватал, копытами бил, — а вокруг со всех сторон лезли стражники. Сверкал в свете месяца длинный прямой меч черного всадника. Он кого наполю разрубал, кому голову отсекал, кому руку по плечо отмахивал. Лезли на него охранники, да только сами друг дружке мешали и падали, убитые или раненые. А кто успевал от меча разящего увернуться, того белый конь зубами ловил и руку насквозь прокусывал. Вскрикнет такой человек от неожиданности — а всадник на крик обернется да по голосу отхватит кричавшему голову.

Отступили охранники. Чуть только приостановилась битва, слетел слепому на руку белый голубь, заторопился, заворковал. Развернул коня черный всадник и поскакал к тюрьме через двор.

Спыхватился смотритель тюрьмы, крикнул своим воинам:

— Не пускать его!

Несколько человек тут же к дверям бросились, затворили их изнутри. Да только не помогло это — подскакал всадник к запертым дверям, переложил меч из правой руки в левую и ударил по замку.

Затрещали ворота, не выдержали удара и рухнули на головы стражников. Белый голубь первым в двери ворвался, всадник — за ним.

Узники в тюрьме слышали шум битвы и теперь гадали, кто с кем бьется. По всему выходило, что напал на тюрьму джинн. Многие были удивлены, когда сквозь решетки увидели, что это всего лишь один всадник с белым голубем.

Словно ураган пронесся Властимир по тюрьме. Выскочили ему навстречу несколько охранников, подняли оружие, да только ни один не успел ударить. Вздыбился над ними белый конь, взмахнул копытами — и упали они мертвыми.

Проскакал черный всадник по коридору. Чавкали копыта его жеребца, грязь и воду разбрасывая. Со всех сторон сквозь решетки тянулись к нему руки узников, наперебой молящих об освобождении. Но всадник не обращал внимания на их голоса. Куда-то исчез белый голубь, его проводник. Не знал он, куда ехать дальше, и позвал на всю тюрьму:

— Буян, друг, где ты?! Отзовись!

Услышал этот крик Мечислав и закричал в ответ:

— Князь! Князь! Сюда!

Властимир тут же узнал голос юноши и поскакал на зов. Верный Облак сам поднес его к решетке, сам встал перед нею. Князь соскочил с коня. Мечислав бросился к нему, протягивая руку через прутья.

— Князь, князь!.. — повторял он, — Видишь, Гаральд, он все-таки нас нашел!

Властимир сжал руку юноши.

— Буян где? — быстро спросил он.

— Того не ведаю, княже,...

Белый голубь спорхнул откуда-то сверху и сел на плечо Властимиру, беспокоясь и воркуя.

— Он знает, где Буян, — уверенно молвил юноша. — Он летал к нему, я это чувствую.

— Раз так, торопиться нам надо, — молвил Властимир. — Отойди-ка, Мечислав, я открою...

Юноша отступил. Гаральд шепнул ему на ухо:

— Как же так можно-то? Без ключа?

Тут же он сам увидел — как. Властимир коснулся решетки, она заскрипела и поднялась вверх. Князь шагнул к узникам.

— У вас цепи? — спросил он. — Я слышал звон. Мечислав протянул ему руки, и князь простым касанием отомкнул замки.

— А это кто? — спросил он у Мечислава, когда очередь дошла до рыцаря.

— Тот самый, кого Буян выручать бросился.

— А... Что ж, коли хочешь, следуй за нами, — молвил рыцарю князь. — Вещун редко ошибается.

Они вышли в коридор. Остальные узники встретили их криками и злобным ревом:

— И нас!.. Освободи и нас, маг!

Подскочил Облак, ткнулся носом князю в плечо, зовя поторопиться.

Послышался топот и звон оружия, и в коридор вбежали стражники — смотритель тюрьмы призвал помощь.

— Народу почти сотня, — сказал Мечислав, — Что делать будем, княже?

— Освободим остальных, — быстро ответил тот, — Пока они будут промеж собой разбираться, мы уйдем...

Ему помогли добраться до первой решетки, и через полминуты еще двое узников оказались на свободе. Они выказали себя бывалыми воинами — подобрали оружие убитых стражников и кинулись пробивать саблями путь на свободу. За ними устремлялись другие. Не прошло и нескольких минут, как в тесном коридоре закипело побоище.

Голубь торопил славян, зовя за собой. Властимир посадил впереди себя Мечислава, позади — Гаральда, жеребец тяжело толкнулся от земли и взвился в воздух.

Битва замерла на миг — все следили за полетом коня с тремя всадниками. Слышались только пораженные голоса: “Джинн! Джинн!”

Облак перемахнул через стену и опустился на задворках дворца султана. Путь указывал ему голубь — он летел впереди, а Мечислав направлял жеребца. По его-то слову Облак и опустился на сверкающе-белый от лунного света двор, со всех сторон окруженный стенами.

Здесь было тихо — стража, видевшая битву во дворе тюрьмы, разбежалась.

Всадники спешили. Голубь с маху врезался в подставленную руку князя и почти закричал, зовя поторопиться. Он приплясывал на месте так, словно сел на уголья.

Гаральд вдруг опустился на колени и перекрестился.

— Благодарю тебя, Господи,—дрогнувшим голосом молвил он. — Ты призрел нас в сем узилище и явил Духа Святого для нашего спасения. Вернусь — поставлю в храме самую большую свечу, какую найти смогу, во Имя Твое! Господи, не оставь нас и дальше в милости Твоей!

Он смотрел на голубя так, что Мечислав удивленно потормошил его за плечо:

— Что с тобой, друг? Успокойся — не время сейчас!

— Юноша верно говорит, — добавил Властимир. — Кончай про духов болтать. Где-то здесь Буян должен быть — его искать надо, а еще коней и оружие. Вчетвером мы на одном Облаке далеко не уйдем.

Мечислав вдруг по-разбойничьи лихо свистнул в два пальца. Облак, услышав, встрепнулся, взвился на дыбы, заржал, и откуда-то из-за одной стены донеслось ответное ржание.

— Там наши кони! — воскликнул отрок. — Гаральд, ты иди с князем, а я до лошадей.

Князь нашел руку рыцаря:

— Веди меня, куда голубь полетит... А ты, дружок белый, исполняй до конца дело. Веди нас к гусяру!

Он стряхнул птицу с руки.

Гаральд даже задохнулся от возмущения — так обращаться со Святым Духом, ровно это какая простая птица! Сейчас поразят нечестивца молнии... Но ничего не случилось —

голубь вспорхнул и полетел прочь, зовя людей тихими криками.

Стражник над колодцем слышал шум, но, верный приказу, не тронулся с места. Он, правда, не смог отогнать белого голубя, что прилетел неожиданно и закружил с криками над решеткой. За птицей бежали, держась за руки, двое людей, а за ними не спеша рысил конь. Именно его видел охранник, когда он перелетал через стену. Значит — те двое джинны!

— Именем Аллаха и Сулеймана-ибн-Дауда не приближайтесь! — закричал сторож. Имя Пророка не остановило джиннов. Они подбежали, и один из них, светловолосый и сероглазый, выпустив своего спутника, схватился с охранником. Тот оттолкнул безоружного. Но второй джинн не терял времени — мелькнул меч, и охранник упал, даже не успев понять, что случилось.

Гаральд помог Властимиру вытащить меч из трупа. Голубь уже топтался на земле, словно завлекал невидимую голубку.

— Где-то здесь, — уверенно молвил князь. — Буян!

— Да здесь я, здесь! — неожиданно раздалось откуда-то снизу — Прямо под тобой, княже, и тебя вижу! Ты прямо на решетке стоишь!

— Буян, друг, жив! — Властимир наклонился, ощупал решетку. — Что это такое?

— Вроде колодца нашего, только камень здесь один, а внизу не вода, а сырость. Здесь знаешь как холодно — и в порубе зимою такого не сыщешь!

Князь сорвал решетку. Веревки поблизости не оказалось. Пришлось воспользоваться поясом да запасной упряжью с Облака.

Властимир ждал гусяря у самого края колодца. Едва он догадался по дыханию, что друг рядом, подхватил его за ворот рубахи и, как щенка, вытащил наружу.

Зубы Буяна мелко стучали от холода. Он крепко сжал плечи князя.

— Ой, ну и знобко там! — прошептал он. Сквозь кости пробирает и до сердца доходит... Исполать тебе, Властимир. Без тебя бы мы все пропали. Я уж надежду потерял, да голубок наш вовремя завертелся.

Рыцарь смотрел на обнявшихся друзей и только качал головой.

— Так, значит, ты не продал нас султану? — наконец выдохнул он.

— А с чего мне так поступать? — Буян оторвался от Властимира. — Мы, гусяры, народ вольный. Нас ни золотом, ни чинами, ни цепями удержать нельзя, потому как песня только на воле живет. А кабы не князь, быть тебе и Мечиславу поутру казненными... А где он?

— За лошадьми пошел. Тут конюшни, видать, недалече... Они поспешили за Мечиславом, но тот скоро попался им на глаза — он скакал на своем сером коне, ведя в поводу двух лошадей, а за ним гналось несколько всадников. Мечислав отчаянно погонял жеребца, стараясь оторваться от погони. Увидев всадника на белом коне и двух людей рядом, сторожа осадили коней, а Мечислав подскакал к Буяну и отдал ему повод рыжего жеребца.

— Бери! — крикнул он. — И гусли твои — там!

Теперь перед семью охранниками встало четыре конных воина. Трое незнакомцев, не медля ни минуты, кинулись в бой.

Сверкнули мечи, звеня о щиты и доспехи, кто-то мешком свалился с седла. Уцелевшие охранники бросились бежать.

Их преследовал только один противник — рыцарь. Не тратя времени на то, чтобы надеть доспехи, Гаральд ринулся за охранниками, подняв меч и выкрикивая свой боевой клич. С трудом его догнали Мечислав и Буян, поймали коня за узду.

— Ну уж нет, — решительно сказал Буян. — Мы полдворца перебудили, еще немного — и весь город на ногах будет, а здесь стражи немерено. Тебе с ними не справиться — один раз попал в тюрьму да надеешься второй раз так же счастливо избавиться? Едем с нами, пока не поздно!

— Но Джиневра... — запротестовал Гаральд.

— Ей мертвый жених не надобен. А коли с нами поедешь, поведаю, что успел о ней

вызвать, — пообещал гуслар.

Это сломило решимость рыцаря. Беглецы разом повернули коней и поскакали в проход между зданиями, ища выход.

Белый голубь не отставал от них по-прежнему. Он летел чуть впереди Облака, и старый конь следовал за ним как зачарованный. Иногда голубь отлетал чуть вперед, разведывая дорогу, но потом возвращался и уводил всадников от засады.

Ломая заросли, кони ворвались в сад султана. Распугивая уснувших птиц, проскакали его весь и оказались на половине жен.

Здесь Гаральд попробовал остановиться.

— Тут моя невеста, — убеждал он славян, но Буян вцепился в повод его коня:

— Где твоя невеста — знают только тот, кто ее унес, да я. Так что меня слушай — я дурного не присоветую! Искать ее здесь нечего — слышишь?

Шум погони приближался, огибая сераль с двух сторон. Хоть и подозревала стража, что укрылись беглецы среди женских домиков в саду, но никто не решался под страхом смерти вступать туда. Заходить в сераль могли только несовершеннолетние сыновья и евнухи. За ними и послали, а тем временем солдаты окружили сераль, чтобы загнанные в угол беглецы не ушли через стену.

Четверо всадников попробовали незаметно приблизиться к стене, но всюду их ждали сабли, копыта и нацеленные луки. Гаральд успел надеть доспехи — они все это время так и оставались увязаны у седла вместе с прочими вещами рыцаря. Но пока он одевался, они потеряли драгоценное время и оказались в ловушке.

— Нам поможет Будур-аль-Алтын! — вдруг воскликнул Буян, хлопнув себя по лбу. — Ну конечно же!

— Кто она такая? — немедленно спросили у него остальные.

— Любимая жена султана. Когда я пел, ей песни мои понравились. Она даже вступилась за меня перед султаном, когда я прогневил его речами гордыми. Потом служанка ее заходила, говорила, что госпожа голос мой не забыла.

— Может, она еще кое-чего в сердце держит? — съязвил Властимир мрачно, но гуслар уже тронул коня наугад по саду.

Посреди сада тут и там высились небольшие домики, похожие на увитые плющом беседки. Все они были разные — одни чуть побогаче и причудливее украшены, другие поменьше и поскромнее. Крыши всех покрывал затейливый-узор, стены были расписаны нежными красками, маленькие окошки и двери занавешены тканью. Лишь немногие, самые большие и красивые, имели легкие, словно из лозы плетенные, двери. Все домики казались такими легкими и нежными, что, наверное, можно было поднять любой из них одной рукой.

Домики теснились близ одного, высокого, в два этажа, снежно-белого дома, украшенного кованым из золота затейливым узором. Он напоминал бело-розовые облака на заре, когда солнце только выезжает на небо на своей колеснице.

— Словно терем Зари-Заряницы, — выдохнул Буян, — Только не Ярило-солнышко²⁹ у нее ночует, а Зима снежная да лютая... Но сдастся мне, что тут и живет султанова жена. Погодите здесь — я один пойду!

Он спешился и тихо ступил на крытое золотом крыльцо.

— А признает ли она тебя? — окликнул его Мечислав. — Ты вон как переменялся — даже я опознал тебя лишь по голосу да по князю...

— Ну так и она меня по песне узнать должна, — отмолвил Буян и неслышно скрылся в доме.

Сыскать спальню красавицы ему труда не составило — все двери внутри были распахнуты, и можно было с порога осмотреть их, не тратя попусту времени.

Несколько залов, идущих один за другим, оканчивались у порога спальни. Было в них

---

²⁹ Ярило — славянский ритуальный персонаж, связанный с идеей плодородия, избытка, урожая.

темно, хоть глаз коли, гусяр то и дело спотыкался о набросанные подушки. Один раз под ногой звякнули струны забытой лютни. Хорошо, что пол был устелен толстыми коврами и его шагов не было слышно.

Широкая богатая кровать Будур-аль-Алтын была забрана пологом. Откуда-то струился аромат ночных цветов. Привыкшему к смраду и вони Буяну он ударил в голову, и гусяр чуть пошатнулся, приходя в себя.

Легкий светильник освещал постель и молодую, лишь чуть постарше его Прогневы, женщину. Узорная ткань почти не скрывала ее стана, и Буян поймал себя на дурной мысли — кабы не друзья, что там ждут, да не погоня, попользовался бы он красавицей. Но время не терпело, и он осторожно накрыл ладонью ее рот.

Женщина мигом проснулась, крик замер у нее на губах. В широко раскрытых глазах застыл ужас. Она вздрогнула всем телом, как раненая лань, и попыталась вырваться, но гусяр успел поймать ее руку.

— Не бойся меня, красавица, — шепнул он. — Я Буян-гусяр, чьи песни тебе так понравились... Будур-аль-Алтын... Тебя так зовут?

Она явно не узнавала Буяна с бородой, похудевшим и постаревшим лицом. Он понял это.

— Может, спеть тебе, чтоб ты поверила? — быстро молвил гусяр. — Я могу, только там меня друзья дожидаются — те самые, о которых я султану говорил: Гаральд из Англии да спутники мои из земли славянской. За нами охота идет, не можем мы долго задерживаться. Помоги нам, ладушка! Ради песен моих — чтоб их иные люди на земле слышали...

Женщина понемногу успокоилась. Буян убрал ладонь, и она села на постели, не забыв закрыть лицо и грудь тонким покрывалом. Гусяр, присев подле, улыбнулся — тонкая ткань ничего не скрывала.

Женщина поняла это. Она гневно сдвинула брови и молвила:

— Не смотри на меня, неверный!

— Ой, да не бойся ты меня, ладушка! Нам бы только отсюда выбраться... Есть тут выход?

— Есть дверка в стене неприметная, — чуть подумав, ответила султанша. — Через нее я порой выпускаю невольниц на базар. О ней и сам султан не знает — должны же у женщины быть свои маленькие тайны?

Мило улыбнулась она и взяла гусяра за руку, чтоб он помог ей сойти с ложа. Велев ему следовать за собой тенью, Будур-аль-Алтын нашла светильник, зажгла его и в неверном свете масляной лампы нащарила под закрытой шелком нишей ключ.

— Вот ваш выход, неверный, — сказала она. — Теперь идем! Когда вышли из дворца Буян и женщина, ожидающие их удивились: гусяр вел за руку красавицу, каких редко увидишь. Встретив восхищенные взоры мужчин, она потупилась и заторопилась прочь, увлекая всех за собой.

В саду стояла тишина — только трещали сверчки да порой сонно покрикивала какая-то птица. Будур-аль-Алтын скользила впереди, ведя за собой Буяна. Позади крались остальные. Мечислав в поводу вел коня гусяра.

Они пробирались по саду, словно воры. Больше всех сторожилась сама султанша: за оградой уже слышались громкие голоса, над решеткой забора вспыхивали тени факелов.

Беглецы ступили под сень высоких деревьев, защищающих сераль султана от любопытных взглядов. Здесь было темно и тихо. Будур-аль-Алтын прижалась к Буяну.

— Ради тебя и голоса твоего иду на это, — шепнула она. За кустами поднималась высокая глинобитная стена в два человеческих роста. Луна слабо освещала камень, делая его серебристым. Черным провалом темнела ниша, увитая плющом. Перед нею, привалившись к стене, дремал евнух-сторож.

Султанша остановилась, решительным движением порвала легкую ткань, в которую куталась, вдруг закричала и выскочила прямо на евнуха.

Он проснулся от неожиданности, шагнул вперед не разбирая — и Будур-аль-Алтын оказалась у него в руках. Завизжав, она стала отбиваться и только потом, словно бы признав оторопелого от неожиданности евнуха, воскликнула:

— Неверные! Они пробрались ко мне и хотели взять силой... Я убежала... Зови всех! Мне удалось закрыть их в моем доме, но они могут вырваться! Скорее! Я приказываю!

Издали доносились голоса и приглушенный шум. Евнух поверил ей и помчался выполнять приказ госпожи. Освободившись из его рук, султанша поманила беглецов:

— Сюда! Скорее, пока он ничего не заподозрил!

В нише, которую охранял евнух, оказалась дверка — низкая для всадника, но в поводу коня провести было можно. Отомкнула ее Будур-аль-Алтын, первая выглянула на улицу, осмотрела и кивнула:

— Все спокойно — сюда охрана еще не добралась... Какие муки я за вас терплю!

— Все рано или поздно окупится, ладушка, — отмолвил ей Буян, а Гаральд добавил;

— Я буду ночью молиться за тебя, хоть ты и не христианка. Прощай, да сохранит тебя Дева Мария!

— Да сохранят вас Мириам и Иса, — отозвалась султанша.

ГЛАВА 15

Словно четыре тени, выскочили четыре всадника из города. Охраняющая ворота стража не хотела их пропускать, но они пролетели мимо. Всадники вскинули мечи, блеснула сталь в лунном свете — и стража осталась лежать у распахнутых ворот.

Город просыпался — стража султана подняла по тревоге всех. Разбежавшиеся из тюрьмы узники сражались с солдатами султана, а главные виновники мчались прочь. Напрасно их искали на улицах города. Только когда увидели распахнутые ворота и убитую стражу, поняли все, что беглецы ушли в ночь. Но искать их в пустыне никому не хотелось.

Четверо беглецов того еще не ведали. Из всех сил они торопили коней, уносясь на восток. Навстречу летела равнина, над которой поднимались холмы. Всадники не заметили, как пролетели их и Дамаск остался позади.

Забыв про отдых, они гнали коней до тех пор, пока не стал отставать жеребец Гаральда. Отпоенные трехтравной росой и откормленные трехросной травой кони славян не чувствовали усталости — они могли бы скакать до завтрашнего вечера, а конь рыцаря замедлял ход и хрипел, опуская голову и роняя с губ розовую пену. Темные бока его были в мыле, и казался он в ночном свете блестящим, словно гладь озера.

Буян обернулся на скаку и сразу все понял.

— Продержись! — крикнул он Гаральду. — Немного осталось!

Он встал на стремянах, выглядывая укромное место.

Впереди вставали холмы, а за ними уже начинал распускаться новый рассвет, окрашивая небо в розовый цвет. Куда ни глянь, простиралась равнина, но чуть южнее, справа у подножия одного из холмов, острый взгляд гусляра заметил темное пятнышко.

— Туда! — крикнул он, сворачивая.

У подножия холма в небольшой низинке раскинулось небольшое озерко шириной чуть более десятка сажень. Тонкий ручеек стекал в него с вершины холма, протискиваясь меж камней. Вокруг стеной стояли деревья и переплетенные ветвями кусты, под копытами коней вместо твердой, как камень, земли с войлоком выжженной солнцем растительности мягко шелестела трава.

Всадники осадил коней и спешили. Склонившись к воде, напился, и Буян, стянув рубашку, вошел в воду.

— Господь послал нам эту поляну, — проникновенно сказал Гаральд.

— Благодарю острое зрение Буяна, — откликнулся Власти-мир. — Кабы не он... Во мраке такое разглядеть!

— И не мрак вовсе, — молвил Мечислав, — утро вот-вот начнется... Вылезай, Буян, да

погляди, что я прихватил, пока за конями бегал!

Гусляр выскочил из воды, подбежал, отряхнулся. На песке юноша раскладывал лепешки, сушеные фрукты, тонкие узкие ломтики поджаренного мяса.

— Хвалю! — воскликнул Буян. — Где взял?

— У охранников, что наших лошадей стерегли. Они как шум услышали, так и помчались, а мне в голову пришло, что далеко без припасов мы не уйдем, вот и собрал...

— Молодец! Верно мыслишь. Сами боги нам помогают, значит, будет нам в пути удача.

Буян присел около припасов, споро разделил их на всех.

— Прошу откусать, — пригласил он.

Остальные расселись около, и каждый, прежде чем начать трапезу, к удивлению Гаральда, отломил кусок яства и бросил его в воду. А гусляр, взяв кувшин, зашел в озеро и плеснул чутка на волны.

— Прими, о водяник здешний, нашу благодарность за воду сладкую да за отдых своевременный, — молвил он.

Когда он вернулся к остальным, Гаральд посмотрел на него неприязненно и отсел.

— Значит, верно показалось мне, что вы — язычники? — спросил он.

Буян ответил не сразу — он жевал.

— А что тут такого? — пожал он плечами.

— Души вы свои губите, — убежденно молвил рыцарь. — Язычники — суть слуги дьявола, во мраке пребывающие. Не видят они света Божьего, лишены благодати и за то обречены вечно в огне гореть... И мне гореть вместе с вами!

— А это еще за что же?

— Вам — за то, что дьяволу служите, идолам, камням да деревьям жертвы приносите, а мне — за то, что вижу все это да против слова не говорю. Вот вы сейчас в озеро хлеб бросили и водяного помянули, а водяной тот — слуга сатаны. Значит, и вы сатане служите. К тебе, Буян, Дух Святой в образе голубином являлся — хотел тебя на путь истинный наставить, а ты того не понял.

— Ой, не пойму я, к чему ты клонишь! — перебил его гусляр. — Голубя сего и правда боги прислали, потому как знали, что мне весть другу передать надобно. А пошел я к султану, чтоб твое дело сделать, о невесте что-нибудь вызнать. Никто еще ни одного гусляра не мог заставить себе служить, и ни от кого я не отступался, потому и в яме оказался. А кабы не друзья...

— Не тебе друзей, а всем нам Господа благодарить надо, что помог выбраться невредимыми, — горячо ответил Гаральд.

— Не пойму я твоего Господа, — откровенно сказал Буян. — Сначала сам ввергнул, а потом сам же и спас?

Гаральд вскочил. Раскрасневшееся лицо его пылало гневом.

— Отойди от меня, сатана! — закричал он. — Во искушение ты мне послан, не иначе! Или выходи сражаться немедленно, и заставлю я тебя вместе с языком проглотить слова твои грязные, или Господь покарает тебя!

Буян не тронулся с места.

— Я жизнь тебе спас, — наконец молвил он. — Как я буду ее отнимать? То не дело, чтоб для забавы друг друга убивали. Мы зря кровь лить не привыкли — и так славянской крови много по земле течет, чтобы те реки шире делать. Успокойся и прости — не хотел я тебя обидеть, просто сказать хотел: не Господь и не кто еще из богов судьбу человеческую решает, а сам человек. Боги только советы дают, а уж твое дело, как ими воспользоваться.

Мирно говорил гусляр, и никто не удивился, что Гаральд кивнул.

— Все правильно, — сказал он. — Советы дает... А мне сейчас Господь велел оставить вас на вашу погибель, чтобы не видеть, как вы умрете позорно и мучительно. Прощайте и молитесь своему озеру — может, спасет!

Он поклонился с видом оскорбленного величия и направился к своему коню.

Встревоженные его словами, славяне повскакали с мест. Властимир припал ухом к земле, ища шум погони, а Буян бросился догонять рыцаря:

— Ты куда?

— Своей дорогой, — отрезал тот. — За помощь спасибо, а теперь у меня свое дело исполнения требует.

— Куда ты поедешь? — Буян поймал его за локоть, но рыцарь вырвался.

— Невесту свою искать! — крикнул он. — Нет ее в Дамаске — сыщу в другом городе...

— Иль у самого Кощея, — подсказал Буян. Гаральд раздумал уходить.

— Что ты сказал? — переспросил он. — У кого?

— У Кощея. Его еще Бессмертным прозывают, потому как ему наши боги источник с живой водой на хранение доверили — вот он и пьет из него, когда хочет. Простым людям он ее не дает, помирают его жены раньше времени, а он себе новых ворует. Со всех краев похищает он девушек себе на потеху. И твоя суженая, чую, у него, так что погоди обиженного из себя строить — порой к цели ведут не одна, а три дорожки, и вся-то разница в длине да прямоте!

— А ты откуда про своего Кощея знаешь? Выдумал, наверное, чтоб мне больно сделать! — распалился Гаральд.

Вместо ответа Буян выдернул из-под рубашки переданный ему когда-то крестик:

— Признаешь?

Рыцарь ахнул и ринулся отнимать реликвию у гусляра.

— Откуда взял? — воскликнул он. — Ты видел ее? Где? Когда? Сознавайся!

Он встряхнул Буяна за грудки, но тот ловко вырвался, едва не оставив в руках рыцаря свою рубаху.

— То не она, то знакомая ее мне дала, — объяснил он и рассказал, как он выпрашивал султана и его жен о Джиневре, как потом к яме пришла тайком девушка Марион, как поведала она о всадниках на вороных конях, что налетели невесть откуда и унесли ее госпожу.

Гаральд выслушал Буяна и заметно помрачнел.

— Погибло мое счастье, — печально молвил он.

— Это почему еще? — удивился Буян. — Поедешь с нами — коли там она, вернешь ее себе, не сомневайся!

— Ты не понимаешь, о чем говоришь! — в сердцах воскликнул рыцарь. — Это для тебя те всадники слуги Кощея, а любой христианин сразу признает в них воинство сатаны! Унесли они ее в Ад, откуда нет возврата живому человеку. Нечего ее на земле искать, мертва она — вот что рассказ Марион означает. А потому нет мне на земле места среди людей — вернусь, постриг приму... Прощайте!

Он пошел к своему коню, но его остановил Буян, повиснув на его локте.

— Не дури, — горячо сказал гусляр. — Рано тебе *белым светом прощаться*! Это от тебя не уйдет. Сслужи нам прежде службу — проводи до острова Кошеева: терять-то тебе все равно нечего... А то вдруг я еще правым окажусь!

Гаральд остановился, глядя в хитрые глаза Буяна.

— Не к лицу христианину идти на службу к язычникам, — ответил он. — От веры я не отрекусь, так и знайте. И никакой клятвы я давать не стану.

Отмахнувшись от гусляра, он отошел в сторону и до самого конца промолчал, раздумывая о своем. Не доверял ему Буян рыцарь мог уехать потихоньку, но глаза его смыкались, и он заснул.

Пробудил его голос Мечислава:

— Вставай, Буян! Скорее!

Первое, о чем подумал гусляр, вскакивая, — уехал рыцарь. Уже сочинял он проклятья, что пошлет на голову беглеца, но, поднявшись, первым увидел именно Гаральда, что,

блистая начищенной за ночь сталью доспехов и положив руку на перевязь меча, готовый вскинуть щит, неподвижно замер на холме, глядя вдаль. Властимир уже поднимался, опираясь на руку Мечислава, и Буян бросился к рыцарю. Тот краем глаза углядел его и сухо молвил:

— Идут.

— Ты... Ты не уехал все-таки! — воскликнул гусяр.

Так прозвучали его слова, что рыцарь обернулся и посмотрел на него с удивлением.

— А почему я должен был уехать? — пожал он закованными в доспех плечами. — Не по-христиански это — бросать слабых без защиты... Да и долг мне так велит и... кто знает... — шепнул он совсем тихо, так, что Буян не сразу разобрал его слова, — может, правда, смогу я что-нибудь новое узнать о моей Джиневре... Глянь-ка, что это, по-твоему?

Голос рыцаря был тверд, — послушался Буян, посмотрел, и в самом деле увидел на залитой полдневным солнцем равнине со слепящим глаза песком и оглаженными ветром камнями какое-то движение — не то караван купцов шел к озеру, не то всадники двигались по равнине, не особенно спеша. Шли они со стороны города, и путь их должен был пройти по гряде холмов.

Ветер бросал в лица гусяра и рыцаря песок. Гаральд надел шлем и опустил забрало, защитив глаза. Буян не тронулся с места, щуря очи и что-то бормоча. Заметив это, рыцарь неприязненно отодвинулся.

— Колдовать будешь? — презрительно молвил он, — Все это есть лишь обман...

Буян не ответил — снизу, от озера, их окликнул Властимир. Он уже сидел на своем жеребце. Облак, предчувствуя бой, перебирал копытами и фыркал.

— Что там, дозорные? — спросил князь. — Не видать ли чего?

— Вроде рать, да движется больно медленно и оружие на солнце не блестит, — отозвался Буян.

— То они нарочно так, — поправил его рыцарь. — Тут любой всадник воин. Они даже гордятся тем, что в седлах рождаются и мечи с младенчества обучаются в руках держать. Это хитрость такая — подъедут как будто купцы, а потом из-под халатов сабли вынут и накинута.

— А ты никак уже попадался на эту удочку? — прищурился гусяр. — А ну-ка, Мечислав! Ты помоложе, и конек у тебя позлее — проскачи вперед, погляди, что там и как, да только близко не суйся, берегись. Что углядишь — нам скажешь, что пропустишь — то мы сами в свой черед узнаем!

Услышав такое, просиял юноша, одним прыжком вскочил на своего серого коня и вихрем помчался навстречу неизвестным.

Не доезжая ста сажений, осадил Мечислав коня, поглядел на незнакомцев, а потом развернулся и не спеша, шагом, обратно поехал. Когда поравнялся он с Властимиром и соскочил наземь, гусяр и рыцарь воскликнули хором:

— Что ты видел?

— Не врагов, — отмолвил юноша. — Идут по дороге люди, вроде как из плена, или рать побитая возвращается. Все в рубище, ноги босы, в кровь изранены. Идут — и ветром их шатает. А увидели меня, остановились и вот, как ты, Гаральд, делал, — Мечислав попробовал показать, как тот крестится, — делать начали. Я и спешить не стал — не воины они, что с них взять. А на местных не похожи, хотя и черны так же.

Гаральд взволнованно обернулся.

— Неужели христианские паломники? — прошептал он. — Вот удача!

Не поняли славяне, что их спутник удачей называет, стали у него о том выспрашивать, да только отнекивался рыцарь, не сказал ничего путного — стал себя да коня своего в порядок приводить, словно важных гостей ждал.

Тем временем незнакомцы подходили все ближе и ближе. Стало ясно, что шли они прямоком к озеру, словно кто из них о нем раньше слышал. Когда подошли они совсем близко, смог разглядеть их Буян поточнее и объяснил для Властимира и Мечислава:

— Калики³⁰ то переходные! Видать, в землях Англии их паломниками прозывают. От таких ничего, кроме добра и молитвы, отродясь никто не видывал!

И только он сказал это, покосился на него Гаральд так, словно впервые увидел.

Подожли калики, и стало видно, что числом их чуть менее сотни и что идут они в ряд, словно полоняники, друг на дружку опираются да на посохи, о камни истертые. Впереди ступает старик, весь седой, но крепкий еще, а прочие — за ним вслед. Все в рубищах, в лохмотьях, словно после великого пожара они дом свой оставили. У каждого сума на боку болтается, а глаза смотрят вперед и чуть вверх, под ноги не глядя. Когда совсем поравнялись паломники с беглецами, заметили те, что среди них много увечных, хромых и больных, и даже три женщины — две старые, а одна совсем девушка, чуть-чуть Мечислава постарше.

Дошли паломники до озера, склонились к нему, помолились и напились, а после присели кто на берегу, кто под кустами, кто в стороне за деревьями — всадников не замечая.

Дождавшись, пока те, передохнув, стали подниматься для продолжения пути, подошел Гаральд к высокому старику, что впереди шел, припал перед ним на колено. Тут старик заметил рыцаря, посмотрел на него, а потом вскинул руку и перекрестил его.

— Что тебе нужно, сын мой? — спросил он ровным голосом, в котором не было ничего властного.

— Одно только скажи, божий странник, — ответил ему Гаральд. — Куда вы, христиане, в стране неверных направляетесь? Или вас враг с пути сбил?

— Не произноси его имени всуе, ибо он есть враг истины и рода человеческого, — строго сказал старик и перекрестился. — Ты молод еще и не ведаешь, какие соблазны могут подстергать неопытные души на пути. Силен сатана, всюду у него слуги и друзья...

Захотел было Гаральд проговориться, что позади него стоят трое язычников, которые наверняка водят дружбу с сатаной, но промолчал.

— Откуда ты, юноша? — снова спросил старик.

— Из Англии. Уж год миновал, как я ее покинул, невесту свою ища, — смиренно ответил рыцарь.

— Год?.. Тогда ты мог и не знать, что в прошлом году прокатился по Англии слух о святом отшельнике из Галилеи... Пришел отшельник тот на берег Мертвого моря, поселился в пещере в скале, что сама образовалась, и святость его чудесами проявилась. Уж сколько лет он так живет, питаюсь, аки древние евреи, лишь манной, что посылает ему Господь, да дарами от исцеленных...

Услышав последнее, вскинул рыцарь голову, обернулся на славян и переспросил старика:

— Исцеленные есть?

— Да, сын мой! Первое чудо его было с сыном одного кочевника. Тот нес его к врачу в город, застигла его ночь, и попросился он к отшельнику на ночлег. Тот пустил его. Рассказал кочевник о болезни сына своего. Взял тогда святой отрока за руку, прочел над ним молитву Деве Марии, и тот исцелился. С той поры стал он чудеса совершать — глухим возвращал молитвою слух, слепым — зрение, исцеляя расслабленных и бесноватых. Те, кого я веду, пустились в путь молить святого об исцелении себя или своих родных — есть здесь и хромые, и увечные, и слепые...

Невольно прислушивались к его словам славяне.

— Да, велико милосердие Господа, — молвил Гаральд. — Ответь мне на последнее: где найти нам святого отшельника, чтобы мог я одного человека к нему сводить, дабы исцелился он и приобщился к благодати Божьей?

— Что ж, рыцарь, коли крепка вера твоя и сильно желание помочь человеку тому, дойдете вы. А путь к нему на юг, через земли здешние, к самому Иерусалиму, городу Господа нашего Иисуса Христа. Как доберетесь до берега Мертвого моря, сверните чуть на

---

³⁰ Калики — странствующие, нищенствующие богатыри.

восток вдоль берега. Мили через три-четыре увидите пещеру святого... А то пускай друг твой с нами отправится — путь через труды да тернии Господу приятен...

Говоря это, смотрел старик на трех славян, что в стороне стояли. И все паломники тоже на них смотрели, словно только за тем сюда и пришли.

— Пешком невесть сколько брести, коней и оружие здесь оставив? — с сомнением молвил Буян. — Для нас то не подходит. За помощь и совет благодарствуем, да только мы уж как-нибудь сами...

— У каждого человека в жизни свой путь богами намечен, им ему и следовать, — поддержал друга Властимир. — Негоже чужим путем идти или кого другого на свой путь переманивать.

Рассердился на такие речи старик, гневно стукнул посохом.

— То сатана говорит! — воскликнул он. — Берегитесь, как бы горевать вам за гордыню свою не пришлось!

— А где это видано, чтобы князь, словно смерд какой, пешком, босой невесть куда брел? — запальчиво возразил Буян. — Верно он сказал — у каждого свой путь. Мы своим и отправимся!

— Не желаю здесь оставаться — тут дерзкие речи ведутся. — стукнул старик посохом.

Окликнул он паломников, велел им дальше двигаться. Не стали они спорить, поднялись, одежды да рубища свои на себе оправили и опять побрели прочь, на юг.

Проводив их взглядом, поднялся Гаральд с колен и вернулся к славянам.

— Зря вы так говорили с ними, — молвил он. — Неплохо было бы отправиться к тому святому — может, он смог бы молитвой и милостью Господней вернуть князю глаза...

— Приходил ко мне в Резань как-то человек в черном, — вспомнил Властимир, — всех братьями и сестрами называл, креститься призывал. И со мной о Христе беседовал: какие он чудеса совершал, как больных исцелял да мертвых оживлял, а потом пострадал от темного народа за правду, казнен был да не умер... Я тогда мало верил — сказать-то много можно, у нас гуслеры и скоморохи и не такое рассказывают: только слушай! И сейчас думаю, а если сможет помочь твой отшельник, Гаральд?.. Ведь сам я встречался с чудесами, в какие мало кто поверит, да кое-что и ты сам видел — вот хотя бы коней наших...

— Верно ли я понял тебя, Властимир, что хочешь ты к отшельнику тому отправиться? — прошептал Буян.

— Верно. Вдруг да поможет?

— Но ведь нам наказывали... Проверить никогда не вредно.

— Едемте! — воскликнул Гаральд. — Сами увидите, какой Бог истинный, и отвратятся сердца ваши от язычества и обратятся к свету!

— Едем! — решительно молвил князь. — Коли исполнится все так, как ты говоришь, Гаральд, поверю я, что твой Бог-единственный, настоящий!

Взмахнул он рукой, подзывая Облака. Подбежал верный конь, вскочил Властимир в седло, увлекая за собой остальных.

Не близок оказался путь до Мертвого моря. До края земли раскинулась полумертвая пустыня — океан песка и камней, меж которых с трудом пробивались к свету редкие слабые растения. Лошади упрямылись и неохотно шли дальше. Особенно ослаб конь Гаральда — кабы не закупили на второй день у караванщиков вдоволь ячменя да сушеной мидийской травы, рыцарь мог бы его лишиться.

Проще простого было заблудиться на равнине, где только гладкие холмы, выжженная солнцем земля, песок, да камни, да кочевники со своими стадами неторопливо двигались на север. На счастье путешественников, многие знали, где лежит Мертвое море, на берегу которого поселился отшельник. Они называли его пророком.

Напоенные нездешней силой, славянские кони могли бы по подсказке кочевников в один день домчать седоков до отшельника, но приходилось медлить, поджидая Гаральда, под которым был простой жеребец.

К закату клонился пятый день, когда, въехав на невесть какой по счету холм, увидели всадники, что он скрывал от них.

Внизу песчаная равнина обрывалась скалистыми берегами в море столь голубое, что казалось, будто на землю опрокинулось небо. Камни вокруг блестели от толстого слоя сухой соли — море было мертво.

Солнце висело над горизонтом. Длинные серо-сизые тени лежали на песке и казались черными и алыми. Не сразу в их блеске всадники смогли различить, что вперед, к берегу, меж камней идет тропа, ныряющая в расщелину скал. Так странно было видеть ее здесь, где не было ни единой травинки, что даже Гаральд заколебался.

Ветер гулял над берегом моря, завывая в скалах, словно пел похоронную песнь тем, кто зашел сюда своей или чужой волей. На миг он затих, набирая сил для нового налета, и в этот миг до всадников донеслись какие-то невесомо-тихие звуки.

Буян одним прыжком соскочил с коня и припал ухом к земле.

— Вроде люди там, — неуверенно молвил он. — Голоса...

Он вернулся в седло и первым направился на звуки.

Осаживаясь на задние ноги и увязая в рыхлом песке по бабки, кони осторожно спустились с холма. На тропе песок был утоптан сотнями ног, четкие следы вели за каменную гряду неподалеку от берега Мертвого моря.

Всадники выехали на площадку меж скал, со всех сторон защищенную от ветра. В глубине меж двух стоячих глыб виднелся низкий вход в пещеру. А на площадке сидели прямо на земле люди.

Потемневшие от южного злого солнца, огрубевшие на ветрах, худые, с длинными нечесаными волосами и бородами, опираясь на посохи или поджав под себя босые ноги, они отрешенно смотрели на отверстие пещеры. Многие были увечны — кто-то, как Властимир, закрывал повязкой незрячие глаза, у кого-то была скрючена рука или нога, кто-то тряс головой и бессвязно бормотал, у кого-то кисти рук уже поразила проказа... Все молились: одни, неслышно шевеля губами, другие — тихим шепотом, не замечая никого и ничего.

На всадников вначале не обратили внимания, только потом какой-то высокий жилистый старик, узнав доспех Гаральда, кивнул лохматой головой с длинными белыми волосами и хрипло сказал:

— Коли к святому, спешивайтесь и ждите. Он скоро выйдет. Буян мигом оказался подле него:

— А когда?

— Неизвестно. Он знает — Господь ему укажет, когда выйти и кого исцелить.

— А что, он выходит только исцелять?

— Да. Раз в день и всегда только одного. Вон тех, — старик указал на нескольких паломников, что расположились в стороне, — он уже исцелил. Они ждут, пока исцеленных наберется достаточно, чтобы тронуться в обратный путь.

— И долго им ждать?

— Дней двадцать — тридцать, не меньше. В день святой может исцелить только одного человека.

Его слова услышал Властимир и приблизился на слух, опираясь на руку Мечислава.

— Он исцеляет всего одного в день? — переспросил князь. — Странно это. Жена моя знахарка и ведунья, но чтобы на потом помощь больному откладывать? А коли он умереть успеет?

Старик и Гаральд взглянули враждебно.

— Не смей осуждать святого! — строго молвил старик. — Если не успевает отшельник исцелить кого, значит, на то была воля Господа, и спорить тут бесполезно. Я пришел молить об исцелении моей жены и готов ждать, сколько надо. А коли она умрет — что ж, значит, кому-то молитвы святого были нужнее. Но Господь меня не оставит...

— Отшельник! Отшельник идет!

Забыв про славян, Гаральд упал на колени и перекрестился.

ГЛАВА 16

Паломники зашевелились, подползая и подходя ближе. Задние напирали на передних. В середине возникла давка. Какая-то женщина вскрикнула от боли, и тут вышел святой.

Он появился неожиданно и встал сразу во весь рост. Занятые собой, люди не заметили его появления и опомнились только тогда, когда он широким жестом перекрестил всех и возвестил:

— Да благословит вас Господь наш Иисус Христос!

Все застыли, с восторгом и ужасом глядя на святого, который стоял у входа в пещеру, не шевелясь и исподлобья оглядывая толпу.

Буян приник к уху Властимира, описывая отшельника.

Тот был невысок ростом и когда-то отличался коренастой и сильной фигурой, но с тех пор отошал и теперь казался угловатым уродцем с выпирающими костями. Длинная седая, с отдельными рыжими прядями борода и спутанная грива волос, окружавшая лысину, срослись в одно целое и спускались до пояса. Одежду его составляли рогожи и шкуры. Из-под волос сверкали железный крест-распятие и ржавые цепи, опутывающие плечи отшельника. Конец одной из них волочился за ним по земле, поднимая пыль. Отшельник двумя руками цеплялся за посох с перекладиной в форме креста. Глаза его смотрели неожиданно ясно и молодо. Встретившись с ним взглядом, неугомонный гуслир вдруг смешался и потупился, а Мечислав покраснел до ушей. Гаральд переводил повлажневший от волнения взор с одного славянина на другого и тихо ликовал, шепча молитву. Он верил, что строгий взгляд отшельника усмирят мятежные души чужеземцев и направит их к свету истины. Только слепой князь не увидел взгляда святого и не дрогнул.

Отшельник смерил его пристальным взглядом, окинул глазами толпу паломников и вдруг воскликнул надсадно:

— Враги заполонили землю! Кругом слуги сатаны празднуют победу! Слышите их визги и крики? Они уже близко, они уже здесь! Трепещите, люди! Идет сатана со своим воинством — не оставить камня на камне от рода человеческого! Молитесь не во спасение тела, а во спасение бессмертного духа своего, зовите Спасителя в сердце свое, дабы не овладел вами сатана!

Его голос отражался от скал, уносился к морской глади. Паломники попадали на колени и стали неистово молиться. Те, что были ближе, поползли ему навстречу, простирая руки и слезно моля о чем-то. Отшельник продолжал вещать.

Трое славян, стоящие поодаль, вскоре были замечены отшельником.

— Вы! — закричал он, делая шаг к ним и указывая в их сторону посохом. — Сильные мира сего, попомните мои слова! Настанет час прихода сатаны, когда сила ваша обернется бессилием. Вспомните вы тогда о спасении, да будет поздно!

Все паломники послушно смотрели на славян, словно ожидая, что на них прямо здесь обрушится кара Господня. Буян нарочито повел плечами.

— Интересно, — вслух подумал он. — Этот отшельник всегда много говорит перед тем, как что-то сделать, или сегодня особый день? А я надеялся на чудо...

Он вздохнул с притворным разочарованием и повернулся, чтобы уйти, но отшельник взмахнул посохом:

— Назад, маловеры!

Буян вернулся так быстро, что все перед ним расступились.

— Маловеры? — молвил он. — Верно ты сказал, старик! Вот друг наш, из самой Англии. Он пригласил нас в надежде, что увидим мы торжество твоего учения. Друг наш надеялся, что, узрев чудо, совершенное именем Господа и по его знаку, мы оставим свои заблуждения и поверим в Бога твоего. Но вот мы здесь и не во что нам верить.

Гаральд вскочил и бросился к отшельнику, расталкивая толпу локтями.

— Святой отче! — воскликнул он, падая на колени и ловя худую руку для поцелуя. —

Помоги! Направь к свету истины души язычников, просвети их! Яви доказательство величия Господа нашего и Спасителя! Чуда! Чуда³¹!

Похоже, это было то, чего и так ожидали все. Паломники подхватили крик рыцаря, ринулись к отшельнику и чуть не сбили его с ног. Только его крик и взмах посохом вернули порядок.

— Иди сюда, маловерный! — крикнул отшельник, подзывая Буяна.

— Коли силен твой Бог, пусть он вернет глаза моему другу! — воскликнул гуслар, подводя Властимира ближе.

Паломники окружили старца и славян. Опять началась давка, только благодаря помощи Гаральда и осмелевшего Мечислава суматоху удалось остановить.

Со всех сторон на отшельника уставились горящие глаза. Даже двое-трое слепых и те поворотили лица.

Властимир схватился рукой за сердце. Если повезет, он скоро сможет видеть. Буян отступил, снял повязку с лица резанца, но князь этого не замечал. Как сквозь туман, слышал он непонятные речи отшельника — не то молитву своему Богу, не то заклинание успеха. Он ждал боли, как тогда, когда ослеп, и гадал, как все это будет. Что-то мокрое и похожее на глину коснулось его лица. Тонкие пальцы молитвенника размазывали гущу по глазницам. Потом он отступил, помедлил, что-то шепча, и, потянув князя за локоть, повел с собою.

Судя по усиленному запаху соли, они подошли к берегу моря. Отшельник с приговором к Отцу, Сыну и Святому Духу стал смывать глину с лица князя.

Чтобы лучше видеть, паломники зашли в воду по колено, держась на почтительном расстоянии.

Властимир медленно выпрямился, закрывая ладонями лицо, и, повернувшись к замершей толпе, отнял руки от глаз...

— Ничего! — выдохнул Буян.

На мокром лице Властимира темнели два красных провала.

Явный вздох разочарования пронесся по рядам зрителей. Все надеялись на чудо, но его не произошло.

Рядом с Буяном оказался старик, тот, что первым заговорил с ним. Он был озадачен.

— Я ничего не понимаю, — почесал он в затылке. — Всем же помогает...

— Видать, не всем! — резко оттолкнул Буян и ринулся к князю, который так и стоял у воды. Подлетев, гуслар подхватил его за локоть и потащил прочь. Толпа молча расступалась перед ними. — Я сразу сказал, да слушать меня не стали, — нарочито громко говорил Буян, возвращаясь к лошадям. — Если он и Бог, то чужой Бог. А у славян свои боги есть. Родные, не выдадут. И нечего нам на иные страны оглядываться — сами справимся. Их нагнали Мечислав и Гаральд. Рыцарь держался в стороне и выглядел несколько озадаченным. Буян не смотрел на Гаральда.

— Что вы теперь будете делать? — выдавил рыцарь.

— Не твоя печаль, — оттолкнул гуслар. — Столько времени напрасно потеряли! Могли бы уж на полпути к цели быть... Догоняй, Мечислав!

Взволнованный юноша в два скачка нагнал Буяна.

— Как смел ты так на человека набрасываться? — звонко воскликнул он. — Он же не виноват!

Гаральд хмуро слушал перепалку славян. Потом поравнялся с Буяном и пробурчал:

— И что же теперь?

Гуслар хмыкнул и отвернулся.

— Сам решай, — сказал он. — Мы — к Кощею. Мог бы и ты с нами, я звал, но тебе больше по душе молиться, хоть ты и воином зовешься...

---

³¹ Чудом в пустыне искушал Христа дьявол. Христос это искушение отверг. Гаральд, требуя чуда, впадает в соблазн, отходит от заповеданного Христом, как бы заранее обрекает на неудачу своих спутников.

Гаральд скрипнул зубами.

— Я с вами, — выдавил он. — Провожу вас до первого города, а там расстанемся!

Буян кивнул и отъехал. Гаральд угрюмо посмотрел ему вслед. Он внезапно понял, что должен сделать — выбрать удачный момент и расправиться с колдуном-гусяром, отомстить ему за насмешку.

Но прошло несколько дней, а исполнить задуманное не удавалось. Гаральд никак не мог остаться с Буяном наедине — все время подле торчал Мечислав. Юноша разговаривал с рыцарем, как будто ничего не случилось, и сперва тот радовался общению, но потом понял, что колдун что-то заподозрил и приставил к нему мальчишку в сторожа.

Прошло несколько дней пути, а они не встретили ни одного живого человека.

Кругом были только выжженные солнцем холмы с обширными долинами меж ними и руслами пересохших рек, на дне которых кое-где еще оставалась корка застывшего в камень ила и сухие ломкие стебли растений. На холмах трава была высушена и вытоптана. Лошади с трудом находили себе еду. Сыскать подходящую низину, где сохранилась вода, было большой удачей — хорошо, что такие места виднелись издалека и располагались на расстоянии в один переход, так что можно было ехать от одного оазиса до другого. Чаще всего попадались каменные колодцы, около которых были устроены загоны и поильни для скота, а порой и навесные домики для пастухов. В одном месте славяне обнаружили даже три глинобитных дома под чахлой пальмой. Источник почти иссяк — поэтому маленькое поселение оказалось заброшено.

Была зима, но для непривычных северян все равно было очень жарко, а потому от Мертвого моря Буян взял на север так уверенно, словно уже бывал здесь или кто ему поведал. Он скрывал, что все это узнал еще на родине, от Яги-воительницы, которая открыла ему кое-что об этих землях. Властимир и Мечислав молчали, а Гаральду было не до того.

Видя, каким молчанием он окружен, рыцарь терял покой и сон. Он начинал ненавидеть своих спутников. Попадись им на пути караван, Гаральд ушел бы с ним, даже не спросясь, куда тот идет. Но отправляться в путешествие по неизвестным местам одному не хотелось, и он терпел и ждал.

Они заночевали у очередного, шестого или седьмого, колодца. Подле глинобитного круга с колодезным шестом на влажной земле проросла кое-какая трава и даже тонкая стройная пальмочка шелестела на фоне звездного неба перистыми листьями. Видно, кто-то из путников, проходя здесь, бросил косточку от финика.

Гаральд подметил: колодцы стали попадаться чаще, травы и деревьев около них было больше, следы кочующих стад и бедуинов были свежими. Значит, еще день-два, и они в городе. Не важно — в каком; там он наконец-то попрощается с этими язычниками и повернет домой. А дома, в Англии, ему придется искать или смерти на поле боя, или монастырского уединения, чтобы в молитве выпрашивать прощение для загубленной души Джиневры. Гаральд снова и снова представлял ее себе такой, какой она была в тот день, когда сам король Альфред приехал в замок ее отца и попросил руки девушки для Гаральда. Рыцарь приехал под видом его оруженосца и скромно стоял у двери, но потом король сделал знак ему подойти и под руку подвел к оменевшей от радости девушке...

Чья-то тень заслонила звезды, и рыцарь отвлекся от сладких воспоминаний. Сначала он подумал, что это ветер наклонил крону пальмы, но все было тихо, а тень перемещалась по спящему лагерю, осторожно обходя чуть тлеющий костер из кизяка. Гаральд скосил глаза, наблюдая, кому это из славян не спится по ночам... Впрочем, все они язычники, пришло время приносить жертвы своим кровавым богам, а он, иноверец, для того самый подходящий...

Тень медленно приближалась, но не к нему, а к спящим воинам. Крадучись, она обошла Мечислава и направилась туда, где разметался во сне Буян — его светлая рубашка и соломенные волосы ярко выделялись в темноте. Отсвет догорающего костра упал прямо на незнакомца, и тот сделал такое, что рыцарь забыл обо всем на свете: чужак протянул руку, и

огонь тут же погас, словно пальцами загасили свечу, — только сизый дымок взвился струйкой.

Рыцарь перекрестился под плащом, мысленно проговаривая молитву. “Вот, — пронеслось в уме, — связался с язычниками, теперь их дьявол с собой заберет, а меня за ними следом, как спутника... Пресвятая Богородица, спаси нас!”

Пришелец немного постоял над спящим гусяром, а потом, так и не прикоснувшись к нему, отошел и склонился над князем...

Самой страшной мукой для Властимира были сны. В них он снова был зрячим, в них возвращалось то, что не хотелось вспоминать наяву. Во сне он видел жену, сына, волков, пожар Резани, кровь, смерть, сражения. То, что он пережил, уже будучи слепым, во сне обретало жуткие черты.

Сегодня ему привиделся отшельник с Мертвого моря. Во сне он казался похожим на призрака, на неупокоенного мертвеца. Он летел на князя, протягивая костлявые руки. Как всегда бывает во сне, Властимир не мог пошевелиться, а только стоял и ждал, когда приблизится призрак.

Тот налетел, как ураган, встряхнул князя за плечи и промолвил неожиданно знакомым голосом:

— Пора, княже! Пора!..

Властимир проснулся и понял, что это ему не снится. Южная ночь нахлынула прохладой и тихим ветром, напоенная треском сверчков и вздохами спящих людей и лошадей. Холод стылой земли пробирал под одеждой. Кто-то тихо тряс его за плечо и шептал:

— Княже, пора! Пошли!

Судя по голосу, это был гусяр.

— Буян, ты? — Властимир приподнялся. Друг нащупал его руку и пожал:

— Я. Поднимайся и идем со мною, только тихо — не буди прочих.

— А что, уже утро?

— Ночь покамест, да только мне недосуг света ждать, — загадочно отмолвил гусяр, увлекая князя за собой.

— Что случилось? Мы уезжаем?

— Нет, успокойся. Куда мы в ночь-то? Я тебе одну вещь сказать должен, да раньше не мог, вот и решился впопыхах,

— А они что же? При них нельзя?

Властимир успокоился и пошел за Буяном, что потихоньку уводил его от костра, подле которого оставалось вовсе не двое, а трое путников.

Гаральд не мог пошевелиться, сам не зная почему. В тот миг, когда он осенил себя крестом, пришелец словно угадал его движение и на миг обернулся.

“Сатана!” — только и мог подумать рыцарь. Все, кроме него, спали. Наутро никто не поверит его словам — а язычник-колдун, Буян, поднимет его на смех, когда он скажет, что князя взяли черти в преисподнюю.

Он испугался окончательно, когда над холмами, к которым уходили почти невидимые в ночи тени, вспыхнул свет. Несомненно, это открывались врата Ада, готовые принять новую жертву.

И в этот миг взгляд рыцаря упал на аркан. Лошадей славяне привязывали на длинный повод, который позволял им бродить почти всюду. Арканы волочились за ними по земле, отчего о них иногда кто-нибудь спотыкался.

В душе Гаральд добрым словом помянул всех святых, каких вспомнил, и, дотянувшись, дернул аркан, подтаскивая к себе лошадь.

Конь дремал, когда неожиданно ожившая веревка сдавила его шею. Мигом проснувшись, он рванулся, потащив за собой человека, и заржал.

Остальные жеребцы проснулись и отозвались на крик. Уходящие приостановились, Властимир оглянулся:

— Что там, Буян? Случилось что?

— Змея, должно, — как-то странно спокойно сказал тот. — Кони их боятся...

— Надеюсь, не Облака моего?

— Нет. Рыцарев жеребец беснуется... Пошли скорее! Гусляр торопливо потащил Властимира прочь.

Копыто скакнувшего спросонья коня врезалось в землю у самого лица спящего Мечислава. Юноша вскрикнул и проснулся.

— Чего это ты, Гаральд?

Напуганный конь протащил рыцаря по земле чуть ли не две сажени. Гаральд отпустил аркан, позволив жеребцу поскакать прочь, вскидывая ноги и взвизгивая, и попытался встать.

— Где Буян? — прохрипел он.

— Здесь я, скаженный, — над ним склонился гусляр, злой спросонья. — Чего тебе?

— С тобой ничего не случилось?

— Еще чего выдумал? Что со мной может случиться?

— Здесь только что был кто-то... Сатана или слуга его. — Рыцарь сел, разминая плохо слушающиеся руки. — Он над тобой склонился, а потом...

— Придумай что-нибудь новое, — отмахнулся Буян. — Всех перебудил, а толку нет...

— Толку нет? — От злости Гаральд вскочил, сжимая кулаки. — А где тогда Властимир?

Бросив взгляд через плечо рыцаря, Буян изменился в лице и с хриплым криком бросился прочь.

Над вершиной холма полыхало розово-алое зарево с желтыми разводами, словно горел огромный костер. А на его фоне со склона вниз уходили две фигурки. Одна была чуть повыше и постройнее, а вот другую спутать с кем-то было невозможно.

— Это они! — на бегу крикнул гусляр. — Задержите их! Выхватив нож, он бросился к жеребцам. Поймав Облака за гриву, притянул его голову к себе и полоснул ножом по шее. Тот взвился на дыбы, чуть не сбрасывая руки Буяна с себя, и заржал. Темная кровь показалась на белой шерсти. Омочив в ней кинжал, Буян метнул его вслед уходящим.

Он с глухим стуком врезался в землю у ног Властимира, и князь остановился.

— Что это? — спросил он. — Вроде как...

Ошибиться он не мог — в тот миг, когда нож упал на землю, у него словно пелена спала с души, и он почувствовал совсем близко от себя светлых существ, Агов, что уже не раз пытались его заполучить. А один из них держал его за руку!

Князь вырвался и отступил. Нечаянно зацепившись ногой за Буянов кинжал, он наклонился, нашарил его и поднял. Рукоять была в чем-то теплом, липком, со знакомым привкусом крови.

— Прочь, — сказал Властимир тому, кто, пусть и невидимый, стоял перед ним. — Прочь, и не смей подходить, а не то...

Он приложил лезвие к своей коже и сделал надрез, мешая лошадиную кровь со своею. Светлый отступил.

— Ты должен пойти со мной, — сказал он голосом Буяна. — Мы дадим тебе новые глаза...

— Не ходи к ним! — крикнул кто-то сзади, и Властимир с удивлением узнал голос рыцаря. — Это же сатана!

Гаральд подбежал, вооруженный и готовый к бою.

— Прочь, порождение бездны! — сказал он. — Ты не можешь сюда подойти!

Он перевернул меч рукоятью вверх и пылко перекрестил чужака.

То, что случилось потом, заставило всех, даже незрячего князя, отступить. Пришелец засветился так, что больно стало глазам. Жар страшной силы отбросил всех с вершины холма, на которой он стоял, напоминая ослепительно белый, с золотыми бликами силуэт. Он вырос, раздался в плечах, за спиной у него расправились два огромных крыла. Вскинув руки к небу, он высоким чистым голосом пропел-проговорил несколько звуков, и на них тут же

пришел ответ.

Одна из звезд над ним вспыхнула ярче и сильнее, стала расти на глазах. Сияние ее слепило глаза, и одновременно с этим росло странное мерное гудение. Звезда падала прямо на вершину холма.

Гаральд выронил меч и щит и упал на колени, ломая руки.

На людей полыхнуло жаром, как из горна кузни. Жеребцы с визгом умчались подальше, спасаясь от огня. Вспыхнула трава и легкие листья на пальме, опять задымился непрогоревший кизяк в костре.

Буян опомнился первым. Бросившись к Властимиру, он дернул его назад, крикнув Гаральду:

— Уходи, сгоришь!

— Лучше погибнуть в пламени за свое отступничество, чем сить во тьме с вечными муками совести,—отозвался тот, не Двигаясь с места. Спорить времени не было. Подозвав Мечислава, Буян вложил в руку юноши ладонь князя и бегом вернулся к рыцарю.

Здесь было так жарко, что спирало горло. Светлый Аг стоял, вскинув руки к небу, над ним висел огромный огненный шар, а Гаральд преклонил колени у подножия холма. От света глаза его слезились, пот тек по лицу, он задыхался, но держался так твердо, словно хотел покончить счеты с жизнью. Одежда на нем дымилась, пахло паленым. Рыцарь молился.

Меч накалился так, что, наступив на него, Буян ругнулся — ноги обожгло сквозь сапог. Он отбросил оружие подальше и поднял англичанина за шиворот, оттаскивая прочь.

Властимир и Мечислав ушли далеко вперед, они были в безопасности, но оставших Буяна и Гаральда вдруг накрыл громовой раскат рева/ , словно они оказались вдруг в бурном море во время грозы. Молнии прочертили небо, порыв ветра швырнул их наземь, разметал в стороны. Гусляр успел услышать, как вскрикнул, падая, рыцарь, когда огромный сияющий шар наконец опустился на вершину холма.

Ночь отступила от его сияния. Жар волнами растекался в стороны, поджигая траву и подпаливая одежду и волосы. Каждый вздох царапал горло, легче было задохнуться, чем дышать огнем.

Буян не видел, как к стоящему на холме светлому Ату присоединились еще несколько. Гусляр зажмурился от боли в глазах. Он знал о своей силе и теперь взывал к земле, на которой лежал.

Неожиданно пальцы наткнулись на меч.

Это был отброшенный им же меч Гаральда. Недавно он опалил его, но сейчас рука не чувствовала жара. Меч льнул к нему, как живой, он пульсировал, словно дышал, и в первый миг показался невероятно тяжелым. Но потом силы вернулись, и Буян вскочил легко, словно его подбросила земля.

Обгоревшая почва под ногами слабо вздрагивала, словно свежая рана. Толчки, начинаясь в земле, волной поднимались по телу и отдавались в мече, который вспыхивал в такт им. Буян сделал шаг навстречу пришельцам, и те остановились. Гусляр поднял меч.

— Именем света, прочь уходите, — заговорил Буян наобум. — Землю оставьте, не троньте ее. Силы и так у нее на исходе, но их достанет, чтоб вас сокрушить. Мало вас, и хоть великая сила служит вам, все ж вы слабее Земли. Матерью вашей ей не родиться, сын же ее во сто крат вас сильней!

Мерный грохот и топот были ему ответом, и, еще не поворачивая головы, гусляр уже знал, что это возвращаются их кони.

Они примчались все трое. Впереди мчался Облак, а левее, ближе к Буяну, — его рыже-серый жеребец. Не дав ему и мига, гусляр на ходу вскочил коню на спину, и лошади ринулись на пришельцев.

Свежий прохладный ветер окутал Буяна. Ему показалось, что он попал в клубы тумана или мелкого осеннего дождя. Все слилось перед глазами, словно вокруг и правда был туман. Лошади еще ничего не сделали, а светлые Аги уже шарахнулись прочь. Земля под ними заколебалась так, что это почувствовали и Властимир с Мечиславом, и даже Буян верхом на

коне. Послышалось шипение, словно вода попала на раскаленный меч. Буян взмахнул оружием — оно сверкнуло как молния, и в следующий миг Аги ринулись кто куда.

Словно тьма от света, они рассеялись, скрывшись в огненном шаре, который взревел и оторвался от земли. Что-то испуганное было в его реве, когда он стремительно улетал.

Жеребцы замерли на вершине холма. Земля там спеклась в камень, на котором теперь оседали капли невесть откуда взявшегося тумана. Кони были мокры — влага стекала с их грив и хвостов, уходя в землю.

Буян сидел на коне, пока опять не спустилась тишина и не вернулись наблюдавшие за всем издалека Мечислав и Властимир. Первый, на кого они наткнулись, был Гаральд. Рыцарь сидел на земле, обхватив голову руками. Одежда его еще чуть тлела, руки и лицо покраснели. Он судорожно дернулся, когда юноша тронул его за плечо.

— Не бойся, — успокоил его Мечислав. — Буян с ними справился. Они не скоро вернутся...

Они замолчали, вспоминая то, что случилось, — как сама земля поднялась волной и пронесла на своей спине трех коней и всадника на одном из них. Как сверкнула у того в руке молния и ударила в огненный шар, качнув его, и как подбросила потом его земля, стряхивая с себя.

Незаметно померкли звезды, закрытые тучами. Буян все еще сидел в седле, когда подул резкий ветер с запада и на выжженную землю тяжело упали первые редкие капли дождя.

ГЛАВА 17

После той ночи не было им покоя. Все ждали возвращения Агов — кто с гневом и затаенным страхом, кто настороженно как ждут врага ушедшие на чужую землю разведчики.

Дождь на двое суток превратил выжженную степь в болото но потом жаркое солнце подсушило лужи и грязь. Тучи рассеялись уйдя севернее, а всадники свернули немного на восток, уходя прочь от морей и городов, к великой досаде Гаральда, который не переставал считать дни до расставания. После того как его глазах Буян своими запретными чарами прогнал Агов, рыцарь втайне боялся его и не раз ловил себя на мысли, что неплохо бы убить колдуна во сне. Удерживало его то, что тот мог заранее почуять это.

Кругом тянулись полумертвые земли, опаленные солнцем. Только на караваны кочевников, тропы торговцев и оазисы со знакомыми колодцами и загонами для скота натывались путники. Иногда впереди миражем вставали горы, но до них было много дней пути.

Но всему на свете приходит конец, и равнина кончилась. Теперь горизонты для всадников закрывали не менее выжженные холмы, из которых торчали камни, словно прорвавшие кожу кости скелета. В расщелинах цеплялись за жизнь корявые кустики и жидкая полусухая травка, за которую жеребцы дрались, словно волки за мясо. На дне оврагов можно было найти сырую землю — признак того, что вода здесь есть. Это же подтверждали и следы зверей — газелей, диких ослов и верблюдов. Меткая стрела порой доставляла дичь на ужин, а клубни некоторых растений были отличной приправой. Сухой период кончился, и кое-где из земли поднимались первые ростки новой зелени. Степь обещала ожить через несколько дней. Удручало иное: с каждым днем становилось все яснее, что они попали туда, где люди появляются редко. Газели у источников уже не шарахались при виде человека, а однажды всадники спугнули пару диких кошек-пардусов. Звери тихо зарычали и отошли, но не убежали, а следили за путниками издалека желтыми глазами. Лошади косились на зверей, проходя мимо.

Буян, разведывая дорогу, то и дело отделялся от остальных, выезжая чуть вперед. Следивший за ним уже несколько дней Гаральд заметил, что в этих мертвых местах колдуна-непоседу легче застать одного. Он сможет подкараулить его и справиться с ним — юный Мечислав не бросит князя, кидаясь на помощь гусяру. Рыцарь немного повеселел и тоже, якобы осматривая горизонт, стал иногда отделяться от спутников.

Он заметил, как Буян пришпорил жеребца, легко въезжая на крутой склон холма, подножие которого они как раз огибали. Постояв там несколько секунд, гусяр направил коня вниз, скрываясь за холмом.

Более удачного мига нельзя было придумать. Торопясь, Гаральд обходом поскакал в ту же сторону. Камни скрыли его от едущих шагом Властимира и Мечислава.

Серо-рыжего жеребца Буяна он увидел в зарослях сухого ломкого кустарника. Гусяр пробирался по нему в низину, где в зарослях виднелся островок воды. С трех сторон озеро закрывали кусты и скалистые стены холмов, с четвертой — открывался вид на безрадостную равнину. Князь и его юный провожатый должны были оказаться там через некоторое время. Надо было спешить.

Направив коня вниз, Гаральд на скаку выхватил меч, чтобы сразу поразить колдуна. Буян был гораздо ниже его по склону и сдержал жеребца, подъезжая к берегу озера. Хруст ломающихся веток донесся до него. Он обернулся и увидел несущегося на него рыцаря.

— Эй, чего это ты? — крикнул он, заворачивая коня. — Осторожнее! Кого там увидел?

Он обернулся, ища невидимого врага, но больше ничего не успел сказать — подлетевший Гаральд взмахнул мечом, и Буян вывалился из седла.

Он успел увернуться от первого удара и только крепко ушибся о камни. Но едва он попытался подняться, как рыцарь удивительно быстро оказался над ним и поднял меч для второго удара. Для безоружного Буяна этот удар мог оказаться последним. Сверкнула сталь, но гусяр опять смог увернуться. Гаральд, раздосадованный неудачей, наступал.

— Ты чего, сказался? — Буян отступал к своему коню, что смиренно поджидал хозяина в стороне. — С чего это на людей кидаешься?

— Молись, колдун, настал твой смертный час! — прохрипел Гаральд.

— Да за что? — воскликнул Буян.

Гаральд не ответил, боясь сбить дыхание. Он понимал намерения гусяра и нарочно не пускал его к жеребцу.

— Да ты что? Безоружного-то? — ахнул Буян. — Не по чести это!

Он сделал попытку проскользнуть под несущимся на него мечом, но рыцарь ловко отбросил его; чтобы не лишиться головы, гусяр метнулся в сторону, но зацепился за камень и упал. Он тут же перекатился в сторону, ускользая от вонзившегося в землю меча. Окончательно рассвирепев, Гаральд рубил снова и снова. Буян ужом извивался на земле, уже не надеясь ни на что и целиком сосредоточившись на враге.

Скользкий удар плашмя слегка оглушил его, и гусяр ткнулся носом в песок. Голова гудела, плечи ныли от удара. Ему нужна была всего минута, но рыцарь не давал ему и мига передышки. Он вырос над поверженным противником, подняв меч и заслоняя солнце. Гусяр с трудом перевернулся на спину. На фоне солнца рыцарь казался черным силуэтом.

— Молись своим богам, — прохрипел он, занося меч для удара.

— Последняя просьба! — успел крикнуть Буян.

— Что? Ты надеешься оттянуть конец, колдун?

— Встань чуть правее, не засти мне света, — сказал гусяр. — Ты сам сказал, чтобы я молился своим богам, а для нас первый бог — само пресветлое солнце. Я гляну на него в последний раз...

Он надеялся, что с той стороны он скорее увидит выезжающих из-за холма Мечислава и Властимира, но Гаральд разгадал его хитрость и сделал шаг в сторону, но не вправо, а влево.

Буян скрежетнул зубами, прикидывая, сумеет ли спастись, но тут его взгляд упал на холмы, что окружили озеро и заросли, и он подался вперед.

— Гляди, Гаральд, что там!

Палец его упирался в склон холма позади рыцаря. Тот крутнул головой:

— Старая уловка. Там ничего нет!

— Я говорю — есть! У меня глаз острее, верь мне, пока я жив! Ты только глянь!

Отводя рукой готовый обрушиться на него меч, он вскочил на колени. Славянин

действительно смотрел в другую сторону, и Гаральд, поверив, обернулся.

Этого движения оказалось достаточно, чтобы гуслар вскочил на ноги и отступил на безопасное расстояние. Поздно распознав его уловку, рыцарь выругался.

— Ты обманул меня, подлый язычник! — рявкнул он, опять кидаясь на него.^{TM} Но погоди, я тебя еще достану! Не будь я Гаральд Мак-Хаген!

— Сам ты хорош. — Буян косился на него одним глазом. — Кидаться из-за спины на безоружного — это не по-рыцарски!

— Если твой враг — рыцарь и человек благородного происхождения — это так, но ты простолудин и колдун.

— А что — колдун уже не человек?

— Нет, ибо продал душу дьяволу! Сатана хитер! Кто знает, кем он тебе являлся!

“Чистомыслом”, — мог бы ответить Буян, но не стал спорить дальше.

— Мы еще успеем все выяснить, — отмахнулся он, — тем более что я тебя не обманул. Погляди, там и правда что-то есть!

Он указывал все на тот же склон, но, видя, что рыцарь ему не верит, полез туда, цепляясь за сухую траву и кусты. Думая, что он решил бежать, Гаральд устремился за ним.

В это время из-за поворота показались два всадника. Мечислав, выглядывая гуслара и рыцаря, скоро заметил их на склоне и крикнул:

— Куда это вы собрались?

Услышав голос юноши, Гаральд тихо выругался — вовремя явились, чтобы помешать ему! — но Буян отозвался со всегдашней своей жизнерадостностью:

— Я кое-что обнаружил. С вашей стороны не видать! Подъезжайте к воде. — И он махнул рукой.

Торопящийся за ним рыцарь остановился, и гуслар ушел один далеко вперед. Следя за ним настороженным взглядом, Гаральд вдруг высоко, почти на вершине, увидел то, к чему поднимался Буян. От удивления он протер глаза и, забыв про все, бросился догонять колдуна.

Склон становился все круче и круче, словно кто-то не хотел, чтобы с этой стороны к нему могли подобраться. Немного ниже вершины на стене была выбита ровная площадка с отвесными стенами. На ней — установлены два столба, обмотанные цепями. Их блеск и разглядел Буян,

Когда рыцарь подоспел, ловкий славянин уже взбирался на площадку. Неповоротливый в нагретых на солнце доспехах, Гаральд отстал, и гуслар протянул ему руку, помогая влезть. Увидев этот жест, рыцарь гордо отклонил предложенную помощь и взобрался сам.

Между двумя столбами, на камнях, лежала девушка.

Буян присел около нее на землю, нащупывая биение жилки на тонкой руке. Гаральд молча подошел и опустился на колени рядом.

Кроме браслетов на щиколотках и запястьях и полоски ткани на бедрах, на девушке ничего не было. Талию ее охватывало два обруча, каждый из которых соединялся с цепями на столбах. Когда гуслар перевернул ее, открывая лицо и отбросив со лба длинные пушистые, черные как смоль волосы, открылось совсем юное лицо — не более шестнадцати лет. Тонкую шею охватывало ожерелье, на лбу поблескивала диадема. Девушка была без сознания.

— Воды, — не глядя на рыцаря, приказал Буян.

Гаральд кивнул, не сводя глаз с девушки. Он ждал всего, но не этого. Послушно поднявшись, рыцарь стал спускаться вниз.

— Будь осторожен, — донеслось до него сзади.

С досады Гаральд скрежетнул зубами и с силой вонзил меч в сыпучую землю. Навстречу ему уже лез Мечислав. — Что там у вас? — спросил он.

— Девушка прикована к скале, — сухо объяснил Гаральд. — Буян остался с нею... Ее надо привести в чувство...

— Сначала ее надо оттуда снять, — услышал его слова Властимир и вставил слово, — да

расспросить, что случилось... Может, это не наше дело?

Гаральд только досадливо махнул рукой и молча достал свою походную флягу.

Когда он поднялся на площадку, Буян уже освободил девушку от цепей. Гусяр молча принял флягу из рук рыцаря и смочил сухие, плотно сжатые губы девушки и горячий лоб. Она тихо застонала и пошевелилась,

— Приходит в себя, — шепнул гусяр, — Помоги мне! Вскинув ее на руки, он решительно направился вниз, и Гаральду пришлось поддерживать его за локоть.

Спасенную положили на плащ у воды, и гусяр попытался напоить ее. Девушка несколько раз глотнула, потом вдруг закашлялась. Она мелко дрожала, и Буян приобнял ее, согревая. От этого она окончательно пришла в себя и открыла глаза. В первый миг личико ее, совсем детское, искажил ужас, и она отпрянула с криком, но потом разглядела окружающих ее людей и спросила с явным удивлением:

— Как, разве вы не джинны?

— А кто это такие? — немедленно откликнулся Буян. Его вопрос успокоил девушку.

— Вы не джинны? — Она попыталась сесть. — Но кто же вы?

— Люди, самые обычные люди, — приветливо ответил Буян, незаметно толкая решившего было возразить Гаральда. — Просто ехали мимо, да и заприметили тебя... Кто ты и что тут делаешь?

— Умоляю вас, — девушка вдруг распростерлась перед ними ниц, — уезжайте отсюда, не мешайте!

— Конечно, раз здесь опасно. — Буян встал и захотел было поднять девушку, но та стала отбиваться. — Чего ты?

— Бросьте меня здесь! — воскликнула она. — Бросьте, спасайтесь сами! Иначе все погибнут!

— Ты с кем-то нас путаешь или с ума сошла, — уверенно сказал гусяр. — Почему все должны погибать, скажи на милость?

— Потому что я жертва!

Девушка гордо выпрямилась, расправила плечи и изящным движением отбросила назад длинные волосы, которые покрыли ей всю спину. Она поправила повязку на бедрах, привела небрежным жестом в порядок свои украшения и горделиво сделала шаг к застывшему Буяну.

— Ну как, хороша? — зазывно спросила она.

Девушка и правда преобразилась — она была привлекательна и соблазнительна настолько, что Мечислав, когда незнакомка посмотрела на него, покраснел и потупился. В ней было что-то такое, что заставляло людей бросаться ей в ноги... И это была красота, которая должна была еще расцвести...

— Хороша, — вздохнул гусяр, невольно сравнивая ее с Прогневой, которая была на нее чем-то похожа, особенно в гневе. — Только я, однако, понять не могу...

— А тут и понимать нечего. — Девушка пожала точеными плечами. — Если я понравлюсь джинну, он возьмет меня в жены и перестанет летать в наш город и жечь его. Если же нет, он отдаст меня кому-нибудь, а сам возьмет другую девушку... Так бывало уже восемь раз, я девятая.

— И надеешься, что не будет десятой? — спросил ее молчавший все это время Властимир.

— Я самая красивая, — уверенно ответила девушка. — За меня сватались уже тридцать раз, и все из других городов, потому что в нашем для меня не нашлось подходящего жениха.

Она вскинула голову и прошла перед мужчинами, поводя бедрами и заигрывая с ними. Мечислав, на которого она поглядывала чаще прочих, смущенно отворачивался, а девушка, видя его явное замешательство, откровенно кокетничала.

Вдруг налетел порыв ветра. Люди не обратили на него внимания, но жеребцы разом вскинули головы и заржали, топоча копытами.

Девушка мельком глянула в ту сторону и вдруг переменялась в лице. Самоуверенности и кокетства как не бывало, с испуганным криком она бросилась к Буяну и Гаральду и

спряталась между ними.

— Это джинн! Джинн! — вскрикивала она. — Спасите меня!

— Но ведь ты сама его желала, — напомнил ей гусяр.

— Он убьет меня и вас, если увидит вместе! Спасите меня!

— Что будем делать? — спросил Гаральд.

Ответа он не получил — небо разом потемнело от тучи, что вынырнула откуда-то сбоку и накрыла озеро, заросли и холм. Лошади зафыркали от резкого запаха, а Гаральд опять неистово перекрестился:

— Сера! Сам сатана!

— Еще один? — огрызнулся Буян. — Их что, целая дружина по свету бродит?

Рыцарь оставил его слова без ответа — к нему жалась девушка, тонко и испуганно вскрикивая. Пошире расставив ноги для опоры на сильном ветру, Гаральд поудобнее перехватил меч, воинственно оглядываясь по сторонам. Потом быстро перевернул меч рукоятью вверх и поцеловал ее основание.

— Святой Леонард, помоги мне в борьбе с нечистью! — шепнул он.

— Этот скаженный собирается драться, — догадался Буян. — А запашок вроде знаком? Как, княже?

— Змей, — уверенно ответил тот — Или его хозяева...

— А может, еще один слуга светлых Агов? — предположил гусяр. — Их по свету знаешь сколько напущено! Не сосчитать...

Больше они не успели сказать ни слова — из недр тучи послышался громкий рев, постепенно перешедший в хохот:

— Ого-го! Сколько тут мне наготовили всего! И поесть есть что, и с кем поразвлечься! Идите-ка ко мне!

Тьма сгустилась, постепенно превратившись в фигуру огромного человека, покрытого облезлой шкурой. Крючковатый нос нависал над широкими губами, из которых при каждом слове высывались клыки. Глаза горели как угли, руки и ноги напоминали лапы зверей. Кроме лохматой грязной свалывшейся клокьями шерсти, на существе ничего не было, только на одной лапе тускло поблескивал браслет. Джинн ступил на холм и протянул руку, чтобы сразу забрать и девушку, все еще цеплявшуюся за рыцаря, и самого Гаральда.

— Вреда от него, конечно, больше, чем пользы, но бросать его так не след, — вдруг решительно молвил Буян и опрометью бросился к своему коню. — Мечислав, следи за князем!

— А ты? — крикнул вдогон юноша.

Но гусяр уже вскочил в седло, подхватил повод рыцарского жеребца и устремился на Гаральда. Услышав топот копыт, тот на миг обернулся, и Буян подал ему повод:

— В седло, живо!

— Я не трус! — сверкнул глазами рыцарь, опуская забрало шлема.

— Глупец! С ним одному не справиться! Джинн внимательно следил за ними.

— Это со мной вы решили сражаться? — рявкнул он, ударив кулаком по земле так, что лошади упали на колени, — Ну, поглядим, кто вы такие?

— Не смотри, все равно ты таких не видел! — крикнул Буян. — Мы и не с такими сражались!

Он выпрямился в седле, разводя руки в стороны, и Гаральд, догадавшись, что он будет делать, дернул его за руку:

— Оставь свое чародейство! Понял я тебя — за то нападение мне мстишь?

Он передал гусяру вцепившуюся в него девушку и поднял меч.

— Изыди, порождение сатаны! — крикнул он, пришпоривая коня.

Джинн, видя, что на него несется во весь опор всадник, гулко захохотал и выпрямился во весь рост. Шерсть на нем встала дыбом, расправилась, по ней забегали искры. Из раздутых на манер бычьих ноздрей повалил дым. Порыв горячего ветра заставил рыцарского коня споткнуться на скаку. Лошадь со всадником с разбегу рухнула наземь, подминая под

себя Гаральда.

— Вот так-то! — самодовольно воскликнул джинн. — Будешь знать, как меня на бой вызывать! А ну-ка...

Он наклонился, чтобы стрести в горсть пытающегося вылезти из-под придавившей его лошади рыцаря. Огромная волосатая рука подцепила Гаральда, но тут же джинн выругался и разжал кулак: рыцарь ударил его по пальцам мечом. Гаральд упал, но тут же вскочил, чтобы продолжить бой.

— Раз так, держись! — Рассвирепевший джинн отмахнулся здоровой рукой. Рыцарь, припав на колено, царапнул по проносящейся над ним кисти, оставив и на ней глубокий длинный порез.

Джинн взревел так, что поднялся ветер. Сжав кулаки и задрав вверх голову, он ревел в небо, словно призывая на помощь остальных джиннов. Славяне не сводили с него глаз.

— Сам себе погибель нашел, — молвил Мечислав, кивая на рыцаря. — И ни за что...

Девушка, словно ее толкнули, вдруг выскочила вперед и рухнула в пыль перед джинном, загоразивая собой Гаральда.

— Возьми меня, пощади его! — закричала она, стараясь перекрыть вой джинна. — Ты ведь за мной прилетел, они тут ни при чем! Возьми меня — я тебе понравлюсь! Еще ни один мужчина не входил ко мне — ты будешь первым!

Джинн расслышал ее слабый голосок и замолчал, разглядывая красавицу

— А ты хороша, — наконец протянул он и наклонился, чтобы поднять ее с земли.

Опомнившийся Гаральд оттолкнул девушку.

— Благодарю, миледи, — с поклоном сказал он, — но ваша жертва напрасна. Я справлюсь с ним сам, а вы отойдите, чтобы не испачкаться в крови чудовища...

Последнего слова ему явно не следовало произносить. Джинн опять взбеленился.

— Ты еще здесь? — Он ловким щелчком сбил рыцаря с ног — Исчезни, козявка, пока я добрый...

Задетый за живое, Гаральд вскочил.

— Мое полное имя — благородный рыцарь сэра Гаральд Ран-гевальд Мак-Хаген Уэльский, рыцарь Алой подковы! — звенящим голосом воскликнул он, — Я — один из первых рыцарей свиты короля Альфреда Великого Лондонского и в будущем зять одного из богатейших лордов Англии сэра Чарльза Маль-тона. Мое имя известно не только в Англии, но и в Нормандии — дикие варяги и викинги трепещут, слыша его. И никто не смеет называть меня козявкой, не смыв своей оплошности кровью! Готовься — теперь я тебя не пощажу!

Джинн следил за англичанином так пристально, что славяне насторожились. А когда он наклонился к рыцарю, Буян толкнул Мечислава:

— Пора вмешаться, если не хотим, чтобы из него кусок мяса сделали!

Юноша кивнул, и они кинулись к Гаральду.

Англичанин не успел занести меча — с двух сторон на него напали Буян и Мечислав, а Властимир ощупью нашел его руку и попытался мягко вынуть меч из судорожно сжатой кисти.

— Не дури! — молвил он. — Тут ничем не поможешь...

— Князь, сзади! — крикнул Буян.

Незрячий Властимир не обернулся, а потому для него осталось неожиданностью внезапное нападение джинна. Взмах руки разметал всех в стороны, побросав на землю, а волосатая ладонь прижала к камням попытавшегося встать Гаральда.

Другой рукой схватив девушку, джинн обвел взглядом славян.

— Его я забираю с собой, — объяснил он. — Он достоин смерти мучительной и долгой. Вы хотели его остановить — за то честь и хвала вам. Вас я не оставлю без награды — вы или уберетесь отсюда, или погибнете.

— Хороша милость, — пробурчал тихо Властимир.

— Я еще не договорил! — крикнул ему джинн. — Вы можете выбрать, какой смертью

вам предстоит умереть. Поверьте, это самая большая честь, какую я могу вам оказать... Ну, что вы решили?

Гусляр вскочил, коротким свистом подозвал лошадей. Славяне вскочили на коней.

— Мы решили, — громко ответил Властимир, — что не след нам бросать в беде товарища. И коли ты его не отпустишь добром, мы либо заберем его у тебя силой, либо разделим его участь. Твой выбор?

От его слов онемели все — и рыцарь, и джинн, и девушка. Не удивились только Мечислав и Буян.

— Глупцы! — наконец взревел джинн.

— Мы решили не бросать товарища в беде! — крикнул Властимир. — Мы так и сделаем!

Славяне разом обнажили мечи, и джинн явно удивился:

— И вы еще хотите драться? Ну, сами напросились!

Не обращая внимания на то, что в кулаке у него зажата девушка, он замахнулся на троих людей. Гаральд, не в силах пошевелиться под его рукой, крикнул:

— Уезжайте прочь!

Но его крик запоздал. Даже если бы захотели, славяне не могли последовать его совету.

Налетел сильный ветер, заставивший их лошадей упасть на колени. Кусты вокруг пригнулись к земле. Их сучья затрещали, ломаясь. Из земли с корнями вырвались молодые деревца, заворочались сдвинутые порывом камни. Воды озера заволновались, хлынули на берег, с одной стороны открывая каменистое дно.

Ветер все усиливался. Конь Гаральда с жалобным ржанием скользил по ветру прочь. Валуны в человеческий рост переворачивались и катились прочь, как деревянные шары или колеса. Выдранные с корнем кусты полетели через вершины холмов и уносились вдаль вместе с песком и пылью. В озере родился и закружился огромный смерч. Втягивая в себя воду, он двинулся к джинну.

На пути его оказались трое славян. Смерч чуть приподнялся, потом накрыл их. Люди оказались в пыльной мгле, словно в тумане. Они почувствовали только, как их вместе с лошадьми подняло в воздух легко, как три пушинки, а потом поволокло куда-то в неизвестность.

И был только крутящийся и мотающий их из стороны в сторону ветер, и скрипящий на зубах песок, и испуганное ржание лошадей, и далекий, но ясно различимый хохот джинна. Каждый знал только, что его конь под ним — ветер не давал им разлучиться, но где остальные — того не ведал никто. Нельзя было крикнуть — любой крик застревал в горле. Изредка долетал визг чьей-то лошади, но голосов людей слышно не было.

Сколько и куда они летели — того никто не знал. День или час — время остановилось. И только потом, когда все уже решили, что джинн присудил им вечно носиться в смерче над неизвестной землею, ослаб вой ветра, и стали они падать стремительно, как камни. С непривычки закружилась у каждого голова, а жеребцы, стараясь не разбиться о землю, вдруг затормозили так резко, что люди вылетели из седел, и только слышалось призывное ржание, которым подзывали жеребцы потерянных всадников.

А потом донесся совсем рядом усиленный эхом хохот джинна, вой урагана смолк, и всех четверых бросило на землю. Летевшая с ними пыль накрыла их, словно выпавший снег, и так же придавила к земле, как снег придавливает засыпанных им замерзших путников.

И так лежали они, оглушенные падением, пока вдруг не раздались над ними громкие голоса и смех. Кто-то раскидал песок и пыль, чьи-то руки вздернули их и поставили на ноги, а другие руки ловко и быстро связали и поволокли куда-то, подталкивая и торопя криками.

От толчков, криков, суеты и бившего в глаза неожиданно яркого света славяне понемногу приходили в себя. Хоть и шатало их с отвычки, но шагов через десять они оправились и начали оглядываться, чтобы выяснить, куда попали.

С удивлением увидел Буян, Мечислав, а с ними и Гаральд, что смерч перенес их в горы. Вокруг стеной поднимались бесплодные скалы. До самого неба возносились они. В центре

лежало огороженное ими плато, похожее на дно высохшего оборонительного рва, — ровное, пустое, такое же мертвое, как все вокруг, но вытоптанное копытами коней до белизны. Единственный выход в ущелье, столь узкий, что в нем с трудом могли разъехаться двое всадников, был заложен несколькими глыбами высотой в два человеческих роста.

В скалах тут и там виднелись провалы пещер — большие и малые входы, окруженные камнями и отшлифованными глыбами. Они чернели, словно распахнутые голодные пасти невиданных чудовищ. И, словно в жертву этим чудовищам, вели к ним людей.

Но и вели их люди. Они были всюду — вылезали из пещер и стояли у входов, держа оружие наперевес, толпились поодаль, вытягивая шеи, спешили со всех сторон, оглядываясь на пленных. Все они были одинаковы — темнокожие от загара, черноволосые и узколикие, в разноцветных залатанных халатах или полуголые — в цветных штанах с платками вместо поясов. Были среди них и одетые в парчу и шелка, позади таких стояли слуги, видом похожие на оборванцев.

Все люди молчали, словно ждали кого-то.

Охрана подвела славян и рыцаря ко входу в огромную пещеру высотой не менее десяти сажень и шириной такой, что три всадника могли бы одновременно въехать в ворота. С двух сторон вход закрывали две скалы, гладкие изнутри и шершавые снаружи. Внутрь вел сводчатый ход, уходящий куда-то вниз, во тьму.

Но пленным не дали рассмотреть его и на миг — едва подвели их поближе, как повалил из пещеры густой дым и знакомый запах серы. Все люди, кроме тех, что охраняли пленных, пали ниц и закрыли головы руками, а изнутри послышались гул и рев.

Гаральд оглянулся впервые на своих спутников.

— Настал наш последний час, — сказал он. — Я все думал, как выглядит вход в преисподнюю, а теперь увидел воочию. Несомненно, сейчас за нами выйдет сам сатана и унесет с собою. Прощайте!

— Рано ты о смерти задумался, — ответил ему Буян. — Мнится мне, то не твой сатана, а наш знакомец старый, джинн... или как его там, а до сатаны далеко еще. Не бойсь — поживем!

— Правда? — с надеждой откликнулся Мечислав, что трусил, но не подавал вида перед старшими,

— Истинная, — яро кивнул гусяр.

— Если люди нам не помешают, — охладил их пыл Власти-мир. — Народу много вокруг?

— Сотни две или три, — на глаз прикинул Буян, — да, кажется, не все они тут собрались — ущелье-то большое, пещер немало — может, в дальних еще попрятались...

— Молчать! — прикрикнул один из охранников. — Не забывайте, что вы сейчас предстанете перед великим магом и повелителем всех сил мира и природы милостью Аллаха великого и милосердного Аджид-пашой!

Буян с интересом выслушал его слова.

— А не подскажите ли, — заговорил он, — что такого мы сделали этому... как его... Аджиду, что он нас сюда забросил? И где мы очутились? Мы, знаете ли, в этих местах впервые, заблудились немножко...

За эти слова толкнули его в спину.

— Молчать, а не то головы лишишься! Не могли вы ошибиться — Аджид-паша — великий маг и чародей, он сам вас сюда направил. Его волей вы тут оказались.

— Это что же, — продолжал Буян, не обращая внимания на то, что на него уже и его спутники поглядывают с неудовольствием, — если мы тут оказались, значит, ясно зачем, почему и за что?

Славяне молчали. Ясно было и без слов — очутились они во владениях того самого джинна, с которым повздорили только что. Принес он их сюда и отдал на расправу этим людям. Теперь сидит он, ждет развлечения — их смерти, а покамест небось забавляется с той девушкой.

Дым тем временем все густел и темнел, и скоро не стало видно вокруг ничего, а дышать и подавно никто не смог. Задыхались и кашляли не только пленные, но и их охрана. Любопытные разбежались прочь, подальше от дыма, отполз кое-кто и из охраны, и подле пленных осталось человек семь во главе с начальником.

И почувствовали все, как задрожала земля, заходили ходуном скалы, посыпались камни со склонов. Полыхнул в дыму огонь, послышался громовой рев. Промолвил кто-то гулко несколько слов, и тотчас подскочила охрана к славянам, подтолкнула их ко входу в пещеру.

ГЛАВА 18

Ураган нес четверых людей в неизвестность. Вниз и вниз уходила дорога, и спуск казался бесконечным, но вот ураган ослаб. Люди смогли передохнуть.

Ветер бросил их посреди коридора, стены которого пропадали во тьме. Никого живого подле них не было.

Властимир повел затекшими плечами.

— Где мы оказались? — молвил он.

— В Аду, — обреченно вздохнул Гаральд.

— А как нам отсюда выбраться? — задумался Буян.

Он попробовал оглядеться, но вокруг был дым. Дым был каким-то непонятным — от него не слезились глаза, не свербило в горле. Буян наугад сделал шаг...

И все услышали его крик. Напрасно окликали его славяне — гуслир исчез.

Путники метнулись было в сторону от того места, где стоял Буян, но было уже поздно. Пол под ногами дрогнул, как живой, смягчился, как болото, и вдруг ушел из-под ног.

Мелькнули мимо стены колодца, и они упали на что-то мягкое. В глаза ударил яркий свет, новые запахи наполнили воздух. Жмурясь, люди так и остались лежать, приходя в себя, а вокруг нарастал басистый хохот.

Когда глаза привыкли к яркому свету, огляделись они. Первым, кого увидели, был Буян. Мечислав так и кинулся к нему.

— Буян! — крикнул он. — Как ты попал сюда?

— Как и вы — свалился! — вместо гуслира ответил голос над ними.

Юноша вскинулся. Они лежали на куче шкур и расшитых подушек в центре просторной пещеры, обильно украшенной золотом, драпировками, драгоценностями и мрамором. Вдоль неровно высеченных стен высились башни из сундуков разной формы и размера — от огромных, в которых можно было спрятать лошадь, до маленьких, с два кулака. Меж подушек и шкур стояли столики и кресла. На некоторых столиках были расставлены яства на золотых и серебряных блюдах, иные ломились от драгоценностей и украшений. Горели свечи и факелы, чадили курильницы. На подушках возлежали полунагие девушки в соблазнительных позах. У стен стояли чернокожие великаны с саблями наголо и каменными лицами. Они словно ждали приказа убить любого, на кого им укажут.

Во все глаза разглядывали люди пленников.

И было их десятка два или три, и выглядели они как те люди, что встретили путешественников наверху, только у этих была богатая одежда, а оружие украшено золотом и самоцветами так, что оно переливалось и слепило глаза. Люди были разные — и молодые, и пожилые с седыми бородами. Кто стоял, уперев руки в бока и заливаясь смехом, кто сидел, развалившись в креслах или на подушках, в окружении девушек. Все они смеялись, показывая пальцами на пленных.

А больше всех веселился маленького роста горбун, что с ногами сидел в кресле в центре пещеры. Был он давно не молод, сед, с морщинистым темным лицом и длинной седой бородой. От смеха горбун лежал в кресле, болтая ногами, и время от времени указывал пальцем на пленных джинну, что почтительно склонился над ним.

И только тут понял все Буян. Привстал он на колени и шепнул Гаральду, на джинна

кивая:

— Понял ли теперь, чего твой сатана стоит?.. Нет, сказки ваш народ про него слагает! А как же иначе, коли все, что ему приписывают, на деле вовсе не он совершает, а прочие?

Гаральд насупился и ничего не ответил. Услышав голос гусяра, джинн шагнул вперед:

— Молчать! Вы находитесь в присутствии самого мага и повелителя земли Аджид-паши!

Мигом перестал смеяться маленький горбун, выпрямился, соскочил с кресла и направился к пленным.

Увидев это, все остальные прекратили смех. Кто сел ровнее и приготовился внимать повелителю, кто поспешил к пленным и поднял их.

Маленький горбун прошелся перед путниками. По росту он оказался на голову ниже невысокого Мечислава, но из-за горба был чуть ли не в два раза толще. Позади него шли два чернокожих раба с саблями наголо.

Горбун внимательно осмотрел пленных и спросил:

— А теперь скажите мне, кто вы и откуда?

Гаральд, подле которого он остановился, гордо промолчал, и за него ответил Буян:

— Мирные мы путники, своей дорогой ехали, никого не трогали. Тот вон первый на нас напал — али мы совсем без понятия, не соображаем, что в чужом доме свои порядки не устанавливают? Ехали мы по своим делам, так позволь нам путь продолжить.

— Не забывай, что вы слугу моего ранили! — перебил его горбун. — За это по нашим законам надлежит вам или выплатить мне цену его услуг, которые он мог бы мне оказать за то время, пока лечился, либо иную кару себе выбрать.

Джинн бросился вперед.

— О Аджид-паша! — воскликнул он. — Твой раб сейчас тяжело болен, но он выздоровеет в тот же миг, как ты подаришь ему кровь его врагов! Только это сможет его исцелить!

Горбун смерил пристальным взглядом сперва своего джинна, а потом славян и рыцаря.

— Много у меня диковинок, — медленно промолвил он, — а таких я не встречал. Ты болен, раб мой?

Сказал он это таким голосом, что джинн тут же упал на колени и застонал, ломая руки, и обхватив голову, и качаясь из стороны в сторону.

— О, как я страдаю! — причитал он. — Раны на руках моих могут воспалиться, и тогда придет на меня смерть огненная! Одно лишь средство может помочь мне — кровь обидчиков!

И жаловался он так, что поверили ему почти все. Но горбун покачал головой и спросил:

— А знаешь ли ты, сколько дней тебе до смерти? Джинн тотчас замолчал и поднял голову.

— Что сказал повелитель? — осторожно молвил он.

— Через сколько дней воспалятся твои раны и их надо будет лечить кровью? Через день? Два? Месяц?

— Когда будет угодно повелителю, — быстро сказал джинн. Не выдержал Буян и рассмеялся вслух. Отшатнулись от него все, кто слышал его смех, а горбун накинута на гусяра с кулаками.

— Как смеешь ты смеяться, раб? — закричал он в ярости. — Или ты не слышал моих слов? Погибнешь ты первым, раз так, кровь твоя станет целебным снадобьем для ран джинна моего!

И едва взмахнул он рукой, подзывая слуг своих, чтобы схватили они гусяра, и едва подумали все остальные, что тут и конец ему, как перестал смеяться Буян и сказал вполне спокойно:

— Уж прости, будь друг, слово дерзкое — не со зла то, не от скудоумия! Просто вспомнил я сказки детские, что у нас младенцам в люльке рассказывают. В сказке одной про то же самое поведано — сказано лишь, что это все небывальщина. А тут вижу я, что говорит

сказка правду чистую, вот от радости за мудрость народную и засмеялся!

Горбун выслушал его с интересом и потом махнул рабам, чтобы отошли в сторону и гусяра не тронули.

— А еще чего есть у вас в земле диковинного? — спросил он.

Понял по его голосу Буян, что хочет тот услышать, и промолвил:

— Рассказ мой не короток будет. Устанешь ты слушать, а я и до середины не дойду. Позволь потому промолчать мне и сказать лишь, что и сам я всех диковин не упомяну.

— А мне многого не надобно — скажи про то, что помнишь. Мне и того довольно станет. Хочу я знать, есть ли где то, чего у меня нет и достать мне невозможно... Я ведь маг и могу многое!

И замолчал он, выжидая. Все смотрели на Буяна — и слуги, и черные рабы, и девушки, и джинн, а пристальнее всех — Мечислав с Гаральдом, да Властимир, хоть и не был зрячий, прислушивался к знакомому дыханию друга.

Поймал Буян взгляд рыцаря и понял, что делать надобно.

— Хорошо, — сказал он, — поведаю я тебе, Аджид-паша, о чудесах и диковинках, что в землях наших таятся. Но есть у меня условие — не буду говорить, пока не освободят нас и ты гостями нас не назовешь. А иначе хоть огнем пытай — слова из меня не вытянешь!

И так прозвучал его голос, а глаза так блеснули, что не осмелился перечить ему Аджид-паша и отдал приказ.

Тут же бросились слуги к славянам — помогли им подняться, развязали руки, придвинули кресла и столики, а девушки поднесли вина и угощения. Путники не стали отказываться от угощения — то не в обычае у славян, — а все вокруг стояли и молча ждали, пока они поедят.

Буян придвинулся к Властимиру, и князь тихо спросил у него:

— О чем говорить будешь?

— Не твоя то печаль, княже, — шепнул в ответ гусяр. — Знаю я много, что первое в голову придет — то и сгодится!

— Лишнего не болтай!

— Знамо дело.

Еле дождался Аджид-паша, пока поедят гости. Когда совсем не стало у него терпения, подскочил он и воскликнул:

— Понравилось ли вам мое угощение, иноверцы?

— Вино у тебя знатное, — похвалил Властимир. — Я и дома такого не пивал.

Гаральд только сдержанно кивнул.

— У меня все самое лучшее, — промолвил Аджид-паша. — Что в мире ни есть хорошего да диковинного, все равно рано или поздно у меня окажется!

— Все, говоришь? — прищурился Буян. — А вот и нет! Есть земля, что пообильнее пещер твоих да кладовых. И хотя я не видел ничего из богатств твоих, готов на голову свою спорить, что не все у тебя найдется.

И только он сказал это, вокруг наступила тишина. Испуганно отпрянули гости, вытянулись и вскинули сабли чернокожие рабы вдоль стен, джинн перестал причитать над ранеными руками, а Аджид-паша подкатился к самым ногам гусяра. Лицо его побагровело, борода тряслась, кулаки судорожно подергивались. Не в силах дотянуться до сидевшего слишком высоко для его малого роста Буяна, он подпрыгивал перед его креслом.

— Как можешь ты такое говорить! — закричал он. — Чего у меня такого нет? Я великий маг — все у меня есть! Даже джинн, что мне верно служит! Говори — в тот же миг все достану!

Глядя, как ярится горбатый хозяин пещер, Гаральд шепнул Мечиславу:

— Говорил я, что не доведет его до добра самонадеянность! Теперь он пропал, а мы вместе с ним... Нас-то за что?

Юноша ничего не ответил — он был согласен с рыцарем.

А Буян словно не ведал, какие тучи собираются над его головой. Сидел он и чуть ли не

улыбался, а потом поклонился и заговорил певуче да вкрадчиво:

— Не сердись на нас, хозяин ласковый! Не со зла мы то, не по глупости. Только сам рассуди — есть ли у тебя такое диво?

Широко лежит море-Океан, море-Океан, всем морям мати.
Не доплыть до его конца, не достичь серединочки.
Как посреди того Океан-моря синего остров лежит,
остров лежит, где — неведомо.
Остров тот Буяном прозывается.
Как на том ли Буян дальнем острове стоит град,
не помню по имени.
В граде том чародей живет, как зовут его — знает он один.
Стережет он не золото-серебро, не камения-то самоцветные —
пуще глаз своих охраняет он лишь один колодец заброшенный.
В том колодце воды лишь на донышке —
не вспоить водой той ни травочки,
но, коль кто глоток изопьет ее,
обретает здоровье и молодость.

Есть ли у тебя та вода али нет, скажи мне по совести?

Замолчал Аджид-паша, призадумался, а с ним и все, кто вокруг были. Тихо стало в пещере, ровно все в камень превратились. И славяне притихли — только Гаральд на Буяна косится: что еще этот язычник выдумал?

Властимир тихо позвал в пустоту:

— Буян?

Гусляр тут же нашел его ладонь:

— Здесь я. Что надобно?

— Что ты сказал им о той воде? Зачем тайну открыл? Я хоть и слеп, а душу его черную и без глаз различить могу. Такие, как он, пострашнее Кощея будут — потому как люди слабые, жизнь у них короткая, все не успеешь. Вот и гребут под себя, другим завидуют. Кощей хоть зла много в прошлые времена сотворил, а все же свой он, родной, а они все чужие...

— Не бойсь, княже, — обнадежил его гусляр, — Ты слушай, что дальше будет!

— Эй, вы там! — вдруг прикрикнул на них джинн. — О чем это вы там шепчетесь?

— А ты, чем попусту языком болтать, слетал бы лучше и принес мне той воды! — напустился на него Аджид-паша. И чтоб к утру был у меня на столе кувшин!

Ожег джинн своего хозяина ненавидящим взглядом, но перечить не стал — пробурчал только:

— Болтунов всяких слушаешь, хозяин! Я о той воде и слыхом не слыхивал! А про остров тот только сказки рассказывают. Ты у какого хочешь морехода спроси — все ответят, что нет такого острова в Океане.

— Как это нет, когда мне имя по нему дадено? — осадил его Буян. — Отцу моему про тот остров песня понравилась, сам он, случалось, выходил поплавать с товарами, вот сына единого и назвал так, как нравилось!

Аджид-паша посмотрел на гусляра и махнул джинну рукой.

Тот закружился на месте, забормотал. Окутал его дым с головы до ног. Взвился джинн под самый полог пещеры и пропал миготом — только запах тяжкий остался.

А Аджид-паша потер руки и подошел к славянам.

— Вернется он — тогда и проверим, правду ли ты говорил про тот остров, — сказал он. — А может, и другие диковины на нем есть?

— Есть на нем много всего чудесного, — ответил Буян не спеша, будто раздумывая. — Да только много времени понадобится, чтобы поведать обо всем...

— Понял я, понял, — закивал Аджид-паша. — Будете вы моими гостями, отведут вам комнаты лучшие, где и отдохнуть, и пожить немного сможете... Не хотите ли вы сразу туда пройти?

Гаральд поднялся первым и поклонился с рыцарским достоинством:

— За приют тебе спасибо, неверный!

Славяне не спешили вставать, но Аджид-паша опять махнул рукой, и черные рабы с саблями наголо вышли вперед, окружая их.

Будто невзначай оказались они все разделены — только подле князя оставили Мечислава — юноша, как чуял, взял Властимира под локоть, и стража не решилась разлучить его со слепым человеком. Но гусяр и рыцарь оказались в кольце рабов.

Все это славянам не понравилось — и то, что шли они под охраной, как пленные, и коридоры темные да низкие, словно и не было только что богато убранной комнаты, и то, что куда-то вниз, где под сапогами и вода уже затхлая хлюпала, а по стенам виднелись потеки грязи и плесени.

Напрасно пытались они запомнить дорогу — факел выхватывал из темноты столько боковых ходов и выходов, что запомнить их было невозможно, а стоило хоть кому-то приостановиться, как его тут же толкали в спину.

Потом разом шагнули в стороны все рабы и слуги, оставив славян одних в коридоре.

В тот же миг разошелся пол под ногами у славян, и все четверо разом провалились в приготовленный для них колодец.

— Что-то замечаю я, что ямы — любимое развлечение здесь,—проворчал Буян, растирая ушибленный локоть.—Третий раз уже падаю и второй раз — за сегодня.

— Не ты один, — осадил его князь. — И не о том думать надо! Услышав, что пленники заговорили между собой, к краю колодца подошел сам Аджид-паша и заглянул вниз.

— Эй, вы там, иноверцы? — позвал он. — Как вам, удобно? Гаральд мигом вскочил и погрозил кулаком маленькой фигурке, что еле виднелась наверху, подсвеченная факелом.

— погоди, гном! — закричал он. — Вот доберусь я до тебя — узнаешь, как с гостями поступать!

— Ты же нарушил закон гостеприимства,—поддержал его Мечислав.

Захохотал горбун, и смех его эхом заметался в коридоре и в самой яме.

— Закон? — еле вымолвил он, смеясь. — Какой еще закон?.. Раз вы попали ко мне, вы мои рабы, и только мне решать, жить вам или умереть. Джинн мой сейчас полетел за живой водой на остров Буян. Доставит он мне ее — тогда и поговорим!

Он уже выпрямился и захотел уйти, как Буян окликнул его:

— А что ты с нами сделать хочешь? Горбун нехотя вернулся.

— Мне речи и самый вид твой понравились, — важно объяснил он. — И голос твой на пение птиц райских похож. А уж диковинок ты, верно, немало знаешь... Вспоминай — будете жить пока ты мне о новых диковинах рассказывать будешь. В какой день откажешься говорить или не сможешь вспомнить новой — смерть придет тебе или кому из спутников твоих.

С этими словами он ушел, а с ним удалились все рабы и слуги.

Буян, припав ухом к стене, слушал их шаги. Наконец он выпрямился.

— Все ушли, — объявил он. — Тот вон только стоит, охраняет!..

— Хоть один, хоть тысяча — теперь нам конец, — вздохнул Властимир. — Ты тайну живой воды ему выдал. Не понял разве, зачем ему понадобилась?

— Уж, верно, не на добрые дела, — отмолвил Буян.—Да только подзабывать ты стал, Властимир, что и я не только глазами вижу. Очами и не узреть того, что истинно!

— Не беспокойся — смерть свою и нашу ты увидишь воочию, — мрачно предрек Гаральд.

— А и ты будто тайное распознать смог, — загадочно молвил гусяр. — Или кто тебе секрет мой раскрыл? —Потом, сторожко оглянувшись наверх, где не спеша бродил сторож, обнял всех за плечи, привлекая к себе, и прошептал: — Я ему солгал!

— Что?!

Буян быстро зажал рот Гаральду.

— Молчи! — зло приказал он. — Сразу я понял, что это за птица — еще когда он с нами заговорил, рук не развязав. От такого добра не жди — уродство с добром не живут. И про нашу землю он неспроста выпытывал — для него джинн издалека и девушек и богатства притаскивает. Помните, как он нас с конями приволок?... Поведай я ему правду, он бы на край наш войной пошел, снова бы все о Змее говорили.

Вот и решил я его проверить — сказку детскую про остров ему рассказал да правдой приукрасил.

Гусляр поглядывал на друзей гордо, но Гаральд охладил его пыл.

— Нашел, чем гордиться! — молвил он. — Не слышал разве, что этот гном проклятый сказал? Вернется джинн, скажет, что не нашел воды, и поймет он, что ты обманул его. Вот тогда-то мы все и попляшем у чертей на углях!

Тут уже и Буян притих. Рыцарь сказал чистую правду. Через несколько часов придется ему или говорить правду, или смотреть, как эти чернокожие будут убивать его друзей. Он окинул всех пристальным взглядом и заметил, что Мечислав смотрит на него горящим от волнения взором.

— Что ты глядишь на меня так? — спросил он у юноши. — На что надеешься?

— На тебя. Ты все сможешь, — уверенно сказал отрок. — Помнишь, как к тебе голубь прилетел в Дамаске? Ты сможешь, я верю — мне отец про тебя рассказывал. Ты же Цветводу испил, а в ней вся сила земли нашей!

— Если вы все помолчите, я смогу кое-что подсказать, — перебил их Властимир. — Я слышу что-то, да только из-за вашей болтовни распознать никак не могу.

— Здесь самый Ад близко, и слышишь ты, как черти к нам ползут, — проворчал Гаральд.

Гусляр и Мечислав с двух сторон накинулись на рыцаря и зажали ему рот.

В яме установилась мертвая тишина. Сначала всем так и показалось, что прав рыцарь и шорохи — звуки подземелья, по которому идут к ним злые духи. Англичанин с трудом освободил одну руку, закрестился, мысленно проговаривая молитву Богородице. Славяне настороженно слушали тишину.

Властимир замер, насторожившись. Все не сводили с него глаз.

И вдруг он вскинул руку и указал в стену слева от себя. “Там”, — беззвучно шевельнулись его губы, и Мечислав, подойдя, помог ему склониться ухом к холодной, влажной и скользкой от плесени земле.

— И когда это кончится? — не выдержал Гаральд.

Буян с досады огрел его кулаком по спине, но Властимир выпрямился, указывая на стену:

— Там пустота. Я слышал слабое эхо — это, наверное, коридор вроде того, по которому нас вели. Кто-то по нему прошел... Коридор длинный... Выход в той стороне...

— Ага, верно, — подхватил Гаральд, — будем ждать, пока не явится ангел Господен и не проведет нас сквозь стену!

— Зачем? — совершенно серьезно ответил гусляр. — Не знаешь разве, что Властимир любой замок открыть может, лишь до него коснувшись?

— Так то замок! А стену глухую прошибить? Никаких человеческих сил не хватит!

— А человеческих и не будет, — заявил гусляр и встал во весь рост, ощупывая стены. — Вода-матушка справится! Я реку подземную чую. Наверху-то жара и пески, а они воду не держат. Вот реки здесь под землей и текут, вроде как у нас Почай-река. Только та с самого начала мира от света солнечного пряталась, а эти впотай ушли с бегом лет. В воде наше спасение...

А Аджид-паша тем временем в одиночестве бродил по своим покоям. Было здесь много золота, серебра, дорогих тканей и прочего, что в сундуки подальше от чужих завидующих глаз

спрятано. Никому не доверял Аджид-паша тайну своего могущества — кабы узнал кто, что не он все сотворяет, а его джинн, не снесли бы его власти все те люди, что сейчас ему служат.

Повелось это давно — бродили по земле шайки разбойников, грабили старого и малого, богатого и бедного. Аджид был сыном атамана одной из них. И, бродя по Багдаду разведчиком, увидел он, как один старьевщик менял у какой-то женщины старую лампу на золото. И вызвало любопытство у Аджида, проследил он за этим человеком и случайно узнал, что в лампе заключен Джинн. Хоть горбат был с рождения Аджид, но ума и ловкости было у него сверх всякой меры. Не успел человек опомниться, как лампа перекечевала к горбуну.

С тех пор джинн и служил ему. Разбойники могли спокойно грабить кого захотят — джинн укрывал их от погони, выслеживал богатых путников и помогал проникать в сокровищницы. Все это Аджид выдавал за свою магическую силу — он говорил, будто сам и есть колдун, а джинна вызвал и посылает вместо себя соглядатаем, чтобы не утаили от него разбойники и малой части добычи. И стекался к нему всякий сброд — от наемных убийц до бродяг. Сейчас, более сорока лет спустя, служило ему более пяти сотен воинов, не считая слуг и рабов. Но дороже всех был ему джинн.

И только одно беспокоило Аджид-пашу — стал он стар и немощен, а наследника не было. Он давно искал средство, чтобы вернуть себе молодость, да все без толку. И вот теперь отыскал он ответ, где оно прячется. Близок был его конец, чуял его Аджид-паша. Потому и бродил в одиночку по комнате и глядел на лампу, заклиная джинна поспешить.

Уже казалось ему, что улетел джинн навсегда, как вдруг за клубился над лампой дым и собрался он в человека, что держал в руках кувшин.

Упал джинн перед Аджид-пашой на колени и протянул ему кувшин. Закричал Аджид, вырвал кувшин из рук джинна, откупорил горлышко и одним махом выпил все, что там было.

Только потом он вытер бороду и спросил джинна, что стоял перед ним не шевелясь:

— Что так долго? Не знал разве, что могу я разбить лампу, и тогда наступит смерть тебе?

— Смилуйся, повелитель, — отвечал ему джинн. — Я остров, у берегов которого вечная буря действует, искал, а потом город, где колдун живет, да колодец заброшенный, о котором тот неверный рассказывал. А потом мне с магом биться пришлось, потому как не хотел он и единой капли воды давать. Победил я его, собрал всю воду и тебе принес. Кабы искать ее по каплям не пришлось, прилетел бы я к тебе раньше. Помилуй своего раба — он старался поспешить! Или вода не действует?

Прислушался к себе Аджид-паша и почувствовал, что бродит в нем словно сила какая-то новая, незнакомая — в руки-ноги толкает, голову и грудь распирает, так, что тесно ему стало в халате.

— Действует! — радостно воскликнул он. — Сейчас исчезнет мой горб, я чувствую, как расту! Скоро стану я высок и строен и тогда войду к тем наложницам, что ты мне принес...

Скинул он халат, туфли и тюрбан, остался в исподнем. Пошел рыться в дорогих вещах, что в тюки были сложены, — дорогие одежды искать, в разное время награбленные. Но не успел он найти то, что понравилось ему, как треснула ткань — расплзлось по швам исподнее. Попробовал горбун натянуть халат, что в руках держал, — да только тот порвался на спине, не выдержал.

Оглядел себя Аджид-паша и ахнул — рос он, и было это правдой, но не только в высоту, как хотел, но и в толщину тоже. Был он уже как пивная бочка и все толстел и толстел. Скоро не удержали его ноги, и сел он прямо на пол, а потом и на бок лег, потому как в ширину рос он быстрее.

А джинн стоял и глаз не сводил со своего повелителя. И часа не прошло, а нельзя было узнать в огромной жирной туше прежнего маленького горбуна. Но чуднее всего было то, что

и горб вырос тоже и теперь походил на сундук, в который можно упрятать взрослого человека.

Закричал тогда Аджид-паша и забил ногами, ставшими похожими на бревна:

— Порази тебя Сулейман-ибн-Дауд, обманщик! Что ты мне принес? Разве это та вода? Я по-прежнему стар, но я непомерно толст — я встать не могу! Что ты сделал со мною?

— О повелитель! — Джинн упал перед ним ниц. — Я сделал все так, как говорил тот славянин. Это он виноват, он тебя обманул. Говорил я, что убить их надо, а ты меня не послушался!

— И ты их убьешь! — кричал Аджид-паша. — Убьешь, но прежде попытаешь у них, что это за средство они мне подсунули и как мне теперь от него избавиться! Лети живо!

Захотел джинн, довольный тем, что сейчас отомстит врагу за раны, но только собрался он исчезнуть, как постучали в дверь и кто-то кричал:

— О Аджид-паша! Подземная река вышла из берегов! Она затопила нижние пещеры и уже подбирается к верхним!

На миг забыл про все Аджид и воскликнул:

— Я погиб! Она смочит меня — я же пошевелиться не могу! Джинн, спасай меня!

— А что же неверные? — отозвался тот. — Мне их помиловать?

— Что там неверные? — спросил Аджид раба через дверь.

— Их яму затопило первой — вода вырвалась из нее. Они погибли, по воле Аллаха...

— И мы погибнем, если не поторопимся! — кричал Аджид-паша и пополз, колыхаясь, к джинну, потому как ноги его не держали. — Спаси меня, я приказываю!

Но отступил от него джинн и сказал ему:

— Не скоро доберется сюда вода. Лежи пока, а я сыщу этих неверных. Если они живы, я убью их, если мертвы — оживлю, попытаю твой секрет, а потом убью!

И закружился он на месте, и весь окутался дымом, и превратился в дым, а потом исчез, оставив Аджид-пашу кричать и колотить кулаками по полу так, что дрожали светильники и качались занавеси.

ГЛАВА 19

Вырвалась река на волю, подняла свои воды подземные, силу свою неистраченную, понесла на спине своей камни, мусор, обломки дверей, с петель сорванных. Среди всего этого никто бы не заметил четверых людей, что отделились воле волн и ждали, когда же река бег свой остановит.

Плохо плавал Мечислав, да и Гаральд в доспехах мог ко дну пойти, не выдержав стремнины. А потому выбросила их река на повороте на камни, а сама дальше помчалась — только волны плескались у ног беглецов.

Буян приподнялся на локтях, осмотрелся.

— Помнишь, Властимир, как мы с тобой по пещерам бродили да нас Почай-река чуть не утопила? — молвил он. — Тут все то же самое.

— Где мы? — спросил князь.

— На берегу, — коротко ответил гусяр. — Можно вперед пойти — там повыше будет, вода туда не скоро доберется!

— А ты почему знаешь? — не поверил Гаральд.

— Не надо мне было вообще за тобой тогда на арену прыгать! — в сердцах крикнул гусяр, — И чего ты во всем сомневаешься? Не понял еще, что я с любой рекой договориться могу?!

— Я понял, что с тобой только в Ад попасть можно, — огрызнулся рыцарь.

— Замолчи! Пока мы живы — нечего об этом думать! Вылив из сапог воду и отжав мокрые рубахи и верхнюю одежду, беглецы, не раздумывая, углубились в коридор. Он тянулся чуть вверх, так что можно было не бояться, что вода скоро их догонит, хотя Буян и обещал, что река не успокоится, пока не разрушит все, что можно. А значит, рано или поздно

все пещеры окажутся затоплены.

Куда идти, никто не знал. Эта часть пещеры была тупиком, скоро дорогу преградила дверь.

Почти догоревший факел освещал камень с высеченными на нем знаками.

Властимир ощупал дверь и провел по найденной щели рукой. Что-то заскрипело внутри, скала чуть дрогнула, и дверь поднялась вверх, открыв проход.

За дверью оказалась огромная пещера, из которой во все стороны вели большие и малые выходы. Десятки, сотни сундуков разного размера и вида теснились повсюду. Из них слагались пирамиды, достающие до потолка. Между ними было набросано на пол золото — чеканные монеты всех стран, слитки. Золото было перемешано с серебром и алмазами. Более практичный Мечислав прихватил из коридора факел, и теперь драгоценности блестели так, что у беглецов онемели языки. Они только бродили как зачарованные и глядели по сторонам.

Властимир остался у порога. Он слышал похрустывание под ногами у друзей чего-то похожего на песок и их тяжелое дыхание, но все молчали, и он позвал:

— Что случилось?

— Мы попали в сокровищницу этого Аджид-паши, — готовно объяснил Буян. — Здесь столько золота... Мы по нему ходим, как по земле. Смотри!

Он наклонился, черпанул горсть монет, но только сделал шаг и протянул их князю, как послышались знакомые скрип и грохот. Буян дернул Властимира на себя, и за их спинами тяжело упала глыба-дверь, закрыв им путь.

Подбежали Гаральд и Мечислав.

— Мы попались, — с горечью сказал рыцарь. — Не надо было вообще сюда входить... Я...

Но тут он замолчал, потому что сверху на них посыпалась труха и послышался шорох.

— Летучие мыши, — с остервенением принялся Гаральд стряхивать с себя мусор.

Буян поднял голову. Глаза его расширились.

— Бежим отсюда, — прошептал он севшим голосом. — Только тихо...

Он медленно поманил за собой Мечислава и Властимира, отходя от двери в глубь пещеры. Гаральд заметил это и презрительно рассмеялся:

— Вот она, твоя отвага да удаль, языческий колдун! Мышей испугался!

Вместо ответа тот молча указал вверх.

Все еще улыбаясь, рыцарь поднял голову — и в этот миг на него с потолка упало нечто.

Гаральду показалось, что его окутала липкая сеть, но славяне видели, что это было существо, напоминающее тощего паука с почти человеческим лицом. Оно не имело формы и, упав на рыцаря, окутало его мягкой бахромой.

Существо явно не рассчитало своих усилий. Гаральд, выкрикивая что-то на своем языке, защищался так отчаянно, что создание никак не могло его одолеть. Рыцарю удалось поймать его шею, а другой рукой он вслепую колотил куда попало. Напрасно когтистые лапы скребли по железу — пробить доспех существу было не под силу. Оно пыталось вырваться из стального захвата и обильно поливало Гаральда паутиной.

Первым опомнился, как ни странно, Мечислав. Юноша подбежал и поднес факел к паутине. Серая масса тут же вспыхнула искрами. За нею занялась и покрывающая существо бахрома. Страшилище заскрежетало челюстями и попыталось вырваться, но Гаральд держал его до тех пор, пока от близости огня доспех не нагрелся. Только тогда он разжал руки, и существо с воем ринулось куда-то за горы сундуков, оставляя за собой комки обгоревшей паутины.

Доспехи Гаральда были в пятнах копоти и налипших клочках сажи. Чихнув, он стащил шлем.

— Спасибо за подмогу, друг, — кивнул Мечиславу и помотал головой, лохматя волосы. — Нет, это слишком: сначала вода, потом огонь. Что дальше?

— Призраки, — уверенно ответил Буян.

Славяне осторожно прошли вперед. Скоро они и в самом деле поняли, что попали в

сокровищницу. То и дело им попадались залы и комнаты, где были свалены в кучи золото, серебро, камни-самоцветы, штуки тканей и тюки с прочими товарами. В коридорах то и дело попадались скелеты, прикованные цепями к стенам. Когда они поравнялись с первым, Буян указал на него рыцарю:

— Вот и первый призрак! Познакомься с ним!

На некоторых скелетах еще уцелели остатки одежды. Некоторые были свежи. Через несколько часов они наткнулись на труп узника, который умер, судя по всему, совсем недавно. Бросив взгляд на его одежду, Гаральд молча опустился на колени, с трудом сложил руки мертвеца на груди и стал тихим шепотом молиться. И делал он все так спокойно и уверенно, что славяне не стали ему мешать, а Буян решился заговорить с ним только потом, когда англичанин встал и пошел прочь.

— Это твой знакомец был? — понимающе молвил он. Рыцарь глянул на гусяра и скося.

— Чужой он мне, ни разу не видел, — нехотя объяснил он. — Но он из моей страны, наверняка тоже был христианином. Я помолился о его душе, испросил для нее покоя и приюта. Негоже оставлять человека просто так, без погребения. Господь велел всем заботиться о других.

— Сам-то ты... — начал было Буян, но осекся, поймав строгий взор рыцаря.

Устав бродить по нескончаемому лабиринту пещер и переходов, они присели в одной из зал на сундуки. Идти дальше никому не хотелось — они прошли уже много верст, но двери, которые им попадались, вели в крошечные комнатки-тупики, где у Аджид-паши хранились особо ценные вещи и иноземные диковины.

— Может, мы не той дорогой пошли? — предположил Мечислав. — Из той пещеры никак десять дверей выходило.

— Пойди найди теперь ход назад, — проворчал Буян, — Не весь век нам по подземелью этому шастать! Чего доброго, сами призраками станем. Никто еще цели не добивался, назад с полдороги сворачивая. И мы пойдем вперед...

Они по-хозяйски расположились на коврах и тюках с тканями, что обнаружили неподалеку. Факел потрескивал у них над головами, а вокруг была такая тишина, что они заснули.

Проснулись все разом от какого-то гула. Вскочили они, и показалось им, что стены пещеры дрожат. Посмотрели на факел — и увидели, что его пламя колеблется.

— Это река, — уверенно сказал Буян. — Она добралась до нашего хода. Если мы не поторопимся, она нас догонит.

Вокруг были только пещеры, соединенные меж собой коридорами. Уставшие, путники уже не могли идти так быстро, как хотелось, и скоро можно было хорошо слышать, как грохочет, прорываясь в сокровищницу, подземная река.

— Ну, Буян, ты ее вызвал, тебе ее и укрощать, — невесело усмехнулся Властимир.

Гусляр не отвечал. Он шел впереди, разведывая дорогу. Вдруг он остановился, жестом приказывая всем замереть. В коридоре за углом маячил свет.

— Люди!

— Или такой же бродяга, как и мы. В любом случае надо быть поосторожнее.

Славяне оставили Властимира на попечение Гаральда и крадучись двинулись к источнику света.

Их удивило то, что огонек не дрогнул при их приближении. Но когда Буян и Мечислав подкрались, они поняли, в чем дело.

Маленький светильник еле тлел, поставленный на сундук. Подле него, прямо на груде золота, спал незнакомый человек.

Не дав юноше рассмотреть незнакомца как следует, Буян просто положил ему руку на плечо.

Человек проснулся сразу. Он распахнул огромные черные глаза, долю секунды ошалело смотрел на двоих людей, склонившихся над ним, а потом с диким криком

шарахнулся прочь. Раньше чем его успели задержать, он вырвался и, бросив светильник, ринулся по коридору.

— Шальной какой-то. — Буян покрутил пальцем около лба. — Или скаженный... Видел, какого стрекача задал?

— Видел, — кивнул Мечислав. — Но теперь мы не узнаем, кто он и что здесь делал. Может быть, он знал выход?

Гусляр хитро подмигнул ему:

— Может, еще и узнаем! Слышишь?

В этот миг за поворотом, где скрылся незнакомец, раздался грохот, будто упала груда железа, и сдавленный крик.

— Молодец Гаральд! — похвалил гусляр, — Хорошо поработал. Пошли, Мечислав, вынем у него нашего приятеля, пока он его не раздавил!

Они вернулись и увидели, что Буян был совершенно прав. Убегая от славян, чужак налетел прямо на рыцаря, который потихоньку следил за ним из-за угла. Гаральд держал его, придавив коленом к полу, а тот, стиснутый его кулаками, не шевелился и только дико вращал глазами.

Ободряюще похлопав по плечу рыцаря, Буян присел около незнакомца.

— Кто ты? — спросил он, — Откуда тут взялся?

Парень вскрикнул и дернулся. Гаральд несильно ткнул его кулаком под ребра:

— Отвечай!

— Оставь его, может, он не понимает... Ты меня понимаешь? Как твое имя? Я, — гусляр показал на себя, — Буян. Это, — он похлопал по плечу рыцаря, — Гаральд, а ты?

Его палец уперся в грудь парня, и тот, посмотрев на него, ответил:

— Синдбад.

— Понимает! — обрадовался Буян, — Ну, Синдбад, как ты тут оказался? Да говори, не бойся — ничего с тобой не случится!

Парень обвел глазами всех четверых.

— А вы кто такие? Не духи? Не джинны?

— Ах, вот ты о чем! — Буян с удовольствием рассмеялся, — Мы сами тебя чуть за призрака не приняли, потому и подкрались так!.. Нет, мы просто люди, правда, из чужой страны. А сюда попали случайно. Меня ты уже знаешь, я гусляр и певец, а еще немного колдун, как говорит вот этот молодец, что не дает тебе пошевелиться... Ты не думай, он неплохой парень, просто очень упрямый...

С шуточками и прибаутками Буян представил Синдбаду всех своих друзей. Тот только вертел головой, соображая.

— Значит, вы просто люди? — опять спросил он.

— Как видишь. А что?

— Я тут уже несколько дней и пока никого, кроме призраков и мертвецов, не видел.

— Мы тут первый день и тоже пока никого, кроме мертвецов и одного чудовища, не видели, — в тон ему ответил Буян. — Ты знаешь, где выход?

Синдбад при этих словах так вздрогнул, что все решили, что он увидел кого-то за их спинами.

— Выход? — переспросил он, — К несчастью, да...

— А почему так печально? Его уже вода залила?

— Если бы, — вздохнул он. — Я моряк. С тринадцати лет, еще когда был жив отец, я плавал по всем морям, что есть на земле. Мне не раз грозила смерть. Я видел столько всего, что про меня сочиняют легенды, и стоит мне где показаться и назвать свое имя, как все говорят: "О, знаем, Синдбад Мореход!.." Многие истории про меня выдуманы — я слышал восемьдесят, и половина из них — сказки, но остальное — чистая правда. Я по наследству купец, но страсть к дальним землям сильнее меня, и я не столько торгую, сколько езжу по свету в поисках приключений. Если бы тот ход залила вода, я бы выплыл — я неплохо плаваю... Нет, то, что там, — страшнее!

Буян вскочил и дернул его за собой:

— Пошли, покажешь. Нас теперь пятеро, и пусть нас боятся! А что ты в пещерах делал, Синдбад? — на ходу спросил Буян.

Тот вздохнул.

— В последнем путешествии я потерял все, в том числе и те деньги, что мне доверили багдадские купцы, — заговорил он. — И оказался я в долгах со всех сторон. Дали мне десять дней срока, чтобы заплатил я заимодавцам. Прослышал я, что в этих горах есть сокровища, и пошел сюда. Шел я семь дней, пока не добрался сюда, и наконец...

— Короче, решил ты ограбить Аджид-пашу, чтобы выплатить долг? — остановили его.

— Это было самое глупое, что я мог сделать, — сознался Синдбад. — Ведь сокровища его заговорены джинном...

— Джинна мы видели, так что можешь не сомневаться: с нами он тебе не страшен!

— О, джиннов и я видел, и немало. Но вы сейчас сами увидите, что я имел в виду...

Впереди что-то мелькнуло.

Синдбад остановился как вкопанный, а потом шархнул назад. Лицо его побелело.

Маленький силуэт приблизился, и стало видно, что это собачка. Обыкновенный щенок, весь белый, с одним рыжим пятном на боку. Кутенок, увидев людей, бросился к ним с радостным визгом и стал ласкаться, игриво хватая их за носки сапог. Буян присел, и щенок забрался к нему на руки, виляя хвостиком и повизгивая.

Даже Властимир улыбнулся, слыша визг щенка, что лизал гусяру руки. Все тянулись погладить малыша, и только Синдбад смотрел на него с ужасом и ненавистью. Но щенок, казалось, не замечал такого отношения к себе и, когда гусяр протянул его парню, принялся заигрывать с ним.

— Прочь от меня! — Синдбад стал испуганно отбиваться, — Уберите его, иначе я его убью!

Буян спрятал щенка подальше:

В чем дело? Что он тебе сделал, такой маленький...

— Когда я сюда пришел, этот же щенок бросился ко мне и стал ласкаться, как к вам. Правильно Аллах назвал собаку нечистым животным!.. Мне он показался заблудившимся, я хотел его поймать, но он позвал меня за собой. Я пошел за ним... И вот я здесь, а стоит мне пойти назад, как встают призраки и демоны и не пускают меня. А все потому, что я нарушил приказ Аллаха и приласкал собаку!

Еще одно суеверие, — твердо сказал Буян. — Один все Господу да сатане приписывает, другой — Аллаху... Вот спутников Судьба послала! У нас в стране собака — друг человеку. Посмотрим, как на нас его чары подействуют! — этими словами спустил Буян щенка на пол и подтолкнул под хвостик. Щенок не заставил себя просить дважды, он бойко потрусил прочь, но скоро обернулся и заскулил, крутя хвостиком, поскольку люди стояли и не двигались.

— За собой зовет, — уверенно молвил Синдбад. — А там нас уже ждут.

— Негоже заставлять ждать.

Буян двинулся за щенком. За ним отправились и остальные, оставив Синдбада одного. Тот потоптался немного, а потом догнал их. Гусяр покосился на морехода, хмыкнул, но ничего не сказал.

Прошли они не так уж много, вдруг стены пещеры раздалились, и все оказались в огромной зале, что была освещена светильниками, горевшими на подставках вдоль стен. Было там столько сокровищ, что все застыли на месте, пораженные. Только из золота, находящегося здесь, можно было бы отлить настоящий корабль в полный рост со всем, что есть на борту, в том числе и с командой. Вспомнив о Властимире, Буян только шепнул князю:

— Ты дар мой знаешь, не раз песни мои слышал, а только и я не могу слов для всего этого подобрать. Поэтому не обессудь — здесь я бессилен!

Блеск драгоценностей заставил забыть обо всем прочем. Все разошлись в стороны,

оглядываясь. Вот уже Мечислав любит статуей девушки, отлитой из цельного куска серебра так искусно, что лишь малый рост и цвет не позволяют назвать ее настоящей. Гаральд восхищенно перебирает украшения, прикидывая, что больше может понравиться его невесте. Синдбад, шепча что-то, набивает карманы и кошелек. Присев на край сундука, Буян примерил перстень и призадумался, вспоминая такие же синие, как камень на нем, очи Прогневы.

Один Властимир остался не у дел. Подождав немного, он сделал несколько шагов и позвал:

— Не пора ли в дорогу? Собака та куда убежала, никто не видел?

Ответом ему была сначала тишина, и только потом Буян сказал тихо:

— Не видел... Вроде тут щенок крутился...

Голос его, необычайно спокойный, насторожил князя.

— Дай мне руку, — приказал он.

Никто не пошевелился, и резанец сам сделал шаг.

Что-то попало ему под ноги, тут же раздался истошный собачий визг.

Пришибленный щенок выскочил из-под ног Властимира и заметался вокруг. Его визг пробудил всех от дум и мечтаний. Все вспомнили, где находятся. Буян поймал протянутую руку князя.

— Задержались мы тут, — сказал он, — пора и честь знать! И только он это сказал, как послышался со всех сторон крик, хохот, сухой перестук. Осветились все углы пещеры, и из тьмы выдвинулись скелеты, мимо которых они проходили. Слетелись они и закружились вокруг пятерых людей с визгом, хохотом и лаем, будто свора собак.

Люди сбились в кучу, глядя на мечущихся призраков. Синдбад, закрыв уши руками, что-то плаксиво вскрикивал, поминая Аллаха и свою жадность. Мечислав широко раскрытыми глазами смотрел на то, чего не видел никогда. Гаральд крестился и крестил призраков, а они отвечали ему смехом. Буян торопливо нашарил первое, что попало под руку, и поспешил очертить круг, отгородив людей от нежити.

Призраки отпрянули с воем и запрыгали поодаль, взявшись за руки. Со стороны это выглядело жутковато: десятка два скелетов скакали и плясали, выстроившись в хоровод. Некоторые запевали что-то гулкими голосами, но ни один больше не приближался, и люди могли вздохнуть свободнее.

Синдбад пришел в себя.

— Видите, что я вам говорил! И со мной так же было, только с вами они меня почему-то не тронули. Может, и правда они боятся, когда много людей?

— Ну, тогда в другой раз ты с собой десяток или побольше приятелей приведи, — посоветовал Буян. — Глядишь, призраки на большую толпу и вовсе внимания не обратят!

— Шуточки? — откликнулся Гаральд. — Лучше бы подумал, как нам отсюда выбраться!

— Я? — искренне удивился гуслар. — Ты хочешь, чтобы думал я? Но ведь ты сам все время говоришь, что я чуть ли не друг сатане. А теперь выходит, что я последняя надежда?

— Не время препираться, — остановил его рыцарь. — Сначала надо выбраться. Долго твой круг их удерживать будет?

— А я почему знаю? Это простые призраки, а коли есть у них кто посильнее, то он разрушит круг, и тогда нам конец...

Он не договорил — за спинами скачущих без усталости скелетов показался кто-то еще.

Это был именно кто-то — он отличался от скелетов всем своим видом. И шел он спокойно и чинно, словно султан на прогулке. Приблизившись к призракам сзади, что-то промолвил — его слова потонули в их криках и воплях. Но призраки его услышали и бросились врассыпную, открыв дорогу.

Вновь прибывший подошел вплотную. Увидев его, все невольно отпрянули. Это был тот самый незнакомец, над которым недавно молился Гаральд. Глаза его были открыты, а руки оставались сложены крестом. Призрак подошел и поклонился застывшим людям. —

Благодарю вашу милость, — сказал он почтительно, — и тому радуюсь.

— И мы рады, коли не шутишь, — воинственно откликнулся гусяр.

— Благодарю вас, — повторил незнакомец, — и приношу вам весть добрую милостью Создателя нашего.

Гаральд несколько пришел в себя.

— Кем ты был? — спросил он.

— Англичанином, как и ты, друг мой, — ответил призрак. — Злая судьба занесла меня на Восток. Восемь лет я путешествовал, а потом случай столкнул меня с темницей Аджид-паши. Он хотел выведать у меня диковины, какими богата-Англия. Я не сказал ему ничего, потому как для меня богатство Англии — ее народ, а также моя жена и три сына, младшему из которых в день моего отъезда исполнилось три года. Тогда Аджид-паша бросил меня здесь. И быть бы мне среди них, — он небрежно кивнул на остальных призраков, что прекратили свои танцы и столпились на почтительном расстоянии, внимая ему, — но явился ты и освободил меня. Теперь меня ждут, но прежде должен я вам помочь — без этого не будет моей душе спасения.

— Что все это означает? — Буян кивнул на призраков. Незаметно появившийся среди них белый щенок с рыжим пятном на боку смиренно ждал в сторонке.

— Это — хранители клада, — сказал призрак. — Все они были замурованы тут демоном, что служит Аджид-паше, и заколдованы сторожить сокровища от всякого, кто вынесет хотя бы одну крупицу. Этот щенок — и есть душа клада. Он заманивает сюда всех воров и искателей приключений, чтобы хранители убили их и присоединили к своей армии.

— Занятно, — кивнул Буян. — Вот бы и у нас где такое завести... А впрочем, что ж так души-то мучить — ни в пекло, ни в Ирий³², броди себе всю жизнь по золоту! С тоски подохнешь!

В толпе призраков неожиданно послышались звуки, напоминающие вздохи и стоны. Испугавшись, щенок сел на хвостик и заскулил.

— Как нам выйти отсюда? — заторопились все.

— Я проведу вас, только оставьте тут все, что хотели унести, — до крохи.

Сделать это было легче легкого. Призраки радостно загудели, когда несколько украшений и золотые монеты упали на пол, тут же затерявшись в гряде точно таких же. Только Синдбад выглядел удрученно.

— Вернуться в мир живых прекрасно, — вздохнул он. — Но на мне долг в пятьдесят тысяч динаров золотом, а срок истекает завтра в полдень. Добираться мне до Багдада восемь дней, да и то верхом на хорошем коне, а пешком в три раза дольше. Мне без денег в городе появляться нельзя, а с деньгами я все равно не успею...

— О том не горюй, — шепнул ему на ухо Буян. — Ты, я верно расслышал, моряк?

— Ну да, и если я не вернусь с деньгами, мой корабль пойдет с молотка и мой дом тоже, а мать моя и сестра окажутся на улице и будут жить подаянием. А сестра моя красива, и ее могут продать в рабство, если цена всего окажется ниже означенной...

— Выше нос! Если ты согласишься отвезти нас на своем корабле, куда прикажем, у тебя будут деньги и ты будешь с ними в Багдаде точно в срок.

— Ты колдун? — отшатнулся от него Синдбад.

— Я волхв, — поправил Буян. — Это важнее! Ну, по рукам?

— По рукам.

Тем временем призрак англичанина взмахнул рукой — и в пещере забрезжил слабый свет. Сначала люди не могли понять, откуда он исходит, и только потом разглядели, что светятся несколько щелей сбоку в стене. Щели становились все толще и длиннее, постепенно складываясь в силуэт двери. Когда они соединились, дверь не спеша открылась.

— Идите, — молвил призрак англичанина, — Она будет открыта лишь несколько

---

³² Ирии — в древнеславянской языческой традиции — рай.

мгновений.

Подхватив под руку Властимира, Буян первым устремился в проем. За ним Мечислав и Синдбад. Гаральд хотел было задержаться, но призрак махнул ему рукой:

— Я знаю, о чем ты хочешь спросить, соотечественник! Если будет угодно Господу, тебе будет знак о моей семье — если ты вернешься домой, судьба рано или поздно сведет тебя с кем-нибудь из моих сыновей. Ты узнаешь их.

— Но как?

— Не спрашивай. Вернись сначала домой!

И призрак повернулся, чтобы уйти. Гаральд посмотрел ему вслед.

— У меня есть два младших брата, — сказал он. И мой отец пропал восемь лет назад, когда младшему было три года.

Призрак остановился.

— А ты еще спрашивал у меня, как тебе узнать их, — изрек он загадочно и растаял во тьме.

ГЛАВА 20

Славяне и Синдбад ждали Гаральда в коридоре. Рыцарь шел, шутив голову. Он не заметил, что дверь закрылась, чуть не рихтив его длинные волосы. Не глядя ни на кого, он бросил шлем на пол и наподдал его ногой. Все выжидательно смотрели на него.

— Это был мой отец! — крикнул Гаральд. — Он пропал много лет назад, и мы ничего не знали о нем! А теперь я его сам в последний путь проводил. Вам случалось такое пережить?

Буян тихо подошел и обнял англичанина за плечи.

— Понимаем, не каменные, — сказал он ласково. — Моего отца я даже толком похоронить не смог — его как мятежника убили. У Властимира отец в бою погиб. А ты со своим виделся, получил от него благословение — тому и радуйся.. Душа его теперь там, где хорошо ей, — значит, не надо грустить о нем. А коли жаль тебе, что мало он с тобой побыл, так потом вспомнишь, когда время придет. Мы вместе помянем его по обычаю — он ведь всех нас вывел. А теперь скрепиться надо — дорога наша еще не кончена!

— Ты утешаешь меня, как ребенка, а я воин и рыцарь, — отмахнулся Гаральд, но не сбросил руки Буяна со своего плеча.

Пока они разговаривали, сметливый Синдбад осмотрелся.

— Клянусь бородой Магомета, ну и в чудное место мы попали! — воскликнул он.

Все обернулись на его крик и увидели, что они очутились в небольшой галерее. Все вокруг было выложено мрамором из земли Юнана, земли Румана и земли Египетской. На мраморе цвели цветы и порхали птицы — все это было украшено драгоценными камнями и золотом. Впереди, там, где кончалась галерея, слышались музыка, и песни, и звонкие женские голоса.

— Мы в гареме Аджид-паши, — сказал Буян. — Друзья, помните ту девушку? Она наверняка здесь. Мы можем ее поискать, и она подскажет нам, где выход.

Отправились они по галерее и, пройдя ее всю, поняли, что прав оказался Буян, ибо внизу, в зале, увидели они на коврах у фонтана девушек одна прекраснее другой, и было их более десяти. Были тут девушки из земель восточных, и из земель западных, и из земель южных, и из земель северных. Прислуживали им рабыни, а девушки разговаривали, играли на лютнях, пели и ели фрукты.

— Сама судьба нас зовет сюда, — сказал Синдбад и первым спрыгнул к девушкам.

Увидали они чужого человека, повскакали, закричали и заметались по залу. На их крики распахнулись все двери разом, и выбежали чернокожие рабы с саблями наголо. Но не успели они подбежать, как вслед за Синдбадом вниз спрыгнули остальные. Рабы бросились было на безоружных, но показалось им, что перед ними сами демоны. Славяне, словно бесплотные тени, ускользали от сабель, а удар их кулака валил навзничь. Что до рыцаря, то

сабли отскакивали от него, не оставляя и царапины на доспехах. Только Синдбад мог быть подходящим противником, но он так ловко увертывался, что черные рабы гонялись за ним, лишь теряя время. Славяне быстро справились с чернокожими.

Несколько девушек так и не смогли убежать и все это время простояли, сжавшись, за колоннами, огромными от удивления глазами глядя на странное побоище. Оглядевшись, победители заметили одну из них.

— Где здесь выход? — окликнули ее.

Девушка замотала головой, едва не заплакала от страха и махнула рукой куда-то в сторону.

Все невольно обратились туда и увидели в стене узорную дверь, сплетенную из тонких золотых полос. Дверь была непрочна и разлетелась от первого удара, и беглецы покинули гарем.

Не прошли они и десятка шагов, как поняли, что новый коридор был похож на те коридоры, по которым их вели в самом начале: здесь все было богато украшено, горели факелы в узорных гнездах, на полу пестрели циновки, стены закрывали ткани. Ясно было, что неподалеку находятся покои самого Аджид-паши. Путники не могли бежать из-за Властимира, а потому шли, останавливаясь на каждом повороте. Постепенно до их слуха стал доноситься шум в подземном дворце: далекий топот, гул голосов и крики. Чтобы проверить свою догадку, припал Буян ухом к стене и прислушался, а потом сказал:

— Река. Она поднимается все выше. Я слишком сильно ее позвал. Скоро вода будет здесь. Мы должны успеть.

Вскоре после того, как джинн умчался искать своих обидчиков, почувствовал Аджид-паша, что лежать ему мокро. Посмотрел он и увидел, что из щелей в полу появилась вода и что она уже промочила ковер под ним. Попробовал он отползти подальше, но далеко не смог уйти и, дотянувшись, потер лампу, чтобы вызвать джинна. Джинн тотчас же явился и, упав перед ним ниц, воскликнул:

— Зачем звал меня, повелитель? Я уже напал на след неверных в твоей сокровищнице, но мне пришлось бросить их там, когда можно было убить их сонными!

И закричал на него Аджид-паша:

— Ты только о мести думаешь, забыв, что нет им выхода из сокровищницы живыми по твоему же слову. Оставь их, а сам немедленно спасай меня! Я приказываю!

Поклонился было джинн и взмахнул руками, чтобы отнести своего хозяина подальше, но передумал и ответил:

— У твоих врагов есть прекрасные кони. Прикажи оседлать любого из них и скачи прочь. Я потом тебя догоню — не хочу я бросать врагов и лишаться счастья видеть их конец.

Глупец! — рассердился Аджид-паша. — Да меня теперь только слон поднимет, да и то недалеко пронесет. Как может вынести меня лошадь?

— А ты отдай приказ и сам увидишь, что будет!

Видя, что не слушается его джинн, велел ему Аджид-паша позвать слуг и рабов. Прибежали рабы и сперва ужаснулись виду своего хозяина — он лежал на боку и был высотой в полторы сажени. Да еще, на беду, все рос. Потом рабы поклонились и сказали, что действительно стоят в конюшне три коня невиданных — шерсть серебром да золотом переливается, гривы до земли стелются, копыта камни в порошок крошат, из ноздрей пламя и дым полыхают, от дыхания факелы гаснут, и все подойти к ним боятся.

Услыхал такое Аджид-паша и уверился, что сможет унести его любой из этих коней. Послал он джинна оседлать для него самого крепкого, а двух остальных привязать позади, на смену Отправился джинн на конюшню.

А на конюшне стояли шум, крики, суета, потому как между стойлами текла вода и бесновались все кони от страха, обрывая поводья.

Подлетел джинн к стойлам трех славянских коней и увидел, что стоят они спокойно, а вода течет у них с хвостов и грив и капает на пол. Захотел он взять всех троих и привести к

Ад-жид-паше.

Взялся джинн за поводья, и словно проснулись кони. Разом взвились на дыбы, заржали так, что слуги и рабы на колени попадали и бросились прочь. Не смог удержать сразу трех жеребцов джинн, и вырвались у него из рук кони и выскочили во двор.

Джинн полетел за ними быстрее ветра, но только поравнялся с конями, как кинулись они врассыпную, и он не сумел поймать ни одного. Кони за его спиной опять вместе сошлись и поскакали по двору. И там, где ударяли их копыта, оставались ямы в пол-локтя глубиной, быстро заполнявшиеся водой, а там, где летел их хвост, на камнях оставался черный след, словно горячей головней мазнули. Вскинули кони головы и заржали. От их ржания поднялся ветер и отбросил джинна на скалы. И взлетали они в воздух, как птицы, и неслись, как тучи грозовые.

Видя такое дело, многие разбойники, что служили Аджид-паше, сказали себе: “На беду притащил джинн этих странных чужеземцев; даже кони их что волки в овечьем стаде. Коли кони у них такие, что за люди эти иноверцы? Уже, наверное, погиб от них наш господин Аджид-паша, а значит, скоро и наш черед”. И, сказав себе так, стали все собирать вещи и поскакали из долины.

Испугался и джинн странной силы славянских коней и поспешил обратно к повелителю.

А славяне, а с ними Гаральд и Синдбад тем временем пробежали по коридорам и заметили дверь, настежь распахнутую. Заглянули они в нее осторожно и сразу узнали ту самую комнату, где их сперва накормил и напоил и, а потом обманули. Только никого на сей раз тут не было.

Зашли они внутрь и двери за собой притворили. Было здесь тихо и спокойно, угощения так и остались на столах да на скатертях разложены.

Не тратя времени, присели путешественники к столам и хорошо угостились. Подъев все, что понравилось, и попробовав вин, наполнил Буян бокал остатками и плеснул позади себя, приговаривая:

— Спасибочки дому этому, его духам — шурам-хранителям, что сохранили сердце доброе к чужестранцам, не в пример хозяевам! За угощение благодарствуем! — И бросил наполненный бокал назад через себя.

Тут же послышался глухой стон. Но не обратил никто на это внимания. А Буян сказал Синдбаду:

— Я слово свое держу — оглянись вокруг. В этих сундуках столько золота и драгоценностей, что хватит не только все долги уплатить, но и столько же еще в долг дать. Да немного про запас останется — как раз, чтобы семье твоей безбедно несколько лет прожить, а тебе новый корабль к походу снарядить. Забирай все, что унести сможешь, а уж в Багдад мы тебя как-нибудь доставим. Только уговор наш помнишь?

— Помню, — ответил ему Синдбад. — Мне бы только к завтрашнему полудню в городе быть — а уж там я куда хотите с вами отправлюсь. Вижу я, люди вы необычные, так, может, с вами я чего новое в свете встречу!

Поклонился он всем и каждому и пошел открывать все сундуки и шкатулки. Славяне и Гаральд, сидя в креслах, следили за ним.

— Вороватый парень, — молвил Буян. — Меня на пару лет помоложе, а ухватки — словно еще в материнской утробе чужое тащил. Связались мы с ним, так придется ухо держать востро — кабы не унес чего ценного.

— А здесь все такие, — неожиданно поддержал Гаральд. — Я немного побольше вашего здесь был, поэтому знаю: у них тут, почитай, у каждого десятого правая рука отрублена — за воровство. И люди те по улицам ходят, даже женятся — и никого это не удивляет...

— У нас вор или виру платит обиженному, или смерти придается, а дом его на поток и разграбление идет, — вспомнил Властимир.

— Дикий вы народ, — отрезал рыцарь.

— Зато вор десять раз подумает, прежде чем чужое тащить, — отмолвил Буян. — А тут — вон разбойников сколько! О чем только их князья думают?

— О девках...

Хотел Гаральд еще что-то добавить, но тут послышался испуганный крик. Вскочили все и увидели, что к ним несется Синдбад — от страха весь белый, глаза прыгают. Подлетел, упал на колени и Буяну в ноги вцепился.

Гаральд так тряхнул Синдбада, что у того зубы клацнули. Зато он немного успокоился и смог говорить.

— Чудовище! — выкрикнул он.

— Что ты мелешь? — закричал на него рыцарь. — Какое еще чудовище?

— Большое, — задыхаясь и стуча зубами, проговорил Синдбад. — Оно там лежит, за сундуками. Я бродил, искал подороже, чтоб много не тащить, вдруг за спиной — вздох, вроде как у кого-то в животе заурчало. Я обернулся, а оно на меня смотрит... Я много всяких чудовищ видел, но такое даже в страшном сне не привидится.

— Какое оно? Как выглядит?

— Огромное, — Синдбад вытянул руки вверх, — и толстое, как розовый слон... как два розовых слона... И колышется... Не видать мне родного Багдада, если я вру, — заключил Синдбад.

Все покосились на гору сундуков, что отгораживала от славян дальнюю половину пещеры, где царил зловещий полумрак. Все было тихо, и решили путники, что Синдбаду померещилось.

— Чудовищ тут в сокровищнице хватает, это мы знаем, — решительно сказал Гаральд. — Бери свой мешок, и пошли.

— Мешок-то мой там. — Синдбад махнул рукой назад, — У чудовища. Я его выронил... Сходите кто-нибудь со мною...

— До чего ты трус, Синдбад, а еще мореход! — устыдил его Буян. — Отчего не сходить — у Аджида мог жить кто-нибудь диковинный.

Сходить с Синдбадом вызвался Мечислав. Они вместе зашли за сундуки — и почти сразу послышался голос юноши: он звал остальных.

Все тотчас же откликнулись на зов. Увидели они огромное желто-розовое нечто высотой выше любого человека. Оно было таким толстым, что колыхалось при каждом движении. Было в нем что-то очень знакомое. А когда оно увидело пришедших и подалось вперед, пытаясь заговорить, все узнали его.

Раздался дружный хохот. Чудовище затрясло бородой — раздраженное, жирное дрожащее лицо его покраснело, все тело заколыхалось, оно протянуло похожие на две свиные туши руки к весельчакам, и лающие звуки вырвались из его широкого уродливого рта.

Славяне все смеялись. Не выдержал Синдбад и воскликнул:

— Скажите мне, в чем причина вашего веселья? Знакомы ли вы с ним? Друг оно вам?

Буян вытер слезы.

— Не друг оно нам, мореход, — промолвил он, — но знакомы мы с ним не понаслышке. Это чудовище — и есть Аджид-паша. Подойди и посмотри, каким он стал!

Приблизился Синдбад, осматривая розовую тушу. А Аджид-паша собрал силы и с трудом, так как жирная грудь плохо слушалась, ответил:

— Ты меня таким сделал, колдун! Маг! Неверная собака! Немедленно открой мне секрет, как излечиться?

— А что ты сделал? — Буян еле сдерживался, чтобы не смеяться.

— Я воду, что ты живой называл, выпил, — прохрипел Ад-жид. — Хотел красоту и молодость обрести, а получилось вот что. Ты обманул меня и спасти свою шкуру сможешь, только если немедленно откроешь мне тайну, как мне излечиться.

— А с чего это я должен тебе секрет открывать? Мы тоже в путь за живой водой

собрались — другу моему, князю Резанскому, глаза вернуть утраченные. Он без них не сможет врага из города своего изгнать, народу своему спасение принести. А тебе на что живая вода? Новые беды творить? Молодость обрета, ты и не за такое примешься — от тебя никому покоя не будет!

Говорил Буян, а Аджид-паша все свирепел и краснел, так что испугались все, что лопнет он, и подальше отошли на всякий случай. Синдбад свой мешок к груди прижимал — если погибать, то уж с золотом. И только Буян стоял перед Аджидом как ни в чем не бывало.

— Добром не скажешь — заставлю силой! — рассвирепел Аджид-паша.

— Силой? — в лицо ему рассмеялся Буян. — Да, ты велик ныне, но сила твоя мертвая. От водицы этой, что ты испил, у самого Святогора силы ушли, а он богатырь был — посильнее и постатнее тебя!

— Рано хвастаешься! — Аджид с усилием выдернул из-под складок жирной груди небольшую лампу.

Увидев ее, Синдбад опять испугался, бросился к остальным и зашептал:

— Конец нам всем! В этой лампе джинн живет. Если призовет его Аджид-паша, всех он убьет, а Буяна первого.

Гусляр услышал его слова и отступил, а Аджид-паша обрадовался:

— Ага! Вот ты и попался! Говори, коли жизнь тебе дорога! Взял он лампу одной рукой, а другую положил на ее стеклянный бок.

Увидел этот жест Синдбад и зашептал друзьям:

— Если он потрет лампу, джинн явится, даже пусть он будет на другом конце земли, за горами Каф. У меня самого как-то была такая лампа, уж я знаю...

Ты сказал бы лучше, как ему помешать? — остановил морехода Гаральд.

— Отнять лампу, пока он... Поздно!

Все обернулись на крик и увидели, что, не дождавшись от Буяна ни одного слова, Аджид-паша стал тереть лампу. И повалил из нее дым, и собрался он в одном месте, как раз рядом, и стал принимать форму человеческой фигуры. И чем больше тер Аджид лампу, тем быстрее дым превращался в джинна. И захохотал джинн, хотя еще не весь был тут:

— Вот вы и попались наконец! Долго вы от меня бегали, но теперь-то уж не уйдете! Позвал ты меня, хозяин, вовремя — но не выполню я и самого простого приказа, пока не получу кровь хоть одного из них.

— А я для того тебя и позвал, чтобы ты получил их кровь, — ответил, задыхаясь, Аджид-паша. — Убей любого из них прямо тут, только этого вот не трогай — чтобы успел он подумать, как меня исцелить.

Захохотал джинн еще громче и пошел на людей, чтобы поймать одного из них.

И вдруг растолкал всех Синдбад и, бросив мешок с драгоценностями, сам кинулся на джинна. Тот тут же схватил его и поднял в воздух, чтобы ударить о землю. Все невольно опустили головы, чтобы не видеть смерти морехода, а он закричал:

— Эй! Слушайте! Джинн подчиняется только тому, у кого в руках лампа!

— Правильно, но у тебя-то ее нет! — прервал его джинн и размахнулся.

Путники успели понять намек Синдбада. Бросились на Аджида Буян и Гаральд. Не смог противостоять им Аджид — запыхался и устал, пока говорил и тер лампу. Прижал его коленом Гаральд, а гусляр вывернул жирные руки и бросил лампу Мечиславу:

— Лови!

Перехватил гоноша лампу и поднял, показывая джинну:

— Гляди и подчиняйся нам!

Увидел джинн лампу свою в руках отрока и замер, словно окаменел.

— Что прикажешь, повелитель? — промолвил он.

А Синдбад кивал Мечиславу и показывал на землю.

— Опусты нашего друга на землю, не причиняя вреда, и отойди от него!

Тут же поставил джинн Синдбада на пол, мешок ему вручил и в сторонку отступил.

— Что еще прикажет повелитель? — спросил он. — Желает он, чтобы я построил город

или разрушил его? Желает он стать владыкой мира или побывать в обители блаженных? Хочет он перенестись в какое-либо место на земле?.. Я все исполню!

Заколебался Мечислав и посмотрел на остальных.

— Что мне с ним делать? — спросил он, — Может, попросить, чтобы он для Властимира живой воды достал?

— Это я могу, — обрадовался джинн. — Только пару дней переждать придется, пока я ее проверю... Мне отправляться?

— Нет! — крикнул Буян, как с горы, съезжая с жирной туши Аджида. — Мечислав, прикажи ему остаться — не хватало еще, чтобы он и с Властимиром что-нибудь сделал такое же.

— Это верно, — вставил Синдбад. — А лучше всего нам избавиться от него — я джинов хорошо знаю. Пока за ними следишь, они все для тебя делают, а чуть я отвернулся... мой джинн забросил меня на необитаемый остров. Хорошо, мимо корабль проходил и меня спасли!

— Это был не я! — вскрикнул джинн. — Кто угодно, может, даже брат мой, но не я! Нас, джинов, знаете сколько?..

— Знаем, — отмахнулся Буян. — Вас, навья, издавна было больше, чем надобно. С вами знаваться — себя губить... Прав Синдбад — надо от него избавиться...

— Пока он не избавился от нас, — неожиданно сказал Гаральд.

Все разом обернулись и успели увидеть, как джинн, уверенный, что на него никто не смотрит, подкрадывается к Мечиславу. Упрежденный возгласом Гаральда юноша увернулся, прижав лампу к груди, но джинн ловко дернул на себя коврик, на котором он стоял, и Мечислав упал. Лампа покатилась по полу, и Аджид-паша с радостным воплем бросился к ней, извиваясь при каждом движении, как большой червяк.

— Теперь, когда лампа не принадлежит никому, я расправлюсь с вами со всеми! — закричал джинн. — И первой умрет эта туша!

Он вздернул Аджид-пашу за ноги и закрутил над головой, намереваясь ударить о стену.

— Что ты делаешь? — закричал тот. — Опусти меня немедленно! Я приказываю!..

— Повтори свой приказ в преисподней! — крикнул джинн и разжал руки. — Я плохо слышу сегодня!

И полетел Аджид-паша, и ударился о камни — только кровь в стороны брызнула.

— Нет больше у меня хозяина! — закричал джинн. — Сам я себе господин!

— Верно ты сказал, — прозвучал тут голос. — Хозяина нет, но пока еще есть лампа. И она цела...

Обернулся джинн и увидел, что, пока его руки были заняты Аджид-пашой, подкрался Синдбад и взял лампу. Поднял он ее над головой и сказал:

— Теперь прощайся с жизнью, потому как я твоим словам не поверю!

Д упал перед ним джинн на колени, и стал целовать землю и умолять:

Не трогай лампы, прошу тебя! Если будет в ней хоть одна щина, лишусь я части своей силы, а если разобьется она — тут и конец мне. Не трогай ее — я буду тебе вечным рабом!

И, видя, как упрашивает он Синдбада, пожалели его было славяне, но мореход не посмотрел в их сторону и сказал:

— Я такого уже наслушался, замолчи.

— погоди, — опять взмолился джинн. — Если ты разобьешь лампу, я, конечно, умру, но буду отмщен — река подземная взбунтовалась. Я чую ее — скоро она будет здесь. В тот миг, когда я умру, треснет от силы моей смерти камень стен, и вода уничтожит вас. А если вы отступитесь и оставите мне жизнь, я смогу спасти вас.

— Река и правда приближается, — молвил Буян, — но с ней мы уж как-нибудь сами разберемся.

— Я согласен, — сказал Синдбад, — не станет он нас спасать. Я их знаю!

И, размахнувшись, бросил лампу.

Страшно закричал джинн и ринулся за нею, чтобы поймать ее прежде, чем она

ударится о скалу, но опоздал всего на миг — врезалась лампа в камень, и треснула стена. Вслед за ней трещины пошли по самому джину, словно был он из камня. Закричал он страшным голосом, заметался, но трещины росли, увеличивая его муки. Упал он наземь, забился в крике, но трещины становились все больше. И тогда рассыпался джин на мелкие части, как каменная статуя. Полетели осколки в разные стороны, ударились о стены, и стены тоже треснули. А в трещинах показалась вода, и полилась она так быстро, что люди оцепенели и только смотрели, как заливает она сундуки, опрокидывая кресла и столики.

— Бежим! — первым опомнился Синдбад, который только и думал о мешке с ценностями.

Бросились все прочь из покоев и побежали туда, где в конце коридора горел слабый свет.

Они бежали, не думая ни о чем, а за ними по пятам гналась вода, заливая все на своем пути.

Подбежали славяне к конюшне и увидели, что скачут трое их коней, гривами, как бичами, хлещут, хвосты по земле стелются, из ноздрей дым валит, изо рта пламя вылетает, копыта камни в труху превращают. Все от них разбегаются.

Увидев эти забавы, Буян всплеснул руками и воскликнул:

— Аи, хороших коников нам друзья наши пожаловали! С такими нигде не пропадешь... Эй вы, господа хорошие, — кричал он и пошел к ним, — не хватит ли все крушить и ломать? Оставьте и воде мутной хоть что-нибудь довершить, не ссорьтесь с нею. А сами-ка к нам собирайтесь — нам до вас нужда! Эй, кони-скакуны, серы и стройны, станьте предо мной, как лист перед травой!

И свистнул он так, что непривычные Гаральд и Синдбад заткнули уши.

Первым услышал его свист Облак. Заржал он весело, зубами рыжевато-Гуслярова горячего коня за гриву ухватил и потащил к людям. Тот чуть не упал, копыта задрал, но потом сам поскакал, пытаясь на бегу высвободиться из Облаковых зубов. Но тот держал его крепко и отпустил лишь тогда, когда гусляр ухватился за гриву своего жеребца. А серый конь Мечислава заревел, взвился птицей под небеса, а потом камнем пал в ноги юноше и стал, как собака, к нему ластиться.

Огромными глазами смотрели на это Гаральд и Синдбад.

— Никак, морские кони кобыл ваших крыли, — прошептал мореход. — Где ж это видано, чтоб жеребцы прилетали по зову, как птицы?

— Это у нас, в землях наших, такое только случается, — весело сказал ему Буян, вскакивая на спину своего коня. — Потому как наша земля такими чудесами полна, о каких у вас и не слыхивали... Но не время болтать — ты вроде как торопишься к сроку поспеть в город свой? Садись в седло позади любого из нас да держись крепче — вмиг домчим!.. Или ты боишься?

Часть II

ГЛАВА 1

Заночевали они в Багдаде. Кони в несколько часов домчали своих хозяев до города. Остановились только однажды — когда непривычному к перелетам Гаральду ни с того ни с сего стало дурно. Синдбаду это было не в диковинку — как выяснилось, он уже летал — верхом на огромной птице Роух — и даже успел побывать под водой во дворце Шейха моря. Всю дорогу он рассказывал славянам о своих приключениях, не забывая отмечать, какие он выдумал сам, чтобы завлечь слушателей, какие произошли на самом деле, а какие ему приписывала молва. И рассказы его текли так плавно и складно, что заслушались все и едва не пролетели мимо Багдада.

Град стоял у берега реки, и во тьме было видно, что причалов ждут утра корабли. По

знаку Синдбада снизились всадники над ними, и указал мореход на один из кораблей, что с виду не отличался от прочих — разве что был покрепче иных, — и сказал, что это и есть его судно и что это на нем, если захочет Аллах великий, они и отправятся в путь.

Но пока о том думать было рано. Ни одна живая душа не заметила, как легко и бесшумно, словно три джинна, опустили три коня на двор Синдбада. И пока гости заводили лошадей под навес и отсыпали им зерна, Синдбад прокрался в дом и обрадовал свою мать и сестру. Он коротко рассказал им, что приключилось с ним в пещерах, а обо всем прочем поведал женщинам Буян, когда гостей позвали в дом.

Разговоры продолжались еще так долго, что наутро мореход едва не проспал полдень — время, когда должны были прийти к нему за долгом. Разбуженный стуком в ворота, он выскочил на улицу к купцам, оставив гостей подсматривать в щель за тем, как он сперва в притворном огорчении и ужасе перед наказанием валялся в пыли у ног заимодавцев, целуя землю и причитая, а потом, когда они уже велели страже взять его, вдруг засуетился, припоминая, что будто бы у него есть немного денег, чтобы ему дали отсрочку еще хотя бы на два-три дня. Получив разрешение принести то, что удалось скопить, он бросился в дом и скоро вынес мешок с золотом. Словно опасаясь, что тот может выпасть, он долго не решался его отдать, а когда отдал, выронил, и золото рассыпалось. Славяне от души посмеялись, видя, как удивились купцы, как жадно кинулись они на землю подбирать деньги. Они дрались между собой, а Синдбад стоял над ними, и только чуть заметная усмешка трогала его тонкие губы.

После того дня началась у всех новая жизнь. И когда Синдбад все успевал — оставалось загадкой. Он то целыми днями ездил по базару, договариваясь с купцами и корабельщиками, то устраивал пиры в честь своих гостей, приглашая танцовщиц и певцов, то бродил по причалу, следя, как готовят его корабль к путешествию, и еще он успевал показывать славянам Багдад и рассказывать о его диковинках.

Благодаря его необычайному рвению уже через неделю путники смогли отплыть к острову Буяну.

С севера дни и ночи напролет дули ветра. Прилетали они издалека, из земель, которые были родными трем из четырех гостей Синдбада. Трое славян радовались каждому их порыву, несущему прохладу, и вслушивались в знакомые голоса, словно принесли ветра восточки от родных и любимых. Но корабль торопился не на север, а на юг — вниз по течению реки, а потом по заливу в открытое море.

Чудные, непонятные люди — славяне — часто и подолгу задерживались на носу корабля. Буян стоял там чаще прочих, и даже не все его спутники точно знали, что он там делает. Лишь один или два матроса приметили, что он часами стоит, вскинув руки к небу, и что-то шепчет одними губами. Иногда можно было разобрать слова, но что они означали — не догадывался никто. И все же, пока по ночам гусяр оставался на носу корабля, ветер не стихал и нес судно на юг.

Миновало почти два десятка дней пути, и перед путешественниками открылось море-Океан. Куда ни глянь, всюду была ровная гладь ярко-синей воды. Лишь на горизонте ветра колыхали облака, строя из них дома, башни, чудесные сады. Под поверхность воды можно было заметить морских чудовищ, бывалый Синдбад поражал гостей рассказами о них.

А вокруг расстилалось море-Океан, все так же ровное и пустое — ни острова, ни другого корабля — только вода и небо. И один день стал до того похож на другой, что это встревожило Синдбада.

— Не нравится мне все это, — сказал однажды гостям Синдбад. — Уж больно тихо все — жди беды.

Он огляделся вокруг — Океан был смирен, как уснувший ребенок. Только ветер влек по воде одинокий корабль да неподалеку играли в воде дельфины.

— Я согласен с Синдбадом, — вставил Гаральд. — Не доверяю я морю. И вообще, я предлагал путь по земле...

— Это потому, что ты сам тяжел, — со смехом возразил ему Буян. — Ты, когда железо свое наденешь, до того неповоротлив становишься — и медведь перед спячкой проворнее тебя будет!

Гаральд со дня приезда в Багдад из-за жары не надевал доспехов. Кроме узких кожаных штанов на нем была рубашка тонкого полотна с низким вырезом. Английский рыцарь стал очень похож на матроса, а потому слова гусляра воспринял как вызов.

— Ты свои шуточки оставь! — взвился он, хватаясь за кинжал. — Ни один рыцарь в море не выйдет... Норманны, конечно, не в счет, но то не рыцари — так, сброд всякий, простолюдины...

— Услыхали б тебя норманны, заставили б пожалеть о таких словах, — раздумчиво молвил Властимир, на голоса встречаая меж спорщиками. — У меня зять норманн, государь земли славянской Рюрик — из норманнов. А по земле до Буяна нипочем не добратся — остров то ведь...

И хотел уж было Гаральд возразить князю на его слова, но тут остановил их Синдбад.

— Говорил же я, что придется нам худо, — сказал мореход. — Поглядите-ка, дельфины куда-то делись!

Он указывал на море, и все, обратившись в ту сторону, заметили, что поблизости нет ни одной гладкой блестящей спины этих странных непугливых животных.

— Они могли куда-нибудь уплыть, — предположил Гаральд. — Что с глупой твари взять?

— Не скажи! — Синдбад, подавшись вперед, осматривал оком, — Они что-то учуяли, но что — не пойму! Может, шторм идет?

И вдруг корабль качнуло с борта на борт, словно он решил потянуться. Все разом посмотрели вниз, на воду, — и никто не смог вымолвить ни слова.

Под кораблем мерно покачивалось какое-то животное. Оно не спешило ни отплывать, ни двигаться дальше — просто висело в воде в тени корабля и шевелило плавниками. Сквозь сине-зеленую воду с серебристыми рябинками мерцали и переливались его глаза. Казалось, что глазами усеяно все чудовище, от носа, на котором шевелились длинные тонкие белые усы, до хвоста вдоль всего гибкого тела. Существо время от времени прижималось спиной к днищу корабля, отчего тот вздрагивал как живой.

Синдбад отпрянул от борта первым и сказал:

— Сколько лет плаваю, а такого еще не видел... Кто-нибудь знает, что это такое?

Гаральд вздрогнул, словно указали прямо на него.

— Одно могу сказать, — произнес он наконец, — говорят, что в море живет чудище Левиафан, помощник самого дьявола...

— Ты опять? — напустился на него Буян. — Доколи ты будешь поминать его? Не надоело? Что он тебе везде мерещится?

В доказательство своей правоты гусляр перегнулся через борт и попытался черпануть воду рукой.

Забыв о недавней вражде, рыцарь бросился к нему и оттащил подальше.

— Жить надоело? — закричал он. — Или что доказать мне хочешь? Проглотит и не заметит...

— Буян прав, — вдруг сказал Мечислав. — Оно смиренное, как корова... Просто ему на глубине одиноко и страшно, вот оно и выплыло на голоса. Или мамку свою искало, а прибилося к нам...

Юноша перегнулся через борт и захватил рукой один из усов чудовища. Теперь он, свесившись вниз, осторожно поглаживал его, словно щенка, и щекотал, а чудовище пыталось выставить из воды голову.

Забыв о споре, Буян и Гаральд подбежали к отроку.

— Он там один боится, — объяснил тот, кивая на чудовище.

— Не смей, — отрезал гусляр. — Он — и боится? Это его все боятся...

— А он боится темноты и холода, — возразил Мечислав. — Он маленький еще, а

мамка уплыла...

Его слова были встречены смехом — даже Буян хохотал, размазывая слезы по щекам. Не смеялся только сам Мечислав. С пылающими щеками он переводил взгляд то на одного, то на другого весельчака, и в его синих глазах загорался гнев.

— Вы! — закричал он вдруг. — Вы все думаете, я еще ребенок, что глупыми сказками живет? А вы просто проверить не можете... Вы подумайте сами — для чего я в дорогу-то просился? Только ли на мир посмотреть? А что мой отец волхв, то все забыли?

И, словно защищая знакомя, над бортом взвилась голова чудовища.

Все разом перестали смеяться. Узкая многоглазая голова покачивалась над кораблем, шевеля усами, а вода текла с нее на палубу. Мечислав, не выпуская уса из руки, кинулся к чудовищу.

— Уходи, — замахал он руками. — Они боятся тебя, уйди под воду!

Странно было видеть, как он пытается остановить гиганта, но существо вдруг утробно вздохнуло и плавно опустилось в океан. Корабль качнуло. Ус выскользнул из рук юноши и белой змеей уполз в воду.

Мечислав смотрел победителем.

— Ну что? Будете надо мной смеяться?

Гаральд махнул рукой, отходя, а Буян почесал затылок.

— Две вещи для меня непонятны, — сознался он, — Почему он к тебе пришел...

— Сам того не ведаю, — поспешно ответил Мечислав. Я видел, как он плывет за нами, торопится, и подумал, что он волнуется и боится опоздать. А потом вдруг понял, что так оно и есть.

— И вторая, — продолжал Буян, словно не слушая юноши. — Если это детеныш, то какова же мать его?

— О том и я все думаю, — содрогнулся Синдбад. — Мы только в Океан выплыли, а тут на тебе!.. Такие звери...

Корабль опять качнуло, и все бросились к бортам. Это чудовище толкало судно снизу своей огромной головой.

— Оно тебя вызывает, Мечислав, — определил Буян. — Иначе и быть не может...

Юноша отскочил от борта и замахал руками.

— Но ведь вы не бросите меня ему? — воскликнул он.

— А почему бы и нет, если ты не уговоришь его уйти отсюда. Хоть и говорил Буян спокойно и не чувствовалось в голосе его зла, моряки приняли его слова за чистую монету, и все разом пошли на юношу. Тот отступил, косясь по сторонам, пока не почувствовал, как кто-то схватил его сзади за плечи. Мечислав вскрикнул и рванулся прочь, но его держали крепко. Он рванулся сильнее, и тогда его развернули — юноша лицом к лицу столкнулся с Властимиром. Слепой князь стоял у борта на другой стороне, и Мечислав просто наткнулся на него.

Не говоря ни слова, Властимир обнял сопротивляющегося Мечислава.

— Пустите меня, — попросил юноша. — Они меня бросят за борт!

— Они этого не сделают, — уверенно сказал Властимир, — если Синдбад, конечно, может приказывать своим людям.

Пристыженный Синдбад кинулся разгонять матросов, посылая кого в трюм, кого на мачты — выравнивать паруса, кого наводить порядок на корабле. Тем временем Властимир и припавший к его плечу Мечислав стояли у борта. Когда суматоха немного поутихла, князь подозвал Буяна.

— Что это за чудище? — спросил он, когда шаги гусяра замерли совсем близко.

— Мечислав говорит, что это детеныш, — ответил тот. — Я о нем только истории слыхал да сам пел, а в песне ложь и правда рядом идут — поди разберись, что рассказчик от себя добавил, а что так оставил. Говорят так: сказка — ложь, да в ней намек. Частенько только намек правдой бывает, а гусяр знай повторяй да пересказывай!

— Виляешь без дела, как след заячий, — огмолвил Властимир. — Могу я поверить

еще, что ты в детеныше взрослого зверя не признал, так скажи мне, откуда мог приплыть он? Не у берегов ли Буян-острова такие водятся?

И едва он сказал это, сразу стало всем понятно, куда клонил резанец.

— Может, и оттуда, княже, а может, Владыка морей про нас так выпрашивает — кто и откуда идет. Ежели верно последнее, то надлежит нам ему выплатить дани-выходы да объявить, кто мы и зачем в его владения пожаловали. Коли наш дар ему по нраву придется, покажет он дорогу к Буян-острову самую короткую.

Позвали Синдбада. Он очень удивился, услышав, что и славяне знают про Шейха моря. Буян с одобрения Властимира потребовал с морехода бочку вина да ткань. Прямо на палубе бочку закатали в материю, и трое самых сильных матросов подволокли ее к борту. Перевесившись через край, Мечислав постучал веслом по воде, и опять над водой оказалась голова чудовища. Вынырнув, оно покачало головищей из стороны в сторону, словно ища чего-то. Мечислав пощекотал у него нос, и оно открыло пасть. Тогда матросы, подняв бочку, метнули ее в пасть громадины. Бочка попала точно меж клыков, и чудовище закрыло рот, а потом нырнуло так же быстро и бесшумно, как и всплыло, — только круги пошли по воде.

Свесившись через борт, люди следили за гигантом. Белый силуэт чудовища медленно погружался под воду, будто таял в сине-зеленой тьме. Наконец он пропал, и все вздохнули свободно.

— Ну, убралось-таки! — воскликнул Синдбад. — Надеюсь, оно не вернется!

— Непременно вернется, если ему не понравится твое вино, капитан, — промолвил один из матросов. — Или наоборот... оно явится за второй бочкой...

— Его послал Шейх моря, — возразил Синдбад. — Он должен быть доволен таким даром — ему ведь многого не требуется, а мы только вышли в море и еще не успели ничего наторговать. На обратном пути, если сохранит он нас по воле и приказу Аллаха великого, мы ему добавим чего-нибудь.

— Отец как-то с одним новгородцем плавал, — вспомнил Буян, — так тот к этому самому Шейху под воду спускался. Был тот человек и купец, и на гусях игрец. В молодые годы ходил он за моря дальние, в земли диковинные, а на пути обратном застигла их буря. Тогда тот купец и пошел с водяником договариваться. Пробыл он у него во дворце целый год без малого, а потом и отпустил его водяной — да еще и дочку свою в жены дал, Черनावу. На дочери того купца и женился мой отец, — закончил он тише.

— Это что же выходит, друг-гусяр, — окликнул его Властимир, — ты мне про такую родню знатную не рассказывал! Думал я, ты природный новгородец, а ты чуть ли не самого водяного правнук!

Сказал он это по-славянски, а потому ни матросы, ни Синдбад, ни даже Гаральд не поняли ни единого его слова. Буян же, услышав слова князя, ничего на это не ответил, только отмахнулся от разговора.

До ночи северный ветер гнал корабль то на юг, то к востоку. Порой налетал он такими порывами, что моряки ожидали к утру шторма и неустанно молились, чтобы ветер ослаб. К полуночи он стих и смягчился, и все возликовали.

Но наутро, когда только поднялось солнце, оказалось, что за ночь ветер исчез вовсе. Корабль покачивался на глади моря, как задремавший лебедь, и паруса его висели тряпками до самой палубы.

Славян разбудили голоса и шаги — все наверху так шумели, что гости сразу почуяли неладное. Они поднялись на палубу и увидели, что все матросы и капитан стоят на носу корабля и горячо спорят. Что-то вставало перед судном, но видение было плохо заметно.

И славяне бросились в толпу, растолкали матросов и пробились к самому борту, где стоял Синдбад. Бывалый мореход не сводил зачарованных глаз с горизонта. В глазах его застыло удивление, а лицо было белым от ужаса.

Буян уже хотел спросить, что его так удивило, но взглянул в ту же сторону и замер.

Кругом было неподвижное море — вода застыла, будто скованная льдом. Нос корабля

смотрел на восток, где сейчас, словно огромный костер, горел рассвет. Половина неба полыхала розовыми, золотыми, огненными бликами, а бледно-голубые облака клубились, загораясь нарождающееся солнце. Они непрерывно двигались, меняли очертания и величину. Перед глазами людей раскинулся остров со скалистыми берегами и горными вершинами, осененными лесом. Горы осели, свернулись — и вот уже вместо них в воздухе возникли деревья, корнями уходящие под воду. Казалось, можно различить каждый листочек на самых тонких веточках и спящих птиц в зарослях, но деревья опять зашевелились, вытянулись — и в небе появились башни и шпили огромного прекрасного замка со стягами наверху.

Увидев этот замок, Гаральд вдруг побледнел и отпрянул от борта, крестясь.

— Моргана! — воскликнул он тихо.

— Кто-кто?

— Волшебница Моргана, — ответил рыцарь. — Когда-то, несколько веков назад, на английских островах жил король Артур. Он остался сиротой во младенчестве, и было предсказано одним жрецом-друидом, что он станет правителем, если выживет. И тогда из моря вышли двое: волшебник по имени Мерлин и волшебница Моргана. Моргана хотела погубить Артура, но Мерлин защитил его и сослал Моргану в море. Вечно она теперь живет в замке посреди Океана, и горе тому, кто попадет на ее зачарованный остров...

Услышали его слова матросы и заволновались, ибо ветра по-прежнему не было, а корабль, непонятно почему, сам двигался в сторону прекрасных башен.

Неожиданно до людей долетели какие-то новые звуки. И Гаральд быстро рассеял все сомнения.

— Это точно замок феи Морганы, — сказал он, — То ее песня слышится нам. Волшебница поет в своей башне и так привлекает мореходов, что оказываются в пределах ее досягаемости. Тот, кто услышал песню, уже не может спастись.

Все поверили его словам, ибо никто не понимал ни единого слова, а нежный юный голос, полный тепла и любви, становился все сильнее.

И вдруг Буян, точно его укусила оса, подскочил и бросился вперед. Все решили, что гусяр поддался чарам волшебницы, но посмотрели в ту сторону и увидели, что замок Морганы опять успел изменить очертания — теперь это было высокое тонкое дерево с висящими до земли ветвями. Вокруг него кружила птица с человеческой головой, юная и прекрасная, со вспыхивающим оперением и ожерельем на груди. Голос птицы был так нежен и сладок, что все забыли о Моргане и близкой гибели.

Властимир протянул руки, зовя Буяна.

— Что там такое? — молвил он. — Вроде знаком мне этот голос. Уж не Сирин/ ли смертоносная?..

Гусяр обернулся к другу и ободряюще сжал ему руку:

— Не Сирин³³ то, друже,—то сестра ее, Хорсова вестница, сама Алконост³⁴ златогласая. Раз в сто лет прилетает она на землю и поет для нее, и в это время, пока она поет, на земле останавливается все злое и неправое...

В это время громче донесся голос Алконост, и все стихли, слушая птицу. И она пела, а под звуки ее песни над морем собирались облака, и в них вставало солнце, призываемое ею:

Солнце-витязь с сестрою Зоренькой! Вся земля встает ото сна. Погляди из-за синя облака — по тебе стосковалась она. Подними золотую голову, очи-стрелы спусти с небес.

---

³³ Сирин — в средневековой мифологии райская птица-дева. В русских Духовных стихах Сирин, спускаясь из рая на землю, зачаровывает людей своим пением. Тысяча лет для слушающего Сирин проходит как один день.

³⁴ Алконост — в византийских и славянских средневековых легендах райская птица с человеческим лицом. Пение Алконост настолько прекрасно, что услышавший его забывает обо всем на свете.

Пусть теплом долины наполнятся, пусть вздохнет свободнее лес. Моря гладь волною качается, в вихрях пены огонь и страсть. В этот час все разлуки кончаются. Витязь-Солнце, порадай нас! Подхлестни коней золотой плеточкой, головой кудрявой тряхни. Пусть же ночь поскорее кончится, и ее погаснут огни!

И остановилась Алконост, чтобы набрать воздуха в грудь для продолжения песни, но в этот миг, когда она уже готова была опять запеть, вскочил Буян на самый борт корабля и подхватил ее песню:

Солнце-витязь, идущий по небу! Вся земля тебе славу поет. Все на свете тобой напоено — светлой славою, словно мед...

Услышала Алконост незнакомый высокий и чистый голос, замолчала она и взлетела с дерева. С высоты увидела она корабль, подлетела к нему и зависла над ним в небе. А от взмахов ее крыльев заколыхалось море спокойное, и корабль с места сдвинулся.

Оглянулась Алконост и, узнав Буяна, заговорила с ним:

— Уж ты гой еси, добрый молодец! Добрый молодец, не знакомый мне! Чудны речи я слышу, дивны речи, силой слова наполнены. Ты ответь, незнакомый молодец, кто ты есть и пришел откуда?

Услышав от птицы такие слова, осмелели все и подошли ближе, а гусяр ответил:

— Алконост ты наш, птица вещая, провозвестница славы Ирия, люди мы для тебя знакомые — из земель, что зовут славянскими. Я — Буян, гусяр из Новгорода, друг мой — князь из города Резани. Мы в чужие края отправились, чтоб найти родник с живой водой. Ты скажи, Алконост, птица вещая, где найти его — если есть он где...

Удивилась его речам Алконост, головой покачала и молвила:

— Дело вы затеяли трудное. Я слыхала уже о тебе, Буян-гусяр, и о друге твоём, резанском витязе. Знаю я и о беде, что приключилась в Резани. Отвезу я вас к тому острову — до него моим крыльям полету три дня без малого, а кораблю плыть три месяца.

Закружила Алконост над кораблем, а корабельщики столпились, рассматривая ее. Птица могла бы легко поднять на своих крыльях двух-трех людей, а может, и больше. Но славяне ни за что не хотели бросать своих лошадей — всех троих они еще в Багдаде поставили в трюм Синдбадова корабля.

— Я еще никогда не ездил на таких птицах, — сознался Синдбад. — Птица Роух меня носила, но только одного. А чтобы поднять весь корабль — не помню такого.

— Вы ответите мне, что надумали? — заговорила Алконост, — Мне пора лететь к тому острову, мне так долго вас ждать не получится!

— Летите на ней, — предложил Синдбад славянам. — Она вас доставит к острову, а мы после подойдем!

— Слушай-ка, Синдбад, — подумав, спросил гусяр, — а какой длины у тебя корабельная цепь?

— А при чем тут она?

— Алконост может нас оттащить до места, если мы дадим ей конец!

Синдбад удивленно почесал затылок:

— Но у нас никогда цепи так не использовали...

— Это потому, что вы никогда не сталкивались со славянами, — решительно отмолвил гусяр.

— Слушай его, — шепнул Властимир недоумевающему Синдбаду, — я его знаю: он редко ошибается.

Алконост с первого взгляда поняла, что хочет от нее Буян. Она осторожно спустилась на борт корабля, от чего тот накренился, чуть не черпая воду. Гусяр отцепил камень, служивший Синдбаду якорем, и обмотал лапу птицы цепью. Алконост пошевелила лапой, проверяя крепость узла, и взлетела.

Корабль рвануло вслед за нею, и весьма немногие удержались на ногах от первого толчка. Цепь оказалась коротка; когда она натянулась до отказа, вышло, что хвостом Алконост все равно почти касается высоко выточенного носа судна, а крыльями едва не бьет по воде. При каждом взмахе ее крыльев поднимался ветер, от которого надувались и хлопали паруса, а сам корабль дергался, приподнимаясь. Моряки поспешили убрать паруса, и корабль поплыл, влекомый огромной птицей.

Море не менялось — кругом был чистый горизонт. Матрос-наблюдатель не слезал с мачты часами.

Алконост не знала ни мига отдыха. Она летела все три дня, не уменьшая скорости и не требуя ни пищи, ни воды. И все три дня Буян не отходил от нее. Он сидел на борту, держась за натянутую цепь. Он забыл про всех — даже про Властимира, с которым раньше не расставался дольше чем на час. Алконост и гусяр вели нескончаемый разговор, а порой напевали что-то в два голоса.

Три дня миновали, как три часа. Никто подлинно не знал, какой путь прошел корабль, все знали только, что Алконост несла их на юг, время от времени сворачивая к востоку.

На четвертый день, когда солнце поднялось к зениту и наступил полдень, матрос, что сидел на мачте, заметил темное пятно. Он закричал, зовя всех, и люди увидели, что впереди что-то поднимается из волн. Алконост на лету обернулась и сказала:

— Я свой долг перед вами исполнила.

Она затормозила, черпая крыльями воду и останавливая бег корабля.

Остров был необычно большой — он походил на берег материка. Сколько хватало глаз, раскинулся песчаный пляж, ровный и заманчивый. За ним стеной вставали леса, а позади них — горы. Скалистые вершины скрывались в облаках. Сквозь шум прибоя доносились крики птиц, ветер нес запахи цветов и плодов.

ГЛАВА 2

Отпустив Алконост, моряки бросили якорь у самого берега, где полоса пляжа поуже, а берега покруче.

Уж когда все было готово к высадке, вдруг оказалось, что с ними в путь решил отправиться сам Синдбад.

— Я много всего повидал на земле, — сказал он, — но такого путешествия у меня еще не было. Если я останусь на корабле, то не увижу всего, что таит остров, и мне никто не поверит, что я тут был. Я непременно еду с вами!

Отговорить его не удалось — он собрал оружие и вещи и приторочил их к седлу Мечислава коня. Оставалось только уговориться с матросами, что они будут ждать их здесь тридцать дней, а потом начнут поиски — если славяне и Синдбад не объявятся раньше.

Густой лес сразу скрыл от всадников пляж и корабль у берега. Кони с хрустом ломали частый подрост — молодые деревца, кусты и высокую траву. Стволы деревьев обросли лианами так густо, что порой их не было видно за зеленым ковром. Здесь царили полумрак и духота, приходилось то и дело останавливаться, прорубая ход.

Заночевали они на берегу реки, текущей с вершины невысокой горы. Дальний берег ее был покрыт таким густым лесом, что никто не хотел туда соваться без нужды, а потому наутро всадники пустились в путь вдоль берега реки, следуя вверх по течению.

Путь вверх казался легким только поначалу — до первого водопада, когда путникам преградила дорогу каменная стена. Синдбад стал очищать стену от опутавшей ее травы. К нему присоединились Мечислав и Гаральд, но скоро они отступились.

— Что там? — подскакал Буян.

— Правы были матросы, — задумчиво сказал Синдбад. — Здесь есть люди. И я не знаю какие!

Он указал на стену, и гусяр увидел, что она сложена из каменных плит размером с

половину лошади каждая. Их грани были отшлифованы и наверняка когда-то блестели. На них до сих пор сохранились какие-то знаки — фигуры воинов с перьями на головах и совсем крошечные рисунки зверей и чудовищ. Рисунки были старые, камни кое-где раскололись, некоторые знаки стерлись.

— Люди здесь были, — поправил гуслар, — давно, когда и земель наших не было, а на месте Багдада была деревенька крохотная.

Но хоть и воспряли все духом оттого, что не придется им повстречаться с теми, кто высек эти знаки на камнях, легче никому не стало — стена перегораживала путь наверх. Она тянулась в зарослях, опоясывая весь склон. Понадобилось бы много дней для того, чтобы сыскать подходящее место для подъема.

— Эй, а кони наши на что? — промолвил Мечислав, меряя глазом высоту горы. — В один миг домчат!

Он первым бросился к своему коню и с седла протянул руку Синдбаду, помогая влезть и устроиться за спиной. Чтобы Облак Властимира не ошибся, к князю подсел Гаральд. Один за другим кони разбегались на коротком уступе перед стеной и взлетали.

Водопад обдавал их мелкими холодными брызгами, в которых искрилось солнце. Легко, как птицы, жеребцы закружили над рекой, сливая победное ржание с грохотом и ревом водопада, а потом устремились ввысь.

Гора словно присела, испуганная, — так быстро взмыли кони над ее вершиной. Там оказалась равнина, поросшая кустарником. Река проложила себе русло меж огромных валунов, что были разбросаны повсюду. Там, где не росла трава, земля напоминала камень — копыта коней звенели на ней, рождая звонкое эхо. Равнина простиралась вперед, сколько хватало глаз, а далеко на горизонте поднимались еще одни горы.

— Если Кощей и живет на этом острове, то только там, — сказал Буян, указывая вперед. — Яга сказывала — три горы надобно одолеть, чтоб в его терем попасть. Одна только что позади осталась.

— Да и то самая легкая, — поддержал его Мечислав. — Если это так, то больше уж кони нам не помогут — не бывало такого, чтобы одна преграда дважды на пути вставала. Во второй раз что-то иное от нас остров потребует!

Река бежала от дальних гор, а потому, не споря, все сразу двинулись вверх по течению, уверенные, что она выведет куда нужно.

Но проскакали всадники всего лишь более версты, как впереди послышался топот и гром. Закачались верхушки кустов и деревьев вдоль реки, закричали испуганно птицы. И показалась вдали будто живая гора — приближалась она к людям так быстро, что не успели бы они от нее скрыться, даже если бы и захотели.

Остановились они и увидели, что прямо на них несется всадник огромного роста. Конь под ним был высотой не менее десяти сажений — с одного маха перескакивает через деревья, валуны, как камешки, перешагивает, хвостом пыль поднимает, гривой полнеба закрывает.

Увидев огромного всадника, Синдбад одним прыжком оказался на земле и бросился прочь с криком:

— Спасайтесь, кто может!

— Что случилось? — позвал его Буян.

— Вы еще не знаете, что нам готовит Аллах! — закричал мореход из-за камней. — Это же человек из племени Ад³⁵! По милости Аллаха они все погибли, но коли этот остался, значит, мы у самого конца земли. Нет нам от него спасения! Бегите скорее, пока целы!

Но было уже поздно — всадник заметил чужаков. Засмеялся он так, что задрожали горы вокруг, и поскакал к ним. Проехал он совсем немного, как увидели все, что это

---

³⁵ Ад — в мусульманской мифологии один из коренных народов Аравии. Согласно Корану, адиты благоденствовали, но возгордились и отказались пос ледовать увещаниям посланного Аллахом пророка. За это были наказаны за сухой и неурожаем, которые стерли их с лица земли.

женщина огромного роста.

Женщина была высока, как любая волотка-богатырка. Она была в доспехе на манер хазарского — кожаная куртка с нашитыми костяными и железными бляхами, поверх доспеха — богато расшитый халат. Половину лица закрывал шлем, из-под которого выбивались длинные толстые косы, увешанные золотыми бляхами. На груди блестело золотое ожерелье.

Подскакав, волотка выхватила копье из-за плеча и, играя им, закричала:

— Вы нарушили границу без разрешения, чужеземцы! Готовьтесь к смерти!

Поднятое ею копье могло пробить сразу и коня и всадника, а потому славяне заволновались.

— Как же можно людей смерти предавать, даже не выслушав? — возмутился Мечислав, — Погоди, дай нам сказать...

— Не стоит! — остановил его Буян. — С такими по-иному надо.

Но не успел он и слова сказать, как волотка сама осадил коня и наклонилась вперед, отведя копье. Видно было, что она рассматривает приезжих с крайним удивлением.

— Да не простые смертные! — наконец протянула она разочарованно. — Даже жаль на вас силы тратить...

И она вонзила копье в землю.

Славяне заметили ее жест и обрадовались. Не успел кто-нибудь из них выехать и рассказать ей, кто они и куда едут, как она небрежным жестом скинула рукавицу, встряхнула ее, и оттуда выпал орел. Замахав крыльями, он с клетотом взлетел и сел на подставленную волоткой руку. Она скинула его с руки, и орел взвился ввысь. Славяне запрокинули головы, следя за ним.

— Ой, и здоров! — ахнул Буян. — Княже, она орла выпустила. — Не на нас ли? — откликнулся Властимир.

Гусляр не ответил. Как раз в этот миг орел, взмахнув крыльями последний раз, с клетотом устремился вниз. Властимир услышал свист, как будто Соловей Разбойник налетел. Облак еле увернулся — только ветром потянуло, а промахнувшийся орел взмыл для второго броска.

Всадники поспешили в стороны, не давая орлу времени догнать кого-нибудь. Волотка довольно рассмеялась, но, услышав ее смех, Мечислав развернул коня и, когда орел, вытянув лапы с расправленными когтями, напал на него, устремился ему навстречу.

Юноша близко, словно заглянул в омут, увидел кривой клюв, желтые круглые холодные глаза, широкую грудь с подтеками засохшей крови, огромные крылья, распахнутые на четыре сажени, и когти... Он едва успел закрыться щитом — орел пролетел над ним, царапнув когтями по щиту, и опять взмыл для нового удара. Но Мечислав уже выпрямился в седле, крепче сжал коленями бока коня и поднял меч. Орел падал на него сверху камнем, и, когда он уже собирался вонзить когти в плечи Мечислава, юноша взмахнул мечом...

Громкий пронзительный крик ярости и боли был ему ответом. Горячая кровь хлынула на лицо Мечислава, и вслед за этим упали вниз отрубленные орлиные лапы.

Волотка закричала, подзывая птицу. Искалеченный орел с трудом поспешил к ней. Но юноша не стал отпускать раненого врага. Серый жеребец в несколько прыжков настиг орла, взлетел в воздух, равняясь с ним, и Мечислав рубанул птицу по шее.

Меч с одного удара отсек орлу голову, и обезглавленное тело, кувыркаясь, упало наземь.

Славяне приветствовали победу криками. Громче всех вопил Синдбад, а волотка скрежетала зубами в ярости.

— Рано радуетесь! — вскричала она вдруг и, когги пюди обернулись на крик, ловко скинула сапог с правой ноги.

Не успел он упасть на землю, как из него выскочил волк под стать орлу — крупнее любого знакомого людям волка, с бурыми разводами по серой шерсти, в усеянном шипами ошейнике. Глаза зверя полыхнули кровавым огнем, когда он увидел людей. Оскалившись,

волк припал к земле и, оттолкнувшись, поскакал длинными махами на всадников.

Гаральд подбоченился, поудобнее перехватывая копьё.

— Сие дело как раз для меня, — выдохнул он. — Отойди-ка, Властимир, и дай мне дорогу!

Князь, вместо того чтобы спорить, уже готов был спешиться и оставить Облака рыцарю, но тут Буян прищипорил своего жеребца, выхватывая меч.

— Погодь, рыцарь, — осадил он Гаральда. — Не по себе сук рубишь.

— Ты мне дорогу перебежать собрался? — ахнул тот. — Ну уж нет!

Англичанин хотел столкнуть Властимира с седла и опередить гусяра, но волк был совсем близко. Не дожидаясь Гаральда, Буян выскочил вперед. Его золотистый жеребец осел на задние ноги, словно готовясь встретить удар волка грудью. Волк взвыл, устроясь противника, и пригнул голову, собираясь одним прыжком сбить всадника с ног.

В самый последний миг, когда было поздно отступать, гусяр вдруг погнал своего коня навстречу хищнику. Жеребец сделал всего два прыжка, когда огромный, с лошадь, зверь налетел на него...

Что произошло дальше, мало кто увидел. Конь и волк встали на дыбы, мелькнули копыта и лапы, щелкнули зубы, раздался визг.

Сперва никто не понял, кто из двух зверей визжал, но потом конь мотнул головой, словно стряхивая с себя что-то, и волк пошатнулся. Отступив на полшага, он выровнялся и, припав к земле, бросился на всадника сбоку. Однако жеребец успел развернуться, и зверя встретили его зубы и копыта. Передние ноги коня взлетели вверх, и, сбитый метким ударом, волк покатился по земле. Буян погнался за ним. Не давая врагу времени, чтобы встать, он с седла рубанул его мечом.

Взвившийся в отчаянном прыжке волк плашмя упал на землю, разметав в стороны лапы. Меч гусяра окрасился кровью, но зверь был только ранен. Пока Буян осаживал разогнавшегося жеребца и заносил оружие для второго, смертельного удара, хищник смог подняться.

В свой последний рывок волк вложил всю силу и ярость. Буян чуть ли не у собственного лица увидел клыки и горящие ненавистью желтые глаза, почувствовал смрадное дыхание зверя. Тому достаточно было сомкнуть челюсти, прихватив горло врага, но конь под двойной тяжестью от неожиданности пошатнулся, припадая на передние ноги, и волка качнуло. Истекающий кровью, он не сумел устоять на ногах. Чтобы не упасть, он по-человечески обхватил передними лапами сапог Буяна, но опереться на него и выровняться не успел — не теряя времени, гусяр всадил меч в разверстую пасть.

Челюсти волка сомкнулись на лезвии меча, лязгнув по металлу, но это было последнее его движение. Он не успел даже взвизгнуть от боли и, дернувшись, сполз к копытам коня. Наклонившись, Буян вытащил кончик меча из сведенных судорогой зубов.

Ничего не видевший Властимир по тишине догадался, что все для одного из противников кончено, и шепнул Гаральду:

— Что там... с ним?

— Убил, — выдохнул рыцарь.

— Кто?

— Буян — зверя...

Ничего не ответив, Властимир спрятал лицо в ладонях.

Волотка застыла на месте с открытым ртом. Казалось, она не могла поверить своим глазам. Придя наконец в себя, богатырка перехватила копьё, нацеливая его вперед.

— Вы с моими слугами расправились, — крикнула она, горяча своего коня, — а теперь попробуйте со мной потолковать! Есть ли среди вас смелый?

Гаральд подпрыгнул от радости.

— Не обессудь, — шепнул он Властимиру, — а придется тебе уступить мне коня своего на часок!

Властимир слышал нарастающий топот несущейся на них всадницы. Он слышал ее

слова и не стал спорить. Мечислав перехватил князя под локоть, помогая спешиться, а Гаральд проворно вскочил в освободившееся седло и осадил Облака. Рыцарь еле сдерживал дрожь — наконец представился случай показать силу. Он поглубже надвинул шлем на голову, опустил забрало и взвесил на руке князево копьё. Оно показалось ему легковатым, но иного искать времени не было. Враг был совсем близко — рукой подать. Облак, чуя незнакомую руку, волновался, переступая с ноги на ногу, плохо слушался повода. Прежде чем послать его вперед, Гаральд истово перекрестился — пусть видят, что принесет ему победу.

— Пречистая Дева Мария, спаси и сохрани! — воскликнул он и всадил шпоры в бока коня.

Облак коротко заржал и рванулся вперед. Надсаживаясь, он поскакал, повинувшись руке всадника, навстречу волотке и ее огромному коню. Великанша слегка опустила копьё к земле, чтобы кончик его пронёсся рядом с головой ее врага, но в тот миг, когда всадники должны были столкнуться, Облак взлетел, выравнивая своего седока.

Копьё Гаральда ударило в самую середину щита волотки. Будь они равны по росту и силе, она бы не удержалась в седле. И сейчас она покачнулась, но не выпустила копьё из рук, а только чуть отвела его в сторону.

Этого малого толчка оказалось достаточно, чтобы копьё проскользнуло под животом поднявшегося над землей Облака. Оно скользнуло по его брюху и, когда волотка наконец выпрямилась, снизу поддело Облака. Жеребец взвизгнул от неожиданности. Сильный удар опрокинул его и бросил наземь вместе с седоком.

Конь и всадник рухнули. Волотка видела, что ее противник пытается выбраться из-под придавившего ему ногу коня. Старый опытный Облак быстро оправился и вскочил на ноги, но Гаральду нужно было время.

Оглушенный падением, он медленно перевернулся на бок, подтягиваясь на руках. На миг ему показалось, что он дома, в Англии, на том самом турнире, который устроил его будущий зять в честь помолвки дочери. Сам король Альфред тогда пожелал биться с женихом, и, конечно, Гаральд не позволил себе победить. Он тогда вылетел из седла и ждал, пока к нему подбегут оруженосцы, чтобы помочь встать.

“Куда они запропастились?” — успел подумать он и услышал над собой топот копыт.

Гаральд вскинул голову — над ним осадил коня волотка. Губы ее довольно улыбались, глаза холодно посверкивали сквозь прорези шлема. Всадив каблуки в бока своего коня, она подняла руку с копьём, чтобы пригвоздить поверженного врага к земле.

— Теперь вы запомните, что значит переступить границу и убивать моих слуг! — усмехнулась она.

Облак, приученный не бросать всадника, сунулся к рыцарю. Повод его волочился по земле — ухватившись за него, рыцарь смог бы подняться, но волотка ударила старого коня по спине копьём. Отскочив, Облак жалобно заржал.

— Случилась беда! — воскликнул Властимир, узнав голос коня. — Надо спасать рыцаря! Коня мне!

Он протянул руку, ища повода, и Буян накинудся на него.

— Не твое это дело, друг! — горячо молвил он. — Мы с Мечиславом его враз...

Но юноша не стал дожидаться слов гусяра. Властимир почувствовал под рукой поводья. Мечислав поддержал стремя, помогая князю сесть в седло, и вложил в протянутую руку меч.

— Куда, княже? — только ахнул Буян, а Властимир уже погнал коня на волотку.

Облак призывно заржал, и на этот голос поскакал под князем жеребец. Заприметив еще одного всадника, волотка чуть помедлила, вскидываясь.

— Как, еще один? Неугомонный вы народец!.. погоди, с этим разберусь, тогда и тебя угошу.

Она метнула копьё, но Гаральд откатился в сторону, и оно вошло в землю. Не дожидаясь, пока великанша выхватит меч, он поднялся и поспешил к Облаку.

— Вперед и чуть правее, князь! — крикнул он, направляя Властимира. — Бей вверх!

Жеребец под князем чуть осел, стараясь избежать столкновения с конем волотки, и Властимир, размахнувшись, почувствовал, как меч запнулся о что-то.

Пронзительный визг сказал ему, что он ранил коня великанши. От боли в глубокой царапине на шее жеребец волотки взвился на дыбы. Она попыталась смирить его силой, но в это время второй удар чуть не перерубил одну из передних ног коня. Жеребец, спасаясь от гибели, шарахнулся прочь и наткнулся на торчащее копьё, которым волотка только что хотела пригвоздить к земле Гаральда. Оно переломилось с сухим хрустом, не причинив коню вреда.

— Я же говорил тебе: правее бей! — крикнул Гаральд Властимиру. Рыцарь успел сесть в седло и спешил к князю. — Теперь гони ее на меня, а уж я-то ее угощу как следует!

Волотка переводила взгляд с одного всадника на другого. Она видела, что один из них слеп, но почему-то не сомневалась, что он может быть для нее опасен. Не сговариваясь, князь и рыцарь одновременно пришпорили своих коней и поскакали. Слепец не ошибался — казалось, он все видит лучше, чем зрячий. Всадники разом подняли мечи.

Рыцарь приближался слева. Подставив ему щит, великанша встретила было князя мечом, чтобы без промедления отбросить слепца и разделаться с Гаральдом. Но в тот миг, когда она уже была готова принять меч Властимира, темно-серый конь под князем вильнул в сторону и взмыл в воздух в прыжке-полете. Меч волотки оказался чуть в стороне, ее правый бок был открыт.

Только слепота Властимира, который не видел, какой случай представляется ему, спасла волотке жизнь. Резанец рубанул, как и рассчитывал, сверху вниз. Меч скользнул вдоль тела великанши, распарывая халат и доспехи. Она почувствовала кожей холод металла и размахнулась, чтобы сшибить не в меру удачливого врага, разрубив его пополам. Но в этот миг раздался знакомый клич, и подоспевший рыцарь рубанул — но не по

|Щиту, а по упряжи великанского коня. Ремни лопнули с таким громким хлопком, что напугали и коней и всадников. Седло под волоткой поползло вниз, конь под нею завертелся — ему сдавило бока. Стараясь любой ценой

удержаться в седле, волотка бросила меч и щит, двумя руками цепляясь за гриву коня.

— Что же ты медлишь, Властимир! — крикнул Гаральд. — Бей, пока она медлит!

Этот крик словно вернул волотке рассудок. Еле выровнявшись, она развернула коня и поскакала прочь. Раненый конь хромал и спотыкался, седло ездило по спине, мешая бежать.

Победители поскакали за удиравшим врагом. Лотом Облак остановился, и вслед за ним сбавил скок серый конь Мечислава.

— Что ж ты ее! — В сердцах Гаральд пристукнул кулаком по седлу. — Она ж тебе бок открыла, как оружие бросила. И подранил ты ее. Добить не мог?

— Оружие, говоришь, бросила? — переспросил Властимир. — Когда это было?

— А как я ей упряжь попортил — седло у нее набок сползло, так она, чтобы совсем не свалиться, меч и щит побросала и за гриву коня схватилась... Одно слово — женщина! Что с нее взять! — Гаральд с презрением сплюнул.

— Ты видел, что она была без оружия? — гнул свое Властимир.

— Ну, видел... Вот как тебя сейчас! А ты не мог...

— Не мог! — повысил голос Властимир. — Забыл, что я слеп по вражьей милости? Сам-то что ж ее не поразил?

— Я не мог, — с достоинством ответил Гаральд. — Я дворянин и рыцарь, а рыцарский закон запрещает добивать безоружных, кем бы они ни были.

Он гордо выпрямился, но Властимир со вздохом покачал головой.

— Тебе рыцарский закон, значит, запрещает, а нам безоружных убивать можно? — промолвил он. — Нет, брат, тут ты хватил лишку. Может, и не за всех я скажу, а только нет в землях народа славянского такого закона, чтоб вероломно безоружных убивать. Лишь месть справедливая может оправдать убийцу.

К ним подъехали остальные. Шедший подле стремени Буяна Синдбад выглядел

воинственно.

— А ловко мы ее! — похвалился он, но, заметив на себе слишком пристальные взоры, поправился: — Вы, конечно... Но все-таки ловко! Даром что она из племени Адов, а только не устояла!

— Смотрите, что это там? — вдруг воскликнул Мечислав. Все обернулись на возглас юноши и увидели, что впереди, над горизонтом, возвышается осененная частым лесом гора с пропадающей в облаках вершиной. С горы текла река, мимо которой они ехали. Туда ускакала посрамленная волотка. Теперь над лесом кружились какие-то черные тени, доносились слабые переделки.

— Вроде как птицы кричат? — молвил Властимир, прислушиваясь.

— Твоя правда, княже, — кивнул Буян, — То и верно, какие-то птицы, и, видно, по размерам не малые. Кружат, как воронье над наступающим воинством, — с горечью прибавил он.

Гаральд крепче стиснул копьё.

— Говорил я, что ее добить надобно! — горячо сказал он. — Поскакала теперь за подмогой! Приведет на наш след целое войско — что тогда делать будем? С сотней или двумя мы справимся, а коли приведет она тысячу?

— А мы того загадывать не станем, а лучше сами встречу отправимся, — беспечно молвил Буян. — Кони у нас хорошие — словно ветры быстрые. Она-то и опомниться не успеет, как мы у ее порога станем да ответ держать попросим.

ГЛАВА 3

Непрестанно крича, кружили в вышине черные птицы, следуя по пятам за роняющим с губ пену конем волотки, когда она мчалась по горам. Эхо подхватывало стук копыт и уносило вдаль, прилетая уже с многоголосым перестуком погони. Чужеземцы не удовлетворившись первой победой и торопились потребовать мести. Правя коня все выше в горы, волотка однажды обернулась и мельком увидела трех лошадей — белую, золотистую и серую. Славянские кони птицами неслись через лес, не замечая преград.

Вершина горы, венчающей остров, скрывалась в вечных облаках. Ни разу, сколько стояла здесь гора, ветер не разгонял туч — у него просто не было сил справиться с ними. Словно клубы дыма, колыхались облака между скал, опутывая деревья и кусты, как молоко разливаясь по горным тропам, теплым снегом оседали в ущельях. Тонкая, как паучья нить, тропа висела меж камней по-над пропастью.

Можно было надеяться, что преследователи отстанут — без надежного провожатого чужак не проедет тут и десяти сажень — не туда ступит конь, вовремя не отдернет ноги, и осыплются мелкие камешки, рождая обвал, увлекающий за собой пришельца. Только чудо тогда может спасти человека.

Узкий горбатый мост вынырнул из облака. Серые скалы обрывались справа и слева в пропасть без дна, заполненную туманом. Не тратя ни мига, волотка проскакала по мосту над пропастью. Высоко над ее головой мелькнула скрытая в тумане арка ворот. Мост круто устремился вниз. Туман остался позади, всадница очутилась в красивой горной долине.

Здесь не было и следа тумана. Ярко и пышно зеленели сады. Воздух дрожал от струй фонтанов, трепета птичьих крыл и ароматов цветов. Искрами вспыхивали водопады, отлитые из беседки, посыпанные бисером тропинки и ведущая в долины дорога. Там, в самой ее середине, иглой, проколовшей небо, высилась узкая башня из темно-серого камня. Дорога кончалась у наглухо закрытых ворот.

Черные птицы догнали волотку и с криками устремились к башне. Как черные хлопья пепла, они закружились вокруг нее, трепеща крылами. Птицы заполнили криками всю долину, и в тот самый миг, когда волотка готовилась осадить коня перед воротами, отворились двери, и вышел к ней ее господин.

Увидев высокую тонкую фигуру с посохом и увенчанной зубчатой диадемой головой,

волотка соскочила с коня и бросилась под стену. Старец склонил голову, глядя ей в очи холодным пристальным взором. Седая тонкая борода его чуть подрагивала.

— С чем пришла, когда не велено? — сиплым голосом молвил он. — Что случилось, али знамение было, о каком даже я не ведаю?

Он хихикнул, прищурившись, и волотка склонилась перед ним.

— Знамение, о повелитель, — ответила она. — И чаю, о таком никто не ведает пока, кроме меня, а пора бы всей земле трубить да силы собирать. Уж сколько лет я сторожу твои владения — не пускала к тебе ни пешего, ни конного, не щадила ни старого, ни малого. Все я на службе твоей видела, а такого не приходилось. Едут к тебе чужеземцы из стран далеких, северных. Их стрела не бьет, меч не сечет. С одного удара один сотню врагов побивает. Помощников моих, слуг твоих верных, с одного наскока одолели, словно комаров прихлопнули. Кони под ними, что звери лютые — копытами бьют, зубами грызут, быстры, как молнии, легки, как тучи. Я опомниться не успела, как налетели они, меня чуть не убили. Еле вырвалась я и сюда поспешила, чтоб сказать; быть беде великой!

В ответ на такие слова только рассмеялся старец.

— Женские то страхи, — молвил он наконец. — Не рождалось еще такого воина, чтобы до дворца самого Кощея живым добрался. А кто и добирался, назад не возвращался, потому как бессмертен я и нет мне врага по силе и достоинству, кроме разве что старшего сына Сварога...

— Не вели казнить, вели слово молвить, — осторожно вмешалась волотка. — А только мнится мне, что на сей-то раз и явились сюда люди из земель старого Сварога — я таких вживую видеть не видела, слыхала лишь рассказы про страны те.

При этих словах озлился Кощей, посохом о землю ударил, бородой седой затряс.

— Не может такого быть! — закричал он. — Никому из смертных нет дороги сюда! От времен сотворения мира положен запрет на остров сей — недоступен Буян для людей! Ошиблась ты, верно! Поди прочь!

Хотела еще что-то сказать волотка, но Кощей махнул на нее посохом и ушел — только двери золоченые за ним захлопнулись.

Прогнав волотку, он поспешил на самый верх дворца-башни. Хоть и покойно жил Кощей на своем острове, но крепко помнил он о людях северных далеких краев. От рождения своего боялся он их, ведая наверняка, что коли суждено ему умереть, то лишь один народ на земле способен принести ему гибель. Столько веков ждал он гостей издалека, а как показались они на пороге, оказался не готов к встрече.

Крутые ступени врезались в скалу, поднимаясь вверх каменной лестницей. Узкие щели едва пропускали свет, но Кощей столько раз уже поднимался по этим ступеням, что привык обходиться и мраком. Каждый день проходил он под тесными сводами, чтобы узнать, глянув из поднебесья, что делается в мире.

Лестница закончилась на самой вершине, в малой комнате, — выше был только свод под потолком с высеченными на нем знаками звездного неба. С одного края в нем проходила трещинка — тонкая, в волосок, но ярко заметная. Узкая полоска света от нее пересекала пол. Справа половину стены занимало огромное окно — пролом в камне, открывающий вид на цветущую долину и огораживающие ее горы. Напротив него другую стену занимало зеркало высотой в человеческий рост, вправленное в серую раму из ноздреватого туфа. На раме искусной рукой были высечены знаки, ярко окрашенные в разные цвета. В блестящей поверхности зеркала отражался пролом и долина за ним.

Кощей встал перед ним и подождал, пока пропадет рябь на чувствительной поверхности. На стекле появилось его отражение, а за спиной — светлый пролом стены.

Кощей коснулся одного из знаков на раме зеркала, и чистая поверхность вновь подернулась рябью. Голубоватая дымка скрыла от Кощея его отражение. Взгляд старца вонзился в глубину, посылая мысленный приказ. На дымке появились завихрения, словно на воде от ветра. Кощей отпустил знак на раме и, не отводя глаз от дымки, занялся остальными — одних он чуть касался, поглаживая, на другие надавливал силой. Дымка потемнела, потом

рассеялась, и появилось новое изображение.

Это был взгляд на горы с высоты птичьего полета — зеркало поймало какую-то птицу, что парила сейчас над облаками, и передавало все, что видела та. Далеко внизу мелькнули горы, узкие скалистые ущелья, острые уступы и синие змеи рек. Сквозь туман смутно замечались островки лесов. По земле ползли серые тени облаков и крошечное пятнышко от самой птицы.

Острые птичьи глаза различали впереди среди тумана и туч какие-то тени. Птица нырнула под кроны деревьев, и Кощей понял, что не ошибся. Это были они.

Он разглядел пятерых людей, разместившихся на спинах трех лошадей — белой, темно-серой и светло-золотистой. Кони легко и сильно отталкивались от валунов, перелетая через расщелины и одолевая скалы, словно на ногах у них были крылья. Одного взгляда на этих животных было достаточно, чтобы понять — волотка права. Только дэвсы могли дать таких коней, и лишь они знали, где живет ссыльный колдун. Внешний вид троих всадников подтверждал его догадки — это были славяне. Четвертый путник был закованным в доспехи рыцарем, а пятый — смуглокожим южанином.

Отступя на шаг, Кощей вскинул руки и перехватил посох двумя руками. Слегка покачиваясь из стороны в сторону, он нараспев заговорил призыв к туманам и облакам в сердце гор.

— Я заклинаю вас, туманы с облаками! Летите вниз, с вершины горы в долину. Закройте все подходы и дороги, чтоб даже зверю не пройти по скалам!

Горящие глаза Кощея не отрывались от изображения на зеркале. Он заметил, как оно замутилось. Повинуясь чарам, из низин и с вершин ползли туманы, затрудняя всадникам дорогу.

Завершив ворожбу, Кощей бессильно уронил руки и, не сводя глаз с туманов, еще раз коснулся знаков на раме. Движение в зеркале тотчас прекратилось — замер ветер, согнув деревья, остановились клубы туманов, застыли в прыжках-полетах лошади незваных гостей.

Кощей коснулся тонкими холеными пальцами маленького амулета в виде раковины, висевшего у него на груди. От этого дрогнули стены, словно их толкнули, а чуть позднее три десятка воинов, одетых в одинаковые черные одежды, ворвались в комнату и разом преклонили колени. Кощей обернулся на их шаги.

— Что угодно повелителю? — негромко молвил тот, что стоял первым.

Кощей смерил его пристальным взглядом. Когда-то этот витязь явился сюда, одолев все преграды, и хотел добыть у Кощея золотой волос для спасения тяжело больной сестры. Но, предупрежденный обманщицей-сестрой, Кощей зачаровал воина, сделав его своим слугой. Все остальные попали к нему в разное время точно так же — многие волхвы, маги и чародеи расправлялись со своими личными врагами подобным образом. Одно время даже в чертогах Сварога несли охрану заколдованные витязи. Кощей указал на застывшее изображение:

— Вы видите этих людей?

— Да, о повелитель, — за всех ответил витязь.

— Запомните их хорошенько, особенно этих троих. Трое славян должны быть доставлены мне живыми. Их спутников можете убить, если они будут мешать. И поспешите, иначе они найдут вас первыми!

— Солнце не успеет снова встать над землей, а они уже будут у тебя! — воскликнул витязь, вскакивая на ноги.

Кощей махнул рукой, отпуская воинов. С гиканьем и свистом они бросились вон. Топот их ног и крики еще не успели отзвучать эхом под сводами башни, а внизу уже зашелестели крылья седлаемых коней. Словно стая черных птиц, взмыли они в воздух, к самой вершине башни, отсалютовали Кощею и полетели прочь из долины в залитые туманом горы.

Липкий холодный туман, выползший из всех щелей, закрыл лес и скалы. В пяти шагах ничего не стало видно — пропадали даже огромные валуны и обломки скал. Всадники

пробовали подняться на крыльях своих коней выше тумана, но оказалось, что в вышине туман сливается с облаками, а выше тех только чистое небо, куда трудно попасть и настоящим птицам.

Пришлось спуститься на землю и идти шагом. Лететь дальше было слишком опасно — в любую минуту из влажных облаков могла вынырнуть скала, и неосторожный всадник погиб бы, разбившись о камни. Туман не располагал к веселью, но мрачнее всех был Буян — он сразу распознал необычную природу тумана и догадался, что его наслала волотка или сам Кощей.

Чем дальше они шли, тем гуще становились клубы. Проведи рукой — и влажная дымка заколышется, как речная волна. На ночлег остановились рано — едва потемнело.

Буян выбрал среди деревьев место поровнее и к трем стволам привязал трех лошадей, поставив их головами в разные стороны. На четвертой стороне он разложил костер высотой почти в человеческий рост и велел остальным отойти подальше. Встав в центре этого живого кольца, он тихо заговорил что-то. Было видно, как шевелятся его губы. Раз или два Мечислав догадался — гусяр поминал имя Стрибога и его восьми сыновей — буйных ветров.

Откуда ни возьмись, налетел порыв ветра, вздул костер выше головы Буяна, Посыпались в разные стороны искры, а лошади забились, пытаясь оборвать поводья и взлететь. Их копыта мелькали опасно близко от головы гусяра, но тот замер в центре кольца, вскинув руки к небу и что-то шепча. Потом новгородец выдернул из околыша шапки перо и бросил его в огонь. Перышко вспыхнуло еще одной искрой, и с вышины послышался далекий крик незнакомой птицы.

Гаральд сплюнул и перекрестился.

— Чернокнижник проклятый, — прошептал он дрожащими губами.

— Он просит ветра разогнать туман к завтраму, — объяснил Мечислав. — Мать Стрибогова, Стратим-птица³⁶, крикнула — знать, слова его услышали!

К ужасу рыцаря, юноша заговорил с ласковой улыбкой, явно помогая Буяну:

Батюшка Догодушка, обеспечь погодушку — чтоб небо ясное, чтобы солнце красное, чтоб тепла от солнышка хоть чуть-чуть, на донышке... Батюшка Догодушко, приневожь погодушкой!

На эти слова Властимир кивнул одобрительно, будто Мечислав понял его мысли, а Гаральд опять в суеверном ужасе перекрестился.

Дождавшись, пока костер прогорит, Буян отвязал потных испуганных лошадей и подозвал друзей, предлагая наконец отдохнуть.

Но приключения на этом не кончились. Отужинав, четверо из пяти путников кинули жребий о том, кому сторожить первому. Не принимавший в этом участия Властимир отрешенно сидел у костра, слушая его потрескивание.

Нежданная преграда в виде тумана казалась да и была попыткой врагов помешать ему вернуть утраченные глаза. Тот, кто сделал это, наверняка очень силен и сладить с ним будет непросто. Когда он еще согласится открыть тайну своих гор, указать на источник живой воды, да и захочет ли? В его власти потребовать такую плату, какой им пятерым в жизни не успеть уплатить до самой смерти. А там, дома...

— Тише! — вдруг вскинулся он.

Все разом замолкли. В глубине леса глухо и недовольно ворочался потревоженный ворожбой ветер, скрипели ветви деревьев, фыркали лошади. И вдруг... послышался далекий женский крик...

— Спасите! Чудовище! — донеслось из чащи, и какое-то огромное тело неожиданно

---

³⁶ Стратим-птица (Стрефил) — в русских духовных стихах о Голубиной шиге — “всем птицам мать”. Живет среди моря-Океана. Поутру, после того как Стратим-птица “вострепещется”, по всей земле начинают петь петухи.

близко вломилось в кусты, ломая и топча их. Жеребцы рванулись с привязи, визжа и колотя копытами по воздуху. Порыв ветра донес явственный запах зверя.

— Господи, благослови! — первым вскрикнул Гаральд и, подняв меч над головой, ринулся в чащу.

Ночная тьма поглотила его.

— Назад, скаженный! — успел крикнуть Буян, прежде чем все поняли, что рыцарь их уже не слышит.

Зато они услышали скоро рев какого-то зверя и глухой стук меча о кость. Обитатель этих мест был великоват для одного человека, да и откуда-то со стороны послышался рев второго зверя, перекрываемый воинственными кличами сражающегося Гаральда.

— Вот ведь одержимый! — восхищенно крутанул головой Синдбад. — В одиночку на двух тварей!

— Скаженный он, а не одержимый, — одернул его Буян. — Не звери то, а ловушка, заранее подстроенная. Сами посудите — откуда тут взяться женщине?

Он еще не договорил, а все уже поняли, что случилась беда. Мечислав первым кинулся к лошадям, увлекая за собой остальных. Гусяр придержал за плечи Властимира.

— Погодь, княже, — молвил он. — Тебе лучше тут остаться, нас подождать.

— Почему? — вспылил тот.

— Сам то ведаешь...

— Но разве мне нельзя?..

— Туда — нет! — твердо перебил Буян и, оттолкнув князя, вскочил на поданного Мечиславом коня. — Мы скоро, а ты уж не обессудь!

Послышался только перестук копыт, и Властимир понял, что его отставили в сторону. А ведь он уже не раз успел в пути спасти им жизни! Он стоял у костра, проклиная свою слепоту и в бессильной ярости сжимая кулаки. Издалека до него доносился только шум битвы.

Принужденный только слушать, он вскоре уловил привычным ухом, что в чаще происходит нечто необычайное. Рев зверей прекратился почти сразу, но зато послышались звон мечей и крики. Сражалось по меньшей мере человек двадцать.

Властимир шагнул наугад, протягивая руки.

— Буян! — позвал он. — Больно долго вчетвером с одним зверьем бьетесь! Давайте скорее кончайте его! — Ответа не последовало, и он, помедлив, окликнул громче: — Что там?

Он не надеялся получить ответ — слишком далеко был шум боя. Ветер подхватил его голос и унес вдаль. Князь затаил дыхание и услышал всего одно слово:

— Волки!

Это было волшебное слово. Оно сорвало князя с места, заставив забыть о слепоте.

— Облак! Ко мне!

Верный конь отозвался ржанием, оборвал повод и, подскочив, ткнулся мордой в грудь хозяину. Ощупью находя стремя и меч в тороках³⁷, князь взобрался на спину оставшегося нерасседланным коня и ударил каблуками по конским бокам.

Облак вломился в заросли, как ураган.

Гаральд так и не добрался до звавшей на помощь женщины — за первым же поворотом на него накинлось сразу шестеро людей в черном. Злорадный рев зверя донесся чуть со стороны, словно чудовищ? наблюдало да боем из засады. Обороняясь от нападавших, рыцарь краем-глаза заметил, что прогалина наполняется людьми. Их становилось все больше и больше, и он понял, что это действительно засада. Он отступал с боем.

Неожиданно плечи его уперлись в ствол дерева. Отступать дальше было некуда.

---

³⁷ Торока — ремешки позади седла для пристежки.

Прижавшись к дереву спиной, Гаральд перехватил меч поудобнее и отбивал одну атаку за другой. Несколько неосторожных нападавших были уже ранены, но оставшиеся обходили его с боков, собираясь напасть со спины.

И тут прогремел топот копыт, и на прогалину выскочили два всадника.

Разметав строй атакующих, как малых детей, к Гаральду пробился Буян. Мечислав и сидящий за его спиной Синдбад защищали гусяря сзади. Свесившись с седла, Буян протянул рыцарю руку:

— Прыгай, и поскачем!

Явись сюда кто иной, Гаральд так и поступил бы, но с чернокнижником он не хотел иметь ничего общего. И рыцарь оттолкнул протянутую руку:

— Гаральд Мак-Хаген Английский никогда не отступал!

— Жить надоело, что ли? — яро выкрикнул гусярь. Он уже готов был силой заставить упрямы уйти с ними, но нападавшие опомнились, и люди поняли, что отступить поздно.

На узкой прогалине закипела схватка. Два всадника крутились, отбивая атаки разбойников. Спешившийся Синдбад стоял плечом к плечу с рыцарем. Под защитой двуручного меча Гаральда он был в безопасности и спокойно мог прикрывать спину рыцаря.

Издалека донесся голос Властимира. Не останавливаясь, Буян выдохнул всего одно слово, чтобы князь понял, что дело нешуточное, и был настороже.

Разбойники оттеснили рыцаря и Синдбада от всадников и собирались взять славян живыми.

Буян понял это, когда ему на вскинутую руку упал аркан. От рывка рука чуть не оторвалась. Гусярю пришлось выпустить меч и согнуться. Второй аркан оплел ему плечи, но тут послышался топот копыт, и в самую гущу сражающихся ринулся еще один всадник.

Его появления никто не ждал. Белый конь с горящим взором устремился на людей в черном. Кто-то закричал, и всадник рубанул на голос. Тяжелый удар отсек кричавшему голову вместе с плечом.

Славяне опомнились первыми. Буян стряхнул аркан и, подхватив с земли упавший меч, с криком кинулся к всаднику. Жеребец под ним плясал как бешеный, заставляя людей шарахаться в стороны.

Мечислав и наконец-то отошедший от дерева Гаральд тоже набросились на напавших, сгоняя их к центру поляны, где ждало возмездие в виде меча слепого всадника. Не видя своих врагов, он рубил направо и налево.

Побросав оружие, оставшиеся в живых ринулись в разные стороны. Те, кто успел вскочить на лошадей, удрали. Участь менее проворных была печальнее, и лишь немногим удалось ускользнуть.

Облак сам остановился, когда битва кончилась, и тихим фырканием дал знать хозяину об этом. Властимир опустил меч, чувствуя запах пролитой крови и прислушиваясь к тому, что происходит вокруг.

Прогалина была завалена мертвыми телами, в истоптанной траве корчились раненые.

Совсем близко послышалось злобное визгливое ржание. Синдбад висел на морде черного коня с широкими кожистыми крыльями и пытался его укротить.

— Там еще такие есть! — крикнул он, не выпуская лошадиной морды. — Злые, как джинны!

— Мы должны добить их! — твердо сказал Властимир. — Все в седла — и в погоню! Я слышу их!

Синдбад тут же оказался на спине своего конька, и Гаральду пришлось последовать его примеру. Почуввав на себе чужих седоков, два крылатых коня заревели и прынули ввысь.

— Они знают дорогу! — догадался Буян. — Не мешайте им! Славяне догнали коней-птиц уже в поднебесье. Оба черных крылатых зверя мчались так, словно за ними гналась смерть. Синдбад держался молодцом и даже ухмылялся, а бледный Гаральд шептал молитву и не смотрел вниз.

Впереди замелькали силуэты всадников. Заметив погоню, те прибавили своим коням

прыти, но два отбитых зверя не желали отстать от стаи, и расстояние между преследователями и их врагами сокращалось.

Вдруг кони-птицы камнем упали вниз. Не будь под Гаральдом и Синдбадом точно таких же зверей, погоня бы сбилась со следа, но звери последовали за остальными.

Над пропастью нависал узкий тонкий крутой мост, пропадающий в тумане. Казалось невероятным, что по нему может пройти даже мышь, но поредевший отряд Кошеева воинства ступил на него. Мост задрожал под напором копыт, и в вышине послышался громовой рев. Огни, похожие на глаза невиданных зверей, сверкнули в темноте, но всадники уже промелькнули мимо.

С другой стороны моста тумана почти не было, и, несмотря на мрак ночи, можно было различить ворота, которые образовывали два вставших на дыбы каменных зверя. Тяжелая решетка была готова вырваться из их лап и отрезать погоню от добычи. Отряд был уже под решеткой, и она дрогнула, опускаясь.

И тут кони славян-взвились в воздух. Впереди летел Буян, Но мчался он не к решетке, а выше.

Когда он подлетел, всем стало видно, что звери живые. Они повернули головы, глядя на людей, и оскалились. Гусляр осадил коня, заставив его зависнуть в воздухе перед самыми носами чудовищ.

— Что, хотите меня достать, твари неразумные? — задорно выкрикнул он. — Попробуйте, коли не трусы!

Каменные звери закричали и потянулись к нему, но решетка, которую они держали в лапах, мешала. Буян корчил рожи, смеялся, а золотистый его жеребец взвизгивал, как шалая девка.

Взгляды чудовищ были прикованы к человеку. Они не сводили с него глаз и не заметили, как несколько лишних всадников проникли за ворота. Мечислав взлетел на своем коне повыше, чтобы из-за голов зверей Буян мог увидеть их, и дал сигнал.

Гусляр перестал смеяться и крикнул:

— Ловите меня!

Звери ринулись на него, выпуская решетку из лап, но золотистый конь взмыл в поднебесье, а упавшая воротина придавила одному из каменных сторожей лапу.

Пока ушибленный зверь ревел и мотал головой, второй каменный страж попытался ухватить зубами дерзкого гусляра, но славяне не стали его ждать и направили своих коней вниз.

Тумана по эту сторону ворот не было, и пришельцы издали увидели почти отвесные стены, со всех сторон закрывающие долину. Остатки отряда черных всадников мчались по долине, оторвавшись от преследователей, — они уже были на середине извилистой дороги, выложенной розовыми и золотистыми плитами. Дорога вела к высоченному замку-башне, что возносился вверх угольно-черной пикой в сердце долины. Вершина его терялась в облаках.

Люди решили осмотреться.

Черная башня возвышалась на скалистом основании и казалась продолжением скалы. Крутые ступени вели к воротам, которые с треском захлопнулись перед самым носом преследователей.

Буян почесал в затылке:

— Как же мы попадем туда?

— Тебе так нужно это? — окликнули его.

— А то нет! Не признали, что ль?.. То ж хоромы самого Кошея Бессмертного! Я, как башню эту узрел черную, так и вспомнил, где мы. Да и Алконост не могла ошибиться и доставить нас к другому острову. Мне Яга-воительница рассказывала, как выглядит Кошеев дом... А ну-ка, княже, — обратился он к Властимиру, — прислушайся, не затаился ли кто за дверьми?

Князь готовно склонил голову набок.

— Нет никого, — объявил он. — То ли вправду пусто внутри, то ли кто отводит меня.

— А раз так, нас не ждут здесь и ворот не откроют! — воинственно молвил гусяр и огляделся. — Надобно иной вход искать. Где мы его отыщем — то мне неведомо, а только попасть к Кощею нам придется!

Он решительно развернул коня, готовясь отъехать и издалека окинуть взглядом башню, как вдруг все сразу услышали тихое шипение. Они оглянулись на двери — как прежде, плотно запертые, они возвышались над людьми двумя черными исполинами. Незнакомые буквы и знаки посверкивали на них, словно камни-самоцветы, а из-под притолоки сочился голубоватый дымок. Вдохнув его, лошади закашлялись и, чуть пошатываясь, отпрянули.

— Вот они, козни Кощеевы! — вскрикнул Буян. — Все назад, коли жизнь дорога!

Но и без его слов всадники поспешили убратся со ступеней обратно на дорогу. Только последний из них сошел с крыльца, откуда-то послышался ехидный сухой смешок:

— Ага, испугались, неразумные!

ГЛАВА 4

Словно солнце вспыхнуло перед очами людей — кровавое зарево ослепило им глаза. Взвизгнули, не слушаясь, лошади; люди закрыли лица руками. Золотой сверкающий сноп огня встал перед дверями. Словно языки разметавшегося под ветром костра брызнули во все стороны искры. Огонь пропал. У дверей стоял, опираясь на посох, высокий статный старик с сухим, темным от времени лицом. Длинный плащ скрывал его фигуру, из-под полы выглядывали голенища высоких узких сапог и пластины черного металла, нашитые на рубаху плотно, как чешуя. Золотой амулет висел на груди, пальцы сухой руки были унизаны перстнями. Морщинистый лысый лоб перетягивал золотой обруч, на котором сиял символ солнца. Жидкая седая борода спускалась почти до самого амулета. Глубокие глаза, посверкивающие, как вода в омуте, по очереди обежали всех людей, и каждый, на кого падал тяжелый взор, спешивался, оставляя коня. Неохотно Мечислав преклонил колена. Помедлив, его примеру последовали Синдбад и Гаральд. Только незрячий Властимир и Буян не спешили кланяться.

— Так-то лучше, — рассмеялся хозяин замка, глядя на три склоненные головы, — А вы двое что? Вам особо приказывать?

Властимир так и остался сидеть в седле, только крепче сжал коленями бока Облака. Кощей обратил на него тяжелый взор, и старый конь зашатался и упал на колени, едва не заваливаясь набок.

Князь всадил ему в бока шпоры и вытащил плетъ.

— Что с тобой! — прошипел он, натягивая повод, — Али ты забылся, али дряхл стал? Коли так, то по возвращении распрощаемся с тобой!

Облак всхрапнул и рванулся, выпрямляясь. Избегая взгляда Кощея, он попятился, ссаживаясь на задние ноги и задирая голову.

— Вот так и стой! — похвалил Властимир. — Невесть перед кем на колени падать — не дело для княжеского коня!

Кощей, казалось, был изумлен увиденным. Он посмотрел на Буяна.

— Кто такие вы? Из каких земель?

Гусяр прошел меж склонившихся друзей, походя касаясь их плеч и побуждая встать. Остановившись у подножия крыльца, он снизу вверх глянул на Кощея.

— Приехали мы из земель дальних, из стран далеких, северных, — напевно заговорил он. — Путь наш был неблизок и нелегок — одолели мы три моря, три моря да Океан. Прошли страны чужие, дальние, на пути кого только не видели. А пустились мы в путь не за славою, не со скуки ради свой кров покинули — ищем мы Кощеевы земли, заветный остров Буян. Указали нам на этот островок, вот мы к тебе и прибыли. Не подскажешь ли, не ты ли и есть сам Кощей, прозываемый в народе Бессмертным?

От слов Буяна с остальных словно спало оцепенение. Они встали и подошли ближе.

Кощей от слов гостя словно окаменел.

— А кто вы такие, чтоб вас мне привечать на моем острове? — сердито молвил он. — Вы явились незвано-непрощено, самовольно ко мне ворвались, да еще и чего-то требуете!

— Ага! — воскликнул Буян, — Так ты и есть сам Кощей! Вот тебя-то нам и надобно! Уж не обессудь, хозяин ласковый, за нуждой мы к тебе!

С этими словами гуслар сорвал с головы шапку и поклонился Кощейю в пояс.

Это поразило прежде всего самого Кощея, который даже отступил на шаг, не веря глазам. А Буян, выпрямившись, как ни в чем не бывало молвил:

— Будь надежей, хозяин ласковый! Награди за дорогу дальнюю!

— Кто вы такие и зачем явились, что мне вас еще награждать надобно? — сердито перебил его Кощей. Ему не нравилось, что его величают ласковым — не иначе как они что-то задумали и надо за ними проследить!

— Не дело хозяину гостей на пороге держать, — строго отмолвил Буян, — да о деле раньше срока выпрашивать! Мы дорогу проделали нелегкую, да еще на нас налетели твои молодцы, хотя мы их не трогали.

Поймав взгляд. Кощея и угадав! его возмущение, Гаральд дернул Буяна за рукав:

— Ты точно сумасшедший! Он же чародей — нас пальцем прихлопнет! С ним так нельзя. Вот когда к Мерлину однажды...

— Чародей, говоришь? — сверкнул в его сторону глазом Буян. — А я-то думал, что он сам сатана!

Рыцарь уловил насмешку и прикусил язык.

Страхнув с себя его руку, гуслар вышел на самое крыльцо чуть ли не перед глаза Кошеевы, коротко поясно поклонился ему и заговорил, делая знак остальным приблизиться.

Не облако в лес хоронится, не стонут кусты прибрежные — пустились три добра молодца дорогой непрямоезжею.

Пустились не за наградою, искали они не милости — долг чести исполнить надо им да трудность дороги вынести.

Их дома, леса и пажити, покинуты, ждут. Все то, что трудами нажито, о чем вдали души маются.

— Приехали мы к тебе из земель славянских, из северного княжества Сварогова. Ты, сказывали мне, когда-то живал там и с богами родство и дружбу водил, так и народ наш должен знать. Имя мне — Буян сын Вадимович, гуслар я из Новгорода, уж который год за разум и умение служу я богам светлым, с самим Стрибогом-Сварожичем разговаривал, с Семарглом-гонцом³⁸ дела имел, Перуна-кузнеца знавал не только по имени. Волхв я... А приехал сюда не в учение и не для сражения — есть у меня друг первый, побратим мой от сражений прошлых, князь древнего славного города Резани...

— Что? — вдруг ахнул Кощей. — Из самой Резани человек здесь?

— Верно то, — осторожно ответил Буян и кивнул Мечиславу, чтоб помог он сойти с коня Властимиру — Князь из самой Резани... Видать, и ты о граде сем понаслышан немного? А раз так, выслушай и еще одну повесть — как пожгли Резань тому назад несколько месяцев орды степных волков-псоглавцев, живого места не оставили, самого князя в полон взяли да очи ему выкололи. Помогли ему боги светлые от врага спастись да нам встретиться, и поклялся я, что верну ему зрение. Нам наверное поведано, что на твоём острове есть источник с живой водой. Ты про Резань откуда-то знаешь-ведаешь, так в память об этом

---

³⁸ Семаргл — одно из божеств пантеона князя Владимира. Многие исследователи утверждают, что славяне представляли себе Семаргла в виде крылатой собаки.

помоги — поделись водицею! А уж мы тебя за дело такое отблагодарить сумеем!

Кощей склонил голову, словно раздумывая.

— О граде сем я и вправду наслышан во времена старопрежние, — наконец ответил он, — да только одного в толк в твоих речах взять не могу: а прочим что, тоже вода от меня надобна?

— Про них речь особая, хозяин ласковый, — с улыбкой продолжал гусляр. — Мечислав — то сын одного из волхвов, Чисто-мысла, сына Добромирова, внука самого Волхова-чародея. Пустился он с нами в путь для ради помощи да земли увидеть незнаемые. Рыцарь, что перед тобой, — воин из далекой Англии, именем Гаральд Мак-Хаген... дальше не помню... Прибыл он вслед за невестою своею, леди Джиневрой, — говорят, и тому верю я, что она у тебя в чертогах твоих вместе с прочими пленницами томится, ждет не то смерти, не то спасения. Коли есть у тебя такая девушка — лучше отдай. Он ее второй год по земле разыскивает!.. Ну, а последний наш спутник — то сам Синдбад Мореход из города Багдада. Повстречались мы с ним далеко отсюда, познакомились. На его корабле и добрались до твоего острова.

— А корабль — он и посейчас еще здесь? — молвил Кощей.

— Здесь! — подбоченился Синдбад. — А на нем команда — ребята отчаянные! Коли надо будет — и к самому Шейху джиннов полезут!

Кощей сжался, чуть отступя. Он понял, что все не так просто, как казалось. Несомненно, кто-то помогает этим людям, раз явились сюда и дорогу сыскать сумели. Поднял он голову и усмехнулся:

— Что ж, раз сумели доехать — будьте гостями моими. Есть у меня все, что ни просите — и вода живая заветная, и пленниц из чужих краев немало, авось и невеста чья сыщется.

Только гусляр старался запомнить дорогу — все прочие были поражены убранством залов, по которым их проводили. Чего тут только не было — стены обиты золотом и украшены выложенными из самоцветов узорами. Статуи, как живые, замерли меж колонн, держа в руках светильники. Под ногами блестела мозаика, слагающая целые картины. В комнатах порой встречали слуг — людей разных земель. Они косились на гостей, но не приближались.

Синдбад и неискушенный Мечислав забыли обо всем на свете, мореход только вертел головой, прикидывая в уме, сколько что будет стоить на рынке, если украсть и продать. Выходило, что он в любом случае окажется богачом. Наконец путь был окончен — им распахнули двери в просторный зал, где их ждало угощение.

Огромные открытые настежь окна выходили в залитый солнцем сад. Волны ароматов, пряных, нездешних, незнакомых даже много повидававшему Синдбаду, всплывали в комнату. Издалека доносились голоса птиц — они начинали петь перед рассветом, а замолкали после полуночи. Сейчас, в жаркий полдень, утомившись, птахи утихли.

Каждому из гостей отвели отдельные покои, двери которых выходили в зал, где томные девушки со звенящими на щиколотках колокольчиками подносили гостям угощение и развлекали, как могли. Синдбад, привыкший к подобному у себя дома, заговаривал с девушками, что охотно отвечали ему взаимностью, но остальные путники оставались равнодушны и к нежным взорам, и к тонким талиям, и к томным вздохам.

Миновала неделя, как поселил их у себя Кощей, начиналась вторая. За все эти дни хозяин замка ни разу не навещал гостей, даже никто не приходил от него узнать, нужно ли что людям. Он словно забыл о них.

— Не понять, — молвил как-то, отставляя опустевший кубок, Гаральд, — не то мы гости здесь, не то пленники! Время идет, а дела не видно. Может, обманул нас Кощей-то ваш?

Мечислав восторженно:

— Не мог он того! Мы здорово его напугали — видел я, как он на Буяна смотрел! Не о том он думает ныне.

— А о чем же тогда, по-твоему? — осадил его рыцарь, — Или ждет, чтобы мы, как

Синдбад, на его потаскух накинулись? Английские рыцари не таковы. Лишь язычники способны так поступать...

Сидящий с ногами на подоконнике Буян тихо фыркнул, не отводя глаз от далей.

— Не то тебя гнетет, друже, — раздумчиво молвил он. — То тебе покоя не дает, что истосковался ты без дела. Правду скажу: и мне тут — как в клетке золотой.

— Верно говоришь, — добавил Мечислав, — Родная земля лучше. В этой красоте почему-то лишь она и вспоминается...

— Дома сейчас зима, — мечтательно улыбнулся Буян. — Месяц лютень³⁹ вот-вот начнется...

Услышав его слова, Властимир с усилием поднял голову. Лицо слепого князя было сурово и холодно. Он провел руками по повязке на глазах.

— Лютень начинается... — тихо вздохнул он. — Волки на дорогу выходят...

Его всего передернуло, и он отвернулся, горбя плечи.

— Не томись! — окликнул его Буян страстно. — Я и сам в думах держу, как они по твоей Резани бродят безнаказанно, что поделявают. Но будь уверен — мы еще вернемся и — прижмем им хвосты! Не будь я Буян!

Он откинулся на витую раму, прикрыл глаза и тихо затынул, будто только для себя:

Край далекий, берег неласковый, что зовет дорог да сплетением. Кто подскажет, что ждет в дороге нас, что еще свершить нам судьба велит. Как три ворона да три витязя, да три странника в путь отправились. Бесконечен путь да загадочлив — чем встревожит он, чем порадует? Им земля лежит ровной скатертью, им змеей дороженька ластится, звезды блещут в небе игриво, море гладь-волну гонит по ветру...

Скрипнула дверь, и песня прервалась. Буян бросил взгляд — тихо вошел Синдбад, и вдруг, пригнувшись, как зверь, он начал тихо подкрадываться к наружной двери, на ходу вынимая кинжал.

Остальные, еще раньше Буяна заметившие Синдбада, тоже затаили дыхание, недоумевая, в чем дело. Мореход подскочил к двери и распахнул ее с силой.

Послышался короткий вскрик.

— Держи его! — закричал Синдбад, бросаясь вон. Гаральд сорвался с места и кинулся на помощь. Снаружи послышался короткий шум борьбы, чей-то возмущенный голос собирался позвать на помощь, но оборвался под жесткой ладонью. Мечислав и Буян повскакали с мест. Рыцарь и мореход уже затаскивали в комнату отчаянно сопротивлявшегося слугу. Руки его были связаны поясом Синдбада, Гаральд придерживал его локтем за шею и сжимал ее так, что у бедняги глаза вылезли на лоб.

— Доносчик! — гордо объявил Синдбад, притворяя двери. — Я, подходя, услышал за дверью его дыхание. Эх, не умеешь шпионить — не берись!

Он замахнулся на пленника. Гаральд сжал его чуть сильнее, и тот захрипел, задыхаясь. Буян бросился к рыцарю:

— А ну отпусти его горло! Нечего казнить его раньше времени — сперва допросить надобно, кто он и что здесь делал... Может, он просто мимо проходил!

Пленник скопил на него глаза, но его поимщики были настроены более решительно.

— Мы здесь почетные гости, — возмущался Синдбад, — пусть его хозяин примерно накажет негодяя, осмелившегося следить за нами. Я немедленно иду к Кощею, а ты, — обернулся он к пленнику, — проводишь меня к нему, если хочешь облегчить свою участь!

Речи морехода возымели неожиданное действие — при одном упоминании о Кошее пленник рванулся прочь со страшной силой. Гаральд крепче сдавил его горло локтем, и только благодаря хватке рыцаря раба удалось удержать на месте. Задыхаясь, он дрожал всем

---

³⁹ Лютень — славянское название месяца февраля.

телом, но в глазах его вместе со страхом горела ненависть.

— Погодите казнить его, — вдруг молвил Буян каким-то чужим голосом — низким и напевным. — Знакомое в нем есть что-то...

Он приблизился вплотную к пленнику и двумя пальцами осторожно развернул его лицо к себе. Раб смотрел в глаза гусярю с ужасом и бессильной злобой. Губы его шевелились — он пытался что-то сказать, но ему не хватало воздуха.

— А ну-ка поведай нам, мил-человек, — продолжал гусляр тем же завораживающим голосом, — кто ты и откуда... Вроде как лицо мне твое знакомое. Мы случайно раньше не виделись в дальних землях, в краях неведомых?

Пленник дрожал всем телом, словно его мучила лихорадка-трясовица, но глаз не отводил. Ненависть сменилась ужасом, и остальные почуяли неладное. Только Мечислав и оставшийся в стороне от событий Властимир ничего не заметили.

Лоб раба покрылся капельками пота, на ресницах выступили слезы, но он не мог ни закрыть глаз, ни отвести взгляд от лица Буяна. Наконец силы покинули его, он обмяк в руках рыцаря.

— Это чары, — уверенно молвил Буян. — Он заколдован кем-то... Дай ему дышать, Гаральд, — я попробую его освободить...

— Колдовство? — недоверчиво переспросил рыцарь. — Откуда?

— Он прав, — вступился Мечислав, — я сам это чувствую, да сделать ничего не могу — не знаю как...

— Воды, — приказал гусляр, — Простой воды, и быстро... А ты, Гаральд, все же придерживай его — среди варягов попадаются одержимые, их еще берсерками именуют... Так они боли не чувствуют — насмерть бьются и часто один против десяти без оружия выходят. Они сами себя до бешенства доводят, мухоморы едят перед битвой, а его для сего случая и заколдовать в берсерка могли. Тогда нам с ним не совладать!

Пока он говорил, Синдбад выскочил в соседнюю комнату и вскоре вернулся с полным кувшином воды.

Гаральд ожидал, что славянский колдун начнет шептать на воду или смешает ее с кровью, но гусляр наполнил водою кубок и поднес его к стиснутым зубам пленника:

— Пей!

Сверкнув ненавидящим взглядом, раб осушил кубок. На последних глотках он успокоился и без сопротивления выпил второй, а за ним и третий предложенный гусляром кубок. Неожиданно глаза его закатились, он обмяк, склонив голову на плечо так и не отпустившего его рыцаря.

— Захлебнулся, — удивленно протянул тот.

— Отпусти его. — Гусляр наполнил кубок в четвертый раз. — Теперь он нам не опасен, будь он трижды берсерк. — И вылил кубок на голову пленника.

От воды тот пришел в себя, огляделся и, увидев вокруг все те же лица, рухнул на колени.

— Смилуйтесь! — воскликнул он, — Не говорите ничего Кощею! Если он узнает, что вы меня выследили, меня ожидает смерть!..

Синдбад в сердцах пнул его ногой:

— А, так ты все-таки следил за нами?

— Так приказал хозяин, — торопливо откликнулся раб. — Я принадлежу ему — он может убить меня в любой момент. Я следил по его приказу — это для меня был единственный шанс остаться в живых...

— Но почему?

— Я служил в его охране, но не справился с заданием. Он мог меня убить за это, но предложил искупить вину новой службой. Он послал меня следить за вами и обо всем докладывать ему. Я слушал, слушал, пока не услышал эту песню... Тут я забыл обо всем...

Он понурился, роняя голову на руки.

— Что верно, то верно, — отозвался Властимир, — голос у нашего Буяна знатный —

любой заслушается.

Гусляр присел подле раба.

— Что ж такого нашел ты в моем голосе? — спросил он почти ласково.

Раб вскинулся — глаза его были полны слез.

— Песню, — ответил он. — Я не знаю, как сказать, но было в ней что-то такое, что мне самому петь захотелось...

Несколько минут они смотрели друг другу в глаза.

— Ой, знаком же мне глаз подобных свет, — напевным низким голосом опять заговорил гусляр. — Ты ответь, не лукавя и не хвастая, что за землю зовешь ты родимую? Чей язык ты слышал с первых дней своих, как зовут тебя от младенчества?

Раб, как зачарованный, не сводил с него глаз, но молчал.

Властимир вдруг поднялся и шагнул к нему. Мечислав подскочил и подал князю руку, помогая. Подойдя, он отстранил юношу и сам нашел голову пленника.

— Славянин он, — негромко молвил резанец, и от звуков его голоса все вздрогнули. — Я по дрожи его это чувствую...

— Не ты один, — отозвался Буян, — я глаза его синие с первого погляда спознал. На тебя чем-то он похож — видно, капля крови есть хазарская.

Раб на вид был чуть постарше Властимира. Загорелый до черноты, широкоплечий, он не производил впечатления простого раба — возможно, раньше он был воином, да за что-то его разжаловали. За последнее говорили полученные в бою шрамы и мозоли на руках от кожаных поводьев и рукояти меча.

— Из какого ты города? — спросил у него Буян.

— Я не помню, — сознался раб. — Одно знаю точно: Кощей велел мне все забыть — и я забыл. И не я один — все, кто у него служит, забыли свое прошлое, а те, кто с севера, — особенно...

— Крепко боится он нашего брата славянина, — раздумчиво молвил гусляр. — Чую, и нам здесь несладко придется... Ну да ладно! Будет время — будет дело. Ты нас не теряй — авось найдем способ тебя выручить. Только князю живую воду добудем — и айда в путь, на родимую сторонушку!

Он мигнул рабу, и тот схватился за голову.

— Домой? — выдохнул он. — На родину?

— Слово чести! Белес⁴⁰ мне свидетель, коли совру!

— Трудно вам будет слово свое выполнить. — Раб вытер мокрую щеку — Кощей за свое крепче смерти держится. Всего у него полно: и злата-серебра, и камней самоцветных, и прочего чуда, и девицы со всех концов земли, и диковинки...

Услышав про девушек, Гаральд тряхнул раба за плечо.

— Говори, что за девушки? — рявкнул он. — Какие?

— Пленницы, — испуганно ответил раб. — Отряд наш самых красивых Кощей доставал. Из разных земель привезены... И желтокожие, и черные есть, и красные, с волосами как смоль... И с севера тож — я теперь вспоминаю...

— С севера? — взвыл рыцарь, — А скажи-ка, среди них не было леди Джиневры, из Англии? Волосы у нее как пена морская, кожа нежна, как шелк, а глаза...

— Мы-то имен у них не спрашивали, — сознался раб, — а что есть среди них светловолосые, так то точно.

— Ее в Дамаске продавали, да только кто-то в черном на черных конях ее увез, — сказал Буян. — Это все, что мы знаем о ней.

— Бывали мы и в Дамаске, знаю такой город. Летали туда за девицами... несколько раз, — припомнил раб.

---

⁴⁰ Белес (Волос) — в славянской мифологии “скотий бог”, покровитель домашних животных, бог богатства и благополучия. Чаще всего славяне представляли себе Белеса как огромного медведя.

Рыцарь от облегчения чуть не бросился к нему в объятия, но, вспомнив, кто перед ним, отстранился.

— Мог и соврать, — молвил он недоверчиво. — Сам же сказал, что Кощей вам все забыть велел!

Сквозь загар на щеках раба проступил румянец.

— Такое не забывается, — молвил он еле слышно. — Кощей тех, кто ему надоедал или же строптивой оказывался без меры, нам, солдатам, отдавал.

— Врешь, собака! — Гаральд вскочил, сжимая кулаки. — Мою Джинеvру — солдатам на потеху! Да я его...

Он уже ринулся к двери, но на него набросились все разом и вынудили вернуться.

— Такой пока не было, — торопливо успокаивал взбешенного рыцаря раб. — Да мог он ее и не отдать, а для чего иного приберечь. У него все девушки в саду, за забором каменным — ни к ним не пробраться, ни им не выбраться...

Гаральд, услышав про сад, успокоился.

— Как отыскать сад тот?

— Там он, на другой стороне башни. Коль ее обойти, видна ограда белая. Кощей цвет белый не очень-то жалуется, но для них расстарался. Только охраны там видимо-невидимо...

Гаральд, словно неживого, отодвинул раба от себя.

— За добрую вестъ спасибо тебе, — задумчиво молвил он. — А дальше уж я сам как-нибудь...

Он отвел руку потянувшегося к нему Мечислава и, понурясь, ушел.

Раб с тревогой смотрел ему вслед.

— Вы не должны отпускать его, — убежденно молвил он. — Охрана-то вся зачарована, хоть и состоит из таких же, как я, рабов Кощевых. Убьют они его и вас заодно, потому как хозяин смерти вашей желает.

— Это не твоя забота, — остановил его Буян, — ты лучше-ка иди своей дорогой, а Кощею скажи, что ничего не слышал от нас. Мы своего друга сами остережем от беды.

Было еще темно, когда Гаральд вылезал из окна своей комнаты. Весь день рыцарю не елось, не пилося и ночью не спалось — перед глазами стояла Джинеvра. Полтора года пробыла его невеста в плену у колдуна. Всю ночь рыцарь обдумывал план и под утро решился.

Из его окна и в самом деле можно было разглядеть в глубине сада белую стену — единственное белое пятно, что заметили гости во всей долине. Даже сейчас, когда ночь еще не наступила, она ясно различалась вдаль. Напрямик от башни до нее было всего около миль.

За ночь из полога кровати и простынь рыцарь сплел веревку. Она доставала до земли. Перепоясавшись мечом, Гаральд спустился почти наполовину, когда наверху послышался шорох и знакомый голос молвил:

— Так я и думал!

Рыцарь вскинул голову — в окне виднелось загорелое лицо Синдбада. Мореход радостно скалился, сидя верхом на подоконнике.

— Я так и думал, что ты решишься туда бежать! — улыбнулся он. — Но я не подозревал, что ты станешь ждать почти до утра — на такое дело следует идти полночью!

Увидев, что, он взялся за веревку, Гаральд яростно прошептал:

— Только попробуй остановить меня — мигом с жизнью простишься!

— А я не хочу тебя задерживать, — весело шепнул мореход. — Я и сам туда направляюсь. Вместе как-то веселее, ты не находишь?

Гаральд был не столь в этом уверен, но обрадовался, что мореход не пытается его остановить.

— Что ж, идем вместе, — обреченно согласился он. Заговорщики спустились на землю, никем не замеченные.

Со всех сторон на них надвигались заросли — высокие пыш-нокронные деревья, овитые лианами, колючие кусты, покрытые росой, и густая трава. Позади возносилась вверх стена башни. Свет луны и редких предрассветных звезд почти не проникал к земле. Прохладный влажный воздух кружил голову, тянул на подвиги и приключения. Гаральд вдохнул полной грудью и подумал, что именно в такие ночи хорошо совершать побег — словно сама природа помогает тебе.

— Стена в той стороне, — шепнул он Синдбаду и первым углубился в заросли.

Колючие кусты вставали живой стеной. Затянутый в доспех, рыцарь не чувствовал уколов колючек. Он раздвигал кусты руками, лишь изредка помогая себе мечом. Синдбад шел за ним, как по просеке. Кусты шелестели листвой, звонко ломались ветки, казалось, что производимый ими шум может разбудить всех, но перед рассветом люди спят крепко, и мило похитители одолели быстро и без приключений.

Примерно на середине пути заросли вдруг поредели. Приятели вступили в ухоженный парк, где не росло ни одной лишней травинки. Здесь было видно все издалека — подстриженные деревья и кусты, ровные тропинки, купы цветов, статуи, беседки. Они сразу же прибавили шаг. Синдбад догнал Гаральда и пошел с ним рядом.

— А здорово ты придумал, — сказал он, — задрать подол одной из Кошечевых подружек! Я сам того же хотел, да только другие дела мешали. А с тобой мы таких делов там натворим!

Он с удовольствием потирал руки.

— Слушай, ты, — огрызнулся Гаральд. — Я иду туда за своей невестой. Я найду ее и скажу Кощею, что он должен ее отпустить. На другие дела у меня нет времени.

— А кто тебе мешает? Пока ищешь одну, можно познакомиться и с другими!

— Я христианин! — резко оттолкнул рыцарь. — И рыцарь к тому же. А христиане не бегают по девкам — они хранят верность одной женщине, которую любят.

Впереди посветлело. Спорщики замолкли и прибавили шаг. Гаральд почти бежал — так велико было его нетерпение увидеть Джиневиру.

Белая стена была столь гладкой, что в нее можно было смотреться, как в зеркало. Но неунывающий Синдбад в мгновение ока нашел выход.

— Дерево, друг! — Он бросился к стволу, росшему чересчур близко от стены. — Не знаю, как тебе, а мне пробежать по суку легче, чем по вантам на корабле.

Он проворно стал карабкаться по корявому стволу, но Гаральд из-за тяжести доспехов не мог последовать за ним. Он огляделся.

Чуть в стороне валялся камень, оставшийся ют разломанной беседки. Примерившись, рыцарь приподнял его.

Камень оказался тяжеловат, но до стены дотащить его он все-таки смог. Синдбад уже был там и ждал спутника. Протянув руку, он помог рыцарю влезть на стену.

По ту сторону белой стены расстился точно такой же сад, и те же дорожки убегали вглубь, к нескольким домикам, что казались в ночи каменными глыбами. Еще не рассвело, и задохнувшиеся от близости цели Синдбад и Гаральд оглядывали кроны деревьев, слабо сверкающие каплями росы.

Усмотрев в них что-то странное, мореход успел еще дернуть за руку рыцаря, но это привело лишь к тому, что Гаральд, спрыгивая, увлек его за собою.

ГЛАВА 5

Они вдвоем упали в мокрую от росы траву. Тихий звон, словно потревожили колокольчик, раздался рядом.

— Бежим! — дернулся Синдбад, услышав этот звон, — Сейчас здесь будет стража!

Гаральд сорвался с места и помчался, но не обратно к стене, а в глубь сада, раздвигая ветви руками. Тяжелые капли росы, каждая весом в голубиное яйцо, дождем сыпались на него. Всякий раз, как капля срывалась с ветки, раздавался звон, который был тем громче, чем

больше была капля. Не замечая звона, рыцарь бежал по саду, сопровождаемый шумом.

— Назад! — кричал ему Синдбад, пытаясь остановить англичанина. — Назад, пока целы! Поищем другой путь!

— Ты ищи, — воинственно обернулся Гаральд. — А я не могу ждать, когда моя Джиневра рядом!

— Ну и глупец! Да нас схватят сейчас!

— А ты бы остался да и сразился с ними, а я тем временем найду мою невесту!

— Сейчас вместе искать будем, — вдруг неожиданно тихо промолвил мореход и указал на что-то позади рыцаря.

Гаральд круто обернулся, на бегу выхватывая меч. Позади него стоял десяток воинов в черном. Четверо держали наготове луки, пятеро не спеша подходили, поигрывая оружием, командир отряда стоял поодаль.

— Вы сохраните себе жизнь, если сдадитесь в плен, — глухо сказал он. — В случае сопротивления мы вас уничтожим! Мои воины попадают мухе в глаз.

Луки дрогнули.

— Вас больше, но вы еще попробуйте взять меня, — заявил Гаральд, вставая перед командиром отряда с мечом и опуская забрало шлема. — Гаральд Мак-Хаген Английский никогда не сдавался в плен неверным!

— Что ж, — командир отряда кивнул, — у вас, рыцарь, есть случай попробовать.

Сверху упала сеть. Тут же с деревьев дождем посыпались остальные воины, сидевшие в засаде. Вместе со второй половиной отряда они накинулись на пришельцев.

Взревев, как медведь, Гаральд попытался разрезать сеть мечом, но сразу несколько рук вцепились в его оружие. Кто-то прыгнул на плечи, ища шею жесткими пальцами. Рыцарь успел почувствовать прикосновение удавки к горлу, когда удар по голове поверг его наземь.

Славян разбудили голоса и стук в двери. Несколько человек колотили ногами и рукоятями мечей, пока гости не вышли узнать, в чем дело.

Их ждали в коридоре воины Кошечей охраны, держа наготове оружие. Командир придирчиво осмотрел троих славян, но ничего не сказал и жестом велел им следовать за ним. Воины окружили их плотным кольцом и повели.

Дорогой славяне терялись в догадках — что случилось такого в Кошечьем дворце за ночь? Неужто их выдал тот раб-славянин, которого они обнаружили вчера подслушивающим? И где, наконец, Гаральд и Синдбад?

Кощей ждал их в огромном зале. Первый раз входили в него гости, а потому в первые минуты забыли обо всем, осматриваясь.

Стены и колонны, похожие на стволы высоких дубов, были украшены чистым золотом. Драгоценные камни слагали на золоте причудливые узоры — цветы заморские, птиц неведомых, зверей диковинных, знаки зловещие. Под потолком сверкали краски яркие — там было расписано небо с чертогами Сваро-говыми — облака, змеи крылатые, кони солнцегривые, часты звезды да светел месяц. Отлитые из серебра статуи возвышались по обе стороны от высокого помоста, где на троне из камня кровавого восседал сам Кощей. Знакомая славянам волотка замерла у трона, не снимая руки с меча. Глаза ее горели злорадно, сам же Кощей был спокоен и не торопил гостей.

Дав им налюбоваться красотой зала, он кивком головы подозвал их ближе.

— Что, дворец мой по нраву пришелся? Вижу, глаз вы от него оторвать не можете!

Опомнившийся Буян быстро шагнул к трону.

— Твоя правда, Кощей, — молвил он. — Всем твои палаты обильны — я нигде такого не видывал. Чудо ты создал на земле. О таком только сказки рассказывать...

— Сказки, — ласково ответил Кощей, — да только много будет в тех сказках лжи и вымысла, много всякой напраслины, потому как слагать их будут воры да обманщики, что подобны волкам голодным. — Он пристукнул посохом о пол.

— Да как ты смеешь называть нас волками! — вскипел вдруг Властимир, — Мы люди

одного языка с тобой, славянского! Благодарю Небо, что я света дневного не вижу, а то бы показал я тебе, хоть и хозяин ты, каково гостей оскорблять!

Он уже ринулся на голос к трону, и Буян с Мечиславом еле его удержали.

Кощей же выглядел веселым.

— Усмирись, человек, — молвил он строго. — Высоко ты голову держишь, да низко склонишь. Волки вы — всего лишь волки дикие, каких в лесах ваших много. Целая стая зверей! Вот, полюбуйтесь-ка на своих приятелей!

Он махнул рукой, и охранники вывели и поставили перед тронем Гаральда и Синдбада.

С рыцаря сорвали доспехи, оставив только высокие сапоги, у морехода отобрали верхний халат. Руки их были связаны за спиной одной веревкой, к другому концу которой был привязан огромный пес в наморднике. Зверя держали за ошейник два дюжих раба и еще двое, на всякий случай, не спускали глаз с собаки.

Гаральд вскинул угрюмое лицо — из-под взлохмаченных волос на лбу был замечен большой свежий шрам. У Синдбада заплыл синяком глаз. Рыцарь взглянул в глаза гусляру и отвел взор.

— Вот воры, — торжественно объявил Кощей. — Они не рабы мне, а гости чуждеальные, потому и не казнил я их в тот же час смертью лютой. Они забрались в мой сад и хотели похитить то, что я даже близким показываю издали. Явились, как волки в овечье стадо, а потому вот мое решение: быть им волками до скончания века...

По его знаку стража отошла в стороны, оставив Гаральда и Синдбада одних. Пес в наморднике бросился на них с радостным воем — его никто больше не удерживал, — но потом вдруг отпрянул, припал на лапы и завыл.

Кощей встал, поднял посох. Засверкал на его тощей груди амулет, возникший откуда-то ветер поднял полы плаща и разметал бороду. Закачались светильники, что-то — Под землей заворочалось. Кощей тихим голосом произнес какие-то слова.

Рыцарь бросил прощальный взгляд на славян. Он хотел что-то сказать, да только язык не слушался и заведенные назад руки стали болеть — у волков так лапы не выворачиваются. Рядом рухнул на колени Синдбад. Горячий воздух толкнул Гаральда в грудь, он почувствовал, что волосы зашевелились у него на всем теле, стали расти, протыкая рубашку. Он попытался вспомнить молитву к Деве Марии, но мысли путались. Ноги его сами подогнулись, и он опустился на колени, склонясь лбом к полу.

Словно неживые, славяне смотрели на колдовство. Когда рыцарь упал на колени, Буян вдруг бросился к нему и запустил пальцы уже не в волосы, а в шерсть на голове рыцаря.

— Остановись! — закричал он. — Именем Белеса заклинаю тебя — остановись!

Голос его перекрыл вой ветра, что кружил вокруг трона Кощеева, и колдун опустил руки.

— Ты смеешь мне указывать, человек? — прогремел он.

— Смею, потому как мне Белес — дед родной, — яро вскрикнул Буян. — И пора бы знать, что мне, как внуку, сила его дадена. А посему ты немедленно снимешь с них заклятье или пожалеешь об этом!

Два связанных на человеческий манер волка, которых он держал за загривки, не спускали с него глаз.

— Вина их велика, и все боги меня поддержат, — строго ответил Кощей. — Не бывало такого, чтоб на меня покушались безнаказанно. Правду открою: хотел я потом и вас троих в волков обратить да на службу к себе определить — вы многих моих слуг побиили. Ты был бы у меня на посылках, стал бы князь белым волком, покоев моих сторожем, а прочие — на границе стояли бы, не пускали бы ни пешего, ни конного. Да назвал ты имя Велесово и сказал, что ты его родственник. А потому вас троих я помилую — отпущу назад невредимыми. Коли уж вдругорядь вернетесь, тогда не взыщите — не пощажу, обращу волками!

Волк, что прежде назывался Гаральдом, был светло-серой масти, широк в плечах по сравнению с более мелким и темным Синдбадом, он посмотрел на Буяна жалобно и, когда тот склонился к нему, лизнул ему руку. Синдбад, отвернувшись, поскуливал, как щенок.

Гусляр встал.

— За милость такую благодарствуем, Кощей, — он отвесил поясной поклон, — да только хочу испросить у тебя про дельце одно завалящее. Ты, когда мы только сюда приехали, обещался нам достать для князя моего Властимира Резанского живой воды, чтоб вернуть свет очам его. Гаральду ж, — он опять положи руку на голову вилка, — хотел отдать его невесту, за которой он столько дорог прошел... Как же со всем этим?

— Радуйтесь, что живыми уходите, — оборвал его Кощей. — Хотел я вам угодить, просьбы ваши исполнить, да только нарушили гостюшки законы мои да обычаи, и не должен я вам теперь ничего. Эти двое теперь мои рабы, а вам — путь-дорожка ровной скатертью!

Он молча указал им посохом вон из зала, и волотка сделала шаг к связанным волкам. Оттеснив гусляра, она приподняла того, что был рыцарем, за шиворот и осмотрела.

— Пойдет вместо того, убитого, — изрекла она довольно. Она хотела уже унести его, взвалив на шею, как пастухи таскают овец, но тут Буян и Мечислав встали у нее на пути.

— Ты и шагу не сделаешь, женщина, — строго молвил гусляр. — Повелитель твой не сказал еще слова своего последнего!

Услыхав такие слова, волотка онемела от ярости и потянула меч из ножен. Гаральд, который лежал у нее на плече, вдруг изогнулся и вцепился зубами в ее руку.

Взвыв, волотка, крутанулась на месте, роняя волка, а Мечислав успел завладеть ее мечом, вырвав его у нее из ножен.

— Я убью их! — взревела богатырка, бросаясь на юношу.

Мечислав отступал, не даваясь ей в руки, но волотка была гораздо проворнее. Она уже совсем схватила его, но тут ей на пути попался Властимир. По шуму шагов догадавшись, кто идет, он перебежал ей дорогу. Разъяренная волотка отбросила его, как ненужную помеху, а за это время юноша успел отбежать.

Буян разрезал веревку на лапах волка-Гаральда, и тот бросился на спину богатырке. Не ожидавшая такого, она упала, а подняться не смогла — кончик ее собственного меча упирался ей в горло.

— Один твой жест, Кощей, и она умрет, — строго сказал Мечислав.

Буян помог подняться Властимиру. Волк-Гаральд освободил Синдбада, и пес, к которому были раньше привязаны оба волкодлака⁴¹, отполз, униженно и испуганно повизгивая.

Гусляр подвел князя к самому трону.

— Ты, Кощей, не будь на нас в обиде, — заговорил резанец. — Да только на чужбине забыл ты норы славянский: коли что надобно кому из нас — век того не остудить, не заставить позабыть. Нельзя мне на родину таким ворочаться — или где голову сложить, или опять зрячему стать. Сознаю, что прогневали друзья наши тебя, и на нас за их вину легла опала, потому как не удержали вовремя словом твердым. Но дело свое нам выполнить нужнее нужного, а потому готовы отслужить за воду тебе. Говори, что исполнить надобно! Все сделаем — ,с,др.во князя Резанского!

Кощей осмотрел зал. Ворвавшиеся на шум воины замерли в стороне, ожидая приказа господина. Волотка, его страж и телохранитель, лежала, не смея пошевелиться, под мечом. Два волкодлака несли охрану, мешая воинам приблизиться незаметно. Сделай кто из них шаг — поднимут тревогу, и тогда... За свою жизнь Кощей не боялся, но сколько смогут натворить разбушевавшиеся славяне?

— Вижу, никак вы не уйметсяь, — устало промолвил он. — Проще простого было мне даже сейчас заколдовать вас малым заклятьем, чтоб никогда не смогли вы никому сказать слова противного и всегда со всеми соглашались — вы и дети ваши до сотого колена и далее. Но ты, резанец, мне сказал кое-что очень дельное, и решил я взять вас на службу: исполните,

---

⁴¹ Волкодлак — в славянской мифологии человек-оборотень, обладающий сверхъестественной способностью превращаться в волка.

что велю, — получите свою воду, а не исполните — и на глаза мне не попадайтесь!

— Подходяще, — кивнул Властимир, — говори, что сделать надобно!

Мечислав скосил на него глаза — он что, не понимает, во что они ввязываются, поступая на службу к Кощею?

— Слушайте и не говорите, что не слышали, — заговорил Кощей и кивнул Буяну: — Ты, добрый молодец, называл тут имя Велесово и поклялся мне, что его родственник. А раз так, должен ты знать, что нужно мне и что мне такую власть дает.

— Смерть? — переспросил Буян.

— Смерть, — кивнул Кощей. — Хранится она не здесь, во дворце, и даже не на этом острове, а вот где — и сам я забыл. Помню только, что лежит она в негной-ларце, а стоит он на каменном поставце — не всякому дано тот поставец увидеть да ларец поднять, а лишь тому, кто секрет его разгадать сможет. И сторожат смерть мою не так, как меня, — у меня в покоях вы восемь ночей проспали, и ничего с вами не случилось. А там вы и одной не проспали бы... Но далековато сие место, а мне надобно, чтобы смерть моя хранилась где-нибудь поблизости. Вот сыщите ее да мне доставите — дам я вам живой воды, сколько запросите!

— И всего-то? — усмехнулся Властимир. — И не такое свершали. Только и у нас есть одно условие: сними заклатье с друзей наших — без них в путь не двинемся, а коли пойдем — не видать тебе смерти твоей вовеки, а уж мы-то тогда ее используем!..

Буян подергал князя за рубаху, удивляясь, как он осмелился говорить так с самим Кошеем. Он уже почти поверил, что сейчас постигнет дерзкого кара неминуемая, но тут встал Кощей и улыбнулся.

— Хорошо, так я и сделаю, — молвил он и опять взмахнул посохом.

Поднялся ветер, завьнь, качая светильники и вздувая плащ Кощей. Славян от трона как пушинки отодвинула, волков наземь швырнуло. Прогредел в вышине над башней гром, потемнело все и опять успокоилось. Когда же развиднелось, вместо двух волков увидели все двоих людей.

Гаральд медленно поднялся, схватившись за голову. Попробовал сделать шаг, но ноги не слушались — хотелось опуститься на четвереньки и завывать. В удивлении он оглянулся, все еще не веря своим глазам, и увидел, что Синдбад так и стоит на коленях, не пытаясь встать. Но он тоже был человеком — как и раньше. И все же внутри что-то было не то.

— Что... что ты сделал с нами, колдун? — прохрипел рыцарь. Горло было словно чужое, и голос казался не его.

Кощей улыбался довольно.

— Оставил я на вас малое заклатье, — ответил он, — чтоб друзья ваши не думали, что так легко воришки отделаются. Отныне, пока я не сниму его, каждую ночь вы оба будете превращаться в волков и оставаться зверьми до рассвета. А снять заклатье смогу я только после того, как исполните вы мой приказ. Теперь — отправляйтесь в путь, пока я не передумал и не раскаялся, что дал вам задание столь легкое!

Он взмахнул посохом, и стоящие у дверей воины стали подходить, растягиваясь цепью.

Славянам не оставалось ничего иного, как подчиниться и покинуть зал.

Час спустя они уезжали, удрученные тем, что только что случилось. Все молчали, а виновники происшедшего, Гаральд и Синдбад, избегали вообще смотреть в сторону остальных. Кощей следил за ними из окна башни, то и дело оглядываясь на зеркало. Когда пятеро всадников выехали за пределы долины, их отражения появились на нем. Кощей подошел к нему ближе и улыбнулся, глядя на смурные лица. Он дал им слишком сложное задание, они вряд ли вернутся живыми... Если только тот Буян не соврал ему о своем родстве с Белесом...

На следующий день ввечеру они возвратились на берег, где их ждал корабль. Прошло всего две недели со дня их отъезда, матросы не успели облениться и соскучиться на острове, где в изобилии росли самые разные плоды и водилась непуганая дичь. Но необходимость

отправиться в путь по поручению колдуна заставляла на следующее утро отплывать.

Как поведали моряки, несколько дней назад Алконост перед рассветом пролетала над кораблем, направляясь в открытое море. И точно — едва корабль отошел от берега, ветер наполнил его паруса, и он заскользил по волнам.

Славяне были мрачнее туч — дни шли, а ничего, что указывало, где искать смерть Кошея, не попадалось.

Избавление пришло на десятый день.

Корабль только что обогнул самый маленький из встретившихся на пути островов и вышел навстречу ровной морской глади. До горизонта, сколько хватало глаз, расстилалась равнина моря — спокойного, чистого, синего. Матросы невольно закричали, замахали руками, приветствуя его.

Только два пятнышка виднелись вдали, и именно с той стороны дул ветер. Поставив паруса косо и посадив часть команды на весла, Синдбад велел плыть в ту сторону.

Сутки с небольшим плыли они встречь неизвестному, пока наконец в полдень следующего дня не стало видно, что навстречу им под парусами идет огромный корабль. Он шел удивительно прямо, словно сама вода держала его на своей груди.

Высокие борта были вырезаны по-звериному, нос венчала голова рогатого чудовища.

— Нормандцы! Они возьмут нас в плен! — убежденно сказал рыцарь. — Но мы будем драться.

Он бросился за своим мечом, встревожив остальных, но Буян был единственным, кто оставался спокоен.

— Куда вы все спешите? — окликнул он матросов, что заметались по палубе, готовясь к нападению. — Вы только поглядите на корабль повнимательнее!

Синдбад подошел, всмотрелся в спешащий им навстречу парусник.

— Не может быть! — ахнул он. — Он пуст!

Его крик услышали многие, и все, кто успел, столпились у бортов.

Корабль норманнов шел прямо на них, чуть покачиваясь в течении. Весла, за которыми обычно сидели гребцы, вяло болтались. Двойного ряда щитов, что выставляют по бортам, готовясь к атаке, тоже не было. Чем ближе подходило судно, тем яснее было видно, что внутри нет даже трупов.

Опомнившийся Синдбад отдал команду, и матросы засуетились, отведя свой корабль чуть в сторону, чтобы не столкнуться с мертвым нормандцем. Ветер мешал им, и корабли прошли так близко, что едва не перепутались веслами.

Матросы в молчании провожали глазами корабль, недоумевая, что случилось с отрядом норманнов — если дикие волки морей погибли, то где их тела?

Вдруг один матрос закричал, призывая остальных. Под скамьей, ближе к корме, лежал человек.

Не дожидаясь команды, несколько матросов перескочили на мертвое судно. Больше всего их привлекали, конечно, вещи норманнов — человек был только предлогом, но, когда один из мародеров стал его обыскивать, он закричал:

— Живой!

— Давайте его сюда, — распорядился Синдбад.

Уцелевшего перенесли на корабль Синдбада, и судна расстались.

Спасенного перенесли в тень, в трюм, где уложили на солому. Норманн был еще молод, но исхудал, потемнел и казался стариком. Буян хлопотал над ним, как над родным братом, приводя в чувство.

Холодная вода и тень сотворили чудо. Норманн судорожно глотнул и открыл мутные светлые глаза.

Понемногу взгляд его прояснился. Он посмотрел на Буяна, потом перевел взгляд на Синдбада и матросов. Остальных славян и Гаральда он не заметил — они стояли у него за спиной. Но ближе всех был именно Синдбад в лихо сдвинутой набок желто-зеленой чалме.

Лицо спасенного вдруг перекошилось от ужаса, и он шарахнулся прочь. Буян еле

удержал его возле себя.

— Да успокойся ты, скаженный! — заговорил он с ним на языке норманнов.

— Нет! Один!⁴² Нет! — выкрикивал спасенный хрипло, пытаясь вырваться. Матросы пришли на помощь гусляру, и, почувствовав на себе их руки, он забился отчаяннее.

— Да охолонь ты! — рявкнул ему в ухо Буян, — Родного языка не понимаешь, что ли? Или ты не норманн?

Крик дошел до сознания спасенного. Он притих, очевидно выбившись из сил, и посмотрел на гусляра.

— Ты норманн? — спросил он.

— Почти, — улыбнулся Буян. — Я раньше частенько с варягами беседовал и язык немного разумею. А так я из Новгорода. Не слыхал?

Норманн покачал головой:

— Я в первый раз в море, нигде не бывал... А как ты к неверным в рабство попал? Как я?

Тут только до Буяна дошла причина буйства норманна. К удивлению всех, он расхохотался.

— Вот ведь скаженный! — молвил он наконец, — Синдбад, он боится, что ты его в рабство продашь, только и всего!.. Ну скажи, что ты этого не сделаешь!

— Нет, — покачал головой мореход и добавил простодушно: — С такого дохлого много не выручишь!

Он оценивающе пощупал плечо норманна и сделал вид, что хочет осмотреть его зубы, чем поверг того в трепет.

— Мой отец богат, — прохрипел тот, — он может дать выкуп... Скажи ему, житель Новгорода!

— Да смеется он, — обнадежил норманна гусляр. — Не дрожи так! Мы отправились не за добычей, не за рабами или славою. Ищем мы один остров, только что ищем — точно не ведаем. И ты нас не бойся, а лучше скажи, кто ты и что случилось?

Он протянул спасенному кружку с вином. Тот взял ее двумя руками и выпил.

— Имя мне Рюрик, — выдохнул он, — Я с отцом своим на этом корабле, где вы меня нашли, за добычей в поход отправился. Дома у меня еще две сестры и брат меньшей, если отец погиб, я им теперь единственная защита. Прошу отпустить меня и сказать, куда и сколько золота доставить — род наш богатый, древний, соберем, не сомневайтесь!

— Заладил: золото, выкуп! — Буян досадливо ударил себя кулаком по ноге. — Что с отцом и остальными вашими людьми случилось — вот что поведай!

Рюрик сел, привалившись спиной к обшивке трюма.

— Не знаю, — сказал он печально. — Мы вышли на один остров пополнить запасы воды и подстрелить дичи. Несколько человек отправились на охоту и не вернулись. Мы искали их, но не нашли. Наоборот, пропадали сами искавшие. Когда исчез и мой отец, мы решили не испытывать судьбу, но было поздно. Из чащи слышались какие-то крики. Мне показалось, что то был голос отца. Я побежал, но ничего не нашел... До рассвета я блуждал по чаще, а когда вернулся, около корабля никого не было. Я остался один. Два дня я ждал, не вернется ли кто. Спал на корабле, чтобы защититься от зверей. А однажды, когда я проснулся, увидел, что мой корабль в открытом море, а у меня нет ни капли воды — бочки остались на берегу... Сколько дней прошло, я так и не знаю.

Славяне переглянулись. В синих глазах Буяна заплескала веселая искорка.

— Сдается мне, что мы на верном пути, — молвил он по-славянски, — Кощей тоже ведь говорил про остров, где люди пропадают. Не там ли смерть его хранится? Он нам дорогу покажет!

---

⁴² Один — в скандинавской мифологии верховный бог, покровитель воинов, “хозяин” воинского рая — вальгаллы.

Он кивнул в сторону спасенного норманна, который, догадываясь, что решается его судьба, не сводил с гусяря блестящих глаз. Он взял его руку и пылко поцеловал:

— Если вы сможете спасти меня от рабства, я сумею вас отблагодарить!

— Ты нам покажешь дорогу к тому острову и будешь нашим проводником, — сказал Буян и, видя, что Рюрик побледнел, добавил с угрозой: — А не то не миновать тебе цепей!

Рюрик сдержал слово. На следующее утро он уже стоял на носу судна вместе с Синдбадом и объяснял, как добраться до острова. По его словам, ветер так ни разу и не переменился, пока тащил пустой корабль в открытое море, а потому удобнее было плыть вперед не сворачивая.

Юному норманну было всего каких-то шестнадцать лет — он был моложе Мечислава, но выглядел гораздо старше. Сын Чистомысла казался подле него совсем ребенком. На широкие плечи викинга с трудом налезали туники, и большую часть времени он предпочитал ходить, подставляя обнаженные плечи и спину солнцу. В первый же день плавания он загорел до черноты, и странными казались его почти белые волосы и светлые глаза на темном лице.

Неизвестно, чем бы закончилось это плавание, но на второй день юный норманн указал вдаль:

— Остров!

Спустили шлюпку, и несколько добровольцев высадились на песок. Вместе с ними на берег сошли Рюрик, сам Синдбад и Буян.

Юноша-норманн потерянно бродил по лагерю, матросы переминались с ноги на ногу, а гусярь внимательно осматривался по сторонам.

— Стой! — вдруг крикнул он. — Не затопчите следы!

Все замерли. Буян осторожно склонился над отпечатками чьих-то маленьких ног в песке около опрокинутых бочек.

— Рюрик, — позвал он и, когда юноша подбежал, спросил тихо: — Ты точно никого не видел на острове?

— Пока бродил? Ни единой живой души! — клятвенно заверил юноша и добавил задумчиво: — Из людей, конечно...

— Тогда все ясно. — Гусярь выпрямился. — На острове живут духи!

Он сказал эти слова совсем тихо, почти шепотом, но все матросы, что бродили по берегу, мигом оказались рядом.

— Что ты сказал? — напустился на него Синдбад. — Какие еще духи? Джинны?

— Не думаю. Вот такие. — Гусярь показал следы. — Ты бывалый человек, Синдбад, на чудовищах летал, не подскажешь ли, что за духи могли оставить эти следы?

Мореход глянул — на песке четко отпечатались след маленькой ножки с длинными пальцами. Судя по всему, они кончались не то когтями, не то гибкими отростками вроде корней дерева. Обладатели этих следов толпились около бочки, мешая друг Другу.

— Я слышал о племенах маленьких людоедов, что живут на островах к востоку, — наконец вымолвил он. — Если это они, то все ясно!

— Людоеды? — Голос Рюрика чуть дрогнул. — Но мой отец...

— Боюсь, что он мертв, — пожал плечами Синдбад, — И уже давно.

— А разве есть места, где люди едят людей? — спросил Буян.

— Здесь — есть, — убежденно сказал мореход. — Всюду. Нам надо уходить, если мы не хотим быть съеденными! Все на корабль!

Толкаясь, матросы поспешили к шлюпке, но гусярь и норманн не спешили уходить.

— Твой отец жив, — шепнул юноше Буян.

— Вы это серьезно?

— Я не так много путешествовал по миру, как наш храбрый капитан, но кое-что знаю. Эти следы не принадлежат людям — только звери или духи могли оставить их. А раз так, управляет этим островом человек или колдун. И твой отец со всеми прочими просто попал к

нему. Нам самим нужен тот, кто обитает здесь, а потому мы сегодня же пойдем в лес.

— Я с вами, — шепнул Рюрик.

— Само собой!

Синдбад струсил — он рвал на себе волосы, причитал, умолял, проклинал, но славяне стояли на своем. Только упоминание о заклятье Кощея, которое исправно напоминало о себе каждую ночь, сломило упрямство морехода. Стиснув зубы, он признал, что лучше погибнуть на незнакомом острове, чем всю жизнь провести оборотнем. Отдав приказ матросам спать только на судне, шестеро искателей приключений отправились в глубь леса.

ГЛАВА 6

Лес разочаровал путников — третий час они ехали по узким извилистым тропам, пробираясь сквозь густые заросли, но никого не встретили и даже не обнаружили ничьих следов. Либо здесь никто не жил, либо обитатели чащи умели отлично прятаться. Правда, колючий кустарник и многочисленные лианы то и дело преграждали лошадям путь, так что часть пути пришлось проделать пешком, прорубая дорогу. Из-под копыт коней вспархивали птицы с ярким оперением, огромные бабочки, разбегались в стороны мелкие зверьки; путникам не попалось ни одного существа, которое могло быть опасно для человека.

Отряд без приключений пересек самую глухую часть леса. Скоро заросли поредели, и уставшие путники выбрались на вершину небольшого пологого холма. Почти весь он зарос невысокими тонкими деревцами со светлой корой и нежными, словно слюдяными, листочками, а внизу, где деревца исчезали, открывался вид на равнину, где среди залитых светом заходящего солнца лугов текли ручьи и виднелись небольшие рощицы. До заката оставалось еще не меньше двух-трех часов, но все вокруг уже было окрашено в розоватые тона. Нежный запах расцветающих деревьев перебивал прочие запахи.

Как по команде, отряд спешился, не торопясь двигаться дальше. Буян и Рюрик подошли к самому склону, осматривая долину. р-

— Ты узнаешь эти места? — спросил гуслиар у проводника. — Приходилось бывать здесь?

— Нет, — покачал головой юноша. — Я все по чаще кружил. А если и подходил к долине, то с другой стороны.

— Что-то не нравится мне это место — уж больно тут все красиво... Жди беды!

— Ты верно говоришь, друг, — отозвался Властимир, что стоял, запрокинув голову и прислушиваясь к чему-то в себе. — Деревья тут странно шумят — и ветра кругом нет, а листва трепещет, как живая..

— О, это я знаю почему, — поспешил вступить в разговор Синдбад, — Мы как-то плыли себе в Индию да остановились на одном островке. Деревья там росли странные, не в пример этим — от земли сразу лист широкий, с кисточкой на конце. И эти кисточки все шевелились, как пальцы на руке. Один из наших подошел, только дотронулся, как все листья разом его и схватили...

Услышав такое, все сразу отступили от тонких деревьев подальше.

— Тьфу! Пакость какая! — Гаральд энергично сплюнул под корни ближайшего деревца. — Надо отсюда убираться — а не то кто-нибудь из нас проснется скелетом, сохрани Господи!

— Спешить не будем, — осадил его Буян. — Внизу, мне кажется, страшнее. Сперва надо кому-то сходить разведать, что и как, тогда и спускаться можно. Кто идет?

— Я воин, — выступил вперед Рюрик, — я и пойду. Кто со мной?

— Мог бы и я, — спокойно предложил Властимир. — Мне четырнадцать было, когда я с отцом в первый раз на хазар в дальний поход ходил, а в лесах за зверем в одиночку и раньше того бегал...

— Нет! — осадил его Буян. — Идет Синдбад. Он хоть и горазд пугать, да только все же в южных краях свой человек. Небось все названия дерев и трав знает!

— Конечно, — подбоченился мореход. — Вот то, под чем мы стоим, по запаху точно мирт, хотя листья совсем иные!

Проверить было не у кого, и все согласились. Разведчики оставили все лишнее в лагере и стали спускаться с холма. Пока они не одолели половины пути, за ними следили, но ничего не случилось, и остальной отряд расположился на отдых.

Привязав на длинные арканы, лошадей пустили пастись. Несколько подсохших миртов срубили и запалили костер — пусть в вечернем полумраке разведчики видят, куда идти.

Время ожидания тянулось долго. Славяне тихо сидели у костра, Гаральд задумчиво вырезал кинжалом на коре ближайшего дерева имя Джиневры. Лошади обгладывали листья миртов.

Доделав-работу, рыцарь полюбовался на аккуратно вырезанное имя и-вензель своего герба и отошел к деревьям. Но только он остановился, отвернувшись от костра и встав лицом к ближайшему стволу, как деревце содрогнулось от корней до макушки и послышался тихий вздох:

— Неужели я должен терпеть еще и это!..

Славяне повскакали на ноги, а Гаральд отскочил, чертыхаясь.

— Кто тут? — выкрикнул он воинственно. Дерево над его головой зашелестело ветвями:

— Нас много тут...

Рыцарь завертелся на месте, еще не видя, откуда пришел ответ.

Наугад он ткнул кинжалом в несколько деревьев, содрал кожу с ближайшего и услышал короткий вздох.

Это окончательно вывело его из себя, и он бросился к оставленному у костра оружию с криком:

— Бей демонов! Пресвятая Дева Мария, спаси и сохрани! У костра его схватил за руку Буян:

— погоди, не суетись! Дозволь мне прежде с ними переговорить!

Рыцарь глянул сквозь него мутным взглядом, но остановился.

— Тебе только с нечистью якшаться, — процедил он.

— Вроде как голос шел из деревьев, — молвил Властимир. — Буян, друг, оставь его и подведи меня к ним.

Гусляр оставил Гаральда у огня и подал князю руку. Они приблизились к дереву, у которого так неудачно расположился только что рыцарь. Оно стояло в самой чаще прочих миртов и казалось немного потолще. Листья его еще трепетала. Буян ласково дотронулся ладонью до коры.

— Кто ты? — молвил он. — Дерево живое или человек зачарованный?

— Человек... Был человеком, — вздохнуло дерево, — до недавнего времени.

— И он тут не один, — вставил Властимир, — я чую: в той стороне тоже у деревьев листья по-особому дрожат, будто ждут, что и к ним с вопросом обратятся!

— То правда, — молвило дерево, — вся поляна и склон сверху донизу такими же, как я, усеяны. Сколько я тут стою, мучаюсь — то птица сядет, то зверь листву да кору объест, — жаловалось дерево, — то в земле кто-то корни точит. Теперь вот лошадей привязали, а они чешутся и листву щиплют, а теперь вот и это...

Буян прыснул, косясь на Гаральда, который только сейчас начинал соображать что-то.

— Выходит, этот лес заколдованный? — ахнул рыцарь.

— Не весь, — обнадежило его дерево. — Только мирты. Где-то еще, я ведаю, есть вторая такая же полянка...

Буян не стал дослушивать и бросился к костру.

— Мечислав! — крикнул он. — Зови наших разведчиков — мы немедленно отсюда уходим!

— Почему? — удивился Властимир. Он еще стоял подле заколдованного мирта.

— Верно, человек, — отозвалось дерево. — Если ты боишься, что, заснув под нашими кронами, наутро проснетесь деревьями, то напрасны твои страхи. Ни у кого из нас нет такой власти. Мы сами жертвы этого острова. А коли вы нас покинете, все равно вам не избежать нашей участи!

Над холмом пронесся высокий срывающийся звук рога — условный сигнал для разведчиков о немедленном возвращении. Несколько минут спустя запыхавшиеся Рюрик и Синдбад влетели на вершину холма.

Буян, ничего не скрывая, поведал, как Гаральду удалось обратить на себя внимание заколдованного дерева, и проводил вновь прибывших к мирту.

— Сколько плаваю, а не встречал такого, — восхищенно молвил Синдбад.

Рюрик внимательно осмотрел дерево.

— Кто ты? — спросил он осторожно. — И откуда? Ты... не с норманнского драккара/ ?

— Драккар⁴³ звали “Бык”, — тихо ответило дерево. Юноша вскрикнул и обнял мирт.

— Правда! Как имя тебе, друг?

— Хельмутом звали, — неохотно призналось дерево. Хель-мут, сын Оскольда...

— А я — Рюрик, сын капитана Ульриха Старого, — отозвался юноша. — Не помнишь меня?

Он нежно гладил кору мирта, словно перед ним был его отец.

— Рюрик? — В шелесте дерева впервые промелькнуло удивление. — Ты спасся?

— Случаем. Я заснул на опустевшем драккаре, когда уже все... исчезли. Утром его вынесло в открытое море. Ветер гнал его от берега, а у меня с собой не было ни капли воды. Если бы не эти люди, я бы умер от жажды... Мы вернулись, чтобы раскрыть тайну этого острова... Хельмут, что ты знаешь о моем отце? Где он? Жив?

— Жив-жив, — донесся голос с другой стороны поляны, где были привязаны лошади. — Он подле меня. Я — Канут, Рюрик. Помнишь меня?

Юноша бросился к дереву.

— Помню! — обрадовался он. — А... где...

Дерево молчало, но тут он уже и сам догадался — соседний мирт, на котором было меньше всего цветов, не шевелил ни единым листом. Рюрик молча отвязал от него темно-серого жеребца Мечислава и прижался к стволу.

— Ты здесь, отец, и ты жив, — прошептал он. — Я это чувствую... Я клянусь тебе, что освобожу тебя от заклятья, чего бы мне это ни стоило. Твой драккар стоит у берега, он цел и невредим. Мы вернемся домой, верь мне!

Дерево молчало — не дрогнул ни единый лист.

— Здесь не только люди с “Быка”, — помолчав, заговорил мирт-Канут. — С той стороны много тех, кто попал сюда до нас. Больше половины давно одеревенели, а кто и засох с тоски. И из наших двое уже не отзываются.. Боюсь, что твой отец, Рюрик, будет третьим...

— Нет! — вскрикнул юноша. — Я успею... Скажите, что с вами случилось?

В ответ разом зашелестели почти все мирты поляны, торопясь и перебивая друг друга. Голоса половины из них было невозможно разобрать, но из путаных речей остальных стало ясно следующее.

Где-то здесь живет не то фея⁴⁴, не то валькирия⁴⁵, не то еще какая-то волшебница. Ни

---

⁴³ Драккар — норманнское парусное судно.

⁴⁴ Фея — в мифологии народов Западной Европы волшебница, обитающая в лесах и источниках.

⁴⁵ Валькирии — в скандинавской мифологии воинственные девы, битвы.

один мужчина, ступивший на остров, не избежал встречи с нею, и ни один из них не смог устоять перед ее чарами. Не смог устоять — погиб. Смог — навеки обречен стоять деревом. Половина норманнов с “Быка” погибли от ее чар, вторая половина были обращены в деревья.

— Лучше вам уйти поскорее, — закончил рассказ дерево-Канут, — Она, несомненно, уже учуяла, что на остров ступила новая пожива...

— За совет и помощь исполать тебе, воин, — отвесил ему поклон Буян. — А только назад нам пути нет и не было. Надобно нам проверить, что таит в себе этот островок — мы на службе, и служба та нерадостная. Нас Кощей-колдун послал с заданием. Так что прости и ответь лучше: как нам найти эту волшебницу?

— О, в этом не сомневайтесь — она вас сама найдет, и очень скоро — только с холма в глубь острова спуститесь!

Буян первым кинулся разбирать лагерь.

Длинные сизоватые тени уже ложились на траву от деревьев, когда отряд спустился в долину. Лошади с удовольствием ступали по усыпанной вечерней росой траве. Всадники осторожно оглядывались по сторонам. Гаральд и Синдбад сидели в седлах как на иголках — чуть солнце скроется за горизонтом, ничто не спасет их от ненавистного превращения. Мореход относился к этому спокойно — по его словам, ему однажды пришлось стать свиньей, нечистым животным, а второй раз — даже рыбой, но уже для спасения своей жизни. Что до рыцаря, то он теперь каждый вечер страстно молился всем святым, каких помнил, об избавлении от проклятья, но те не помогали.

Лошади ступили под своды небольшой рощицы, уже второй на их пути. Кроны деревьев смыкались у них над головами. Деревца были как на подбор — ровные и тонкие, чем-то напоминавшие славянам березки. Короткая нежная травка мягко ложилась под копыта лошадей, которые замедлили шаг, словно не решаясь топтать ее.

Птицы уже успокаивались. Постепенно поднаторевшему в музыке и пении Буяну стало ясно, что впереди не только птахи заливаются на разные голоса — пернатые явно подхватывают мелодии, что рождаются под рукой человека. Гуслир вскинул руку, призывая всех к молчанию и осторожности.

Еще десяток шагов — и можно было уже разобрать не только саму мелодию, но и тихий девичий голос:

Милый юноша в белом плаще под моим ожидает окном. Он не сводит фиалковых глаз с моих окон уже так давно. Я не вышла к нему в поздний час, не поверила клятвам его, и теперь в незнакомой стране он рискует своей головой. Возвращайся, мой милый герой! Возвращайся, тебя я так жду! Я поверила поздно словам, но не в силах отвадить беду! Если путь твой окончен вдали, если лег ты на землю вовек, все равно буду ждать я тебя, пока ляжет на голову снег...

— Снег? — ахнул Буян, пришпоривая коня. — Снег? — Гуслир первым поскакал на песню.

Славяне переглянулись — неужели их друг подпал под чары? Не сговариваясь, все кинулись догонять гуслира и настигли его в тот момент, когда он уже спешил.

Это была маленькая прогалина, через которую бежал ручеек. На пенке у воды сидела девушка в белом платье с голубой вышивкой по подолу, рукавам и вырезу на груди. Нитка кроваво-алых бус охватывала тонкую лебединую шею. Босые ножки утопали в росе. На коленях она держала маленькие, изогнутые на манер рогов гусельки. Ее тонкие пальцы еще касались струн. Там же, на коленях, сложившись кольцами, как ручная змея, лежала толстая светлая коса. Высокий чистый лоб охватывал простой венец. Ярко-синие, как у Буяна, глаза смотрели на гуслира без страха — она была вся еще в песне, — но они испуганно расширились, когда вслед за ним на поляну вылетели остальные. Девушка была не столько красива, сколько нежна и беззащитна, и это притягивало сильнее красоты. Увидев ее, Синдбад сполз с седла.

Девушка переводила взгляд с Буяна на его спутников.

— Это все с тобой? — наконец прошептала она. — Я думала, ты один!

— Я тоже так думал, — двусмысленно отозвался гусяр. — Ты тут пела...

Девушка опустила глаза на гусли так, словно впервые их увидела.

— Пела, — согласилась она. — Для себя. Тут на острове никого, кроме меня и зверей диких...

— А как же те мирты? — перебил ее Рюрик. — Или ты о них не знаешь?

Девушка испуганно обернулась на юного норманна, но того заставил замолчать Синдбад, отвесив ему подзатыльник.

Буян стоял перед девушкой и не сводил с нее жадных глаз. Точно так же смотрели на нее все остальные, кроме незрячего Властимира. Даже Мечислав хоть и краснел до ушей, а косился на нее из-под опущенных ресниц.

— Как тебя зовут, девица? — вздохнул Буян. Девушка потупилась, розовея.

— Морина⁴⁶ имя мне, — отозвалась она еле слышно.

На миг лицо гусяра дрогнуло. Но он тут же овладел собой и промолвил ласково:

— Скажи, кто ты, какого рода-племени? По имени ты из земель северных, славянских...

— Я того не ведаю, чужеземец. — Морина вскинула глаза. — Меня сюда один колдун принес, когда я была еще ребенком. Тут он меня и оставил. Иногда он навещает меня... — Глаза ее неожиданно наполнились слезами. — Мне так стыдно и... гадко, но я ничего не могу с собой поделать... Я ненавижу его и мечтаю о том, чтобы меня увезли отсюда, но, когда он прилетает, я... становлюсь его женою, и он не улетает, пока не насытится мной...

Она спрятала лицо в ладонях и тихо заплакала.

Буян опустился на колени перед нею и нежно отвел руки от ее пылающего лица. Морина еле сдерживала слезы. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Ты красивый... Уезжай, — наконец выдохнула она, — Я не знаю, когда он явится в следующий раз; если он застанет вас здесь, обратит в деревья...

Эту часть истории путешественники уже слышали, но все, как сговорились, промолчали.

Буян вдруг вскинул девушку на руки и молвил:

— Покажи, где дом твой!

Она только слабо махнула рукой.

Они прошли две-три версты, когда деревья расступились, открывая долину. Округлые гладкие холмы, поросшие рошицами, окружали ее. В центре раскинулось небольшое ровное озеро с покатыми берегами и зарослями тальника. В его спокойных водах отражался замок, сложенный из гладких, поблескивающих в лучах закатного солнца камней. Две башни — одна почти в три раза выше и тоньше второй — соединялись крытым переходом. Вокруг теснились надворные постройки, а окружал все это каменный забор с распахнутыми настежь воротами. Со стороны озера ворот не было, да и со стороны стены замок не был защищен, и тонкие деревца, похожие на мирты, росли у самой ограды.

У ворот Морина соскочила с рук Буяна и вбежала во двор, хлопая в ладоши и подзывая своих спутников. Улучив минуту, гусяр шепнул всем:

— Князь мой знает на своей шкуре, Мечиславу я рассказывал, а вот прочим — нет. Она слишком напоминает мне Сирина-птицу, что когда-то, чтоб погубить нас, обратилась в девицу. Здесь, похоже, ждет нас то же самое, только очутиться придется не в подвале, а среди зачарованных деревьев в лесу. Потому всем быть начеку — нам бы ночи дожждаться, а уж там — как устроится...

— Вы о чем там? — окликнула их Морина. — Что ж не заходите, гости дорогие?

Славяне и их спутники последовали на широкий и пустой двор. Не успели они

---

⁴⁶ Морина (Мара, Морена, Маруха) — у древних славян воплощение смерти, мора.

рассмотреть его, как к ним подошли странные существа. Увидевший их первым, Гаральд шарахнулся прочь с брезгливой миной на лице.

Существа были маленького роста — самому младшему из гостей они едва доставали до пояса. С виду они были похожи на людей, только покрыты короткой темной шелковистой шерсткой. Их печальные мордочки смотрели понимающе. Все они были одеты в одинаковые короткие рубашечки с шитьем по подолу. Подойдя, они взяли лошадей под уздцы, собираясь увести с собой.

Когда существо дотронулось до его жеребца, Гаральд отпихнул его ногой:

— Что за твари такие дьявольские? Пошла прочь! Морина обернулась с крыльца:

— То не твари, то слуги мои верные. Они за лошадьми вашими приглядят, напоят их и накормят. Не бойтесь их!

— Синдбад, — окликнул морехода Буян, — ты о таких что-нибудь слышал?

— А то нет! И слышал и видел как-то раз. Мы их абу-зьянами зовем. Они в жарких странах водятся, там бывают звери еще побольше этих — такие женщин у местных жителей воруют и живут с ними, а те потом им детей рожают: так их племя и живет. Говорят, что абу-зьяны когда-то были людьми, но обленились, и за это наказал их Аллах, обратил в тварей, только часть разума оставил, чтоб помнили, кем они были и кем стали. Потому у них глаза, как у людей, живые!

Морина уже давно скрылась за высокими коваными дверьми, не дожидаясь, пока слуги проводят гостей в покои. Ужин почти готов, а значит, она успеет кое-что сделать.

Девушка бежала по узким извилистым коридорам первого этажа замка, на ходу срывая одежду.

К маленькой нише в стене, где открывалась низкая, окованная железом дверь, она подбежала почти нагой, но одежда лежала на скамеечке свернутая. Морина торопливо набросила на себя тонкую ткань, закрепила ее пряжками на плечах и поясе и сверху закуталась в плащ, что скрывал ее тело до птг. Только после этого она приложила руки к двери и тихо, одними губами прошептала несколько слов. От ее дыхания гладкое железо запотело.

Дверь распахнулась с тихим скрипом. За нею уходил вниз узкий и крутой ход. Подождав немного, Морина без колебаний шагнула на первую ступень и подождала, пока дверца не закроется. Только потом она побежала вниз по лестнице. Ее бег был так стремителен, что она казалась духом подземелья.

Впереди в кромешной тьме мелькнул свет — это была цель ее пути. Торопясь, пока гости не успели заметить ее отсутствия и заподозрить в чародействе, девушка бегом ворвалась в каморку в конце коридора.

Здесь по стенам горели неугасимые свечи, озаряя желтоватым светом обитые коврами стены. Их отблески плясали на каменном полу — за долгие века он был отполирован до зеркального блеска. От холодного камня тянуло стынью. Босые ноги девушки начали замерзать.

В дальнем углу каморки валялись сваленные в кучу шкуры. На них, скорчившись, сидел старик в шубе поверх линялого халата с непокрытой головой и тоже босой. Когда девушка вбежала, он не спеша поднял голову и угрюмо посмотрел на нее. Недалеко от его ложа стоял длинный узкий стол, заваленный пучками трав, шкурками зверьков и мелких птиц, камешками, ржавыми кусочками металла и прочим мусором. Среди всего этого возвышались кувшин и два кубка из меди, окованные золотом.

— Ты опять явилась, Морина, — зло сказал старик. — Как же надоела ты мне! С чем пожаловала?

— Старик, мне опять твоё средство надобно, — еле отдышавшись, заявила девушка.

— Опять! — Старик приподнялся. — Сколько раз еще ты за ним придешь, неразумная? Нет предела твоей ненасытности! Скольких ты на тот свет уж взяла, и все тебе мало!

— То уж моя забота, старик, — притопнула ногой Морина. — Мне не слова твои

глупые нынче нужны, а дела. Я сильнее тебя — и ты знаешь это. Ты дашь мне это средство, иначе вместо них ты будешь со мной этой ночью, а ты хочешь жить, как и все прочие...

— Жить... Да лучше бы мне умереть! — отмахнулся старик. Девушка тихо засмеялась и вскинула руки.

— Ты это сделаешь, — с улыбкой промолвила она, — Твое средство мне нужно, и ты мне будешь его давать.

Старик нехотя поднялся, запахивая халат на тощем теле. На миг стала заметна толстая цепь, что охватывала его талию. На каждом звене ее был выбит какой-нибудь знак. Когда старик двигался, цепь ползла за ним следом, и знаки на ней посверкивали в свете свечей, как змеиные глаза. Старик подошел к столу и стал не спеша перебирать травы. Мориная смотрела ему в затылок, переминалась с ноги на ногу — на камнях ей было холодно.

— Ты не столь сильна, сколь глупа, — бормотал старик, щупая травы, — раз думаешь, что мне и посейчас ничего в мире не ведомо. Не спеши и не хвались силой своей — на сей раз не по себе сук рубишь. Привыкла ты ловить синиц да ворон, а как залетели орлы, так спознать не сумела.

— Да все я спознала, все уведала. — Мориная с тревогой обернулась на выход. — Путники они не простые, особые. Есть у них цель, и цель не пустячная...—Девушка призадумалась. — Ну да ладно! Мне все тайны доверяют, у кого ни спроси!

Старик отобрал несколько пучков травы, стал мять их в пальцах.

Размяв траву, начал по одной бросать былинки в кувшин. Вода в нем потемнела, закипела. Какой-то паучок, свесившись на паутинке, закачался над столом — не глядя, старик подцепил его на ниточку и опустил туда же. Горлышко сосуда окутала желтоватая тяжелая пена. По каморке разнесся резкий приторно-сладкий запах трав, и Мориная отшатнулась, морщась.

Дождавшись, пока осядет пена, старик протянул кувшин Морине.

— Достаточно единой капли в кувшин, из которого они все пить будут, и они твои. Но пожалей хоть молодых, не губи раньше времени, дай уйти невредимыми... Им-то по двадцати-то хоть есть?

— Того менее, старик, — отозвалась девушка. — Один совсем еще мальчик, второй постарше немного, но тоже юн.

— Детей? — Старик рванулся забрать у нее кувшин, но она отскочила, как коза. — И не совестно тебе?

Цепь натянулась, оттаскивая его назад, к куче шкур. Знаки на ее звеньях вспыхнули, как маленькие солнца, и старику пришлось отступить.

Мориная стояла в дверях каморки, не сводя с него глаз.

— Ой, поздно ты о совести заговорил! — Она подняла кувшин над головой. — Ты б до того задумался, как делать начал, — я бы, глядишь, и пожалела одного кого-нибудь, а так — что жалеть о несбывшемся?

Старик вскинул руки, протягивая их к кувшину. Его скрюченные пальцы словно обхватывали горлышко сосуда, и тот дрогнул, вырываясь из рук Морины. Девушка обеими руками прижала его к груди и, на прощанье улыбнувшись ему, легко, как птица, бросилась бежать вон.

Старик стоял у кучи шкур. Когда наверху послышался хлопок двери, он подошел к столу и осторожно взял стебелек травы, похожий на человеческий волос. С минуту он любовался им, а потом смял, превратив в пыль, и сдул на пол.

— За моими припасами следить надобно, — молвил он, обращаясь к тому месту, где только что стояла девушка. — У меня всего один стебель Нечуй-травы оставался, и вот он в пыль превратился. А без него яд твой не войдет в полную силу.

ГЛАВА 7

Гости уже успели уютно расположиться, когда вошла Мориная, неся кувшин.

Маленькие зверьки абу-зьяны накрыли на столы для дорогих гостей и сновали меж ними, заканчивая сервировку. Привыкшие к сухарям и солонине, люди с возжелением рассматривали жареную дичь, телянку, обложенного фруктами, восточные сласти, каким даже Синдбад не сразу смог вспомнить названия, горы печеного хлеба в форме птиц и кувшины вина, что венчали стол.

Морина успела переодеться — ее стройную фигуру облегла тонкая небесно-голубая ткань с золотым шитьем. Сквозь нее были видны стройные ножки и высокая пышная грудь. Многочисленные украшения позвякивали на высокой шее, запястьях и щиколотках. Густые волосы волной падали на спину. Все, кроме Властимира, затаив дыхание, следили за нею.

Девушка опустила на колени. Ближе всех, прямо напротив нее, оказался Мечислав. Когда Морина вскинула на него глаза, юноша отшатнулся. Щеки его покрыл румянец, а из глаз брызнули невольные слезы.

— Ты боишься меня? — ласково промолвила девушка. Мечислав закусил губу до белизны и зажмурился.

— Простите меня, коли что не так сделала. — Она обернулась на остальных и заметила, что по крайней мере двое — второй юноша и темнокожий моряк — не сводят с нее ревнивого взора. Двое других — высокий плечистый рыцарь, которого она сама бы без всяких чар прижала к груди, и синеглазый молодец, что нес ее на руках, — выглядели так, словно каждую минуту ждали еще чьего-то прихода. И только слепец был спокоен. — Простите меня, — повторила она, — я просто хотела вам немного понравиться...

— И вам это удалось, моя леди, — несколько напыщенно промолвил рыцарь, прикладывая руку к сердцу. — Более того...

— А раз так, прошу не огорчать меня и отведать вот это вино. — Она показала кувшин, — Я сама спускалась в подвалы, чтобы выбрать самое лучшее.

С тем же успехом она могла просто отдать приказ — сразу несколько кубков протянулось к ней. Первым был Мечислав. Он стеснялся своей неожиданной смелости, но Морина поощрила его улыбкой и наполнила его кубок до краев. Почти столько же осталось и на долю Рюрика — взгляд его был полон ревности и ярости, и она решила не разжигать их до срока.

Буян был в себе уверен — когда Морина наливала ему, глаза их встретились. Гусяр заметил на дне глубоких очей девушки недоумение, она чуть замешкалась, наливая, и он понял, что надлежит делать им, чтобы спастись.

Гаральд с удовольствием принял кубок, а вот Синдбад неожиданно отказался:

— Коран запрещает вино, особенно чужеземное! Если есть у тебя шербет, вот тогда я...

Не успела Морина пошевелиться, как одна из абу-зьян подскочила, протягивая Синдбаду кувшин с узким горлышком. Кивком головы поблагодарив зверя, мореход приник к нему, словно умирал от жажды.

Разглядев у девушки в глазах загорающийся гнев, Гаральд неожиданно для себя бросился на выручку.

— А я выпью, — нарочито громко заявил он и опрокинул в себя весь кубок, — М-мм... Превосходно! Похоже на вино из одуванчиков, что я пивал дома, в Англии!

— В самом деле? — оживилась девушка, подсаживаясь ближе. — Ты из Англии? А что это за страна? Давай, я налью тебе еще, а ты мне расскажешь...

Она села так близко к рыцарю, что тот ощутил аромат, исходящий от ее волос, украшенных нитями из золота с мелкими жемчугами. Они мерцали в распущенных волосах Морины, как звездочки в небе. Гаральд готовно потянулся к ней, подставляя кубок для новой порции.

Обрадованный, что на него больше не обращают внимания, Мечислав шумно перевел дыхание, а Рюрик побагровел от ревности. Он непременно бы накинулся на рыцаря, но Буян прижал его ладонь с неожиданной силой.

— Сиди, — прошипел он.

Норманн заглянул ему в глаза, разглядел на дне их настороженность волка, таящегося в

засаде.

— Если что — уведи князя, — шепнул гусляр Рюрику, — Головой за него отвечаешь! — И пересел ближе к Морине и Гаральду.

Властимир, почувствовав, что гусляр отсел, нашарил чью-то руку:

— Рюрик?

— Да, — шепнули в ответ.

— Чуть позже уведешь меня, — молвил князь. — И предоставь Буяну самому решать, что делать, — он волхв.

Отставив опустевший кувшин, из которого он выпил весь шербет, Синдбад взглянул в окно. Из-за летней жары оно было распахнуто, и тонкие занавеси, откиннутые в стороны, позволяли видеть холмы, окружающие долину. Солнце скрылось за ними более чем наполовину, и у морехода начали чесаться лопатки — верный признак того, что вскоре ему придется становиться волком до рассвета.

Что же до Гаральда, то он словно и не помышлял ни о чем таком. Морина улыбалась ему одному, только ему расточала ласковые слова, только о нем вздыхала. Отставив кувшин, она приподнялась, приоткрывая вырез одежды, словно давая возможность оценить нежное гладкое тело.

Внезапно она плавным изгибом тела придвинулась ближе к рыцарю:

— Ну что, хороша я?

— Ты просто чудо! — вырвалось у Гаральда.

Морина подавила торжествующую улыбку и ласково обвила руками шею англичанина. Он только застонал сквозь стиснутые зубы, борясь с желанием поцеловать ее.

— А ему нельзя! — вдруг громко сказал Синдбад. — Он хранит верность своей невесте и поклялся не прикасаться ни к одной женщине до свадьбы с нею!

Неожиданно слова вернули всех с небес на землю. Морина вздрогнула, а рыцарь сжал кулаки, чувствуя на себе пристальные взгляды друзей.

— Правда? — Девушка смерила Гаральда строгим взглядом.

Рыцарь угрюмо посмотрел на своих спутников, встретился глазами с Синдбадом, который выразительно поводит плечами, борясь с желанием почесаться, вспомнил свой неудачный поход в Кощеев гарем и выдавил:

— Правда...

Очи Морины сразу потухли, и она ничего не сказала вдогонку, когда рыцарь поднялся.

— Уходишь? — окликнул его гусляр.

— Да... Помолиться перед сном не мешало бы... а то согрешил в мыслях, — вывернулся Гаральд, нарочно не замечая чуть насмешливого взора Буяна.

От досады, что приходилось уходить от такой девушки, он готов был произнести целую обличительную речь, но Синдбад вскочил и потащил его вон, говоря по дороге:

— И мне тоже не мешало бы уединиться — Коран предписывает верующим пять раз на дню поминать Аллаха в молитве.

После этого происшествия уход Властимира, которого почтительно, как сын любимого отца, поддерживал Рюрик, остался незамеченным.

Буян встретился взором с Мариной.

— Надеюсь, вы не будете трусить и лгать что-то о своей вере? — спросила она.

— Не беспокойся, красавица, — широко улыбнулся Буян. — Будь я даже священником, ради тебя навек бы все бросил.

Мечислав уже пошевелился, чтобы выступить и возразить гусляру, но тут Морина опять обратила на него внимание, и юноша почувствовал, что лоб его покрывается холодным потом.

Чтобы хоть немного отвлечь чаровницу от краснеющего Мечислава, Буян взял кубок и пригубил. Чуть приторное вино осталось на языке, и, прежде чем глотнуть, он немного подержал его во рту.

Так он и думал: в вино было что-то подмешано. Гарольду неизвестного яда досталось

больше, чем остальным, Властимир по счастливой случайности избежал его, а Синдбад, видимо, сам обо всем догадался.

Видя, что взор гусяря затуманился, Морина снова обратилась к Мечиславу, но гусярь очнулся и молвил, поднимаясь:

— За угощение и привет исполать тебе, красна девица, свет-Моринушка, а только пора и честь знать. Притомились мы дороною — отдохнуть нам не мешает. Допивай, Мечислав, и пора нам на покой!

Мечислав сам не знал, что с ним творится. Он не мог заснуть. Стоило ему закрыть глаза, как перед ним вставало чье-то лицо — то это был Буян, строго качающий головой, словно осуждая его за что-то, то отец, невесть на что сердитый, то мать со скорбными складками у рта, то смеющийся Гаральд, то сама Морина. Морина манила его, влекла против воли, и юноша понимал, что не в силах бороться с охватывающим его желанием. Если бы не страх неизвестности, он бы сам пошел искать ее покои, но рядом, за стеной, спали его друзья и попутчики, и, кроме того, эти мирты, в которые обращал людей кто-то на острове, не выходили из головы.

Скрипнула дверь, и в голубоватой тени у входа юноша увидел чей-то легкий силуэт.

Мечислав сел на кровати.

— Кто здесь?

Неизвестный пошевелился за занавесью: — Я...

— Морина?

Девушка откинула портьеру и выскочила в полосу лунного света.

Она была еще прекраснее, чем в зале. Голубая ткань окутывала ее тело с ног до головы нежными складками, распущенные волосы струились по спине. На ней не было ни единого украшения, но все равно Мечислав не мог отвести от нее глаз.

— Ты не спал, — тихо промолвила девушка. — Ты единственный не спал из всех... Даже твой спутник, тот, синеглазый, что называл себя настоящим мужчиной, и тот уснул...

— Я... я не могу думать ни о чем, кроме тебя! — вырвалось у Мечислава.

Если бы он не был так взволнован, он бы заметил, какая улыбка скользнула по губам Морины. Тогда чары девушки оказались бы разрушены. Но юноша решил, что это лунные блики на ее щеках.

— Я тоже, — вздохнула девушка, делая шаг к нему. — Я заметила тебя и поняла, что ты не такой, как все... Ты лучше их всех, ты...

Она преодолела последний шаг, разделяющий их, и Мечислав несмело протянул руки, боясь коснуться ее. Морина подбодрила его тихой улыбкой и вдруг выпустила из рук плащ.

Шурша, он упал к ее ногам, и Мечислав отшатнулся, закрывая глаза рукой. Под тонкой тканью не было ничего — девушка стояла перед ним совершенно нагая, блестя в лунном свете. Белая в ночи грудь вздымалась при каждом вздохе, несколько прядей волос спускалось на плечи.

Закрыв глаза, пораженный Мечислав отступал, пока не уперся в край своей постели. Морина следовала за ним, ступая неслышно босыми ногами. Когда он наткнулся на постель и покачнулся, ловя равновесие, она бросилась вперед и подхватила его.

— Осторожнее!

Юноша так испугался ее голоса, что едва не вскрикнул.

— Ты! Но почему ты... здесь?

— Я здесь, — Морина стояла теперь так близко, что могла бы поцеловать его, — потому, что не могла больше терпеть одиночества. Я запомнила твои глаза... Твоя любовь не безответна... Я здесь потому, что люблю тебя... Иди ко мне!

Она обвила его шею руками, подалась к нему, приоткрыв губы и ожидая поцелуя. От запаха ее волос и кожи у Мечислава закружилась голова. Он покачнулся. Чтобы не упасть, юноша протянул руки, и... они сомкнулись на талии Морины.

Девушка немедленно прижалась к нему всем телом и сама жадно поцеловала его в

губы.

Мечислав шарахнулся прочь, но не удержался, и они вместе рухнули на постель.

Падение немного отрезвило его. Юноша открыл глаза и попытался отодвинуться, но руки девушки неожиданно стали сильными, словно он столкнулся с воином.

— Будь моим, — донеслось до его слуха. — Дай мне одну ночь.

Ее гибкое тело извивалось, словно змея, и ощущение гадливости не отпускало Мечислава. Он с силой сорвал с себя тонкие руки и отбросил соблазнительницу подальше. Морина нисколько не испугалась. Она мгновенно выпрямилась и молвила спокойно и чуть печально:

— Ты боишься меня? Но почему? Что я сделала тебе такого? Ее голос сбил Мечислава с толку.

Он ответил:

— Ты должна знать — я никогда еще... не целовался ни с одной девушкой...

Морина чуть улыбнулась и придвинулась.

— Коли так, что ж! Доверься мне — я тебя научу всему... Она подползла ближе, за шею подтянула его к себе и нежно, зазывно поцеловала.

От ее прикосновения у Мечислава закружилась голова — он почувствовал, что тонет, теряя сознание. Юноша забыл обо всем на свете, кроме нее...

А потом была резкая боль.

Мечислав вскрикнул и отпрянул. В руке Морины блестел кинжал. С его кончика стекала кровь. Лицо ее исказилось, и она, поняв, что намеченная жертва почему-то пришла в себя, схватила его за руку. Девушка уже замахнулась, чтобы нанести удар, но страх удесятерил силы юноши. Он вывернул нежное запястье и отбросил Морину прочь, скатившись с постели с другой стороны.

Мечислав приложил руку к груди — поперек, как раз над сердцем, шла глубокая царапина. Кроме нее он обнаружил еще два надреза — три удара, нанесенные по ним, должны были вырвать его сердце.

Движение сбоку привлекло его внимание: Морина выпрямилась, готовая метнуть кинжал.

— Ты не устоял перед моими чарами — за это я зажарю и съем твое сердце, — выдохнула девушка и замахнулась.

Он успел увернуться, и острое только оцарапало плечо. Кинжал упал. Морина взревела, как дикий зверь, и, напуганный этим неожиданным воплем, Мечислав выскочил в коридор.

Здесь царил полная тьма. Не зная, куда бежать, Мечислав ринулся наугад и наткнулся на стену. Удар ошеломил его. Сзади послышался ненавистный голос:

— Тебе некуда бежать! Найди мужество встретить смерть лицом к лицу!

Об этом ему с ранних лет твердил отец, говоря, что смерть хороша только тогда, когда встречаешь ее прямо и твердо. Мечислав и сам мечтал о таком конце. Но сейчас ему безумно хотелось жить, и он бросился прочь.

Юноша налетел еще на одну стену, что поднялась из пола. Сзади раздавался смех Морины.

— Не пытайся убежать, мой друг! От меня еще никто не уходил! И тебе не будет спасения, ибо от смерти нет лекарства и защиты. Я любого могу подчинить себе рано или поздно. Я отлично вижу, как ты стоишь, прижавшись к стене. Не двигайся — и ты не ощутишь боли.

Мечислав не шевелился, ожидая ее. В тот миг, когда голос ее затих у него за спиной, он метнулся в сторону.

Увернувшись в очередной раз, Мечислав ударился о косяк распахнутой двери в свою комнату. Удар оказался болезненнее, чем он думал. Ноги подкосились, он схватился за ссадину на лбу и успел только почувствовать, как чужие пальцы хватают его за волосы и оттягивают голову назад. Сильный не по-женски толчок Морины бросил его на колени к ее

ногам, и два сияющих во тьме глаза сверкнули над его лицом. В них светилось торжество.

— Ты напрасно думал, что тебе удастся меня одолеть, — молвила девушка ласково. — Если я задумаю кого-то погубить, я рано или поздно достигаю своей цели... Мне хотелось немного позабавиться, и я позволила тебе ускользать от меня некоторое время. Но мне надоело, и ты умрешь... Можешь не звать своих друзей, — добавила она, заметив в глазах юноши блеск, — они все спят.

— Не все!

Юноша и склонившаяся над ним девушка вздрогнули и обернулись.

Во мраке светился бледный прямоугольник лунного света из распахнутой двери. В проеме стоял Буян — без рубахи, с мечом и веревкой в опущенных руках,

Кончик его меча поднялся, указывая на коленопреклоненного Мечислава.

— Ты немедленно отпустишь его, Морина, или тебе несдобровать, — строго приказал гусляр.

Девушка рассмеялась и коснулась лезвием кинжала горла юноши.

— Ты не ведаешь, с кем говоришь, неразумный! — воскликнула она. — Я сильнее тебя!

— Но и на тебя найдется управа, Морина-Морена-Мара-Смерть, — ответил Буян. — Видишь, я знаю твое имя и приказываю тебе светлым именем Дажьбога — отпусти его, пока сама цела!

Мечислав побледнел так, что это стало заметно даже во мраке. Он так и стоял на коленях, не смея пошевелиться. Морина выпрямилась.

— Ты... не смеешь этого, — выдохнула она. — Еще никто никогда не вырывал у меня намеченную жертву безнаказанно... И... ты один!

— Ты в этом уверена? — усмехнулся Буян, указывая на что-то мечом.

Девушка обернулась и ахнула. Еще одна дверь отворилась, бросая в коридор полосу света. В этой полосе замерли два готовых к прыжку волка — один светлый и лохматый, второй темно-серый. Звери блеснули глазами и ринулись на нее.

Морина успела еще вскинуть кинжал, всаживая его в грудь переднему зверю, но тот, даже тяжело раненный, сбил ее с ног, а второй метким ударом выбил кинжал у нее из руки и прижал девушку к полу.

Морина отбивалась до тех пор, пока не увидела, что к ее врагам присоединились еще двое — Рюрик и Властимир. Рука слепого князя лежала на плече норманна, а тот рассматривал девушку холодно, как любой норманн глядит на пленницу, выставленную для продажи, взглядом ощупывая ее тело до самых тайных уголков. Под его циничным взглядом Морина вдруг присмирела и покраснела.

— Видишь? — Буян помог подняться Мечиславу, который еле стоял на ногах. — И ты не всегда сильна... Как, друже, не больно? — обратился он к юноше.

Тот только помотал головой и, пошатываясь, подошел к Властимиру.

Буян присел у самого лица пленной волшебницы и стал разматывать прихваченную веревку. Девушка, не смея пошевелиться, поскольку волки не отходили от нее, следила за ним горящим взглядом.

Не говоря ни слова, гусляр стал обматывать одним концом веревки запястья Морины.

— Что ты хочешь сделать? — не выдержала она.

— По чести надо бы с тобой расправиться так же, как ты до сего дня забавлялась со всеми, кто к тебе попадал. По совести надо бы развлечься с тобой, да это не в нашем обычае. Я только хочу у тебя кое-что выпытать...

— Пытать? — Морина даже приподнялась. — Но это невозможно! Вы будете меня пытать?.. Я ничего не знаю! Я невиновна! Слезы прорвались у нее в голосе.

— Ври теперь, — процедил Рюрик. — Ты мирты вспомни! А там мой отец! И я мог бы стать деревом подле него... и все прочие, кроме Мечислава, которого ты...

Сын Чистомысла жестом заставил его замолчать и отвернулся.

Морина на коленях ринулась к нему. Волки схватили ее за волосы и удержали на

безопасном расстоянии от норманна.

— Отпустите меня! — крикнула она. — Я невинна! Это все не я! Это все он!

— Кто? — усмехнулся Буян. — Кощей? Морина вздрогнула всем телом, как от удара.

— Не Кощей,—простонала она,—в сто раз хуже... Он держит меня под заклятьем в этой башне... Ты же волхв, — обратилась она к Буяну, — ты должен знать, что я не всегда была такой. Меня любил сам Дажьбог, я сына ему родила... А потом я подпала под чары этого... колдуна. И с тех пор не принадлежу себе. Я свободна ходить где хочу, но я его раба. Убейте его, и я освобожу всех, кто заколдован на этом острове!

Она в волнении переводила горящий взор с одного человека на другого. Люди молчали, раздумывая.

— Что надумал, свет-Буян? — нарушил молчание Властимир. — Признаться, неплохо бы очистить сие место от скверны.

— Я и сам о том же мыслю, друже, — отозвался гусяр. — Да только обманет ведь!

— Нет! — вскрикнула Морина. — Не обману! Есть в подвалах один волшебник. Могу показать. Со мной его чары не страшны вам будут!

Она поднялась на ноги, склоняя голову, потому, что волки не спешили отпускать ее волосы.

Давно старые узкие ступеньки темного подвала не видали такого. Впереди шла Морина. По обе стороны ее выступали два волка, а позади, держа меч наготове, шагал Буян. Вокруг его кулака была обмотана веревка, которая скручивала запястья пленницы. За ним Рюрик вел Властимира. Мечислав держался позади — раны, нанесенные Мориной, болели и стыли в холоде подвала, но юноша боялся темноты башни и ни за что не соглашался оставаться в ней один.

Когда Морина, согнувшись, вошла в каморку, старик поднял голову. Мерцала всего одна лампада, и он не сразу разглядел оставшихся на ступенях людей и державшихся чуть позади от страха перед волшебником волков. В полутьме виднелось только неестественно согнутое белое нагое тело, и это он увидел.

— Ты что, явилась соблазнять меня, воодушевленная удачей? — сердито молвил он. — Прочь с глаз моих!

— погоди, чародей, — окликнул его незнакомый мужской голос. — Ты нас послушай, не то поплачешься за упрямство... Скажи лучше, известна ли тебе эта девушка?

Старик встал. Морина вскинула на него лицо с закушенной губой, и он рассмеялся.

— Знакома ли? Уж сколько веков она держит меня здесь на цепи, как зверя какого...

Услышав слово “цепь”, Властимир вдруг шагнул вперед.

— Где цепи? — молвил он.

Он отстранил Рюрика и прошел мимо замершей Морины вперед. Старик повнимательнее взгляделся в его лицо с белой повязкой на глазах и шагнул. Цепь, опоясывающая его талию, поползла за ним, звеня на камнях.

— Негоже, — сказал Властимир, — человека, как зверя дикого, на цепи держать!

— Остановись! — крикнули сзади.

Но было поздно. Властимир протянул руки, нащупывая дорогу. Старик подошел ближе, и его сухие тонкие пальцы переплелись с руками князя.

— Где у тебя цепь? — повторил князь.

— На мне.

Рюрик подбежал, опомнившись, хотел было подсобить, но Властимир, не ведая, кто это, оттолкнул юного норманна. Тот еле устоял на ногах.

Руки резанца скользнули ниже, к туловищу старика, и там нащупали толстый железный обруч, охватывающий талию человека. Опасаясь раньше времени использовать дар левой руки, князь правой ощупал его по всей длине и наткнулся на замок в том месте, где к обручу крепилась цепь.

— О, я не раз пробовал его снять, — молвил старик. — Но он заговорен, и всего моего искусства хватило лишь на то, чтобы чуть ослабить его натяжение...

Больше он не успел вымолвить ни слова. Властимир провел кончиками пальцев левой руки по запору. Будто сотня иголок вонзилась в его ладонь, но потом боль пропала. Обруч с цепью со звоном упал на пол.

— Вот это да! — выдохнул старик.

Опустившаяся на колени, чтобы распрямить уставшую спину, Морина смотрела на происходящее с открытым ртом, но потом опомнилась и простонала:

— Что вы наделали... Теперь вы все погибнете от своей же доброты!

Старик не удостоил девушку и взглядом. Его лицо и тело начали меняться. Видевшие это люди застыли как околдованные. Борода его укоротилась наполовину и стала вдвое пышнее, лицо немного посветлело, он потолстел, выпрямился, стал выше. Только линялый старый халат остался линялым и старым, но старик ловко выудил из кучи тряпья узорный, шитый золотом пояс и затянул его на талии.

Окончив превращение, он подошел к гостям и молвил:

— Ну-у, и какое у вас ко мне дело?

ГЛАВА 8

Морина сжалась в комочек в углу комнаты. Рюрик и два волка-оборотня не спускали с нее внимательных глаз. Она пыталась было обольстить норманна, но тот оказался достаточно искушен в женских штучках, и ее вздохи не достигли цели. Юноша просто не слышал их. Что же до волков, то Морине и в голову не приходила мысль, что она сможет целоваться со зверем, даже если знать, что под его шкурой — настоящий, довольно привлекательный мужчина.

Путешественники сидели на низких скамеечках в том самом зале, где накануне ужинали. Опять был накрыт стол, и опять полусонные абу-зьяны прислуживали гостям. Они тоже не замечали своей госпожи, скорее потому, что подле девушки стояли два решительно настроенных волка.

Волшебник с аппетитом закусывал, наверстывая упущенное. По его словам, когда Морену-Мару-Смерть выселили с севера в незапамятные времена, она некоторое время странствовала по свету, пока ветер не забросил ее сюда. Сначала, правда, она попала на пиратский корабль, но сумела уничтожить половину команды, и оставшиеся в живых согласились высадить ее там, где она захочет. Но девушка обманула их — они стали первыми, кто превратился в деревья на этом острове. Тогда здесь растительности было совсем мало. Теперь больше половины острова покрывали густые леса — ведь только первые десять лет заколдованный человек сохраняет разум. Потом он деревенеет, превращаясь в настоящее дерево, расколдовать которое невозможно.

Сам старик жил здесь, в этом же замке, на берегу этого озера. Он увидел одинокую девушку и...

— Вы тоже не устояли перед ее красотой? — понимающе закончил Буян.

Волшебник кивнул.

— Именно, — молвил он, проглотив поджаристый кусочек мяса. — В конце концов, я нормальный человек и мой порыв был естествен... Я догадывался о том, кто она, но понял, что не ошибся, только тогда, когда было уже поздно. Я оказался в подвале на цепи и принужден был выполнять ее прихоти. Она пользовалась моим искусством для того, чтобы сломить волю людей, что попадали к ней. Но сегодня ей немного не повезло...

— Конечно, — вставил Властимир, — она, верно, не догадывалась, что среди нас может быть волхв!

Морина с ненавистью посмотрела из своего угла на славян, но не сдвинулась с места.

— Не совсем, — охладил восторги победителей волшебник. — Просто сегодня у меня кончилась одна травка, без которой яд, который она давала вам, не действовал.

Девушка вскрикнула.

Мечислав, услышав ее голос, отшатнулся, прячась за плечи Буяна.

Гусляр приобнял юношу за плечи.

— Прости меня, — молвил он. — Но я сразу почувствовал ее природу — меня учили те, у кого учился твой отец. Я не мог выйти против нее сразу, приманка была нужна... Но я же не намного опоздал?

— Нет-нет, все хорошо, — поспешно отозвался Мечислав, опуская глаза.

Волшебник тем временем осушил поданный абу-зьяной кубок и обратился к славянам:

— По вашим словам я понял, что вы не просто искатели приключений. Кроме того, среди вас... слепой... Мне бы хотелось узнать, что подвигло вас на это путешествие.

Властимир опустил голову, а Буян, не чинясь, поведал волшебнику обо всем с самого начала — и о граде Резани, что на севере на берегу реки Оки стоит, и о прошлых подвигах сидящего здесь князя, и о врагах, которые появились у него после этого, и о том, что задумали враги в отместку ему. Поведал он и о волках-псоглавцах, что град пожгли, а самого князя искалечили, и о Кошее, что на своем острове хранит воду живую, и о том, что приключилось с ними в замке Кошеевом, и об их пути вынужденном.

Все сказал Буян, ничего не утаил — и о смерти Кошеевой упомянул, прибавив только в конце:

— Думали мы, что из-за нее люди пропадают на сем острове, а оказалось — ошибаемся мы. Знать, пора нам дальше в путь-дороженьку, иной остров искать, иное место...

— Ну почему же? — улыбнулся волшебник.

Буян, услышав эти слова, просто онемел, а волк-Гаральд, забыв о Морене, скакнул к волшебнику с рычанием:

— Повтори, что ты сказал?

— Я сказал, что, возможно, вы у цели, — Волшебник гладил бороду и снисходительно поглядывал на ошетинившегося Гаральда, онемевшего гусляра и всех прочих, что не сводили с него глаз. Морина тоже смотрела, и в ее очах было столько ярости, что ошибиться в истинности слов старика было невозможно.

— Ты понимаешь, что ты говоришь, отче? — севшим голосом молвил Буян. — Я слышал — дуб на пустынном берегу, сундук в цепях...

Волшебник улыбнулся еще шире.

— Верно ты слышал, друг, — сказал он, — но и прочие слышали то же самое. Слишком многие ведали, где смерть Кошеева сокрыта, а посему перепрыгивали ее несчетное количество раз, а всем говорили про дуб на пустынном берегу, хотя от дуба того давно за древностью лет один пенёк остался. Я поселился здесь несколько веков назад и в первые же дни исследовал весь замок, ведь построил его не я — кто-то еще... В подвалах я обнаружил целую кладовую. Чего там только не было!..

— А ларца? Ларца из нежной-дерева не было? — подался к нему Буян.

— Ларцы были, и все разные. Может, и из нежной-дерева — я и половины не рассмотрел, когда бродил по подвалам, — месяц ведь оттуда не вылезал, а лишь четверть обошел и назад вернулся.

Волк-Гаральд заскулил, забывая от волнения человеческую речь. Если четыре месяца бродить по подвалам, когда же он сбросит волчью личину! Синдбад был огорчен не меньше, но терпел.

— Вы позволите нам осмотреть подвалы сии? — вымолвил Буян.

— И позволю, и сам помогу, — весело ответил волшебник. — Только одна загвоздка есть.

— Какая же?

— А такая, что ларец сей не из простого нежной-дерева изваян, наложено на него заклятье особое — не каждый сможет его увидеть. И сможет это человек, если поможет ему в сем деле Нечуй-трава...

Услышав такое, Буян даже рассмеялся:

— Надеялся ты нас испугать, отче? Нечуй-траву я знаю — слышал про силы ее

заветные. Если и ты о ней ведаешь, должен нам сказать, есть ли она у тебя.

Волшебник покачал головой.

— Нет, — спокойно молвил он.

Властимир тихо ахнул и отшатнулся — он уже начинал верить, что их путь подходит к концу, а тут выходило, что опять им в путь собираться.

Буян, глянув на его посмурневшее лицо, угадал его думы и ринулся к волшебнику.

— Где она растет, говори! — воскликнул он.

— Не растет она здесь, человеку неистовый, — выдохнул волшебник, поднимаясь. — Сам то должен знать, коли и правда волхв. Нет у Нечуй-травы ни корней, ни пристанища. Живет она в ветре, с ним по свету носится. Где ветер ее изронит, там она и лежит, покамест иной какой вихрь ее с места не подхватит да на новое не перенесет. А помочь обрести ее я могу, коли поверите мне и с советом моим согласитесь!

Искоса смерив взором князя, гусяр встал. Он догадывался, что потребует от них волшебник. Но его удивило, что, опираясь на руку Мечислава, Властимир поднялся тоже и шагнул на голоса.

— Что делать надобно, старче? — спросил он, протягивая руку. — Я готов. А коли жизнь мою тебе взамен надобно...

Волшебник вдруг довольно мигнул настороженному Буяну, следившему за ним, как цепной пес за вором, пригладил лохматую голову волка-Гаральда, что, забыв обязанности сторожа, льнул к нему.

— Не жизнь — глаза твои мне надобны, князь Резанский, — молвил он.

От такой наглости славяне онемели. Властимир вцепился в плечо Мечислава так, что юноша прикусил губу, чтоб не вскрикнуть. Ярость исказила черты его лица.

— В своем ли ты уме, старче? — прошипел он, наступая. — Али не видишь, что нет у меня глаз?

В бешенстве он сорвал повязку, открывая розовые провалы. Мечислав опустил голову, словно со стыда. Рюрик, впервые видя раны Властимира, отвел меч, который держал у горла Морины, в сторону. Волк-Гаральд заскулил, а Буян хоть и сжал кулаки в бессильной ярости, а вспомнил, для чего волшебник говорит так с князем.

Волшебник улыбнулся и по-отечески ласково потрепал князя по плечу.

— В своем я уме, князь из Резани, — молвил он. — Нечуй-трава только слепцу в руки дасться может. Боится она людей простых, особым в руки дается... Повезло мне — замок сей стоит как раз на пути ветров ураганных, с коими она по свету и бродит. Иной раз проносят они ее над башней замка, она за крышу и цепляется. Должен скоро пролететь ветер. Коли принесет он с собой стебли Нечуй-травы, сможешь ты их легко найти, а уж потом они в подвалах тебе на ларец укажут.

Буян подбежал к окну, распахнул его, высовываясь в темноту.

— Вроде как ветру быть, — раздумчиво молвил он. — Но как скоро его ждать, отче?

— А ты посвисти — он явится, — предложил Рюрик. — Мы в море всегда так делаем, ежели штиль.

Не дожидаясь приглашения, он прошел к открытому окну и, отбросив мешающие шторы, засвистал тихо сквозь сомкнутые губы. Его свист был похож на далекие завывания ветра, когда он мчится по заледенелому морю между скалами.

— Хорошо сделал, — прислушавшись, похвалил его Буян, — только зря ты от Мары отошел — тебе ее стеречь велели, а ты...

Рюрик не успел ответить — сзади послышалось рычание и сдавленное пыхтение.

Воспользовавшись моментом, когда возле нее остался всего один сторож, девушка мгновенно набросила ткань, в которую куталась, на голову волка-Синдбада и завязала ее узлом на его шее. Он попытался вывернуться, но Морина придавила его коленом, ударила в горло кулаком и молнией метнулась прочь.

С рычанием Гаральд прыгнул ей вслед, но девушка с порога обернулась, скидывая руки. Глаза ее сверкнули, и преследователь застыл, зачарованный. Беглянка тут же скрылась.

Все произошло так быстро и неожиданно, что остальные не успели ей помешать. Только когда дверь хлопнула, они ожили. Волшебник склонился над зачарованным Гаральдом, кончиком пальцев легко касаясь его загривка и лба. Чары спали быстро, и оборотень встал на все четыре лапы.

Синдбад намеренно долго возился с тряпкой. Рюрик сгорал от стыда.

— Моя вина, — покаянно прошептал норманн, протягивая меч Буяну — Вы мне доверились, а я оправдать сего не умел. Мне и жить теперь стыдно. Убей меня!

Буян принял меч двумя руками, сверху внимательно глядя на склоненную голову Рюрика. Но не успел он и приподнять меч, как волшебник поймал его за руку.

— Прости его! — сказал он.

— А я и не собирался его казнить, — вскинул брови гусяр, и Рюрик, не вставая, поднял лицо. Буян протянул юному норманну руку, помогая встать.

— Вот, сие дело! — довольно расплылся волшебник в улыбке. — Теперь я в вас верю... Правда, Морина не оставит нас в покое, но с нею мы разберемся позже — ветер поднимается, нам надо спешить!

За окном, куда он показывал, уже раскачивались верхушки тонких деревьев у самого берега озера. По воде бежала рябь, ударяясь о камни замка. Мелкие волны плескались о берег, брызгая пеной. Звездное небо заволокли облака.

Властимир встряхнул Мечислава за плечо, без слов приказывая поторопиться.

— Я пойду с князем, — решительно заявил Буян, присоединяясь к нему — Не отпущу его одного.

— Тогда Нечуй-трава вообще может не явиться ему, — строго осадил гусяра волшебник. — Иль ты запомнил, что я про нее рассказывал? Слепец один должен идти!

Тут даже Мечислав изменился в лице, и, словно угадав его чувства, Властимир выпустил плечо юноши.

— Прости, брат названный, — молвил князь Буяну, — но я чувую в себе силы достаточно, чтоб пойти самому. Не нужно меня охранять. Я воин! И князь!

Волшебник и Мечислав — с облегчением — кивнули головами. Но уговорить Буяна было непросто. Он только крепче взял друга за локоть.

— Кабы все тихо было, отпустил бы я тебя и в более дальний да трудный путь, — шепнул он. — Ведаю я, что не растерял ты сметки да силы своей. Но Морина-Мара на свободе!

Порыв ветра ворвался в комнату, вздыбив занавеси, и на спор времени не оставалось. Волшебник подхватил под руки князя и гусяра и потащил их к выходу.

— Ураган! — заговорил он на ходу — Нечуй-ураган идет! Я помню — с таким ветром она всегда прилетает! Нам и мига терять нельзя!

Он первый ринулся по ходам замка. Его гости еле поспевали за ним. Только два волка держались вровень с волшебником.

Сбежав по ступеням, они выскочили в длинный узкий коридор, освещенный чередой высоких зарешеченных окон, как в рыцарском замке. Люди пробежали его и очутились перед еще одной дверью. Волшебник распахнул ее и застыл на пороге — порыв ветра остановил его, не давая сделать и шага.

Осторожно, чтобы не сорваться, люди и волки ступили из дверей.

Они оказались на чуть изогнутой арке, что соединяла собой две замковые башни, нависая над каменным двором. Крыша ее была поката, но черепица уложена так, что было за что уцепиться ноге, как на скале.

Ночной мрак сменился предрассветными серыми сумерками — до восхода солнца оставалось часа два, если не меньше. Внизу раскинулся двор. Во мраке можно было заметить катающиеся по нему низкие лохматые силуэты — обеспокоенные ураганом абу-зьяны стремились поскорее запахнуть ворота, оставленные с ночи открытыми. Они налегали на створки, но ветер раз за разом открывал их.

Стоящий ближе к выходу Рюрик шагнул обратно и вернулся с факелом. Факел

передали волшебнику. У него в руках огонь вспыхнул так ярко, словно взошло солнце. В неровном, бьющемся на ветру свете путешественники смогли как следует оглядеться.

Они стояли на самой середине изогнутой арки. Невысокий зубчатый заборчик-гребень шел по краю, отделяя один черепичный скат от другого. Кроме него меж ними оставался ровный участок шириной не более трех шагов. Зубчатый гребень доходил до самой стены башни и, словно окаменевшая змея, продолжался на стене, обвиваясь вокруг нее. Эта лестница поднималась на самый верх башни. Там что-то поскрипывало и трещало под ветром.

Ураган усилился. Ветер раздул полы халата волшебника, сорвал и унес у кого-то шапку, поминутно грозя скинуть людей на камни. Оба волка припали на животы, чуть поскуливая.

Волшебник развернул Властимира лицом к башне.

— Прямо впереди через десяток шагов начинается стена. А в камнях выступы! — прокричал он, перекрывая вой ветра. — Их достаточно, чтобы подняться, а там уж трава сама тебе все укажет!..

Князь, не чинясь, шагнул вперед, но остальные не были столь уверены.

— Это если он вырос в горах, — протянул Рюрик. — Я бы еще влез, я привычный...

— Это ты верно подметил, — качнул головой князь. — В Резанском краю гор отродясь не бывало, да и не будет никогда, но я все же туда поднимусь... Буян, понял ли ты меня?

Гусляр не ответил — он со страхом и недоверием рассматривал отвесные стены и небольшие, на ладонь, выступы в камнях. Волшебник считал их достаточными для того, чтобы незрячий человек при тихой погоде влез наверх, но упустил из виду одну важную вещь — многие камни успели от времени сильно разрушиться и осыпаться, а потому часть ступенек исчезла. Но в голосе князя было что-то, что заставило его отвлечься и задуматься.

— Ты пройдешь, друг? — выдохнул он.

— Мне нужна твоя помощь, и сейчас же. — Князь склонился к его уху: — Подведи меня к краю и подсоби, ежели у меня самого духа не хватит...

Буян так и не понял, что хотел от него князь, но исполнил его приказ.

Нащупав ногой край ската, Властимир примерился и свистнул в два пальца.

Ветер тут же подхватил его свист, поднял его, взмахнул им, как плетью. Факел вырвало из руки пошатнувшегося волшебника.

Затаившаяся Морина порядком удивилась, услышав пересвист и то, как ответил на него ураган. Но она поразилась еще больше, когда во второй раз раздалось уже два свиста. Власти-миру помог Буян. Это наполнило душу Морины гневным страхом, и она заспешила на крышу.

От двойного пересвиста люди попадали на колени, а волки легли на камни. Ураган запел тонко, как порванная струна. Башня дрогнула, качнулась, и на самой вершине что-то блеснуло.

— Нечуй-трава! — воскликнул волшебник. — Это она! Скорее!

Он что-то еще хотел закричать, но его голос перекрыл третий свист. Не успел он отзвучать, как внизу послышался грохот и треск. Вой ветра перекрыло лошадиное ржание. Загremели ломаные двери, послышался топот копыт, и что-то светлое заметалось по двору, разгоняя суесящихся абу-зьян и заливаясь ржанием.

— Облак! — закричал Властимир. — Облак, ко мне!

Он просто протянул руки, и верный старый конь взмыл к нему на крышу арки. Конь был без седла и узды, ветер трепал его долгую гриву. Поймав ощупью несколько прядей, князь подтянул Облака ближе, ища спину.

— Я должен был это предвидеть, — сокрушенно покачал головой старик волшебник. — Вы крайне необычные путники!

Властимир вскочил на спину жеребца.

— Ну, помоги мне Перун! — выдохнул он и ударил коня каблуками.

Облак завизжал и птицей взмыл ввысь, колотя копытами по воздуху. В один миг он

домчал хозяина до крыши. Снизу закричал Буян:

— Стой, пора! Волшебник одернул гусяра:

— Молчи, он сам должен!

— Остальное — да! — не смутившись, ответил Буян. — Не знаешь ты еще славянской души, отче! Мы и в смерти друзей не оставляем без помощи. А он мне еще и брат названный!

Князь тем временем осадил Облака. Под передними копытами коня грохнула кровля, обитая проржавевшим от влаги и времени железом. Властимир осторожно сошел со спины жеребца, и сразу же под сапогом хрустнул какой-то мусор. Наклонившись, князь нащупал кость — по размерам она была человеческой. Продолжая шарить, он наткнулся на череп и цепи. Видимо, тут когда-то оставляли узников, может, даже и ослепив их сперва, дабы они ждали Нечуй-ветра.

Словно напоминая о времени, ветер свистел над головой. Облак держался у края крыши, чтобы не оставлять хозяина. Выпрямившись, Властимир прислушался к себе. Он не удосужился вызнать, как ему распознать Нечуй-траву, и надеялся на ее подмогу и чутье воина, привыкшего по дрожи сердца догадываться об опасности.

Впереди и в самом деле что-то было — там затаился кто-то живой. Облак, мешая прислушаться, шумно дышал позади. Протягивая руки, Властимир осторожно направился туда. Ноги скользили на гладкой крыше, и он медлил всякий раз, прежде чем решиться на новый шаг.

По стене, с другой стороны, карабкалась белая фигурка с развевающимися волосами. Все сразу узнали Морину, но она уже была у самой крыши и ловко, как змея, скользнула на нее, прежде чем зрители поняли, что она задумала.

Буян рванулся к стене, но волшебник стиснул его за локти.

— Один звук — и Нечуй-трава уйдет, — прошептал он. — Она на такое приметлива... Тогда вовек не сыскать. Князь должен сам...

...Ветер, уже затихший было, опять несильно толкнул его в бок, норовя подтащить к краю. Но подле него был Облак, и Властимир держался за него, как корабль за якорь во время шторма. Он напряг слух, и сквозь завывания урагана ему удалось расслышать неподалеку что-то, похожее на тихий перезвон — будто крошечный скомороший бубенчик зацепился и бьется на ветру.

Что-то подсказывало князю, что это и есть Нечуй-трава. Не отпуская гривы коня, он шагнул на звон.

Но впереди ему почудилось чье-то дыхание. Незнакомый старался дышать как можно тише, но чуткий слух резанца не подвел его.

— Буян, ты? — спросил князь. — Но я же велел...

Рука Властимира была над самой травой, и Морина не могла больше ждать. Не владея собой, она ринулась к князю и оттолкнула его, спеша заполучить траву.

Их пальцы встретились, и оба вздрогнули от неожиданности.

— Она моя! — воскликнула Морина.

Властимир ринулся на нее, но под ногой попалась старая цепь, и он споткнулся. Но и падая, князь успел поймать противницу, и они покатались по покато́й крыше. Властимир старался сжать запястья и помешать Морине ударить его в грудь, а девушка отчаянно сопротивлялась.

Все же ей не под силу было совладать со взрослым мужчиной, и князь подмял ее под себя. По напряжению ее тела он чувствовал, что она устает, но когда князь уже был готов торжествовать победу, Морина вдруг изогнулась и обеими ногами ударила его в грудь. Не ожидая такого, Властимир потерял равновесие, откидываясь на спину, а Морина немедленно кинулась к нему.

Она навалилась на поверженного и схватила его за горло.

До сих пор Властимир сражался вполсилы. Зная не понаслышке про дев-поляниц, он все же не был готов к тому, что его противником станет хрупкая девушка. Он опомнился позже, когда почувствовал ее руки на шее. Морина знала, как надо душить людей. Резанец

стал задыхаться. Острое колено девушки упиралось ему в грудь, но где находится ее горло, он не знал.

Стиснув зубы, Морина сосредоточенно душила князя. Но когда она уже готовилась торжествовать победу, Властимир толкнулся ногами по крыше. Рывок был достаточно силен, чтобы они вместе съехали немного вниз по скату.

Голова князя свесилась с края — еще немного, и он бы сорвался с крыши. Но толчок увлек за ним и Морину. Не ждавшая этого девушка сама подалась вперед. Ее волосы упали на лицо князю, и он вскинулся, хватая ее за плечи.

Девушка слишком поздно сообразила, чего он этим добился. Она не собиралась сдаваться, но против князя устоять не могла. Властимир мог удержать одной рукой рвущегося с привязи годовалого бычка, и сейчас он, не жалеючи, сдавил горло девушки так, словно это была веревка, удерживающая зверя.

Ему показалось, что под пальцами что-то хрустнуло, и руки Морины сползли с его шеи. Она захрипела и рухнула на князя. Горевать о том, что он убил ее, у князя времени не было — от последнего толчка они съехали вниз еще немного. Согласный крик ужаса снизу лучше глаз подсказал Властимиру, в каком положении он находится. Он замер, стараясь не дышать.

Девушка лежала поперек его груди. Ее длинные волосы свешивались вниз, щекоча щеку князя. Пошевелиться вместе с нею или попытаться сбросить — одинаково означало сорваться вниз. Пока он не двигался, он жил.

Осторожно, чтобы не шелохнуться, Властимир пошевелил правой рукой.

— Облак, — позвал он затем. — Облак, ко мне!

Он услышал тихое ржание и перестук копыт по кровле, когда жеребец пошел к хозяину.

— Осторожнее! — воскликнул Властимир, когда кровля задрожала под тяжелой поступью жеребца.

Следующие шаги Облака, казалось, растянулись на вечность. Не видя, как медленно и осторожно двигается конь, Властимир слышал только шорох и дыхание. Он бы ахнул, если б смог видеть, что происходит рядом: Облак полз к нему на коленях, вытягивая шею к самому карнизу.

Князь, сколько мог, поднял руку, настороженный и готовый на все. Шорох замер совсем близко — умный конь опасался подбираться к обрыву. В раскрытую ладонь Властимира упала прядь гривы.

— Назад! — приказал князь.

Облак выпрямился, подтаскивая хозяина за собой. Тот до боли стискивал кулак, чувствуя, что грива выскальзывает из ладони. Рискнув, он ослабил хватку, чтобы обмотать ее вокруг кисти. Облак следил за ним горящими глазами и, выждав, сделал еще шаг, оттаскивая хозяина от края.

Почувствовав себя в безопасности, Властимир, не отпуская гривы, снял с себя тело бесчувственной Морины и осторожно поднялся. Верный конь тут же ткнулся ему носом в грудь. Оглаживая жеребца, князь прислушался еще раз.

До травы теперь было рукой подать. Князь чувствовал ее — из того места, где зацепилась она, исходило тепло. Он сделал шаг или два, пальцы протянутой руки наткнулись на черепицу. Пошарив по ней, князь нашел несколько стеблей.

Это было нечто, чего он ни разу не держал в руках. Властимир чувствовал, что у травы этой было кое-что общее с трын-травой — возможно, терпкий запах. Сжав Нечуй-траву в кулаке, Властимир обернулся и едва не сдержал вскрика.

Он видел!

Даже и без глаз он каким-то чудом в кромешном мраке слепоты различал шпиль крыши, подле которого стоял, край, где совсем недавно его жизнь висела на волоске лошадиной гривы. Светлым пятном подле казался Облак, расставивший ноги, чтобы сподручнее было устоять под порывами ветра. Чуть в стороне лежало тело Морины. Было даже жаль, что не удалось узнать, почему она набросилась на него. Далеко внизу виднелась

башня и изгиб крепостной стены, а позади — озеро. Все предметы казались светлыми пятнами на фоне полной тьмы — он не видел только деталей. Но на кулак, в котором сжимал Нечуй-траву, Властимир смотреть боялся.

Ветер дул теперь направленно — он пытался сорвать с крыши человека, завладевшего его травой, и лошадь. Не решаясь испытывать судьбу, Властимир влез на спину жеребцу и ударил каблуками по бокам. Облак коротко заржал и в новом порыве ветра взвился в воздух.

От толчка содрогнулась вся крыша. Морина от грохота пришла в себя и пошевелилась. Подняв голову, девушка увидела, как взмыл в небо белый конь со всадником, который судорожно стискивал что-то в кулаке.

ГЛАВА 9

Люди и волки следили за всем происходящим на крыше затаив дыхание. Когда князь едва не сорвался вниз, Буян в отчаянии закрыл лицо руками и осмелился поднять голову только после того, как сверху раздался полный торжества ликующий крик резанца:

— Есть!

Белый конь, мягко перебирая ногами, по кругу спускался во двор. Ветер, злой от того, что его лишили Нечуй-травы, толкал жеребца под брюхо, норовя оттащить к озеру. Но Облак уже по привычке борется с ветрами и ураганами. Властимир доверился ему, сжимая коленями тугие конские бока, и, крепко вцепившись в гриву, осматривался вокруг впервые за долгое время. Князь знал, что глаз, даже незрячих, нет у него, а действие любой травы заканчивается с ее увяданием. Скоро мир для него опять погрузится в мрак, но даже и сейчас ему не дано взглянуть в лица окружающих его людей, чтобы хотя бы мельком увидеть тех, кто прошел с ним этот путь.

Облак пронесся так низко над мостом, где ждали его спутники, что те вынуждены были присесть, спасаясь от лошадиных копыт. Пролетая над ними, Властимир встряхнул кулаком с зажатой травой и тут же услышал голос волшебника:

— Спусти коня во двор. Там есть вход в подвалы. Жди нас — мы скоро!

— Нет, — отозвался Властимир. — Я сам! Он был уверен, что сможет отыскать ларец и без совета друзей — все равно зрячему он не дастся в руки.

Видя, куда он правит конем, волшебник схватился за голову.

— Он смерти своей ищет! — простонал старик. — Куда, неразумный!

Буян встряхнул старца за плечо:

— Что там?

— Есть и другие входы в подвалы те, — объяснил старик. — Они и короче и спокойнее. А дорога, что он выбрал, только к гибели его приведет. Нам спешить надобно, коли хотим спасти его. Там и зрячему несподручно станет...

И волшебник побежал обратно в башню.

Властимир остановил Облака, Ветра почти не было. Он бушевал только наверху, над крышей башни. Здесь же было тихо — опомнившиеся абу-зьяны успели запереть ворота. Несколько из них подскочили было принять коня, но Властимир, приметив благодаря Нечуй-траве низкие лохматые силуэты, остановил их строгим жестом.

Двери в подвалы были совсем рядом — Облак словно чуял, что именно нужно хозяину. Не выпуская гривы Облака, Властимир пошел вперед.

Нос жеребца уперся в стену, и только тут князь расстался с верным товарищем. Рука нашарила тяжелые запоры и огромный, явно заговоренный замок. Но никакой заговор не смог бы устоять перед Разрыв-даром — это князь уже знал. От единого касания замок нутужно заскрипел, покачулся и, разломившись пополам, упал наземь.

Давно не открывавшиеся створки заело. Грязь въелась в петли, мешая им пошевеливаться. Властимиру пришлось налечь плечом, прежде чем она подалась.

Под его силой створки не просто распахнулись — они разломались надвое. Не ждавший такого князь потерял равновесие и покатился по крутым ступеням вниз.

Морина с усилием встала. Непривычно знобило — видимо, холод крыши и урагана отнял у нее слишком много сил, больше, чем сама борьба. Ей следовало остановить князя, а он ушел далеко вперед. Только бы успеть к тому моменту, когда Властимир отыщет ларец! Тогда только чудо защитит его, а чудеса случаются слишком редко.

Она осторожно доползла до края крыши и глянула вниз. Голова ее закружилась, она чуть не сползла вниз, но все-таки ей удалось удержаться. Девушка заметила белого коня, что смирно стоял во дворе. Людей на галерее перекрытия уже не было — они, видимо, сейчас бегут по внутренним лестницам к подвалам. Значит, у нее оставался всего один путь — по стене.

Больше Морина не колебалась — она встала и, чуть покачиваясь под порывами урагана, направилась к каменным ступеням. Ей нужно было добраться до первого окна-бойницы, а там она воспользуется потайными ходами и проникнет в подвалы.

Властимир поднял голову, прислушиваясь. Тело ныло от ударов о камни. Но в кулаке по-прежнему была зажата Нечуй-травка, а это давало резанцу возможность осторожно осматриваться даже во тьме.

Лестница, с которой он скатился, кончалась в огромном зале, уходящем так далеко вниз, что лишь при свете дня можно было оценить его размеры. Оставалось тайной, как под башней мог разместиться такой зал — слишком все это напоминало пещеры дэвсов, где пять с лишком лет назад Властимир поразил своего первого Змея.

Он встал и крепче сжал траву, словно желая выдавить из нее сок. Та отозвалась на это особо — в ту же секунду князь откуда-то узнал, что идти надо прямо, прочь от входа. Не раздумывая, он пошел наугад.

Нечуй-травка давала возможность “видеть” лишь на небольшом расстоянии. Каблуки князя гулко стучали по каменным плитам пола, эхо многократно отдавалось от сводов, и казалось, что идет несколько человек. Впереди что-то вставало — Властимир еще не видел что, но был на всякий случай готов. Что-то подсказывало ему, что это нечто, охраняющее входы в кладовые. Он замедлил шаг — у него не было никакого оружия, даже ножа за сапогом, и кинжал Морины он тоже оставил на крыше. Надежда была только на свои руки да на подсказку Нечуй-травы.

Впереди что-то дышало громко и тяжело. Из мрака слепоты в сознание проник силуэт огромного существа, похожего на вытащенную из воды рыбу. Его огромное туловище полностью скрывало вход — если вход вообще был в той стороне. Но, судя по всему, оно спало или же было так старо, что уже не замечало ничего. Его не потревожили ни грохот сломанной двери, ни многогласное эхо Князовых шагов. Оно вело себя так, словно в мире вообще ничего не случилось ни разу за всю его жизнь.

Чем громче было тяжелое дыхание существа, чем ближе был его силуэт, тем осторожнее ступал князь. Не испытывая еще Разрыв-дар на живых тварях, он на всякий случай держал левую руку чуть вперед — авось касание хоть на миг остановит уродливую тварь.

Он приблизился вплотную и смог пощупать жесткую чешую на боку спящего сторожа. Вблизи, как давала ему “увидеть” Нечуй-травка, оно и вправду походило на огромную рыбку-кита вроде тех, о которых рассказывал Синдбад, — на их спинах моряки порой останавливались передохнуть и сварить обед, принимая их за острова.

Неожиданно существо пошевелилось и издало утробное ворчание, показавшееся Властимиру грохотом обвала. Очевидно, прикосновение Разрыв-дара пробудило его к жизни. Князь почувствовал, что огромное тело заколыхалось под пальцами — существо пыталось приподняться, чтобы осмотреться и выяснить, кто потревожил его.

Оставалось одно средство не попасться ему на глаза — если и у него были. И Властимир вскочил на лапу зверя, с нее оираясь по боку на его спину. По сложенной ступенями чешуе это было сделать очень легко, но приходилось медлить, ощупывая дорогу,

чтобы не оступиться.

Дорогу ему преградил гребень, что рос, очевидно, вдоль хребта существа. Торопясь, Властимир ощупал стоящие, как копы, пластины, выискивая зазор.

Существо, очевидно, приняло князя за паразита, потому что вдруг огромная лапа приблизилась и стала яростно чесать это место. Властимир понял ее приближение, но больше сделать ничего не успел — коготь сбросил его со спины. Упав на пол, князь непроизвольно разжал пальцы.

То, что он лишился Нечуй-травы, Властимир понял сразу — мир вокруг него исчез. Остался только мрак слепоты и сопение чудовища. Оно, видимо, заметило, что что-то слетело у него со спины, и теперь, проснувшись, ковыляло к гостю, чтобы рассмотреть его.

Смрадное дыхание напоминало порывы ветра. Приподняв-шись, Властимир лихорадочно шарил руками, отыскивая траву. Но та успела подвять и не издавала больше ни звона, ни запаха. Надеяться можно было только на свои руки.

Выбросив из головы существо, которое обнюхивало его с явным интересом, Властимир искал траву. Легкая, она отлетела довольно далеко, но отыскать ее мог лишь он.

Что-то сверкнуло неподалеку. Не сдержав радостного вскрика, Властимир ринулся туда, но радость его быстро померкла — подползшее существо наступило на стебельки, почти полностью прикрыв их уродливой лапой.

В ярости князь хватил кулаком по коротким кривым копыям и попытался подсунуть левую руку под них. Разрыв-дар, наверное, причинил существу боль, потому что в этот самый миг оно отдернуло лапу, и Властимир завладел травой. Стебли были порядком размочалены, но все еще действовали.

Доверившись их указке и пользуясь тем, что существо отошло от стены, Властимир побежал в обход туши.

За спиной зверя было несколько дверей. Властимир наобум толкнул первую же. Ему опять пришлось навалиться всем весом — дверь заклинило от старости. Наблюдая со стороны, князь, может быть, и рассмеялся бы, но сейчас у него рубашка прилипла к спине от волнения — а ну как зверю надоест его разглядывать и он решит попробовать его на зуб? Пасти существа князь не мог видеть, но понимал, что оно его даже не распробует как следует.

Дверь наконец подалась, и Властимир вбежал, спотыкаясь, в еще один зал. С первого же беглого “взгляда” он понял, что попал в нужное место — ларец где-то здесь.

Выставив стебли Нечуй-травы вперед, князь осторожно пошел по залу, прислушиваясь к самому себе. Он должен был как-то почувствовать ларец.

И он услышал зов.

Его неудержимо потянуло вправо, прочь от двери. Повинуясь внутреннему голосу, князь пошел туда.

Под ногами что-то мешало. Приходилось то и дело останавливаться и, шаря рукой, обходить препятствия. Здесь были свалены сундуки, горы мехов, пальцы нащупывали лики статуй и морды чудовищ, изваянных из золота. Порой попадалось оружие, части доспехов, утварь, свернутые ковры и лошадиная упряжь! Но впереди маячило то единственное, что ему было нужно среди всего великолепия.

И вдруг он догадался, что опять не один. Властимир замер, чуть пригнувшись и готовясь к прыжку. Не зная, кто его подстерегает, он мельком пожалел об оружии, через которое перешагивал только что как через помеху — глубокие раны на левой руке, оставленные кинжалом Морины, больше не кровоточили, но шевелить ею он боялся: мышцы плохо слушались, а выше локтя рука была как неживая. Давал ей силы лишь Разрыв-дар.

Морина стояла в проеме неприметного входа. Его трудно было обнаружить с близкого расстояния — две скалы почти сходились, загораживая его от факелов. Скалы почти налезали одна на другую, так что казалось, что девушка выступила прямо из стены.

Подняв факел над головой, она осторожно закрепила его в расщелине. Властимир тут же остановился и повернул голову в ее сторону. Морина замерла, боясь дышать. Она

отлично видела огромный высокий зал с нависающими с потолка сталактитами, заваленный всем, чего пожелает душа. Князь остановился, не дойдя и до середины зала.

Грохот и стук камней привлек их внимание и отвлек друг от друга. То существо, которое Властимир обошел, чтобы проникнуть сюда, теперь трудилось над слишком узким для него входом. Лежа на полу, оно по очереди совало в отверстие двери лапы, стараясь когтями расширить ход. Его мощные рывки скоро сделали дело — несколько камней подались и упали, откатившись. Существо немедленно сунуло нос внутрь и удовлетворенно засопело.

Горячий вал его дыхания толкнул Властимира сзади, и князь поспешил прочь, забывая про незнакомца, которого успел почувствовать минуту назад. Существо краем глаза увидело его и стало расширять дыру с удвоенной яростью. Камни летели в разные стороны, чудище пыхтело, хрипело, ревело. Все звуки слились в единый шум, от которого можно было оглохнуть. Властимир торопливо пробирался сквозь завалы рухляди, с трудом придерживаясь нужного направления.

Существо вползло в пещеру более чем наполовину. Его удерживали только набросанные им же самим камни, и оно приостановилось, чтобы раскидать их и расчистить себе дорогу. Его горящие глаза, в которых отражался свет факела Морины и блики золота, неотступно следили за человеком.

Небрежно отшвырнув последний камень, существо с трудом протиснулось в пещеру и огляделось. Оно сразу заметило своего обидчика. Взревев так, что у князя заложило уши, чудище ринулось догонять его.

Властимир поспешил прочь не разбирая дороги, но без глаз удрать оказалось трудно. Здесь и зрячий не смог бы уйти. То и дело вынужденный останавливаться и сворачивать с дороги, князь все же несколько раз увернулся от челюстей, что щелкали у самого затылка. Существо мешали быть проворными те же самые сундуки и горы рухляди.

Морина не двигалась с места. Человек споткнулся раз, другой... Чудовище, имея оно разум, могло бы дотянуться до него лапой, но вместо отчаянного рывка оно вдруг вскинуло голову, стараясь поразить человека сверху. Пока существо поднималось, князь успел сделать шаг в сторону, и удар тяжелой головы попал по сундуку. Тот треснул, разваливаясь на части. Золотые слитки хлынули дождем, но зверю было не до них — оно мотало головой и ревело от ярости и боли.

Неудача распалила чудовище, и оно опять бросилось в погоню. Огромное тело перелетало через преграды, больше не тратя времени на атаки. Слабый человек должен был сдаться раньше, чем усталость свалит преследователя.

Властимир все еще прислушивался к внутреннему зову в себе, он знал, что нужный ларец уже близко — до него было не больше десяти сажень, но существо было гораздо ближе. Затаившись, князь выбрал миг, когда оно занялось разгребанием завалов, и бросился бежать к ларцу.

Подземный сторож заметил бегущего человека. Властимир услышал за своей спиной утробный рев и грохот погони, но не успел спрятаться — огромная лапа сбила его с ног. Князь упал на грудь доспехов. Падение оглушило его, и он смог лишь дернуться, когда, закрывая собой своды пещеры, над ним нависла огромная туша, из распахнутой пасти которой несло вонью. Властимир не видел своего врага, но знал, что на сей раз ему не спастись.

— Веденя, — прошептал он, прощаясь.

И вдруг существо замерло с разинутой пастью, словно его зачаровали. Более того, оно попятилось, не трогая человека. Озадаченный его поступком, Властимир приподнялся, думая, что Нечуй-трава отпугнула чудовище, и увидел в стороне тонкий луч.

Он не узнал Морины — для этого она стояла слишком далеко. Девушка вытянула вперед руки с напряженными пальцами, словно отталкивая зверя от человека.

А потом зазвучал голос:

— Прочь, исчадь подземелья, уходи в свои пещеры! Никогда не возвращайся, если

дорожишь ты жизнью. Уходи, пока свободен и избавлен от проклятья. Ты заплатишься за смелость, если не уйдешь отсюда!

Низкий, чуть дрожащий голос девушки звучал в ушах Властимира. При первых же словах заговора чудовище склонило голову, а потом, пятясь, поползло назад, к выходу. Морина стала читать заговор второй раз, и существо, развернувшись, бегом устремилось вон.

Властимир не стал ждать — рядом с ним была едва не убившая его на крыше Морина, а ларец был близок — в десятке шагов.

От него исходил прямо-таки огненный жар — так казалось князю на ощупь. Ларец оказался самым простым по форме — как ни ощупывал его Властимир, не мог обнаружить ни вырезанных символов, ни узоров на крышке. У любого селянина в хате сундуки более украшены, нежели этот. Да и стоял он чуть ли не на видном месте. Но было в нем что-то такое, что заставило князя осторожно прикасаться к нему.

Возможно, было то от тепла или его тяжести. Когда Властимир, ощупав небольшой, в локоть длиной, ларец, попробовал его поднять, он оказался невероятно тяжел — словно в него волшебник втиснул целую лошадь. Все же князь приподнял его и подержал на весу — при каждом толчке что-то в нем шуршало и перекатывалось.

Поставив ларец назад, Властимир, не долго думая, захотел открыть его, но только он коснулся крышки, как на его ладонь легла чужая рука.

— Не смей! — прошипела Морина. Князь оттолкнул ее.

— Пошла прочь, — отрезал он. — Ты меня один раз чуть не убила, но теперь-то у тебя ничего не получится!

— Глупец, — рассмеялась девушка, — Тебе не справиться с тем, что хранится в ларце! Я, я одна могу с этим совладать. Я и не собиралась убивать тебя там, на крыше, — ведь только ты мог достать ларец. Но теперь он найден, и я должна получить его. То, что там находится, принадлежит мне!

Она рванула ларец на себя, но он оказался для нее слишком тяжел. Если бы Властимир видел выражение ее лица, он бы развеселился, но сейчас ему было не до смеха. Он вспомнил слова Буяна: “Заключена в нем не только Кощеева смерть, но и жизнь Дажьбога-создателя”. Если Морине-Маре попадет он в руки, не миновать беды.

— Прочь, пока цела! — выкрикнул князь, загораживая ларец собой.

Девушка попыталась обойти его, но Властимир поймал ее и отбросил в сторону.

— Не получишь ты его, пока я жив! — сказал он.

— Тогда ты умрешь! — ответила она.

Властимир понимал, что от чар у него нет защиты. Нечуй-трава почти выдохлась, он теперь не различал ничего дальше пяти шагов. Но, приготовившись к удару, он невольно затаил дыхание и услышал приближающиеся шаги. Несколько человек бежали по подземным переходам.

— Буян! — наугад закричал Властимир.

Морина тоже услышала топот и обернулась. Э подземелье ворвались четверо человек и два волка. Оба зверя, углядев в свете факелов девушку, с рычанием устремились на нее.

Рюрик и Мечислав остались у входа, светя поднятыми над головой факелами, а Буян и волшебник поспешили вслед за волками к князю. Морина в первую минуту было вскинулась, чтобы остановить волков, но увидела приближающегося волшебника и опустила руки. Все, что она ни сделает, будет тут же исправлено им. Волки, почувствовав ее смятение, с радостным рыком ринулись вперед. В свете факелов блеснули их зубы, и Морина бросилась бежать.

Властимир стоял над сундуком, на крышке которого ждал их заветный ларец. Одной рукой князь чуть придерживал его, словно опасался, что он исчезнет после того, как завянет Не-чуй-трава. Он ждал прихода друзей.

Подбежав, Буян радостно тряхнул его за плечи.

— Ты это сделал, друже! Сделал! — радовался он. — Где он, покажи!

Князь готовно отстранился, все еще касаясь ларца рукой.

— Трава указала мне на него, — объяснил он, почуяв неловкое молчание гусяря.

Тот с недоверием осматривал вытесанный из цельного серого материала ларец, больше похожий на кусок камня или окаменевшего от времени дерева. Но волшебник кивнул головой:

— Он самый. По-иному такая вещь и не должна выглядеть — иначе слишком многие на внешнее обращать внимание будут, а о его содержимом и вовсе думать не станут. Я сам о нем только слышал, а теперь увидел. — Он попробовал поднять ларец и довольно молвил: — Верно — он... Ну, забирайте его, да поскорее!

Гусярь готово обхватил ларец руками, но едва смог оторвать от крышки сундука. Сделав шага два, он почти уронил его, отдуваясь.

— Больно тяжеленек, — пожаловался он. — Эдак мы дела не сделаем!

— Мне позволъ, — окликнул его Властимир. — Я сыскал его как-никак!

Волшебник под руку подвел его к ларцу.

На сей раз он показался князю едва ли не в половину легче прежнего, и Властимир подумал, что ларец и его содержимое смирились с похищением.

Они дошли уже до входа, когда вернулись волки. Оба оборотня виляли хвостами и повизгивали. Морины с ними не было.

— Вы, часом, не сожрали ее там? — беспокойно молвил Буян.

— Что мы, звери, что ли? — важно отозвался волк-Синдбад, — Попугали немного да загнали в соседнюю пещеру — пусть посидит там и подумает...

Вильнув хвостами, они убежали вперед — до рассвета оставались всего минуты.

Час спустя путешественники последний раз попользовались гостеприимством замка и его владельца. Сбросившие наконец волчьи шкуры Гаральд и Синдбад налегали на угощение так, словно не ели несколько дней. За время беседы они ни разу не вступили в разговор и даже не замечали, о чем говорят остальные.

Буян по-хозяйски сидел на ларце из негной-дерева, время от времени поглаживая его бок. Волшебник давал последние напутствия.

— Обратный путь может быть для вас опасен, — говорил он. — Морина когда-то была возлюбленной Кощея, но он ее бросил, потому что ей подвластна смерть, а он хотел жить вечно. Кощей знает, что он не бессмертен, — ведь он стареет, потому и оттягивает свой конец правдами и неправдами. Уничтожить смерть его нельзя, выпустить на волю — тоже. Следует вам избавиться от нее, и поскорее. А не то Морина найдет способ передать Кощей, что вы ею владеете, — тогда вам не жить...

— Мы должны отдать Кощей его смерть, — сурово отмолив Буян. — И мы это сделаем...

— Но почему? — ахнул волшебник. — Что вас заставляет так рисковать? Вы даже не догадываетесь, что сделает Кощей, ежели смерть его попадет к нему! Вы погубите мир!

Буян упрямо покачал головой.

— Мы должны, — сказал он. — Мы слово давали, а славянское слово всех прочих крепче. Иначе Кощей не снимет заклятья с двух наших спутников, и Властимир не вернет себе глаза. Мы должны так поступить...

Волшебник искоса смерил гусяря взглядом и обреченно кивнул, не желая продолжать спор.

— А что вы сделаете с Мориной? — вдруг спросил Мечислав и тут же покраснел, смущенный.

Старик молодо улыбнулся.

— Не беспокойся, я не убью ее, хоть она того заслуживает. Я выпущу ее из подземелья завтра к вечеру. Вреда особого ей это не причинит, но она замерзнет и проголодается, а то и другое смиряет нрав.

— Вы хотите... — просиял юноша.

— Я попробую ее приручить, и, надеюсь, скоро мы найдем с нею общий язык.

— Вы не устояли перед ее красотой, — понимающе молвил Буян.

— А что делать? Она красива, а я одинок... Но на сей раз я буду осторожен, и ничего подобного — ни с деревьями, ни с подвалами — не повторится. Клянусь вам!

Услышав про деревья, Рюрик восторженно вскрикнул.

— Мой господин, а с ними что? — заговорил он. — Там мой отец, а Морина... Они так и останутся деревьями?

Волшебник улыбнулся и отечески потрепал юношу по плечу.

— Успокойся, — сказал он, — я уже снял заклятье. Если твой отец там, ты его увидишь сегодня же.

— Правда? — Рюрик вскочил. — Тогда я еду. Немедленно! Он бросился к выходу. Пришлось и остальным собираться в дорогу.

Абу-зьяны распахнули ворота и присели на корточки в проеме, провожая путников блестящими глазами. Волшебник вышел проводить всадников, но не пошел дальше берега озера, а остался стоять, глядя им вслед, пока они не скрылись в роще на склоне холма.

Еще издалека они услышали перестук топоров и голоса. На вершине холма, где путешественники вчера разбивали лагерь, кто-то рубил деревья. Прямо на глазах подъезжающих всадников самое высокое дерево дрогнуло, жалобно вскрикнуло и стало заваливаться набок.

Увидев это, Рюрик закричал и поскакал в сторону лесорубов, отчаянно крича:

— Остановитесь! Прекратите! Там мой отец!

Юноша мог попасть под падающее дерево или убить лесоруба, а потому остальные не стали медлить и бросились вдогонку. Вихрем всадники влетели на холм — и осадили коней.

Около десятка норманнов и двое темнокожих моряков, явно из соотечественников Синдбада, валили лес. Еще несколько очищали поваленные деревья от ветвей и коры, складывая у рожицы миртов небольшой приземистый погребальный костер. Три тела, завернутые в парусину, ожидали окончания работ.

Когда всадники выскочили к костру, работы прекратились, и лесорубы стали собираться к пришельцам. Рюрик со злыми глазами крутился в седле, сжимая меч.

— Вы убили моего отца! — выкрикивал он, задыхаясь от ярости, — Он был заколдован в эти деревья, а вы его... на дрова!..

— Парень, мы все были деревьями, — молвил кто-то. — До сегодняшнего утра...

Лесорубы обступили всадников. Ошеломленный Рюрик переводил взгляд с одного на другого, не выпуская меча из рук.

— Не верю, — выдохнул он наконец.

Из толпы протолкался к нему высокий, плечистый норманн в драной кожаной рубахе, какую надевают под кольчуги.

— Рюрик! — крикнул он, пытаясь стащить юношу с седла, — Ты меня не узнаешь?

— Хельмут? — ахнул тот, роняя меч. — Ты?

Как мальчишка, он повис на шее норманна, что-то бормоча и всхлипывая. Остальные члены команды обступили их, хлопая Рюрика по плечам и перебивая друг друга. Моряки-чужеземцы с других кораблей молча смотрели на них. Молчали и пятеро всадников.

ГЛАВА 10

Два корабля уходили от острова в разные стороны. На наскоро починенном норманнском драккаре возвращались на север моряки, что были заколдованы в деревья. Среди них были и люди из других стран — несколько персов, индеец, фряги. Шестеро нормандских моряков, в том числе и отец Рюрика, не дождались освобождения — когда заклятье с них спало, они были уже мертвы. С умершими были преданы сожжению все мирты на холме: они уже никогда не смогли бы стать людьми.

Черный дым клубами поднимался с холма в небо. Люди не сводили с него глаз. Ветер дул с острова, донося до кораблей запах гари и пепла.

Некоторое время оба корабля — и судно Синдбада, и драккар норманнов — еще держались рядом, но, по мере того как остров уходил дальше, увеличивалось расстояние и между кораблями. Перед закатом корабли последний раз отсалютовали друг другу вымпелами и разошлись в разные стороны. Норманны взяли курс строго на север, к берегам Индии и Персии, а Синдбад поплыл обратно к Кощею.

В ночь поднялся ветер, к рассвету перешедший в настоящий ураган. Появление солнца не умерило его пыла — волны вставали вокруг корабля как стены. То одна, то другая обрушивалась на него с бешеной яростью зверя. Судно то задирало нос, так, что почти вставало на дыбы, как разъяренный жеребец, то зарывалось в воду, черпая ее бортами, то опрокидывалось набок, как подбитая утка. Парус сорвало, мачта треснула, все, что не успели убрать, смыло водой за борт. Унесло в море и несколько неосторожных матросов.

В трюме бесились лошади, обрывая поводья, — они словно чуяли близкую беду. Жеребцы Буяна и Мечислава уже дважды срывались с привязи, грозя или разбиться, или потопить и без того плохо держащийся на воде корабль.

Миновал поддень, прежде чем буря немного улеглась. Еще не веря в удачу, люди, еле отдышавшись, терялись в догадках, что было причиной непогоды.

— Прогневался на нас, за что-то, Шейх моря, — убежденно говорил Синдбад, — Я думал, он нас сразу потопит, а он, слава Аллаху, дал нам время, чтобы вымолить прощение.

С этим никто не спорил, странно было другое: никто не, мог даже предположить, чем вызван гнев.

— И вроде жертвы мы ему дали в начале пути, — продолжал теряться в догадках Синдбад. — Неужто ему мало?..

— Может, и мало, — молвил Мечислав. — Он, видать, за то на нас гневается, что мы его за последнее не отблагодарили — ведь он нас к острову со смертью Кошечей привел и назад уйти с него позволил. Когда впервые в море выходили, такого уговора — про остров — промеж нас еще не было...

— А ведь и верно! — Синдбад хлопнул его по плечу. — Ну, что скажете?

Мореход победно оглянулся, но в трюме царило молчание. Матросы молились Аллаху, косясь на капитана и пассажиров, Гаральд упоенно молился Пресвятой Деве и всем святым, которых помнил, Буян напряженно раздумывал. Когда Синдбад заговорил о новой жертве Шейху моря, он встрепенулся.

— А и то! — выдохнул он, — И как я сам не сообразил! Новая жертва!

— Да как же это? — подал голос Властимир. — Ведь мы не по торговым делам путешествуем, товаров нет при нас, барыша тоже никакого. С чего нам с ним делиться? Вот путь окончим, тогда и о жертве подумать надо будет...

— Еретики вы, а не язычники, — процедил Гаральд, осеняя себя крестным знамением. — Господь гневается на нас за что-то, а вы о торговле помышляете... О душе бы подумали немного! Душа бессмертна!..

Он собирался еще много говорить, но Буян вскочил на ноги.

— Я знаю, что делать надобно! — выпалил он. — Верно, что Водяник морской с нас жертвы требует. Верно и то, что с жиру он бесится, смерти нам желая. Вспомнил я сейчас об одном случае, что с дедом моим приключился. Синдбад, прикажи спустить на воду доску да привязать ее к борту той веревкой, что в моем тороке при седле найдешь, — и никакой иной!

Не прибавив и слова, Буян полез доставать гусли. Мечислав подобрался ближе.

— Ты к Водянику пойдешь? — шепнул он.

— Угадал. — Буян взлохматил его вихры, — К нему, родимому! Отошедший позвать матросов Синдбад подошел со свернутой веревкой:

— Эта?

— Она самая. — Гуслер бросил на нее косой взгляд, настраивая гусли. — Как привяжете да доску на воду спустите, так меня позовите!

Пожимая плечами над странностями славян, Синдбад ушел. Было ему от чего теряться в догадках — веревка на вид была самая обычная, только чуть зеленоватая, словно с

подплесенью. Но Мечислав, когда капитан ушел тронул гусяра за локоть: — Крапивная?

— Она самая, — кивнул Буян. — Простую волны по приказу Водяника вмиг порвут, а из сушеной крапивы сплетенную никаким чарам не одолеть!

— Боишься?

— Боюсь.

— Так чего ж идешь ты тогда? Буян встал, оправляя рубаху:

— Водяник обидчив и злопамятен. Коли не задобрить его чем, вовек не умилоstitится.

А нам еще по морям не один день ходить — чует мое сердце.

Словно подтверждая слова гусяра, новая волна ударила в борт так, что он чуть не упал.

Буян вышел на палубу. По доскам катились пенные валы. Корабль начинало раскачивать из стороны в сторону. Крапивная веревка, оказавшаяся довольно-таки длинной, лежала, как змея, у ног Синдбада, который обеими руками судорожно цеплялся за борт. От него не отходили несколько матросов и Мечислав. Все в упор смотрели на подходящего гусяра, который нарочно вел себя так, словно шел на свидание к возлюбленной.

Но когда он подошел к борту, молодецкая улыбка исчезла с его лица. Он окинул долгим пристальным взглядом море и небо, скользнул глазами по людям, что ждали его слов и дела, и поманил к себе Мечислава.

— Ежели что — останешься за старшего,

шепнул он юноше на ухо. — Сын волхва все же... Ларец храни пуще жизни, князя не оставляй, с пути нашего не сходи... Три дня меня не будет, — помолчав, добавил он, — сходи вниз, попрощайся за меня с Властимиром. Коль не вернусь — жене моей весть отнеси... Исполнишь?

Мечислав переменялся в лице, но склонил голову:

— Исполню...

На прощанье сжав плечи юноши, Буян быстро вскочил на борт.

— Погодь бушевать, Водяник морской, Владыка Подводный! — крикнул он. — А то не дождешься того, чего потребуешь!

Буян никогда не думал, что под водой так красиво. Однажды, мальчишкой, он тонул в Ильмене у затонов. Тогда в миг, который человек всегда понимает как последний, он вроде как увидел вглуби низкий, приземистый дом и садик вокруг него, а по садику не то рыбы, не то люди с рыбьей кожей бродят. Одна девушка, почти нагая, ежели не считать накидки из чешуи, уже протянула к нему руку, но потом что-то углядела в его глазах и гневно махнула... Тотчас волна ударила его в грудь и вынесла на берег Чернавы-рѣчки. Буян на всю жизнь запомнил тогда глаза родителей и самое главное — бабки, тоже Чернавы. Она смотрела на него так, словно ее внук оказался оборотнем, но отец махнул на это рукой.

Лишь теперь Буян понимал, что такого углядела в этом знаменнии его бабка. Он не чувствовал, что находится под водой — телу и верно было мокро, но он не задышался.

Когда волна, накрыв с головой, уволокла его под воду, доска выскользнула из-под новгородца. Терять ее было никак нельзя, и гусяр зажал ее под мышкой, перебросив гусли за спину. Волна, как сани, запряженные норовистым конем, несла его на глубину, ко дну. Думая лишь о том, как бы не потерять доски, Буян с любопытством осматривал встающие перед его глазами подводные горы, поросшие колыхающимся лесом из водорослей. Рыбы, о каких он и сказок не слышал, таились меж колеблющихся стволов. Словно стайка птиц, пронеслись рыбки помельче. Косые лучи солнца нитями падали в воду, рассекая ее до дна, и чешуя попавших в луч рыбок сверкала, как россыпи драгоценностей. Точно так же блестили камни и раковины улиток,

Волна поднесла человека к подножию горы, и несколько рыбин тут же устремились к нему. Двух из них он узнал — то был однозуб, о котором как-то рассказывал легенду Гаральд, и дельфин, что не раз попадался на пути, плывя подле судна. Эти двое подхватили доску на спину и поволокли ее в ущелье промеж скал. Буян еле успел вскочить на нее —

рыбы не дали ему времени осмотреться.

Дворец Водяника встал перед Буяном неожиданно, хотя тот и искал его глазами. Вдруг обыкновенная скала, которую огибали рыбы, расцветилась огнями, открылись створчатые, как раковины, двери, и рыбы замерли у входа.

Буян ступил на мягкий упругий песок.

Стены терема и своды распахнутых дверей были так плотно уложены раковинами и обкатанными волнами камнями, что так и казалось — он весь сложен из них. Раковины одной породы образовывали узоры, что под лучами солнца переливались, играя всеми цветами радуги.

Кто-то мягко толкнул застывшего с открытым ртом гусяра в спину. Буян обернулся — и встретился глазами с дельфином. Сторож сверкнул на человека веселыми глазами и опять подтолкнул его внутрь терема.

Вздохнув, Буян прошел в терем.

Узкие, похожие на змей рыбы окружили его, извиваясь и норовя обвиться вокруг тела.

Буян услышал звуки музыки и булькающий шум множества голосов. Водяник явно был не один. Подойдя к приоткрытым дверям, гусяр увидел, что попал на пир.

Водяник пригласил к себе всех жителей подводного мира. У Буяна разбежались глаза, при виде, гостей, и подаваемых угощений. В памяти вставали былины и легенды о море, коих он наслышался от викингов и варягов — их сказания казались сейчас побасенками для малых детей перед лицом реальных обитателей моря. Подивился Буян сильно зверю, похожему на Змея — только без крыльев.

Гости ревели и бормотали на разные голоса, ссорились, сновали туда-сюда, поглощали подаваемое угощение. Сам Водяник, в точности такой, как описывала его бабка — старец в плаще из чешуи и рыбьей кожи с длинной зеленоватой бородой, что обвивалась вокруг его тела, как змея, в венце из раковин, — восседал на почетном месте, озирая гостей, что непрерывно шевелились у его ног. Две нагие русалки присели у подножия его трона. Груды их и руки были отягчены драгоценностями. Судя по всему, то были наложницы Водяника.

Никто не обращал на стоящего у порога Буяна никакого внимания. Лишь единственный раз почувствовал он на себе нежный и пристальный взор и ахнул, узнавая. Притаившись за витой, как ракушка, колонной, на него во все глаза смотрела сама лебединая дева, о каких только легенды можно услышать от моряков. Вся в золоте, как в чешуе, с белыми крыльями за спиной и толстой косой ниже пояса, дева была прекрасна и грозна. Очи ее сияли, как две звезды в ночи, губы чуть дрожали, ожидая ласки. Она протянула нежную руку, коснулась ладони гусяра и вдруг бросилась прочь, как вспугнутая лань. Только крылья взметнулись за спиной.

Буян нахмурился — лебединые девы, как речные русалки, падки на любовь земных мужей. Ежели на кого посмотрит нежный взор — не уйти ему от жарких объятий и пылкой страсти. Все на свете забудет он в вечном блаженстве. Но упаси боги отвергнуть лебединую деву — не остановится она перед любой мстью.

Понял гусяр, что надобно отсюда выбираться прежде, чем дева возжелает его.

Выждав немного, он перекинул гусли вперед и коснулся струн пальцами. Привычная застольная мелодия, что не раз игрывал он в своем Нове Городе и в иных градах, полилась из-под рук, растекаясь по залу. словно рябь по воде от камешка брошенного, разливалась она, дрожала, как зеркало озера от малой мушки, с листа на воду упавшей. Терялись ноты в шуме и гуле, но не прекращал гусяр игры. Постепенно тишина опустилась на зал, все застыли, и сам Водяник удивленно закрутил головой во все стороны.

И когда осталось от всех звуков только то, что выпевали под его пальцами гусли, прошел Буян, не прекращая игры, через замерший зал, мимо провожающих его жадными глазами гостей, и остановился перед троном Водяника. Увидев пришлеца, тот вскочил, не отрывая глаз от гостя. Буян, остановившись перед троном, продолжал играть до тех пор, пока вокруг него не сгустилась тишина. В зале застыли все — только порхали, как птицы, тонкие пальцы по струнам.

И тут гуслиар резко оборвал игру.

Как подкошенный рухнул Водяник на трон. Гости тоже прынули в стороны, и зал наполовину опустел. А Буян, не обращая внимания на них, рывком забросил гусли за спину и отвесил Водянику глубокий поясной поклон.

— Уж ты гой еси, Водяник морской! — напевно заговорил он, выпрямляясь, — Чудюдо ты незаконное! Что творишь ты дела неправые и пути мешаешь ты нашему? Не от скуки мы в путь отправились, не гуляем мы, а торопимся! Обещанья еще не исполнены, встречи ждут разлученные милые, а враги — справедливого мщения!

Услышав голос человека, гости испуганно прынули в стороны, а слуги и вовсе поспешили убратся из залы. Русалки-наложницы, побледнев, как земные женщины, скрылись за тронем. Еще никто не разговаривал с Водяником так громко и смело, и все ждали, какая кара ждет наглеца.

Нашаривая посох, облепленный ракушками так, что он потерял первоначальную форму, Водяник не сводил с Буяна тяжелого взгляда мутно-голубых глаз. Сейчас они темнели, как небо перед грозой, но гуслиар не опускал взора и не смущался. Чуть отставив гусли, подбоченившись, он ждал ответа.

Вдруг Водяник вскочил. Никто не успел заметить, как в руке его оказался посох. Коротко и зло рявкнув, он замахнулся им в пришлеца и метнул.

С глухим стуком острие посоха врезалось в пол у ног гуслиара, на голове которого не дрогнул ни один волос. Он даже не моргнул, не отводя взора от лица Водяника, и не посмотрел на подрагивающее копьё.

Неожиданно черты его противника разгладились. Водяник улыбнулся и поудобнее устроился на троне.

— А и смелый ты, добрый молодец! — довольно прогудел он, кивком приглашая его подойти и присесть на ступень трона. — Кары страх не знаком тебе. Верно, ты бывал в городах моих — знаешь все законы и правила!

Буян, не чинясь, принял приглашение и даже взял из рук наложницы чару. Пригубив ее, чтобы не обижать хозяев, он ответил:

— Здесь я не бывал, видом не видал — только слыхом слыхал на родной земле, что за песни поют о тебе самом, о твоей стране да обычаях.

Водяник был доволен речами гостя — давно ему не попадались люди, столь хорошо владеющие песенным и устным словом. Он хлопнул в ладоши — и перед Буяном слуги-рыбы вмиг раскинули скатерть, на которой выставили угощение.

Не успел гуслиар как следует распробовать поданные блюда, как его отвлек сам Водяник. Он опустился ниже и с чувством похлопал Буяна по плечу.

— Ну, а раз слыхал, — вкрадчиво заговорил он, наклоняясь к самому уху гуслиара, — гостем будь моим. Развлеки меня словом песенным, повести, что творится за морем. Ты, я вижу, слов не ищешь и с гуслиями знаком не первый день!

С этими словами Водяник, трогая струны, слегка коснулся лежащих подле гусель. Они отозвались тонкими нежными голосами, словно умоляли о чем-то.

Буян не спеша принял у него инструмент, но, пристраивая его на коленях, окинул взглядом зал. Гости уже успокоились и рассаживались поближе, из-за колонн выглядывали русалки и слуги-рыбы. Появились лебединые девы, и среди них — та, которая недавно смотрела на него. Будто невзначай, она прошла меж остальными и села так, что Буян принужден был смотреть либо на нее, либо на гусли.

— Спой нам, певец с земли, — молвила она так тихо, что ее расслышали лишь те, кто сидел совсем близко. — Я хочу услышать твой голос.

Буян мигом обернулся — и успел заметить, как Водяник кивнул говорившей, намекая на что-то. Эго сразу показалось гуслиару подозрительным, и он вскочил.

Лебединая дева потянулась к нему, сам Водяник привстал, засуетились те, кто стоял около, готовясь перехватить человека, но, прежде чем их плавники, руки и лапы коснулись его, Буян уже отбежал в сторону и оттуда крикнул Водянику:

— Уж ты гой еси, Водяник морской! Разгадал я твою хитрость тонкую! Ты меня не словишь на удочку — я не только с песнями знаюся!

Водяник медленно встал, и в зале опять наступила тишина. На сей раз несколько гостей поспешили к выходу столь явно, что Буян понял — хозяин подводного мира рассердился не на шутку. И раньше, чем тот открыл рот, гусяр поспешил объясниться:

— Иль легенд не слыхал в Нове Городе, о купце одном в старом времени? — заговорил он, не сводя глаз с лица Водяника, который остановился, услышав про Новгород. — Он попал к тебе, как и я пришел, тебе песни пел, о себе забыв. В приймаках у тебя жил он много лет — отпустил ты его с молодой женой, с молодой женой, с малой дочечкой...

Тут Буяну пришлось умолкнуть, потому что Водяник, как подкошенный, рухнул обратно на трон, цепляясь руками за подлокотники. Он не сводил жадного взора с человека и, сисясь заговорить, только хватал воду ртом, как утопающий человек.

Буян молчал. Он видел, как повел себя Водяник, как хлопочут около него русалки и лебединые девы, шелестя белоснежными крыльями, предлагая испить крепкого вина. Гусяр понимал, что Водяник не забыл той давней истории, а значит, помнит и его прадеда.

Водяник отстранил всех нетерпеливым жестом и ткнул пальцем в Буяна.

— Ты, — прохрипел он, — откуда ты знаешь сие? Ведь столько лет миновало!

Буян шагнул вперед, срывая шапку с головы и на ходу отвешивая поклон:

— Я слыхал про то да от матушки, что тебе приходится внучкою...

Больше он не успел ни слова вымолвить — Водяник вскочил с трона, одним прыжком покинул помост, подбежал и обнял его. Гусяр ткнулся лицом в мокрую бороду, не мешая Водянику радоваться.

— Внук! — Водяник отстранил его, придерживая за плечи и любясь гусяром. — Вот уж того не думал, не гадал, нечаянно попал! Внук... Твою бабушку звали Чернавою?

— И ее, и мать мою так кликали, — кивнул Буян.

— То-то я смотрю, ты больно смел! Это по-нашему! — восхитился Водяник. — А как имя тебе, добрый молодец?

— Буян я, сын единый Вадима Храброго, что служил в юности под началом моего деда...

Не дав Буяну договорить, Водяник, придерживая его одной рукой за плечи, величественным взмахом другой руки подозвал слуг.

— Эй вы, слуги мои верные! — воскликнул он на всю залу. — Несите из подвалов да погребов все самое лучшее, ничего не жалейте — принимаю я дорогого гостя, из всех людей самого лучшего!

Слуги-рыбы засуетились, расталкивая гостей и готовя новый пир. Русалки и лебединые девы расступились перед Водяником и его спутником, склоняясь в почтительных поклонах.

Водяник радовался как дитя. Он усадил Буяна на спешно притащенный из дальних покоев трон и не переставая расспрашивал его о бабке и матери, заставляя вспоминать все до мелких черточек.

— Ты сам посуди, свет-Буян, — говорил он, угощая его отборным вином. — Так редко к нам гости сверху попадают, что поневоле каждому рад. Как-никак, все под одним солнцем живем, одна земля нам родная. В давние века водяные не просто так дань девицами от людей требовали — им без новостей скучно, вот и спрашивают всякий раз новую. Но то утопленники да пленники — с ними не поговоришь: все о воле да прошлой жизни вспоминают, возвернуться мечтают. А вот чтоб сам, без напоминания, не зван, не прошен, да как раз к празднику — такого еще не было!

Хотел было Буян напомнить, что не со скуки сюда отправился, но решил покамест не рушить беседы, а спросил учтиво:

— А что за праздник у тебя, Водяник морской? Это ты из-за него наверху бурю устраиваешь, кораблям не даешь плыть?

Услышав про бурю, Водяник враз перестал улыбаться и вроде как чужим стал, но ответил по-прежнему любезно:

— Дочь моя любимая его справляет. Раз в году дочери да внуки мои сей день отмечают. В этот день она может выбрать себе жениха среди людей или водных жителей. Коли захочешь, оставайся — а вдруг повезет тебе...

— Почему ты так думаешь? — осторожно молвил Буян. Водяник подбоченился.

— Так моя дочь только что мне про тебя говорила, все выспрашивала, не останешься ли ты до срока, — гордо произнес он. — Вот ведь сердце девичье, как чуяло — оказался и ты мне родственником! И глянь — какова любушка!

Он широким жестом указал назад, за спину Буяну. Тот обернулся — и едва не застонал, сжимая зубы: позади него стояла та самая лебединая дева и смотрела на него жадным влюбленным взором. Когда глаза их с гусярем встретились, она вся так и потянулась к нему. Очи ее заблестели, щеки покрыл румянец. Подойдя тихо и плавно, будто и правда была лишь лебедушкой, она встала перед ним, низя глаза и смущаясь.

— О, — понимающе молвил Водяник, когда и гусярь опустил взгляд, — да, видно, у вас уж все сговорено!.. Ну, а коли так, то что ж! Я спорить не стану — какой срок назначишь, жених, тогда и свадьбу сыграем!

Буян все молчал, не сводя глаз с девушки, что стояла перед ним, как березка поникшая. Осторожно, чтобы не обидеть красы и чувств девичьих, он кончиками пальцев приподнял ее подбородок и чуть коснулся губами лба.

Дева вскинула глаза, в которых наворачивались слезы.

Буян взял ее руки в ладони.

— Прости меня, ладушка, прости, краса ненаглядная, — вымолвил он, — За тебя б любой в огонь и воду кинулся, только есть у меня уже ладушка — дочь людская, Прогнева по имени! Жаль мне тебя, девица, не могу я твоим мужем стать — есть у меня жена любимая...

Если бы не держал он деву за руки, непременно она бы вырвалась. А так пришлось ей стоять и слушать все, что говорил ей Буян, и слезы градом текли из ее глаз.

— Ты... ты, — наконец молвила она срывающимся голосом, — твергаешь меня потому, что я водяная, холодная!.. Но ведь и прадед твой на водяной женился, а в тебе кровь ее!

— Да, ее, потому мне и чародейство оказалось ведомо, и силы колдовские я смог обрести и дар волшебного слова песенного, — отмолвил Буян. — Все это досталось мне от матери. Поэтому и боги меня к себе приняли... Только любовь — ни в твоей, ни в моей власти. Прости еще раз!

Он попробовал ласково погладить ее по голове, но дева вырвалась и с криком бросилась прочь.

Все в молчании смотрели ей вслед. Буян по-настоящему тревожился — он гость, а гостю обидеть хозяйскую дочь, да еще и отказом жениться, издавна считалось позором. Его искупали чуть ли не насильственным венчанием или кровью.

— Прости меня, Водяник морской, — заговорил Буян, не давая тому опомниться. Только я сказал сейчас правду чистую: ждет меня на воле жена — ждет, печалится. Да и сердце мое в разлуке истомилось. Каждый лишний день нам мешает встретиться, потому повторю я свою просьбу первую, с которой и шел к тебе...

Водяник посмотрел на гусяря так, словно впервые увидел.

— Какова просьба твоя? — тихо спросил он.

— Уйми бурю свою, — вздохнув, молвил Буян. — Не мешай кораблю нашему. Слишком долог путь наш. Не губи ты моих друзей напрасно, укроти ветра и волны!

— Волны, — молвил Водяник, — я давно унял — еще когда с тобой заговорил. Ждал я все, что ты мне поведаешь, откуда и зачем выплыли, но то я и сам ведаю, а что за цель вас в путь отправила, про то и слышать не хочу. Там, наверху, сейчас тихо и мирно, Буян, уж поверь мне!

— А мне и верить тебе нечего — ведаю я, что ты слово свое держишь и назад его не берешь, — повеселел Буян. — За добро исполать тебе, Водяник морской, а только мне пора и

назад — сам же сказал, что я просто так, не из долга к тебе попал, знать, мне и назад уже можно!

Он отвесил прощальный поклон и уже направился было к выходу, как сзади раздался голос Водяника:

— Ты не сможешь вернуться, Буян-гусяр!

ГЛАВА 11

Две рыбины с острыми зубами, торчащими из разинутых пастей, молниями метнулись к дверям и захлопнули их перед самым лицом гусяра. Отовсюду повылезали чуда морские и гады невиданные, сверкая выпученными глазами и зубами, что сами просили содрать мясо с кости. Медленно, как звери, они окружали Буяна, ожидая только знака, чтоб броситься на него и разорвать на клочки.

Гусяр затравленно огляделся, забросив гусли за спину и сжимая кулаки. При себе у него был лишь кинжал, но он не хотел пускать его в ход, еще не веря, что Водяник отдаст приказ убить его. Но куда бы он ни поворачивался, всюду встречали его холодным взглядом подводные твари.

— Что ж ты говоришь такое, Водяник морской! — позвал Буян. — Не дело так с гостями обращаться! Я ж к тебе добром пришел, а ты меня то девицей соблазняешь, то слугами своими стращаешь! Убери их да отпусти меня наверх, коли нет во мне нужды. А коли есть, говори, да авось столкнемся!

— Ко мне его, — коротко приказал Водяник.

И тут же твари, что кружили вокруг, оскала зубы, бросились на Буяна. Он уже ждал, что зубы их вонзятся в его бока, но те лишь схватили его за руки и подвели к трону.

Буян рванулся, но кривые зубы держали крепко — каждый раз, как он пробовал вырваться, челюсти сжимались все теснее и грозили раздавить ему руки.

— Эй, что это делается! — воскликнул Буян. — Коли ты прогневался, что я дочь твою отверг, так не со зла, а потому как есть у меня жена, и ты понимать то должен! А если что еще — так прежде поведай, а потом казни!

Рыбы бросились под ноги Водянику. Тот, не давая Буяну подняться, придавил его к полу посохом, оставив на коленях.

— Я бы мог тебя за речи твои дерзкие примерно наказать, — молвил он. — В цепи повелеть заковать или даже смерти предать, мне не поглядев, что родная твоя матушка, и был бы я прав, потому как ты гость, а я хозяин, и здесь мои законы правят. А должок у тебя предо мною невелик — исполнишь то, что повелю я, и будь свободен, аки сокол-птица! Преград чинить не стану!

— Вот уж печали мне не было, — ответил Буян. — И ты туда же — все вы хотите нас, славян, себе на службу поставить, слугами да рабами сделать, да только того не ведаете, что сами под собой сук рубите, сами могилы копаете. Мы покорны, да только до времени, а как срок терпения выйдет, так не удержат нас ни цепи, ни запоры, ни стены каменные...

Кончик посоха Водяника очень ловко и осторожно налег человеку на подбородок, принуждая закрыть рот.

— Ох и несговорчив ты, Буян-гусяр! — укоризненно молвил оодяник, — Ну чисто конь необъезженный! Сперва ты дело выслушай, а потом кричи да упрямься!

— Все равно на то нет согласия, — упрямо ответил Буян. — Уже не службе состоим и назад с приказом торопимся.

— Это к Кощею-то? — угадал Водяник, Буян притих.

— К нему, — только и смог вымолвить он, — а ты как узнал про то?..

— Да так же! Чародей ведь и я тоже, — самодовольно ухмыльнулся Водяник. — И вас я не отпущу!

Тут рванулся Буян что было сил, вырываясь из зубов своих охранников. Скользнули зубы по его коже, оставляя глубокие царапины, порвали рубашку, да не успели пораженные

чудища и челюстями щелкнуть — птицей метнулся Буян к Водянику, столкнулся с ним грудь с грудью и встряхнул за длинную бороду, не жалеючи.

— Как ты мог! — крикнул он в лицо Водянику — Почему ты...

— Молчи!

Водяник ловко зажал гусяру рот ладонью. Тот остановился, и тут же слуги опять набросились на него и оттащили от повелителя, выкручивая руки. Выбитый нож зазвенел по полу.

Водяник сошел с трона и приблизился к Буяну.

— Неразумный ты человек, хоть и сродственник мой, — с сожалением выговорил он, — Кабы ты все знал, не плавали бы вы на остров тот растреклятый, не искали б там смерть Кощееву, да не везли ее к нему с бережением. А бросились бы спасать жизни свои, пока не поздно...

— На острове том мы были и ушли оттуда целыми и невредимыми, — возразил Буян. — Ты поздно нас стращать вздумал. Спросил бы лучше, что нас заставило служить самому Кощею Бессмертному!

— А что же?

— Волки! Волки, коих наши враги и твои тоже на град друга моего, князя Резанского, науськали. Не ломали б мне твои слуги руки, не пытался б ты меня опутать красной девицей, так рассказал бы я тебе всю историю, а так — и слова из меня не вытянешь. — И Буян гордо отвернулся, не желая говорить.

— Экой ты! — досадливо крикнул Водяник. — Точно норов у тебя по имени — буен ты без меры, так, что даже не хочешь меня выслушать! А не станешь слушать меня — такую бурю подниму, что ты света белого не взвидишь, а твои спутники потонут вмиг! — взъярился Водяник и пристукнул посохом о пол.

Вдалеке послышался тихий нарастающий гул. Все в зале потемнело, закачались деревья-водоросли, по углам зашевелились какие-то тени. Порыв ледяного урагана-волны распахнул двери, ворвавшись в зал. Рыбы и русалки бросились врассыпную, а за узкими, забранными мелкой сетью окнами все забурило, как в котле волхва.

Где-то наверху что-то хрустнуло, разламываясь, и Водяник довольно ухмыльнулся.

Он готов был уже вторично ударить посохом о пол, но тут гусяр сам упал перед ним на колени.

— Пощади! — крикнул он. — Не губи моих друзей без нужды, Повелитель морей! Все бери, что пожелаешь, — лишь жизнь им оставь да в пути не мешай!

— То-то! Понял, как со мной спорить? — улыбнулся Водяник.

Буян поник головой.

— Понял, — шепнул он.

Не спуская глаз с коленопреклоненного гусяра, Водяник повел рукой, и далекий гул и рев стали затихать. За окнами немного просветлело, хотя вдали еще виднелись вихри и ураганы.

— Что ж, слово я твое слышал, друг Буян, — молвил Водяник, — и я от своих речей не отказываюсь. Ты мне покорился — и я бурю смирил. Оглянись — тишина на море наступает; коль не потонул корабль с твоими друзьями, то скоро они дальше в путь отправятся.

Буян вздохнул, прощаясь с белым светом, и сел на ступени трона у ног Водяника.

— Что-то не весел ты, друг Буян, — немедленно вымолвил тот. — Я бурю усмирил, а ты вроде не рад тому...

— Рад я, о пресветлый Водяник, — со вздохом отозвался гусяр, — Да жаль одного — не дал ты мне с женой проститься, друзьям и брату названому сказать слово последнее. Но коли живы они, мне более ничего не надобно — в молитвах своих я их вовек не забуду...

— А ты, никак, решил, что я тебя здесь оставляю? — вдруг рассмеялся Водяник. — Ишь, какой ты быстрый... Нет, мил-друг, человек ты земли, да и с чародействами знаком, поэтому отпускаю я тебя назад...

Он еще не договорил, а Буян уже вскочил, бросаясь к нему.

— Верно ли то? — ахнул он. — Я вернусь домой?
— Верно, но только ежели то, о чем я скажу, исполнить пообещаешь!
— Солнцем клянусь — свершу! — пылко молвил Буян, руку к сердцу прикладывая. — Приказывай!

Водяник молча указал ему на ступень верхнюю, подле самого трона, и властным жестом велел всем покинуть зал. Гости, слуги, охрана, русалки толпой ринулись вон. Не пробившись к двери, некоторые бросились в окна, толкаясь и затевая ссоры. 8 мгновение ока зал опустел. Окинув его строгим взором, Водяник поманил к себе Буяна.

Вот что я скажу тебе, добрый молодец, — шепнул он. — Я ведь не своею волей тебя в подводные палаты заманил, чуть в не заковал. Вы свершили ошибку страшную, за которую не расплатитесь. И не я бы над вами кару ту свершил, а сами боги пресветлые.

— Ну и что же такого мы сделали? Неужто зря Морену-смерть обидели?

— Не в ней дело, хоть и озлился за жену на вас Белес. Он-то и приказал задержать вас всеми силами, а буде упрямиться станете, то и смерти предать!

Буян вскочил:

— Это за деву-то? Да она чуть одного из нас жизни не лишила.

Водяник привстал и силой усадил гусяра назад.

— Не в Морене дело, мил-друг, — ответил он, — а в том, что вы оттуда вывезли. Кому вы смерть Кощееву везли — и без слов твоих ясно всем, да только вы того не ведали, зачем Кощею она понадобилась. Ему ваша беда побоку — ведь за тридевять земель она приключилась. Но он чрез вас снова сможет миром обладать. В ларце том заключена сила невиданная, о коей лишь боги и ведают, — вы достали не только смерть Кощееву, но и жизнь Дажьбога-создателя. Попадет она в руки Бессмертному, уничтожит он светлых богов, а кого пощадит, слугой иль рабом своим сделает. И всему тому вы виновники да помощники станете. Видишь сам — не мог я вас просто так отпустить!

Буян обхватил голову руками. Что-то знакомое было в речах, что держал перед ним Водяник. Будто слышал он сие или сам видел. Кто-то там еще на силу и славу славян, на память и гордость их зубы точит? Кто-то еще землю их к рукам прибрать пытается?

Страшная догадка пронзила разум. Вскочил Буян, земно поклонился Водянику.

— Исполать тебе, Водяник морской, — молвил он, нахлобучивая шапку, — за совет и просветление. Вспомнил я по словам твоим вещим, что не раз уже с ними сталкивался — наверху прозывают их Агами. Они князя моего погубить не раз хотели, все через него старались заполучить землю славянскую себе в подчинение, да только обмишурились чуток, связавшись с резанцами. Вот теперь они самого Кощея на свою обратили сторону — ведь он, сам того не ведая, для них землю покорит, а они найдут, как с ним потом расправиться! Исполать тебе за совет, Водяник морской, передай богам от меня весточку — кабы послали они нам на пути островок, силой их заговоренный, или еще что для сего подходящее, не довез бы я смерть Кощееву. Пусть не просит, где клад, не поведаю.

Водяник сошел с трона, приблизился к Буяну, ласково его оглядывая.

— Верно мне говорили, — изрек он, — славяне — люди особые, сильные, вещие. И с делом вы своим справитесь... Только, прежде чем уйти, поклянись ты мне не открывать ларца, что бы ни случилось. Даже ежели не узнает никто, что ты смотрел. Слишком велик соблазн, и смертному владеть им страшнее, чем самому Кощею. Запомнил? Не позволяй никому из смертных в него заглядывать!

— Не бойся, того не сделаю.

— Верю-верю тебе, Буян-гусяр... А теперь иди, пока я не передумал, не захотел песен твоих послушать!

Не давая Буяну и слова сказать, Водяник проводил его до дверей и вытолкал в коридор.

Здесь его окружили рыбы-звери. Весело и торопливо подталкивая носами, они проводили гусяра до крыльца.

С некоторым удивлением увидел Буян свою доску, что дожидалась его на песке. Крапивная веревка все еще уходила куда-то вверх и вдаль, но видно было, что ее старались

перепилить в нескольких местах. Рядом валялся нож из остро отточенной половинки раковины. Видимо, кто-то очень старался удержать его под водой, да не смог.

Дельфины кружились около, поджидая его, дабы проводить, но Буян медлил, сторожко оглядываясь.

Дельфины вдруг заметили чье-то движение сбоку. Настороженный Буян успел развернуться в ту же сторону и приметил что-то белое, что тенью облачка метнулось прочь, за камни. Только чуть колыхнулись деревья-водоросли, за которыми он прятался, но гусяр узнал ту самую лебединую деву. Она старалась перепилить веревку, чтобы не смог человек вернуться к людям, но против земных чар ее подводные оказались бессильны.

Буяну от души стало жаль девицу. Он положил нож на камень неподалеку, чтоб она издали могла его увидеть, и, оседлав доску, потянул веревку, сматывая ее на локоть. Доска оторвалась от песка и стала не спеша всплывать. Заметно повеселевшие дельфины закружились около в бесшумном танце.

Вечерело. Вместо урагана пришел почти полный штиль — легкий, еле приметный ветерок не спеша волочил корабль по морю. Паруса обвисли, и матросам то и дело приходилось убирать их и садиться на весла.

Третьи сутки стояла жара, какой давно уже не было. Дрожал в мареве горизонт, по утрам на нем поднимались облачные дворцы и острова. Гаральд всякий раз поминал легендарных колдунов старой Англии — Мерлина и Моргану, чьи замки тоже стояли среди моря и никому из смертных нельзя было в них попасть.

Солнце садилось в окрашенные в розовое и алое волны. Облачные сады призрачного замка вставали вокруг него, словно оно и впрямь собиралось ночевать в них. Гаральд, нервно поводя плечами, смотрел на закат. Он не шевельнулся, когда сзади подошел Мечислав.

— Нет Буяна, — молвил юноша.

— Я это давно понял, — ответил рыцарь. — Он на смерть шел. Был бы добрым христианином, приветила бы его Пресвятая Дева Богородица, прибрала б к себе, в сонм ангелов. А так — язычнику пропала душа.

Мечислав потрогал крапивную веревку.

— Может, он еще вернется? Три дня вроде не миновали покамест?..

— А вы уговорились, до какого часа ждать? Когда три дня пройдут, высчитывали? На закате аль на рассвете? Полдень был, когда он ушел, а сейчас вечер. Все сроки вышли.

— Ну, так и надобно считать до следующего полудня, — не сдавался юноша.

— Вот упрямец! Да где ж такое видано, чтоб человек три дня в подводном мире живой был? Принял от нас Водяник жертву, путь открыл — глупо не воспользоваться. А то мне до смерти надоела волчья шкура!

Чуть не рассмеялся Мечислав, услышав это от Гаральда. Не от злобы или упрямства говорил это рыцарь — ему и в самом деле надоело быть оборотнем, вот и искал, на чем бы досаду сорвать.

— Ладно, — молвил юноша. — Будь по-твоему, завтра отплываем, по зорьке. А сегодняшний день еще переждем!

Он собрался уже было уйти в трюм и поведать Властимиру нерадостную весть, когда из спокойной воды неожиданно выскочил дельфин. Он выпрыгнул, изогнувшись кольцом, что-то прокричал на своем щебечущем наречии и шумно шлепнулся обратно в море, но тут же всплыл снова и закружился на волнах, привлекая к себе внимание людей. Гаральд набожно перекрестился, увидев зверя.

— Буян, — убежденно сказал он. — Душа его нас в путь благословляет. Видать, что-то было в нем такого, раз нашел он способ весть нам подать...

— Ты ж вроде как в такое не веришь? — улыбнулся Мечислав. — Души, по-твоему, либо на небеса, либо под землю попадают, а чтоб на земле оставаться...

— Тут всему поверишь, — отмахнулся рыцарь. — Неисповедимы пути Господни. Порой он и устами еретика-язычника благу весть приносит, чтоб укрепить в вере заблудших и

усомнившихся!

Рыцарь опустился у борта на колени и стал горячо молиться. При этом глаза его оказались чуть ниже края борта, и он не видел, что к первому дельфину присоединился второй, за ним третий, четвертый... Все они кружились на одном месте, словно поджидая пятого.

Веревка под пальцами Мечислава начала чуть подрагивать, словно кто-то дергал ее из воды. Не веря пальцам, юноша отпустил ее и ахнул — она действительно дрожала. Вкупе с игрой дельфинов это могло означать только одно... Мечислав потормошил Гаральда, но рыцарь молился так истово, что не почувствовал, что его трясут за плечо.

Там, на глубине, где вертелись дельфины, показалось темное пятно. Волна всплыла, поднялась гребнем, будто наверх выходил кит-рыба, и рассыпалась на брызги, разметав дельфинов в стороны. Они с визгом бросились врассыпную, а на поверхности взвихренной воды показалась знакомая фигура.

— Гаральд! Гаральд, смотри! — закричал Мечислав, готовый броситься за борт. — Смотри!

Рыцарь чуть приподнял голову.

— Ну, чего тут случилось? — недовольно протянул он, но в этот миг взгляд его упал на окруженного дельфинами человека, и рыцарь вскочил.

— Глазам не верю, — прошептал он. — Живой...

— А я что говорил? — вставил Мечислав. — Только Властимир да я до конца верили, что он не пропадет!

Мокрый с ног до головы Буян сидел верхом на доске, сматывая на локоть веревку. До корабля оставалось чуть более десятка сажений.

Пока Мечислав сзывал остальных, Гаральд подтягивал доску с гусярем ближе. К тому времени, как большая часть матросов собралась на палубе, доска подплыла совсем близко, и Гаральд, перевесившись через борт, протягивал Буяну руку. Одним рывком он вздернул его на палубу и, не тратя времени на слова, обнял.

Вода текла с гусяря ручьями. Рыцарь мигом вымок, но долго не отпускал новгородца, пока тот не высвободился силой.

Его окружили плотным кольцом, сквозь которое не сразу смог протолкаться Мечислав, что помогал слепому Властимиру подняться на палубу. Матросы впервые видели человека, который провел три дня под водой и остался жив. Многие, подражая Гаральду, молились Аллаху за ниспосланное чудо.

Мечислав, расталкивая матросов, подвел князя. Властимир протянул руки:

— Буян? Ты ли, друже?

— Я, князь. — Гусяря взял его ладони в свои. — Я вернулся, как и обещал.

Они троекратно обнялись по обычаю, и Буян, первым отстранясь, подозвал остальных.

— Нам бы поговорить скорее надобно, — молвил он. — Идемте, я все поведаю!

Славяне, рыцарь, что смотрел на гусяря, как на нового святого, и Синдбад спустились в трюм. Выгнав оттуда отдыхавших матросов на реи ставить паруса и готовиться к дальнейшему пути, заговорщики собрались вокруг Буяна. Тот сменил мокрую рубаху на сухую и полез осматривать ларец.

Смерть Кощееву запрятали надежно, за свернутые канаты и мешки из-под съестных припасов, забив ее в первый опустевший бочонок для воды. Обернутый мешком ларец не мог привлекать ничьего внимания, особенно потому, что никто из матросов не видел точно, что там спрятано.

Буян внимательно осмотрел ларец и вернул его на место.

— Что ты ищешь? — окликнул его Мечислав. — Мы с него глаз не спускали. Никто его в руки не брал, целый он!

— Да, — гусяря вернулся к друзьям, — он цел, и за то вам благодарность моя, что уберегли его от похитителя, а себя — от соблазна. То, что хотел я поведать, с ларцом этим связано.

Потихоньку отползавшие в сторонку, чтоб-поменьше было свидетелей их превращения в волков, Гаральд и Синдбад вернулись назад.

— Шейх моря знает про смерть? — спросил мореход.

— Да, и мы не должны отдавать Кощею ларца.

— Что? — вскочил Гаральд. — Повтори!

— Мы не должны отдавать ларца, — громче и яснее сказал Буян.

Рыцарь схватил его за грудки и встряхнул, тяжело дыша в лицо.

— А это ты видел? — прохрипел он, поднося к носу гусяра кулак, на котором уже пробивалась волчья шерсть. — Тебе легко говорить, а ты обо мне подумал?.. Мне-то приятно каждую ночь выть на луну и хвостом вилять? Да меня дома живо на костре спалят...

Боль его стала слишком сильна, и он со стоном опустил на все четыре лапы. Тело изменяло форму с хрустом и скрежетом, словно ломались кости. Из глаз текли слезы, Синдбад катался рядом по полу, щелкая челюстями.

— Мы не можем обрекать их на такие муки пожизненно, — вымолвил дрогнувшим голосом Мечислав. — Это жестоко...

Волк, только что бывший рыцарем, поднял голову. Шерсть на морде его была мокра от слез, горло чуть подрагивало.

Буян припал на колени и погладил лохматую голову.

— Уж поверь, что твоя боль мне известна, — молвил он, — но и вы меня послушайте и поймите, что не лгу я. Смерть Кощееву боги наши в землях далеких сокрыли, чтоб он сам не смог ее заполучить. В ларце том погибель для всех богов наших славянских — коли заполучит ее Кощей, власть свою установит над миром. А кому такое надобно — то Властимир лучше моего знает, не раз уж с ними сталкивался.

— Опять они? — ахнул князь. — Но ты вроде как их прогнал...

— Да было такое. Прогнал — и с той поры за нами они не следят, но они хитры и не одной дорожкой ходят. Как воры — в дверь не войдут, так в окно влезут, а так не получится, то и пол подкопают. И Аги то ж — с людьми им не совладать оказалось, так они среди самих богов ищут перебежчиков...

Буян замолчал. Властимир и Мечислав поняли, что, сами того не ведая, помогали они старым, врагам своим — Не верилось лишь в одно: как боги пустили такое, как вовремя не заметили и для смерти Кощеевой лучшего тайника не искали?

— И что же нам делать теперь? — в тишине молвил Властимир. — Не принесем ларца — весь путь насмарку, а принесем — земли своей станем губителями.

— Чрез Водяника мне то боги поведали светлые, — ответил Буян, — от него и знак будет, что свершить. Но коли уж решили делать, то ответьте мне сейчас — согласны вы со мною или нет?

— Слышал я, у людей сердца бывают зрячими, — медленно проговорил Властимир, — так я решил: коли что, мне и света не надобно. Не захочу я смотреть на мир, из-за моей прихоти опоганенный. Я однажды уже отказывался от глаз, что мне светлые Аги в обмен на службу предлагали, и второй раз откажусь, коли нужда в том.

— Отец мой не одобрил бы, если б я его дело предал, — добавил Мечислав. — Он под богами ходит, а я что ж? Отступником веры своей стану? Не надо отдавать ларца!

Волки долго молчали, глядя то в пол, то друг на друга. Наконец волк-Синдбад вскинул морду.

— Я вот подумал, — сказал он. — Кощей с нами хитростью, так, может, и нам ему так же ответить?..

Волк-Гаральд угрюмо молчал, не соглашаясь, и Буян присел перед ним, лаская его, как собаку.

— Одно ты забыл, друг-рыцарь, — сказал он, беря голову друга в руки. — Мы зачем к Кощей отправились? За живой водой! А вода сия любое колдовство снимает. Воду-то мы у него выторгуем, а уж там не забудем ни тебя, ни Синдбада. В том веришь ли мне?

В ночь поднялся ветер, наполняя долго стоявшие пустыми паруса. Корабль, как наконец-то выпущенная на волю птица, ринулся по волнам к окоему, вспарывая воду носом. Ветер не пропал и на рассвете, и, когда все поднялись на палубу, глазам их предстало синее море и белопенные волны, что разбегались в стороны. Несколько дельфинов, сверкая мокрыми спинами, догоняли корабль, играя в волнах. Ветер трепал волосы. Он тоже веселился и баловал силой своей, как конь молодой застоявшийся. Так и чудилось в его завывании залиvistое ржание.

Лишь после полудня ветер немного спал, зато впереди, на краю окоема, стали заметны какие-то облачка. Даже после того, как корабль наполовину сбавил ход, он все равно продолжал быстро приближаться к ним.

Люди опять высыпали на палубу.

— Глазам не верю, — пожал плечами Гаральд. — Чтобы замок Морганы показывался в середине дня? Это что-то означает!

Рыцарь был не прав, перед самым носом корабля из тумана выросал настоящий остров.

Облака, как туман берега озера, окутали его побережье, и казалось, что он висит в воздухе, лишь слегка касаясь воды. Несколько развесистых деревьев на вершине невысокой горы образовывали рощицу. В тишине до матросов долетали тихие голоса птиц. Клубы тумана нависли над вершиной острова, словно охраняя его.

— То нам знак, — убежденно сказал гуслар. — Боги послали нам его, чтобы вложили мы смерть Кощееву в их руки, не дали ей попасть к врагам. Мне они сие предназначили, мне и идти. Седлайте моего коня да несите ларец!

И, не дождавшись, пока все опомнятся, сам пошел в трюм. Не тратя времени, он взял жеребца за гриву, другой рукой прижал к себе обернутый мешковиной ларец. Поднатужившись, поднял его на спину коня и вскочил сам на него, сжимая конские бока коленями.

— Ты туда? — спросил Мечислав, махнув на островок. — Но ведь там его укрыть негде! Голо все, только три дерева!

— Ничего, — мигнул Буян. — Кому надо, и в трех деревьях заплутает! Ждите меня скоро!

Он ударил пятками по бокам, и золотистый жеребец птицей взвился с палубы.

Островок оказался так мал, что в три простых скачка жеребец очутился на вершине. Гуслар спешился и, неся ларец двумя руками перед собой, вошел в рощицу.

Его не было больше часа. Наконец он вышел с пустыми руками, подзывая коня, и через минуту уже стоял на палубе среди своих.

Буяна засыпали вопросами, что он так долго делал в рощице, где и младенец минуты не проплутает, но гуслар смерил всех строгим взглядом и пошел отводить жеребца в трюм.

— Смотрите! — послышался вскрик вахтенного матроса.

Люди обернулись. Туман над островком сгустился, поднимаясь от воды. Вот он уже полностью скрыл сушу, оставив на виду лишь деревья, вот поднялся до нижних веток, потом скрыл их все до последнего листочка, сливаясь с теми облаками, что нависали сверху.

Еще минуту или две перед глазами людей в воздухе колыхались только клубы тумана, но налетевший ветер толкнул хрупкие башни, согнул их, разломал на обрывки-камешки, разметал... открыв гладь моря, на которой не было и следа странного острова.

ГЛАВА 12

Кощей ждал своих посланных давно. Еще когда всадники показались у арки-ворот, которую поддерживали каменные звери, им навстречу выехало два десятка воинов в черном с оружием наголо. Отсалютовав саблями, всадники поклонились приезжим и, окружив их плотным кольцом, повели к башне.

Славяне наотрез отказались спешиться, но никто с ними и не спорил. Всадники-

охранники только попросили переждать час-мал, пока двое бегали докладывать Кощей об их возвращении. Когда посланные вернулись, славяне, все так же верхами, направились в зал приема.

Это был тот самый зал, расписанный деревьями, птицами и гадами диковинными, где некоторое время назад Кощей давал им приказ достать его смерть. Ничего тут не переменилось — только волотка-охранница не стояла более у подножия Кощеева трона. Сам же Кощей, когда славяне подъехали ближе, вскочил, разметав полы халата, и шагнул к всадникам. — Сделали дело? — быстро спросил он. Буян, выехав вперед, согласно кивнул. Взяв себя в руки, Кощей сошел с помоста. — Вы ее добыли? — Знамо дело. И не только! Услышав такое, колдун приободрился. — Что ж, — молвил он, — вы свое дело справили, так и я за ценой не постою... Подавайте сюда ларец — покажу я вам, где у меня в садах течет родник с живой водой. А как воду сыщете, так и заклятье с ваших спутников сниму. — И Джиневру мне вернешь, — процедил Гаральд.

— И ее... Ну, слуги мои верные, показывайте ларец! Кощей сошел с помоста и направился к всадникам, но они неожиданно осадил коней, отъезжая все разом. — Это еще что за новости? — воскликнул Кощей. — Дело сделали, осталось малость — то, что найдено, возвратить хозяину законному, а самим — получить награду обещанную... Буян поднял руку, призывая к молчанию. — Не трудись, Кощей, нас запугивать, не серди богов светлых, — заговорил он. — Нас казнишь — вовек ничего не добьешься, а смиришься да слово выслушаешь, так, глядишь, и получишь заветное!

Остановился Кощей, оперся на посох. — Ты, слуга, верно, мне, хозяину, ставишь условия? Коль ларца не покажете, не видать вам света белого, не гулять по земле людьми во веки веков!

Он сделал кому-то позади славян знак глазами, и двери с грохотом захлопнулись.

Люди обернулись — на тяжелые, окованные железом створки уже навесили замки, а перед дверьми ждал славян отряд воинов: все в железе да при оружии.

Гаральд презрительно хмыкнул:

— И всего-то два десятка? Ты, Кощей, верно, совсем рехнулся от старости, коли и правда думаешь, что таких, как мы, двадцатью воинами удержать можно! Да мы их враз разметем, как дохлых птенцов!

Он уже разворачивал жеребца, вытягивая из ножен у седла меч, но гусляр его удержал.

— Погодь с ними ссориться, друже, — молвил он, — чует сердце мое: не простые они люди — заговоренные, а то и вовсе — не люди то, а так — одна видимость...

— Это они-то видимость! — закричал Кощей, теряя терпение. — Вы, видно, сами сюда пришли шутки шутить и меня испытывать! Все у вас слова да болтовня пустая, а дел не видно!... Подавайте ларец, коли вообще хотите день сей пережить!

Он бросился к всадникам, и Буян не смог более молчать. Дождавшись, пока Кощей подойдет ближе, он молвил:

— Нет у нас ларца.

Это вмиг остановило колдуна.

— Как — нет? — выдохнул он, — Так чего же вы явились, коль дела не сделали?

От его крика словно дрогнули стены зала, двери железные закрипели натужно, а воины у входа оружие обнажили.

— Не сознаетесь — в погребах заживо гнить будете, под пытками корчиться, смерть призывая на свою голову, жизнь проклянете! — бушевал Кощей. — И не хвалитесь умением — мои воины вас вмиг скрутят, и пикнуть не успеете!

Воины уже обходили всадников с боков. Лучи поблескивали на лезвиях их мечей и гранях доспехов. Шли они с поднятыми забралами. Рыцарь, повернувшись в седле, рассматривал воинов и случайно бросил взгляд на их лица. То, что увидел Гаральд, заставило его вскрикнуть и потянуть Буяна за рукав.

— Смотри, гусляр, — позвал он. — Ты только посмотри — они мертвые!

В глазах окружавших их воинов не было жизни. Их мутные очи смотрели в одну точку

— прямо перед собой. Внимательно приглядевшись, можно было заметить, что они не дышат.

Кощей дробно рассмеялся:

— А вы что думали, упрямы! Стану я на вас живых людей тратить! Нет, эта армия понадежнее — и ран нет, и усталости, и еды да питья не требует, и денег за услуги не берет, а повинуются слепо, потому как и вправду слепые они! Слепые — лучше зрячих, они всему верят, ни с чем не спорят, ничего им не надо сверх того, что подадут, и повинуются беспрекословно...

Буян увидел, как потемнело лицо Властимира и как потянулся резанец искать меч в ножнах.

— Убери своих псов, Кощей Бессмертный! — повысил голос гусяр. — Ты не понаслышке знаешь, что один волк стаю собак перережет, а сам уйдет невредим. А коли заупрямишься да преграды чинить нам станешь — вовек ларца тебе не видать!

Кощей взмахнул рукой — и застыло его воинство.

— Отдавай ларец, и убирайтесь, — прошипел он. — Никто вас не тронет в дороге! Вон!

Он опять сделал кому-то знак, и все услышали, как заскрипели, отворяясь, окованные железом двери. Буян победно улыбнулся.

— Ты, хозяин, — молвил он, нарочно величая так Кощея, — от нас какой службы требовал? Ларец сыскать да в надежное место его перепрятать, дабы никто его отыскать не сумел. То мы с честью исполнили — нашли его в чертогах Морениных, у самой Мары-смерти его вырвали да сокрыли от чужих глаз подальше. Слово мы сдержали, теперь дело за тобой. Ты обещал нам...

— погоди, болтун, — остановил его Кощей, — так ларца что, нет у вас?

Буян широко и зазывно улыбнулся, опуская длинные ресницы.

— Угадал, хозяин ласковый, — молвил он тихо.

От такой наглости Кощей онемел. У колдуна отвисла челюсть, глаза выпучились, как у раздавленной жабы, он чуть пошатывался и судорожно цеплялся за посох. Не сразу в его пустых холодных зрачках вспыхнула ярость.

— Так вы что, за смертью своей сюда явились? — рявкнул он. — Сознавайтесь!

— Это ты сознайся лучше, — строго осадил его Буян. — Мне про задумки твои тайные все поведали боги светлые. Не для доброго дела тебе смерть твоя была надобна — ты собирався продать ее иноземцам, что на наш мир издалека явились и погубить его с давних пор хотят. Заполучил бы ты смерть, а они — власть над всей землей нашей. А попервости они бы богов светлых изничтожили, а потом и тебя самого... И имя мне их ведомо — вот и князь мой, Властимир Резанский, подтвердить может. Мы в прошлые годы не раз с ними сталкивались — через нас хотели пришельцы землей завладеть, да промашку дали, связавшись с резанцами.

Чуть умолк Буян, вскинулся Кощей с прежней яростью.

— Куда вы дели его, говори! — крикнул он, бросаясь к нему с поднятым посохом. — Говори или жизни лишишься!

Буян и бровью не повел, лишь воскликнул упреждающе:

— Не подходи лучше — конь у меня норовист!

Но было поздно — чуть только Кощей оказался перед грудью золотистого жеребца, тот, коротко всхрапнув, взвился на дыбы и ударил копытами.

Тело Кощея от удара взлетело в воздух, перевернулось и тяжело упало на ступени помоста.

— Что ты наделал! — схватился за голову Гаральд. — Ты же убил его — в собственном доме! Что теперь будет?

— Кощей бессмертен... — отмолвил гусяр, — А я его упреждал — не подходи к моему коню ни сзади, ни спереди...

Он указал на распростертое тело Кощея, и Гаральд с некоторым удивлением заметил, как тот встает, чуть пошатываясь и двумя руками опираясь на посох.

— А знаешь ли ты, — прокрипел он старческим голосом, — что я тебя заколдовать могу на веки вечные — хоть в волка, хоть в камень при дороге, чтоб мочил тебя дождь, калил мороз, птицы да путники на твоём горбу отдыхали, добры молодцы о твои бока мечи пробовали, грамотеи на твоей спине писали всякое...

— Колдуй — поглядим, как ты с волхвом справишься, — смело молвил Буян. — А попробуешь на которого из спутников моих порчу навести — вдругорядь уж не помилую!

— Смелый ты, да глупый, — дробно рассмеялся Кощей, — Умереть я не могу, смерть мою ты сам запрятал... куда ты сказал?..

— Хитростью из меня тайну вытягиваешь? — усмехнулся и Буян. — А только опять промашку ты дал — могу я тебе секрет тот открыть и без всякой хитрости твоей. Забрали смерть твою от меня боги светлые. Послали они нам островок в синем море. На острове том я и зарыл ларчик твой в приметном месте. Могу и приметы назвать, да вот беда-то единая — чуть только я с острова ногой, как оделся остров туманом да прочь улетел. И куда — того никто из нас не ведаёт!

Услыхав такое, Кощей вдруг покачнулся, едва не падая:

— Правда ли то?

— Правда чистая, и то могу подтвердить именем Пресвятой Богородицы, — пылко ответил Гаральд и набожно перекрестился. — Пусть никогда мне земли родной не видеть, если лжесвидетельствую!

Гусляр и остальные обернулись на Гаральда. Рыцарь смутился, как девушка, пряча глаза. Но Кощей не замечал этого. Он стоял у помоста, теребя амулеты и обереги на цепочках и шнурках, словно спрашивал у них совета. Губы его беспрестанно шевелились. Наконец он поднял глаза на всадников. Лицо его ничего не выражало.

— Что ж, — выдавил он неуверенно, — ловко вы обошли меня, сам того не ожидал. Я проверю слова ваши, а пока прошу быть моими гостями. За любую службу должна быть награда, и вы свою получите... Эй, проводите гостей в их покои!

Тихий стук привлек внимание путников. Будто кто-то без надежды на успех царапает стену с той стороны.

Это заставило всех насторожиться.

Путешественники собрались в комнате Властимира. Собрались осторожно, с оглядкой, чтобы никто из слуг не заметил этого. За три дня, что прошли после возвращения, их почти не выпускали из комнат, и к Кощейю пробиться тоже было невозможно. Слуги говорили, что хозяин заперся в башне и не выходил оттуда несколько дней.

Люди терялись в догадках — что уготовит им Кощей на сей раз. Они решили действовать. С предосторожностями все собрались у князя и только решили начать разговор, как внимание их привлек стук.

Синдбад, который заранее был согласен с любым решением, не принимал совершенно никакого участия в разговоре, а потому стоял у двери. Он-то первым и сообразил, что стук доносится именно отсюда. Мигнув остальным и взглядом подозвав Гаральда, он медленно вынул из-за пояса кривой кинжал, с которым теперь не расставался даже во время сна, и ударом ноги распахнул дверь.

Рыцарь прыгнул в проем. Синдбад бросился было на помощь приятелю, но тот уже ввалился в комнату, таща за собой человека в грубоотканой одежде домашнего покроя.

Пленник не сопротивлялся.

— Да свой я, свой! — воскликнул он, — Отпусти меня, я к вам нарочно шел!

Рыцарь разжал руки. Раб быстро отступил на безопасное расстояние и оправил одежду. Пока он нарочито спокойно приводил себя в порядок, все его узнали — это был тот самый раб, бывший воин-охранник Кощей, что еще до похода славян за смертью подглядывал за ними.

— Нашел нас! — приветствовал его Буян.

— А как не найти? — Раб сжал его руки в своих. — Я вчера прознал случаем, что вы вернулись. Улучил миг — и сюда! Мне до вас сказать кое-что надобно... Только это тайна

великая!

Он указал глазами на дверь, которая все еще была распахнута. Сообразив, Синдбад прикрыл ее и встал у порога.

— Я вашего возвращения, как спасения, ждал,—объявил раб. — Уж сколько передумал за эти дни!..

— Ты дело говори — вдруг кто из сторожей наших на шум сейчас придет, — осадил его Буян.

— А я и говорю! Я после того, как вы уехали, совсем другим человеком себя почувствовал, не поверите — свободным. Я ведь мог теперь думать то, что мне хочется, и никто бы меня не заставил стать вещью говорящей...

— Что Кощей? — перебил его гусяр. — Ты знаешь, что он замышляет?

— А то нет, — гордо подбоченился бывший раб. — Он же меня за прежнего, за слепоглухонемого держит... Вот слушайте! Вчера я к нему поднимался — вдруг что хозяину надобно... пришел я, а он не знает, что я все слышу, и бормочет что-то про славян да воду живую...

— Вот здорово! — воскликнул Мечислав. — Весть добрая! Знать, он смирился!

— Смирился он или нет — про то мне неизвестно, — осадил юношу раб. — А то точно, что завтра или когда в ближайшие дни собирается он отвести вас к воде той, что все за живую считают, да и дать вам ее, сколько захотите.

Услышав эти слова, все возликовали. Получат они живую воду, тогда можно и о будущем задумываться, и о доме мечтать. Но Властимир был спокоен по-прежнему. Он ошупью нашел плечо говорившего и сдвинул его.

— Погромче повтори, — произнес он, и все невольно попри-тихли, услышав его голос: — “Какую все за живую воду считают”?.. Как понимать то?

— Так и понимать, — во внезапной тишине отозвался раб. — Вода та и правда силу имеет волшебную, но есть одно условие — пока течет она по земле, сила ее мертвящая. Кто глотнет ее — враз окаменеет или забудет все. Я потом уже вспомнил — и меня ею поили, и вас напоить хотят.

— Знать, нет у Кощей живой воды? — вскочил Буян. — Наврал старый колдун!

— Да есть она, есть! — воскликнул раб. — Источник ее тот же самый, да тут одна тайна скрывается... Нельзя пить воду сразу из источника! Надо просто перелить ее в какую-нибудь чашу, которая может снять заклятье, — развел руками раб. — Вот и все!

— Нечего сказать, помог, — крикнул Гаральд. — Значит, Кощей собирается нас отравить, а у нас нет шансов спастись, кроме как не пользоваться его даром?.. Но тогда все насмарку — уж лучше сделать глоточек — хуже, чем есть, не будет!

Он сел, обхватив голову руками.

В комнате повисло тягостное молчание. Люди смотрели то друг на друга, то в пол, не решаясь обернуться на молчаливого Властимира. Славяне отправились в путь ради него, и все их спутники так или иначе знали об их цели. В это время Буян лихорадочно что-то вспоминал, потирая лоб. Поднявшись, он принялся ходить из угла в угол, бормоча себе под нос.

— Чара, чара, — шептал он. — Где-то я уже слышал об этом... Ты сказал, — остановился он перед рабом, — что эта чаша может обезвреживать яды и мертвую воду делать живой?.. Эх, был бы тут Чистомысл, он бы живо подсказал... Мечислав, отец при тебе ни о какой волшебной чаше не говорил?..

— Да какой смысл? — перебил гусяра рыцарь. — Искать эту неизвестную чашу — все равно что Святой Грааль!

— А что это? — невинно поинтересовался Буян.

— Темнота языческая, — процедил рыцарь с презрением, но ответил: — Это чара, в которую кровь Господа нашего Иисуса Христа натекла от ран его, когда он на кресте висел, смерть за людей принимая...

Он уронил голову на руки, уйдя в свои мысли.

На лице Буяна понемногу начало проявляться выражение недоуменной радости, словно он наконец-то нашел ответ на трудный вопрос, причем нашел его не там, где искал. Все, удивленные, не сводили с его улыбки глаз. Только Гаральд и незрячий Властимир остались в стороне.

Оглянувшись на остановившееся лицо князя, гусляр подошел и склонился к нему, беря его руки в свои.

— Ободришь, княже, — молвил он. — Я вспомнил... Ты спасен!

— Спасен? — недоверчиво переспросил тот.

— Ну еще бы! Мне же рассказывали о Светлой Чаре, что Дажьбог из камня иссек. Обладала она даром чудным — что ни нальешь в нее, волшебную силу обретало, вода ли, кровь ли — все менялось. Сколько раз теряли ее, потом обретали, поскольку никто не мог без вреда для себя взять ее в руки — лишь чистым душой и сердцем она являлась. Где она исчезла, никто не ведает, но того, кто обладает ею, ждут беды и испытания — потому нет у нее хозяина.

Вскинувшись, рыцарь слушал гусляра, и понемногу в глазах его появлялось странное выражение — он был ошеломлен.

— Ты все о Граале говоришь, — выдавил он. — Я это от менестрелей⁴⁷ дома слышал... Только еще говорили они, что тем, чьи помыслы нечисты, вообще не дано узреть ее, хоть и в чужих руках.

Буян медленно кивнул.

— Вы сами посудите, други, — заговорил он погодя. — Кощей бессмертен, а почему? Не потому ли, что может пить из источника живой воды, не считая ее? А почему так, коли известно, что вода та мертвящая? Знать, один тут ответ: есть у него в чертогах Чара, и прячет он ее ото всех людей и богов, дабы на могущество его не смогли покуситься. Надобно ее найти потихоньку да на доброе дело использовать. Нам, славянам, она скорее в руки дастся!

Речи Буяна ободрили всех, и только Гаральд оставался недоверчив, но молчал. Рыцарь не верил, что Чара, о которой говорил гусляр, и Святой Грааль — одна и та же вещь. Что в башне Кошечей немало диковинок, никто не сомневался, но что среди них есть и искомая...

Как выяснилось, не верил в это и кое-кто еще.

Бывший раб все время просидел подле, наблюдая и слушая. И когда уже собрались было все держать совет о том, как втайне от их хозяина достать Чару, он подал голос.

— Уж вы простите меня, — сказал он, поднимаясь, — что вынужден это сказать, но вы мне благо сделали, и я не могу не предупредить вас.

Все остановились, обратившись к нему.

— Сдается мне, что нет у Кошечей Чары той, — тихо молвил раб.

— Я так и знал! — вздохнул Гаральд, — Никто не может владеть Святым Граалем безнаказанно. Он либо сам собой владеет, либо им не владеет никто. А уж Кощей-то и подавно не должен его в руки брать — не сможет, погубит его святыня.

— Знать, надобно сыскать место, где он ее прячет, — решительно перебил его Буян. — Кто со мною?

— Я! — вскочил, как будто его толкнули, Мечислав. — Уж больно охота на Чару ту взглянуть — будет что отцу порассказать!

— И я, — откликнулся Синдбад. — Авось она и вправду волшебная, а я уже как-то имел дело с волшебными вещами, могу пригодиться.

— Возьмите и меня! — вдруг попросил раб. — Я весь дворец знаю и кое-что за его пределами... А потом, Кощей рано или поздно догадается, что я от его чар свободен, и тогда несдобровать мне. Уж лучше перед тем вздохнуть волей!

— Неволя никому не радостна, — смурным тоном отозвался Властимир. — Бывал я в плену, ведаю... Коли все идут, негоже мне за спинами вашими прятаться...

---

⁴⁷ Менестрели — странствующие народные певцы-поэты в средневековых Англии и Франции.

— Тебя никто и не забывал. — Буян обнял его за плечи. — А ты как, Гаральд?

Рыцарь угрюмо посмотрел на остальных.

— Все против меня, — обреченно молвил он. — Не верю я, что этот поход добром закончится, но иду...

Кощей словно знал что-то о своих гостях особенное. На следующее же утро пришли от него слуги — пригласить гостей в сад зелен прогуляться, обсудить дела да плату за них.

Не стали гости спорить да отнекиваться, а приглашение тотчас приняли да и сами к нему подготовились.

Кощей ждал их на высоком крыльце. Черный камень ступеней и опор почти сливался с его черным одеянием. Словно желая поразить славян и их спутников, колдун под плащ надел свои доспехи, золотом да камнями самоцветными изукрашенные, на бок надел меч в богатых ножнах, на чело венец надвинул, пальцы расцветил перстнями да золотом. Десять воинов с оружием наготове стояли позади него, готовые в любую минуту броситься в бой.

Гости приехали вовремя, себя ждать не заставили, но немало удивился Кощей, увидев их. Все они тоже были разодеты в доспехи и явились верхом на лошадях, как давеча. Поравнявшись с крыльцом, всадники молча поклонились хозяину, но ни один не снял шапки, а закованный в доспехи так, что живого места не видать, Гаральд и вовсе забрало шлема приспустил.

Пораженный Кощей пристукнул посохом о пол.

— Что вижу я? — воскликнул он. — Я первый раз вам простил, потому как вы с дороги были. Но сейчас верхами негоже предо мной являться. Извольте сойти с коней или не получите воды живой, как ни умоляйте!

Он гневно сдвинул брови, воины за его спиной сделали шаг вперед.

Буян и Гаральд разом двинули коней им навстречу, въезжая на ступени. Под копытами тяжелого рыцарского жеребца крыльцо чуть подрагивало.

— А мы вовсе и не за живой водой явились, Кощей, — строго молвил гуслар. — Источник ее мы и сами отыщем, коли спорить готов. Нам угрозы твои не страшны — ты к нам не с добром, так и мы к тебе не с милостью!

Он взмахнул рукой, и остальные всадники повернули коней прочь. Буян и Гаральд ждали до тех пор, пока один из отъезжавших не свистнул им. Тогда они повернули коней, в один прыжок соскочили с крыльца и галопом присоединились к остальным. Только однажды приостановился гуслар — из-за деревьев, что стояли у самого края огромного Кошеева сада, выскочила фигурка. Буян посадил человека на спину жеребца позади себя и помчался догонять остальных.

Пять всадников пятью разными дорогами скакали по саду. Каждый припал к гриве своего коня, погоняя его и то и дело прислушиваясь.

Сидящий за спиной у Буяна раб — из своего имени он помнил только половину — Слав — вдруг потормошил гуслара.

— Эй, погоди, друже! — позвал он. Буян обернулся на скаку:

— Погоня? Гаральд?

Тяжеловооруженный рыцарь мог отстать из-за веса своих доспехов. Но Слав покачал головой:

— Не то. Осади!

— Сбегаешь? — спросил Буян. — Или ты думаешь, что сможешь их один задержать?

Я не думаю, а возьми левее, к оврагу, где деревья повыше!

Чуть в стороне и правда возвышались кроны деревьев таких высоких, что и сосны в Мещере показались бы подле них корослыми. Трудно себе было представить, что под их развесистыми кронами есть нечто важное, но Буян безропотно натянул повод. Он даже не подумал ни на миг, что беглый раб может привести его в засаду.

Высокие стволы закрывали узкую, похожую на овраг поляну. До нее пришлось пробираться чуть ли не шагом, бережа ноги коня от валежника, а лица — от хлещущих по

глазам ветвей.

Поляна раскинулась перед ними неожиданно — только чуть развиднелось впереди, как они оказались на покато́м склоне низкого оврага. Ширина его была такова, что внутри могли уместиться все лошади и оставалось бы место для костра. Высокая непримятая трава скрывала дно оврага.

Золотистый жеребец замер на краю, сторожко вытягивая шею и прядая ушами.

— Здесь тайник али ход подземный? — шепнул Буян Славу,

— Все не то ты мыслишь, друг. — Беглый раб вытянулся, осматриваясь. — Правь-ка к тому краю да смотри коню под ноги, не прогляди!

Гусляр всадил каблучки в бока жеребцу, и тот, задирая голову, словно в воду, вошел в овраг. Свесившись, Буян напряженно всматривался в траву, что колыхалась, достигая груди его вы-сокононого скакуна.

Вдруг под копытами что-то блеснуло. Буян так резко осадил жеребца, что тот взвился на дыбы.

— Змея!

Но Слав прыгнул наземь и бросился в траву:

— Нашли!

Присев, он осторожно разгреб руками заросли травы, открыв неприметный родничок. Вода отвоевала себе ямку меж корней травы; на дне ее, как сердечко ребенка, бился ключ, и тонкая струйка бежала прочь, пропадая в траве.

Слав закрыл ее руками.

— Видал ли? — обратился он к Буяну. — Место припомни! Это и есть исток живой воды. Потом она в сад Кощея течет, К тому руслу он стражу отправит непременно, а про сие место, знать, и ему не ведомо. Так что, как вернемся, сюда править надобно будет. Здесь вернее!

ГЛАВА 13

Когда Буян с сидящим у него за спиной Славом выехали по голосам на место встречи, там уже собрались все остальные. Гаральд злился и горячил коня.

— И долго же вас ждать пришлось! — напустился он на подъехавших. — Мы уж думали, что вас Кощей догнал!.. Где вы так задержались?

Остальные притворились, что не замечают волнения рыцаря. Пропустив мимо ушей его едкие замечания, Буян поравнялся с прочими.

— Погони не было? — спросил он.

— За мной было погнались собаки неверные, — сознался Синдбад. — Ну, пришлось их проучить...

Тороки морехода слишком сильно оттопыривались, сквозь ткань проглядывал бок кувшина, и Буян только покачал головой.

— Не тебе б надо было учить их, а им — тебя, — изрек он. — Зря ты рисковал, задерживался! Погибнуть мог ни за что!.. А побрякушки жизни не стоят!

— Много ты разумеешь в морской жизни! — обиделся Синдбад. — Мне же после похода придется с командой рассчитывать, а чем я им платить буду? Сказками о том, что мы, дескать, чуть мир не спасли?

— А ты не приметил, Буян? — улыбнулся Мечислав, — Он отовсюду, где мы ни были, ухитрялся что-то да приволочь! Даже из замка Морины... Он мне золотые украшения и кубки показывал.

Буян от неожиданности не находил слов, но его пыл остудил Слав, шепнув ему на ухо:

— Все мы хороши! У Кощея Синдбад только золото украл, а мы готовимся воду живую спереть. Вся разница!

Упоминание о живой воде успокоило гусляра. Он коротко поведал спутникам, что Слав указал ему на исток живой воды, где ее можно взять, обойдя стражу. Оставалось лишь

добыть Чару и сделать дело, но сперва следовало подумать о том, как бы оторваться от погони — в том, что она будет, не сомневался никто.

Остров оказался больше, чем ожидали путешественники. Они нарочно повернули в сторону, противоположную той, которой приехали к Кощею. День кончился, а они еще даже не спустились с плато, на котором высился замок колдуна. Впереди в предзакатных сумерках вставали новые горы. Вечером они казались неприступны и опасны.

Таковыми же они оставались и наутро, когда отряд тронулся в путь. Вскоре после полудня перед ними встали стены камня, заросшие зеленью сверху донизу. Прозрачные струи водопадов сверкали средь вьющихся стеблей, мягкая трава покорно ложилась под копыта лошадей. В листве щебетали птицы, воздух был напоен ароматами цветов и жужжанием пчел. Всем не-о вспомнился остров Морины, и всадники ехали, насто-ожившись. Встретив поворот, они останавливались, высылали вперед дозорного и лишь потом ехали дальше.

Но все было покойно и тихо, и, кроме птиц, никто не тревожил всадников.

Всмотревшись на лес, всадники при первой же возможности позволили лошадям расправить крылья. Слав, что ехал за спиной Буяна, чуть не закричал от удивления, когда жеребцы взмыли в небо.

После полумрака и духоты земли в небе дышалось легче. Джунгли зеленым океаном остались внизу — лишь самые высокие деревья чуть касались ветками копыт коней, когда они неспешно плыли меж узких ущелий, что иногда вдруг раздавались в стороны, открывая долины, где текли реки, а в причудливых изгибах каменных террас пылливый взор мог найти остатки древних поселений. Но никого, кроме зверей и птиц, не встречали всадники до самого вечера. Остров словно вымер.

До заката кони не спускались на землю. Порой то один, то другой всадник поднимался чуть выше, осмотреться, но везде было одно и то же — заросшие лесом горы, из которых кое-где, как зубы дракона, торчали скалы, долины с реками и ущелья.

Когда солнце наполовину ушло за оком, а над головами появились первые нетерпеливые звезды, всадники устроили привал. Под кронами деревьев, что приняли их на ночлег, было уже темно, поэтому все сперва занялись костром и заговорили уже при его свете.

— Это не остров, — первым подал голос Синдбад. — Уж поверьте мне, бывалому мореходу. Такого большого острова я в жизни здесь не видел. Наши кони проделали в воздухе трехдневный путь. Да от места, где мы бросили якорь, до Кошея еще почти три дня пути. Что это за островок такой, что его и за семь дней не пересечешь? А может, мы уже на краю земли? Вдруг она там так и не кончается, и мы будем вечно лететь вперед? Может, лучше вернуться?

— И попасть в лапы Кошею? — осадил его Буян. — Он того и ждет!

— Авось не ждет, — вдруг осмелел Слав. — Мы ведь в глубь его земель отправились, а он издавна те места опасными считает. Когда у нас кто раньше сбегал, он не велел ловить тех, кто уходил в чащу. Он тогда говорил — пусть, мол, демоны пообедают, а то проголодались... И мы иногда сами тех, кто провинился, отвозили в эту сторону и оставляли в приметном месте.

Остальные нервно переглянулись. Гаральд шумно вздохнул и потянулся к оружию.

— Ничего себе, — хрипло прошептал он. — Попали...

— Из огня да в полымя, — согласно кивнул Буян. — Слав, ты помнишь, где вы оставляли... жертвы демонам?

Все сразу завертели головами, опасаясь увидеть окровавленный алтарь или горящие вожделением глаза. Но беглый раб покачал головой, ухмыляясь.

— Вовсе не здесь, — успокоил он остальных. — До того места мы обычно добирались шесть дней. Там голая скала под водопадом, а на ней круглый камень. Мы привязывали людей к деревьям — там на стволах есть цепи. Думаю, если не случится ничего

подозрительного, мы завтра к полудню будем на месте.

— Благодарим за упреждение, — пылко молвил Буян. — Мы уж постараемся не задерживаться там!

— Нет, задержаться там все же придется, — возразил Слав. Все удивленно воззрились на него. Гаральд отмахнулся, как будто увидел самого дьявола.

— Мне жить пока не надоело! — фыркнул он и отсел подальше. — Лезть к демонам в Преисподнюю — спасибо, что-то не хочется!

Но хотя большинство думало так же, беглый раб не сдавался.

— Вы ищете одну вещь, — сказал он, — Она волшебная. У Кощея ее нет. И вообще мало кто знает, где она. А демоны ведают даже то, что не всем колдунам да волшебникам известно.

— Тебя, верно, Кощей не только околдовал когда-то, но и по голове хорошо вдарил, — мрачно изрек Буян. — Соваться к демонам — придумай что-нибудь еще!

— А что! — вдруг повеселел Гаральд. — Среди нас настоящий колдун есть — и с ветрами, и с морями, и с кем только он не на “ты”! Чего нам каких-то демонов пугаться? — Рыцарь хитро прищурился на оторопевшего гусяря.

Почувствовав на себе пристальные взгляды своих спутников, тот нервно хмыкнул:

— Вы не думаете ли, что мне стоит рот открыть, как все демоны тут же передо мной, как щенки, ползать начнут?

— Не сразу, а чуть попозже, как ты им свою силу покажешь, — безжалостно уточнил рыцарь, в упор глядя на Буяна.

Тот ответил ему беззастенчиво-враждебным взором, но не успел и рта открыть, как подал голос Властимир.

— Он дело говорит, — сказал князь онемевшему от неожиданности другу — О таком лишь с демонами или богами говорить надобно. А на тебя у нас не раз была вся надежда, потому уж не обессудь — еще раз выручи. Авось удастся дело!

Буян погрозил исподтишка кулаком восседавшему с невинным лицом рыцарю, но ничего не сказал против.

Наутро они продолжили свой путь на север. Едва разогрев коней, всадники подняли их в воздух, направляясь к горам, что синими стенами вставали впереди, окруженные сонмом облаков, скрадывающих вершины.

Впереди летел золотистый жеребец Буяна, за ним, едва не касаясь носом развевающегося хвоста молодого коня, следовал тарый Облак. Темно-серый конь Мечислава держался чуть сзади. Замыкали стаю угольно-черные крылатые кони, которых отвоевали себе у охранников Кощея Гаральд и Синдбад. Они держались бок о бок, словно понимали думы своих всадников.

Привстав и перевесившись вперед, Слав через плечо Буяна указывал направление. Подчиняясь его словам, кони то соколами падали вниз, почти касаясь копытами поверхности лесного океана, что раскинулся под ними, то взмывали так высоко, что их седокам не доставало воздуха. Порой они ныряли в облака, и тогда земля ненадолго пропадала из виду и оставалось лишь гадать, что находится под ними.

Внизу не было ничего примечательного. Только густой лес, прорезанный кое-где извилистыми ярко-синими речками, да поляны, похожие на дыры в шкуре огромного зверя. Холмы и небольшие возвышенности тоже были одеты в леса. Они становились все выше и круче с расстоянием, и перед самым полднем стало ясно, что они оказались в предгорьях. На склонах появились скалистые проплешины, а лес изменился — стал суше и словно жестче. Похолодал и сам воздух.

— Теперь уж близко, — молвил Слав Буяну на ухо, — надо бы снизиться... Ежели ты не передумал!

— Передумаю — свои же засмеют, — хмуро отмолвил гусяря, натягивая повод.

Послушный жеребец полетел вниз, увлекая за собой остальных.

Кони влетели под кроны леса. Здесь им почти сразу же пришлось укротить свой бег, переходя на обычный скок, — мешали ветки и лианы, что опутывали стволы деревьев, затрудняя путь.

Зелень сочно хрустела под ногами лошадей. Славянам все это напоминало жаркий полдень в родных местах, вот только птицы здесь кричали по-иному да мелкие светло-серые зверьки — абу-зьяны — скакали по веткам вместо белок.

Сквозь крики птиц и встревоженных абу-зьян, топот копыт и хруст зелени до слуха всадников донесся мерный рокот и гул. Слав обернулся назад, оглядывая остальных. Лицо его сияло победной улыбкой.

— Тот самый водопад, — объявил он довольно, — Скоро доедем.

Гаральд посуровел и поправил висящий на боку меч. Он всерьез готовился к драке.

Вожделенная скала открылась перед ними исподволь — около ста сажений было до нее, когда сквозь стену зелени показался водопад. Выехав, всадники разом остановились, переводя дух.

Шагах в десяти впереди склон круто устремлялся вниз, к ручью, в который и низвергались тонкие серебристые нити воды. Они падали, казалось, из поднебесья — вершина скалы была окутана облаком тумана.

Слав спешился, подошел к краю склона и указал вниз:

— Вот тот валун.

Камень-алтарь был чуть повыше прочих и не отличался более ничем: ни формой, ни цветом. Позади него и правда росли два дерева, но в высокой траве у подножия стволов цепи никто не углядел.

Кроме вездесущих ярких птиц и огромных бабочек, никто не тревожил берегов ручья.

— Уж больно здесь красиво, — высказался Гаральд. — Жди беды!

С рыцарем никто не спорил.

Накоротке посоветовавшись, отряд разделился — каждый стал спускаться к берегу ручья своим путем.

Мечислав не стал спорить с доставшимся ему жребием и поехал краем обрыва к водопаду. Постепенно заросли поглотили его, но юноша не замечал их.

Из-под копыт жеребца посыпались мелкие камешки, когда он ступил на склон. Бережа коня, юноша спешился и остаток пути проделал, ведя коня в поводу, одной рукой раздвигая ветки.

Он сам не понял, как оказался на дне оврага первым, но приблизиться к небольшому озерцу и тем более обогнуть валун-алтарь, у которого оказался, он не успел.

Юноша был не один.

Над озерцом, вплотную к струям водопада, нависало несколько валунов, поросших мохом. Между двумя самыми высокими в воздухе висела маленькая радуга. Заглядевшись на нее, Мечислав вначале не разглядел обитателя этих мест, пока тот или, вернее, та не пошевелилась.

Перед славянином сидела птица с ярким, переливающимся всеми цветами радуги оперением, рослая, с орла или даже крупнее. От отца Мечислав знал, что где-то далеко в жарких странах живут птицы, на которых может ездить верхом человек. У них длинные ноги, а крылья малы и слабы, и эти птицы только бегают по земле. Но та, что сидела на валуне в ореоле радуги и наблюдала за бегом волны, имела, наоборот, большие и сильные крылья, а лапы ее походили на орлиные — только что без когтей.

Ни на что не похож был ее клюв — тонкий, длинный, чуть изогнутый на конце. Птица лениво перебирала перья на груди, время от времени настораживаясь.

Зажимая рукой ноздри коня, чтобы тот не заржал ненароком, Мечислав с замиранием сердца ждал, что вот-вот кто-нибудь окликнет его и птица, испугавшись шума, исчезнет. Но кругом царили покой и молчание, и он успокоился.

Вдруг птица припала на ноги, наклоняясь вперед, словно собиралась нырнуть в водопад. Мечислав не успел заметить, когда ее очертания начали меняться. Она росла на

глазах изумленного юноши, превращаясь во что-то странно знакомое. Спина выгибалась горбом, крылья уменьшались, а оперение на них удлинялось. Лапы посветлели, утолщаясь и лишаясь чешуи. Птица сидела спиной к юноше, и тот даже не разглядел, когда произошло самое главное.

Внезапно Мечислав понял, что птицы больше нет. На камне, поджав ноги, сидела девушка в плаще из сине-зеленых переливающихся перьев. Длинные, влажные от брызг волосы свешивались ей на лицо, она плавно выпрямилась, отбрасывая их на спину, и, все еще стоя на коленях, потянулась. При этом плащ упал с ее плеч, и Мечислав ахнул — незнакомка была совершенно нагая, если не считать повязки из травы на крутых бедрах, браслетов на руках и роскошного ожерелья между маленькими острыми грудками. Ее девичье тело отличалось от совершенных форм Морины не в лучшую сторону, но именно поэтому Мечислав и не испытывал перед девушкой страха.

Она встала, одной рукой подхватила плащ и пошла по камням, небрежно волоча его за собой. Шла она прямо к валуну, подле которого в кустах затаился Мечислав, и рано или поздно должна была его увидеть.

Юноша привязал коня, давая незнакомке заметить дрожь веток. Она замерла на месте, не зная, куда бежать, и он вышел ей навстречу, протягивая руку в знак мира.

— Не бойся меня, — сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно ласковее. — Я не причиню тебе зла...

Он приблизился, и девушка отступила, пряча руки за спину.

— Ты кто? — вдруг промолвила она очень тонким голосом и по-птичьи быстро склонила голову набок.

Пораженный юноша не сразу смог ответить.

— М-Мечислав, — выдал он, — а ты... ты разве...

— Э-ге-гей! — донеслось до них.

Девушка скакнула прочь, но Мечислав, сам не зная, как это у него получилось, бросился к ней и схватил ее за руку. Она взвизгнула, вырываясь, и он шепнул ей, подтаскивая ее ближе:

— Это мои друзья, они не причинят тебе вреда. — И выпалил неожиданно пылко: — Ты слишком красива!

Девушка притихла и прошептала, смущаясь:

— И ты — тоже...

— Эй! Ты кого там нашел?

К ним, перепрыгивая через валуны, мчались, перегоняя друг друга, Буян и Синдбад со Славом. Тяжеловесный и неповоротливый в доспехах Гаральд и Властимир вовсе не спешили. Все они окружили Мечислава и незнакомку. Девушка рассматривала их с любопытством и осторожностью, но уже без страха.

— Не бойся, — опять сказал девушке Мечислав. — Это мои друзья. Мы путешественники...

Девушка кивнула:

— Иррир.

— Трудно нам с нею будет договориться, — вздохнул Гаральд. — Кто-нибудь понял, что она сказала?

Он выразительно посмотрел на Слава, который наверняка должен был все знать, но незнакомка решила за них.

— Иррир — мое имя, — тихо объяснила она. — А ты?

Она ткнула пальцем в рыцаря, и все одинаково смутились и удивились. Пришлось Мечиславу взять на себя роль знающего человека и представить всех девушке.

— А откуда ты пришла, Иррир? — в свою очередь спросил Буян, когда Мечислав замолчал.

— Оттуда, — Она ткнула пальцем на вершину горы, с которой низвергался водопад.

— Шутишь? — усмехнулся гусяр. — У тебя что, есть крылья?

— Есть, — воскликнул Мечислав, — есть! Я сам видел... Она сначала прилетела, как птица, а потом превратилась... вот.

— Оборотень, — молвил Буян, и все согласились. Для них в этом теперь не было ничего удивительного.

— Скажи, Иррир, а где тут обитают демоны?

Девушка так явно испугалась при этих словах, что все насторожились. Она бросилась к Мечиславу, который все еще держал ее за руку и прижалась к нему, со страхом оглядываясь по сторонам. Люди потянулись к оружию, а Гаральд надел шлем и опустил забрало.

— Демоны? — дрожащим голосом переспросила она. — А что, они тут есть?

Пораженные таким ответом больше, чем всем остальным, путешественники переглянулись.

— Что, разве их тут нет? — удивился Буян.

— У нас говорят, что на севере в горах живут какие-то существа, похожие на демонов, но то, что они добрались и сюда, мы не слыхали! — объяснила девушка. — А что, вы видели их следы?

— Не то чтобы следы, — сказал Слав, — но разве не на этом валуне обычно оставляют жертвы демонам?

Он указал на камень за их спинами. Иррир оглянулась и улыбнулась:

— О нет, это мы...

Она мило рассмеялась, но остальные не разделяли ее веселья. Известие о том, что вместо демонов людей похищают и пожирают женщины, поразило всех. Иррир ловила на себе недружелюбные взгляды. Даже Мечислав, что держал ее за руку, уже смотрел сурово.

Она шагнула вперед, прижимая свободную руку к груди.

— Мы не виноваты, — умоляюще протянула она. — Простите меня за подозрение, и прошу следовать за мной... Вы поймете, что в этом нет нашей вины! С вами ничего не случится, я обещаю вам — вы же гости!

— Идем? — хмуро спросил Гаральд. Буян дернул плечами.

— Далеко это? — спросил он у девушки.

— Вообще-то да... На ваших конях это десять дней пути, если в горах не случится снегопада и оползней. Но я могу слетать за сестрами, и вас отнесут к нам... Подождите меня тут три дня!

Она потянула руку, вырываясь, но Мечислав держал крепко.

— Тебе нет нужды утруждать себя, — сказал он. — У наших коней сильные крылья — они домчат нас, куда мы захотим!

Через минуту все опять были в седлах. Мечислав не позволил Иррир превратиться в птицу и посадил ее поперек своего седла. Она только вначале была сердита, но потом даже обрадовалась и готовно обхватила его шею руками.

Остальные только понимающе перемигивались — судя по лицу Мечислава, юноша заботился не только о том, чтобы не исчез проводник.

Кони опять взмыли в воздух, только теперь впереди летел темно-серый жеребец Мечислава. Повинуясь указке Иррир, лошади стрелами поднялись к самой вершине горы и нырнули в облако, окутывающее начало водопада.

...Постепенно бесконечное поле облаков под ними рассеялось. Оказалось, что они прикрывали от любопытных взоров лабиринты гор. Всюду, сколько хватало глаз, простирались скалы, покрытые снегами. Тонкими зелено-синими нитями просматривались речушки и зелень по их берегам. Лошади мчались на север так строго, словно их тянули на арканах.

Припав к плечу Мечислава, летевшего во главе отряда, Иррир рассказывала ему о горах тихим шепотом, но ветер относил ее слова назад, и, когда она сбивалась и переходила на нежности, все понимающе переглядывались, представляя, что должен чувствовать неопытный юноша.

На ночлеге, который они устроили на заросшей колючим стланником террасе еще у

одного водопада, Иррир сидела у костра, глядя на огонь остановившимся взором, а Мечислав не смотрел ни на кого и только нервно кусал губы. Потом он вдруг вскочил и побрел в темноту, за ним поднялась и Иррир и бросилась следом.

До утра их не видели, но на рассвете они вернулись, и можно было продолжать путь.

Опять внизу потянулись горы. Всадники то ныряли в облака, то вылетали из них.

Неожиданно Иррир соскользнула с седла Мечислава и камнем полетела вниз. Юноша успел только ахнуть, но оказалось, что волновался он напрасно. Девушка раскинула руки в стороны. В мгновение ока они превратились в крылья, и она полетела впереди них уже знакомой птицей.

Эта ее предосторожность стала понятна за поворотом, когда вылетевшим всадникам открылась небольшая долина, окруженная террасами. Середину долины занимало круглое озеро, в которое сбегали две речки. Террасы тоже были покрыты кудрявой яркой зеленью. Почти у каждой можно было разглядеть полукруглый вход в пещеру, а кое-где даже и сразу два.

Перед каждым входом горел костер и сидела женщина. Завидев всадников, они все повскакали на ноги, пронзительными криками сзывая остальных. Их соплеменники сбегались отовсюду — из пещер, из кустов, из чащи леса.

Иррир кругами стала снижаться на одну из террас, где зелени было поменьше. Всадники последовали за нею, и уже через несколько минут их окружили обитатели этих мест.

Люди заметили, что среди хозяев было около десятка птиц, но это никого не удивляло. Удивления заслуживало другое — кругом были одни женщины. Среди них попадались старухи, женщины средних лет, девушки, девочки — но ни одного мужчины или хотя бы мальчика. Все они были одеты одинаково, и Иррир могла затеряться среди них, если бы захотела. Но она держалась подле Мечислава с таким видом, словно была его женой.

Все женщины были в плащах из птичьих перьев разной длины — от едва достигающих талии у девочек до волочащихся по земле у пожилых. Кроме них тела незнакомок украшали юбочки из травы и перьев и многочисленные золотые украшения. Некоторые из них были вооружены копьями и короткими кривыми ножами.

— Ты куда нас привела? — прошипел Буян.

— К нам домой, — невинно ответила девушка. — Вас не убьют, не бойся!

— Обнадежила, — содрогнулся Гаральд. — Впрочем, достать нас будет непросто!

Никто не успел и рта раскрыть, как хозяйки расступились, и к гостям вышла еще одна женщина.

На первый взгляд она ничем не отличалась от остальных — только разве тем, что на ногах ее были плетеные сандалии. Но все сразу притихли и потупились.

Гордо вскинув голову, женщина подошла ближе к гостям.

— Приветствую вас на Крыше Мира, — звонко воскликнула она. — Вы для нас желанные гости! Располагайтесь!

По взмаху ее руки несколько женщин приблизились и почтительно взяли поводья лошадей. Гостей окружили девушки помоложе.

— Мое имя Киллик, — сказала женщина. — Я — предводительница нашего племени. Я приглашаю вас разделить с нами обед и быть нашими почетными гостями...

Пока она не заговорила, Буян о чем-то напряженно раздумывал, но тут хлопнул себя по лбу и отвесил Киллик глубокий почтительный поклон.

— Это большая честь для нас, о госпожа, — молвил он скромно. — Мы рады и благодарим за гостеприимство!

Мечислава они нашли на соседней террасе — юноша сидел у огня в окружении трех девушек, одной из которых была Иррир. Они наперебой угощали его фруктами и заигрывали, но сам он смотрел лишь на одну из них.

Киллик подошла к костру и пригласила гостей.

— Вы на пороге моего дома. — Она указала на своды пещеры, перед которой все

собрались. — Прошу садиться. И ничего не бойтесь!

Мечислав приветственно махнул рукой друзьям. Те присоединились к нему, и девушки поспешили предложить им фрукты и свежеснятое с огня мясо. Пока угощение не оказалось в пределах досягаемости, путешественники и не предполагали, что так проголодались, а потому некоторое время все только жевали, запивая еду вином.

Улучив минуту, Гаральд толкнул Буяна локтем.

— Ты обещал рассказать, где мы находимся, — напомнил он.

— Да, — не стал отказываться тот и поманил остальных. — Как только эта Киллик сказала про Крышу Мира, я сразу вспомнил! Слушай, мореход, вспомни, куда мы плыли, в какую сторону?

— Это и вспоминать нечего, — скривился тот. — Мы шли все время на юг и восток, а потом нас эта птица, с которой ты распевал, тоже за собой тащила — только на север и северо-восток... Погоди, — просиял он, — но это выходит, что мы проплыли за Индию!

Он едва не вскочил, пораженный этим открытием, но его силой усадили обратно. Мореход сиял.

— Индия, — шептал он. — Значит, она совсем рядом!..

— Правильно, а мы высадились на берегу земли, а не острова, — добавил Буян. — Я слышал, когда учился волхвованию, что есть где-то горы, называемые Крышей Мира, и лежат они за Индией, прямо перед землей желтолицых людей. Вот за их странами земля и кончается, а мы почти у самой середины. И до родины нашей, кабы знать местность, отсюда можно было бы добраться посуху. И Чара непременно здесь, потому как с давних пор, говорят легенды, все самое ценное на Крыше Мира прятали. Друзья мои, мы у цели!

ГЛАВА 14

Обед, предложенный гостям девами-птицами, оказался обилен и вкусен. Гаральд, правда, сначала осторожничал, опасался отравы, но потом осмелел. Прислуживающие гостям девушки позволяли заигрывать с собой.

Дав людям немного передохнуть после сытной трапезы, к костру осторожно подошла сама предводительница Киллик. Явилась она не одна — ее сопровождали несколько вооруженных женщин. Они встали по краю террасы, опираясь на копья и не спуская взглядов с гостей. Копья и костяные ножи в их гибких руках выглядели угрожающе, и кое-кто из гостей отсел подальше.

Кутаясь в плащ из птичьих перьев, Киллик присела у огня, поджав ноги. Девушки, что все время не отходили от гостей, тут же встали и отошли. Лишь Иррир осталась подле Мечислава.

— Мы не хотим вам зла, — сказала Киллик, протягивая вперед обе ладони. — Поверьте нам. Вы — наши почетные гости, и ни один волос не упадет с ваших голов.

— Что ж, мы верим тебе, дева. — Буян повторил ее жест. Та улыбнулась, низя глаза.

— Вы всем довольны, гости? — заговорила она тише. — Что еще пожелаете?

— Ничего нам вроде не надобно, только дело есть неотложное, — отвечал Буян. — С ним мы в путь отправились, за ним хотели бы и далее пуститься. У тебя и сестер твоих совета спросить хотели, как нам дело наше исполнить...

— Все дано вам будет, но лишь завтра поутру, а пока выслушайте меня. — Киллик помолчала. — Нам от вас помощь требуется...

Гости переглянулись, и Гаральд понимающе толкнул сидящих рядом с ним Буяна и Синдбада. Он был уверен, что сейчас разговор пойдет о демонах, что с давних пор досаждают жителям этих мест, похищая детей и девушек, — а о чем иначе могли просить чужеземцев эти красавицы!

— Мы слушаем тебя, — заверил он предводительницу, прикладывая руку к сердцу.

Киллик вздохнула. Ее узкое миловидное лицо поникло, раскосые синие глаза подернулись дымкой, как у больной птицы.

— Вы, наверное, уже заметили, храбрые воины, — начала она, опять протягивая ладони к ним, словно это ей должно было помочь, — что до сих пор вы не видели ни одного мужчины нашего племени — повсюду лишь женщины и девочки. Это проклятье нашего племени... Конечно, у нас рождаются мальчики, но они умирают еще во младенчестве. В живых остаются только девочки. А нам надо жить. Вы — сильные мужчины и наверняка долго пробыли в дороге. Вы устали и хотели бы отдохнуть. Я и все мое племя просим вас — останьтесь с нами. Все женщины и девушки будут вашими — стоит вам только выбрать. Дайте нам одну ночь — может быть, хоть от одного из вас родится сын, который выживет и сможет продолжить жизнь нашего племени...

Она замолчала и склонила голову на грудь, словно стыд мешал ей продолжать.

Путешественники помолчали, переглядываясь и прикидывая, в какой переплет они попали на сей раз.

— И что же, — заговорил Буян, — вы всем своим гостям эдакое предлагаете?

— Гостей у нас бывает мало, — ответила Киллик, не поднимая глаз. — В основном те, кто заблудится в джунглях и кого не успеют до встречи с нами сожрать звери...

— Но Иррир мы нашли возле алтаря, на котором Кощей оставлял провинившихся в жертву демонам, — напомнил Слав. — Значит, вы знаете об этом камне?

Киллик вскинулась. В глазах ее сияло удивление:

— Конечно. А как же иначе... Слав не дал ей договорить.

— Так, значит, ты признаешь, что твои сестры летают к алтарю довольно часто и караулят там, так? — продолжал он, — Я сам не раз принужден был отвозить казнимых к камню, и последний раз не так уж давно — четыре месяца назад. Но я, хоть и помню хорошо того человека, не видел его здесь ни разу! Не означает ли это, что вы избавляетесь от мужчин сами?

Он гордо взглянул на предводительницу, довольный разоблачением дев-птиц. Охранницы, услышав его слова, поудобнее перехватили копья. Иррир судорожно вцепилась в руку Мечислава и только мотала головой, жалобно заглядывая ему в глаза. Мужчины насторожились, готовые прямо здесь принять бой, а Киллик совсем поникла. Из глаз ее текли слезы. Увидев их, Буян сердито толкнул Слава так, что тот чуть не упал, и пересел поближе к предводительнице, ласково беря ее руку.

Она вытерла слезы ладонью.

— То не мы, — прошептала она, — но так трудно спасти человека в джунглях. Змеи, москиты и муравьи могут за одну ночь убить его. Можно успеть, если ждать заранее, но мы не можем все время сторожить там... То не наша вина, но мы находили чаще мертвых, чем живых.

Гусяр погладил ее руку, успокаивая, и Киллик вскинула на него еще взволнованное лицо.

— Я не сержусь на вас, — сказала она и, обернувшись, махнула свободной рукой охранницам. Те, словно только того и ждали, положили копья на землю. — Вы сильные мужчины, и вы устали от одиночества, — повторила она. — Дайте нам одну ночь!

Буян бросил взгляд на Властимира, который единственный был безучастен к тому, что происходило у костра. Ведущиеся здесь речи словно не волновали его, но гусяр уже по опыту знал, что его друг слышит все до мелочей.

— Дева, — заговорил он, — мы примем твоё предложение, но лишь если...

— О! — просияла Киллик. — Я поняла — вы что-то говорили о том, что путешественники и у вас есть дело! Завтра мы поможем вам достичь вашей цели — эти горы мы знаем намного лучше, чем вы...

Девушки за ее спиной захихикали и придвинулись чуть ближе. Позади охранниц уже толпились любопытные, ожидая решения гостей. Некоторые подмигивали и строили глазки.

— Не сердись на меня, о красавица, — усмехнулся мягко Буян, — но не сказал я еще самого главного. Не знаешь ты, за чем мы в путь отправились. Погоди же считать, что согласны мы. Ищем мы в горах этих, что ты Крышей Мира прозвала, не клад или демонов.

То, ради чего мы в путь отправились, может, и вовсе здесь ни разу не встречалось.

— Но если не клад, не демонов, то что же?

— Чару— Гусляр сложил руки бутоном, показывая формы Чары, — Я сам не знаю, как она выглядит, — из нас ее никто не видел воочию. Известно про нее одно лишь: иссек ее из камня во времена незапамятные сам Даждьбог Сварожич. Что ни нальешь в нее, тут же волшебную целящую да плодотворящую силу обретает.

— Ее еще Святым Граалем называют, — добавил Гаральд. Киллик внимательно посмотрела на Буяна.

— Чару? — переспросила она, повторяя его жест. — Чару Грааля? Вы уверены, что на Крыше Мира ее искать надобно?

— Или здесь, или нигде более, если... если ее сам Творец не унес с собой!

— Хорошо, — Киллик улыбнулась и взяла руку Буяна, — дайте нам одну ночь, а завтра будьте готовы выступать. Я кое-что вам покажу...

Буян оглянулся на друзей — поняли ли они, что им предстоит.

Но, к его явному удивлению, почти никто не выглядел ошеломленным. Синдбад уже привстал, потирая руки и жадным взором ощупывая прелести девушек, что толпились края террасы, Слав не отставал от него. Иррир висела на шее у Мечислава, покрывая его градом поцелуев. Гаральд елозил на камне, кусая губы. Молчал лишь Властимир, хотя он наверняка все понимал.

Посмотрев на друга, Буян наклонился к уху Киллик и зашептал ей о князе. Предводительница согласно кивнула:

— Быть по сему! Ты поговори с ним, а я упрежу своих сестер! Она обернулась и подозвала жестом двух девушек поскромнее, заговорив с ними тихо.

Буян подсел к Властимиру, обнял его за плечи.

— Ты все слышал, князь-брат, — сказал он. Князь усмехнулся:

— Я один остался?

— Так выходит...

Властимир стиснул кулаки. Буян не знал, что на душе у его друга.

— А что она говорила про Чару? — вдруг спросил князь. — Достанет она ее?

— Как я понял — вроде да...

— Тогда что ж... — Властимир вздохнул. — Надеюсь, она не узнает...

Буян понимающе фыркнул:

— Ежели только Облак не проболтается.

Властимир рассмеялся, и гусляр поймал вопросительный взгляд Киллик, подле которой уже дожидались две девушки. Он кивнул предводительнице, и та толкнула подружек к князю. Они подошли и опустились справа и слева от него на колени.

Буян встал и пошел к Киллик, которая тоже поднялась. Но он успел сделать лишь один шаг, как его перехватил Гаральд:

— А что же я? Обо мне уж и речи больше нет, словно чужой я? Вон Синдбад и Слав твой слюни пускают, Мечислав сейчас никого не видит, кроме своей подружки, около князя вон какие красавицы увиваются, себе предводительницу отхватил, а я что?

Буян еле заставил себя быть серьезным, слушая обиженный голос рыцаря. Он сейчас был готов дать отрезать себе руку — только чтобы не рассмеяться раньше времени.

— Ты? — нарочито спокойно молвил он. — А что ты? Я о тебе уж предупредил кого надо. Здесь все знают, кто ты, и к тебе ни одна девушка не подойдет, спи спокойно... Извини, — он снял руку рыцаря со своего плеча, — меня ждут.

Но Гаральд не спешил его отпустить.

— Это что же выходит, — прошипел он, — чем я вас хуже, что ко мне ни одна не подойдет?..

— Но тебе же нельзя! Ты же... это... как его... христианин! Слыша их перепалку, Синдбад и остальные гости давились от смеха и старались не смотреть на рыцаря, чтобы не расхохотаться в голос. Но он все равно догадывался обо всем.

— А что, христианин — не человек, что ли? — воскликнул он, теряя голову от негодования.

— Выходит, что так. Сам посуди: Синдбад — мусульманин, по-твоему, неверный, остальные — язычники, да еще и еретики... Так что мы и решили тебя не трогать, чтобы не портить твои отношения с Богом. Кроме того, мы все свободны от каких бы то ни было обязательств...

— Вот как? — ухватился за эти слова Гаральд. — Свободны?.. Кто бы говорил! А как же верность твоей жене?

— А как же верность твоей невесте? — в тон ему тут же отмолвил Буян.

Гаральд на миг смутился, но увидел улыбку на лице гусяря. Спокойно смотреть на его широкую ухмылку рыцарь не мог.

Буян от души рассмеялся, видя смущение на лице рыцаря, и хлопнул его по плечу:

— Снимай эти железки! Здесь они тебе не понадобятся! Эти слова словно послужили сигналом. Синдбад и Слав вскочили почти одновременно и устремились к толпящимся девушкам.

Звонко рассмеялась Иррир, которой наконец удалось увлечь Мечислава за собой. Еще две молоденькие девушки устремились за ними следом, но без особой надежды.

Девушки, что оставались подле Властимира, пока ничего не предприняли, но видно было, что они ждут, пока все прочие не покинут это место. Неслышно ступая, к ним самовольно присоединилась еще одна, прижимая к груди кувшин с вином.

Уйдя на соседнюю террасу, Гаральд торопливо, словно от этого зависела его жизнь, скидывал доспехи. Он суетился, и две девушки, что помогали ему, только путались. Ему удалось сбросить нагрудный панцирь, и, стащив через голову кожаную рубашку, он схватил своих помощниц в охапку.

Тем временем на дне долины около озера уже слышались веселые взвизги — там вовсю развлекались Синдбад и Слав. Можно было разглядеть две группы, что направляются к пещерам.

Буян с обрыва террасы окинул взлядом долину еще раз, беспокоясь о своих друзьях и спутниках. Но, судя по тому, что он видел, волновался он зря.

Чья-то рука нежно легла ему на плечо. Гусляр обернулся — Киллик стояла сзади.

— Мы идем? — спросила она.

— Ах да, прости. Конечно, мы идем!

Буян привлек предводительницу к себе за талию. Она была высока — с него ростом, но худощава.

— Пошли, — сказала она, обвивая руками его шею.

Киллик повела его в пещеру, невысокие своды которой были обвиты ползучей зеленью так густо, что пришлось отогнуть тяжелые пряно пахнущие плети и проскользнуть внутрь пригнувшись.

Внутри было прохладно и сухо, воздух был свеж и чист. Зеленый полумрак окутывал длинный изгибающийся коридор, по стенам которого росла плесень, дававшая слабый желтоватый свет.

Сделав всего несколько шагов, Буян заметил, что за ними следуют три охранницы. Свои копыта они оставили у входа, но короткие кривые ножи были у них на поясе.

— Они... Что они здесь делают? — кивнул назад Буян.

— Не бойся. — Киллик на ходу нежно прижалась к нему — Две из них — мои сестры по отцу... Они будут с нами... Если тебе станет мало одной меня!

Гусляр понимающе кивнул.

Ход кончался в просторной пещере с высокими сводчатыми потолками и искусно высеченными из камня колоннами. В глубине ее было просторное ложе — на нем могли одновременно улечься четверо или даже пятеро человек. Черно-белые пятнистые шкуры, похожие на медвежьи размерами, покрывали его. Освещалась пещера несколькими круглыми окнами, которые снаружи оплели те же ползучие растения, что росли при входе.

Они полностью скрывали окна, и в пещере царил зеленоватый полумрак.

Одна из охранниц ушла и вскоре вернулась с кувшином и блюдом с фруктами. Все это она поставила на высеченный из того же камня столик, и все три отошли вглубь, чтобы не мешать.

Киллик сбросила плащ на пол, подойдя к ложу, села на край, не сводя глаз с Буяна и медленно, по одному, снимая с себя украшения.

Буян стоял у окна, не сводя глаз с ее тела, что в полумраке казалось почти белым. Когда Киллик потянулась, чтобы расшнуровать высокие сандалии, он вскинул руку:

— Погоди. Я хочу сам.

Она замерла, подавшись вперед.

Одним движением он сорвал с себя рубашку. Глаза его сверкали, как два драгоценных камня на ее ожерелье. Киллик поднялась ему навстречу, покачнувшись, когда он подхватил ее на руки и бережно опустил на ложе, склоняясь над нею.

Длинные волосы предводительницы рассыпались по нежному меху пестрой шкуры. Собрав их в горсть, Буян подтянул девушку к себе и свободной рукой ласкающе провел по ее груди, спускаясь до талии и на бедра. Когда пальцы его коснулись ее бедер, Киллик сдержанно застонала, подаваясь к нему в нетерпении, и Буян закрыл ее рот поцелуем...

Уже спустилась ночь, когда по наступившей в пещере тишине ожидающие снаружи девушки-охранницы догадались о том, что им можно войти. Они ступали неслышно босыми ногами, прикрывая ладонями пламя светильников, чтобы не побеспокоить обитателей ложа. Тихо, как три призрака, они приблизились к дремлющим любовникам и разом опустили на колени, терпеливо поджидая, пока те проснутся.

Время близилось к полудню, когда к костру из пещеры предводительницы вышел Буян.

Его сопровождали две из трех девушек-охранниц — третья оставалась с Киллик. Обе они, не смущаясь, бросали на гуслияра нежные взоры, раз за разом вспоминая прошедшую ночь.

У огня все сидел Властимир. С первого взгляда могло показаться, что он вообще не вставал со вчерашнего дня, но его влажная от росы и чуть измятая рубаха говорила об обратном. Одна из девушек, что оставалась подле него, хлопотала у костра, а другая сидела в неловкой позе, полубоком, и время от времени косилась на руку князя, которая твердо и властно обнимала ее талию. Князь по шагам догадался о приближении друга:

— Буян, ты? Гуслияр присел подле.

— Я, друг.

— Что наши?

— Синдбад вон идет. — Буян огляделся по сторонам. — И опять что-то тащит!..

Морехода провожали пять или шесть девушек, от помощи которых у него просто не было сил отказаться, — его слегка шатало не то от усталости, не то еще от чего, и самостоятельно он не смог бы поднять на террасу плотно набитый мешок.

Подойдя, мореход тяжело опустил его на землю. В нем сочно звякнули драгоценности, но, судя по внешнему виду девушек, от таких поборов они ничуть не пострадали. Одна спокойно села на колени Синдбаду и обвила его шею руками. Тот притянул ее за податливую талию и, заметив внимательный взгляд Буяна, пояснил:

— Ласковая, как пэри... Жалко расставаться...

Но тут осекся, и хитрая улыбка сползла с его лица. Он с удивлением уставился на что-то выше по склону позади Буяна.

Гуслияр круто обернулся, но успел заметить только сломавшиеся ветки и хруст сучьев, будто в кустарник вломилось огромное животное. Заросли дрожали и колыхались, словно в бурю, но всем все стало ясно, когда из них, пошатываясь и спотыкаясь, с трудом выбрался Гаральд.

Рыцарь был только в штанах и сапогах. Дрожащей рукой он отстранил кинувшихся к нему девушек, мутным полупьяным взором окинул всех и подошел к своим, где рухнул на

поваленное дерево, со стоном обхватив голову руками.

Буян немедленно оказался рядом и безжалостно толкнул рыцаря локтем в бок:

— Ну, как ночка?

Гаральд вскинул на него страдальческое лицо:

— Издеваешься?..

Мечислав пришел почти сразу. Зареванная Иррир льнула к нему, пряча лицо у него на плече, а юноша утешал ее и что-то нашептывал, ласково поглаживая по плечам.

Задерживался только Слав. Остальные гости уже успели закончить трапезу, а его все не было. О нем уже начали волноваться и собирались отправиться на поиски, но он явился сам, в полном одиночестве.

Не глядя ни на кого, бывший раб Кощея прошел на террасу и сел в стороне от друзей, глядя в землю. Мечислав было потянулся о чем-то его спросить, но тот, не дослушав, отмахнулся и обхватил голову руками, уходя в свои думы.

Гости тревожно переглядывались, гадая, что могло случиться. Синдбад клялся и божился Аллахом, Христом, Магометом, Буддой и даже вспомнил Дажьбога, призывая их в свидетели, что начиналось все прекрасно, а что было потом, он не знает. Собрались найти тех девушек, что были со Славом, но не успели за ними послать.

Из пещеры вышла предводительница Киллик.

Она успела облачиться в походные одежды — сплетенную из колечек короткую тунику без рукавов, поверх которой по-прежнему поблескивали украшения, сандалии с поножами и шлем, украшенный птичьими перьями.

— Понимаю ваше нетерпение, — ласково кивнула она. — Мы заключили с вами договор, я успела опросить нескольких моих сестер и знаю, что все вы выполнили свою часть соглашения...

При этом она пристально и нежно посмотрела на Буяна и провела кончиком языка по губам.

— На то была твоя воля, — спокойно ответил он.

— Да, и теперь наша очередь помочь вам.

— Как? — не выдержал Гаральд. — А разве вы не будете ждать, пока... ну, пока не станет ясно, что... — Он замялся под откровенно насмешливым взглядом Буяна и опустил глаза.

— Нет, — покачала головой Киллик. — Если бы кто-нибудь из вас захотел остаться, тогда, конечно... Но у многих из вас дома есть жены и невесты, а кое у кого — дети, а потому мы не вправе мешать вам жить дальше своей жизнью.

— И все равно, — не сдавался рыцарь. — Ведь вы можете нас задержать насильно — вас же больше!..

— Ага! — рассмеялся Буян. — И ты не будешь против такого насилия?

— Да чтоб тебя! — взвился Гаральд. — Я тебе точно язык отрежу, язычник проклятый!

Предводительница Киллик улыбнулась разгоряченному рыцарю.

— Вы все поймете, если выслушаете меня до конца, — мягко сказала она. — Обычно мы поступаем так, как сказал ты, но вы — иное дело! Вы были первыми, кто за эти века заинтересовался Чарой Грааля. Так уж получилось, что я знаю, где она, и готова отдать ее немедленно!

Удивленные возгласы были ей ответом. Люди переглядывались, не веря своим ушам. Кто-то украдкой косился на чаши, в которые им только что наливали вино.

— Чара у тебя? — благоговейно выдохнул Буян.

— У нашего народа. Сегодня она покинет его — вместе с вами. Вы поймете почему, если дослушаете до конца... Несколько поколений назад наше племя было многочисленное, чем сейчас, и жили мы к северу от этих мест, — начала она рассказ, — Тогда в нашем роду были мужчины, и все было прекрасно. Наше племя отличалось воинственностью — отряды наших воинов нападали на людей, живущих на равнинах. Нас боялись и приписывали нам способности, о каких мы даже не слышали. Мы были богатым народом, очень богатым: это

золото на нас — жалкие остатки прежних богатств...

Но потом все кончилось. Однажды наш предводитель из очередного похода привез неприметную Чару. Он гордился тем, что ее защищали шестеро воинов до последней капли крови, а он убил их всех. Из этой Чары он пил вино на пиру в честь победы и богатой добычи, но это был его последний пир: несколько недель спустя он сорвался в пропасть и погиб. Почему-то он не успел обратиться в птицу...

После него власть взял его старший сын, но умер от яда через три года. Та же участь постигла и четырех остальных сыновей того предводителя.

С тех пор неудачи преследовали наших воинов. В битвах мы стали терпеть поражения, болезни косили детей, змеи и хищники подстерегали охотников. Не сразу мы заметили, что эти невзгоды обрушились только на мужчин — они либо гибли в битвах и на охоте, либо умирали в детстве от болезней и несчастных случаев.

Но прошло еще какое-то время, и мы поняли, что эти беды обрушились на нас из-за Чары, которой незаконно владело наше племя.

Мы скрыли ее в Храме нашей столицы и покинули это место, переселившись южнее. Но беды не оставили нас, и мы вынуждены были вторично сняться с места. Так наше племя переселялось до тех пор, пока не пришло сюда. К тому времени среди нас оставалось всего шестеро мужчин — двое стариков, однорукий калека и трое юношей. Один из них умер, не выдержав перехода, прочие жили и выжили, но от них рождались только дочери.

Миновало три поколения с тех пор, как умер последний мужчина нашего племени. Правда, многие из нас становились матерями, но наши сыновья умирали при рождении, а среди девочек все больше становится тех, кто не умеет оборачиваться птицей. Таких у нас уже треть. Скоро мы исчезнем с лица земли, и от нас останутся только легенды.

Но сегодня пришли вы, и вы хотите забрать у нас причину наших несчастий. Мы рады будем с нею расстаться, ибо верим, что с ее исчезновением прекратятся все невзгоды. Надеюсь только, что вы — те, кому она дастся в руки.

— Ты знаешь, где она сейчас? — дрогнувшим голосом молвил Гаральд.

— Конечно, — кивнула Киллик. — Мы все знаем, что она находится в Храме в центре нашей брошенной столицы.

— погоди, — заторопился рыцарь, — но если, как ты говоришь, сия Чара приносит вам так много зла, то любая из вас должна хотеть ее как-нибудь уничтожить!..

Предводительница рассмеялась, но смех ее получился горьким.

— Неужели ты всерьез думаешь, о человек, — промолвила она, — что мы ошибаемся и стараемся вручить вам простую чашу вместо Чары, единственной и неповторимой?.. О, будь она простой, разве мы бы не уничтожили ее раньше?.. Многие пытались сделать это! Но все, кто собирался разбить ее, сами погибали ужасной смертью. А сколько раз бывало так: приходили люди на то место, где стояла чаша, — и не находили ее. Она исчезала на то время, когда искали ее с дурными намерениями... Нет, о рыцарь, ее невозможно уничтожить. Она цела, и она будет вашей! Собирайтесь! Даже с вашими крылатыми конями путь туда займет два дня.

ГЛАВА 15

В самом сердце гор, где со всех сторон возвышались кручи, за которыми не было видно неба, всадникам неожиданно открылась долина.

Все здесь было наполнено древностью. Путники притихли, даже лошади ступали осторожно и смирно, как ягнята. Острые, похожие на пики неведомого воинства скалы, скрытые почти до половины облаками, стенами взмывали ввысь. Горы были мертвы или погружены в такой глубокий сон, что казались умершими. Так воины с тяжелыми ранами впадают порой в забытие, из которого есть два пути: частый — в смерть и более редкий — в жизнь.

С самого утра как снялись со стоянки в одной крошечной долине, всадники не

проронили ни слова. Сопровождавшие их Киллик и не соглашавшаяся разлучаться с Мечиславом Иррир откровенно трусили, то и дело вздрагивая и шарахаясь в сторону от малейшего шороха. Люди были тоже насторожены.

Здесь, под ныне окаменевшей и заваленной вековыми снегами Крышей Мира, где-то глубоко под ними, лежала земля, погребенная под скалами в дни творения, когда пращуров богов были еще младенцами, когда мир был иным и не было ни славянина, ни персиянина, ни англичанина. И люди жили здесь. Но что случилось такого, что заставило людей покинуть эти места и разойтись в разные стороны, чтобы больше никогда не сойтись, — про то знали лишь горы.

Здесь все было холодным и мертвым. Трудно было помыслить, что недалеко — всего один перелет крылатого коня — есть долины, где сейчас тепло и идут дожди, заливая луга и джунгли.

— Говорят, когда-то Ирий-сад был здесь, — не выдержал молчания и могильной тишины Буян.

— Здесь... здесь... здесь... — мягким невесомым голосом отозвалось эхо.

Все пригнулись, готовясь к бою, но ничто не шевельнулось в каменно-ледяном безмолвии.

— Здесь же нет ничего живого, — возразил осмелевший Мечислав. — Лед и камни...

— Здесь — нет, а если бы нашелся богатырь или волот-ве-ликан, что приподнял бы скалы эти, то мы бы увидели под ними остатки лесов и городов, — тихо ответил гуслар. — Мне так рассказывал твой отец — он когда-то в молодости попытался пройти в эти горы, да с полдороги свернул, не выдержал.

— Здесь никто не может выжить, — дрожащим голосом промолвила Киллик, прижимаясь к Буяну. Она мерзла в своем тонком плаще из перьев, а обратиться в птицу не хотела. Иррир уже с начала пути сменила облик и ехала на седле Мечиславова коня, нахохлившись.

Из-за холода все уже некоторое время шли пешком, ведя коней в поводу. Лишь Облак нес на себе князя, вытягивая шею и бережась так, что поневоле становилось смешно.

Под копытами коней звонко хрустел лед и мелкие камешки. Молчаливые скалы презрительно взирали сверху на дерзких смертных, что осмелились проникнуть так далеко в глубь Крыши Мира. Иней уже застыл на ресницах и бровях людей, на мордах лошадей и упряжи. До клинков мечей дотрагиваться опасались, чтобы не обжечься.

— А что мой отец здесь делал? — нарушил молчание Мечислав.

— Он ход в Ирий искал, — ответил Буян.

— А разве есть он?

— Есть, и до сих пор в него еще некоторым попасть можно. В сердце Крыши Мира много тайн и загадок сокрыто, но больше всего их в Ирии. Там есть что-то такое... мне говорили, да я не понял — про то лишь те, кто там сокрыл сию тайну, ведают. Прочие же знают одно: тайна там великая.

— А вдруг мы будем идти-идти да и попадем в Ирий?

— То вряд ли! Чистомысл рассказывал, что стражи на пороге Ирия видимо-невидимо, и все не люди, а звери диковинные да чудовища, о каких даже сказок не сказывают, потому как либо боятся пуще смерти, либо не ведают о них вовсе. А самый страшный из них — сторож на могиле, что при дороге в Ирий, стоит. Мимо него не проходил живым никто — потому никто и не ведает, кто тот страж.

— Сатана, — клацнул зубами Гаральд. — Больше некому! Препираться на любимую рыцарем тему сегодня не хотелось, и разговор затих.

Тропа тем временем пошла вниз, да вскоре так круто, что пришлось сойти в сторону и осторожно прорубать во льду и камнях дорогу для лошадей. Крылатый конь Синдбада из-за мешков, что навьючил на него хозяин, все-таки поскользнулся и с жалобным ржанием покатился вниз. Эхо подхватило его последний вопль, и всем показалось, что не один конь, а целый табун лошадей гибнет внизу во льдах.

Остальные лошади уцелели только потому, что замерли, как статуи, испуганно пуча глаза и вздрагивая всем телом. Облак и вовсе пятился назад, спасая хозяина.

Синдбад стоял на коленях у тропы. Его за шиворот придерживал Гаральд. Все произошло так быстро, что никто не успел сделать большего.

Эхо ржания замерло внизу, стих шорох камешков по склону. Гаральд осторожно выпустил край халата морехода, и тот промолвил потерянно:

— Чем я с людьми рассчитываться буду?

— Заладил! — фыркнул Буян. — Жизнь дороже золота!

— А может, он все-таки живой? — с надеждой гнул свое Синдбад. — Он же крылатый?.. Вдруг успел крылья распустить и не разбился?

— Ха! Скажешь тоже, — скривился Гаральд. — У меня дома горы и не так круты, а коли кто сорвется, то и тела не ищут-знают, что искать нечего.

Мореход понурился.

— Это можно узнать, — подала голос Киллик. — Нам все равно надо спускаться вниз... или возвращаться назад...

— Не назад! — Синдбад вскочил так стремительно, словно он и не терял только что надежды, — Вниз так вниз. Я первый!

Он поспешил к друзьям за веревкой, но его отстранили, опасаясь, что, желая поскорее узнать, что стало с его лошадыю, он может надеть глупостей и нечаянно погубить еще кого-нибудь. Предводительница Киллик обхватила шею птицы-Ир-рир руками и что-то зашептала ей. Та выслушала и кивнула, расправляя крылья.

— Иррир слетает вниз и узнает, где лучше спуститься, — объяснила Киллик остальным.

Птица немного помахала крыльями, согреваясь, и резко прыгнула в воздух. Сделав несколько взмахов, она поднялась над головами путешественников и полетела вниз по тропе, спускаясь по спирали, как орел-падалыщик снижается над тушей павшего зверя.

Все следили за ней, пока она не скрылась из виду. Но не прошло и трех минут, как она опять показалась из ледяного тумана. Быстро и тяжело взмахивая крыльями, Иррир подлетела к всадникам и почти упала на землю у ног Киллик. Она тяжело дышала — видно, полет отнял у нее больше сил, чем она рассчитывала.

Предводительница упала перед ней на колени, обхватив ее голову и успокаивая. При этом губы ее чуть двигались, но ничего, кроме невнятного шепота, слышно не было. Когда же она замолчала, Иррир издала несколько высоких клекочущих звуков, напоминающих одновременно клекот орлов и перещелк соловьев. Выслушав, Киллик вскинула сияющее лицо.

— Мы у цели, — объявила она, — Эта ледяная тропа вскоре кончается, а за нею — обрыв. Внизу наш город. Можно спуститься почти к самому краю обрыва, если пойти чуть правее — там много камней, но зато нет льда.

— Обрыв глубок?

— Нет, ваши кони справятся. Синдбад задумчиво почесал подбородок.

— Киллик, — позвал он, — спроси-ка у Иррир, если обрыв неглубок... ну, в общем, видела ли она...

Предводительница улыбнулась и что-то зашептала птице. Та тихо свистнула в ответ.

— Твоя лошадь там, — перевела Киллик. — Она застряла в кустах у подножия обрыва.

— А мешки?.. То есть, я хочу сказать, она жива?.. Иррир и без перевода догадалась, о чем спрашивает мореход, и отвернулась.

— У нее не было времени осматривать все вокруг в поисках твоей поклажи, но лошадь была еще жива.

Ободренный таким известием, Синдбад с удвоенной энергией принялся за дело. Он даже взялся вести в поводу Облака и чуть не поссорился с Буяном, опасавшимся, что, в порыве нетерпения, мореход может совершить неосторожный поступок и погубить Властимира.

Пройдя половину пути, увидели долину.

Долина по форме напоминала круговую чашу для питья. Стены ее были скалами, подобными той, по которой прошли путешественники. А дно ее занимали остатки города.

Здания, все как на подбор высокие и стройные, смотрели в небо. Они теснились беспорядочной толпой, образуя узкие, изломанные улицы. Только в центре виднелось нечто вроде вечевой площади. Некоторые дома были разрушены временем так сильно, что превратились в кучи камней. Другие время пощадило, но все равно в городе не было ни одного целого здания, кроме единственного — у самой площади. Над его куполообразной проломанной с одного бока кровлей постоянно висели низкие снеговые облака.

Киллик указала прямо на него.

— Храм,—сказала она.—Чара в комнате под самым куполом. Вход лишь с одной стороны — снизу.

— А дыра в крыше? — немедленно спросил Буян. — Наши кони умеют летать.

— Кони умеют, — кивнула Киллик, — но не только они... Откуда-то снизу, из развалин города, вдруг донесся странный звук. Он был похож на зевок огромного существа и закончился ясно слышимым постаныванием. Девы-птицы забеспокоились, а лошади испуганно шарахнулись. Темно-серый жеребец Мечислава взвился на дыбы, чуть не сбросив юношу в пропасть. На помощь ему бросился Слав. Вдвоем они еле укротили напуганного коня.

Предводительница Киллик вздохнула.

— Оно умеет летать получше ваших коней.

— А что это?

— Его создала Чара, чтобы оно охраняло ее. Но оно там не одно — там полно его слуг и друзей.

— Что-то их не слышно. Или они кричат только по ночам?

— Они не кричат вообще. И те, кто с ними встречаются, тоже замолкают очень быстро.

— Всего-то? — хмыкнул Буян и коснулся ладони Властими-ра, — Не сложнее, чем Змея сокрушить, верно, друже?

— Верно-то верно, — ответил тот, — да только тогда, мы с тобой не одни там были.

— А мы и сейчас не одни... С нами вон... — Буян осекся. — Синдбад!

Все разом обернулись на его крик. Пока шел разговор, мореход достал у кого-то из тороков веревку и, приладив ее к камням, начал спуск.

Все бросились к обрыву.

— Что ты делаешь? — крикнул ему Гаральд.

— Там внизу моя лошадь, — выдохнул сквозь зубы мореход. — Я ее отлично вижу...

Он замолчал и перехватил руками пониже.

Четыре крылатых коня спустились с края обрыва, сопровождаемые двумя птицами. Три жеребца сразу слетели наземь, а Гаральд придержал своего, поддерживая повисшего на веревке Синдбада. Лишь после этого он присоединился к остальным.

Обрыв и правда был неглубок — на глубине в три сажени склон становился глаже. Там росли колючие кусты. Лошадь запуталась в них. Бока и ноги ее были так изодраны о камни и колючки, что уже только из-за этого ее следовало бы оставить здесь. Но она при падении сломала спину, и это, к сожалению, было видно. Лошадь еще шевелила передними ногами и косила на людей синим блестящим глазом, но даже она понимала, что дни ее сочтены.

Мореход вдруг всхлипнул и отвернулся.

— Убейте ее, — шепнул он. — Так мучиться... Буян взялся было за нож, но отвел руку: — Нет.

— Трусись? — удивленно вымолвил Гаральд. — А я думал, что ты...

— Я младенцев в жертвы не приносил, если ты о твердости моей руки, — резко ответил гусяр. — Моя участь самая мирная на свете — людям о радости жизни и о любви петь. Жизнь защищая, убить могу и зверя раненого добить сумел бы. Но ее — рано убивать.

— Думаешь — выживет?

— Нет. Нам на обратном пути ее жизнь понадобится... если судьба будет вернуться, — загадочно изрек Буян и отошел.

Не проверив даже, целы ли мешки в тороках, люди отправились в город. Всех торопили Киллик и Синдбад. Мореход горел желанием поскорее уйти от умирающей лошади, а предводительница спешила пересечь город до наступления темноты—во тьме таинственные слуги Чары и ее сторожа выходят на добычу.

Понемногу все забыли о том страшном и неведомом, что подстерегает их в пути. Полуразрушенные дома высились справа и слева — успевай только смотреть. Люди вертели головами, разглядывая каменные стены, купола крыш и увенчанные изображениями птиц колонны. Колючий кустарник и ползучие лианы оплетали их, крошили камень корнями. Широкие листья закрывали полустертые временем и дождями надписи. Киллик пробовала читать некоторые из них — подобные знаки были на украшениях дев-птиц, — но за древностью лет смысл их забылся.

Синдбад совершенно оправился от несчастья с лошадью и весь так и лучился любопытством.

— Знакомо мне здесь все, — объявил он, — Хотя и не похоже... Но в Индии старые разрушенные города выглядят точно так же. — Он подбежал к обветренным развалинам и оперся на колонну. — Вот такие крыши у многих храмов в Индии. Только там звери другие высечены и люди с головами чудовищ и шестью руками, а порой и тремя головами, а в каждой голове — по три глаза. И вся разница... Впрочем, тут Индия недалеко... Может, кто-то сюда и приходил кроме нас...

— Ага, и если и был, го все до тебя унес,—усмехался Гаральд. — И правильно сделал — на чем ты награбленное отсюда потащишь? На себе?

— У нас нет времени бродить по этому городу, — осадил всех Буян. — У нас цель есть, и глупо ее отбрасывать!

Киллик шла впереди, показывая дорогу. Чем ближе подходили они к центру города и чем выше поднимался перед ними купол храма, тем осторожнее она была. Доходя до поворота, она останавливалась и украдкой выглядывала за угол.

Завернув за угол в очередной раз, Киллик вдруг вскрикнула и метнулась назад. Лицо ее побелело, глаза испуганно расширились.

— Все, — выдохнула она. — Пришли!

— Мы у Храма? — спросил Буян. Предводительница покачала головой.

— До Храма еще надо пересечь площадь, — тихо сказала она. — Но хода нам дальше нет.

— Что случилось?

Вместо ответа она молча указала глазами за угол.

Затаив дыхание, словно это могло помочь, Буян подкрался к углу и выглянул.

Впереди раскинулась ровная площадь, заполненная синеватым вечерним светом. Полумрак выползал из всех щелей, где уже клубилась ночная тьма — в долинах темнеет гораздо раньше, чем на равнине. Прямо напротив улицы, на которой затаились пришельцы, находился каменный храм — покрытые сетью трещин стены с полустертыми узорами и надписями, статуи, почти потерявшие форму и рушащиеся под тяжестью лиан, плоские вытертые ступени и широкий зев входа.

На плоских ступенях, свернувшись клубком, лежала толстая змея.

В полумраке трудно было точно разглядеть все извивы ее тела. Ясно было одно: она могла проглотить сразу не одну, а двух лошадей. Ее выпуклая голова была украшена многочисленными наростами и гребнями. Положив голову на ступень, змея дремала. Через минуту она приподняла голову и зевнула, издав тот самый звук, что все слышали наверху.

Лошади опять заволновались, а Буян поскорее вернулся назад, прислонившись к углу дома. — Что там? — спросили у него.

— Змея.—Для пущей убедительности гусяр развел руками, — Просто чудовище... Сlopает всех нас и не заметит.

— Говорят, победить ее невозможно, — вставила Киллик. Гуслир отмахнулся от предводительницы дев-птиц, как от назойливой мухи.

— А мы и не будем с нею сражаться, — отмолвил он. — По крайней мере, в открытом бою...

— Заметил я, что вы, славяне, никогда не принимаете открытого боя, коли есть возможность избежать его, — презрительно отметил Гаральд.

— Конечно! Ведь мы пришли сюда, чтобы вернуться, — хладнокровно сказал Буян и оглядел своих спутников. — Так, — протянул он, пересчитав их глазами, — нас четверо...

— Ты ошибся, нас шестеро, — обиженно поправил его Слав. — И две женщины...

— Нет, я верно сосчитал, — возразил ему Буян. — Змее мы можем выставить для боя лишь четверых всадников, не более. Эти четверо и выйдут на бой. Двое из нас с женщинами останутся тут, дожидаться исхода боя. Тот из четверки, кто выживет, добудет в Храме Чару и вместе с Властимиром вернется в сад Кощея... Придется тебе, княже, уступить на час-мал своего Облака Славу или хоть Синдбаду, а самому тут побыть.

Все обернулись на резанца, ожидая, что тот будет рваться в битву, но тот спокойно спешился и протянул повод коня, предлагая взять его любому. Даже Облак был удивлен его поступком.

— Даже пусть и уцелею, все равно Чары мне без глаз не сыскать, — объяснил Властимир. — Но уж следующий бой — мой!

Слав и Синдбад одновременно протянули руки к поводу Облака, но в самый последний миг бывший раб Кощея опередил морехода.

— Ты своего коня загубил, — молвил он, — теперь тебе чужого доверять опасно!

Спорить было бесполезно, и мореход остался с князем и женщинами.

Четверо всадников выехали на площадь. Змея на ступенях храма все еще зевала, растягивая пасть так, что оставалось только удивляться, как она ее не ломает. Она была не одна. Несколько десятков тонких и толстых, больших и маленьких, ленивых и проворных тварей ползали по площади подле старшей Змеи. Они первыми заприметили всадников и с шипением подняли тревогу.

Огромная змея прекратила зевать и воззрилась на пришельцев. В ее золотистых глазах посверкивал разум — она понимала, что это люди, и готовилась к какому-нибудь подвоху.

Всадники приближались шагом, сдерживая лошадей, которые порывались взвиться на дыбы и сбросить седоков. Буянил даже старый Облак с непривычки к новому всаднику.

Змея дала всадникам подойти ближе, чтобы ударить наверняка. Люди не успели заметить, когда ее огромное тело свернулось в единый клубок, из которого торчали лишь голова и кончик хвоста. Не открывая пасти и не издав ни единого звука, змея ринулась в атаку.

Она избрала своей жертвой белого и лучше видного в полутьме Облака, рассчитывая сбить его с ног одним ударом и покончить со всадником. Но старый конь вдруг скакнул вверх, поджимая ноги, и голова змеи пронеслась над землей, не задев его. В воздухе он брыкнул задними ногами и тяжело опустился на пару шагов впереди того места, где стоял ранее.

Этого мига, как ни краток он был, змее хватило, чтобы вернуться на ступени. С некоторым замешательством она смотрела на всадника, который исчез из-под ее носа, а потом опять возник ближе, чем был.

Не дав ей времени, чтобы сообразить, в чем дело, остальные трое всадников бросились врассыпную. Перед мордой змеи остался только белый конь.

Каждая змея нападает на то, что движется, и эта была не исключением. Облак, словно чуя слабое место своего врага, замер, как статуя, и змея забыла о нем. Справа и слева от нее двигались всадники.

Оставив Облака и оцепеневшего Слава, змея ринулась на золотистого коня Буяна — темно-серый жеребец Мечислава, да еще и загороженный угольно-черным конем Гаральда, выпал из поля ее зрения. Она распахнула пасть, готовая ухватить хвост коня, но тот

мгновенно развернулся и бросился в атаку.

Все, кто видел этот бросок, ахнули, но мало кто понял, что произошло потом. Змея готовилась схватить коня за голову, когда что-то вспыхнуло перед ее зубами. Золотистый жеребец на миг озарился пламенем, и змея шарахнулась прочь, тряся головой, словно в пасть ей сунули горящую головню.

— Скорее вверх! — скомандовал Буян, осаживая коня, который с разбега чуть не налетел на змею.

Всадники ринулись внутрь Храма.

Храм представлял собой полуразвалившееся здание со множеством переходов и галерей. Многие ходы обвалились, и то и дело приходилось останавливаться и сворачивать с прямого пути. В кромешной тьме лошади спотыкались. Любая могла сломать ногу о камни, а потому люди вели каждый своего коня в поводу, одной рукой нащупывая дорогу.

Широкая низкая лестница начиналась в небольшом зале. Три провала окон давали немного света, но можно было определить, что снаружи успела настать ночь.

Люди были у цели, но вместо того, чтобы радоваться, молча потянули из ножен оружие. Пока они бродили по заброшенному Храму, им не встретилось ни одной змеи, хотя на внешней лестнице их было хоть отбавляй. Что-то ждало их впереди.

Что — или, вернее, кто — ждало их, все поняли, едва поднялись на верхнюю ступень.

Перед ними была еще одна комнатка под самым куполом Храма, округлая и небольшая — около десятка сажений в поперечнике. В глубине ее стоял обточенный камень. Каменная щебенка, листва, помет летучих мышей и прочий мусор покрывали пол. По нему тянулся извилистый, странно знакомый след. Проследив за ним взглядом, все сразу поняли, что заставило их насторожиться — обвив камень хвостом, перед ними лежала та самая змея.

Она выглядела довольной и гордой собой. Медленно, не сводя глаз с пришельцев, она стала разматывать свое туловище, готовясь к прыжку. Что-то зашевелилось подле нее, и люди увидели, что с нею сюда забралось несколько змеек поменьше. Выползая из-за большой змеи, они устремились к лошадям.

Некому было предупредить, но все и так поняли: один укус любой из них — и коня или всадника уже ничто не спасет. Но раньше чем кто-либо успел сориентироваться, Мечислав сорвал с плеча лук, и первая стрела прижала подползшую змейку к полу. Она злобно зашипела, извиваясь от боли и пытаясь сорваться со стрелы. Остальные змеи никак не отреагировали на это, и юноша успел расправиться точно так же еще с тремя, прежде чем уцелевшие не остановились.

Огромная змея не спеша сползла с камня и приготовилась к первому удару.

Гаральд рывком выхватил меч и перебросил щит вперед. — Вы, двое, — бросил он Буяну и Славу, — отвлеките ее на пару минут, а я подберусь ближе!

Рыцарь поскакал наперерез, потом всадил шпоры в бока завизжавшего коня, осаживая его на задние ноги, и, привстав в стременах, сверху рубанул змею мечом.

Удар должен был разрубить ее голову пополам, но рыцарь не учел, что под ним не вышколенный для турниров рыцарский жеребец. Тот до того испугался близости змеи, что в самый последний миг шарахнулся в сторону. Страшный удар получился скользящим — он лишь порезал голову змеи. Раненная, она с яростным шипением вцепилась в закованную ногу рыцаря. Кривые зубы заскрежетали о железо. Сила, которой Гаральд не ожидал, потянула его вниз. Бросив щит и крепче вцепившись в повод, рыцарь наудачу ткнул мечом в голову змеи.

— Держись! — донеслось до него, и Гаральд почувствовал, что тело его врага содрогнулось — то Буян, подобравшись сзади, двумя руками подняв меч, обрушился на тело змеи.

Та от неожиданности и боли дернулась в судороге, но челюстей не разжала. Гаральд почувствовал, как гнется сталь дос-пеха — стоит ей не выдержать, и ядовитые зубы прокусят его ногу.

Не тратя времени, Буян нанес второй удар. Этот был больше рассчитан — меч

опустился на шею врага там, где она соединялась с головой.

Брызнула кровь. Не разжимая челюстей, змея мотнула головой, отвлекаясь от рыцаря, и Гаральд почувствовал, как ее зубы сдирают сапог с его ноги, оставляя на коже глубокие царапины. Он разжал пальцы и рухнул на пол.

Теперь он представлял отличную мишень для нападения змеи, но та сейчас была слишком занята человеком, нанесшим ей кровоточащую рану. Оставив рыцаря на милость маленьких змеек, что ползали повсюду, она обратилась к Буяну

Золотистый жеребец гусяра отступал, задирая шею, его всадник не сводил глаз с врага. Буян не спешил принимать бой — он хотел сначала увести змею от лежащего на земле рыцаря.

Он понимал, что к нему ни Мечислав, ни Слав на помощь прийти не смогут. Тем мешали сделать это маленькие змейки, что покрывали пол сплошным шевелящимся ковром. Мечислав уже успел расстрелять свои стрелы, поражая самых ярых, но их было слишком много, и темно-серый жеребец юноши и Облак вертелись на месте, топча змеек. Ноги коней по бабки были в змеиной крови, а откуда-то прибывали все новые и новые твари и без страха кидались под ноги лошадей.

По странному совпадению именно в ту сторону и отступал Буян. Он и змея были так увлечены друг другом, что не заметили, как оказались в опасной близости от сонма ядовитых и разъяренных змеек.

Видел это лишь Гаральд. Привстав на здоровой ноге и решив, что он все равно умрет от яда, рыцарь крикнул не таясь:

— Буян, сзади — змеи!

Гусяр на миг обернулся — и этого мига змее оказалось достаточно, чтобы броситься на витязя.

Буян увидел распахнутую пасть, и в следующую секунду челюсти сомкнулись у него на теле. Он до боли сжал бока коня и, неловко размахнувшись, резанул мечом.

Змея зашипела невнятно, не размыкая зубов. Буяна защищала только кольчуга под рубахой, и сейчас ее колечки вдавливались в тело. Но раздробить человека змея не успела — Гаральд приподнялся и со всего маха опустил меч ей на хвост.

Почти сажень змеиного тела была отрублена напрочь и отлетела в сторону. Змея забилась, дергая Буяна из стороны в сторону. Торопясь, пока она не раскусила его пополам, тот в самую последнюю минуту изогнулся и наудачу ударил вздрагивающее горло твари.

Удар был неловкий, но тонкая кожа на горле лопнула. Змея в последней попытке вздохнуть разинула пасть и выпустила гусяра. Не тратя времени, тот угостил ее еще одним ударом по голове.

Извиваясь и брызжа кровью из перерубленного горла, змея упала на землю прямо в кучу атакующих змеек.

Буян еле успел пришпорить коня, спасаясь от падающего тела и судорог колотящегося по полу хвоста. Мечислав и Слав тоже поспешили осадить своих коней, потому что маленькие змейки, и без того разъяренные неудачными атаками на лошадей, с остервенением набросились на умирающую змею. Их зубки вонзались в ее кожу, впрыскивая яд, они рвали змею, забыв обо всем на свете.

ГЛАВА 16

Огромная Змея была мертва. Яд нескольких десятков змеек довершил то, что начали Гаральд и Буян. Змейки еще шевелились около ее неподвижного тела, словно дети около убитой матери, и бестолково тыкались носами.

Но люди не обращали на них внимания. Спешившись, они собрались около рыцаря.

Гаральд лежал на полу, не делая попыток подняться, и только тяжело дышал. Когда Буян сорвал с него шлем, он окинул всех долгим взглядом и слабо улыбнулся.

— Вот и все, — прошептал он тихо. — Как быстро все закончилось!

— Да, все кончилось быстро, и, главное, мы дешево отделались, — кивнул Буян.
— Дешево.—Тень набежала на чело рыцаря.—Только я... Мы всегда недолго любили друг друга, славянин, но сейчас я прошу у тебя прощения...

— Ты чего?

— Я ухожу. — Гаральд прикрыл глаза и вздохнул. — Я прошу тебя, не держи на меня зла... А если найдешь Джиневру, передай ей, что я умер с ее именем на устах...

Буян расхохотался.

— Ты что, умирать собрался? — воскликнул он. Гаральд в удивлении приподнялся:

— Да, а что тут смешного?.. Эта змея укусила меня, и я умру от ее яда...

— Да она неядовитая, иначе мне было бы хуже, чем тебе! — Буян задрал рубашку вместе с кольчугой, показывая царапины, оставленные змеей на его теле. — Несколько царапин на ноге — это даже не раны, а так — мелкие неприятности!

С этими словами он и Мечислав занялись расцарапанной голенью Гаральда. Рыцарь смотрел на них неверящими глазами и шептал про себя:

— Неужели я не умру?.. Неужели буду жить?

Но прошло несколько минут, рану обмыли, перевязали и осторожно натянули на ногу сапог. Гаральду помогли встать, и он сделал первый осторожный шаг.

— Ты в порядке? — Буян хлопнул его по плечу.

— Вполне. — Рыцарь улыбнулся. — И даже смогу еще сражаться!

Он потянулся к мечу, оглядываясь по сторонам, но все враги были далеко.

Как по команде, люди обернулись к камню, который защищала змея.

На камне стояла высокая Чара с мелким, почти незаметным рисунком по краю ножки. Высотой она была не меньше одного локтя. Стенки ее расходились в стороны как лепестки бутона. На дне что-то слабо мерцало, рождая слабый колеблющийся свет, словно Чара говорила с пришельцами на ведомом только ей наречии.

Гаральд благоговейно опустил на колени, молитвенно сложив руки. В глазах его загорелся священный восторг.

— Святой Грааль, — выдохнул он дрожащим голосом. — Мы нашли его...

Губы его беззвучно зашевелились в благодарственной молитве.

Славяне стояли молча, не мешая рыцарю. Но потом Буян протянул к Чаре руки.

Гаральд вскочил и отвел пальцы гусяра, загораживая ее.

— Не смей, — выдохнул он взволнованно. — Не касайся ее! Лишь чистый сердцем и помыслами и твердый в вере может коснуться Чары, не боясь смерти безвременной. Не ведаю я, есть ли среди нас столь чистый, столь святой, кто был бы достоин коснуться ее!

— Но взять мы ее должны, — возразил Буян. — Что ты предлагаешь?

— А что будет с тем, кто взял ее? — вдруг молвил Мечислав. Спорщики обернулись на него — и обомлели. Гаральд так вообще застыл с открытым ртом, не веря глазам. Пока рыцарь спорил с гусяром, юноша протянул руки и поднял Чару, благоговейно держа ее в ладонях, как живое существо. Свет, льющийся изнутри Чары, подсвечивал лицо юноши нежно-розовым светом, и он казался отроком. Гаральд вытер взмокший лоб.

— Ты... взял ее?.. Ты смог прикоснуться и... — еле выдавил он.

— И что мне теперь за это будет? — молвил Менислав. Рыцарь не ответил. Он смотрел на юношу так, словно у того над головой разливалось золотое сияние святости, и медленно крестился.

Смутившись взглядов, которые устремили на него спутники, Мечислав поднял глаза на Буяна.

— Прими ее. — И протянул над камнем руки, не двигаясь с места.

На глазах вконец изумленного Гаральда Буян взял Чару.

И опять ничего не произошло — не разверзлась земля, не грянул гром, не поразила молния святотатцев-язычников. Буян опустил глаза в Чару, словно что-то пытался разглядеть на дне ее. Лицо его, как и у Мечислава ранее, озарилось отблесками и каким-то особенным внутренним светом. Улыбнувшись Чаре, как старому другу, гусяр вскинул глаза на

Гаральда.

— Прими, ежели хочешь, — предложил он готовно, протягивая ему Чару.

Но рыцарь отступил, опуская руки.

— Прости меня, Буян, — молвил он, — но я не притронусь к ней ни за что... После того как ее касались вы, мои руки... — Он покачал головой. — Я не имею на то права — мои мысли и душа не столь чисты, как вам кажется. Я недостойн Чары...

Буян осторожно опустил Чару в тороки, тщательно завернув ее в чистую тряпицу, словно боялся, что свежий воздух будет вреден для нее, и, оставив на полу останки змеи, люди покинули Храм.

Первой, кого они увидели, спустившись на площадь по широкой лестнице, была Иррир. Девушка ждала всадников у самого входа в Храм. Поведав друзьям, что вылазка окончилась удачей, отряд поспешил вон из города, пока прочие змеи не сообразили, что Чару увели из-под самого их носа, и не бросились в погоню.

Но за городом, у зарослей, где застряла лошадь Синдбада, им пришлось ненадолго задержаться. Спешившись, Буян достал Чару и подошел к умирающей лошади. Та вскинула голову и обратила на человека взгляд, полный муки и надежды. Сжимая Чару в руках, гусяр опустился на колени перед ее мордой.

— Мне нужен кто-нибудь в помощь, — сказал он. Первым угадав, что за подмогу он требует, Слав присел подле.

— Задери ей голову, — приказал Буян, — и держи.

Слав за узду поднял морду лошади и оттянул у нее верхнюю губу. Она замерла, мелко дрожа, а гусяр, прижав под кожей жилу, перерезал ей горло. Лошадь дернулась, густая темная кровь толчками полилась в подставленную Чару.

За ним, вытягивая шеи, наблюдали остальные.

— Что ты делаешь? — не выдержал Синдбад. — Уж не хочешь ли ты заставить нас испить ее крови?

— Не бойся сего. — Буян не отводил взгляд от струи. — Прежде следует напоить саму Чару, напоить досыта.

— А разве это необходимо? — подал голос рыцарь.

— Да, иначе она не найдет в себе сил помочь нам. Кровь — сама жизнь, надобно оживить сперва Чару, чтоб она отдала воде силу животворящую... Если б не конь Синдбада, нам бы пришлось заколоть одну из наших лошадей. А не было б лошадей...

Он не договорил, но все переглянулись.

Лошадь дергалась только сначала — пока кровь была широкой струей. Но постепенно с кровью уходили ее силы, она слабела, поток замирал и понемногу иссяк. Когда уже невозможно было выжать из горла лошади ни капли, гусяр вернулся к остальным и показал Чару. Она не была даже испачкана кровью — все, что вытекло из горла лошади, растворилось в ее недрах. Оставив друзей гадать о том, как это случилось, Буян спрятал Чару в тороки и первым покинул заросли.

Обратный путь показался короче и гораздо легче, словно судьба исчерпала запас преград и опасностей. Через трое суток всадники вновь оказались в долине, где их с нетерпением ожидали девы-птицы.

Многие были уверены, что смельчаки и их предводительница отправились на верную гибель, а потому возвращение отряда превратилось в праздник. Всю ночь горели костры, слышались голоса, мелькали чьи-то силуэты — гости и хозяева праздновали возвращение.

Наутро наступило прощание. Девушки, погрузневшие и притихшие, провожали гостей. Синдбаду они надарили на память столько новых золотых и серебряных украшений, что он забыл о потерянных. Красный до ушей Гаральд смущенно отводил взоры от кучки девушек, что наперебой умоляли взять с собой хоть одну из них, — о Джиневре он им уже рассказал, но те и слушать ничего не желали. Предводительница Киллик печально поцеловала Буяна в щеку и со вздохом пожелала ему доброго пути и долгой жизни.

— Вы нас отпускаете? — удивился тот. — Но почему? В вашей власти было задержать нас здесь насильно...

— Этого хочется и мне, и многим моим сестрам, — с неохотой ответила предводительница. — Но как же иначе мы избавимся от Чары? Отпуская вас, мы спасаем себя!.. Впрочем, не все из вас так уж спешат нас покинуть, — загадочно добавила она.

Правоту слов Киллик гусяр признал сразу. Иррир не желала выпускать Мечислава из рук. Девушка вцепилась в него мертвой хваткой, и понадобилось соединение усилий трех женщин постарше, чтобы оттащить ее.

На глазах у самого Мечислава подрагивали непрошеные слезинки.

Однако, как оказалось, не это имела в виду Киллик.

Уже всадники сидели на лошадях, уже удалось немного успокоить Иррир и все приличные к месту слова были сказаны, но отряд медлил. Ждали Слава, которого никто не видел со вчерашнего вечера.

Наконец он явился, но не один. Люди успели заметить еще издалека, что он сменил свой наряд на одежду из птичьих перьев, а подле него идет девушка, которую он придерживает за запястье. Подойдя, бывший раб поясню поклонился всадникам.

— Уж простите меня, ежели сможете, — молвил он, — но я решил остаться здесь.

— Да ты что, — не сдержал языка Буян, — с ума сошел? Не выдумывай, собирайся!

Слав покачал головой:

— Знаю, что за слова у тебя с языка рвутся, друг, — мол, родину на мир чужой поменял, а не знаешь того, что сердцу славянскому жизни на чужой земле не будет... Ну да мне и дома бы жизни не дало мое прошлое — никто не ждет меня там, а тут, — он оглянулся на девушку, — тут жена у меня... Дети будут...

Леса в Кошечей долине встречали путников настороженным молчанием. Все словно знало заранее, кто едет, и обитатели этих мест спешили убраться с дороги. Лес молчал, недобро и настороженно следя за людьми.

С какой бы радостью всадники поднимали коней в воздух, чтобы поскорее достичь заветной полянки с истоком живой воды, да нельзя было полетом привлекать внимания сторожевых патрулей Кощея. Они и так распугали всех вокруг — теперь любой шорох означал, что идут люди.

Люди не снимали рук с рукоятей мечей и не расставались с доспехами даже ночью, каждый миг ожидая нападения. Но время шло, а на них никто не нападал.

Означало это одно из двух: либо им удалось обмануть колдуна Кощея и пройти незамеченными, либо он нарочно заманивает своих врагов поближе, чтобы покончить с ними одним ударом.

Защищенные кожаными нагрудниками кони осторожно ступали по высокой пышной траве. Нагрудники защищали грудь лошади от самострелов, хотя никто не знал доподлинно, приказывал ли Кощей установить их. Густые заросли окружали всадников со всех сторон, и нападения можно было ожидать даже из тех кустов, которые ты только что сам проверял копьем.

Границу владений Кощея в джунглях обозначал камень, искусно высеченный в форме черепа. Видно было, что его совсем недавно очистили от лиан и мха.

Путники осторожно объехали камень.

Десять всадников в черном выскочили из-за поворота так стремительно, что не все успели выхватить оружие. Гаральд смог лишь развернуть своего жеребца боком, загоразивая собой остальных. Передние всадники налетели на него, сбили лошадь с всадником на землю, но трое из них тоже полетели вверх тормашками. Остальные осадил коней, и это дало славянам шанс выстоять. Они выхватили мечи и ошиблись с всадниками.

Облак нес на себе двоих — вместе с князем ехал оставшийся без лошади Синдбад. Привстав на стременах, мореход из-за плеча резанца выпустил из его лука две стрелы прежде, чем Облак грудью врезался в сбившихся черных всадников. Побывавший во многих

битвах, он не нуждался в понуканиях — и в первый же миг его зубы вонзились в шею ближайшего коня. Тот завизжал от боли, завертелся на месте, не слушая седока.

Окровавленные мечи мелькали в лесном полумраке. Бросив повод и сжимая коленями бока коня, Буян бился сразу двумя руками — в левой у него была отобранная у одного из поверженных противников сабля. Отбивая ею прямые удары и отводя оружие противника в сторону, гуслир потом пронзал обезоруженного врага мечом.

Мечислав же пробился к Гаральду и теперь своим конем защищал пешего рыцаря от всадников. Его темно-серый жеребец бил копытами так, что нападавшие не могли заставить своих лошадей приблизиться.

Хуже всех приходилось Властимиру — из-за его спины Синдбаду было почти невозможно прийти ему на помощь — мореход мог только и делать, что защищать спину князя да поглядывать, чтобы тот не промахивался мечом.

Отводя в сторону, как раз под саблю Синдбада, меч очередного врага, князь далеко отдернул свой меч и наугад ткнул им вперед, где, как ему казалось, должен был находиться человек. Лезвие вошло куда-то, повстречав сопротивление — Властимиру приходилось биться в темноте и он знал, что это — сопротивление доспеха из тонких, как пергаменты, пластин бронзы. Сдавленный крик подсказал ему, что меч пробил доспех и достал тело врага, но вырвать оружие он не успел. Кто-то второй подлетел ближе — Властимир уловил тяжелое дыхание лошади и свист рассекающей воздух сабли.

Она должна была опуститься на его голову... Князь приподнял щит и отклонился в сторону.

Косой удар задел шлем, и Властимиру достался только сильный удар по голове. Разжав пальцы и опустив меч, он совсем пригнулся, давая Синдбаду возможность расправиться с врагом.

Над его головой зазвенели сабли, но противники успели обменяться всего одним-двумя ударами, как вдруг нападавший исчез. Синдбад видел, как Буян всадил ему в спину саблю пониже ребер, но не успел сказать об этом — в следующий миг Облак и золотистый жеребец Буяна сшиблись.

— Держись, княже, — послышался бодрый голос гуслира. — Немного осталось!

Один из черных всадников сорвал с плеча готовый к броску аркан и раскрутил петлю.

— Он нужен мне живым! — крикнул Буян.

Петля взвилась в воздух и пала на плечи Мечислава — юноша держался чуть поодаль, и можно было предположить, что остальные не успеют прийти ему на помощь. Не растерявшись, Мечислав крепче сдвинул бока коня коленями и, одной рукой схватившись за луку седла, другой поймал аркан и потянул на себя.

Его жеребец осел на задние ноги. Грудь Мечислава сдавило так, что он чуть не потерял сознания, но не ожидавший такого рывка враг покачнулся в седле, теряя равновесие.

— Держи его! — скомандовал Буян.

Он взмахнул рукой — и всадник завалился набок. Из плеча его над самой ключицей торчала рукоять ножа.

На него тут же с седла своего коня камнем пал Буян. Вырвав нож из раны врага, он обрезал аркан и обрывком принялся скручивать руки пленнику. Тот не смог сопротивляться.

Тем временем остальные нападавшие отступили, бросив своих умирающих и попавшего в плен товарища.

Победители не стали задерживаться на прогалине. Буян с помощью Гаральда вздернул пленника поперек седла, и они поскакали прочь.

Они скакали до тех пор, пока под тяжеловесным Гаральдом конь не стал задыхаться.

На вершине невысокого холма они спешили, и Буян поставил на ноги пленника. От потери крови его шатало, он был бледен и часто, глубоко, как загнанная лошадь, дышал.

— Радуйтесь... — прохрипел он, — Скоро вы будете проклинять себя, что не погибли в этом бою...

— Это ты сейчас будешь перед нами на брюхе ползать! — высокомерно ответил

Гаральд.

Гусляр перебил его.

— погоди, друг, — Буян обернулся к пленнику. — Вас послали нас напугать?

— У нас был приказ взять вас живыми, — выдохнул пленник. — Наш господин милосерден...

Это вызвало у врагов взрыв смеха.

— Ничего себе милосердие, — отсмеявшись, молвил Синдбад. — Взять в плен, чтобы потом казнить, так ведь?

— Мой господин милосерден, — гордо взвизгнул пленник. — Он может помиловать тех, кто будет ему служить!..

Он закашлялся и упал на колени.

Буян с удивительной жестокостью, словно подтверждая слухи о кровожадности язычников, ударом сапога сбил его, несколько раз ударил под ребра и, когда тот зашелся в кашле, присел, приставив к его горлу нож.

— Что нам готовит Кощей? — спросил он. — Скажи все, что тебе известно!

Белое лицо пленника заливал холодный пот. Он зло скрипел зубами.

— Не заставишь, — выдохнул он. — Я умираю... Убей меня!

— Нет, — спокойно и ласково ответил гусляр. — Я не убью тебя — ты сдохнешь сам. Ты будешь умирать медленно, очень медленно, и все время будешь рассказывать, что знаешь...

Он прикоснулся ножом к горлу пленника, но сделать надрез не успел. Чья-то рука вынырнула из-за его плеча и отвела нож.

Обернувшись, Буян встретился взглядом с Гаральдом. Рыцарь завел ему руку за спину.

— Ты этого не сделаешь, — медленно выговорил он.

— Оставь свое хваленое христианское милосердие для других, — отрезал Буян, — Не мешай мне!

— Ты этого не сделаешь, — с угрозой повторил Гаральд. — Иначе ты больше не сможешь прикоснуться к Чаре Грааля без вреда для себя. Его убью я!

Рыцарь хладнокровно вынул нож и склонился над поверженным.

— Теперь ты узнаешь, как умеют убивать люди, у которых личные счеты с твоим хозяином, — почти сладострастно пропел он, играя ножом. — Скоро вечер, и ты доживешь до него — чтобы увидеть, как оборотень, творение твоего хозяина, пожирает твои кишки!.. Я буду есть медленно — еще не привык к человечине, — но когда-то же надо начинать, не так ли?

Оскалившись, как настоящий зверь, он стал ощупывать плечи и руки пленника, потом ножом разжал сведенные зубы и открыл ему рот.

— Твой язык съесть сырым или жареным? — деловым тоном осведомился он. — Говори сейчас — потом пискнуть не сможешь...

То ли ослабев от потери крови, то ли испугавшись того, что его ждет, пленник вдруг воскликнул слабым голосом:

— О нет, прошу вас!..

— Что — “нет”? — Гаральд по-приятельски обнял его за плечи, приподнимая. — Не начинать с языка?.. А с чего? Ты сам будешь мне говорить, что отрезать у тебя? Это радует!

— Не надо, — простонал пленник, — я скажу...

Голова его запрокинулась, и он потерял сознание.

Рыцарь похлопал его по щекам.

— Что вы стоите? — накинусь он на остальных. — Помогите мне!

Мечислав и Синдбад первыми сорвались с места.

Когда пленник открыл глаза, над ним склонились уже три лица. Гаральд с чувством похлопал его по плечу.

— Мы остановили кровь, — сообщил он. — Поживешь еще...

— Зачем? — тихо молвил пленник. — Чтобы выпить ее?..

— Ты догадался? — Рыцарь облизнулся. — Как думаешь, ее на троих хватит?
— Я много пить не буду, — заявил Синдбад. — Кровь женщин вкуснее... Но ради тебя попробую немного...

— Я скажу, — простонал пленник. — Все силы Кощей бросил против вас. У него тысяча воинов, и все они ждут вас в разных местах. Вы позволили уйти нескольким — теперь все знают, где вы попытаетесь пройти. Вас будут ждать... Хода вам нет...

— А если мы пройдем?

— Это невозможно...

— Тогда закусим перед последней битвой, — усмехнулся Гаральд. — Ты не против, если мы сейчас начнем?

— Там вас ждет Змей! — быстро молвил пленник. Теперь его окружали все пятеро.

— Змей? — переспросил Буян. — Не врешь?

— Я видел... как он прилетел, — прошептал раненый. — Он голоден... Он голоден и сейчас... Он сторожит источник... Большой, в чешуе... Без крыльев... Он приполз... Пять лошадей можно от головы до хвоста поставить, и еще место останется... Лапы... На голове еще там у него... не знаю, как сказать, но погодите, я вспомню и скажу! — взмолился он. — Не убивайте меня! Не...

Буян зажал ему рот ладонью и поднял глаза на остальных.

— Есть одна надежда, — сказал гусяр. — Я хочу верить, что Змея дали Кощей не наши старые знакомые, что он родился здесь. Но верить в это боюсь — что-то давно Аги о себе ничем не напоминали. Если я прав, нам придется туговато...

— Однажды мы уже справились со Змеем, — подал голос Властимир, — Всего пять лошадей, говоришь?.. Вдоль того можно было поставить и десять. Я иду на него!

Все отшатнулись от князя, словно Змей уже вырос у него за спиной.

— Опомнись, друже! — воскликнул Буян. — Мыслимое ли дело тебе...

— Мыслию — лишь мне сие по плечу, — отрезал Властимир. — Сам же как-то говорил: богами, мол, меченный...

Буян согласно склонил голову и развел руками, признавая поражение. Властимир, хоть и не видел его жеста, понял друга.

Гаральд тормошил пленника:

— Очнись, все кончилось!

Тот, не открывая глаз, прошептал:

— Я готов, начинайте...

Буян удивленно покосился на Гаральда:

— Неужто ты будешь его есть?

Рыцарь от души рассмеялся, удивив всех, и двумя пальцами, как ядовитую змею, передал нож гусяру.

— Я же не людоед дикий, — важно объяснил он. — Кем ты меня считаешь?.. Так, попугал немного!

— Ничего себе, немного — я поверил!

— И он тоже! — Рыцарь весело подмигнул пленнику. — А они небось со своими пленными не так ласковы, любят кровушки попить. Что? Не ошибся я?

По лицу пленника было видно, что Гаральд прав. Немного придя в себя, он приподнялся.

— Убейте меня. — Голос его обрел твердость.

— Зачем? — Гаральд спокойно занялся его наскоро перевязанной раной. — Мы все вызнали уже.

— Убейте, — повысил голос пленник. — Или дайте нож: я сам себя убью!

— Воинская честь? — понимающе кивнул Буян, потянувшись за ножом.

— Да при чем тут она! — вскричал пленник. — Вы Кощей не знаете! Он меня за длинный язык не простит — смерти предаст!

Рыцарь несильно стукнул его в живот:

— Заткнись — так ты на нас посты свои наведешь! Властимир вскочил настороженно:

— А ведь ты прав! Облак!

Верный конь оказался подле него и сам сунулся носом под руку, помогая найти повод.

Славяне повскакивали на ноги, хватаясь за оружие. Стена кустов по склону холма колыхалась, выдавая присутствие людей. Глаз привычно различал блеск оружия и доспехов.

Властимир уже сидел в седле. Буян метнулся к нему с мешком, в спешке отцепленным с тороков.

— Скачи! — крикнул он. — Спасайся!

Князь не успел ответить — гусяр уже исчез. Властимир даже не заметил, как тот что-то прицепил к его седлу.

Властимир не знал, что творится вокруг, но Облак отлично все понимал. Коротко заржав, дабы предупредить хозяина, он вдруг прынул вперед и вверх.

С одного прыжка он оказался прямо перед третьей, только что выстроившейся цепью. Воин, припавший на колено перед ним, поднялся, но мелькнуло копыто — и он упал с залитым кровью лицом.

Крики и звон оружия лучше и быстрее слов подсказали Властимиру, что ему тут делать нечего.

Белый конь уносил его в чащу леса, не разбирая дороги. Позади затихал шум сражения.

Припав к гриве Облака, князь настороженно слушал лес, пытаясь уловить скок погони. То ли слух подводил его, то ли о нем не думали, но он ничего не слышал, кроме топота своего жеребца. Решившись, он осадил Облака.

Упрямясь, тот не хотел сходить со скака, но потом смирился и встал, скидывая голову. Князь прислушался и поразился тишине — казалось, даже ветер исчез. Ни единый звук не нарушал его одиночества, кроме дыхания жеребца. Погоня отстала или же ее не было совсем.

Еще немного Властимир просидел неподвижно, прислушиваясь, а потом резко развернул коня.

— Назад, Облак! — приказал он. — Ищи! Назад!

Он не знал точно, понял ли его жеребец, но тот повернул вспять и короткой рысцей тронулся обратно.

Властимир не подозревал даже, где находится. Мзедившись, что Облак смирился и идет широким размеренным шагом так уверенно, словно под его копытами привычная дорога, он доверился его чутью и только на всякий случай сжимал рукоять меча, готовый к бою.

Облак не останавливался ни на миг, немного сбавляя ход лишь перед преградами. Ручьи Властимир узнавал по плеску воды и запаху влаги. Камни и поваленные деревья — по осторожному переступанию жеребца, поляны — по отсутствию хлещущих по лицу ветвей.

Остальной мир исчез для него, влился во мрак пустоты и тишины.

Дорога пошла чуть вверх, потом кусты исчезли. До князя долетел запах лошадей и людей, смешанный с приторным ароматом пролитой крови. По особой, мертвящей тишине Властимир понял, что Облак вывез его на тот самый холм...

ГЛАВА 17

Пленников перебросили через седла. Отряд торопился сквозь лес, не заботясь о том, чтобы выбирать дорогу поровнее.

Запомнить дорогу было невозможно — перед глазами мелькали ветки, а порой грязь и раскисшая земля.

Они пришли в себя оттого, что скачка внезапно прекратилась и их, как мешки, побросали наземь.

Буян сильно ударился раненым боком о что-то твердое и лишился бы чувств, если бы не непрерывный грохот. Гусяр с трудом разлепил веки и увидел прямо перед собой

лошадиные копыта. Доставившие их всадники топтались вокруг кучки пленников, поджидая кого-то.

Под Буяном кто-то застонал. Гаральд! Забрало шлема у рыцаря было опущено, и гуслар не мог знать, пришел тот в себя или нет. Кровь заливала глаза Буяну, и у него не было сил посочувствовать рыцарю.

Судя по ржанию и шуму, наконец-то привели их лошадей. Кони бились и вырывали повод, но их подвели к сваленным в кучу пленникам и привязали подле.

— На первый раз хватит,—громко сказал кто-то.—Трое здесь, остальные — за мной. Попробуем прочесать лес еще раз!

Лошади затоптали, выстраиваясь, и усаkali прочь. Подле пленников остались трое. Охрана спешила и отвела своих коней подальше.

Кто-то еще зашевелился, застонал.

— Дети Иблиса⁴⁸,—прохрипел голос Синдбада.—Чтоб их... — Тише, — выдохнул Буян. — Они возвращаются...

Мореход покорно замолчал.

Вернувшись, охранники пинками раскидали лежащих пленников и принялись приводить их в чувство. При этом с Гаральда сорвали шлем, открыв разбитое лицо.

Убедившись, что все пленники пришли в себя, один из охранников встал перед ними.

— Слушайте меня, смертники, — лениво сказал он. — До рассвета из вас не доживет никто — и это единственное, что вам нужно запомнить. Зачем хозяину это понадобилось — мы не знаем, но нас это не волнует. Жить вам осталось немного, так что лучше потратить последние минутки на размышления —они помогают скоротать время. Приятного вам времяпрепровождения!

Он махнул рукой двум остальным, охранники отошли в сторонку, уселись на камнях и тихо заговорили о чем-то своем, мало обращая внимания на пленных.

Люди посмотрели друг на друга. У Буяна упало сердце, когда он увидел, что их пятеро, — значит, все зря и князь схвачен!.. Но потом он пригляделся и понял, что это всего-навсего их собственный пленник. Почувствовав на себе взгляд, тот с усилием поднял голову.

— Я просил: убейте меня, — невнятно молвил он. — Теперь они и меня... с вами вместе...

— Что они с нами сделают — не догадываешься?

Тот лишь покачал головой. Рана его открылась, и он умирал от потери крови.

Рядом раздался приглушенный стон ярости и боли — Гаральд и Синдбад, как всегда ночью, обращались в волков. Веревки, врезавшиеся в тело, причиняли им дополнительные муки, когда тело меняло очертания.

Мечислав, брошенный чуть в отдалении, вскинул голову.

— Что с нами будет? — прошептал он.

— Не ведаю, — сознался Буян. — Казнят, должно...

— Я боюсь. — Голос юноши дрогнул. — Я хочу жить.

Буян оставил его слова без ответа и приподнял голову, оглядываясь.

Была уже ночь, но до полуночи оставалось время. Их бросили на склоне широкого и глубокого оврага, на одной из его террас. Выше по склону, над их головами, к кустам были привязаны их лошади, а чуть в стороне, но тоже наверху, расположились охранники. Они как будто нарочно не обращали внимания на пленных, словно тех охраняло нечто еще.

Что именно — это гуслар как-то сразу догадался, только глянув на дно оврага. Несмотря на то что было темно, а росший по склонам лес еще больше стучал мрак, он был уверен, что различил на дне яму или нору, обиталище какого-то огромного зверя. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы не понять — там их ждет тот самый Змей. Скоро он выйдет и по крови от их ран отыщет их.

---

⁴⁸ Иблис — в мусульманской мифологии дьявол.

“Интересно, он долго нас будет есть?” — мелькнуло у Буяна. — Пока не нажрется, — буркнул охранник, и гусяр понял, что нечаянно подумал вслух.

— Кто? — заторопился Мечислав.

— Змей.

Юноша закусил губу и отвернулся.

В овраг вползла тишина. Тихо, затаясь, фыркали лошади, шелестел листвою ветер. Сквозь этот шорох Буяну почудились какие-то новые звуки. Что-то еще происходило совсем близко. Гусяр затаил дыхание.

Наконец ему удалось разобрать тихие звуки, доносящиеся снизу, и он ахнул — это был шорох огромного тела по камням. Змей уже пробудился и ворочался под землей в своей норе, готовый выползти к ним.

В глубине оврага царила полная тьма, но Буян до боли в глазах вглядывался в нее и скорее догадался, чем увидел, — чудовище показалось из норы.

Силуэт Змея маячил внизу единым комком мрака. Зверь долго принюхивался, выбрасывая тонкий длинный язык, потом, решив, что опасности нет, выполз весь.

Охранники повскакали на ноги и поспешили успокоить своих лошадей. Мечислав, что лежал ниже всех по склону и ближе к Змею, тихо вскрикнул. Оборотни Гаральд и Синдбад промолчали, но неизвестно — от боли превращения или от ужаса. Раненый охранник не подавал признаков жизни.

Змей не спеша, вразвалочку, направился вверх по склону, часто останавливаясь и пробуя воздух. Привязанные кони пленников бились и визжали. Это привлекало Змея, но близость людей настораживала,

Неожиданно на склоне холма показался всадник. Он остановился. Вернее, замер его конь, оглядываясь и выбирая путь.

— Князь! — крикнул Буян без особой надежды на то, что его услышат. — Князь, здесь Змей!

Охранник мгновенно оказался рядом и ударил его сапогом по лицу:

— Молчать! Он сам выбрал смерть!

Властимир насторожился. Слух не подвел его — он узнал голос Буяна, но то, что произошло потом, заставило его задуматься.

Он неуверенно тронул повод, приказывая Облаку двигаться вперед. Верный конь отлично видел Змея, но он привык слушаться хозяина и стал осторожно спускаться на дно оврага. Взяв чуть левее, конь мог краем террасы пройти к оставленным на съедение Змею людям, что он и сделал.

Змей забыл о лошадях и людях — его занимал тот человек, что приближался сзади. Зверь понимал, что удар со спины для него будет смертелен, но он не знал, что означает белая повязка на лице врага, и потому посчитал того опасным. Развернувшись, он не спеша двинулся на всадника.

Облак уже прошел почти половину пути, когда вдруг замер, ссаживаясь на задние ноги. Властимир собрался подхлестнуть его, но в этот миг ему в ноздри ударил запах Змея.

Князь мигом вспомнил предостерегающий крик Буяна и бросил повод, предоставляя Облаку полную свободу. Ощупью перекинул щит вперед и обнажил меч. Он был уверен, что по тяжкому дыханию и смрадному запаху сможет вовремя догадаться, где змеинная голова, и отразит удар.

Облак, пригнув голову, не сводил со Змея глаз и медленно пятился. Змей же наступал, выбирая момент для первого удара.

Буян жадно следил за странным поединком. Все зависело лишь от того, как долго сможет продержаться Облак — не споткнуться, не остановиться, не отвлечься, не испугаться немигающего змеинного взора. Охранники с открытыми ртами наблюдали за человеком и Змеем, позабыв о пленных.

Гусяр вывернул шею, ища глазами Гаральда.

— Эй, — позвал он оборотня, — у тебя зубы... Давай-ка!.. Тот не отозвался, но Буяна

это не остановило. Извиваясь всем телом, он подкатился чуть ближе и стал ощупывать лежащего рыцаря, постепенно поднимаясь все выше к его голове. Наконец пальцы нащупали волосатую морду и задвигались, силой разжимая сведенные от боли челюсти.

Гаральд был в сознании, и это гуслар понял, когда клыки вдруг задвигались, перетирая попавшую меж ними кожаную веревку.

— Быстрее! — шепнул Буян, и клыки царапнули его запястья, вгрызаясь в веревку.

Гуслар поднял голову, следя, не видит ли кто из охранников, что происходит. Но те были слишком заняты — не каждый день видишь бой человека со Змеем.

Облак не мог обернуться и посмотреть, что находится сзади. Неожиданно конь оступился и покачнулся, ссаживаясь. Он мгновенно выпрямился, но Змей признал это за слабость и, хлеща себя хвостом по бокам, бросился вперед.

Властимир услышал шипение и скрежет когтей по камням. Конь под ним рванул вверх и в сторону. В лицо князя ударил тяжелый дух Змея, и резанец наугад рубанул мечом.

Тот тяжело ударил по чему-то твердому, прошел с коротким хрустом сквозь какую-то преграду, и раздался истошный рев ярости и боли. Облак с визгом скакнул прочь, чуть не теряя всадника и оставив Змея лупить себя по бокам и реветь.

Властимир не знал, что его первый же удар был удачен и его противник ослеп на один глаз — меч раздробил надбровье и порезал оранжевый шар под ним. Вся левая половина морды Змея была залита кровью.

Теперь для Змея не существовало тех людей и лошадей, что ждали его в нескольких десятках сажений, — только один всадник на белом коне оставался для него в целом мире. Склонив голову набок, он пополз на него.

Теперь его зубы были нацелены не на человека, а на лошадь под ним — Змей надеялся сбить коня с ног и таким образом достать врага. Но Облак понимал, что означает пригнутая к самой земле голова. Однажды зубы чуть не схватили его за переднюю ногу. Конь взвился на дыбы, спасаясь, и скакнул в сторону. Змей ринулся за ним.

Властимир не мог понять, что происходит вокруг него. Облак метался из стороны в сторону, то взбрыкивая, то поднимаясь на дыбы, то начиная крутиться волчком. Он знал, что его жеребец уходит от преследующего его Змея, но не успевал примериться для второго удара. Ему оставалось лишь ждать, когда же случай остановит эту скачку.

Волчьи зубы оказались острее ножа. Веревка была сплетена из тонких, перевитых меж собой полосок кожи. Прошло чуть более минуты, и они были разрезаны, словно и правда над ними трудились с ножом. Стараясь не привлекать к себе внимания охранников, Буян согнулся, распутывая ноги.

Скоро он был свободен и, все еще лежа, пошевелил руками и ногами. Все было цело, только раненое плечо ныло немилосердно. Глубокая ссадина на лбу поджила, кровь больше не заливала глаза. Гуслар медленно выпрямился и, пригнувшись, пошел на охранников. Губы его слегка шевелились, выговаривая старый заговор, отводящий глаза. Охранники были так увлечены сражением, что поддались на чары, ни о чем не догадавшись.

Один из них вдруг откинулся назад и захрипел, закатывая глаза. Его товарищи обернулись, но было поздно — он валялся на земле с перерезанным горлом, а над ним с окровавленным ножом стоял один из славян. Не дав им опомниться, он бросился на другого охранника и всадил тому нож в горло над ключицами.

Тот тоже стал оседать на землю, бессмысленно царапая руками горло. Буян выдернул нож из раны и бросился на третьего, но тот уже мчался к лошадям за оружием. Нож догнал его у самой коновязи, засев под лопаткой.

Не тратя времени на то, чтобы извлечь нож из тела, гуслар обыскал двоих убитых, забрав нож у второго. Через минуту он уже склонился над Мечиславом.

— Бери коня и живо на подмогу князю! — приказал он юноше, освободив его. — Ему глаза ой как нужны!

На ходу разминая затекшие руки, Мечислав побрел к коням.

Пока Буян возился с оборотнями, юноша успел вскочить в седло. Его темно-серый конь

казался в ночной тьме почти белым, когда он проскакал мимо гусяря на противоположный край оврага.

Облак уставал. Змей оказался слишком силен и ловок для старого коня. Лишь опыт многих войн и сражений, где жизнь всадника зависела от проворства его коня, до сих пор выручал князя. Он еще раз или два смог достать Змея мечом, но лезвие скользило по твердому лбу чудовища, не причиняя тому серьезного вреда.

Сражающиеся не заметили топота копыт еще одного коня — никто не ждал его появления. Мечислав, пользуясь тем, что на него никто не обращает внимания, с наскоку рубанул по хвосту Змея.

Кожа лопнула от одного удара, обдав руку юноши кровью. Змей от неожиданности рывкнул и отвернулся, выискивая нового врага. Он сразу заметил всадника, но отвлекаться надолго не стал. Его длинный хвост изогнулся, как лук, и хлестнул.

Жеребец Мечислава был не так опытен в боях, как Облак. Он отступил чуть назад, но это привело лишь к тому, что удар пришелся по передним его ногам, а не по боку. Конь споткнулся, теряя равновесие.

Выронив меч, чтобы уцепиться за холку коня, Мечислав успел крикнуть Властимиру: — Вперед, князь! Он отвернулся от тебя!

Властимир был опытным воином — он не стал задумываться над тем, откуда взялся Мечислав. Резанец пришпорил Облака и, перевесившись вниз, ударил.

Меч опять наткнулся на что-то твердое и упругое, и опять, споткнувшись, прошел вглубь.

Ответом на новый удар был стремительный бросок зверя. Меч князя поранил его шею — не видя, куда бьет, Властимир рубанул выше, чем надо бы, и не задел горла. Меч перерубил гребень на хребте чудовища, залив его кровью. Зверь ринулся на врага, забыв о Мечиславе.

Спасенный юноша выпрямился в седле. Его конь встал на все четыре ноги. Правая передняя, по которой пришелся основной удар, болела, и он прихрамывал. Мечислав свесился с седла, подхватил оброненный меч, но вступить в бой со Змеем ему не пришлось.

Буян уже должен был прийти к ним на помощь, но гусляр все медлил. Обернувшись, чтобы окликнуть его, юноша увидел, что из леса показалось несколько незнакомых всадников. В ночи они казались едиными черными силуэтами. Даже не взглянув на дно оврага, где князь сражался со Змеем, они сразу накинулись на Буяна, не дав ему вскочить в седло. Гусляр до сих пор спасался только благодаря своему проворству — он прятался меж лошадей, забегал за деревья. Два вол ка-оборотня метались перед мордами лошадей, мешая всадникам. Более тяжелый волк-Гаральд вскочил на спину одной из них и сбил всадника с седла. Испуганная нечеловеческой и незвериной сущностью зверя, лошадь дико заржала и помчалась прочь, увеличивая суматоху.

Мечислав ударил сзади. Первый его враг был убит.

— Давай, Мечислав! — крикнул ему Буян. Он опять повис на морде одной из лошадей, уворачиваясь от меча. Потом сорвался и откатился в сторону, спасаясь от копыт, но лошадь вдруг остановилась, пошатываясь, — гусляр успел прорезать ей горло, вскрыв жилы, и она истекала кровью.

Сзади вдруг раздался утробный рев Змея. Сражающиеся разом обернулись, на миг забыв друг о друге.

Раненый Змей устремился на врага. Изогнувшись почти вдвое, он ударил хвостом. Облак привычно и немного заученно увернулся... для того, чтобы налететь на подставленную голову. Старый конь резко осел на ноги, но второй шлепок хвоста достал его, и он упал на колени.

Властимир не успел опомниться. От неожиданного толчка он вылетел из седла и, перевернувшись в воздухе, упал на землю, не выпустив из рук меча и щита.

Падение не столько оглушило, сколько поразило его — он не ожидал его и не знал, что будет делать. Пока под ним был Облак, он еще как-то мог сражаться, надеясь на чутье и

разум старого коня, но, оставшись один на один против двух врагов — своей слепоты и раненого Змея, он растерялся.

Облак опять спас его, но Властимир этого не знал. Змей ринулся на коня, на миг забыв о всаднике. Он вспомнил о нем, когда жеребец, спасаясь, отскочил в сторону, и князь оказался прямо перед зверем.

Властимир услышал позади себя тяжелое дыхание и захлебнувшийся от радости рев. Все еще не до конца придя в себя после падения, он развернулся, выставив щит и чуть отведя в сторону меч. У него был только один шанс выстоять — если Змей ринется на него прямо, в лоб — тогда он может успеть заткнуть ему пасть.

Он даже не смог обрадоваться, когда все случилось именно так, как он надеялся. Змей, очевидно, решил, что пеший воин для него противник не опасный и проще всего покончить с врагом одним метким броском. Он бросился на человека, что стоял, расставив для упора ноги и выставив щит. Со стороны могло показаться, что воин идет на верную смерть: выдержать натиск огромного зверя было почти невозможно — и так оно и случилось.

Князь услышал победный рев врага и скрежет когтей по камням, когда он бросился вперед. Ударь Змей чуть ниже или чуть выше, и человек был бы обречен, но твердый, как камень, нос врезался точно в самую середину щита.

Толчок, к которому Властимир все-таки не был до конца готов, оказался слишком силен. Князь покачнулся и упал на колени, заваливаясь назад.

По резкому выдоху, напоминавшему порыв горячего ветра, Властимир понял, что зверь разинул пасть, чтобы сомкнуть зубы на его теле. Не зная, какова эта пасть по виду, он все же успел выбросить руку со щитом, метя в разинутый рот.

Зубы заскрежетали по полоске металла на краю щита. Деревянная основа затрещала под напором огромных челюстей, и Властимир понял, что безумная попытка завершилась успехом. Раздался рев, но теперь уже в нем была бессильная ярость и досада на себя. Щит прочно застрял в пасти Змея, мешая тому сжать челюсти.

Стараясь освободиться, зверь замотал головой и напрягся. Властимир, так и не выпустивший щита из рук, почувствовал дрожь дерева. В любой миг оно могло треснуть, поддавшись, и тогда его рука оказалась бы откушенной почти до плеча. Горячее дыхание взбешенного Змея раз за разом обдавало резанца, когда тот приостанавливался, чтобы перевести дух. Но сил зверя не хватило. Князь вспомнил, что щит для него был извлечен откуда-то из тайников самого Чистомысла. Щит наверняка был заговорен, как и все, чем снабдили его в дорогу. Это оружие могло выдержать многое.

Только он подумал об этом, как сразу стало ясно, что делать дальше. Выждав, пока Змей в очередной раз остановится, Властимир толкнул щит, вгоняя его поглубже в пасть зверю.

Истошный рев-крик и горячая липкая влага, что потекла на руку, подсказали ему, что попытка увенчалась успехом — щит поцарапал горло Змея и встал в нем. Треснувшие деревянные пластины кое-где повыскакивали из-под кованого каленого обода и вонзились в нежную кожу, увеличивая боль.

Пока зверь мотал головой и вопил от боли, Властимир выпустил бесполезный для него теперь щит, но руки из разинутой пасти не вынул. Перебирая пальцами, он нащупал передние клыки и, схватившись за один из них, резко вздернул морду зверя вверх.

Тот, целиком занятый болью в горле, позволил ему это и сообразил, что происходит, слишком поздно. Властимир задрал ему морду, как задирают голову лошади прежде, чем перерезать ей горло, и, не тратя времени, пока Змей вывернется, ударил наугад туда, где должно было находиться горло.

Меч пропорол кожу слишком близко от челюстей, и Змей почувствовал боль. Он взревел, вставая на задние лапы. Все еще держась за клык, князь оторвался от земли. Пальцы соскользнули с мокрого от крови зуба, но, падая, он успел ткнуть мечом второй раз. В этот удар он вложил всю свою силу. Меч вошел глубоко, чуть не до рукояти, но от рывка князь разжал пальцы и упал на землю.

Над ним бесновался раненый Змей. Меч торчал у него из горла. Липкая вонючая кровь хлестала, заливая все вокруг.

Князь лежал на земле, закрыв лицо рукой и боясь пошевелиться, пока рев и топот не прекратились. Только тихое утробное ворчание, перемежавшееся бульканьем и клочкотанием, подсказывало, в какой стороне от него Змей.

...Кто-то склонился над ним, потормошил.

— Властимир, друже, — послышался тихий голос Буяна. Буян помог князю привстать, поддержал за плечо.

— Что — Змей? — шепнул Властимир.

— Мертв, — коротко ответил Буян. — Кровью истек. Сейчас только судороги остались, а так... Глотку ты ему порвал напрочь.

Друзья поднялись, гусяр подвел князя поближе к мертвому чудовищу, положил руку друга на бок зверя.

Змей лежал, вытянувшись, на дне оврага и почти перегородив собой какой-то ручей. Кровь из распоротого горла вытекала в русло, смешиваясь с водой. В пасти его так и торчали обломки щита.

Выдернув меч из раны и вернув его князю, Буян обошел мертвого Змея и присвистнул — на спине зверя виднелись два свежих шрама от отрезанных крыльев. Сделано сие было, вероятно, для того, чтобы зверь не смог уйти далеко отсюда.

Властимир ощупал твердый бок.

— Как выглядит он? — спросил князь.

— Помнишь того зверя в Мещерских лесах, что тебя чуть в омуте не утопил, кабы не я? — откликнулся Буян. — Тогда он тебе еще ногу прокусил?.. Ну, мы тогда и встретились впервые... Так вот этот точно такой же, только гораздо больше — раз в пять.

Отошедший к лошадям Мечислав вернулся с криком:

— Буян. Чара пропала!

Все мигом обернулись в его сторону. Юноша был бледен и испуган.

— Ты хорошо смотрел? — Буян поймал его за плечи. — Все проверил?

— Все, — простонал Мечислав, — Они все тороки посрезали... Наверное, за нею и были посланы.

Гаральд взвыл и поднялся на задние лапы, обнимая передними юношу за шею.

Опираясь на загривок Синдбада, на голоса подошел Властимир. Он слышал весь разговор и не стал переспрашивать.

— Что же, — только и промолвил, — все насмарку?

— Да, — признал Буян, и все обернулись на него, удивленные его тоном. — Все кончено... Хотя... Мечислав, ты всех лошадей проверил?

— Твоего коня в первую очередь, а потом лошадей этих черных, — отмолвил юноша. — А на моего я даже не смотрел — и так видно, что торока отрезана.

— Осталась еще одна лошадь, — спокойно молвил Буян. — Облак!

Жеребец бродил неподалеку. Услышав свою кличку, он вскинулся и фыркнул.

— Облак? — ахнул Мечислав. — Но...

— Прежде чем отослать князя, я подходил к его коню, — сказал Буян, — Если он не потерял Чару во время скачки по лесу, она у князя.

Жеребец подбежал и ткнулся носом ему в ладонь. На боку у седла болтался крепко завязанный мешок.

Мечислав первым оказался подле и ощупал его.

— Есть! — радостно воскликнул он. — Здесь!

Одним движением он сорвал мешок и, на ходу вытаскивая Чару, вернулся к спутникам.

Чара была извлечена на свет, и все — даже Облак — столпились вокруг юноши, что бережно держал ее на руках, как младенца. Лицо его светилось счастьем, губы дрожали от волнения. Подержав ее немного, он протянул Чару Буяну, но тот покачал головой:

— Князю дай! Его конь вынес ее.

Гаральд только ахнул, от неожиданности теряя дар речи, но юноша уже вкладывал Чару в ладони Властимира.

Бережно придерживая ее одной рукой, князь ощупал края и точеную ножку. На ощупь она была твердая и теплая, как живая, и чуть шероховатая.

На глазах вконец пораженного Гаральда, который только переводил взгляд с одного славянина на другого, Буян забрал Чару у князя.

— Не время стоять да ждать, — молвил он, — время дело исполнять. Кощей скоро узнает, что мы не только Чару добыли, не только Змея одолели, но и источник с живой водой сыскали. Вышлет он своих слуг на нас, а потому нам надо торопиться.

С этими словами он направился к ручью. Там, где туша Змея перегораживала русло, уже натекла лужица шириной в пять-шесть локтей. Опустившись на колени, он осторожно, чтобы не коснуться воды руками, погрузил край Чары в воду и наполнил ее доверху. Вода в ночи казалась непрозрачной и тягучей, словно кровь.

Не вставая, Буян смочил пальцы в Чаре и осторожно промыл рану на плече и рассеченный лоб, проверяя на себе-силу живой воды. Только влага коснулась раны, как она перестала болеть. Не веря глазам, гусляр смотрел, как рана быстро и незаметно затягивается.

Буян встал с колен, прижимая Чару к груди.

— Князь, — позвал он. — Подойди!

Мечислав было подхватил Властимира под локоть, но тот по голосу друга догадался, что его ждет, и, отстранив юношу, пошел сам.

Буян встретил его, остановив легким касанием. Передав Чару подошедшему Мечиславу, он осторожно снял повязку с лица князя, обнажив розовые провалы, чуть прикрытые веками и залитые присохшей кровью. Смочив повязку в воде, он промыл глаза другу.

Почувствовав влагу на лице, Властимир плотно зажмурился, затаив дыхание. Если бы мог, он закрыл бы лицо руками, чтобы не разочаровываться, но Буян отводил его пальцы.

Повязка пропиталась размоченной кровью, и гусляр отбросил ее. Почерпнув воду ладонями, он последний раз омыл лицо князя.

Тот стоял, плотно закрыв глаза и не решаясь открыть их. Поддерживая его, гусляр взял князя за руки.

— Не бойся, — позвал он. — Посмотри на меня.

От натекшей с ресниц влаги щипало глаза. Подивившись, Властимир по привычке потянулся протереть их, да так и застыл, донеся руку до лица. Пальцы нащупали под кожей век... глаза.

— Открывай, но не спеша, — упредил его Буян, — и не бойся — на улице ночь.

Подчиняясь настоянию друга, Властимир приоткрыл глаза.

Все расплывалось в сером тумане, но непроглядный мрак отступил навсегда. Ахнув, князь в первый миг опять хотел закрыть ресницы, но Буян перехватил его руки.

— Смотри! — крикнул он повелительно. — Смотри на меня! Глаза друзей встретились.

Слезы потекли из глаз князя, смывая последние остатки тьмы. В неверном сером полумраке ночи Властимир увидел знакомое лицо гусляра. Глаза его сияли, на губах все шире расплывалась улыбка.

— Ну, здравствуй, Властимир, — сказал Буян, — Хороший сегодня день, не правда ли?

— Самый лучший! — воскликнул князь. — Самый светлый!

И друзья горячо обнялись.

Выпустив наконец гусляра, князь обернулся к остальным своим спутникам.

Прямо перед ним стоял невысокий коренастый юноша со встопорщенными льняными волосами и несколько растерянным взглядом. Он смущенно отвел глаза, когда князь поприветствовал его как равного, и покраснел.

Волки-оборотни задрали морды, повиливая хвостами. Властимир потрепал их за ушами.

— Подождем до утра, — сказал он, — и тогда мы сможем поприветствовать друг друга

как полагается!

Оборотни, кажется, не имели ничего против ожидания, но Буян опять взял Чару.

— А зачем ждать, — улыбнулся он, — можно и сейчас... Вода смывает чары Кощея! Кто первый?

Синдбад попятился, поджимая хвост, но потом решился.

— Когда-то меня обратили из свиньи в человека, брызнув водой, — сказал он. — Но теперь я — волк, и мне уже все равно. Могу и я!

Он сел на хвост и зажмурился.

Буян приблизился и плеснул водой на голову волка.

Капли воды, попав на шерсть, зашипели. Синдбад взвыл, пытаясь прикрыть голову лапами, и завертелся волчком, словно желая поймать свой хвост. Но там, где капли упали на шкуру, там шерсть исчезала, словно снег под лучами солнца.

Тело менялось на глазах. Прошло чуть более минуты, и все закончилось. Сидя на земле, Синдбад осматривал свои руки и халат.

— Еще не кончилась ночь, — радостно провозгласил он, — а я уже опять я! Гаральд, не медли, это просто здорово!

Но второй оборотень только поджимал хвост и поскуливал, прячась, как собака, за ноги Властимира.

Не церемонясь, тот поймал его за шиворот:

— Давай, пока я его держу!

Гаральд завертелся, щелкая челюстями, но Буян уже выплеснул на него все, что оставалось в Чаре.

ГЛАВА 18

Когда Гаральд решился открыть глаза, он увидел, что над ним склонились все его спутники. Властимир потормошил лежащего на земле рыцаря, осторожно провел рукой по его щеке. Гаральд оказался моложе, чем он представлял.

— Ну, с возвращением тебя, — молвил князь, протягивая ему руку и помогая встать на ноги. — Вот уж честно скажу: не думал я, что ты так молод и собой хорош — постарше и посуровее представлял тебя по словам твоим и по голосу. Рад, что ошибался.

Рыцарь вздохнул и отвел глаза.

— Не ошибался ты, князь, — молвил он покаянно, — все верно описываешь... Ты душу мою видел.

Он отвернулся, не желая, чтобы славяне видели его лицо, а Буян тронул князя за плечо и строго кивнул, подтверждая.

Менее всего сейчас хотелось Гаральду, чтобы Властимир или кто еще из славян стал утешать его да уговаривать и о думах расспрашивать, а потому он был обрадован, когда Буян, кашлянув, сказал:

— Ну, все! Погостевали мы у Кощея в землях чужих, теперь пора и честь знать. Ждет нас путь-дороженька на родимую сторонку.

— Вы езжайте, — воскликнул торопливо Гаральд, — вам путь дальний!

— А ты что же?

— Что я? — Рыцарь отвел взгляд. — Мое дело известное — где-то здесь, у Кощея, моя невеста, леди Джиневра. Не могу я уехать, пока ее не сыщу. Прощайте!

Он поклонился славянам, пожал протянутую Синдбадом руку и решительно направился к лошадям.

Но не успел он пройти и десятка шагов, как его догнал и силой остановил Буян.

— Ты чего это удумал? — выдохнул он. — В одиночку на самого Кощея? Опять в волка обратит, и тогда уж мы тебе не поможем!.. Ты с нами путь проделал долгий да трудный, жизнью своей рисковал не раз, а мы тебя тут бросим? Нет уж, все едем!

Он решительно подхватил ошеломленного рыцаря под руку и потащил к лошадям.

В самом сердце Кощеева сада, где небо закрывали высокие кроны деревьев, стояло несколько теремов с островерхими крышами, высокими крылечками и стрельчатыми окошками.

Здесь жили Кощеевы пленницы, привезенные из разных стран. Днем девушкам разрешалось бродить по саду и любоваться на его чудеса, но по ночам ни одна не могла покинуть своего терема-тюрьмы. Ночная стража зорко следила за всем, что происходит в саду. Вечно голодные звери несли караул наравне с людьми, теньями скользя меж деревьев.

Кроме света луны и редких звезд, ни единый лучик света не падал на землю. Но вот пахло свежим ветром, качнулись кроны деревьев, и какие-то тени на краткий миг заслонили небо меж кронами.

Далекий перестук копыт ворвался в сонный сад. Он слышался еще где-то вдалеке, а несколько лошадей уже промчались мимо первых стражей к теремам, стремительно, как ветер. Стражам показалось, что кони почти не касались земли копытами, ступая по кустам и сучьям, как по камням.

Ночные всадники осадили скакунов у самых теремов и бросились врассыпную. Когда первый из них распахнул тесовые двери и скрылся в тереме, стражи поняли, что им не померещились пролетевшие по воздуху всадники.

Зашевелились кусты, кто-то крикнул, поднимая тревогу, и черные тени поспешили к лошадям.

Но оказалось, что подобраться к скакунам непросто. Едва учуяв чужих, кони заржали, да так, что пробудили девушек, что жили в ближнем тереме. Где-то вспыхнул огонек свечи, и вслед за этим послышался визг: девушки увидели незнакомцев.

Ночная битва была быстрой и молчаливой. Стражи не были приучены к шуму, а пришельцы слишком торопились.

И все же голоса, ржание коней и топот ног разбудили многих девушек. Всюду вспыхивали огоньки свечей, распахивались или плотнее закрывались окошки теремов, несколько самых отчаянных выглядывали из щелей, наблюдая за схваткой.

Пришельцы не принимали открытого боя — отбросив нападавших и оставив одного-двух лежать на земле, они спешили укрыться в кустах или забегали в терема.

Не было слышно никаких звуков, кроме хлопков закрывающихся ставень, дыхания погони и лязга мечей в коротких сшибках, да порой вскрикивала девушка, напуганная врывающимся в ее покои незнакомцем. Вдруг среди тишины пронесся чей-то высокий срывающийся крик:

— Нашел!

На миг все словно окаменело, а потом незнакомцы, как один, устремились на голос.

Кричал высокий, закованный в железо так, что живого места не видать, человек. Подняв над головой огромный двуручный меч, он стоял на крыльце одного из теремов, защищаясь от нескольких стражей, что лезли на ступени, пытаясь скинуть его вниз. Позади него к дверям жалась девушка — оставалось только удивляться, как она решилась выйти на воздух в такое время.

Пользуясь тем, что охранники опустили оружие, один из пришельцев свистнул в два пальца. Раскатистый, похожий на завывание урагана высокий свист прокатился по саду. Оставленные непривязанными лошади отозвались на него ржанием и подскakали к крыльцу. На сей раз их шаги не напоминали далекий шорох ветерка по траве — это был грохот камнепада, от которого задрожали кусты и закачались маковки теремов, а неплотно прикрытые ставни захлопали на ветру. Разметав не успевших отскочить охранников в стороны, лошади замерли перед хозяевами. Те, не медля ни мига, повскакали в седла. Толкнувшись от земли, кони, как птицы, поднялись в воздух, исчезая в ночном небе. Рыцарь сидел на своем коне не один — вместе с ним, переброшенная через луку седла, уносилась в небо выскочившая к нему девушка.

Слома голову мчались всадники по чаще.

Кони почти падали под ними, от усталости они больше не поднимались в воздух. Вечером следующего дня перед беглецами открылось море. Учувявший его издали Синдбад улыбнулся одними глазами и выдохнул:

— Вот уж не думал, что буду так рад морскому путешествию!

К радости беглецов, корабль все еще ждал их в маленькой бухточке чуть в стороне от песчаного пляжа, на который вынесли их усталые лошади. Моряки готовились к очередной ночевке — часть команды жгла на берегу костры для ночного лова рыбы, часть уже отдыхала. Появление пятерых всадников взбудоражило всех. Ничего не объясняя, Синдбад на берегу выкрикнул приказ немедленно уходить в море и, бросив коня, побежал к вытасненным на песок лодкам.

Трое славян ударили плетью своих лошадей, и те последний раз взвились в воздух, низко, над самыми волнами, перенося седоков на корабль. Немного задержался лишь Гаральд, бережно снимая со спины лошади украденную девушку. Поставив ее на песок, он на миг обнял морду черного коня — когда-то он принадлежал одному из сраженных рыцарем охранников Кощея, а теперь принадлежал победителю, но Гаральд не мог взять его с собой. Он снял с коня седло и узду и пустил его на волю.

Синдбад и матросы уже ждали рыцаря и девушку в лодке.

В тот самый миг, когда лодка уже пристала к борту корабля, на берегу показались всадники в черном. Они подскакали к самой воде и вскинули луки, но в темноте увидеть цель было трудно — только белели паруса корабля. Дождавшись, пока последний человек поднимется на борт, парусник, как живой, покачнулся на волнах и, подставив паруса ветру, пошел прочь от берега.

В лучах догорающего заката медленно пропадал вдали чужой берег. Всадники на его песке уже не были видны — остались только леса и холмы, за которыми лежали горы и долины. Ветер гнал корабль прочь в открытое море, и тот то и дело приподнимал нос, взбираясь на новую волну.

Славяне и их спутники стояли у борта, провожая глазами землю. Путь был окончен — осталось лишь вернуться назад, а там... Про то мало кто думал.

Оторвав наконец взгляд от горизонта, Буян обернулся на Гаральда и его подругу. Рыцарь одной рукой обнимал за талию девушку не старше двадцати лет. Она пугливо жалась к нему, словно не веря, что это не сон. Выскочила она ночью из терема в одной белой длинной рубаше, ниспадающей до земли, простоволосая, и теперь дрожала от пронизывающего морского ветра. Рыцарь отдал ей свой плащ. Заметив, что на них смотрят, Гаральд чуть развернул девушку к славянам и гордо молвил:

— Вот моя Джиневра!

Девушка оглянулась в их сторону и склонила белокурую головку.

— Ничего не скажешь — хороша, — согласился Буян. — За такую и умереть не жалко!

ГЛАВА 19

Всю дорогу Синдбад ждал неприятностей, но ничего не случилось. На радостях он достал для славян все карты земель к северо-востоку от Персии, так что те могли отправиться в обратный путь посуху. Гаральду и Джиневре наняли отряд в тридцать воинов — он должен был доставить их в Сирию, где те сыщут фрягов или веницейцев, с которыми вернутся домой.

Наступил день прощания. На следующее утро караван наемников выступит на запад, а трое славян пустятся напрямик к берегам Греческого моря, чтобы оттуда, обогнув Сорочинские горы, сразу попасть на родину.

Проснувшись в тот день первым, Буян вышел во двор в суету слуг, собирающих припасы в дорогу. Люди бегали, как потревоженные мураши. Немного приостановил спешку утренний намаз. Слуги и невольники-мусульмане падали на землю, обратившись спиной к

восходящему солнцу. Чтобы не мешать им, Буян отошел чуть в сторону, лаская своего коня и шепотом величая его за цвет шерсти “Солнышком”.

Сзади раздалось тихое осторожное покашливание. Обернувшись, Буян нос к носу столкнулся с Гаральдом. Рыцарь был смущен и переминался с ноги на ногу. Без доспехов, в рубашке тонкого полотна, он выглядел беззащитным,

— Простите, — смущенно молвил он, — можно вас ненадолго?

Удивленный таким обращением, Буян кивнул:

— Сколько угодно. Гаральд, что с тобой?

Рыцарь потянул гусяра в сторону, уводя его в тень от забора, где их сейчас не мог видеть и слышать никто, кроме славянских лошадей.

Там он, еще раз обернувшись на молящихся истово и серьезно мусульман, вдруг опустился на колени, взял ладонь гусяра и поцеловал.

— Простите меня, святой отец, — сказал он смиренно. Буян был так удивлен, что забыл убрать руку. Он смотрел на коленопреклоненного рыцаря и никак не мог прийти в себя.

— Умоляю вас о прощении, — повторил Гаральд, — и милосердии... И прошу — отпустите мне грех...

— Ты чего? — наконец смог вымолвить Буян, порываясь поднять рыцаря с колен. — Толком объясни, что тебе от меня надо, без всего этого!

Поскольку его просил об этом сам Буян, Гаральд повиновался, но глаз не поднимал.

— Святой отец, — сказал он, — исповедуй меня.

— Слушай, ты, случаем, не пьян? Что ты от меня хочешь? Толком говори!

Гаральд весь покрылся красными пятнами, как какой-то мальчишка, но, запинаясь и пряча глаза, все же объяснил, что означает исповедь и тайна исповеди.. Поняв наконец, что от него требуется, Буян не смог удержаться от смеха.

— Нет, с тобой не соскучишься! — еле выговорил он, вытирая слезы ладонью. — То ты одно выкинешь, то другое... Ну скажи на милость, почему это я должен принимать твою исповедь?

Рыцарь был сбит с толку.

— Как — почему? — искренне удивился он. — Если я правильно понял, вы — священник... э-э... жрец вашей славянской религии, и я прибегаю к вашей помощи, как к духовному лицу!

Чтобы не ляпнуть чего-нибудь резкого, Буян закусил до боли губу.

— Я — волхв, — поправил он, — почти волхв, а волхвы... — Он поглядел на поникшее лицо Гаральда и сжалился, — волхвы еще ни разу не принимали исповеди — моя религия запрещает раскрывать тайны души.

— Но я прошу только выслушать меня!

— И потом, ты ведь христианин, а я — языческий... жрец, по твоим же словам, я — враг рода человеческого, — осторожно добавил гусяра.

— Но я об этом и хотел поговорить с вами! — пылко воскликнул Гаральд, опять припадая на колени. — Вы должны меня выслушать и понять, что я не могу больше молчать!.. Я прошу у вас всех прощения — и у вас, и у князя, и у этого юноши Мечислава. Простите меня — я ошибался в вас, славянах. Я думал, что вы — язычники, суть слуги сатаны и подлежите уничтожению. И я даже хотел убить вас неоднократно, но ваши и мой боги объединились и отвели мою руку, дабы она не совершила святотатства. На вас благословение Божие, и я сам был этому свидетелем, а посему не могу молчать — отпустите мне мой грех!

— Но я не держу на тебя зла! — попробовал возразить Буян.

— У нас в Англии еще осталось много мест, где люди поклоняются идолам и кладут им требы, — продолжал Гаральд. — Раньше я считал за честь разрушить чье-то капище, но теперь мне стыдно за это — я ничего не знал об этих людях, как я мог судить верно тех, кого не знал! И вас троих — тоже... Вы помните наши споры о Боге и дьяволе? Я думал, что Бог лишь с нами, христианами, а теперь понял, что Он — с теми, кто стоит за правое дело, и не

важно при этом, кто этот человек — мусульманин, христианин или язычник. Я клянусь, что теперь буду иным и детей своих воспитаю в почитании и уважении к чужим святыням... Простите меня, если сможете!

Он смотрел в землю и не видел, что Буян снисходительно улыбается.

— Ты просишь у меня прощения за то, чего не совершал, — сказал он, — как я могу простить грех, которого не было?

— Но я согрешил против вас в мыслях, а тот, чьи мысли черны, не может быть верным товарищем, иначе однажды он предаст друга! Вот князь — он сразу распознал черноту в моей душе, сказав, что по голосу я представлялся ему иным. Но я изменился, клянусь!

Буян сжал плечи готового разрыдаться Гаральда.

— Верю я тебе, верю, — твердо сказал он. — И чтобы и ты поверил, что ты чист перед нами...

Оставив рыцаря под стеной гадать, простил ли его язычник или нет, он бросился к своему коню и вскоре вернулся с каким-то мешком. На миг прижав его к себе, будто прощаясь, он затем решительно вручил его Гаральду.

— Вот, держи. Это тебе. Отвези в Англию!

Рыцарь принял мешок. Внутри перекатывалось что-то очень знакомое, но он боялся поверить.

— Что это? — спросил он.

— Святой Грааль, — сказал Буян. — Твои соплеменники искали его в разных странах — отвези им это.

Рыцарь чуть не выронил мешок. Он сделал попытку вернуть его гусляру, но тот решительно спрятал руки за спину.

— Бери, — строго приказал Буян, — тебе нужнее. Нам, славянам, он до поры ни к чему. А когда срок сей придет, про то лишь Чара сия да Тот, кто сотворил ее, ведают.

Гаральд развязал мешок, заглянул в него, не смея прикоснуться к святыне, и благоговейно погладил Чару сквозь ткань.

— Ты отдаешь мне бесценный дар, — прошептал он, — я недостойн этого... Мы все недостойны этого.. Я сберегу ее до срока, — вдруг решил он, — именем своим клянусь — и я, и мои потомки будем беречь Грааль до тех пор, пока вам, славянам, не настанет срок. И тогда мы вернем его вам! Клянусь!

Рыцарь истово перекрестился. На сей раз Буян посмотрел на него без улыбки.

— Боги да услышат слова твои, рыцарь Грааля, — сказал он.

...Месяц спустя трое всадников спустились с холма и окинули взглядом раскинувшуюся во все стороны степь. Стоял ясный жаркий день первой половины лета. Где-то чуть севернее этих мест в такие дни готовятся к ранней жатве, а ночами жгут купальные огни. Сухой ветер, стремительностью и яростью напоминавший аргмака, летел на север, в леса, которые не были видны в мареве. Он ерошил волосы всадников, крыльями вздымал плащи за их спинами, трепал хвосты и длинные гривы коней. Трава ложилась под его порывами, словно приглашая коней поскорее смять ее копытом. Жара еще не успела высушить ее до конца, и лишь кое-где в зеленом степном ковре попадались желтоватые проплешины.

Властимир спешил, прошел несколько шагов и опустился на колени. До просторов Резани отсюда было еще далеко, но все же эта степь была ему близка и знакома. Он был дома. Наклонившись, князь поцеловал землю.

Чуть помедлив, Буян и Мечислав последовали его примеру.

— Вернулись, — дрогнувшим голосом промолвил Мечислав.

— Вернулись дело делать да долги раздавать, — тихо добавил Буян.

Властимир услышал их разговор и обернулся, смерив спутников строгим взглядом.

— Долгов накопилось много, — сказал он, — но за все будет заплачено. Ничего не упустим!

Он первым встал, подозвал Облака и вскочил в седло. Ему не терпелось ринуться в драку.

Нетерпение его было столь велико, что он всю дорогу горячил коня, то и дело поднимая его над землей. Будь Облак чуть помоложе и повыносливее, он бы так и летел до Резани, не останавливаясь и на ночь. Раны на глазах не болели уж давно, но ныло сердце о родной земле.

Да еще Буян и Мечислав. Словно нарочно испытывая терпение и волю князя, они не слишком спешили. Гусляр то и дело сворачивал чуть восточнее, заставляя и остальных следовать за собой. Трое славян все ближе и ближе подходили к берегам Итиля.

Жеребцы ходко рысили по высокой траве. Летний зной уже убивал ее — редкий стебелек не пожелтел и не высох на корню. Стояла такая духота, что воздух дрожал в знойном мареве.

Не то табунок ланей, не то еще что-то промелькнуло впереди и пропало. Всадники не обратили никакого внимания на обитателей степи, но через пару минут опять впереди почудилось какое-то движение.

Ехавший впереди Властимир придержал Облака, всматриваясь.

— Кто-то еще едет, — молвил он.

Вдалеке в дрожащем воздухе и правда мелькали чьи-то силуэты. Не то козы, не то всадники. Они двигались почти навстречу людям, но чуть наискось — чтобы успеть или свернуть с дороги, или напасть. На взгляд их было около двух десятков.

— Если это не степняки, бояться нечего, — скривился Буян. — А от степняка наши кони нас унесут.

— Да ты, никак, боишься? — насмешливо протянул Властимир.

— Бояться особо не боюсь, — уклончиво ответил гусляр, — да только погибать после всего, что пережили и сделали, не дойдя до Резани, согласись, дурное дело!

— Это ты верно сказал, не все долги еще оплачены. Да только рано труса праздновать!

На всякий случай славяне проверили, легко ли выходят из ножен мечи, перебросили щиты вперед и сняли налучья с луков для дальнего боя.

Отряд неизвестных тоже готовился к встрече. Они приостановились, а потом разделились — одна половина отправилась прямо навстречу трем всадникам, а другая пошла своей дорогой.

Стоял полдень. Солнце палило славянам затылки, но позволило отлично видеть все впереди. Их противникам приходилось смотреть против солнца, и они предпочитали двигаться наобум — скрываясь в высокой траве. Лишь иногда то один, то другой воин привставал, оглядывался и опять исчезал в желто-зеленом ковре.

Что-то странно знакомое было в их поведении. Властимир вдруг осадил Облака и воскликнул:

— Волки!

Буян и Мечислав медленно поравнялись с ним, выхватывая мечи.

— Не ошибся ли ты, княже? — спросил Буян. — Точно ли волки?

— Не мог я обознаться. Не глаза — так сердце подсказало: они это! Да сам смотри!

Он указал мечом вперед.

Как раз в этот миг саженьях в ста впереди из-за травы приподнялся молодой зверь. Он оказался ближе остальных к людям, и Буян смог признать псоглавца. Насторожившись, он обвел глазами степь, остановил взор на троих всадниках и скрылся в траве.

— Они, ненавистные, — с придыханием процедил князь. — Ну, раз мне на глаза показались, пусть расплачиваются за глупость!

Сжав зубы, он рысью погнал Облака прямо на то место, где только что был молодой псоглавец. Лишь вид отсеченной головы зверя мог утолить его жажду мести.

Буян и Мечислав переглянулись.

— Нельзя его пускать в бой, — сказал гусляр. — Эдак он злость всю на одиночек невинных потратит, а потом истинных врагов жалеть станет!

Друзья поскакали догонять князя, который был уже далеко впереди.

Псоглавец был либо очень молод и неопытен, либо хорошо знал, что ему надо делать, он на удивление неосторожно выглянул из травы гораздо ближе к несущемуся на него князю, чем тот ожидал. Похоже было, что псоглавец сам стремился поскорее погибнуть под мечом славянина. Это было так неожиданно даже для Властимира, что он осадил жеребца перед носом озадаченного зверя.

Псоглавец замер, в удивлении закрывая лицо руками. Властимир вздыбил над его головой Облака, поднимая меч. Волк присел, стараясь защититься от мелькающих над ним копыт. Меч сверкнул и опустился бы на загривок несчастного, но тут подоспели Буян и Мечислав.

Налетев, они оттеснили Облака, вынуждая Властимира опустить оружие. Спасаясь от топчущихся над ним лошадей, псоглавец упал на землю.

— Да вы с ума сошли! — вскричал Властимир, когда Буян перехватил его меч за рукоять. — Что вы себе позволяете?

— Мы не позволим тебе убить безоружного. — Гусяр вырывал у него меч.

— Убить врага! А враг всегда враг!

— Но он же может быть невиновен!

Псоглавец все это время пролежал на земле, не смея пошевелиться. Только когда шум над ним стих, он робко вскинул голову. Прямо перед его носом замерли копыта трех лошадей.

Один из всадников тяжело опустил меч ему на плечо:

— Сиди!

— Что вы хотите? — взвизгнул он. — Я ничего не сделал!

— Но собирался, — строго уточнил Властимир. — Отвечай, по чьему приказу ты шпионил за нами?

— По моему!

Голос прозвучал сзади. Славяне разом обернулись — и забыли о шпионе.

Позади них стояло еще десять псоглавцев. Трое из них вскинули заряженные луки. Ни у кого не вызывало сомнений, что по первому же приказу они выпустят в сердца троих людей стрелы. Чуть в стороне, уперев руки в бока, ждал еще один. Он единственный из всех был без оружия, и морда его была почти вся седая.

— Попались, — процедил сквозь зубы Властимир. — А все из-за вас. Не удержали бы вы меня только что, ничего бы этого не было!

— От чего? — немедленно откликнулся седой псоглавец. Князь только презрительно скрипнул зубами и отвернулся.

— Мы едем своей дорогой, вы едете своей, — быстро сказал Буян. — Мы спешим!

— Нет! — взмахнул рукой седой. — Вы никуда не поедете!

— Разумеется, никуда, пока я не выясню кое-что, — решительно заявил Властимир и тронул Облака, выезжая вперед. — Я князь Властимир Резанский, и я требую...

Один из лучников опустил лук. Это было так неожиданно, что его спутники обернулись.

— А я-то думал, где я видел эту белую лошадь! — вскричал он. — Ты не помнишь меня, резанец?

Он радостно оскалился, готовый прыгнуть вперед. Властимир взгляделся в сморщенную в ухмылке морду, подрезанное когда-то ухо и ахнул:

— Рат?

— Я! — крикнул псоглавец и, растолкав остальных, бросился к славянам.

Подбежав, он подхватил под уздцы шарахнувшегося было прочь Облака. Рат весело оскалился, словно встреча была подстроена им заранее.

— Наконец-то мы встретились, князь! — сказал он. — Я не забывал тебя ни на день!

— И это правда, — вступил в разговор старик, что предводительствовал псоглавцами. — Если ты и есть тот резанский князь Властимир, то о тебе мы слышаны

вдосталь... И уж коль откровенно говорить, то опасности бы тебе не грозило — коль противник нам своей отвагой по нраву придется, мы его крови не прольем, прежде чем имени не спросим.

— Однако же нашелся такой, да и не один, — мрачно поправил старика Властимир.

Рат гневно дернул повод Облака, горяча резким рывком коня.

— Быть такого не может! — вскричал он, сверкая глазами и вздыбив шерсть на загривке. — Я всем рассказал о тебе, наказывая, чтоб ни один из нашего племени и когтем до тебя не дотрагивался! Ты нас плохо знаешь, человек, — мы слогу данному верны!

Остальные псоглавцы, что, столпившись, наблюдали за разговором, согласно загалдели. Кто-то уж предложил, не причиняя вреда старому другу их соплеменника, примерно наказать его. Самый горячий лучник уже вскинул лук, чтоб поразить под Властимиром Облака, но, угадав их намерения, Буян поспешил окликнуть Рата:

— Погодь, Рат! А меня ты признаешь?

— Уж честно ответить — не сразу, но только с моим другом плохие люди не ездят, а коль такой окажется, подле долго не задержится — не равняться вороне с соколом, — ответил псоглавец. — Ты ведь тот гусяр?

— Да, он самый. Сколько лет миновало, как мы расстались, а я все князя покинуть не могу, потому как судьба нам уж выпала такая. Прежде чем наказанием нам грозиться, лучше бы выспросили, что мы с князем в одиночку вдали от Резани его делаем, отчего нам дома не сидится подле жен да детей малых!

— А что случилось? — невинно молвил псоглавец.

— Долгая то история, — хмуро отмолвил князь.

Рат оглянулся на старика, и тот кивнул разрешающе.

— Ладно уж, — молвил седой псоглавец, — коль ты их за своих знакомцев признал, и сами они готовы поклясться, что не выдадут иным людям того, что глаза их увидели, можем им открыться. Проводим их в наш стан, ежели никто из них рта не раскроет, где он лежит!

— Друзей своих мы ни словом, ни делом не выдавали, — ответил на это Буян. — На том стоим.

— Что ж, тогда добро!

Трое молодых псоглавцев при этих словах старика взяли под уздцы славянских коней. Облака вели двое — Рат не хотел отойти от князя и делить с кем-то честь проводить резанца в стан. Старик и остальные шли рядом, кроме одного скорого на ногу охотника.

Незаметно в степи поднялись балки и пологие холмы. Меж ними в прорытом ею же овраге вилась тонкая мелкая речка с мутной грязноватой водой. Колочий кустарник и камыш толпились на берегах. В седловинах холмов росли небольшие рощицы. Эти перелески в извивах речки живо напоминали Властимиру некоторые просторы родных мест, которые он не видел уже очень давно, и сердце князя загрустило, торопясь на север.

Стан псоглавцев показался неожиданно — ни дымка костра, ни запаха волков, ни шороха, ни оброненной вещи или обглоданной кости не попало на пути. Да и самый берег ничем не отличался от других мест, но вдруг ведущие под уздцы лошадей псоглавцы разом остановились, и в тот же миг, не дав гостям осмотреться, из травы, из-за камней и кустов, даже из самой земли бесшумно поднялись волки.

В первый миг, углядев вокруг остроухие, знакомые до боли морды, Властимир позабыл, где находится, и потянулся к оружию. Но предупредительный Рат остановил его порыв.

Выждав немного, псоглавцы по одному стали выходить из таких неприметных мест, что любая лошадь могла перешагнуть через затаившегося воина и не обнаружить его. Многие — даже волчицы — были при оружии, и, глядя на их решительные твердые морды, славяне поняли, что им доверяют: если бы хотели, псоглавцы перебили бы их всех из засады в один миг.

Убедившись, что гости оценили их число и умение затаиваться, псоглавцы занялись своими делами, от которых их отвлекло появление гонца с известием о пришельцах. Откуда-

то появились сухие ветки и кизяк — разметанный в спешке костер. Пока одни раскладывали его и разводили огонь, остальные выволокли несколько только что убитых степных антилопсайгаков и споро занялись разделкой туш. Подростки побежали вдоль течения реки искать водопой.

На славян почти не обращали внимания. Гости спешили, и те же псоглавцы, что вели их коней, занялись лошадьми.

Буян пошел за ними, чтобы при случае дать совет, а князя и Мечислава пригласили к костру.

Седой псоглавец оказался вожаком этой стаи. Людей приветствовали как его гостей и близких друзей — случай редкий у волков. Как шепнул все тот же Рат, Властимир был чуть ли не единственным человеком, спасшим псоглавцу жизнь.

Тонкая струйка дыма поднималась в небо, унося с собой нежный аромат жареного мяса. Волки жили в норах, вырытых под корнями кустов. Обычно их невозможно было заметить. Но сейчас все ходы были обнаружены, и перед каждой горел костер, на котором жарилось мясо. Костер вожака был самый большой — вокруг него расселись сам старик, его семья, Рат и трое людей.

Обрезки мяса, срезанные с туш вместе с кожей, салом и мелкими косточками и запеченные на углях, ходили по кругу. Каждый отрывал или отрезал кусок по вкусу и передавал остатки соседу. Вне очереди подавали угощение только не привычным к местным обычаям людям.

Заговорили только после того, как последний кусок мяса был съеден и пустые черепа сайгаков были отданы на игрушки детворе. Женщины-волчицы и дряхлые старики потихоньку ушли, а к костру вожака подсели остальные волки — многие с оружием. По их настороженным взглядам Властимир понял, что они ждут рассказа.

Князь повел свою речь очень осторожно. Он поведал о том, как, уйдя в поход против хазар, по возвращении нашел в городе своем волков. Как выгнал их, да уж потом вызнал, что те с собой увели его жену. Как потом, ни себя, ни людей своих не щадя, искал он Веденею в лесу, как нарвался на устроенную засаду и как poleg его отряд в бою неравном, кроме тех воинов, что защищали княгиню и увезли ее прочь. Как потом взяли его в плен и ослепили, боясь силы его и отваги...

На этом месте псоглавцы повскакали на ноги, хватаясь за оружие. Огнем вспыхнули их глаза, шерсть встала на спинах дыбом — ни дать ни взять, собаки. Все они оборотились к рассказчику, и подумалось Властимиру, что сейчас набросятся на него эти твари, но никто с места не сдвинулся — поворчали да и успокоились.

Про остальное рассказывал князь скупно — как за дни плена не раз отчаяться успел, как боги и судьба послали ему мальчишку Лютика, что добыл ему в лесах трын-травы да сам погиб, псоглавцем зарезанный. Как после прилетали те, кто науськал волков на Резань — старые враги князя, светлые Аги. Сказал он и о том, что крепко пугнул их в чужих краях Буян — так крепко, что с тех пор они не показываются: не то и правда восояси убрались, не то под Резанью новые козни готовят. О своих странствиях в чужих землях с друзьями князь и вовсе не говорил — добавил только, что, сыскав средство, чтоб вернуть себе глаза, он сейчас едет назад — отомстить волкам за град порушенный, за свой плен и унижение.

— В том месяце год сравнялся, как отпустили они меня в надежде, что я без помощи в лесу смертью голодной умру, — закончил он свой рассказ. — Много воды утекло, а только жажда мести во мне слабее не стала.

Волки сидели, опустив головы, в настороженном молчании. Кто-то угрюмо переглядывался с соседом, кто-то ковырял ножом в земле, кто-то тупо смотрел на почти угасший костер. Властимир подумал, что мало кто из них доволен его словами.

— Коль можешь, прости меня, Рат, — вымолвил он вполголоса, — ты здесь хозяин, а я гость. Но твои собратья мои враги, и я...

— Я всем рассказывал, что ты мне добро сделал, — так же тихо ответил псоглавец. — Неужели никто из тех, кто пришли под твой город, не слыхали слов моих?

— Может статься, что слышали, да на веру не приняли, — подал голос старик вожак. — Как, сказал ты, звать того отступника?

— Гао. При мне его пару раз так окликнули, а я запомнил, чтоб знать, кому мстить.

— Он вожака своей стаи прирезал, втайне напав! — бросил с презрением один из волков. — Его за такое смерти должны были предать, да он сбежал. Племена объявили, что никто не должен давать ему приюта, а он собрал таких же, как он, изгнанников, сманил кое-кого из юнцов, что жизни не нюхали, и пропал где-то...

— Ясно теперь, где он пропадает, — довольно кивнул старик. — Ну, человек, ежели твой враг таков, то не сомневайся — он получит то, что заслужил!

ГЛАВА 20

— А я и знал! — подбоченился Буян. — Этим светлым Агам честные люди... волки... — поправился он, — служить не будут.

— Наше племя издавна никому не служило, — добавил старый вожак, — кроме одного человека... Теперь уж мало кто помнит эту историю, каковой она была на самом деле — каждый раз рассказчик придумывает что-то новое, что-то свое. Пройдет время — никто и не вспомнит, с чего все началось, — запомнят лишь, чем кончилось. Здесь все, кроме наших гостей, эту историю знают. Помнит ее и Гао, если живой еще. Ни один псоглавец ни за что не забудет легенды о Воине...

Услышав эти слова из уст вожака, волки, как один, присмирели и придвинулись ближе. Славяне переглянулись.

— Воин? — насторожился Буян. Он был наслышан о многих легендах и былях прошлого и теперь гадал, слышал ли это раньше.

— Да, Воин, — кивнул вожак. — Имя его для нас священо — он наш бог. И не только наш — все волки и оборотни молятся на него, ибо он единственный, кто когда-то повелевал нами. Каждый с рождения знает его настоящее имя, но под страхом смерти не назовет его вслух, и вам я, рассказав его историю, не назову этого имени. Вам достаточно и того, что вы узнаете о существовании бессмертного Воина — повелителя волков.

Начало этой истории теряется в веках и временах, о которых никто уже не ведает, разве боги над богами. Воин наш бессмертен — много раз он рождался в мир, приходя в него под разными именами. *Еще* не раз он снизойдет в мир, но когда и под какими именами сие будет — того никто не ведает...

— То же мне про Дажьбога вещали, — успел шепнуть Буян на ухо князю, пока вожак переводил дух, собираясь с мыслями. — Он много раз под разными именами рождался и еще родится для дел великих...

— Один раз попал Воин в страны, что лежат отсюда на закат солнца, — тем временем продолжал вожак тихим голосом. — В те поры наши предки жили не здесь, в степи, а в лесу, на болотах и по берегам большого светлого озера. Там, отражаясь в его водах, стоял первый и, на нашу беду, последний город псоглавцев. Мы сами не сохранили его...

Но случилось так, что однажды захватили наши воины человека на белом коне, что мирно ехал своей дорогой. Он заплутал в непроходимых болотах и выбирался на торную дорогу. Волки, не спрося его, взяли в полон, отвели в свой город и там предали после нескольких дней глумления и мучений смерти позорной, а тело Воина бросили в болотах...

Миновало немного времени, как на болотах охотники стали встречать всадника на белом коне в алом плаще. Показывался он всякий раз, когда охотники загоняли дичь, — явится, и добыча уходит прочь. А потом как-то явился, когда отряд ушел в военный поход, — показался, и отряд был разбит наголову. Немногим удалось уйти.

С тех пор и месяца не было, чтобы не встретил кто-нибудь всадника на болотах. И всегда его появление предвещало беду — то охота неудачна, то соседи нападут на приграничные земли, то набег провалится. А однажды видели его — вел он сквозь болото целое войско чужаков в самое сердце нашей земли. Окружили люди наш первый и

единственный город как раз в тот день, когда никого из воинов в нем не было, а лишь старики, Дети и матери. Весь его пожгли и порушили — лишь двоим подросткам удалось спастись и донести эту весть до остальных. Они-то и поведали, что привел врага все тот же всадник на белом коне.

Вспомнили тогда старики о том человеке, что был прихоти ради замучен в том городе на потеху толпе, и поняли, что тот вернулся в мир ради мести. Чтобы умиротворить его и помешать дальше губить народ, наши предки воздвигли ему идола, провозгласили его богом и стали класть ему требы.

Долго Воин был нашим богом — уж начали забывать, что когда-то он чуть не погубил весь наш народ, да и от него самого все меньше бед видели. Стал он защищать народ свой от людей, что год от года все сильнее теснили псоглавцев в чащи лесов, а оттуда в болота, где никому жизни нет. Настал день, когда поняли все, что отступать поздно. Собрались тогда все, кто мог держать оружие, и пошли войной на людей — отвоевывать свои земли обратно.

Славная то была битва — много людей полегло, много деревень и даже небольших городков предали волки огню. Трусами даже вороны не питались — зажрались. Очистили волки землю свою от людских поселений, но только начали жить своей волей, как нагрянула последняя беда. Соседи погибших людей пошли на наш народ войной — отомстить за убитых. И волки были уничтожены. Не смели они поднимать оружия на людей, потому как впереди них скакал их бог — Воин на белом коне — и разил волков без устали.

Скрываясь от мести самого бога, чуть более трех десятков волков скрылись в лесах и там стали молить Воина о прощении и милосердии. И тогда явился им Воин ясно как белый день, сошел с коня впервые с той поры, как его узрели наши предки, и молвил: “Слушайте меня, волки! Здесь вам жить дольше нельзя, и я уведу вас туда, где нет людей и никто вас не потревожит еще очень долго. Там меня с вами не будет, но все равно: если случится так, что хоть один из вас выйдет из моей воли и тронет человека первый, человека, не виновного перед палачом своим ни в чем, то тогда вернусь я и не ждите от меня пощады!” Сказал так Воин и, вскочив на коня, повел волков на восток. Он привел волков в эти степи несколько веков назад — тогда тут и правда не было и следа человека. И жили мы до недавнего времени по законам, что остались от предков... До времени, пока не услышали о совершенном одним из нас — Гао!

Старый вожак замолчал, и вокруг почти потухшего костра воцарилась тишина. Волки сидели присмирившие, глядя в землю. Волчицы тревожно озирались по сторонам. Славяне раздумывали над услышанным.

— Сдается мне, понял я, что ты нам хотел поведать, вожак, — заговорил Буян, и от звуков его голоса все чуть ли не подпрыгнули. — Говоришь ты, что явился тот Воин, чтобы наказать виновного?..

— Мы все верим в это, — ответил вожак. — Иначе я бы и слова не сказал.

— И говорил ты, что конь у него был бел?.. — продолжал гусяр.

— Так точно — белый, как снег.

— А какие еще приметы ты помнишь?

— Лица его не видел никто, — помолчав, молвил старик. — Сияло оно, как солнце. Говорили еще старики, что конь его не в пример вашим, мог летать, как птица, под облаком и не носил ни узды, ни седла. И доспех Воина тоже был подобен солнцу — нельзя в яркий день было и смотреть, как он сиял!

Услышав это, Буян широко улыбнулся и толкнул Властимира локтем в бок.

— Слышишь, княже, что старик говорит? — шепнул он. — Ничего знакомого не припоминаешь?

— Не слыхал я легенды о Воине, — ответил князь.

— И, друг, кто легенд о других не слыхал, у того самого легендой стать не получится. Старик говорил о твоём Облаке — и бел, как снег, и по воздуху летает, как птица, и без узды и седла тебя свезет и не тряхнет — помнишь ли, как он под тобой, слепым, ходил? Ни травинки не дрогнет! И Гао его видом не видывал, слыхом не слыхивал...

— Да ты что же, — закралось в сердце Властимиру невероятное, — хочешь, чтобы они меня за того Воина посчитали?..

— А то как же иначе? Что старик сказывал? Явится он не миловать, а карать, а эта роль к тебе как раз и пристала! И старик о том же думки держал — иначе зачем он эту речь повел: чтоб мы ее поняли!

— Но как же меня Гао за того воина примет? — усомнился князь. — Он видел меня и слепым и зрячим...

— А ты начало вспомни: Воина волки тоже сперва смерти лютой предали — и ты для Гао мертв. Даже коль и признает он тебя, поверит, что Воин в тебе к нему сошел. Тут ты его и...

Рат с интересом прислушивался к разговору славян, настораживая обрезанные уши.

— Верно вы думаете, люди, — сказал он, — Если что может нагнать страху на любого из нас, то это видение Воина... Вы вспомните, как тот парень, которого князь прибить хотел, на землю перед ним пал? Он не сознается, а всем и без того понятно, что он коня белого признал и только после понял, что ошибся.

— Так-то оно так, — молвил князь после раздумья. — Да, кроме коня, есть и иные приметы у того Воина. Он богом был, а я смертен...

— Э, а волхвы на что? — хлопнул его по плечу Буян. — Завтра поутру мы с Мечиславом вперед поскачем, приготовим тебе встречу достойную. Не сомневайся — для такого случая лес даст тебе силушку и земля пособит!

— Это правда? — вскрикнул до сей поры молчавший Мечислав. — Ты берешь меня с собой, Буян?

— А то как же — надо тебя в дело пускать, пока не поздно! На том и порешили.

Поутру, еще рассвет не встал, становище волков пробудилось. На север уезжали двое всадников из трех гостей-людей, а на восток и юг отправлялись гонцами к соседям Рат и несколько молодых псоглавцев — собирать отряд для большого похода на север. Остающийся пока не у дел Властимир не хотел ушибы, но его никто не слушал.

Буян и Мечислав горячили коней, торопясь в леса. Под копытами жеребцов стелились степи, прорезанные извилистыми речками и покрытые пятнами рощиц. Их становилось все больше и больше, и, когда внизу на исходе третьего дня пути показалось похожее на море зеленое покрывало лесов, всадники спустились под кроны родных деревьев.

Степи подходили вплотную к южным границам Резанских земель, а потому Буян с Мечиславом сразу же оказались в родных для князя местах.

Резанские леса — места буйные, нехожалые. Среде местных жителей ходят легенды, что еще до того, как поселились здесь их предки, тут уже жили какие-то люди, что потом ушли не то на восток, не то дальше на север, где и сгнули в болотах. До сей поры в глухих углах Мещерских болот по ночам мерцают огни и слышится не то молитва, не то пение на непонятном языке. И лишь колдуны да ведьмы немного знают истину.

Заповедные леса зорко следили за двумя всадниками, что пробирались такими глухими тропами, словно желали заплутать. Темно-серый и золотисто-рыжий кони ступали по толстому ковру опавшей листвы бесшумно, как тени.

— Чуешь ли, Мечислав, — позвал Буян. — Лес — как раз такой, как тот, где мы с Ягой-воительницей повстречались, — деревья, тропка вьется, будто манит за собой, а тишина?.. Ты слышишь, какая тишина?

Юноша обернулся стремительно — ему померещилось, что что-то блеснуло позади. Но в чаще, которую они только что проехали, царил полумрак, какой всегда бывает в таких местах, когда снаружи светит солнце.

— Ты чего? — заметил его дрожь Буян.

— Будто шел кто за нами, — ответил Мечислав, — потом приостановился огня высечь, да я свет заметил. А он... пропал!

— Нет там никого, а впрочем... лес-то сей заговоренный, все может быть.

Тропа вводила всадников все дальше во тьму. Снаружи, верно, только начинал

спускаться вечер, а тут уже была такая темень, что хоть глаза выколи. Кони волновались и шли вперед мелкими шажками.

Отчаявшись сдвинуть лошадей с места во тьме, всадники спешили и взяли их под уздцы, ведя в поводу.

Тропа словно нарочно испортилась — под ноги сразу стали попадаться коряги и оставленные дождем ямы-промоины. Люди и лошади спотыкались. Несколько раз шедший впереди Буян натыкался на деревья, выраставшие внезапно поперек тропы. Раз или два упавшее бревно перегораживало им путь, сухие корявые сучья цеплялись за одежду людей и гривы лошадей. Всякий раз ожидавший явления лешего Мечислав еле сдерживался, чтобы не вскрикнуть с перепугу.

Они прошли так едва десяток сажений, когда Буян остановился. В темноте только выделялась его светлая рубашка, взлохмаченные волосы и сверкающие зубы.

— Не пойдет так, — сказал он, — при такой темени мы заплутаем и до осени не выйдем на Резань...

— А вы и так на нее не выйдете!

От раскатов неожиданного низкого хриповатого голоса, что раздался над их головами, славяне чуть не присели, а их лошади забились, обрывая повод. Буян и Мечислав повисли на мордах жеребцов, с трудом умиряя их.

Голос в вышине только похохатывал над ними.

— Ах ты, нечисть лесная, лохматая! — звонко выкрикнул Буян, силой пригибая голову своего коня к земле. — Мелко ж ты себя и нас крошишь, как я погляжу! Видно, сам ты трус и нас трусами такими же считаешь?

В ответ на эти слова откуда-то налетел ветер. Он подхватил людей и лошадей и швырнул их в сторону. Только толстые стволы дубов, на которые они наткнулись, задержали их. Застрашенные лошади бились и визжали в ужасе.

Ветер дул с переливами и пересвистами, ровно и сильно. Сквозь его завывания слышался довольный смешок его повелителя.

— Ну, как, — молвил он, отсмеявшись, — кто из нас больший трус?

— Вольно ж тебе силу на бессловесных тварях вымещать! — крикнул гуслар. — То ж кони — не велика удаля зверя напугать! А что ветром с ног сбил — так меня не раз опрокидывали, привычно уж давно — скоро солому с собой повсюду возить буду, чтоб падать сподручнее было!

— Дерзок ты, незнакомец, — строго молвил голос. — Не зная меня, так со мной разговариваешь!

Ветер взвыл так, словно клялся этим воем стереть с лица земли не только строптивых всадников, но и весь лес, где они находятся. Мечислав прикрыл глаза, мысленно взывая к Стрибогу, чтоб отвратил от них слуг своих. Но Буяну было не до молитвы.

— Ой, знаю я тебя! — Он покрепче схватился за ствол дерева, чтоб в случае неудачи не сразу его отрывало от земли. — Ты трус, каких мало, — нас чужими слугами и силой не своей пугаешь, а показаться страшишься!.. Уж не потому ли, что стыд за свое бессилие глаза выел да лик исказил?

Ответом ему на эти слова был новый порыв ветра; но уже приготовившийся погибнуть, гуслар с удивлением почувствовал, что ветер пронесся над его головой. Дуб, подле которого он стоял, пригнулся, хрустя ветвями и осыпая наземь листву и мелкие недоспелые желуди.

— Ну точно так, как Гамаюн пролетал! — выдохнул гуслар. Над ним что-то задвигалось, словно великан волот с ноги на ногу переступил.

— Да, человек, ты знаешь, что и когда сказать надобно, — произнес голос. — Только в одном ты обманулся, и я докажу тебе это... Смотри, коль глаза есть!

Буян и Мечислав вскинули головы.

Опять подул ветер, но совсем другой — будто чья-то твердая и заботливая рука, как воду, раздвигала воздух. Отогнув несколько вершин, эта невидимая рука раздвинула в небе облака, открыв звезды и ущербную луну, и перед глазами изумленных славян на невесть

откуда взявшейся поляне возник огромного роста человек.

На фоне ночного неба он казался куском темноты — лишь горели углями глаза. Приглядевшись, можно было заметить, что лицо его закрывает густая борода, спускающаяся до пояса, и что в бороде той торчат еловые ветви. Великан стоял, уперев руки в бока и давая людям насмотреться на себя.

Было так тихо, что вздох Буяна, когда он припал на колено, прозвучал как вскрик.

— Здрав буди, Святобор-отец, — молвил он спокойно. — Заплутали мы в лесах твоих, а путь у нас неблизкий, торопимся мы в земли Резанские. Видно, позади они остались — вот и вылетело слово неосторожное.

— А ты, никак, забоялся меня, человек, как признал?

— Святобор склонил голову набок.

— Правду молвить — не то чтобы забоялся, а признаю силу твою, — уклончиво ответил Буян. — С тобой никто не сможет тягаться без вреда для себя и без причины на то особой.

— А ты, видать, причину ту имеешь? — усмехнулся с высоты своего роста Святобор.

Поскольку ветра все не было, Буян осмелел и отошел от дерева.

— Дело у меня есть, и дело немалое, — молвил он. — Я волхв и с самими богами светлыми дружбу вожу. Сейчас мы с другом моим, Мечиславом сыном Чистомысловичем из рода великого Волхва Змеевича, дальний путь держим к городу Резани. Друг наш, князь сего города, нами в укромном месте до поры оставлен, а мы вперед посланы, чтобы приготовить ему встречу достойную!

— Встречу князю целого города? — покачал головой Святобор. — Что ж занесло вас в леса мои заповедные?

— А ты не верить нам не спеши. — Буян тоже подбоченился. — Коль силой желаешь помериться, так изволь, но прежде мы слово свое выполним.

Святобор вдруг махнул рукой, и два дуба, что росли позади него, покорно согнулись навстречу друг другу. Как живые, переплелись их сучья, и Святобор сел на живую скамью.

Буян уважительно покачал головой.

— Признаю, мне сие не под силу, — сказал он. — Дубы гнуть — того я не могу... Ну, да мне то и без надобности. А вот нужда у меня — в твоей силе и могуществе, в твоих тайнах и чародействе. Искали мы для встречи княжеской в лесах резан-ских место заветное, где во времена давние клад какой ни на есть запрятан...

Буян не договорил — Святобор расхохотался так, что чуть не упал со скамьи. Дубы под его тяжестью заскрипели и затрещали, а по лесам пошел гул да стон — закричали птицы перепуганные, заревели звери по норам, нежить лесная да болотная пробудилась. Сами славяне были удивлены.

Отсмеявшись, Святобор вытер слезы.

— Ну, человек, порадовал ты меня! — молвил он весело. — Давно меня так не смешили, не тешили... Это ж надо, какой наглец — сразу о делах заговорил! Наглец, хоть и волхв великий — я силу твою чую, не сомневайся в том!.. Но послушайте-ка, вот ведь диво — никто еще, меня не прогневив сперва, потом о такой малости у меня не выпрашивал... Сознавайся, чего на самом деле тебе надобно — по силе своей ты и без моей помощи столько кладов сыщешь, сколько я и сам здесь не знаю!

И прежде чем Мечислав успел остановить его, Буян быстро все открыл — и про злключения Властимира в плену у волков, и про хозяев тех зверей, светлых Агов, и про путь дальний в землях чужих к самому Кощею Бессмертному за живой водой, и про возвращение на родину. Особо подробно рассказал он о легенде, что им в стае псоглавцев поведали, — о бессмертном Воине на белом коне, что сиял как солнце.

— Ты все в своих лесах знаешь, не поможешь ли нам так сотворить, чтоб князя моего волки за того Воина воскресшего приняли? — закончил он свой рассказ.

Святобор сидел на своей скамье из живых дубов, подперев голову кулаком, и размышлял. Когда гуслир замолк, он не сразу пошевелился. Чело его нахмурилось.

— Что ж, — наконец медленно молвил он. — Есть у меня места такие заветные. Ты говорил, что Яга-воительница вам один камень показала, под которым ходы есть в миры подземные. Покажу и я свой ход, и провожатого до резанских лесов потом дам. Но уж дальше вы сами справляйтесь.

Буян живо отвесил ему почтительный поклон:

— Исполать тебе, властелин лесов, Святобор-богатырь! Век твоей доброты не позабуду и детям то же накажу!

Святобор встал, махнув рукой дубам, чтобы распрямлялись, и поманил славян за собой. Те бросились ко все еще дрожащим лошадям, но только вскочили в седла, как в чаще неподалеку замелькали чьи-то тени, и на поляну вылетели русалки.

— О, вы еще здесь! — вскрикнула одна и бросилась под копыта лошадей. — Мы как прослышали про вас, так, торопились!

— Как? — вскричал Святобор, и русалки испуганно присели от его голоса, — Вы с ними заодно?

Девы бросились к нему.

— Вовсе нет! — наперебой закричали они. — Но от наших сестер и друзей мы слышали об этих людях... Особенно вот о нем!

Все девы согласно показали на Буяна. Святобор посмотрел на него с интересом,

— Ты правда волхв? — спросил он подозрительно.

— Вообще-то я гусляр из Новгорода... был им, — поправился Буян, — пока...

— Все ясно! Тебе сразу надо было сказать, что гусляр, — и ссоры б не было, — оборвал Святобор. — Гусляры — любимцы богов, а особенно такие, как ты, наглецы... Что ж, идемте!

Русалки разбежались в стороны, словно только и ждали этих слов. Одни устремились вперед за Святобором, другие ринулись в чашу. Подле славян остались лишь две. Они приблизились к всадникам, беря лошадей под уздцы, и одна из них шепнула Буяну, поманив его рукой:

— Мы вас нарочно поджидали на всех лесных тропах!

— А зачем мы вам, девы, понадобились?

— То не нам, а иным кое-кому, — уклонилась от ответа дева. — Сестры за нами поспешили, они приведут их к нужному месту.

Она не прибавила более ни слова, как Буян ни старался ее разговорить.

Святобор, окруженный русалками, широко и бесшумно шагал по лесу, с легкостью перемахивая через кусты и невысокие деревца. Самые высокие деревья доставали ему лишь до груди — их он отводил руками в стороны, и они распрямлялись за его спиной с шелестом и скрипом. Если не считать этих звуков, царил полная тишина.

Славяне ехали на эти звуки.

Не сбиться совсем с дороги помогали только русалки. По дороге к ним приставали все новые и новые девы — похоже было, что они караулили славян на тропинках. Растянувшись вереницею, девы то пели, то плясали, то водили хороводы, мелькая меж деревьев. От их светлых нагих тел в лесу было светлее. Жуки-светляки, Купалины червячки, вились над их головами, словно искорки костров. Еще не позабывшие разгульной ночи, русалки то и дело подбегали к всадникам, норовя стащить их с лошадей и увлечь в пляску, но две девы, что вели жеребцов в поводу, всякий раз останавливали чересчур разошедшихся сестер.

Лес тем временем чуть посветлел и немного поредел. Впереди что-то заблестело мягко и призывно. Русалки разом остановили пляску и с криками убежали туда.

Всадники выехали из зарослей и осадил лошадей.

Путь их заканчивался в урочище, со всех сторон окруженном дубравой. Огромные деревья стояли сплошной стеной — через них было невозможно протиснуться и мыши.

Урочище мягко и полого спускалось поросшими травой и камышом склонами на дно. Оно было почти круглое, и в центре его застыло, как глаз неведомого существа, озеро.

Было оно небольшое — едва два десятка сажень в поперечнике, но круглое, как солнце. В его спокойных водах отражались звезды и тонкий изломанный месяц. Вода

казалась льдом — до того она была неподвижна.

Не сразу Буян очнулся от наваждения и заметил сбоку тень.

Святобор стоял подле, совсем близко от людей, и тоже смотрел на озеро. Почувствовав на себе взгляд Буяна, он искоса оглянулся на него и простер руку к озеру.

— Я исполнил то, что обещал, — сказал их провожатый. — Искомый вами клад там. Прощайте!

Он повернулся и растаял в чаще — ни один лист не дрогнул.

— Но как же... — начал было Мечислав и осекся. Русалка нежно взяла его за руку и кивнула успокаивающе.

— Об этом не беспокойся, — сказала она. — Делай свое дело — и увидишь, что будет.

Буян решительно спрыгнул с коня и подошел к озеру. Наклонившись, он заглянул под воду, потом опустился на колени и погрузил руку по локоть под воду, что-то нашаривая там.

— Есть, — обернулся он на Мечислава, не вставая, — Будет знатное дело!

— Ты нашел клад? — Юноша спешил и бросился к нему.

— Почти. Помнишь, где мы коней наших обрели?.. В мире подземном, у родичей твоих дэвсов. Помнишь, что со мной в море дважды приключалось?.. Под воду я спускался и жив остался. Ныне мне опять надлежит то же повторить, чтобы на дне озера отыскать то, что когда-то дэвсы запрятали и Святобору на хранение оставили.

— А что там может быть?

— Вот того не ведаю — надеюсь лишь, что другого чего искать не придется.

Он выпрямился и стал стаскивать рубашку, но тут подошла к нему русалка и остановила.

Не торопись, человеке, — улыбнулась она. — Мы здесь с сестрами на то оставлены. Достанем то, что для дела сгодится,

и потом все устроим. Нам бы только князя твоего сюда вывести, ну да и с этим справимся!

Русалка тихо свистнула, и несколько ее подруг подбежали тут же. Не говоря ни слова, она махнула рукой, и девы тотчас зашли в воду и нырнули.

На берегу остались только двое славян и старшая русалка. Буян подозрительно косился на нее.

— Мы же вас не просили, — сказал он, — почему вы нам помогаете?

— Не ради тебя, гуслар, и не ради этого красивого юноши. — Русалка зазывно улыбнулась Мечиславу. — Мы людей мало знаем, но есть у нас друзья и братья, которым верим мы, как самим себе. Они нас просили, по их слову мы вас поджидали и караулили, а теперь, — русалка прислушалась осторожно, — они сами сюда идут. С ними и разбирайтесь.

Она отошла в сторонку.

Славяне вскочили тоже. Острый слух подсказывал, что по лесу легко и стремительно бегут несколько зверей. Учув знакомый волчий запах, жеребцы рванулись с привязи.

В первый миг люди так и подумали, что то дозор псоглавцев Гао — силуэты выскочивших навстречу двух незнакомцев были похожи на них — сгорбленные, с волчьими шкурами на плечах. Но вот незнакомцы остановились, выпрямились, и звезды осветили знакомые юные лица.

Близнецы-оборотни, Явор с Яроком, подошли ближе, давая себя рассмотреть.

— Вы? — воскликнул Буян, узнавший их первым.

— Да, все это — они, — вставила русалка.

— Мы вас ждали, — промолвил Явор. — Князь где?

— Мы вперед поскакали, он следом едет, а мы ему тут, у этого озера, встречу хотим подготовить... если он с пути не сойдет.

— Не сойдет, — пообещал Ярок. — Мы дозоры поставим — завернем, ежели что. Будет он здесь — только назови срок!

— Все правда, — опять вставила русалка. — Их все мы слушаемся!

Близнецы разом отмахнулись от нее. Слова девы кое-что напомнили Буяну.

— Вас-то все слушаются, — сказал он, — а сами вы что творите, неслухи?.. Мы вам перед отъездом что наказывали? Сторожить княгиню, чтоб беды какой с ней не приключилось, а вы что?.. Или она с вами, или... случилось что с нею неладное?

Кивни близнецы, и еще неизвестно, что бы сотворил с ними Буян с горячей головы. Властимир о жене последние дни, как родным воздухом потянуло, только и мечтал, только и говорил, как прижмет к сердцу водимую да сына малого. Но близнецы переглянулись и разом расплылись в улыбке.

— Живая она, Буян, — сказал Явор, — Мы, правду молвить, впотай от стражи ушли к югу, князя поджидать. Но ты не сомневайся — в места те лишь мы с братом дороги ведаем, и никто без нас ее не сыщет. Успокой сердце да поведай, не можем ли мы еще чем послужить князю Резанскому?

Буян задумался, прикусив губу.

— Волки нужны, — наконец вымолвил он. — Только настоящие. И много... Пока пусть все к Резани идут и ждут поблизости, но тихо, чтоб ни одна живая душа не проведала, даже зверь лесной. После поглядим!..

Близнецы коротко поклонились и пошли прочь.

За спинами Мечислава и Буяна шумно всплыла русалка. Откинув со лба волосы, она крикнула обернувшимся на шум людям:

— Нашли! Там столько всего!..

— Давайте все сюда, — махнул ей гусяр.

Когда дева нырнула, он придирчиво окинул долгим взглядом старшую русалку, что так и стояла подле них. — Что, хороша? — молвила та с вызовом.

— Красы несравненной! — Буян обнял ее прохладные плечи и отвел в сторонку. — Есть у меня одна мыслишка, — шепнул он деве на ухо, — и ты для нее очень подходишь. Помогите нам — я научу, что делать и как!

ГЛАВА 21

С каждым днем Властимиру все больше и больше не сиделось на месте. Уж шесть дней миновало, как отправились на север Буян с Мечиславом, а он все живет в стае волков и с места не стронется. Псоглавцы рук сложа не сидели — уже на третий день начали в стаю стекаться готовые идти за человеком на битву волки. На шестой день их набралось поболее полусотни, а новички все продолжали прибывать.

Князь еле дождался, пока с несколькими добровольцами в стаю вернется Рат, и объявил, что завтра сам отправляется в Резань.

Пробудившись до зари, Властимир впотай оседлал Облака и в поводу увел его подальше от сторожевых постов волков. Выведя жеребца за ближние балки, он вскочил в седло, но только прикоснулся каблуками к бокам коня, как из травы прямо перед мордой Облака встала полужнакомая тень и поймала узду.

Придерживая дрожащего от испуга жеребца на месте, Рат ухмыльнулся изумленному князю.

— Мы как чуяли, что ты один уйти собираешься, — молвил он довольно. — Оно и понятно — я бы тоже в чужом краю долго не выдержал — еще пораньше тебя сбежал, а ты еще вон и упредил...

— Остановить меня тебе не удастся. — Князь натянул повод, заставив Облака вскинуть голову. — Ждать мне вас тут недосуг, коль собираться намерены.

— А мы уж собраны. — Рат взмахнул рукой, и седловина балки, где остановился князь, пришла в движение. Всюду из тумана и сухой травы вставали псоглавцы и подходили к всаднику. Они окружили его плотным кольцом и жадно уставились на него.

— Мы давно тебя тут дожидаемся, — сказал Рат. — Ну, команду, князь!

Властимир окинул взглядом отряд — еще ни разу не приходилось ему слышать, чтоб обычный человек вел в битву нелюдей. Не сказав ни слова, тронул Облака и махнул рукой,

зовя волков следом.

Выступая в поход, больше всего Властимир боялся, что не сумеет совладать с отрядом, когда дело дойдет до боя, — он не знал, как будут собранные Ратом волки биться против своих.

Но волки оказались прекрасными спутниками. Со стороны могло показаться, что князь едет по степи совершенно один — разве что охотничьи собаки-выжлоки снуют под копытами его коня. В обычное время волков было не видно — только порой взлетала испуганная птица и тут же падала, пронзенная стрелой, да иногда серая остроухая морда выныривала прямо перед Облаком. Они бежали по степи, растворившись в ней, как тени в ночи, но стоило показаться чему-нибудь необычному, как ярко-зеленый ковер подвявшей травы оживал — отовсюду поднимались псоглавцы, и человек оказывался в кольце звериных морд.

Когда перелески и рощицы по берегам узких извилистых речушек стали попадаться чаще, привычные к степи волки собрались в стаю. Теперь они бежали короткой рысцой за всадником, пригнувшись и насторожив уши.

Властимир подходил к Резани со стороны степи, как ходят хазары, а потому крупных селений ему не встретилось — лишь дважды он стороной объехал несколько застав. Рубленные из вековых дубов стены застав поднимались на вершинах невысоких холмов на излучинах речек, глядя на степь. Над каждой в небо поднимался столб черного дыма. То был верный признак того, что где-то поблизости враг.

Миновав третью заставу, что тоже подавала соседям дымные знаки, Властимир понял, что его псоглавцы не единственные чужаки в этих краях.

Молодой дозорный встал в траве, когда Облак уже был готов наступить на него. Вскочив и увернувшись от копыта жеребца, он выдохнул:

— Нельзя туда, человек!

— Почему?

— Там люди, чужие. Стан у них!

Какие люди могли разбить стан в таком месте, оставалось загадкой недолго. Властимир спешился, бросив повод коня первому попавшемуся псоглавцу, и кивнул дозорному:

— Показывай!

Тот опустил голову вниз, как идущая по следу собака, и устремился в рощицу неподалеку.

Еще не доходя до прогалины, князь услышал знакомые голоса стана — фыркание и ржание коней, говор людей и скрип повозок. Пахло скотом, старыми кожами, дымом и чем-то особым, что знакомо чуть ли не с младенчества каждому, кто живет на границе, — острым терпким запахом чужака.

Последние сажени пришлось проползти, продираясь в кустах. Заросли надежно скрывали наблюдателей, и они могли подобраться достаточно близко.

По прогалине текла речка, на низких топких берегах которой сейчас толпились лошади. Двухколесные кибитки выставили в полукольцо открытой стороной в сторону степи, а сплошной стеной — к роще и северной стороне. Слуги и рабы выпрягали быков и разводили первые костры. Приглядевшись, Властимир понял, что это не просто орда хазар, как он узнал с первого взгляда, — но орда, вышедшая в военный поход. Здесь были в основном воины — слуг и женщин было мало. Для перевозки грабленного добра и рабов было взято немного повозок — их не хватило даже на полное кольцо.

Властимир постарался на глаз прикинуть число хазар.

— Одна орда идет, — сказал он.

— Ты знаешь их? — в затылок дыхнул Рат.

— А ты нет?.. То ж хазары! — Он углядел в центре на одной из кибиток бунчук рыжего цвета с одной черной прядью. — Нет, этого хана я не знаю...

— Что будем делать, князь? — не отставал Рат.

— Орда пришла с большой войной — заставы не трогает, не хочет на малое силы

тратить. Видать, кто-то им сказал про Резань, что она без головы осталась, вот и надеется хан взять сразу много, чтоб наверняка.

— А ты уверен, что они на Резань идут?

— А другого города в этих краях нет, чтоб был так же доступен для жадного чужака. Вон и псоглавцы до нее добрались легко, хотя леса вы не больно-то жалуете!

— Что верно, то верно, — согласился Рат. — А все же, что думаешь с этими делать?

— И думать нечего — раз мы их нагнали, то нам их и перегнать! Поспеем первыми до Резани, а там поглядим, кто сильнее!

Рат перемигнулся с двумя волками, что ждали подле. Те бесшумно поднялись и исчезли в роще.

— Ты, князь, верно рассудил, — сказал псоглавец. — Тебе вперед скакать, город выручать. Не забудь, что там Гао стоит — он для тебя первый враг. Ты и без нас с ним справишься. А мы с ними позабавимся. — Рат вытащил нож и проверил остроту клинка. — Чую, они не только не ведают мест здешних, но и того, кто тут живет, не знают...

Рядом из кустов и травы выступили позванные волки. Одного взгляда было достаточно любому, чтобы понять, зачем их призвали.

Рат отвел Властимира в сторону.

— Скачи до своей Резани, князь, и ни о чем не беспокойся, — сказал он. — Мы не знаем, сколько их тут, но знаем точно, что ни один не дойдет до твоего города.

— Вы с ними не справитесь — их тьма, а вас чуть более сотни. Они вас одолеют!

— Авось не всех, — довольно оскалился Рат. — Человек, как они, без коня ничто — это даже нам известно. А любой конь волка боится. Уведем их табуны, а потом самих резать начнем. И кроме того, — добавил он тише, — из нас не все так уж довольны, что придется со своими сражаться. Мы там не такими уж хорошими помощниками тебе будем, а здесь...

Он замолчал и отвернулся, наблюдая, как псоглавцы, не сговариваясь, разбредаются по лесу, готовя петлю.

— Я понимаю — предателю жизни нет, — молвил Власти-мир. — Остановите их, если совсем назад повернуть не сможете. А я, как справлюсь, так пришлю сюда дружину, а то и сам приду подсобить!

— Тебе делать ничего не придется, князь! — радостно оскалился Рат. — Езжай домой!

Старый Облак выдохся, когда до города оставалось не так уж и много. На мир спустилась ночь — глубокая и почти беззвездная. Молодой месяц, еще похожий на царяпину, не давал света, а редкие звезды словно нарочно сгущали мрак.

Дубрава чуть шелестела листвой, дубы как будто шептались промеж собой. Царила тишина, и говор деревьев был слышен далеко и четко. Ночные звери и птицы не подавали голоса — на закате только покрикивали совы да филины и где-то тявкала лисица. Но потом смолкли и они, внимая несказанным словам дубравы.

А послушать было о чем. Что ни говорили дубы, разговор был об одном и том же. Сколько времени миновало с той поры, как последний человек ступил под их своды — в те поры и люди и мир были другими; и в прах и в тлен обратились города, что построили те люди. Успели позабыть дубы о суетливых смертных, и вот неожиданно-негаданно один из них вошел в сердце дубравы и зажег огонь.

Лишь жрецы могли посещать священную рощу Перуна, сходясь для этого из окрестных городов, сел и уединенных капищ. Раз в год, на рождение Громовержца, собирались они сюда на единый день, чтобы уйти потом прочь. В прочие времена никто не заходил сюда. И вот в неурочное время под одним из дубов человек запалил костер.

Нахмурившись, дуб сверху вниз смотрел на огонь и человека у своего подножия. Белый долгогривый конь прищельца пасся чуть в стороне. Он-то понимал, где они находятся, и двигался осторожно и робко.

Властимир не сводил глаз с языков огня, пытаясь в них прочесть будущее. Он знал о Перуновой роще и догадывался, что она недалеко отсюда, но не подозревал, что попал уже

чуть ли не в самое ее сердце. Когда-то в эту рощу отнес он и передал с рук на руки старшему жрецу Агриков меч — показались ему его палаты неподходящими для такой святыни. Жрец тогда благодарил за доверие и обещал, что Перун присмотрит за ним и вернет в нужный час. Сейчас Властимир припоминал об этом — кажется, пришла пора потребовать меч назад, для боя.

Весь день он провел в седле, насмерть загоняя коня и себя, и теперь чувствовал усталость. Сколько времени он жил одной мечтой, одной мыслью! Душа его болела, она устала и требовала покоя и отдыха. Но он был один в ночном лесу недалеко от границ священной Перуновой рощи, и завтра ему предстояло забрать меч, и потом... О том, что будет потом, когда он придет под стены Резани, Властимир старался не думать.

Глаза слипались, чары волшебной рощи опутывали его. Князь верил и понимал, что это дубы по чьему-то приказу усыпляют его — не зря же они так притихли.

— Перуне! Боже! Вонми призвавшему тя! Славен и трехсла-вен буди — ружия, хлеба и рода благодать даждь! Услышь слова мои, снизойди ко мне! — прошептал Властимир и, достав кожаную флягу с водой, плеснул немного на угли.

Они зашипели. С дымом взвился ввысь столб пара — будто в жарко натопленной бане опрокинули целое ведро на раскаленные камни или же в кузне загасили огонь. Властимир отшатнулся, невольно закрывая лицо рукой. Он был поражен проявлением силы бога и с трепетом ждал, что будет.

Но ничего не случилось. Перун, поведав, что принял молитву князя, исчез — только дуб, когда пар коснулся его листвы, зашелестел ветвями торопливо, как живой слуга, спешащий исполнить волю господина.

Властимир отнял руку от глаз. Огонь уже успокоился, но сквозь дым на другой стороне за кустами виднелся чей-то нежный лик.

Князь привстал, глядя на пришельца. Он сразу распознал деву, но не сразу понял, что женщина делает здесь, в виду Перуна, бога сильных мужчин и воинов.

Заметив, что ее увидели, женщина вышла из зарослей на свет, и князь вскочил, теряя дар речи. В первый миг он чуть не бросился бежать, но ноги приросли к земле — напротив него, с другой стороны костра, стояла сама Веденей!

Она была в длинной белой рубаше, открывавшей руки до плеч. Подол ее простого одеяния был вымочен в росе. Волосы распущены по плечам. Ее строгие глаза, которые так любил целовать Властимир, смотрели ему в лицо. Что-то неземное, чужое, было в их взгляде, от чего князь замер, не отводя взора от видения жены.

Веденей неслышными шагами приблизилась и протянула руку

— Идем, — сказала она низким грудным голосом. — Нам рок настал!

— Откуда ты взялась? — выдохнул Властимир.

— Не время говорить, — Строгие суровые глаза уперлись ему в лицо. — У тебя завтра бой. Идем!

Ее прохладная ладонь плотно обхватила его руку, и князь как зачарованный пошел за Веденей.

Привязанный Облак тоскливо заржал, когда хозяин вдруг отправился в чащу, но тот даже не обернулся на верного товарища. Он смотрел только на жену и, догадываясь в душе, что Перун не покажет ему настоящей Веденей, все равно радовался возможности видеть ее облик.

Дубы над головой что-то шептали — в их шелесте ясно слышались слова. Властимир попробовал прислушаться, но ничего не понимал, кроме одного: на этом языке порой говорят жрецы и волхвы, обращаясь к богам.

Веденей вела его по неприметной тропинке сквозь чащу. Какие-то тени, слабо мерцающие во мраке, мелькали порой меж дубов. Они словно провожали человека.

Лес раздался в стороны внезапно — Властимир не заметил, как они оказались на берегу небольшого круглого озера, в спокойных темных водах которого отражались звезды и месяц. Вода озера была так темна, что звезды казались в нем крупнее и ярче, чем были.

Приглядевшись, князь понял, что это ему не кажется — в озере отражалось гораздо больше звезд, чем высыпало на небе.

Это наполнило его душу трепетом, и он приостановился.

Веденея подвела Властимира к дубам. Меж ними чернела пустота — лишь несколько искр мелькали вдалеке.

Дубравы шелестели листвою, и только два великана, под которыми стоял князь, безмолвствовали. Властимир почувствовал на себе чей-то взгляд и обернулся.

Веденеи не было — она исчезла. Зато на ее месте стоял виденный им как-то жрец Перуна — тот самый, кому князь когда-то отдавал Агриков меч. Вспомнив это, Властимир успокоился.

Жрец, высокий и статный сухой старец с долгой, почти до колен, бородой и не менее длинными собранными на затылке в косицу волосами, положил легкие старческие руки на плечи князю и вдруг одним резким рывком сорвал с резанца плащ. Затрещала рвущаяся рубаха и упала к ногам человека.

Властимир отшатнулся.

— Стой! — страшно выкрикнул жрец. — Покорись Перуну или погибнешь!

Князь замер, внутренне сжавшись. Сильные руки жреца опять потянулись к нему, и на грудь Властимиру лег оберег с громовным знаком на нем.

Порыв ветра донес запах дымка. Бросив косой взгляд в сторону, Властимир заметил, что они не одни. Двое незнакомых воинов вышли из-за дубов и подошли сзади. Каждый нес в руках по чаше — в них дымились угли.

В высокой густой траве был скрыт жертвенник — толстая дубовая колода с выжженной серединой. Воины, подойдя с двух сторон, опустили в нее угли. Вверх взметнулось пламя.

Как зачарованный Властимир смотрел на огонь, что плясал в дереве, но не убивал его. Клубы дыма, легкие и густые, поднимались к сучьям.

Жрец подвел князя ближе. Повинуясь, он почти склонился над углями и вдохнул терпкого дыма. Его клубы обволокли его, и Властимир сделал второй вдох.

Голова закружилась, тело обрело легкость и силу. Князю показалось, что он отрывается от земли. Он раскинул руки и удивился, почему на пальцах не выросли перья. Ему казалось, что он — птица,

Один из воинов протянул ему чашу. На сей раз в ней не было углей, но терпкий, настоянный на травах взвар еще отдавал дымом и запахом костра. Властимир принял и ее и, не медля, сделал глоток.

Сердце замерло, а потом забилось, будто он стоял на высоком берегу реки и дышал свежим прохладным воздухом. Он почти увидел высокий берег и ленту реки внизу, залитую солнцем и погруженную в покой.

Кто-то мягко взял его под руку. Властимир глянул — это оказался один из воинов. Второй тем временем подошел с другой стороны. Вдвоем они поддерживали князя, и тот, не видя в этом ничего унижительного, с удовольствием подчинился им.

Он сам не понял, как оказался на коленях перед дымящимся жертвенником. На уровне его лица тлели угли и клубился дым — пламя почти погасло.

Жрец на некоторое время исчез с поляны. Властимир этого не заметил, а потому несколько удивился, когда тот возник подле него с птицей в руках. Князю показалось, что птица возникла из ничего.

Бормоча молитвы Перуну, жрец протянул птицу над углями. Перевернутая, она почуяла дым и забилась, стараясь вырваться.

Жрец сдвинул ее горло, предупреждая крик.

— Перуне, святой боже наш! — воскликнул он пронзительно и страстно. — Вонми призвавшим тя! Снизойди благость, силу и веру даждь, опорой и победой стань и милость свою пошли! Перуне! Вонми призвавшим тя!

Сжатая его руками птица только слабо попискивала и трепыхалась.

Договорив, жрец сжал ее сильнее. Она распахнула клюв, но крика не последовало,

только хрип.

— О Перуне! Слышу тебя! — крикнул жрец и одним движением свернул птице шею.

Воины бесшумно, как видения, подошли с двух сторон. Один споро занялся почти погасшими углями, а другой подал жрецу кривой нож. Тот привычным жестом вспорол брюшко еще бьющейся в судорогах птицы. Кровь забила толчками ему на руки и на угли.

Запахло паленым. Обмакнув руки в кровь, жрец обратился к князю, и теплая еще кровь потекла по лицу резанца. Запах дыма мешался с вонью горячей крови, и вкус ее был на губах. Властимир облизнулся, причащаясь крови жертвы и деля трапезу с Перуном.

Один из воинов — он был чуть поменьше ростом — помог ему встать. Второй куда-то исчез с поляны.

Воин под руку почтительно провел Властимира к берегу озера. Жрец уже поджидал его там, приподняв над головой почти обескровленную тушку убитой птицы. Отвернувшись от алтаря и дубов, он бесшумно вошел в воду по колени и бросил жертву в озеро.

— Перуне, сойди на ны! — напевно позвал он, вскидывая руки к небу — Громоявление сошли, благость и силу даждь! Вонми гласу детей твоих, оружие и дух их закали. Будь с ними! Тебе, Перуне, милости алчем! Тебе, Перуне, уповаем!

Он призывно махнул рукой и стал, пятясь, выбираться на берег. Едва он ступил на сушу, вода озера оживилась, заколебалась. Не успел Властимир удивиться, как из воды вышли одна за другой несколько дев.

Князь еще ни разу не видел, чтобы в ритуале служения Перуну, грозному богу воинов и войны, участвовали женщины. Они не допускались даже до того, чтобы стеречь коней ушедших к капищу мужчин. Здесь же они были не просто случайными зрительницами, что тайно взирали на запретное для них действие, но его участницами.

Женщины были совершенно наги — только венки на голове и тонких лебединых шеях, сплетенные из трав прибрежных, составляли некоторое подобие украшения. Длинные густые светлые волосы волнами падали им на спины, прядями спускались на грудь. С волос текла вода, убегая обратно в озеро, а гибкие молодые тела загадочно и заманчиво блестели в лунном свете и бликах огня позади князя. Именно по телам и особой легкости движений князь неожиданно для себя признал русалок.

Это не испугало и не удивило, а скорее обрадовало его. Он с готовностью пошел за ними в озеро. Тело двигалось легко и свободно, как иногда во сне, когда снится, что летаешь над землей, как птица. Голова слегка кружилась — должно быть, от того зелья, что он испил перед алтарем. Хотелось кричать и петь — до того было хорошо.

Русалки ввели его в озеро, окружили плотным кольцом — протяни руку и наткнешься на деву! Властимир почувствовал, что вода окатывает его с головы до ног. Она струилась по лицу, сбегала на плечи, скатывалась со спины и груди на руки. Будто огненные струйки бежали по его телу. От их касаний тело пробуждалось, наливалось силой и жаждой борьбы. Властимиру казалось, что, попади ему сейчас под руку камень с кабана весом — подбросил бы его одной рукой до вершин дубов.

На миг вода сомкнулась над его головой. От неожиданности ему показалось, что он провалился в омут. Холод, мороз, иней ночи окутал ноги, поднимаясь выше, до сердца, сковал руки и грудь. Но в следующий миг он опять вынырнул и вдохнул ночной воздух, чувствуя себя помолодевшим и готовым на все.

Только когда его опять подвели к алтарю, Властимир заметил, что подле дуба привязан какой-то жеребец странно знакомой золотистой масти с долгой густой гривой. Ни седла, ни уздечки не было на нем. Сопровождавший князя воин подошел к коню и вынул нож.

Жеребец вскинулся, но воин ловко поймал его за гриву, подтягивая к себе. Властимир наблюдал за действием бесстрастно: прикажи сейчас ему жрец самому убить коня — не дрогнул бы, даже будь на месте жеребца его верный Облак.

Воин силой заставил коня вытянуть шею над тлеющими углями и быстро сделал косой надрез на горле. Густая кровь потекла по коже. Жеребец чуть дернулся, когда воин надавил на горло, следя за током крови.

— Приблизься, — услышал Властимир голос жреца и повиновался.

Кровь на углях горела, распространяя едкий удушливый запах, но князь вдыхал его, будто аромат цветов родных полей.

Жрец подошел с другой стороны, обмакнул кривой нож в лошадиную кровь и повелительно махнул рукой. Воин отпустил гриву коня и отошел прочь. Властимир было подумал, что жрец сейчас завершит дело и убьет коня, но этого не произошло. Жрец не подумал ловить коня, и тот ушел.

Окровавленный нож коснулся лба Властимира и его висков. Лошадиная кровь была горяча. Жрец чертил на челе замершего князя какие-то знаки и бормотал про себя еле слышно древнее заклинание, но на сей раз каждое слово было понятно посвященному;

Именем света, именем Рода,
именем силы его
Черный Перун насылает благодать
на призывавших ее.
Силу и славу, твердость и ярость
даждь нам, Перун, в бою.
Громом явленный,
будь вдохновенным,
волю яви свою.
Именем бога седого Сварога,
Воину силу дамадь.
Сыну и брату, другу и вою
волю свою яви!

Сзади послышались тихие шаги. Жрец, раньше князя увидев что-то, отступил, и Властимир обернулся,

Второй воин, что исчез ранее, вернулся. Он стоял меж дубов, позади алтаря, держа на вытянутых руках Агриков меч, завернутый в алую ткань. Властимир в неверном свете звезд и догорающих углей жертвенника распознал рукоять давно знакомого меча, но не почувствовал радости встречи и не пошевелился.

Второй воин присоединился к первому. Вместе они развернули меч, освободив его от ножен, и положили поперек жертвенника. Пламя, угасшее было до золы, будто того и ждало — взметнулись языки, охватывая клинок.

Жрец закружил вокруг алтаря, нараспев выкликая хвалы и призывы к Перуну, а воины с двух сторон окружили Властимира.

Они несли новую рубаху, кольчугу и доспех. Все это в молчании они помогли князю надеть на еще влажное от купания в озере тело, затянули пояс и набросили на плечи алый плащ, в который был завернут Агриков меч.

Только после этого Властимиру было позволено приблизиться к алтарю. Рукоять меча была повернута к нему, но нагрелась от жара углей так, что казалась только что откованной. Жрец, тяжело дыша, отошел в тень.

Воины с двух сторон положили руки на плечи князя.

— Прими сей меч, о Воин, — заговорил один из них, — и с ним — силу и благословение Перуново, Иди на бой с его именем и помни, что силу дает Перун, но вдвойне карает за неиспользование ее. Будь воином даже тогда, когда смерть приходит за тобой — как бы она ни явилась, будь готов и тверд на пути. Делай, что должно, и пусть все будет как надо!

— Я сделаю, — вырвалось у князя.

Это были его первые слова на Перуновой поляне, и он немного испугался своего порыва — воину пристало быть сдержанным с проявлением радости, горя и отваги.

Откуда-то с ясного звездного неба донесся раскат грома. Воины вскинули голову.

— Перун с нами! — воскликнул один из них. — Он зовет тебя! Иди и делай!

Он оглушительно свистнул над ухом князя, и на свист тут же послышался ответ. В чаще раздался топот копыт, знакомое ржание, и на поляну выскочил Облак.

Чья-то заботливая рука сняла с него седло и узду, омыла и расчесала гриву и хвост. Шерсть старого коня сверкала, как лед под лучами солнца. Высоким красивым шагом он приблизился к хозяину и встал боком, готовый принять его.

Воины мягко толкнули Властимира в спину. Тот подошел и одним прыжком оказался на широкой спине верного жеребца, поймав свободной рукой прядь гривы. Обнаженный меч он держал чуть на отлете.

— Помни одно. — Жрец приблизился к морде коня. — Меч сей твоему роду на хранение даден — пусть ты и потомки твои берегут его как зеницу ока, пока не придет его пора. Тогда достойные сами придут и заберут его. Пусть свершится сие, иначе не жить твоему роду в веках!

— Пусть свершится, — согласно повторил Властимир и послал Облака вперед.

Жеребец как на крыльях вынес его с поляны и помчался по ночному лесу так стремительно и легко, словно летел над ровным лугом при свете дня. Властимир до боли в глазах всматривался в темноту расстилающейся перед ним ночи и думал, что он никогда не забудет того, что увидел и услышал сегодня, и все исполнит, что бы для этого ему ни требовалось.

На поляне два воина внимательно смотрели ему вслед. Когда топот копыт Облака стих в лесу, один из них, что был чуть ниже ростом, вздохнул.

— Как думаешь, признал он нас? — молвил он.

— Того не ведаю, — отозвался второй воин. — Но что из того теперь? Открываться все равно не след, лучше поскачем за ним следом!

Он скинул шлем, тряхнул светлыми волосами и коротко свистнул. Из кустов выступили два коня — темно-серый и золотисто-рыжий. На шее последнего был замечен свежий, еще кровоточащий шрам. Они были уже оседланы и готовы к дороге.

Буян и Мечислав, не обращая внимания на алтарь и жреца подле него, вскочили в седла и поскакали к Резани.

ГЛАВА 22

Рассвет начинается исподволь. Не сразу, по капле, будто ночи жаль расставаться с миром, светлеет все вокруг. Ярче проступает лес, прорисовываются дали. И стены замершего в ночном ожидании города выступают из мрака.

На заборах и башнях города-крепости всю ночь горели факелы — каждый миг ждали ночного штурма. С приходом дня огни один за другим гасли. Можно было различить толстые бревна, слагавшие стену.

Резань молчала — утро никак не отзывалось в жизни города. За стенами царила такая же тишина, что и ночью.

Город словно с осуждением и немым укором смотрел на то, что происходит у стен. Это не была осада — иначе не было бы этой тишины под стенами, но на лугу вольно раскинулся целый стан.

Никогда еще Резань не видела ничего подобного. Сотня костров горела всю ночь, не затухая и днем. Меж ними не спеша ходили и стояли, тупо глядя на пламя, иноземные воины. С высоты городских стен они напоминали зверей. Те немногие воины, что помнили набег прошлого года и исчезновение князя Властимира и его жены с сыном, знали, какие бойцы эти звери. Ныне псоглавцы, словно нарочно, расположились так близко от городских стен, словно поджидали кого-то. Их патрули все время следили за дорогами и лесами — всех из города выпускали и никого не впускали обратно. Несколько раз городская дружина выходила к ним, но чужаки не принимали боя, а рассеивались по лесу и всегда уходили, как вода между пальцами, чтобы потом опять вернуться как ни в чем не бывало.

Сами же волки знали, кого ждут, — перед тем как исчезнуть, светлые Аги, их хозяева, велели им ожидать в надежде, что появится сам князь или княгиня с сыном.

Под стенами Резани начинался новый день. Волчицы просыпались и по одной спускались к Оке за водой. В погасшие костры подбрасывались новые сучья, кто-то уже начинал разделывать тушу коровы, которую украли из села накануне.

Гао еще спал, и никто не решился сразу потревожить вожака, даже когда весь стан содрогнулся от далекого, но все яснее различимого топота копыт.

Волкам показалось, что кому-то из горожан все же удалось вырваться из города, и отряды теперь скачут на подмогу осажденным резанцам. Неизвестно еще, сколько воинов идут сюда — в любом случае будет битва.

Топот и стук умножались громким эхом — качалась листва на деревьях, дрожали ветви, пригибалась трава. В ведрах, принесенных волчицами, плескалась и переливалась через край вода. Словно сам воздух катился навстречу огненным валом лесного пожара.

Перепуганные не слыханным доселе шумом, несколько сторожей не выдержали и бросились к спящему Гао.

— Враги! — закричали они разом вожаку в оба уха.

Гао вскочил, привычный к таким пробуждениям.

— Какие еще враги? — рявкнул он, выхватывая оружие, — Где они?

— Скачут сюда. — Псоглавец показал в сторону леса. Выскочив из-под навеса из шкур, Гао в тревоге оглянулся на стены города. Там, несомненно, тоже слышали грохот и топот, но снизу не было видно, поняли ли горожане, что начнется сейчас.

— Надо уходить, пока мы не оказались в кольце. — Псоглавец потянул воздух носом.

Гао обернулся и едва не бросился на говорившего, готовый перерезать ему ножом горло, но в это время увидел суету на стенах города — в Резани решили, что это неожиданная подмога, и дружина сходила со стен, готовая выступить.

— Отходим в лес, — скомандовал Гао, взмахнув ножом. Повторять приказ не пришлось — сразу весь стан пришел в движение. Волки и волчицы хватали оружие, забирали с собой кое-какие припасы и шкуры, подхватывали головешки из костров. Некоторые уже потихоньку отходили в сторону леса. Первый десяток скрылся за деревьями, но не успели остальные во главе с Гао подойти к лесу, как ушедшие первыми с воплями выскочили им навстречу.

— Он! Он пришел! Он здесь! — повторяли беглецы.

На Гао налетел один молодой волк. Он ничего не видел перед собой и помчался было дальше, но вожак схватил его за плечи и тряхнул, приводя в чувство.

— Кто пришел? — рявкнул Гао. — Отвечай немедленно! Молодой волк стучал зубами.

— Он пришел! — выкрикнул Псоглавец. — Мы ушли вперед и увидели свет. Мы подумали, что это пожар, но это сверкал его меч! Он скачет сюда!

Волк сделал попытку вырваться, но Гао держал его, будто клещами.

— Кто — он? Ты можешь толком сказать? Уж не колдун ли какой-нибудь из сказки?

— Лучше бы колдун. — Молодой волк опасливо оглянулся. — Это сам Воин!

Гао рассмеялся и отбросил незадачливого разведчика в сторону.

— Стойте, волки! — крикнул он, взмахом руки призывая всех к вниманию. — К нам скачет наш Воин — так утверждает вот он. Но Воина не видели с тех пор, как мы ушли в степи. Он остался в болотах, потому что там лежит его сгнивший в незапамятные времена труп. Призрак не мог уйти от него далеко. Мы захватим его, кем бы он ни был! Вперед!

Он мановением руки послал псоглавцев в лес, навстречу топоту, но ни один не вернулся. Наоборот, некоторые отступили назад, пряча руки за спину и бросая оружие на землю.

— Ты иди, — сказал кто-то, — если он простой воин, ты его одолеешь — не зря ты наш вожак. Но если это наш Волчий Воин, то никто из нас не пойдет умирать!

Гао с рычанием ринулся на мятежника и схватил его за горло. Мелькнул кинжал, тело дернулось, и горячая кровь хлынула из перерезанного горла.

— Так будет с каждым, кто осмелится возражать мне! — возвестил вожак. — Вперед!

Но никто опять не двинулся с места, потому что как раз в этот миг что-то засверкало за кустами и всадник на белом коне выскочил из леса.

Жеребец резко осел на задние ноги, взлетая на дыбы, и заржал. Эхо отозвалось ему, сливаясь с криком всадника в доспехах и алом плаще. Обнаженным мечом всадник поймал луч солнца, и тот засверкал в его руке, как молния.

Узнать человека в войне было невозможно — шлем скрывал глаза, грудь и руки защищали доспехи, на боку висел окованный железом рог.

Воин окинул взором волков, и некоторые, помоложе, рухнули на колени.

— Вот вы где, — холодно молвил всадник. — Вы нарушили мой приказ и напали на людей, которым судьба выпала жить рядом с вами. За это вы будете наказаны. Смерть!

От его крика уже не только самые молодые и трусливые склонились перед всадником.

— Пощади, Воин! — раздались голоса.

— Смерть! — повторил всадник. — Вы все осуждены и умрете!

Он тронул коня вперед, и волки шарахнулись перед ним в стороны, как волны от брошенного камня.

Только один из них устоял. Это был Гао. Вожак сделал шаг навстречу всаднику, преграждая ему путь.

— Стой! — крикнул он, вскидывая руку с оружием, — Стой, ни шагу дальше! Я, Гао, вожак стаи, вызываю тебя на бой!

Воин, казалось, был ошеломлен — он осадил коня, заставив того отступить.

— Я вызываю тебя на бой — немедленно, здесь и сейчас! — повторил Гао. — Мы будем драться до конца, пока один из нас не падет в битве.

Один из волков одернул жоака.

— Ты с ума сошел, — прошипел он. — Что ты городишь?.. Гао был готов и ему перерезать горло, но тут Воин остановил спорщиков взмахом руки.

— Ты вызвался умереть первым, — сказал он. — В последнем желании отказать нельзя... Тем более что ты привел их сюда и должен отвечать своей жизнью за все. Твой вызов я приму, потому что вся вина на тебе. Но не проси у меня пощады!

Пораженные всем услышанным, волки едва успели отпрянуть в стороны, когда всадник одним прыжком легко и стремительно соскочил с коня, взметнув полы плаща за спиной.

Чуть пригнувшись, Гао первым пошел на противника. Он не верил в то, что легендарный Воин может явиться просто так, и считал, что перед ним витязь-одиночка, каких много в этих лесах. Он был вооружен кривой длинной саблей, отнятой когда-то у хазарина, и ножом, красным от крови. У Воина же не было ничего, кроме меча. Он держал его одной рукой, чуть отведя в сторону, будто ему редко приходилось сражаться. Но первый же выпад Гао он отбил так быстро и сильно, что тот внимательнее присмотрелся к противнику.

Властимир до сего мига был словно во сне. Его тело двигалось так, словно некто могущественный водил его руками и ногами. Голос собственный долетал до него со стороны, и произносил он совсем не то, что хотел. Он подчинялся покорно и спокойно, памятуя о волхвовании на Перуновой поляне, и теперь, когда неожиданно начался бой, он словно со стороны наблюдал за собой.

Противники схватились не на шутку. Оба были равны по силе и ловкости. Прощупывая оборону незнакомца, Гао сперва теснил его к краю опушки, намереваясь загнать в лес, и тот вроде как поддавался, но вдруг сам набросился на жоака псоглавцев так, что только природная ловкость помогла тому выстоять. Меч и сабля сталкивались со звоном и скрежетом, с лезвий сыпались искры. То и дело подставляя свое оружие под меч противника, Гао надеялся, что тот откроется, и тогда можно будет ударить его кинжалом. Рана, конечно, не окажется смертельной, но несколькими удачными выпадами можно измотать соперника.

Властимир не ожидал, что волк окажется таким хорошим бойцом. Он помнил Рата, как тот стоял с ним несколько лет назад против поляниц, но Гао намного превосходил старого

знакомца.

Вдруг волк перешел в наступление. Его сабля мелькала так, что казалось, будто у него не две, а четыре руки. Властимир понемногу отступал. Псоглавец не сможет долго выдержать такого темпа и, если не давать ему поблажки, рано или поздно выдохнется. И тогда наступит его час...

Он наступил чуть раньше, чем ожидал князь. Скорее случайно, чем намеренно, Властимир, отбивая очередной выпад, отвел меч немного дальше в сторону, открывая живот. Гао немедленно, поскольку его сабля все еще была блокирована лезвием меча, ткнул в противника кинжалом.

Он не успел опомниться, как железные пальцы сомкнулись на его запястье, а враг оказался сбоку.

Враги сблизилась, тяжело и яро дыша друг другу в лицо. От перекошенной из-за неудачи морды Гао несло смрадом псины и застарелой крови. Узкие глаза налились кровью, язык вывалился из пасти, он жаждал забыть о приличиях и вцепиться в глотку человека зубами.

Властимир резко отпрянул, и вовремя — клыки клацнули перед самым его носом. Вожак коротко взвыл от новой неудачи и на миг забыл о кинжале. Князь указал ему на эту оплошность, вывернув руку так, что враг взвыл от боли. Кинжал выпал и затерялся в траве.

Немедленно отпустив запястье врага, Властимир ударил его под челюсть. Клацнули зубы, мотнулась морда — и псоглавец отлетел назад.

Стоящие кольцом волки удержали его, не дали упасть на спину, но это взбесило вожака. Жажда мести горела в его желтых глазах.

В этот миг он не видел и не соображал ничего, но ярость и ненависть удвоили его силы и ловкость. Прежде чем, ослепленный злобой, он успел наделать ошибок, Властимиру пришлось попотеть, отбивая его бешеные атаки. Разъяренный тем, что враг еще сопротивляется, Гао так размахивал саблей, что часть выпадов пришлась на пустое место. Ускользать от заведомо слепых ударов князю было более чем легко. Улучив миг, когда сабля от мощного размаха ушла в сторону, открыв живот и грудь Гао, он бросился навстречу лезвию. Меч сверкнул в его руке, поймав солнце, и перерубленная сабля упала наземь. В руке Гао остался обрубок не длиннее ладони.

Вожак еще раз или два взмахнул им, прежде чем понял, в чем дело, и тупо уставился на остатки оружия. Властимир не спеша поднял меч для последнего удара.

— Ты проиграл, — произнес он. — Готовься к смерти!

Гао отбросил обломок сабли и пригнулся, словно собираясь биться голыми руками.

— Ты не можешь убить безоружного, — ответил он.

— А ты в этом уверен?

Властимир уже размахнулся, чтобы снести псоглавцу голову, но в самый последний миг, когда лезвие меча уже было готово опуститься, Гао прыгнул вперед и вниз.

Он успел почувствовать боль в спине от скользящего удара, но забыл о ней в ту секунду, когда его руки обхватили противника поперек туловища и враги покатались по траве.

Будь это на краю обрыва, они оба непременно бы упали и разбились — так часто поступали волки и люди, когда отступать было некуда. Но здесь все было по-иному.

Сбитый с ног, Властимир не растерялся. Перекатившись через голову, он сбросил с себя псоглавца и вскочил. На сей раз в руке его врага был нож, подобранный им в траве во время падения. Он держал его лезвием от себя, готовый заколоть врага.

Не понимая, что подвигло его на этот шаг, князь отбросил меч и выхватил свой нож из-за сапога.

Заметив этот жест, Гао неожиданно засмеялся, выпрямляясь.

— Вот ты и выдал себя, человек, — с удовольствием сказал он, облизываясь. — Мы тебя тогда не съели, но уж будь уверен — на сей раз я попробую твоего мяса!

Волки-зрители взволнованно зашептались.

— Что вы стоите! — крикнул Гао, отступая. — Не узнаете, что ли?.. Это же тот человек, которого мы захватили в прошлом году!

— Ты в этом так уверен? — заговорил Властимир. — Тот человек был слеп, и вы отправили его в глухой лес на верную смерть... Как ваши предки отправили умирать Воина в болота... Он тогда вернулся и отомстил за свою смерть. Вернулся и я, и тебе не уйти.

Гао был уверен в себе. Он видел, что несколько волков осторожно подкрадываются к человеку сзади. Если удастся захватить его, все остальные поверят, что это не Воин.

— Князь умер, — сказал вожак-псоглавец, чтобы потянуть время. — А ты пришел вместо него, не так ли?..

Властимир успел разглядеть загадочный блеск его глаз, когда псоглавцы зашли ему в спину. Он молниеносно развернулся — и нож до рукояти ушел в живот одного из волков.

Раненый завизжал и отшатнулся. Еще несколько волков присоединились к вожаку, чтобы покончить с чужаком. Многих останавливало, что отпущенный ими князь и в самом деле был слеп, а этот человек отлично видит. А вдруг он и впрямь Воин?..

Властимир не успел с сожалением подумать о так неосторожно отброшенном мече, как на него набросились сразу несколько волков.

С одним ножом любой славянин-воин мог выстоять один против четырех-пяти противников, и князь был уверен в себе. Но волки, хоть и не знали приемов борьбы, которым обучали подростков на заставах чуть ли не с пеленок, все же были вооружены — кто ножом, кто саблей. Обороняясь, Властимир чувствовал сыплющиеся на него со всех сторон удары, но сабли не могли пробить доспеха, полученного им на Перуновой поляне.

Он еще не получил ни одной царапины, а из его противников двое-трое отступали, зажимая кровоточащие раны кто на боку, кто в плече. Остальные понемногу придвигались ближе. Вид крови опьянил псоглавцев, некоторые хватались за оружие. Не возникало сомнений, что рано или поздно битва превратится в свалку, выжить в которой будет просто невозможно — человека разорвут на клочки вместе с доспехом.

В какой-то миг Властимир почувствовал настоящий страх, когда запнулся обо что-то спиной. “Это конец, — мелькнуло в его голове. — Отступать некуда!” Он уже ждал удара в спину или тяжести на плечах от прыгнувшего сзади волка, но звери вдруг отхлынули, как морские волны от берега.

Властимир понял, в чем дело. Отступая, он незаметно для себя добрался до леса и уперся спиной в ствол дерева, что росло чуть впереди остальных.

Это был толстый вяз в два или три обхвата. Имея такого защитника со спины, можно было надеяться продержаться немного, пока...

Этого “пока” у него не было — Буян и Мечислав были далеко, а городская дружина вряд ли знала, что ему требуется помощь. Да и не могли они узнать князя на таком расстоянии.

Волки на миг приостановились — они видели, что человеку некуда отступать. Его меч валялся в пяти шагах от него, а жеребец был надежно привязан к кустам. Видя, что хозяину туго, верный конь натягивал повод и храпел, но его силы было недостаточно, чтобы оборвать привязь.

— Вы все еще не верите, что я пришел мстить вам и нет вам спасения? — заговорил Властимир, надеясь приостановить их и выиграть время, — Вы будете спорить со мной?

— Теперь нам уже недолго осталось сомневаться в том, человек ты или бессмертный Воин, — довольно оскалился Гао. — Сними шлем — пусть все убедятся в моей правоте!

— Шлем с меня снимут только с мертвого, — стараясь, чтобы его голос звучал как можно увереннее и спокойнее, ответил князь. — Но ты этого не увидишь.

Пока он говорил, его левая рука тихо скользнула вниз. Он давно уже чувствовал прикрепленный цепочкой к поясу рог, окованный железом и бронзой, — старый, чуть ли не древний рог с вырезанными на нем незнакомыми знаками. Не зная его голоса, князь был уверен, что подать сигнал он сможет. Только бы прозвучала первая нота — а там готовая к бою дружина сама догадается, что звук оборвали враги и надо спешить.

Гао понял, что задумал человек, когда тот резким рывком разорвал тонкую цепочку и поднес рог к губам.

— Нет! — крикнул он, бросаясь на врага.

Высокий, необычайно чистый звук вырвался наружу, взвился, как пущенная из лука стрела, под небеса, и сверху неожиданно пришел ответ.

Волки замерли, услышав эхо — низкий, с переливами, приглушенный рев. Он еще таял в небесах, когда князь опять поднес свой рог к губам и затрубил второй раз — для дружины за стенами.

Знакомый сигнал — они уже слышали его с городских стен — отрезвил волков. Гао бросился к Властимиру.

— Что вы стоите? — крикнул он волкам. — Убейте его! Третий звук оборвался, когда псоглавец сбоку ударил по рогу наотмашь, выбивая его из рук князя. Его чистая нежная призывная нота утонула в хрипе ярости, и псоглавцы не сразу расслышали ответ.

— Что это? — вдруг крикнул кто-то в задних рядах.

Ни Властимир, ни волки, что лезли на него вслед за Гао, стараясь достать человека ножами и саблями, не заметили этого одинокого крика. Князь прилагал все усилия для того, чтобы удержаться на ногах — он не столько боялся смертельных ран, сколько того, что его, упавшего, затопчут. Резкий, чуть хриловатый вой раздался у сражающихся над самым ухом.

Кто-то обернулся и криком привлек внимание остальных. То, что открылось глазам волков и человека, было настолько невероятно, что битва остановилась.

Из кустов на опушке леса, стягивая кольцо, один за другим выходили волки. Пригнув лобастые головы книзу и опустив хвосты, они шли молча, не отрывая пронзительных глаз от замерших псоглавцев. Где-то под пологом леса звучал вой — кто-то невидимый подгонял отстающих волков, но на лугу царило молчание.

— Видишь, Гао, — промолвил Властимир, и псоглавцы вздрогнули от звуков его голоса, — они пришли на мой зов. И если я прикажу, они разорвут вас в клочья...

Он махнул рукой, и несколько волков, что подошли ближе остальных, тут же припали к земле, готовясь к прыжку и выбирая себе добычу.

Какой-то молодой псоглавец с криком отпрянул от пронзительного взгляда холодных глаз. Это послужило сигналом — звери бросились на противника.

Трава на поляне окрасилась кровью. Волки накидывались на псоглавцев по двое или по трое, валили их и рвали горло и живот зубами, выпуская внутренности. Псоглавцы не оставались в долгу и насаживали зверей на острия сабель.

Не тронули пока только князя и нескольких псоглавцев, что замерли подле него — к ним зверям было не пробиться.

Гао с искаженной яростью мордой развернулся к Властимиру.

— Ты! — прохрипел он. — Ты привел их сюда на погибель!

— Нет, смерть принес ты, — возразил князь. — И тебе за нее расплачиваться!

Вожак псоглавцев ринулся на него с поднятой саблей, но человек не думал уклоняться от удара. Властимир перебросил нож из правой руки в левую и подставил короткое лезвие под оружие врага.

Сильный удар пригнул его руку книзу. Нож и сабля столкнулись рукоятками, но, прежде чем Гао отбросил руку врага, тот отвернул оружие псоглавца вбок. В следующий миг тяжелая оплеуха повергла вожака наземь.

Он упал, как подрубленное дерево. Сабля выпала у него из руки и осталась лежать на траве.

Видевшие этот удар псоглавцы застыли как вкопанные. Глаза Гао оставались открытыми, морда скалилась в ярости, но он уже не дышал. Ни единой капли крови не показалось на губах. Смерть пришла к нему слишком быстро, чтобы он мог что-то осознать.

Властимир смотрел на тело своего врага, которого он столько раз мечтал увидеть мертвым, и чувствовал, как мягко пульсирует на ладони след Разрыв-цвета — он не подвел и

пригодился еще раз. Потерев ладонь, князь оглянулся и увидел, что все смотрят на него.

— Он сам выбрал смерть, — молвил резанец, небрежно пнув ногой труп Гао. — Я свершил справедливую месть, и пусть это будет уроком для остальных!

— Воин... Воин... — прошелестело над головами.

Властимир вскинулся. Под его взглядом псоглавцы один за другим падали на колени, отбрасывая оружие, а волки-звери опускали глаза.

— Отпусти нас! — робко попросил кто-то. — Прости, Воин... мы не знали, что ты...

Князь нашел глазами говорившего — это был самый молодой из всех, он очень боялся смерти.

— Отпусти, — заговорили вразнобой остальные. — Смилуйся, Воин! Мы уйдем еще дальше на восток и никогда не вернемся... И семьи свои уведем — скажи куда!..

Властимир смотрел на искаженные мольбой и страхом морды-лица своих бывших врагов. Сколько раз он в мечтах видел их смерть — они все должны были разделить участь своего вожака, который лежал у его ног в траве. Столпившиеся за их спинами звери жаждали крови. Трупы псоглавцев и волков валялись там и тут, напоминая, что исход битвы не ясен.

— Верите ли вы, — Властимир возвысил голос, перекрывая мольбы псоглавцев, — в то, что я — Воин, проклятье вашего рода?

— Ты! Ты! — согласно воскликнул хор голосов.

— Верите ли вы, что ваши жизни — в моих руках?

— Да! Так! — раздались крики, и на сей раз к псоглавцам присоединились и звери. — Приказывай, повелитель волков, — все исполним!

На краткий миг князю подумалось, что неплохо бы иметь хотя бы один отряд таких бойцов, тогда не только хазары — весь мир ему не страшен, — но тут же осадил себя: волки — его враги, они принесли ему горе и боль.

— Готовы ли исполнить мой приказ? — снова заговорил он. — Готовы!.. Приказывай! — закричали псоглавцы.

— Тогда слушайте меня! Властью вашего бога и вашего проклятья я приказываю вам немедленно уходить. Идите вон отсюда — вон из степей, на восток. Идите и никогда не возвращайтесь. Тот, кто нарушит мой завет, будет убит в тот же час, и ничто не послужит ему оправданием...

Он только протянул руку, как псоглавцы отпрянули в страхе.

— Бойтесь? — насмешливо усмехнулся князь. — Тогда повинуйтесь... А чтобы мне быть уверенным, что вы не обманываете меня, за вами следом пойдут мои слуги и проследят, чтобы вы ушли на восток!

С этими словами он махнул рукой, подзывая зверей. Начавшие скучать и позевывать волки опять сомкнули кольцо.

Псоглавцы сгрудились в кучу, со страхом взирая на зверей. Видя, что их боятся, волки осмелели.

— Вести их, как хороший пастух ведет стадо, — заговорил князь, и звери остановились, оглядываясь на него. — Убивать лишь тех, кто нарушит мой приказ и свернет с дороги... Проводите их за Итиль, а там — как хотите!

Звери, голодными глазами глядя на спины псоглавцев, тронулись за ними, пристраиваясь позади. Несколько волков все же задержались на опушке, оглянулись — и в их зрачках князь прочел звериную слепую ярость. Эти звери тоже повиновались ему. Они не могли поступить иначе — какая-то неведомая для человека сила удерживала их.

Два всадника выехали из леса, но не приблизились к князю, пока почти все волки не скрылись из глаз.

Властимир не оглянулся на друзей — он знал, что это могут быть только они. Он думал о Рате и о его судьбе — что с ним будет, когда стаи волков, подчиняясь его приказу, нападут на других псоглавцев, не разбирая правого и виноватого. Звери погонят на восток всех, и многие невинные будут убиты. А среди них окажутся и те, кто был к нему добр и чьим гостеприимством он пользовался... Все это мешало Властимиру сейчас радоваться победе.

Буян, угадав, что было на душе у друга, молча стиснул его локоть.
— Что ж раньше-то не явились? — не оборачиваясь, спросил князь.
— У нас свое было дело, — отмолвил гусяр. А ты должен был прийти сюда один...
Властимир кивнул своим мыслям.
— Вы все видели?
— Более того — мы обо всем знали.
— Значит, и звери?..—Властимир впервые оглянулся на друга.
— Звери — это вон их работа. — Буян кивнул назад. Князь обернулся — в траве сидели Явор с Яроком, ухмыляясь и склонив головы набок в одинаковом жесте. Раньше Властимир не мог выделить их из стаи, но теперь, когда близнецы приняли человеческий облик, для него многое стало ясно.
— За подмогу благодарствую, други, — сдержанно отмолвил он. Близнецы ухмыльнулись.
— Мы ради тебя, княже, на многое готовы, — молвил Явор. — Что ни прикажешь — все исполним, только пожелай!
Ярок согласно закивал, подтверждая слова брата.
— Все, говоришь?.. Тогда что же вы сидите? — отозвался князь. — Бегите за Веденеей!

ЭПИЛОГ

Изнутри толкнув тяжелую, косо поставленную дверь, Веденеея вышла из низкой, наполовину вросшей в землю избышки.

Начинался еще один день, и надо было жить дальше. Покуда Млава прибиралась, Веденеея отправилась по воду.

Лесная тайная заимка, в которой уже несколько лет жила старая подруга Веденеи, стояла в глуши. Лишь раз в несколько дней навещался сосед-изгой, у которого две женщины коротали эту зиму, — подправить что или помочь с дровами и лучиной. Все остальное женщины делали сами. Кроме того, Млавины близнецы все время бродили поблизости, не оставляя мать и знакомицу надолго.

Но вот уже несколько дней, как они исчезли и не показывались, Млава научилась отличать голоса сыновей-оборотней от воя обычных волков, а уж Веденеея умела это давно. Волки и теперь по временам завывали в чаше, но знакомых напевов слышно не было. Впрочем, близнецы могли податься по весенней поре к своим подружкам — времена стояли спокойные, и женщины не слишком беспокоились о них.

Иные думы не отпускали Веденею. Второй год не было вестей из Резани — жив ли Властимир, что с ним. Она к весне почти поверила, что его нет на свете, хотя Явор с Яроком и успокаивали ее. Сказывали, что отправился он в земли дальние, а зачем — того не ведают. Ежели так долго нет его, знать, сложил где голову, а ей век одной вековать да сына в одиночку поднимать.

Мальчику сравнялось два года, недавно пошел третий. Он уже лопотал что-то и, косолапя, бродил по избе. Млава возилась с ним, как с родным, а у Веденеи при виде этого наворачивались слезы горечи за себя и подругу.

Легкий шорох распрямляющейся травы отвлек Веденею от тяжких дум. Она обернулась — и выронила ведро.

В трех шагах от нее из травы поднималась лохматая голова.

Обе женщины так отвыкли от посетителей, что сперва Веденеея подумала про медведя. Но неожиданный гость приподнялся, и она с облегчением узнала Ярока. Оборотень улыбался довольно. Чуть позади него вставал его брат.

— Вы? — только и смогла спросить Веденеея.

— Они самые. А ты кого еще ждала?

— Нет. — Ведунья покачала головой. — Кого мне ждать?.. Сами ведь знаете..
— Сын где? — заговорил Явор, подходя ближе.
— В избе. С Млавой...
— Собирайся, княгиня. — Явор коротко поклонился. — За тобой мы. Гонцами...
Веденя ахнула и тихо опустилась на траву.
— Он... жив? — выдохнула одними губами.
— Жив и здоров. Нас за тобой снарядил — ждет, измаялся.
— Ох! — Веденя прижала рукой забившееся сердце. — А уж я и гадать боялась — а ну как выйдет, что не свидеться нам на этом свете?

Она вдруг осеклась и привстала, насторожившись. Явор и Ярок переглянулись понимающе. По лесу гулко стучали звонкие копыта — кто-то во весь опор скакал к лесной избушке. Всадник явно был не один — это стало слышно через несколько секунд.

— Торопил он нас, поторапливал, — напевно говорил Явор, — а как мы в путь отправились, так и дня на месте усидеть не сумел — соколом полетел, враз догнал.

Веденя поднялась навстречу мелькающей вдалеке белой тени.

— Млава, — низким голосом позвала она. — Выйди. Гости у нас дорогие.

На прогалину вылетел отряд — десятка два воинов. Скакавший впереди всадник резко осадил коня. Они увидели друг друга одновременно. Веденя вскрикнула и бросилась к князю. Соскочив с седла, он подхватил ее в объятия, жадно отыскивая губы.

Из избушки тихо вышла Млава, неся на руках мальчика. Немного постояв в стороне, она приблизилась и передала ребенка на руки его отцу.

Приняв сына, Властимир поднял его и посадил в седло. Впервые оказавшись так высоко, тот притих, вцепившись в луку обеими руками.

— Будет воином, — довольно молвил Властимир. — Расти, Всегнев, будущий владетель земли нашей!